

Л.Н.КУТАКОВ

РОССИЯ
И
ЯПОНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

СССР И СТРАНЫ ВОСТОКА

Редакционная коллегия

чл.-кор. АН СССР М. С. Капица,
чл.-кор. АН СССР Г. Ф. Ким
(руководитель работы),
акад. А. Л. Нарочницкий,
д-р филос. наук М. Л. Титоренко,
акад. С. Л. Тихвинский,
д-р ист. наук Н. А. Халфин,
д-р ист. наук П. М. Шаститко
(зам. руководителя работы)

Л.Н.КУТАКОВ

РОССИЯ
И
ЯПОНИЯ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1988

Ответственные редакторы
И. А. ЛАТЫШЕВ, Д. В. ПЕТРОВ

Рецензенты
В. Ф. МАЛЬЦЕВ, К. О. САРКИСОВ

В монографии в обобщенном виде излагаются и анализируются русско-японские отношения в XVIII—начале XX в. Книга содержит богатый фактический материал.

К 0505030000-049 41-88
013(02)-88

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1988.

ВВЕДЕНИЕ

История отношений между Россией и Японией привлекает и поныне большое внимание не только научных кругов, но и широкой общественности Японии, США, Китая и других стран. Она стала объектом острой идеологической борьбы между силами реакции и прогресса. Определенные японские политические круги, публицисты и ученые при идеологической поддержке со стороны буржуазной историографии США, Англии, ФРГ, а также некоторых других стран предпринимают попытки исказить историю русско-японских, а затем и советско-японских отношений. При этом преследуются вполне определенные политические цели — оправдать враждебным интересам мира курс политики своих правительств ссылками на «русскую угрозу», «извечную агрессивность» России. Обвинения России в захватнической политике в отношении Японии широко эксплуатировались дипломатией западных держав (Англии, Голландии, Франции, США) еще в XIX в. для создания помех в установлении и развитии русско-японских отношений. После второй мировой войны тенденциозно подобранные исторические материалы привлекаются, в частности, для подкрепления незаконных территориальных притязаний японских правящих кругов к Советскому Союзу. В официальных документах и заявлениях японского правительства, выступлениях политических лидеров, в научной литературе всемерно подчеркивается якобы исконно враждебная политика России по отношению к Японии. Однако анализ архивных документов и других источников и литературы на русском и иностранных языках позволяет воссоздать подлинную историю отношений между Россией и Японией за более чем двухвековой период. Все указанные выше материалы доказывают мирный характер политики России в отношении Японии — от установления первых контактов в начале XVIII в. до того времени, пока интересы правящих классов обоих государств не стали сталкиваться в борьбе за влияние на Азиатском континенте в конце XIX в. И даже после русско-японской войны, которая была развязана японскими милитаристами, русское правительство не вынашивало планов нападения на Японию.

Внешняя политика любого государства определяется не произвольными решениями правительства или дипломатов, а

внутренней политикой и в конечном счете опосредственно социально-экономическим положением в стране. Исходя из этого, автор не ограничивался описанием внешнеполитических событий, а старался (насколько позволяли имеющиеся источники и объем исследования) показать их причины. Как известно, отношения между государствами складываются не только на основе политико-дипломатических контактов. Существует широкий спектр экономических и культурных отношений, взаимодействие всевозможных факторов и связей. В международных отношениях проявляется и уровень социально-экономического и научно-культурного развития государств. Все это потребовало от автора кратких экскурсов в историю социально-экономического, научного и культурного развития обеих стран.

Стремясь решить поставленные проблемы на основе самостоятельного анализа источников, автор в то же время стремился подвести некоторый итог исследованиям советских и зарубежных историков, касавшихся этой темы.

Наибольшее внимание в монографии уделено вопросам слабо изученным или вызывающим острые идеологические споры. Проблемы же достаточно разработанные в советской исторической литературе освещены сжато, в той мере, в какой это было необходимо для того, чтобы сохранить канву изложения и создать фон той международной обстановки, в которой развивались русско-японские отношения.

Большой исторический период, взятый для исследования, при всей трудности охвата многочисленных проблем, возникавших в отношениях двух стран, дает возможность проследить основные этапы и направления русско-японских отношений, выявить их характер и определить их место и роль в общем комплексе международных отношений, особенно в Азии.

Если взглянуть на основные направления развития отношений двух стран в контексте международно-политической обстановки в рассматриваемый период, то их можно свести к следующим положениям.

В XVI—XVIII вв. борьба за торговое и политическое преобладание составляет основное содержание дипломатической деятельности европейских государств. Успех в этой борьбе выпадает в большей или меньшей степени на долю тех стран, которые идут по пути реформ и хозяйственного развития. В первой четверти XVIII в. все активнее включается в международную жизнь на востоке Европы и Россия. При участии русского государства отныне решаются внешнеполитические проблемы Прибалтики и Ближнего Востока. Поощрение промышленности и торговли, осуществлявшееся Петром I, способствовало развитию капиталистических отношений. Система меркантилизма служила программой не только внутренней, но и внешней политики, что способствовало росту международного влияния России. Новейшие исследования японских ученых показы-

вают, что позднее в Японии осуществлялись реформы по образцу тех, которые проводил в России Петр I.

Экономическая политика Петра и его преемников способствовала развитию хозяйства страны и укреплению ее военной мощи. Русская военно-феодальная империя успешно справляется с решением исторических задач русской внешней политики на берегах Балтийского и Черного морей. Ее интересы выходят за пределы Европы и Ближнего Востока. Возрастает интерес к теплым восточным морям. Отважные землепроходцы, наследники Ермака, или (как их в те времена называли) «ермацкие детишки» — Семен Дежнев, Михаил Стадухин, Василий Поярков, Владимир Атласов и др., — уже с середины XVII в. устремились на морские пути, ведущие к открытию неведомых земель. Они проходили из Ледовитого океана в Тихий, на Камчатку и северо-западное побережье Америки. В середине же XVII в. русские начали исследование Сахалина и Курильских островов. В первой трети XVIII в. русские землепроходцы и путешественники (В. И. Беринг, М. П. Шпанберг и др.) начинают прокладывать пути в Японию. Русское правительство хотело наладить с Японией взаимовыгодную торговлю, чтобы продавать японцам продукты рыбного промысла и охоты (рыбу, китовый жир, пушнину), а также мануфактурные изделия взамен продовольствия и других товаров, необходимых населению Дальнего Востока и тихоокеанских владений.

Такой обмен был бы взаимовыгоден. Русские освобождались от необходимости обеспечивать снабжение Дальнего Востока и Сибири из Европейской России морским путем, вокруг света, или через Сибирь, по бездорожью, конной тягой. Японии не нужно было бы покупать товары и сырье втридорога у голландцев, пользовавшихся монопольными правами торговли в Японии. Русские суда также нуждались в незамерзающих гаванях, где могли бы переждать штормовую погоду, произвести необходимый ремонт, пополнить запасы воды и продовольствия. Ускорились бы экономическое развитие русского Дальнего Востока и Восточной Сибири, а также Северной Японии (о-в Хоккайдо, северо-восток Хонсю). Однако все попытки русских установить торговые отношения с Японией разбивались о ее политику самонезависимости, проводимую с 40-х годов XVII в. ее феодальными правителями.

Понадобились более чем вековые усилия со стороны России, чтобы установить торговые и экономические отношения с Японией. В отличие от западных держав (США, Англия, Франция) Россия старалась мирным путем добиться открытия японских портов, не вмешивалась в ее внутренние дела, не участвовала в интервенции западных держав в период гражданской войны 50—60-х годов XIX в. Россия единственная из великих держав не посылала свои корабли для бомбардировки Кагосима и Симоносеки, русские солдаты не высаживались в Хёго, Иокогама, Йокосука, Нагасаки, Хакодате. Россия воз-

держивалась от многих интервенционистских действий. Выдающийся японский революционер Катаяма Сэн писал, что «в общем и целом Россия вела мирную политику и добивалась открытия японских портов дипломатическим путем» [266а, с. 16]. Мирным путем Россия старалась решать и территориальные споры с Японией.

Взаимоотношения европейских держав в XIX в. стояли в центре международной политики. В Европе после разгрома наполеоновской империи вплоть до Крымской войны 1853—1855 гг. преобладающие позиции занимала Россия. Усиление международного влияния России — следствие ее решающей роли в разгроме наполеоновской Франции. И после войны Россия содержала большие армию и флот. Гораздо слабее были ее позиции в Восточной Азии и на Тихом океане. В Европе в борьбе с национально-освободительным и революционным движением царизм долгое время сотрудничал с Австрией. В восточном вопросе их разделяли противоречия. На Ближнем Востоке интересы России сталкивались с интересами Англии. Несмотря на общий реакционный курс политики Николая I, Россия поддерживала национально-освободительное движение славянского и греческого народов против турецкого владычества.

До середины XIX в. русское самодержавие сохраняло относительную прочность. В России не было развитой и политически зрелой буржуазии, способной оказывать сколько-нибудь серьезное влияние на внешнюю политику царизма. Многомиллионное крестьянство было угнетенным и бесправным. Крестьянские восстания, разрозненные и плохо подготовленные, легко подавлялись царскими войсками и не могли серьезно ослабить царский режим.

Техническая и социально-политическая отсталость России по сравнению со странами Западной Европы обусловила ее поражение в Крымской войне. После Крымской войны влияние царской России на дела Западной Европы стало уменьшаться. Значительно возросло влияние бонапартистской Франции и Англии.

Реформы 60-х годов и начавшееся превращение дворянско-крепостнической Российской империи в помещичье-буржуазную монархию сказались на характере внутренней и внешней политики России. Развитие промышленности в России после реформ 60-х годов содействовало повышению интереса буржуазных кругов к внешним рынкам, в том числе и дальневосточным. Бурное развитие промышленности в ряде стран Европы содействовало обострению борьбы за внешние рынки и за раздел мира между капиталистическими державами. Их колониальная экспансия втягивала в орбиту своей борьбы и страны Дальнего Востока.

Внешняя политика и дипломатия феодальных монархий Дальнего Востока отвечали интересам их господствующих клас-

сов. В их задачу входило в известных пределах оказывать сопротивление иностранным колонизаторам и использовать противоречия между ними. Но опасаясь своих народов и их выступлений правители в конечном счете шли на заключение соглашений с западными колонизаторами за счет своих народов и вопреки их интересам. Характерными чертами дипломатии ряда государств Дальнего Востока, в том числе и Японии, были замкнутость, неразвитость форм дипломатических отношений между суверенными государствами, сопротивление созданию постоянных дипломатических представительств. Феодалная отсталость государств Востока, антинародная политика правящей верхушки обусловили их поражение в колониальных войнах и вынужденные уступки перед нажимом колониальных держав. «Опиумные войны» в 40—50-х годах XIX в. положили начало превращению Китая в зависимую страну. В 50-х годах Япония была принудительно вовлечена в торговые и дипломатические отношения с западными капиталистическими странами, ей были навязаны неравноправные договоры.

Установление политических и экономических отношений между Россией и Японией происходило на иной основе. Японские феодалы с конца XVIII в. начали теснить русских поселенцев в южной части Курильских островов, присоединенных к России во второй половине XVIII столетия. Японские отряды стремились силой подчинить себе территории, издавна освоенные русскими. Действия японцев не признавались русским правительством. Однако отдаленность этих владений от центра, слабость военных и экономических позиций России на Дальнем Востоке, широкая экспансия Англии, Франции, а позднее и США в этом регионе вынуждали царское правительство уступать свои позиции на далекой восточной окраине.

Переговоры об установлении дипломатических и торговых отношений между Россией и Японией в 1854—1855 гг. происходили во время неудачной для царизма Крымской войны. В северо-западных районах Тихого океана господствовал англо-французский флот, создавая угрозу захвата русских островных владений. Все это не могло не сказаться на результатах переговоров. Хотя в договор 1855 г. и были включены те же положения (открытие некоторых портов, торговая регламентация, открытие консульств и др.), что и в договорах Японии с США и Англией, Россия все же пошла на существенные неоправданные уступки в территориальном размежевании, отдав Японии часть издавна освоенных владений в южной части Курил. Здесь необходимо отметить, что в последующие годы при решении торгово-экономических и территориальных проблем Россия в отличие от западных держав не прибегала к угрозам и военным средствам давления на Японию. Мирный характер русской политики объяснялся главным образом желанием России иметь в лице Японии лояльного соседа. Кроме того, царская дипломатия опасалась, что Англия, Франция и США, ее соперники в

борьбе за влияние на Дальнем Востоке, могут воспользоваться любым обострением русско-японских отношений для провоцирования крупного вооруженного конфликта, который вынудит Россию отвлечь свои дипломатические, материальные и военные силы от Западной Европы, Ближнего и Среднего Востока, где, по мнению царизма, лежали основные интересы русского государства.

Во второй половине XIX в. Россия оставалась страной экономически отсталой по сравнению с наиболее развитыми капиталистическими странами. «В России, — писал В. И. Ленин, — капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Маньчжурии, Монголии, но вообще в России преобладает военный и феодальный империализм» [21а, с. 317—318].

В Японии после революции Мэйдзи, в 1868 г. бурный рост капитализма привел к появлению империалистических монополий. Эти процессы, однако, происходили при сохранении многочисленных феодальных пережитков. Буржуазные реформы носили чрезвычайно узкий, ограниченный, половинчатый характер. Как и в России, в Японии сложился военно-феодальный империализм. В этих странах, указывал В. И. Ленин, «монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и пр. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала» [23, с. 174].

Быстрый индустриальный рост ранее отсталой Германии, развитие германского империализма, наводнившего рынки своей промышленной продукцией и вступившего в борьбу за колонии с ведущими империалистическими державами, привели к резкому обострению межгосударственных противоречий в Европе, а затем и во всем мире.

В поползновениях Германии добиться гегемонии в Европе Англия усмотрела для себя опасность. Борьба же за колонии еще более обострилась. В конце века разгорелись антагонистические противоречия между сильнейшим и наиболее агрессивным германским империализмом и самой могущественной в то время колониальной английской державой, контролировавшей многие колонии, рынки и морские пути.

На Дальнем Востоке в конце XIX в. ситуация сложилась несколько иная. Главную опасность для своих империалистических интересов Англия и США, ставшие к тому времени крупнейшей индустриальной державой, видели в России. Японию они рассматривали своим возможным союзником. Положение России в Европе укрепилось после успешного окончания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Для закрепления своих позиций русское правительство в 1881 г. пошло на возобновление австро-русско-германского договора, так называемого Союза трех императоров¹. Он должен был обеспечить тыл России для решения насущных задач на Среднем и Дальнем Востоке,

где Англия развернула бурную активность. Английские агенты провоцировали афганского эмира и турецкого султана на выступления против России. Англичане добивались согласия Турции на то, чтобы пропустить их флот в Черное море для высадки десантов в Одессе и на побережье Кавказа. В 1886 г. крупная английская эскадра была направлена для нападения на Владивосток. Конфликт был улажен мирным путем, но русскому правительству стало ясно, насколько опасно оставлять Дальний Восток беззащитным перед английской угрозой. Было решено ускорить осуществление программы, принятой в 1882 г., о сооружении большого Тихоокеанского флота, однако средств выделялось всего на 8 канонерских лодок и 6 миноносцев, тогда как для Балтийского флота программа предусматривала строительство 16 броненосцев, 13 крейсеров и 100 миноносцев, для флота Черного моря — 8 броненосцев, 2 крейсера и 100 миноносцев [192, с. 514]. Усилить свои экономические и военно-стратегические позиции на Дальнем Востоке русское правительство надеялось за счет строительства Сибирской железной дороги, укрепления береговой обороны (решение о строительстве было принято еще в 1885 г.).

Царское правительство, очевидно, недооценивало агрессивность японской политики в отношении Китая и Кореи и рост вооруженных сил Японии. Судя по дипломатической переписке русских представителей в Токио с Петербургом, правительство было недостаточно осведомлено о намерениях Японии в Корею и на всем Дальнем Востоке. Все же в 1890 г. было решено ускорить строительство Сибирской железной дороги, а в 1891 г. довести ее до побережья Тихого океана. Но ее сооружение началось лишь в 1893 г., крепости во Владивостоке — в 1890 г.

Нападение Японии на Китай в 1894 г., разгром китайского флота и поражение китайских войск заставили царских чиновников встревожиться. Учитывая быстрый рост морских и сухопутных сил Японии, новая программа военно-морского строительства (1895 г.) предусматривала увеличение Тихоокеанского флота до 14 больших кораблей. Предполагали, что связь с центром через Сибирскую дорогу, а также новый флот обеспечат оборону Приморья и других дальневосточных рубежей. Мероприятия России по укреплению обороноспособности подталкивали Японию к осуществлению экспансии в Китае и Корею до того, как Россия сможет помешать этому.

Новый характер отношений двух стран сложился в эпоху империализма, когда обострилась борьба великих держав за передел колоний, сфер влияния и рынков сбыта. Вступление Японии в борьбу за раздел, а затем и передел мира обострило положение в Азии, особенно в Китае, где соперничали Англия, Россия и США. Наибольшей остроты достигли русско-японские противоречия. Англия и США провоцировали Японию на войну против России. Японский империализм, развязав войну против России, вынашивал планы захвата ее территорий на Дальнем

Востоке. Россия же не покушалась на территорию собственно Японии, не планировала ее захватов.

Между русским и японским народами отсутствовали противоречия по коренным, жизненно важным проблемам. Это продемонстрировала известная дружественная встреча представителей революционного движения России и Японии — Г. В. Плеханова и Катаяма Сэн — на Конгрессе II Интернационала во время войны. Русский и японский народы не имели причин для вражды и стремились поддерживать мирные отношения, осуществлять взаимный обмен достижениями культуры, науки и техники. Взаимодействие двух культур лишь обогатило обе нации. Русская литература, искусство, философия оказали огромное влияние на демократическое движение в Японии и передовые слои японского общества. Достижения русских ученых — географов, математиков, химиков, астрономов, русских кораблестроителей оказали большую помощь в развитии науки и техники Японии.

Поражение царизма в русско-японской войне существенно изменило международную обстановку на Дальнем Востоке. Усилились позиции Японии, и упало влияние России. Серьезно ослабло международное положение России. Россия попала в финансовую зависимость от западного империализма, особенно французского, и была вынуждена заключить соглашения с Англией и Японией в 1907 г., уступив ряд позиций в Маньчжурии и Корее. Соглашения способствовали втягиванию России в англо-французскую Антанту, направленную против Германии как их общего соперника.

В результате последующих соглашений с Японией царизм вынужден был отступать и поступаться как своими империалистическими интересами в Китае и Монголии, так и русскими национальными интересами. Вынужденная нередко действовать с оглядкой на своих союзников, особенно в том, что касалось Дальнего Востока, Россия сохранила положение одной из великих империалистических держав.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России положила конец историческому периоду, когда капитализм был единой и всеохватывающей системой и его активность определяла международное положение. Октябрьская революция положила конец маневрам империалистов на Дальнем Востоке, использованию русско-японских противоречий в интересах своих монополий, в ущерб русскому государству. Рухнули планы японского, американского и английского империализма по отторжению от России Восточной Сибири, Камчатки, Чукотки и Сахалина.

* * *

Научное освещение истории русско-японских отношений возможно лишь на основе тех теоретических положений, которые были высказаны К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лени-

ным. Характеризуя феодальный способ производства, К. Маркс сослался на феодальную Японию как на образец сочетания крупного феодального землевладения с мелкокрестьянским хозяйством. Он дал четкую характеристику феодализму, господствовавшему в Японии в XVII—XIX вв. (см. [2, с. 729]).

Феодальный способ производства определял основные направления и особенности внешней политики японского государства. Консервация феодальных производственных отношений задержала процесс превращения Японии в централизованное капиталистическое государство. Это обусловило ее отставание от западных держав и России, предопределило ее неспособность отстаивать свою национальную независимость. В. И. Ленин отметил, что «Япония в 1863 году была нулем по сравнению с Россией» [25, с. 392]. Это замечание В. И. Ленина может служить характеристикой соотношения сил обоих государств в XVIII и первой половине XIX в.

Уже в XVIII в. в России развивались товарно-денежные отношения и начал складываться единый всероссийский рынок (см. [7, с. 153]). В конце XVIII в. определился мануфактурный период в развитии русского капитализма, а в первой трети XIX в. начался промышленный переворот. Русское правительство проводило меры по развитию внешней торговли, расширению путей сообщения, улучшению денежной системы. Протекционизм способствовал зарождению и развитию русской промышленности, но господство помещиков и условия крепостного хозяйства определяли медленный темп ее роста.

Развитие капитализма привело к изменению классового характера государственного строя России. Возросло влияние купечества, промышленников. Царизм в своей внешней политике стал руководствоваться интересами не только дворян, но и купечества. В. И. Ленин отмечал, что монархия XVII в. с боярской думой сменилась чиновничье-дворянской монархией XVIII в., а крестьянская реформа 1861 г. была первым шагом по пути ее превращения в буржуазную монархию (см. [14, с. 121; 15, с. 165—166; 16, с. 173—174, 177]).

Сохранение феодальных пережитков в социально-экономическом строе страны сказалось на формировании особого типа империализма в России. В своей работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин показал историческое значение развития капитализма «вширь» на восточных окраинах России и экспансии русского капитала на рынках Востока при сохранении помещичьего землевладения и самодержавия. Это предопределило затем переход к «военно-феодальному» типу империализма в России, в котором «новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических» [22, с. 378].

Что касается Японии, то В. И. Ленин подчеркивал факт неравномерно быстрого капиталистического развития этой страны и связанной с этим колониальной экспансии. Переход

феодалной Японии после революции Мэйдзи на путь капиталистического развития породил захватническую внешнюю политику Японии. «Это государство буржуазное, а потому оно само стало угнетать другие нации и поработать колонии» [19а, с. 262]. В Японии также сложился военно-феодалный тип империализма, что определило особенности внешней политики обоих государств и характер их взаимоотношений.

Ленинское учение об империализме и конкретные указания В. И. Ленина об основных особенностях внешней политики империалистических государств, а также его глубокие оценки важнейших международных конфликтов оказывают неоценимую помощь исследователям, занимающимся историей международных отношений. В. И. Ленин показал, какими путями шло развитие капитализма и совершался переход к империализму в России, Японии и других странах, что дает, в частности, возможность понять сущность и особенность их взаимоотношений и их колониальной политики в конце XIX — начале XX в. В. И. Ленин неоднократно отмечал реакционный и захватнический характер внешней политики Германии, царской России и Франции (см., например, [26, с. 86—88]).

Имевшиеся в нашем распоряжении документы и материалы подтверждают справедливость ленинских выводов.

Документальную основу настоящей работы составляют документы из Архива внешней политики России, Центрального государственного архива древних актов, Центрального государственного военно-исторического архива, а также публикации документов, касающихся предмета нашего исследования, вышедшие в СССР, Японии, Англии, США. Особенно ценные материалы, касающиеся Японии с конца XVII в., содержит Архив внешней политики России. Они включают докладные записки руководителей экспедиций на Дальний Восток, министров и губернаторов дальневосточных окраин, материалы о деятельности Российско-американской компании (с конца XVIII до середины XIX в.), а позднее, с установлением дипломатических отношений, донесения русских послов, посланников и консулов из Токио, Пекина, Хакодате, Нагасаки, а также письма и инструкции коллегии по иностранным делам, а затем министерства иностранных дел, межведомственную переписку и т. д. В делах Японского, Китайского и Тихоокеанского столов министерства иностранных дел России содержатся многочисленные донесения русских посланников, консулов и военных агентов из Токио, Пекина, Вашингтона, а также директивы и указания Петербурга. Весьма ценны сведения об агрессивных планах Японии в отношении Китая, Кореи и России, о попытках американской дипломатии вмешаться в русско-японские переговоры о Сахалине. Нельзя не отметить, что и русские дипломаты в Японии, и министерство иностранных дел России недооценивали нарастающую с конца XIX в. угрозу интересам России на Дальнем Востоке со стороны Японии.

Следует отметить разный уровень и качество документов, направлявшихся в Петербург. Часто это зависело от личности того или иного дипломата. Так, например, содержательные и интересные материалы первого русского консула в Хакодате И. А. Гошкевича (1858—1865) или русского посла в Японии Н. А. Малевского-Малевича (1908—1916) перемежаются поверхностными, порой совершенно наивными донесениями посланника в Японии М. А. Хитрово (1893—1896) накануне и в период японо-китайской войны.

Из документов, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов, особый интерес представляют материалы о поездках русских купцов и чиновников на Курильские острова, экономическом освоении последних и приведении в российское подданство их жителей. Так, материалы о поездках дворянина Ивана Антипина и «передовщика» Дмитрия Шабалина в конце 70-х годов XVIII в. на Курильские острова свидетельствуют об освоении их русскими. Поденные ведомости за 1778—1779 гг., хранящиеся в архиве, содержат сведения о большом числе жителей в южной части Курил, принявших российское подданство.

Исключительную ценность для изучения истории отношений между Японией и Россией, освоения в XVII—XVIII вв. русскими Курильских островов и Сахалина, стремления России установить добрососедские отношения с Японией представляет многотомное «Полное собрание законов Российской империи с 1649 года» [63], вышедшее в свет в 1830 г. В нем содержатся как законодательные акты, так и внутриведомственная переписка, записки министров, сенаторов и докладные императорам.

Богатый материал имеется и в собрании документов «Памятники сибирской истории XVIII века» [60], изданном в 80-х годах XIX в. Это собрание включает многие документы как центрального правительства, так и местных сибирских властей, содержащие сведения о попытках русских открыть путь в Японию и установить с ней торгово-экономические связи и добрососедские отношения.

МИД СССР предпринял капитальное издание документов министерства иностранных дел России за период с начала XIX в. В изданных до настоящего времени 13 томах (охватывающих первую четверть XIX в.) имеются документы, касающиеся деятельности Российско-американской компании и сибирских властей по освоению Курильских островов, Сахалина и других территорий на северо-западе Тихого океана, попыток преодолеть политику самоизоляции Японии и установить с ней дипломатические и торговые отношения [49].

Ценные материалы по истории русско-японских отношений в период империализма содержатся в советской публикации «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878—1917 гг.». В опубликованных 13 томах второй и третьей серии

включены документы за 1911—1912 и 1914—1916 гг. Переписка министерства иностранных дел России с русскими представителями за границей содержит материалы о дальневосточной политике России, Японии, США и Англии. В издание включены не только документы русских дипломатов, но и донесения иностранных дипломатических представителей в России, расшифрованные в министерстве иностранных дел.

Несколько подборок документов, содержащих материалы по международным отношениям на Дальнем Востоке, характеризующие политику империалистических держав в Китае и Внешней Монголии, а также русско-японские отношения, были опубликованы в журнале «Красный архив» (см. [53, 1926, т. 5, 1929, т. 6, 1932, т. 3, 1934, т. 2, и др.]). Тексты наиболее важных договоров и соглашений, относящиеся к взаимоотношениям государств на Дальнем Востоке, опубликованы в «Сборнике договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925)», составленном Э. Д. Гриммом.

Несомненный интерес представляет издание «Русская Тихоокеанская эпопея» [67], в котором собраны документы и материалы наших центральных архивов: Центрального государственного архива древних актов, Центрального государственного архива Военно-Морского Флота, Центрального государственного военно-исторического архива, Архива внешней политики России МИД СССР и др. Эти материалы показывают основные этапы в открытии и освоении русскими людьми земель Сибири и Дальнего Востока, свидетельствуют о приоритете России в освоении Амура, Сахалина, Курильских и Шантарских островов. Целый раздел посвящен истории формирования государственной границы России на Дальнем Востоке.

Что касается западных источников, то в многотомных официальных публикациях западных держав — Германии, Англии, Франции, — содержащих многочисленные документы, относящиеся к периоду, предшествовавшему первой мировой войне, сравнительно мало материалов по дальневосточной политике и русско-японским отношениям (см. [95; 92; 96]). Поводом для первой мировой войны послужил конфликт на Балканах, поэтому составители сборников больше всего места отвели документам по Ближнему Востоку и европейским конфликтам между великими державами. Подлинные причины обострения международной обстановки — борьба монополий за раздел и передел мира — остаются невыявленными. Опущены и многие другие документы, проливающие свет на истинные цели политики этих держав в отношении России и Японии.

Британская публикация содержит некоторые материалы (т. 4 и 8) об англо-русских отношениях накануне и после русско-японской войны и поддержке английской дипломатией агрессии Японии против Кореи, Китая и развязывания ею войны против России.

Из французской публикации для нашей темы интересны материалы второй (1901—1911) и третьей серий (1911—1914), показывающие, как французская дипломатия с целью вовлечения России в активную борьбу против Германии активно содействовала русско-японскому «примирению» после заключения Портсмутского договора 1905 г.

Документы по дальневосточным проблемам содержат официальные публикации государственного департамента США («Foreign Relation of the United States»), издающиеся по годам. Однако в этих публикациях некоторые важные документы отсутствуют или помещены с сокращениями. Документы подобраны тенденциозно, с целью скрыть захватнический империалистический характер американской внешней политики.

Эта оценка в полной мере относится и к опубликованному в 1961 г. сборнику документов по внешней политике США за 1776—1960 гг. [98а]. Определенный интерес представляют протоколы американского конгресса («Congressional Record»), включающие ежегодные послания американских президентов о положении страны, внешней политике, дебаты по поводу японо-американских отношений и т. п. Эти материалы позволяют судить как о целях правительственной политики, так и о борьбе внутри правящих кругов по вопросам отношения к Японии, России, Китаю и другим дальневосточным странам.

Ряд коллекций документов по внешней политике Японии разных эпох издан в Японии. Среди них следует отметить «Сборник древних актов Японии. Документы о внешних сношениях в период Бакумацу» [81], «Летопись периода реставрации» [89], «Сборник материалов по истории дипломатии» [79]. В них содержатся некоторые материалы, касающиеся установления отношений Японии с Россией, об отношениях центральных властей с местными князьями на севере о-ва Хонсю, о-ве Хоккайдо, который не считался вплоть до конца XVIII в. частью Японии. Большой период внешнеполитической деятельности Японии охватывают изданные министерством иностранных дел «Документы по внешней политике Японии» [82].

Переводы японских источников XVIII и начала XIX в. по истории русско-японских отношений были опубликованы Д. А. Позднеевым в труде «Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России». Д. А. Позднеев отмечает стремление некоторых японских кругов представить продвижение русских к берегам Тихого океана в ложном свете, как угрозу безопасности Японии. «От русского историка, — пишет он, — изучающего японскую литературу по данному вопросу, требуется масса терпения и, я сказал бы, даже самоотвержения, чтобы подавать в себе естественное возникающее чувство негодования при чтении тысячи работ, в которых развивается, не стесняясь никакими соображениями и фактами, этот противоречивый мировой истории взгляд» [250, т. 2, с. 62].

Значительное количество документов и материалов публику-

ется в Японии после второй мировой войны, но они подобраны тенденциозно и имеют целью подкрепить территориальные притязания японских правящих кругов в отношении южной части группы Курильских островов, а также обосновать «исторические» права Японии на южный Сахалин.

Само собой разумеется, что документы царского министерства иностранных дел, так же как и японские документы, требуют строгого научного критического подхода. Так, нельзя отождествлять мнение того или иного дипломата или даже министра с общим правительственным курсом. Еще более строгого критического подхода требуют официальные правительственные заявления, маскировавшие подлинные цели захватнической политики необходимости «обороны» страны, «защиты» торговых интересов. Особенно лицемерный характер носят японские документы, оправдывавшие нападение на Китай в 1894 г. «защитой» независимости Кореи, нападение на Россию в 1904 г. — «защитой» интересов Китая и обороны японских границ и т. п.

Анализируя документы, автор стремился не только сличать декларации и практические действия правительств России и Японии, но и связывать их содержание с внутривнутриполитическим положением в этих странах. Так, при определении дальневосточной политики России принимались во внимание отсталость царизма, его финансовая слабость, зависимость от французских займов в конце XIX и начале XX в. В отношении Японии необходимо было учитывать своеобразность развития Японии, вызванную политикой самоизоляции, ее отсталость, позднее вступление на путь капиталистического развития, переплетение феодальных и капиталистических интересов во внешней политике, предопределившее особую агрессивность правящих классов Японии.

Сравнительно большое количество материалов по международным проблемам Дальнего Востока, в частности русско-японским отношениям, содержат газеты и журналы исследуемого периода, особенно с середины XIX в. Материал этот неоднороден, но он отражает внутривнутриполитическую борьбу по вопросам внешней политики. Довольно часто шумные кампании, которые поднимала пресса, инспирировались правительством или определенными группировками буржуазии, преследовавшими свои цели. Это особенно характерно для эпохи империализма, когда в России и в Японии сформировались буржуазно-помещичьи партии, отражавшие интересы различных слоев правящих классов. Для изучения внешней политики России наибольшую ценность представляет полуофициальная газета «Новое время», нередко публиковавшая статьи, отражавшие политику правительства (часть их инспирировалась министерством иностранных дел).

Материалы по вопросам русско-японских отношений публиковали также «Речь» — орган кадетов — и газеты крайне правого толка «Московские ведомости» и «Земщина». На Даль-

нем Востоке издавался ряд журналов. Особый интерес представляет еженедельник «Китай и Япония», выходивший в 1910—1917 гг. Он публиковал обзоры и переводы статей из китайских, японских, корейских, английских и американских газет и журналов, что позволяет познакомиться с прессой той эпохи в более или менее концентрированном виде.

В Японии после революции Мэйдзи стали выходить полуофициальные газеты «Кокумин» и «Токио ници-ници» (с 1873 г.), а после создания буржуазно-помещичьих партий — такие крупные газеты, как «Иомиури» (с 1874 г.), «Дзи-дзи симпо», «Майнити симбун» (с 1872 г.).

Наиболее важные статьи из прессы, отражавшие, по мнению русских дипломатических представителей, точку зрения правящих кругов, направлялись в Петербург.

Стали издаваться газеты на английском языке: «The Daily Mail» (с 1876 г.), «The Japan Daily Mail» (1888—1891) и др. Эти издания чаще всего публиковали подстрекательские антирусские статьи, стремясь отравить атмосферу в русско-японских отношениях.

Ценными источниками, особенно по тому периоду, когда официальные отношения между двумя странами еще не существовали, являются воспоминания, дневники, бумаги русских путешественников, моряков и торговцев. Часть их собрана в книге «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке». Изучение истории открытия и освоения Курильских островов и Сахалина невозможно без учета записок Степана Крашенинникова «Описание земли Камчатки», материалов об экспедиции русских офицеров Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова, записок капитана-лейтенанта В. М. Головнина.

Одна из первых официальных русских миссий, Н. П. Резанова, посетившего Японию в 1804 г. с целью установления дипломатических и торговых отношений, нашла довольно подробное освещение в его записках (см. [133а]).

Ценные сведения о Сахалине, о его значении для обороны русского Дальнего Востока, о переговорах с японцами по вопросу о Сахалине в 1856—1860 гг. содержатся в бумагах генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, изданных его биографом И. Барсуковым [186].

Богатством содержания отличаются статьи и книги о Японии русского прогрессивного публициста и ученого М. И. Венюкова, офицера главного штаба (см. [197; 197а; 197б]).

Многочисленные статьи и материалы о положении на о-ве Сахалин, в Сибири и прилегающих к ней странах Восточной Азии публиковались в «Записках Императорского Российского географического общества» (см. [101а]). Для понимания взглядов русских промышленников и купцов относительно рынков Востока большой интерес представляют труды Общества для содействия русской промышленности и торговли, в частности доклады видного деятеля общества Н. Шаврова. Нередко

позиция общества оказывала влияние на принятие царским правительством тех или иных решений по вопросам внешней политики. Особенно возросло влияние промышленников и банкиров на внешнюю политику царизма со вступлением России в эпоху империализма.

Заметный вклад в освещение положения на Дальнем Востоке внесли великие русские революционеры-демократы Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, А. И. Герцен, передовые русские писатели Л. Н. Толстой, И. А. Гончаров. Они резко критиковали захватническую политику Англии, варварское обращение западных колонизаторов с народами Китая и Индии, реакционную политику царизма. Но вместе с тем они высоко ценили трудовую деятельность русского народа по освоению дальневосточных окраин России, признавали большое значение воссоединения русских территорий Приамурья и Южно-Уссурийского края, видели важное значение этих районов для развития России и укрепления ее позиций на Тихом океане.

Большой интерес для изучения политики России на Дальнем Востоке представляют мемуары С. Ю. Витте [108а] — крупнейшего государственного деятеля царской России в конце XIX и начале XX в. Будучи министром финансов (1892—1903), он более десяти лет играл ведущую роль в осуществлении дальневосточной политики России. Влияние С. Ю. Витте в этой области отчасти определялось тем, что в экспансии на Дальнем Востоке большую роль играли железнодорожное строительство, финансовое закабаление Китая и привлечение французского капитала для этих целей. В течение ряда лет С. Ю. Витте являлся как бы посредником между государственной казной и международной биржей, где его хорошо знали и ему доверяли.

С. Ю. Витте, в частности, раскрывает причины, в силу которых Россия после заключения Портсмутского договора 1905 г. вынуждена была пойти на сближение с Японией и Англией. Об этих причинах пишет в своих воспоминаниях и русский военный министр В. Сухомятин, приводя данные о военной слабости России на Дальнем Востоке после русско-японской войны, вынудившей Россию пойти на уступки Японии [138].

Довольно многочисленны по теме исследования и японские материалы. Однако политика самоизоляции Японии, проводимая с 40-х годов XVII в., запрещение плавать за моря, иметь отношения с другими странами отрезали Японию от других стран, кроме Китая, более чем на два столетия и неизбежно отразились на характере литературы, касающейся внешних сношений. Первые японские исследователи посещали о-в Хоккайдо в конце XVII в., но остров не был хозяйственно освоен японцами и формально не входил в состав территории японского государства до конца XVIII в. Только в 1799 г. на юге острова была создана японская администрация. Японские исследователи, проникавшие на север от Хоккайдо, впервые посетили Курильские острова лишь в 80-х годах. Один из них, Могами

Токунай, с гордостью свидетельствовал, что был «первым японцем», ступившим на о-ва Итуруп и Уруп (1786 г.), т. е. значительно позже русских, в основном завершивших присоединение Курильских островов в 1755 г. На о-ве Уруп он встретил русских, которые отнеслись к нему благожелательно. Завязались даже дружеские отношения между представителями соседних стран. В 1798 г. Могами Токунай участвовал в экспедиции на о-в Итуруп, где японцы попытались установить свою власть, поставив столб с надписью о принадлежности острова Японии [315, с. 61—62, 149].

Путешествия японцев на Курилы, а с 90-х годов XVIII в. на южную часть Сахалина расширили географические представления в самой Японии, но внести мало нового в мировую картографию, особенно по сравнению с тем, что было достигнуто к тому времени русскими. Не могли они способствовать и установлению связей с Россией при том политическом курсе на строгую изоляцию, который проводили тогдашние правители Японии. Интересным источником, касающимся раннего этапа развития русско-японских отношений, явились записки о пребывании в России японцев, потерпевших кораблекрушение в 1783 г. Они получили возможность вернуться на родину с экспедицией А. Лаксмана в 1792 г. Затерявшаяся рукопись их рассказов, обнаруженная в 1900 г. в Киото, послужила для писателя Иноуэ Ясуси основой для документальной повести «Сны о России» [142].

Советский ученый В. М. Константинов исследовал текст рукописи, дал перевод и историко-лингвистический анализ документа. В нем содержатся свидетельства самих японцев о дружеском расположении к ним русских, о миролюбивой политике русского правительства в отношении Японии [120].

Большое внимание японские историки и публицисты, особенно в период русско-японских мирных переговоров в Портсмуте в 1905 г. уделяли путешествиям Мамия Риндзо. В 1808—1809 гг. он проник в южную часть Сахалина и «открыл» Татарский пролив, отделявший Сахалин от Азиатского материка [348а]. Русские открыли и присоединили остров еще в 1655—1656 гг., когда жители западного побережья стали выплачивать ясак русскому правительству, т. е. признали российское подданство. И. Ф. Крузенштерн в 1805 г. тщательно обследовал восточный берег Сахалина, заменив географические догадки западных путешественников (Де Фриза, М. Ф. Лаперуза и др.) точными данными.

Имя Мамия Риндзо стало известно в Европе после публикации «Записок капитана Головина» (1816 г.) и книги немецкого врача Зибольда (1832 г.), служившего в голландской фактории в Нагасаки. Значение «открытия» Татарского пролива Мамия Риндзо нельзя преувеличивать даже для Японии, поскольку материалы его путешествий были строго засекречены и стали доступны лишь в конце XIX в.

В конце XVIII в. появились сочинения ультранационалистического толка, проповедовавшие необходимость экспансии и захватов как средство выхода из того экономического и политического кризиса, который переживало феодальное общество. Хонда Тосиаки (1744—1825), ссылаясь на пример Англии, считал, что единственный путь к решению проблемы — приумножение пригодных для сельского хозяйства земель путем экспансии, направленной сначала на ближние острова, такие, как Курилы, Сахалин и архипелаг Бонин, а затем на Камчатку, Алеутские острова и в Северную Америку. Хонда Тосиаки настаивал также на колонизации Эдзо (с 1869 г. Хоккайдо), превращении Японии в империю. Он пытался влиять на политику правительства, направляя свои предложения главе правительства (см. [348]). Его произведения появились в печати лишь в 1888—1891 гг. Официально его заслуги были признаны лишь в 1924 г. С проповедью японской агрессии на север, юг и на Азиатский континент выступил Ёсида Сёин в 50-е годы XIX в.

Периоду после революции Мэйдзи посвящен целый ряд мемуаров японских политических деятелей и дипломатов.

Были опубликованы воспоминания Кавадзи Саэмон-но-дзё [153]. Он вел переговоры с Е. В. Путятиним, которые привели к заключению в 1855 г. первого русско-японского договора об установлении отношений между двумя странами. В книге содержится ряд интересных деталей о ходе переговоров и внутриполитической борьбе по вопросу о договоре.

Опубликовали свои воспоминания некоторые активные деятели революции Мэйдзи—Окубо Тосимити, Ито Хиробуми, Ивакура Томоми и др. В записках Ивакура Томоми показана борьба японского правительства за пересмотр неравноправных договоров в первые десятилетия после ликвидации сёгуната [143]. По инициативе Ивакура Томоми в столицы западных государств были направлены дипломатические миссии, которые безуспешно пытались добиться соглашения капиталистических государств на пересмотр договоров (см. [143, т. 2, с. 666—670]).

Многие исторические события в жизни Японии нашли отражение в мемуарах крупного государственного деятеля Японии Ито Хиробуми, занимавшего самые высокие правительственные посты. Однако они носят откровенно апологетический характер, направлены на оправдание захватнической политики Японии в Корее и Китае [144]. Захватническую политику Японии в Корее, начиная с 70-х годов пытаются оправдать в своих воспоминаниях посол в Англии Окубо Тосимити [151] и министр иностранных дел Японии Хаяси Тадасу [160]. В своих воспоминаниях министр иностранных дел Японии Муцу Мунэмицу много страниц уделяет дипломатической подготовке японо-китайской войны, переговорам с Россией и тройственному выступлению России, Германии и Франции в 1895 г., заставивших Японию вернуть Китаю Ляодунский полуостров с Порт-Артуром. Автор пытается оправдать крупные просчеты, допущенные япон-

ской дипломатией во время японо-китайской войны и мирных переговоров в Симоносеки в 1895 г. (см. [150; 143]).

Книга японского дипломата Исии Кикудзиро «Дипломатические комментарии» основана на личных впечатлениях автора о событиях начала XX в., участником которых он был. Как и упомянутые выше авторы, он оправдывает агрессивную политику Японии в Корее и Китае, а также нападение на Россию, особо подчеркивая роль японо-английского союза в возвышении Японии, занятии ею господствующих позиций на Дальнем Востоке [117, с. 47]. Исии Кикудзиро преувеличивает свою роль в заключении выгодного для Японии Портсмутского договора.

Большое количество материалов и документов содержится в биографиях государственных и военных деятелей Японии второй половины XIX и начала XX в. Ито, Кацура, Ямагата, Гото, Иноуэ, Тэраути и др. (см. [145; 152; 159; 146; 158; 156]). Эти труды требуют к себе особо критического подхода.

При всей ограниченности прав императорского японского парламента, созданного согласно реакционной конституции 1889 г., парламентские дебаты содержат ряд сведений, показывающих борьбу различных буржуазно-помещичьих группировок по определению тактики внешней политики, военному бюджету и т. п. [80], что дает возможность более глубоко понять некоторые внешнеполитические акции Японии, их классовую сущность.

В советской науке еще не создано работ по историографии международных отношений на Дальнем Востоке, и русско-японских отношений в частности. Историографические вопросы обычно рассматриваются лишь в очерках, предпосылаемых монографиям, или в рецензиях.

Анализируя большой круг английской, американской, французской и немецкой исторической литературы во введении к своему капитальному труду «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895», А. Л. Нарочницкий устанавливает общие закономерности и тенденции, характерные для буржуазных историков: стремление оправдать колониалистскую, захватническую политику капитализма. Это, пожалуй, в не меньшей, а даже в большей степени характерно для работ японских ученых.

Обострение международной обстановки порождает, как правило, повышенный интерес к проблемам международных отношений и увеличивает выпуск книг, посвященных не только текущим событиям, но и вопросам истории международных отношений. В буржуазной исторической литературе ярко проявляется влияние политической конъюнктуры: почти на каждом исследовании лежит отпечаток характера взаимоотношений того периода, когда была написана и издана книга.

Так, основная идея работы японского ученого Куно Ёси «Японская экспансия на Азиатском континенте», опубликован-

ной в период обострения советско-японских отношений, почти сразу же после нападения японских милитаристов на союзную нам Монголию на Халхин-Голе, сводится к совершенно несостоятельному утверждению о том, что Россия с 80-х годов XVIII в. будто бы всегда угрожала существованию Японии [384]. В своем исследовании автор останавливается на периоде до середины XIX в., так как в дальнейшем история навязывания Японии неравноправных договоров при ведущей роли США и Англии опровергает этот постулат сочинения. В работе вместе с тем содержатся сведения об агрессивных планах некоторых кругов Японии в отношении северо-восточных владений России, признается приоритет русских в освоении Курил.

Несостоятельными утверждениями об извечной «русской угрозе» по отношению к Японии проникнута книга Мотояма Кэйсэна «Триста лет русской агрессии» [317].

В подтверждение своих домыслов о характере русско-японских отношений в XVIII—XIX вв. некоторые японские историки приводят заявления лидеров реакционного самурайства о необходимости «обороны» Японии в связи с «угрозой с севера». При этом они не только искажают политику царской России, но и пытаются опорочить внешнюю политику Советского Союза (см. [338, т. 23, с. 123—175; 384, т. 2, с. 215—218, 227—228]).

В разгар второй мировой войны, когда японские милитаристы готовили нападение на Советский Союз, появились книги Нумада Итиро «История японо-русских отношений» [324], Накамура Дзэнтаро «История агрессии на Курильских островах и Сахалине» [320] и др. Направленность этих книг была четко охарактеризована японскими рецензентами. Один из них писал, что книга Накамура Дзэнтаро опубликована с целью обратить внимание японского народа на «северную проблему», поскольку «Россия с эпохи Петра Великого проводила политику решительного продвижения к побережью Тихого океана» [453, № 5, с. 360].

Миф об «угрозе с севера» широко использовался японскими идеологами для возбуждения антирусских, а затем антисоветских настроений в японском народе. После второй мировой войны он служит целям оправдания милитаризации Японии и ее участия в агрессивном военно-политическом блоке с США.

Среди подобного рода книг, пожалуй, счастливым исключением является книга Накамура Синтаро «Японцы и русские» [270]. Это — не исследование, но книга написана на основе изучения многочисленных японских, русских и советских работ. Автор сосредоточил внимание на описании истории контактов русских и японцев на протяжении более двух столетий. Развитие контактов между русскими и японцами изображено как проявление стремления России иметь дружественные отношения с Японией. Автор показывает и истоки версии об «угрозе с севера». Многие исследователи не сомневаются, пишет он, что голландцы примерно с 1772 г. предостерегали об опасности

продвижения России на юг, чтобы не допустить конкурентов в прибыльной торговле с Японией. Еще примерно в 1796 г., т. е. задолго до того, как весь о-в Хоккайдо стал территорией Японии, там была выпущена книга «Рассказы об опасности с севера» [270, с. 59, 121]. Миф об «угрозе с севера», или, как его теперь именуют, «советской угрозе», с заокеанского голоса широко пропагандируется реакционными японскими политическими деятелями, а также учеными с вполне определенными целями, не имеющими ничего общего с национальными интересами японского народа.

Большой интерес представляет вышедшая в свет в 1980 г. книга Корияма Ёсимити «Изучение истории японо-русских отношений в период Бакумацу». Автор признает, что во второй половине XVIII в. японские власти еще не имели четкого представления ни о Курильских островах в целом, ни о том, где проходит северная граница самой японской территории. Японское правительство в XVIII в. не считало японской территорией не только Курилы, но и северную часть Хоккайдо [310, с. 231, 319, 320].

Ряд японских исследователей, такие, как Сига Иосио [332], Фудзимото Хидэо [340], Нэдзу Масаси [325], Ватанабэ Акио [353], Вада Тосиаки [297], Сугимори Кодзи [334], дают в основном объективную картину развития русско-японских отношений, подтверждая неправомочность искусственного разделения Курильских островов на южные и северные, признают приоритет русских в открытии и освоении Курил.

Содержательна книга Иэнага Сабуро [213]. Автор стремится к познанию японской культуры в единстве составляющих ее элементов, а также ее отношений с рядом культур Азии и Европы. В ней подчеркивается плодотворность культурного обмена, способность японской культуры впитывать чужие культуры, оставаясь при этом самобытной.

Тенденциозный характер в освещении русско-японских отношений характерен для большинства американских и западноевропейских ученых. Стремление оправдать колониальную экспансию США, Англии, Франции и Германии и очернить действия России нашло отражение и в трудах известного американского историка Д. А. Ленсена. Он пытается оспаривать приоритет русских в открытии и заселении Курильских островов, а также Сахалина, отрицает исторические права русских на эти территории. Однако он вынужден признать, что в своих попытках добиться установления торговых и экономических отношений Россия никогда не прибегала к использованию вооруженной силы [389, с. 32—35, 69, 71, 162, 253]. В трудах Д. А. Ленсена содержится разнообразный, нередко оригинальный материал, представляющий интерес и для советских исследователей, в частности о культурных связях между русскими и японцами в XVIII—XIX вв., притягательности для японцев русской культуры и т. п. [386].

Американские историки, такие, как Дж. Стэфан, Я. Ким, Д. Кин, приводят достаточно объективные данные об истории Курильских островов, подтверждают приоритет русских в их открытии и освоении и вскрывают сущность проблемы территориальных притязаний правительства Японии к СССР (см. [403; 382; 214]).

Лейтмотивом большинства трудов американских и западноевропейских историков является защита политики своих правительств на Дальнем Востоке и в целом позиций империализма. Объясняя причины колониальных захватов империалистических держав, в частности Японии, реакционные буржуазные историки Японии, США, Англии, Франции и других стран широко используют антинаучные взгляды американского историка и социолога Г. Кона, состоящие в том, что главная движущая сила истории — национализм. Таким образом, агрессивная политика великих держав объясняется не интересами их господствующих классов, а интересами всей нации, стремящейся распространить свое влияние и культуру на другие народы. Так, причины агрессивности Японии пытаются объяснить деятельностью ультранационалистических и шовинистических обществ, игнорируя классовую природу и особенности японского империализма (см., например, [404; 367а]).

Стремление России к установлению торговых и дипломатических отношений с Японией, миссия Е. В. Путятина в эту страну в 1853—1855 гг. и связанные с ней трагические события в Симода, приведшие к гибели фрегата «Диана», всколыхнули общественное мнение России и вызвали повышенный интерес передовых людей к событиям на Дальнем Востоке. О Японии, Китае, Индии публиковались многочисленные статьи не только в Петербурге и Москве, но и в провинциальной прессе, особенно в Сибири. Усилился даже интерес к изучению Японии.

Революционные демократы видели будущее Востока в его свободном самостоятельном развитии. Они отвергали псевдонаучные рассуждения западноевропейских и американских ученых, утверждавших, что Восток не способен к возрождению, что цивилизаторскую миссию в Японии и других странах Азии должны выполнить европейские колонизаторы.

С гуманных, демократических позиций русские ученые и путешественники (среди них были видные деятели русской науки и культуры, такие, как К. И. Максимович, М. И. Венюков, А. И. Воейков, А. Н. Краснов, Д. К. Анучин, адмирал С. О. Макаров и др.) описывали Японию: быт и обычаи страны, историю, особенно бурные события 60-х годов XIX в. — (см. подробнее [100а; с. 193—203]).

В трудах русских ученых и путешественников содержалось много ценных наблюдений, важных выводов и обобщений. Вместе с тем в их работах отмечено немало ошибочных и спорных положений. Так, при рассмотрении социально-экономических характеристик страны и даже объяснении внешнеполитических

акций сильно переоценивалась роль природных условий, географического положения страны. На ряде трудов лежит отпечаток классовой буржуазно-помещичьей ограниченности, что говорит о принадлежности авторов к военным или чиновно-бюрократическим кругам России. Критика царизма шла с позиций различных недовольных правительственным курсом групп буржуазии и помещиков. Вместе с тем русским ученым нельзя отказать в остром и верном взгляде на экспансионистский характер политики Англии, США и Японии на Дальнем Востоке.

Научное исследование международных отношений, в частности между Россией и Японией, началось после Великой Октябрьской революции.

Советские историки создали немало трудов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. В монографиях В. Я. Аварина, А. Л. Гальперина, С. С. Григорцевича, А. Ф. Доброва, Е. М. Жукова, А. Л. Нарочницкого, Д. В. Петрова, Б. А. Романова, Г. Н. Севастьянова, Э. Я. Файнберг, В. М. Хвостова и др. получили глубокое освещение и марксистско-ленинскую оценку важнейшие проблемы международных отношений на Дальнем Востоке. В той или иной мере в указанных работах даны общие оценки русско-японских отношений (главным образом с середины XIX в.).

В капитальном труде академика А. Л. Нарочницкого «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895» [238] глубоко проанализирована политика России в отношении Японии в указанный период. Хотя автор не ставил своей целью (как он сам пишет) специальное исследование японской внешней политики, в работе содержится ее глубокий анализ.

Во втором томе «Истории дипломатии», написанной академиком В. М. Хвостовым, кратко рассматриваются международные отношения на Дальнем Востоке, в том числе и русско-японские отношения в 1871—1912 гг.

Коллективный труд «Международные отношения на Дальнем Востоке. 1840—1949», написанный группой известных советских историков — Г. Н. Войтинским, А. Л. Гальпериным, А. А. Губером, А. М. Дубинским, Е. М. Жуковым, Л. И. Зубком, А. Л. Нарочницким, — дает в общей форме научное освещение основных проблем указанной темы. Русско-японским отношениям в период с 1840 по 1917 г. в монографии уделено около 20 страниц. Несмотря на это, авторы смогли на ограниченном фактическом материале дать четкий анализ основных этапов развития русско-японских отношений за указанный период. Значительный материал по русско-японским отношениям содержится в монографии С. С. Григорцевича «Дальневосточная политика империалистических держав. 1906—1917», вышедшей в свет в 1965 г.

Однако специальных работ, посвященных истории русско-японских отношений за более чем 200-летний период, мало.

В книге Э. Я. Файнберг «Русско-японские отношения в 1697—1875 гг.» получила обстоятельное научное освещение история связей между двумя странами. Автор аргументированно показал их мирный характер. В работе, однако, не нашла достаточного отражения международная обстановка, влиявшая на внешнеполитические акции правительств. Более позднему периоду посвящена работа Л. Н. Кутакова. В монографии «Портсмутский мирный договор» наряду с дипломатической историей завершения русско-японской войны анализируется влияние Портсмутского мира на развитие русско-японских отношений в последующий период [223]. Ему же принадлежит ряд исследований по истории Курильских островов и русско-японских отношений в XVIII—XX вв. (см. [221; 222; 224; 225; 226; 228]).

В ряде работ К. Е. Черевко исследовались вопросы, связанные с формированием русско-японской границы, а также описывались ранние контакты между русскими и японцами (см. [286; 287; 288]).

История освоения Россией Сахалина и Курильских островов и ее отношения с Японией исследовались в монографиях Б. П. Полевого (см. [250а; 251; 252]).

Первоначальным контактам русских с японцами посвящены работы В. М. Константинова [217; 218], А. А. Преображенского [255], И. А. Сенченко, Ю. В. Георгиева [297а] и др.

В сборнике трудов академика Н. И. Конрада [216] проводится сопоставление некоторых явлений литературы Японии и Китая, с одной стороны, литератур Европы, и прежде всего России, — с другой, прослеживается связь между отдельными литературами, показан характер этих связей, особенно во взаимоотношениях русской и японской литератур, намечены черты общности и различий в историческом процессе их развития.

Для освещения истории культурного и научного общения русского и японского народов в данной работе использованы труды Н. И. Конрада, К. М. Попова, японского ученого Иэнага Сабуро и др.

В работах К. М. Попова показано становление и развитие национальной культуры японского народа. В них также нашли отражение вопросы развития культурных связей между Россией и Японией с XVII в. [254].

В кратком обзоре источников и литературы названы лишь наиболее крупные и известные издания на русском, японском, английском и французском языках.

В соответствующих ссылках по ходу изложения будут даны сведения о многих других работах, которые были использованы автором для подготовки настоящего труда.

Глава 1

РОССИЯ И ЯПОНИЯ В XVIII в.

Основные направления внешней политики России

В первой четверти XVII в. Московское государство, оправившись от последствий польско-шведской военной интервенции начала века, приобретает черты мощной абсолютной монархии. Уже в середине века Россия стала играть большую роль в политической жизни Восточной и Северной Европы. Ко второй половине столетия ни одна международная проблема в этом регионе уже не могла решаться без участия Московского государства.

Несмотря на то что перед Россией XVII в. в области внешней политики стояли *три основные* проблемы — оставались нерешенными вопрос о воссоединении украинских и белорусских земель, которые находились под властью Речи Посполитой, вопрос о выходе к Балтийскому морю и торговым путям к странам Западной Европы, вопрос о необходимости борьбы с Турцией и ее вассалом Крымом, претендовавшим на Украину (см. [212, т. 1, с. 227]), — внешнеполитическая деятельность Московского государства в юго-восточном и восточном направлениях заметно активизировалась. Борьба с Турцией из-за Украины способствовала установлению дружбы Москвы с историческим врагом Стамбула — Персией. К этому побуждали и торговые интересы: через Московское государство шел транзитный путь персидского шелка в страны Западной Европы.

К концу XVII в. наметились основные задачи, на решение которых была направлена внешняя политика русского государства в XVIII в.

В начале века они сводились к двум сложнейшим проблемам — той же турецкой, т. е. к борьбе за выход к Черному морю и обеспечению безопасности Украины, и шведской — завоеванию выхода к Балтике.

Петру I в начале своей деятельности удалось взять Азов, построить Таганрог, обеспечив тем самым контроль России над Азовским морем. Убедившись, однако, в невозможности в той международной обстановке пробиться к Черному морю, Петр I обратил основное внимание на решение так называемой шведской проблемы. Ништадтский мир 1721 г., завершивший полу-

торавековую борьбу России за Прибалтику, закрепил за русским государством Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с Выборгом. Мирный договор открывал для России возможность добрососедских отношений со Швецией.

Большой интерес проявлял Петр I и к Средней Азии, через которую шел транзитный путь в Индию; в 1721—1724 гг. провел успешную войну с Персией. Укрепление России в прикаспийских районах, переход на сторону России Грузии и Армении вызвали осложнения в отношениях с Турцией, которую подстрекали против России Англия, Франция и Венеция. Территориальное разграничение 1724 г. между Россией, Персией и Турцией закрепляло за Россией большую часть ее завоеваний, но вместе с тем усиливало враждебность к ней со стороны Англии, Франции и других держав, заинтересованных в завоевании новых рынков в Азии, в том числе и на Тихом океане.

Сам Петр I проявлял большой интерес к открытию и освоению новых земель на Востоке, выявлению полезных ископаемых и использованию их для развития экономики страны.

Уже в XVII в. в России развивались товарно-денежные отношения и начал складываться единый всероссийский рынок (см. [7, с. 153—154]). Помещичье хозяйство все более активно втягивалось в рыночные отношения. Расширялась внешняя торговля России. Возникали мануфактуры, строились предприятия по производству оружия и боеприпасов, создавалась крупная металлургическая база на Урале. В конце XVIII в. определился мануфактурный период в развитии русского капитализма.

Узость внутреннего рынка, скованного путами крепостнического хозяйства, подталкивала помещиков и купцов к освоению новых земель, поискам выходов к морям для сбыта продукции сельского хозяйства и мануфактур.

Эти факторы стали оказывать еще большее влияние на политику царского правительства, когда Петр I стал осуществлять важные мероприятия по развитию промышленности, торговли и укреплению обороноспособности страны. Отсюда появилась тяга к установлению торговых и дипломатических связей не только с западными, но и с восточными странами.

Активная внешняя политика русского правительства отражала те большие перемены в области внутреннего развития, в частности науки и культуры, которые переживала Россия. Без крупных изменений в экономике и в сознании правящих кругов вряд ли Россия проявила бы такую энергию в организации экспедиций по открытию и освоению новых земель.

Достижения в области науки (география, химия, геология, астрономия и др.) и культуры (просвещение, литература, печать и др.) в XVIII в. повышали интерес общества к открытию новых земель и народов, в частности в Восточном океане, как тогда называли Тихий океан.

В середине XVII в. русским стали известны первые сведения о Японии. В книге «Космография», завершенной в 1670 г.

в Холмогорском монастыре, целая глава («О Иапонии или Япон-острове») была посвящена Японии. В ней приводились данные о географическом положении страны, ее климате, флоре и фауне, естественных ресурсах, системе управления, занятиях, религии, нравах и обычаях народа и т. п. Ряд сведений был неточным и соответствовал уровню знаний того времени. Для интереса читателя приведем некоторые фразы из этого сочинения: «Японские люди многосмышлены... природою жестоко-нравны»; «Город Оссакая (Осака. — Л. К.) — славен и альможен (красив. — Л. К.)». В книге отмечается, что португальцы и испанцы приезжают в Японию для торговли, иезуиты основали семинарии и изучают христианские книги [122, с. 379—389].

Еще больший интерес вызывал соседний Китай, хотя между двумя странами в начале XVII в. лежали неосвоенные огромные просторы земель, не принадлежавшие ни русским ни китайцам.

В Приамурье, Приморье и даже в северной части Маньчжурии не было ни китайского, ни даже маньчжурского населения. Области были населены (притом крайне редко) местными племенами, совершенно отличными от китайцев в этническом отношении: даурами, эвенками, орочами, удэгейцами и др. Лишь временами появлялись там вооруженные отряды маньчжур, эпизодически собиравшие дань с местного населения. Точнее сказать, маньчжуры время от времени просто грабили население Северной Маньчжурии.

Русские стали проникать в Приамурье в начале и особенно в середине XVII в. Это была преимущественно крестьянская и казачья вольная колонизация земель. Лишь позже, следом за крестьянско-казачьим населением, появились в Приамурье царские власти. На Амуре и по его притокам казаки построили ряд укрепленных городков. Русская колонизация захватила не только левый, но и правый берег Амура и Аргуни, т. е. нынешнюю Северную Маньчжурию. Русские землепроходцы проникли и в Приморье, в нижнее течение Амура. Их основными занятиями были охота на ценного пушного зверя, рыболовство и лесные промыслы. Но вместе с тем русские поселенцы принесли с собой в этот край и хлебопашество. С их приходом впервые в этих областях появилась земледельческая культура.

В 40-х годах XVII в. маньчжуры (из Южной Маньчжурии), как известно, завоевали китайскую империю. Китайская династия Минов была свергнута, и в Китае водворилась маньчжурская династия Цинов. Укрепившись в Китае, Цины приступили к расширению своих владений, в том числе и в Приамурье.

Вторая половина XVII в. характеризуется многочисленными столкновениями, которые происходили между русскими и маньчжуро-китайцами в Приамурье, на южном, а затем и на северном берегу реки. Военный перевес был в целом на стороне маньчжуров, но борьба была упорной и длительной. Один из

основанных в Приамурье русских острогов — Албазин — был разрушен.

Московское государство с 1654 г., со времени первой миссии в Китай, не раз делало попытки завязать торговые и дипломатические связи с Китаем. Однако эти попытки не находили положительного отклика со стороны цинских властей, занятых упрочением своего господства в только что завоеванном Китае и начавших уже расширять свои владения за счет территорий соседних стран.

В феврале 1675 г. с дипломатической миссией в Пекин был направлен Николай Спафарий. Ему поручалось не только вести переговоры с цинскими властями, но и описать Восточную Сибирь, район Амура, Китай, а также собрать сведения об Индии и Японии, с которыми Россия хотела бы установить торговые отношения. К инструкциям, составленным Посольским приказом, были приложены «дополнения», в которых, в частности, давалась характеристика Японии. Это была первая официальная русская оценка японского государства, основанная в значительной мере на сведениях, содержащихся в книге «Космография». «„Иапония“, — говорилось в документе, — большой остров, лежит в 700 верстах к востоку от Китая, богат золотом, серебром и другими сокровищами». Японские обычаи и письменность схожи с китайскими. Отмечалось также, что японцы — «люди свирепые», они «казнили многих португальских и испанских иезуитов» (см. [190, с. 156]).

Н. Спафарий вернулся в Москву в 1678 г. и представил «описание» Китая, Амура, побережья Татарского пролива и Сахалина. В главе «Описание славного и великого острова Японского и что при нем обретается» приведены более достоверные сведения о Японии, чем те, которыми к тому времени располагал Посольский приказ. В главе «Сказание о великой реке Амуре, которая разграничила русское селение с Китайцы» указано, что Амур впадает в океан и против его устья лежит большой остров — Сахалин. «Вышепоименованная река Амур — гористая и лесистая и в океан впаала острым своим устьем, и против того устья есть остров великой, а живут на том острове многие иноземцы и гиляцкие народы». Н. Спафарий дал описание внешнего вида гиляков (нивхов), их одежды, верований, характера занятий и жилищ. Из тьмы средневековья он прозорливо заявлял, что в устье Амура можно строить суда для плавания в Китай и Японию (см. [137, с. 11—13, 63—65, 146, 156—158, 169, 197—202])¹.

Постройка в Приамурье русских укрепленных городков и острогов, освоение казаками и промысловыми людьми плодородных земель вдоль Амура вынудили китайского императора Кан Си пойти на переговоры о пограничном размежевании, которые и состоялись в 1689 г. в Нерчинске между царским уполномоченным боярином Ф. А. Головиным и цинскими представителями. Немногочисленный отряд Ф. А. Головина был

окружен во много раз превосходящими по численности маньчжуро-китайскими силами. В этих условиях Ф. А. Головин вынужден был подписать договор, по которому Россия уступила Китаю территорию, уже осваивавшуюся русскими крестьянами-переселенцами. Русские должны были согласиться на уход с Нижнего и Среднего Амура (территория к востоку от р. Горбица оставалась неразграниченной). Таким образом, значительная часть Приамурья была захвачена китайской империей (см. [101, т. 2, с. 280]).

Положения Нерчинского трактата затруднили поиски путей для установления связей России с Японией. Русские землепроходцы — казаки и торговцы — вместо восточной дороги к бассейну Тихого океана, через Амур, должны были осваивать более трудные и опасные северные пути, через Охотское море.

Открытие и освоение Курильских островов

Охотское море замыкается Курильской грядой, растянувшейся непрерывной цепочкой от южной оконечности Камчатки до о-ва Хоккайдо (Эдзо). Она прикрывает подходы к побережью русского Дальнего Востока.

Общее название для всех островов — Курильские — дали им русские исследователи за постоянно дымящиеся на них вулканы². Русское происхождение наименования гряды признают и японские авторы (см. [250, т. 2, с. 3]). Курильская гряда насчитывает свыше 30 более или менее значительных по территории островов и множество мелких.

Наиболее распространенными названиями для отдельных островов были порядковые числительные, т. е., продвигаясь на юг от Камчатки до о-ва Хоккайдо, от одного острова к другому, русские исследователи давали им числовые названия: Первый остров, Второй остров и т. д.³.

Впервые русские посетили Курильские острова в первой половине XVII в. Имеются сведения о том, что русские кочи (парусные морские лодки) бывали у берегов Камчатки и Курильских островов еще во второй половине XVI в., тогда как о посещении в то время этих мест иностранными путешественниками сведений нет (см. [288, с. 127]).

Об открытии Курильских островов русскими в 40-х годах XVII в. упоминается в японской исторической литературе. Японский автор XIX в. Мацунага Тёкэн, собравший в своей книге «Сахалин и Камчатка» все, что писалось ранее другими японскими историками по вопросу о посещении русскими Курил и Сахалина, сообщает, что «в 1643 году русские пришли в Камчатку и открыли» Курильские острова (цит. по [250, т. 2, ч. 2, с. 3]). По-видимому, автор имеет в виду сведения о Курильских островах, полученные русским землепроходцем Юрием (по-японски Юуру) Селиверстовым из отряда Михаила Стадухина

в 1649 г. (см. [286, с. 128—129]). Жители Курильских островов рассказали М. Стадухину, что и до него на их земле бывали русские люди (см. [220, с. 1]). Данные стали наноситься на русские географические карты. Об этом свидетельствует, в частности, «роспись» «Чертежа всей Сибири», «збиранного» в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича в 1667 г. В ней говорится: «От того камени на полдень (Камчатка. — Л. К.) до устья Амура реки выпало из моря вельми высок». Имеется в виду о-в Алайд, позднее названный островом Атласова, из числа Курильских островов, о которых русские узнали во время посещения ими этого района в середине XVII в. Это подтверждается и картой голландца Н. Витсона 1687 г., где о-в Алайд — «столп каменной» — обозначен как «Stolpka tepsou» (см. [287]).

В 1692 г. вся гряда Курильских островов была нанесена на карту на базе русских источников послом России Избрантом Идесом, направленным Петром I в Китай (см. [287, с. 121]). Таким образом, честь открытия Курильских островов, несомненно, принадлежит русским мореходам.

В 1695 г. из Анадыря на Камчатку совершил поход казак Лука Морозко. Он привез в Анадырь сведения о Камчатке и Курильских островах и сообщил их приказчику Владимиру Атласову (см. [206, с. 66]). В 1697 г. В. Атласов совершил путешествие по западному берегу Камчатки на юг от устья р. Голыгина (в то время называвшейся Нингучу) до 52° 10' с. ш. В. Атласов сообщил, что за южной оконечностью Камчатки есть острова, на которых «живут люди». По сведениям о Камчатке и Курильских островах, сообщенным В. Атласовым в Тобольск, С. У. Ремезовым в самом начале XVIII была составлена карта. Эта карта, названная «Чертеж вновь камчадалские земли и моря», является одной из самых ранних карт Чукотского полуострова, Камчатки и Курильских островов (см. [201, с. 189—193]). На ней имеется надпись: «Земля Курильская на озере и на островах». На чертеже впервые в картографии был обозначен «остров Апония» против устья Амура. На «Чертеже земли Нерчинского города» С. У. Ремезов сделал следующие надписи: «Апония», «Торг Кореи с апонцами» и др. Карты вошли в «Чертежную книгу Сибири...» [77, л. 22, 23].

Хотя в середине XVII в. на европейских картах между Азией и Америкой и помещали земли Эдзо (Хоккайдо) и Камчатки, европейские картографы не знали ни точного географического местоположения этих мест, ни что это за земли. Голландец де Фриз (или де Фрис) в 1643 г. обнаружил на север от Японии «какую-то землю», но из-за сильного тумана не смог установить ее очертания. Он также не мог определить, является ли эта земля островом или частью материка. Де Фриз и не предполагал, что «какая-то земля» представляла собой часть Курильской гряды. Таким образом, путешествие де Фриза не имело значения для открытия и изучения Курильских островов.

Стремление иметь выход в Восточный океан и контролиро-

вать близлежащие острова, прикрывавшие русские владения с востока, отражало реальные интересы России. По своему географическому положению все они являются естественным продолжением русской территории в Тихом океане, и владение ими было необходимо для выхода России в океан и обеспечения связи с Чукоткой и Камчаткой.

К моменту открытия русскими Курильские острова и Сахалин населяли айны, а также сибирские народности — нивхи (гиляки), ороки, эвенки и ительмены. Сибирские народности вместе с айнами образовали их коренное население. Родство жителей Курильских островов и Сахалина с жителями материка подтверждается сходством языка, нравов, обычаев, общностью материальной культуры и общим антропологическим обликом. Айны и в более древние времена населяли территорию современной Японии и только впоследствии были оттеснены на север — на Хоккайдо, Сахалин и Курильские острова, где они потеснили нивхов.

Петр I поощрял инициативу русских людей в открытии и заселении новых земель.

Из Сибирского приказа от имени Петра I последовал ряд указов в Иркутск, Тобольск, на Анадырь и Камчатку о том, чтобы «провесть земли и острова и привести иноземцев в ясачный платеж». Так, например, в грамоте, направленной в 1708 г. из Сибирского приказа в якутскую воеводскую канцелярию, предлагалось послать в камчатский острог приказчика «и с ним сто человек» призывать иноземцев «под его, великого государя, руку». В заключение документа предписывалось «приложить тщание по сыску иных народов богатых, которые реки в Море-Океан Восточный впади и живут на островах, и проведывать про них ласкою, и учинить с ними дружбу и торговые промыслы» [60, кн. 1, с. 418, 421].

После похода В. Атласова начинается освоение Камчатки, а затем и Курильских островов. В 1700 г. на Камчатку был назначен первый приказчик Тимофей Кобелев; в 1704—1708 гг. его сменил пятидесятник В. Колесов. В 1705 г. он направил на Курилы отряд казака Ламаева, который на курильцев «с первых островов» наложил ясак (см. [206, с. 84]).

В 1710 г. казачьему десятнику В. Савостьянову был послан наказ построить суда и «за переливами на море земли проведывать, людей приводить в подданство, брать с них ясак и той земле учинить особый чертеж» [60, кн. 1, с. 422—423]. Поручение было исполнено в 1711 г. казацким атаманом Даниилом Анциферовым и есаулом Иваном Козыревским, которые посетили о-ва Шумшу и Парамушир, а также остров-скалу Авось. По возвращении они составили чертеж исследованных ими островов и дали их описание, подчеркнув при этом, что оба острова до прибытия на них русских никому не принадлежали.

«А в нынешнем, государь, в 711 г., — писали Д. Анциферов и И. Козыревский в челобитной к царю, — мы... с Большой

реки августа с 1 числа в ту Курильскую землю край Камчадальского Носу ходили ... и с того Носу мы... в мелких судах и байдарах на островах были и до той земли доходили, где велено нам... по твоему, великого государя, указу проведать и дать той земле особый чертеж».

Через переводчика Д. Анциферов и И. Козыревский предложили местным жителям принять российское подданство. «И они, иноземцы, нам... сказали, что-де мы, здесь живучи, ясаку платить никому не знаем и прежде до сего с нас ясаку никто не бирывал» [60, кн. 1, с. 462]. Д. Анциферов и И. Козыревский все же собрали с жителей островов ясак, привели их в российское подданство, присоединив, таким образом, острова к Российской Империи. Составили они также чертежи других Курильских островов, о которых узнали по рассказам.

В 1712—1713 гг. по распоряжению приказчика В. Колесова, действовавшего по указанию правительства, И. Козыревский вновь посетил Курильские острова, с тем чтобы «учинить чертеж и написать всему тому доезд». Был ли И. Козыревский в 1712 г. на Курильских островах, неизвестно, но, во всяком случае, чертежи морских островов он В. Колесову подал. В 1713 г. И. Козыревский снова был послан «для прокладывания от Камчадальского Носу за переливами морских островов и Апонского (Японского) государства». Ему был предоставлен отряд из 55 «служилых людей» и 11 местных жителей. По возвращении И. Козыревский доложил В. Колесову о своем путешествии и «составил тем островам чертеж и даже до Матсманского острова» (т. е. до Хоккайдо) [60, кн. 1, с. 542—543]. Здесь И. Козыревский снова собрал ясак с жителей присоединенных к России островов [43а, д. 8, л. 8]. На о-ве Парамушир он встретился с курильским торговцем Шитанем, который прибыл туда с южного острова Итуруп. Именно от него через переводчиков И. Козыревский получил подробную информацию почти о всей Курильской гряде. На основании этих данных в 1713 г. он составил первое в мире описание Курильских островов [67, с. 453—455]. Им впервые было установлено, что Япония находится далеко от Камчатки, за ожерельем Курильских островов.

Позднее (в 1726 г.) И. Козыревский сообщил В. И. Берингу, что «люди нифонцы (т. е. японцы. — Л. К.) далее Матсмая (о-в Хоккайдо. — Л. К.) в северную сторону на иные острова не ходят. И на сем конце острова ж караул ж» [43а, д. 8, л. 9], т. е. японцам было запрещено плавать севернее Матсмая. Достоверность сообщения И. Козыревского не вызывает сомнений: токугавские законы под страхом смерти запрещали японцам покидать свою страну и сооружать корабли, годные для дальнего плаванья. Поэтому на север от Японии плавали лишь японские пираты, да иногда штормом в открытое море относилось купеческие и рыбацкие суда, команды которых при кораблекрушении попадали в плен к жителям Курильских островов.

В том же докладе В. И. Берингу И. Козыревский сообщал,

что он «на ближних морских островах был и другие видел и самовластных народов проведаль» [43а, д. 2, л. 18]. «Самовластными», т. е. независимыми, называл И. Козыревский и курильцев южных островов: «Итурупцы и урупцы самовластно живут и не в подданстве» [43а, д. 8, л. 8]. Курильские острова не были заняты японцами, и русские не только первыми их открыли и нанесли на карту, но и фактически первыми установили над ними право владения. В этом состоит большое историческое значение походов И. Козыревского.

Сообщения о походе И. Козыревского были напечатаны в «Санкт-Петербургской газете» и стали известны в других европейских странах.

Карта, составленная И. Козыревским в результате посещения им Курильских островов в 1713 г., легла в основу карты, составленной С. У. Ремезовым в 1719 г., на которой изображена гряда Курильских островов, о-в Матсмай и большой (на юге неограниченный) остров с надписью «остров Нифон» (см. [206, с. 109]). По просьбе Петра I нюрнбергский картограф И. Б. Гоман изготовил на ее основе в 1722 г. самую первую печатную карту русских дальневосточных владений, на которой были изображены открытые русскими Курильские острова [252, с. 33]. Карта И. Козыревского, получившая большую известность, была также использована военнопленным шведом И. Ф. Таббертом (Страленбергом) при составлении им в 1725 г. карты Сибири (см. [42а, д. 4, л. 258—264]).

В 1719 г. Петр I отправил разведывательную экспедицию в составе геодезистов Ивана Евреинова и Федора Лужина с официальным поручением: «ехать до Камчатки и далее, куды указано, и описать тамошние места, сошлася ли Америка с Азией». Но основной задачей экспедиции «было разведать Курильские острова и путь в Японию» ([206, с. 141]; см. также [263, с. 41]).

В 1945 г. в ЦГАДА была обнаружена и подлинная карта Сибири, Камчатки и Курильских островов, составленная И. Евреиновым. Отчет экспедиции позволяет судить о большой работе, проделанной геодезистами. Они произвели астрономическое определение координат большого числа пунктов Сибири и Курильских островов и нанесли их на карту. Курильские острова были обследованы «до 16 островов».

Таким образом, был выполнен труд большого научного и политического значения. Вновь было подтверждено, что на Курильских островах живут туземцы, что японцев на островах нет и что японцы, равно как и камчадалы, лишь торгуют с курильцами.

Петр I, которому И. Евреинов в 1722 г. лично доложил о результатах своей поездки и показал карту Курильских островов, остался доволен ими. Для изучения и освоения Курильских островов экспедиция И. Евреинова 1721 г. имела большое значение.

Карта И. Евреинова (как и карта И. Козыревского) была известна современникам и вошла в научный оборот в России (работы 1721 и 1734 гг. И. К. Кириллова) и в Западной Европе (работы 1732 г. Н. Д. Делиля и д'Анвилля).

В начале 1727 г. императрице Екатерине I было доложено мнение сената, основанное на донесениях из Сибири о том, что около Камчатки имеются острова, «которые следовало бы взять во владение» и с этой целью снарядить отряд во главе с якутским «казачьим головой» Афанасием Шестаковым. Сенат указывал, что «те земли прилежали к российскому владению и ни у кого не подвластные». «Восточное море, — говорилось далее, — теплое, а не ледовитое... и может в будущем воспоследовать коммерции с Японом или Китайскою Корею» [436, № 666, л. 7 об. — 8].

Правительство одобрило представление о посылке экспедиции А. Шестакова. Основной целью экспедиции было обследование и «приобретение новых земель» в Тихом океане. Один из отрядов экспедиции (которую после гибели А. Шестакова в 1730 г. возглавил капитан Павлуцкий), руководимый подштурманом Иваном Федоровым и геодезистом Михаилом Гвоздевым, получив в 1732 г. задание идти на судне «Гавриил» из Большерецка к Анадырскому Носу, «где проведать, сколько островов, какие на них люди, и вновь приискывать, и ясак брать, с коих собору не бывало» [265, с. 25], достиг Северной Америки (Аляски) (см. [206, с. 171—173]). Штурман экспедиции Я. Я. Генс в 1733 г. составил карту Камчатки и Курильских островов, находящихся между Камчаткой и Японией [260, прил.].

Другой отряд экспедиции, во главе с Василием Шестаковым, на судне «Фортуна» посетил первые (считая от Камчатки) пять Курильских островов, на которых вновь собрал ясак с 20 человек.

Основываясь на результатах проведенных экспедиций, русское правительство в своих официальных документах рассматривало Курильские острова как составную часть Российской Империи. Так, при назначении Г. Писарева на должность «начальника Охотска» ему 30 июля 1731 г. от имени правительства Анны Иоановны была дана инструкция регулярно собирать ясак («сколько возможность допустит») с жителей Курильских островов, с которых «и прежде сего несколько лет бран ясак на Камчатку». Правительство предупреждало Г. Писарева, чтобы «посланным... подтверждать накрепко, чтоб оные к обывателям показывали, как возможно, ласку и вводили б их в вольной и свободной торг» [63, т. 8, с. 523].

Во второй четверти XVIII в. систематические исследования русскими Курильских островов стали проводиться вплоть до Хоккайдо. В 1738—1739 гг. участник северной экспедиции В. И. Беринга М. П. Шпанберг исследовал и нанес на карту всю гряду Курильских островов, дав им русские наименования. В 1739 г. «рудознатец» Гардебол из этой экспедиции проводил

На о-ве Шпанберга (Шикотан) геологические изыскания. Это свидетельствовало об экономическом освоении приобретенных владений.

В своем донесении в адмиралтейств-коллегию М. П. Шпанберг писал: «В том пути прошел я от лежащих на море тридцать два острова, о коих именно описано оной кампании в журнале и в карте...» (см. [260, с. 81]). Русские моряки познакомились со многими южнокурильскими островами — Кунаширом, Итурупом, Урупом и подробно — с островами Малой Курильской гряды, особенно Шикотаном и Зеленым (из группы о-вов Хабомай). Он тщательно описал несколько южных островов, их природные ресурсы, растительность, животный мир. Самые крупные из них он назвал Фигурный (Кунашир), Трех Сестер и Цитронный (Итуруп). М. П. Шпанберг сообщал также, что на южных островах живут те же курильцы, что и на северных островах и на Камчатке. По его сведениям, местные жители заявили, что «под властью японского хана только один Матмай-остров (т. е. Хоккайдо. — Л. К.), а прочие острова неподвластны» (см. [260, с. 93]). Другой участник экспедиции В. И. Беринга, В. Вальтон, в 1739 г. посетивший Курильские острова, также составил их карту (см. [260, с. 98—99]).

Таким образом, русские мореплаватели совершили важнейшие географические открытия: нанесли на карту Курильские острова и часть Японии и доказали, что «остров Штатов» и «земли Компании», названные так в свое время голландцем де Фризом, суть не что иное, как два из Курильских островов⁴.

На основе карт М. П. Шпанберга, В. Вальтона в 1745 г. в академическом российском атласе была напечатана карта, изображающая устье Амура, Сахалин, часть Японии, Курильские острова и южную часть Камчатки.

В 1755 г. сборщик ясака Н. Сторожев доносил в Большерецк, что часть курильцев на Кунашире, самом южном острове Большой Курильской гряды, также признала подданство России (см. [253, с. 31—36]). Таким образом, подданными России стали жители всех Курильских островов.

Изучение и освоение этих земель продолжалось и позднее. Так, в 1761 г. сибирский губернатор Ф. И. Соймонов решил собрать более подробные сведения о южных Курильских островах. С этой целью в 1766 г. на острова были посланы «тойон (старшина) второго острова» Никита Чикин и сотник Иван Черный. Им поручалось разузнать о числе островов и количестве населения на них; жителей этих островов надлежало «уговаривать в подданство» (цит. по [253, с. 405—440]). Прожив на о-ве Симушир зиму 1767 г., И. Черный (Н. Чикин умер в 1767 г.) летом 1768 г. посетил о-в Итуруп, где привел в русское подданство тех курильцев, которые переселились с других островов и до этого не состояли в российском подданстве. По возвращении в Большерецк осенью 1769 г. он представил отчет, в котором дал подробное описание островов и сообщил краткие

сведения о Хоккайдо [43, разряд VII, д. 2539, л. 6]. За время своей экспедиции И. Черный собрал ясак с жителей 19 Курильских островов (см. [43, разряд VII, д. 2539, л. 96; 253, с. 421—440]).

В 1760—1778 гг. на южных Курильских островах, в частности на Итурупе, участники компании якутского и вологодского купцов П. Протодьяконова и М. Оконешникова промышляли морского зверя. За три поездки на южные Курилы купцы вывезли мехов на огромную по тем временам сумму — 118 970 руб. (см. [206, прил., с. 304]). Камчатский купец И. Никанов в 1770—1774 гг. также посетил о-в Итуруп и вывез оттуда мехов на 16 660 руб. И. Никанов собрал с местного населения ясак, привезя из первой поездки четыре шкуры бобра и восемь шкур лисиц в качестве «казенного ясака» (см. [206, прил., с.304]).

Все это свидетельствовало об интенсивном освоении Курильских островов, принадлежность которых России давно уже считалась установленным фактом. Так, в инструкции иркутского губернатора, составленной на основании правительственного указа 1772 г., говорилось, что «от самой Курильской Лопатки в полуденную сторону в море находяцца Курильские острова, на которых живут верноподданные ее императорского величества ясашные курильцы... а простираютца те острова даже до японских городов» [43, разряд VII, д. 2539, л. 96].

В последней четверти XVIII в. сибирские власти с целью окончательного закрепления Курильских островов за Россией и ограждения их от возможных покушений со стороны Японии разработали план постройки на о-ве Уруп укрепления и русского поселения. Для осуществления этого плана в 1775 г. на южные Курильские острова была снаряжена экспедиция во главе с дворянином Иваном Антипиным. В инструкции И. Антипину поручалось выйти из Петропавловска к о-ву Уруп, далее идти на о-в Итуруп и затем, взяв с собой курильцев, — на следующие Курильские острова. В случае встречи с японцами предписывалось поступать с ними «учтиво, ласково и благоприсойно...» и попытаться заключить с ними письменный договор. Курильцев следовало «склонять ласкою и доброхотством в [русское] подданство с платежом некоторого самопроизвольного ясака... и перепись тем народам учинить». Затем, начиная с 18-го Курильского острова (т. е. Урупа), «рассмотреть на всех, есть ли годные к заселению места, годна ли земля к хлебопашеству и скотоводству, а на 18-м посеять разных хлебных семян по два фунта» [43, разряд VII, д. 2539, л. 107] ⁵.

Поскольку южные острова уже с 1755 г. вошли в состав русских владений, царское правительство стремилось не только осуществить окончательное подчинение населения островов, значительная часть которого вела кочевой образ жизни, переселяясь с острова на остров (чем и было вызвано указание приводить в подданство находившихся в тот период на островах жителей), но и «всерьез» заняться освоением этих островов. С

целью выяснения пригодности земли Курильских островов для хлебопашества и скотоводства И. Антипин посеял злаки. На о-ве Уруп рожь, пшеница и ячмень дали хороший урожай. Необходимо отметить, что цели И. Антипина выходили далеко за пределы промышленно-торговых поездок русских купцов. Материалы о поездках Д. Шабалина и И. Антипина, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов, представляют значительный интерес для изучения истории завершения освоения русскими последних южных островов Курильской гряды и приведения в подданство населения.

Бот «Николай», на котором отправился И. Антипин в 1776 г., разбился у о-ва Уруп. В сентябре 1777 г. из Охотска вышел бригадин «Наталия», на котором находился «передовщик» Дмитрий Шабалин. Перезимовав в 1777 г. на о-ве Уруп, Д. Шабалин и И. Антипин с наступлением весны на трех байдарках посетили о-ва Итуруп, Кунашир и Хоккайдо и собрали с проживавших на них курильцев ясак. Всего им удалось привести в российское подданство 1500 человек [43, разряд VII, д. 2539, л. 14].

В 1779 г. они вновь посетили три южных острова и взяли ясак с живущих там курильцев. В 1778 и 1779 гг. составили ведомости о числе жителей на 19, 20 21-м Курильских островах (Итурупе, Кунашире и Шикотане), принятых в добровольное российское подданство, и о количестве собранного с них ясака. Из документов этой экспедиции наибольший интерес представляют поденные ведомости⁶.

Регулярный сбор ясака с жителей всех Курильских островов, осуществлявшийся в течение нескольких десятилетий, свидетельствовал о российском подданстве курильцев.

Екатерина II в 1779 г. сочла возможным отменить сбор ясака, поскольку сам по себе ясак не имел серьезного экономического значения для царского правительства. В указе, изданном Екатериной II 30 апреля 1779 г., предписывалось «приведенных в подданство на дальних островах мохнатых курильцев оставить свободными и никакого сбору с них не требовать, да и впредь обитающих тамо народов к тому не принуждать» [63, т. 20, с. 814].

Пушные богатства североамериканских колоний и тихоокеанских островов, принадлежавших России, при соответствующей организации промыслов открывали широкие возможности для закрепления России на азиатских рынках. Русское купечество, а также начавшее втягиваться в торговые отношения дворянство не хотели упустить из своих рук эти богатые районы, среди которых немалое место принадлежало Курильским островам. Русские купцы и моряки регулярно посещали Курильские острова. Так, известно, что на о-ве Итуруп в 1785—1786 гг. зимовала группа русских моряков (С. Ежов и др.) (см. [435, 1979, № 4, с. 129]).

22 декабрь 1786 г. Екатерина II «по случаю покушения со

стороны английских торговых промышленников на производство торгу и промыслов звериных на Восточном море »⁷ издала приказ осуществить мероприятия, предложенные в записке президента коммерц-коллегии А. Р. Воронцова и фактического министра иностранных дел гофмейстера А. А. Безбородко. В своем представлении А. Р. Воронцов и А. А. Безбородко исходили из того, что «неоспоримо должны принадлежать России: 1) берег американский от 55° 21' широты, на север простирающийся, обойденный капитаном Берингом, Чириковым и другими российскими мореходцами; 2) все острова, около сея матерые земли и полуостров Аляска находящиеся...; 3) Лисьи и Алеутские острова; 4) гряда Курильских островов...» ([44, д. 103, л. 21], см. также [48а, д. 367, л. 322]).

А. Р. Воронцов и А. А. Безбородко настаивали на необходимости известить все морские державы о том, что указанные территории принадлежат России, и заявить, что Россия не может допустить захода в их бухты иностранных судов. Для подкрепления указанного заявления авторы записки предлагали послать в тихоокеанские воды русскую военную эскадру.

Согласие Екатерины II с А. Р. Воронцовым и А. А. Безбородко свидетельствовало о том, что русское правительство рассматривало Курильские, Алеутские и другие острова Тихого океана, а также Аляску как свои владения.

Начавшаяся война с Турцией, а затем и со Швецией заставила Екатерину II отказаться от посылки военной экспедиции. Решительные меры, предпринятые правительством, могли создать ряд серьезных дипломатических осложнений с Англией.

Значительная роль в освоении Курильских островов принадлежит Григорию Ивановичу Шелехову. Его двадцатилетняя деятельность (1775—1795) на Дальнем Востоке не ограничивалась промыслом — он выполнял задачи большой государственной важности по созданию русских колоний на островах Тихого океана и в Северной Америке. В 1781 г. купцы Григорий Шелехов и Иван Голиков основали Морских Северного океана вояжеров компанию. Ее основной капитал принадлежал И. Голикову, который держал в своих руках торговлю и винный откуп по всей Сибири. Г. Шелехов же был сыном мелкого и к тому же разорившегося рьяльского купца. Недюжинная энергия, широкий кругозор и талант организатора помогли ему «пробриться в люди», стать крупным предпринимателем в Сибири.

В конце XVIII в. народная молва подхватила и высоко подняла имя отважного морехода и землепроходца Григория Шелехова. На никому не ведомых и вольных землях одни надеялись найти убежище от беспросветной нищеты и унижений, другие же видели в удаче Г. И. Шелехова и его первых сподвижников осуществление собственных мечтаний. Много людей из низов искали случая примкнуть к делу Шелехова, чтобы своим трудом и отвагой подкрепить успехи сотни шелеховских удалцов, пробравшихся в Америку, мечтаая «обстро-

ить, запахать и отстоять» для России ее новые восточные владения. М. В. Ломоносов так писал о русских землепроходцах: «Колумб российский через воды спешит в неведомы народы...». В 1783—1787 гг. Г. И. Шелехов дважды посетил Курильские острова и Аляску и приложил много сил и стараний для их освоения и заселения [141]⁸.

Он также мечтал открыть и освоить новые земли на Тихом океане и установить торговые связи с Японией, Кореей, Индией, Филиппинами. Компания, переименованная в 1786 г. в Северо-восточную американскую компанию, нуждалась в рынках сбыта для пушнины, рыбы, юфти. Только в результате своей первой экспедиции Г. И. Шелехов вывез с Аляски и Алеутских островов мехов на громадную по тем временам сумму — 258 тыс. руб. Чтобы противостоять иностранной конкуренции, Г. И. Шелехов и И. И. Голиков добивались поддержки своей деятельности правительством.

Известно, что население русских тихоокеанских владений остро нуждалось в продовольствии, соли и других предметах первой необходимости. В феврале 1788 г. вместе со своим компаньоном И. И. Голиковым Г. И. Шелехов обратился к правительству Екатерины II с прошением, в котором указывал на необходимость «в предупреждение покушений других держав построить крепость и гавань на 21-м (Шикотан) или 22-м (Хоккайдо) из Курильских островов для заведения торговли с Китаем и Японией и к способнейшим открытиям и приведении под высокую державу» императрицы «соседних островов, кои ни от какой державы, как заподлинно известно нам... поныне не зависят» [260, с. 267].

Они просили выделить им 100 солдат с артиллерией для того, чтобы «иметь от казенной стороны помощь и защищения от всяких притеснений и для охранения...» Просили они также о выдаче им ссуды — 200 тыс. руб. на 20 лет — и предоставлении монопольных прав на эксплуатацию островов и материковой земли, «как открытой, так и той, которую они откроют» [260, с. 268]. «Комиссия о коммерции» (в нее входили А. Р. Воронцов, Миних и П. А. Соймонов), которой было передано на заключение прошение И. Голикова и Г. Шелехова, поддержала просьбы купцов о выдаче им ссуды и предоставлении монопольных прав на эти земли. Поддержала она и ходатайство купцов о выделении им военного отряда, указывая на то, что купцы приняли «меры к построению крепости и гавани на 21-м или 22-м из Курильских островов» и уже достроили крепости «на о-вах Кихтахке и Афогнаке» [260, с. 271—277].

Комиссия указывала, что районы к северу от 55-й параллели никем ранее не были исследованы, и поэтому «сие обстоятельство может служить опровержением всех притязаний⁹ других держав на земли, к северу от сказанного градуса широты находящиеся, как по праву первого открытия беспрекословно принадлежат владению вашего величества» [260, с. 274].

6 апреля 1788 г. Непременный совет согласился с мнением комиссии, предложив Екатерине II «пожаловать их (т. е. купцов) чинами [260, с. 280]. Екатерина II не согласилась с предложениями комиссии и совета. Она отказала и в суде, и в войсках, равно как и в монопольных правах, считая, «что и кроме их на свете могут быть добрые же люди...»

Купцы «в награждение усердия, к пользе государственной оказанного распространением открытия неизвестных земель и народов и заведения с ними торговых промыслов», были пожалованы только шпагами и золотыми медалями с портретом царицы [260, с. 283].

Г. Шелехов постигшую его неудачу в Петербурге объяснил тем, что «ныне нечаянная со Шветом и протчими война помешала» [260, с. 288].

В письме к иркутскому генерал-губернатору И. А. Пилю Г. И. Шелехов сообщал о своих планах дальнейшей колонизации тихоокеанских островов и Американского материка. Видное место в этих планах занимали Курильские острова: «И на Курильских островах, по изыскании способных гаваней и местоположения к обзаведению положено нашею компаниею сделать заселение, дабы не могли тут предварить европейцы, к стыду нашему, своимн, ибо близость тех к Камчатке неоспоримое дает право на владение под Российским скипетром подданным» [260, с. 292].

В 1790 г. И. А. Пиль обращал внимание правительства на исключительно полезную деятельность Г. И. Шелехова и вновь ставил вопрос о правительственной поддержке его начинаний. Он сообщал, что «дал задание» Г. Шелехову, чтобы «гербы империи... и железные доски с надписанием на них „Земля Российского владения“ утверждены были на знатнейших бухтах и гаванях таким же порядком, как и у берегов самая Америки» [260, с. 302].

Неоднократные представления И. А. Пилия об «успехах усердия и стараний... Г. И. Шелехова, относящихся до новых открытий и до распространения» власти русского правительства «по Северо-Восточному морю и на берегах северной части Америки», привели к тому, что была наконец удовлетворена его просьба о том, чтобы ему у мыса Св. Илии разрешили построить небольшую верфь («для усиления там нашего кораблеплавания в отвращение посторонних покушений») и церковь и дали людей из ссыльнопоселенцев, знающих кузнечное, слесарное, «медековальное и меделитейное» дело, а также хлебопашество [260, с. 321—322].

В соответствии с указом императрицы от 31 декабря 1793 г. И. А. Пиль в 1794 г. выделил Г. И. Шелехову 20 мастеровых и 10 семей хлебопашцев («на первый случай»). И. А. Пиль предлагал Г. И. Шелехову заселить 18-й остров (Уруп) (на котором, «кроме временно проезжающих з 19 острова мохнатых курильцев за промыслами, никого из коренных жителей равно-

мерно и из российских промышленных ныне не находится» [260, с. 334]) и назначить управителя, вменив ему в обязанность установить связь с японцами, оказывая при этом им «знаки дружества, и обходиться приязненно и ласково и через них выяснить положение Японской империи» [260, с. 334—335].

Смерть Г. И. Шелехова в 1795 г. прервала его деятельность. На смерть Г. И. Шелехова выдающийся поэт XVIII в. Г. Р. Державин написал следующие строки:

Колумб здесь русский погребен!
Проплыл моря, открыл страны безвестны.
И, зря, что все на свете тлен,
Направил парус свой во океан небесный —
Искать сокровищ горних, не земных...

В 1800 г. в Иркутске, при церкви Знаменского монастыря был установлен пирамидальный гранитный обелиск с бронзовым барельефом морехода¹⁰.

Смерть Г. И. Шелехова огорчила и А. Н. Радищева, который видел в нем носителя смелой мысли об открытии важного для России Северного морского пути.

Северная компания Г. И. Шелехова, впоследствии вошедшая в состав Российско-американской компании, в 1795 г. (в год его смерти) основала на о-ве Уруп русское поселение из 400 человек. Во главе поселения был поставлен «передовщик» Звездочетов, неоднократно бывавший на Курильских островах и хорошо их знавший. Поселение просуществовало до 1805 г. На острове Звездочетов производил опыты посева ржи, пшеницы, овса и льна (см. [279, ч. 1, с. 110—111]). В 1799 г. русское правительство предписало Российско-американской компании «пользоваться всеми промыслами Курильских и других по Северо-Восточному океану лежащих» островов [279, ч. 1, прил., с. 29].

В «Правилах компании», утвержденных Павлом I, указывалось, что земли Северо-Восточной Америки, Алеутские и Курильские острова принадлежат России «по праву открытия» [279, ч. 1, прил., с. 21]. Таким образом, в 1799 г. законодательным путем была вновь подтверждена принадлежность всех Курильских островов России¹¹.

После присоединения к России южной части Курильских островов японцы только приступили к их исследованию. Это обстоятельство неоднократно признавалось в Японии. Уже упоминавшийся японский историк Мацунага Тёкэн писал, что «русские заняли ближайшие 21 остров и в последние годы XVIII столетия (курсив наш. — Л. К.) несколько раз плавали на острова Уруппу и Эторофу (Итуруп)» (цит. по [250, т. 2, ч. 2, с. 3]).

Японский историк Окамото Рюносукэ в своей книге «История Хоккайдо в связи с отношениями Японии и России», изданной в 1898 г., писал «Когда тревожное известие о движении России на юг было получено, то талантливый и умный министр

тогдашнего бакуфу (т. е. правительства. — Л. К.) Мацудайра Саданобу посмотрел на этот факт глубоко и предусмотрительно, а именно: в последние годы правления Тэмэи (1787—1788) он сделал распоряжение... произвеси исследование о действительном положении этого вопроса» (цит. по [250, т. 1, с. 9]).

В 1785 г. на север была снаряжена экспедиция. Участник экспедиции Могами Токунай, пробираясь от острова к острову, забрался далеко на север, вплоть до о-вов Итуруп и Уруп. В отчете об экспедиции он писал: «Я проплыл мимо первого о-ва, Кунашир, чтобы достичь следующего — Итурупа... Я был первым японцем, ступившим на эту землю, жители острова были удивлены, увидев меня, и окружили толпой, разглядывая меня» (цит. по [315, с. 48]).

На Итурупе Могами встретился с тремя русскими, прибывшими туда с о-ва Уруп. Русские оказали Могами вежливый прием. Когда айну расстелили для них циновки на берегу и все уселись, Могами оказался в окружении чужеземцев. Невроятная ситуация для японца XVIII в.! Сопровождавший Могами айну рассказывал впоследствии, что Могами поблдедел от волнения, но, проявляя самообладание, постарался не уронить достоинства. Семен Дорофеевич Ищүё (Итуёсов) произвел большое впечатление на Могами своими познаниями в географии Курил и Камчатки (см. [315, с. 61—70]). Случайная встреча этих людей на Итурупе стала своеобразной вехой в истории отношений между японцами и русскими; в то же время она свидетельствовала и о том, что русские были первооткрывателями островов южной части Курильской гряды.

В исследовании профессора Кагосимского университета Корияма Ёсимицу признается, что во второй половине XVIII в. японское правительство еще не имело четкого представления ни о Курильских островах в целом, ни о том, где находились северные границы самой японской территории. Указывается, например, что один из чиновников центрального правительства Японии, участвовавший в поисковой экспедиции на юге Курильских островов в 1785—1786 гг., в донесении правительству характеризовал о-в Итуруп как чужую территорию и что ни один представитель японских властей ни разу не побывал на этом острове (см. [310, с. 319]). Не считало правительство Японии в те времена (т. е. в XVIII в.) японской территорией не только Курилы, но и северную часть о-ва Хоккайдо. Как явствует из исследования Корияма Ёсимицу, глава центрального правительства Японии Мацудайра Саданобу еще в 1792 г. в своем предписании подчиненным, изданном в связи с предстоящими японо-русскими переговорами, заявил, что район Нэмуру (о-в Хоккайдо) не является японской землей (см. [310, с. 231, 320]).

Ряд японских исследователей, такие, как Сига Иосио [332], Фудзимото Хидэо [340], Нэдзу Масаси [325], Ватанабэ Акио [353], Вада Тосиаки [297], в основном дают объективную карти-

ну развития русско-японских отношений, подтверждают неправомерность искусственного разделения Курильских островов на так называемые южные и северные, признают приоритет русских в открытии и освоении островов. Американские историки Дж. Стэфан [403], Янг С. Ким [382], Д. Кин [214] приводят достаточно объективные данные об истории Курильских островов и подтверждают приоритет русских в их открытии и освоении.

Прошло несколько десятилетий после присоединения к России южной части Курильских островов и 12 лет после того, как завершилось приведение в русское подданство жителей о-ва Кунашир. Согласно показаниям чиновника Могамы Токунай (в книге «Черное сочинение об Эдзо»), в 1799 г. японское правительство отправило на Кунашир чиновников «с целью открытия этого острова» (цит. по [250, т. 1, с. 178]). Известно также, что незадолго до этого, в 1798 г., японский отряд, прибывший на о-в Уруп, снес кресты, поставленные русскими в 1784 г. (см. [315, с. 105]).

В 1800 г. японские чиновники прибыли на о-в Итуруп, построили контору, низвергли русские кресты и водрузили столб, обозначающий присоединение острова к Японии. Здесь был оставлен и японский гарнизон. Так был произведен насильственный захват Итурупа, издавна освоенного русскими.

В 1802 г. японцы в Хакодате учредили особую канцелярию по колонизации Курильских островов и «просвещению» их жителей. Эти захватнические действия не признавались русским правительством. В 1805 г. Н. П. Резанов, глава российского посольства, отправленного в Японию для установления торговых отношений, «прямо объявил» японцам, «что на север от Матсмая (Хоккайдо) все земли и воды принадлежат российскому императору и чтобы японцы не распространяли далее своих владений» [32, 1867, д. 1, л. 97—98].

В 1805 г. знаменитый русский мореплаватель И. Ф. Крузенштерн произвел определение астрономических пунктов, съемку и описание Курильских островов, в том числе и их южной части.

В 1807 г. на судах Российско-американской компании «Юнона» и «Авось» офицеры Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов посетили южнокурильские острова Итуруп и Уруп и ликвидировали незаконно основанные японцами поселения на о-ве Итуруп, взяв в плен нескольких японцев. Это был, пожалуй, единственный случай насилия по отношению к японцам, пытавшимся захватить принадлежавшие России Курильские острова.

Помимо официального закрепления Курильских островов в качестве русской территории, о чем говорилось выше, при выдаче привилегий Российской-американской компании русское правительство в дипломатических документах рассматривало все Курильские острова в качестве составной части Российской Империи. Так, при утверждении 4 сентября 1821 г. «Правил о пределах плавания и порядке приморских сношений вдоль берегов Восточной Сибири, Северо-Западной Америки и островов

Алеутских, Курильских и прочих» и привилегий Российско-американской компании Александр I предписал, что право каботажного промысла, рыбной ловли и «всякой промышленности» на северо-западном побережье Америки, от Берингова пролива до 51° северной широты, и на других, упомянутых выше территориях представляется в пользование единственно российским подданным» [63, т. 37, с. 823—832].

В «Секретных правилах для Российско-американской компании», утвержденных 13 сентября 1821 г. Александром I, компании предписывалось обратить «внимание на предприятия подданных» Соединенных Штатов Америки и стараться «разведывать, какого рода сношения имеют американцы Соединенных Штатов с независимыми народами занимаемых компанией стран» [49, сер. 2, т. 4, с. 288].

В 1824—1825 гг. для урегулирования русско-американских и русско-английских отношений на Американском материке с США и Англией были заключены специальные конвенции. Конвенция с США предоставляла американцам право в течение десяти лет производить рыбную ловлю в колониальных водах и торговлю с местными жителями (см. [279, ч. 1, прил., с. 61]). Еще до ратификации конвенции русский посланник в США направил Вашингтонскому кабинету вербальную ноту, в которой оговаривалось, что предоставление американским гражданам прав на рыбную ловлю в колониальных водах и торговлю с туземцами не подразумевает права их судов приставать к берегам Восточной Сибири и к Алеутским и Курильским островам, «признанным прочими державами с давнего времени находящимися в исключительном владении России» (см. [279, ч. 1, с. 259]).

Для русской дальневосточной торговли Курильские острова имели серьезное значение. По данным Российско-американской компании, только в 1828—1829 гг. на о-ве Уруп было добыто мехов более чем на 800 тыс. руб. (см. [279, ч. 1, прил., с. 270]). В последующие годы добыча ценных мехов не прекращалась. Постоянное русское поселение на о-ве Уруп существовало до 1875 г., до передачи его Японии (см. [279, ч. 1, прил., с. 327]).

Суда Российско-американской компании ежегодно посещали Курильские острова и вывозили с островов пушнину и шкуры морского зверя (см. [279, ч. 1, прил., с. 330, 333]). Только за период с 1842 по 1861 г. было вывезено 4,5 тыс. шкур морских бобров и 3651 шкура лисиц (вывозились также шкуры морских котиков, выдр, волков) (см. [279, ч. 1, прил., с. 293]).

Пребывание в составе России оставило глубокий след в истории населения Курильских островов. Свыше 150 лет курильцы постоянно общались с русскими поселенцами и получали от них новые для себя средства производства: сети, огнестрельное оружие, различного рода инструменты и т. д. Они научились земледелию, научились разводить скот, развили у себя рыболовство. Население островов быстро начало воспри-

нимать русскую культуру. В 1747 г. на о-ве Шумшу была открыта первая школа, где постоянно обучалось 15 мальчиков. В 1762 г. появился первый учитель-курилец Причин. Впоследствии многие курильцы проходили обучение на Камчатке (см. [268, с. 115]).

Подавляющее большинство курильцев говорило по-русски и носило русские имена и фамилии (см. [111, т. 1, с. 285; 279, ч. 1, с. 280—281]). Быстро стало проникать к ним и христианство. В 80-е годы XVIII в. все население островов считалось уже православным. В 1840 г. синод в районе действия компании учредил особую епархию. Епископ епархии получил наименование «епископ Камчатский, Курильский и Алеутский» (см. [279, ч. 1, с. 295—309]).

В русских население Курильских островов видело своих защитников. Вполне понятно поэтому дружественное отношение его к русским, которое отмечают все путешественники, посещавшие Курильские острова (см., например, [111, с. 287]). Чувствуя себя под защитой России, при встречах с незнакомыми мореплавателями местные жители предъявляли им грамоту с гербом Российской Империи, сообщавшей о покровительстве им со стороны российского правительства (см. [268, с. 116]).

Открытие и освоение Сахалина в XVII—XVIII вв.

Параллельно с открытием и освоением Курильских островов шло и освоение Сахалина. Первые сведения о Сахалине доставили участники похода к Тихому океану казака Ивана Москвитина в 1640 г.

Более подробные сведения о Сахалине, а также о Татарском проливе сообщил Василий Поярков, прошедший в 1643—1645 гг. морским путем от истоков Амура до Охотского моря. В 1652 г. группа участников известного похода Ерофея Хабарова, возглавляемая казаком Иваном Нагибой, также видела берега Сахалина и сообщила сведения об острове в Якутск. Имеются данные и о том, что в 50-х годах XVII в. участники походов Онуфрия Кузнеця и Федора Пушина, а также другие группы казаков и крестьян посещали Сахалин. Они знали о числе нивхских селений на острове, о южносахалинских айну, о Татарском проливе, собирали ясак с населения западного побережья Сахалина (нивхов) и побуждали их давать присягу на верность России (см. [251, с. 13—20, 25—26, 30, 33—35]). Таким образом, можно считать, что Сахалин был присоединен к России в середине XVII в.

В «Японской исторической энциклопедии», вышедшей в Японии в 1936 г., отмечается, что русские появились на Сахалине в 1650 г. и с этого времени стали часто посещать остров [350, с. 690].

Сведения Н. Спафария, доставленные в Петербург в 1678 г., о чем говорилось выше, свидетельствуют о том, что уже в 70-х годах XVII в. русская географическая наука имела достаточно точное представление об острове. Сообщение Н. Спафария тем более интересно, что, опираясь на неправильные сообщения французского мореплавателя М. Ф. Лаперуза и английского мореплавателя В. Р. Бруутсона, посетивших Сахалин в конце XVIII в., западноевропейские географы вплоть до середины XIX в. считали его полуостровом.

В 90-х годах XVII в. остров неоднократно посещали русские казаки и промышленники. На основании чертежей первооткрывателей Сахалина (Василия Пояркова, С. Полякова, Онуфрия Кузнеця) выдающийся картограф конца XVII — начала XVIII в. С. У. Ремезов нанес Сахалин на карту в виде большого острова перед устьем Амура. Благодаря открытиям русских мореплавателей о-в Сахалин смог появиться в XVII в. и на географических картах в странах Западной Европы.

Особенно интенсивно русские начали исследовать Сахалин в XVIII в., законно считая его принадлежащим России по праву его открытия и исследования. Участники экспедиции В. И. Беринга мичман Шельтинг и штурман А. И. Ртищев в 1742 г. тщательно обследовали восточное побережье Сахалина от 50° 10' с. ш. до пролива Лаперуза. На основании сведений М. П. Шпанберга и В. Вальтона (также участников экспедиции В. И. Беринга) в 1745 г. в академическом российском атласе была помещена карта, изображающая устье Амура, Сахалин, Курильские острова и южную часть Камчатки. Другие участники этой экспедиции, Г. Миллер и С. П. Крашенинников, дали полное описание островов Сахалина и Курильских. В книге С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», вышедшей в 1755 г., была помещена научная карта Восточной Азии, на которой Сахалин был изображен в виде острова (см. [124, с. 65—68, 247—253]). Созданная в 1799 г. Российско-американская компания получила монопольное право на эксплуатацию природных богатств Сахалина.

В уже упоминавшейся «Японской исторической энциклопедии» отмечается, что японское правительство впервые послало на Сахалин чиновников в 1786 г., затем в 1792 г. «С того времени, — говорится в энциклопедии, — рыбопромышленники собственно Японии иногда посещали эти места, вели торговлю и занимались промыслом» [350, с. 690].

Известный японский историк Нумада Итиро рассказывает, что когда Могамы Токунай по поручению правительства в 1792 г. осматривал Сахалин, то встретился с «русским по имени Иван», который носил одежду жителей районов западного берега Татарского пролива, имел охотничье ружье и производил впечатление человека, уже давно проживающего на острове. «Таким образом, — делает вывод Нумада Итиро, — можно полагать, что отдельные русские начали посещать острова за-

долго до его прихода. На этом основании Россия считается пионером в открытии Сахалина» [324, с. 7—8].

Японский историк Куно Ёси признает, что не только Сахалин и Курильские острова, но даже и Эдзо (Хоккайдо) до середины XIX в. не считались владениями Японии. «Эдзо в XVIII в. и даже в первой половине XIX в. не являлся составной частью Японской империи... Большинство историков, ученых и государственных деятелей рассматривало Эдзо как иностранное государство» [384, т. 2, с. 227].

Экспедиция И. Ф. Крузенштерна летом 1805 г. произвела описание северного, восточного и южного побережья Сахалина. В 1806 и 1807 гг. берега южных частей Сахалина и Курильских островов были исследованы на судах Российско-американской компании «Юнона» и «Авось» русскими офицерами Н. А. Хвостовым и Г. И. Давыдовым, о чем упоминалось выше. В 1806 г. Н. А. Хвостов высадил на юге Сахалина, в Тамари-Анива, пять матросов, положивших начало образованию русской колонии на Сахалине, просуществовавшей до 1847 г. (см. [239, с. 49]). Н. А. Хвостов изгнал появившихся на острове незадолго до его приезда японцев, которые попытались нарушить права России на владение островом, и официально подтвердил право собственности России на остров, направив письмо губернатору Хоккайдо, в котором заявил решительный протест против попыток японцев самочинно распространить «торговлю по Курильским островам и Сахалину, яко владениям Российской Империи» [440, т. 22, с. 220], не заключив предварительно торгового соглашения, предложенного русским представителем Н. П. Резановым, посетившим Японию в 1804—1805 гг.

12(24) октября 1806 г. Н. А. Хвостов увековечил принятие о-ва Сахалин во владение России: «В знак принятия острова Сахалина и жителей онаго под все милостивейшее покровительство российского императора Александра I старшине селения на западном берегу губы Иниве пожаловал серебряную медаль на Владимирской ленте» [440, т. 22, с. 220—221].

Ежегодно русские исследователи, купцы и промышленники посещали Сахалин.

Японские буржуазные историки вынуждены признать, что японцы появились на Сахалине значительно позже русских и посещали его южную часть лишь во время рыболовного сезона; не имели в Японии и ясного представления о географическом положении Сахалина, его климате и населении. Однако они приводят мифические данные о поездках на Сахалин чиновников княжества Мацумаэ (на северо-востоке Хонсю), извращающих происхождение наименования острова и т. п. (см. [250, т. 1, ч. 1, с. 405—414]). Феодалная Япония, переживавшая в конце XVIII в. острый политический кризис, была не в состоянии колонизовать даже Хоккайдо.

Обстоятельному и всестороннему обследованию подверг Сахалин Г. И. Невельской, совершивший в 1849—1852 гг. экспе-

дицию в лиман Амура. Г. И. Невельской снова доказал, что Сахалин является островом, т. е. доказал то, что знали русские почти за 200 лет до него (о чем говорилось выше), но что было забыто к тому времени (в России в то время господствовало мнение И. Ф. Крузенштерна о том, что Сахалин полуостров) и не признавалось западноевропейской наукой. Г. И. Невельской впервые доказал, что морские суда могут проходить через Татарский пролив и входить в устье Амура. Помощник Г. И. Невельского, Н. К. Бошняк, открыл на острове залежи каменного угля.

28 июля (9 августа) 1853 г. по указанию русского правительства Г. И. Невельской на западном берегу Анива (49° с. ш.) основал Ильинский пост. 21 сентября (3 октября) 1853 г. в Тамари-Анива (46° 39' 9" с. ш.) им был основан Муравьевский пост и поднят русский флаг. Г. И. Невельской передал японцам декларацию о принятии Сахалина под защиту России в силу исторических прав России на остров (см. [239, с. 237—238]).

Первые контакты

Основным препятствием к установлению экономических и политических связей между Россией и Японией являлась политика самоизоляции страны, проводившаяся японским правительством более двух столетий (была провозглашена сёгунами Токугава¹² в 30—40-е годы XVII в.).

Сёгунат стремился сохранить незыблемость установившихся порядков и традиций, предотвратить разложение феодальных отношений и не допустить каких-либо перемен в социальной, экономической и политической жизни страны, которые могли быть вызваны любыми контактами с другими странами.

Еще в середине XVI в. на юге Японии, на о-ве Кюсю, в княжестве Бунго появились португальцы и испанцы. Вслед за купцами на Кюсю прибыли португальские иезуиты, которые стали проповедовать христианство.

Новая вера и новая культура вызывали растущий интерес в японском обществе. С большим энтузиазмом некоторые его представители обращались к трудам европейских ученых философов и историков, инженеров, стремясь к новым знаниям.

В результате почти столетнего общения с португальцами и испанцами, а затем и с голландцами появилось немало японцев, знакомых с культурой этих западных стран. В это время в Европе (в эпоху Возрождения) передовые позиции в науке занимало естествознание. Открытия Кеплера и Галилея стали известны в Японии наряду с достижениями в области ботаники и медицины. Энгельс назвал эпоху Возрождения величайшей из революций, какие до этого пережила планета.

Влияние европейской культуры и идеологии эпохи Возрождения стало проникать в передовые слои японского общества.

Именно революционный дух этих знаний заставил реакционных феодалов пресечь их доступ в страну.

Уже к концу XVI в. около 3 тыс. японцев приняли христианство, в том числе ряд даймё и князь Бунго-Сорин Отомо (см. [405, с. 55—56])¹³. В южных и западных районах о-ва Кюсю появились и другие «христианские князья». Само же княжество Отомо становится одним из крупнейших центров торговых и культурных связей Японии с Западом.

Феодалы принимали христианство в расчете на привлечение торговых кораблей западных держав именно в свои владения.

Кроме того, у иностранцев находили поддержку сепаратистские тенденции отдельных феодалов юга и юго-запада страны. Иностранцы поставляли этим феодалам огнестрельное оружие. Португальцы и испанцы, затем англичане и голландцы стремились усилить свое влияние на юге Японии, на о-ве Кюсю, что не могло не вызывать все возрастающее беспокойство у центральных властей. К политическим проблемам прибавились и идеологические разногласия. В христианских миссионерах религиозные деятели Японии, в том числе и буддисты, видели угрозу своим позициям и убеждали сёгуна в том, что иезуитские проповедники — передовой отряд иностранного вторжения в страну.

Интерес к новой вере стали проявлять и поднимающиеся на борьбу против феодалов крестьяне, которых перестали удовлетворять буддийские каноны. Их борьбе требовалась другая идеология. Таким путем, по-своему осознанное, христианство в начале XVII в. соединилось с идеологией борющегося крестьянства (и других недовольных слоев населения).

Особенно широко распространилось христианство среди крестьян Симабара (о-в Кюсю). Из истории Запада известно, что крестьянские восстания в середине XVII в. обычно воспринимали ту или иную религиозную идеологию (лютеране в Германии, гуситы в Чехии, протестанты-гугеноты во Франции и др.). Восстание в Симабара, вспыхнувшее в 1637 г., при всей его национальной специфике стоит в одном ряду с крестьянскими войнами, охватившими в первой половине XVII в. почти весь феодальный мир.

Напуганные размахом и ростом иностранного влияния, сёгуны Иэясу, Хидэтоми и Иэмицу встали на путь ограничения, а затем и запрещения каких бы то ни было связей с иностранцами. В 1637 г. японцам под страхом смерти было запрещено покидать страну. Смерть грозила и тем, кто, покинув страну, возвращался обратно. Было также запрещено строительство больших судов для заморских плаваний. Резрешалось строить лишь джонки.

Во время самого крупного крестьянского восстания на о-ве Кюсю (в Симабара) португальцы, рассчитывая на сохранение своих привилегий, оказывали поддержку восставшим, тогда как голландский корабль участвовал в бомбардировке центра вос-

ставших — замка Хара. После разгрома восстания всем португальцам, а затем и другим иностранцам было предложено покинуть страну. И когда в 1640 г. португальский корабль прибыл из Макао с делегацией для переговоров с сёгуном Иэмицу, команда и члены делегации были обезглавлены, а корабль сожжен. Из всей команды было оставлено в живых лишь 13 человек. Они были посланы обратно в Макао, с тем чтобы сообщить о судьбе их соотечественников и предупредить, что так будут поступать с любым из португальцев, если он появится у берегов Японии (см. [405, с. 63—65]).

Лишь голландцам было разрешено сохранить свою факторию на о-ве Дэсима в районе Нагасаки и раз в год присылать в этот порт свой корабль. (Японское правительство учитывало, что голландцы помогли сёгунату в борьбе с его противниками. К тому же Голландия, по мнению японцев, была слабее других западных держав и представляла несравненно меньшую угрозу японской независимости.)

Строжайшим образом были также запрещены и проповедь и исповедание христианства. Тех, кто не хотел отказываться от своей веры, распинали на крестах¹⁴.

Изоляция от европейских стран расширила возможность проникновения в Японию китайской культуры. Ее распространение пользовалось поддержкой со стороны государства. Ученые-китаеведы (кангакуся) изучали китайскую философию, историю и литературу: особое место занимало изучение различных течений конфуцианства.

Преобладающее влияние конфуцианской идеологии в правящих кругах Японии, преклонение перед всем китайским, несомненно, оказало свое влияние и на внешнюю политику сёгуната, что сказалось и на отношении сёгунского правительства к России, которая рассматривалась им как варварское государство. А господство конфуцианства в идеологической жизни японского общества (наряду с политикой самоизоляции) оказывало тормозящее влияние на интерес японских передовых людей к России и ее культуре.

Токугавское правительство строго следило за соблюдением самоизоляции страны. Судов, пригодных для дальнего плавания, не строили. Разрешенные к строительству джонки (о чем говорилось выше) могли обеспечить лишь каботажное плавание (их грузоподъемность не превышала 50 т). Во время штормов нередко их уносило в открытое море и прибывало к Курильским и Алеутским островам или к побережью Камчатки.

Жертвы кораблекрушений попадали в Россию. Их гостеприимно принимали, через них узнавали о жизни японского народа, часто отправляли в Иркутск, затем в Петербург, с их помощью изучали японский язык. Те японцы, которые возвращались на родину, как правило, сообщали объективные сведения о России, о стремлении народа и правительства к установлению торговых связей и добрососедских отношений. Однако

эти сведения были доступны лишь узкому кругу лиц из окружения сёгуна. Прибывших из России японцев содержали в строгой изоляции. Записи их рассказов были погребены в секретных архивах.

С конца 30-х годов XVIII в. эпизодические контакты между русскими и японцами осуществлялись во время русских экспедиций к берегам Японии и на Тихий океан.

В 1695 г. небольшое японское торговое судно, направлявшееся из Осака в Эдо (теперь Токио), попало в шторм. После шестимесячных блужданий в океане судно разбилось у побережья Камчатки. Из всей команды спастись сумел лишь один приказчик Дэнбэй¹⁵. В 1699 г. в сопровождении казачьего пятидесятника Владимира Атласова Дэнбэй был отправлен в Якутск, а затем и в Москву (см. [244, с. 12—14]).

В начале 1702 г. в Сибирском приказе со слов Дэнбэя была составлена запись, подписанная им самим. В ней содержались данные о географическом положении Японии, золотых и серебряных рудниках, системах управления и вооружения, религии, занятиях населения и пр. Так как Дэнбэй был малограмотен и плохо знал русский язык, он мог сообщить лишь приблизительно достоверные сведения о своей стране. Но тем не менее это были первые сведения о Японии, полученные от ее жителя.

Перенесение столицы в Петербург при Петре I, как известно, превратило Россию в морскую державу. Русское правительство и сам Петр I стали проявлять интерес не только к Балтийскому и северным морям, но и Восточному (как называли тогда Тихий океан) океану.

В январе 1702 г. Петр I лично беседовал с Дэнбэем и распорядился содержать его за счет казны, не принуждать к принятию православия и отправить на родину после того, как тот изучит русский язык, и в свою очередь, обучит трех-четырёх русских «робят японской грамоте» (см. [244, с. 16—24]). При Посольском приказе открылась школа для изучения иностранных языков. В 1705 г., когда при Петербургской мореходной математической школе была открыта школа японского языка, преподавателем был назначен Дэнбэй. Петр I интересовался успехами Дэнбэя. Так, известно, что в октябре 1705 г. он приказал генерал-майору Я. В. Брюсу выяснить, выучился ли он русскому языку, и «своему языку и грамоте робят сколько человек выучил, и ныне учит ли?» (цит. по [210, с. 41]). В 1710 г. Дэнбэй был крещен и при крещении получил имя Гавриил. Он не мог быть отправлен в Японию, ибо путь в Японию в то время не был известен. Помощником Дэнбэя в школе с 1711 г. стал японец Санима, попавший в плен к камчадалам после кораблекрушения и освобожденный из плена казачьим атаманом Чириковым. Санима женился на русской девушке. Его сын Андрей Богданов работал в библиотеке Академии наук, затем стал преподавателем японского языка.

В тот же, 1702 г. по поручению Петра I Якутской воевод-

ской канцелярии было предписано послать в Камчадалский острог сотню «искусных в военном деле» людей во главе с приказчиком, разведать путь в Японию, выяснить состояние японского вооружения, узнать о японских товарах, возможном спросе в Японии на русские товары, а также попытаться установить русско-японские торговые связи. Намечалась также отправка на Камчатку высокопоставленного чиновника-спальника (см. [60, кн. 1, с. 417—419]).

Якутский воевода Д. А. Траурнихт, посылая в сентябре 1710 г. на Камчатку казачьего десятника Василия Савостьянова, наказывал ему руководствоваться указаниями Петра I, в частности «о проведываньи Японского государства и об учинении с ним торгов». В. Савостьянову предписывалось обследовать остров «против Камчадалского Носа», о котором сообщал приказчик В. Колесов в 1706 г., принять жителей в русское подданство и «той земле учинить особой чертеж» [60, с. 420—423].

Надо сказать, что поездки русских землепроходцев к Курилам, Сахалину и другим северо-западным территориям Тихого океана, о которых говорилось выше, обычно сопровождалась указаниями о «проведываньи» пути в Японию. Правительство неоднократно напоминало якутским властям о необходимости сбора сведений о Японии.

В 1712 г. Сибирский приказ велел якутскому воеводе разузнать, «какими путями в сию землю (в Японию. — Л. К.) проезд. Какое там в употреблении оружие, могут ли жители оной иметь дружбу и торговлю с русскими, подобно китайцам, и что им годно из Сибири» (цит. по [275, с. 29]). Во исполнение этого указания в апреле 1713 г. Ивану Козыревскому был предоставлен отряд из 55 служилых людей и 11 местных жителей с поручением «проехать от Камчадалского Носу за переливами морские острова и Японское государство» [60, кн. 1, с. 542, 543].

Русские экспедиции, посланные для установления связей с Японией, для обследования и освоения Курильских островов и других земель в северо-западной части Тихого океана в 20—40-х годах XVIII в., усиливали заинтересованность русских помещиков, русского правительства, а также промысловых людей в установлении торговых отношений с этой страной. В 1716 г. два торговых дома в Петербурге просили сенат разрешить торговлю с Японией и Ост-Индией северо-восточным путем — через сибирские реки и Амур.

Получив это прошение, генерал-фельдцейхмейстер русской армии Я. В. Брюс запросил у сибирского губернатора князя М. П. Гагарина сведения о судоходстве по Амуру и морском пути в Японию, а также информацию о положении дел в японском государстве, японских вооруженных силах и т. п. (см. [240, с. 9, 14]).

По представлению Я. В. Брюса сенат в 1716 г. предписал организовать первую правительственную экспедицию — Большой камчатский наряд. Возглавил экспедицию полковник

Я. А. Ельчин (см. [206, с. 111—112]). Князь М. П. Гагарин предложил Я. А. Ельчину обследовать острова к югу от Камчатки (Шантарские, Курильские и др.) и «прилагать старания» к установлению торговых отношений с Японией. Однако экспедиция не достигла берегов Японии.

Некоторые сведения о Японии царское правительство получало из дипломатических и коммерческих кругов. Так, известно, что 25 апреля 1722 г. русский торговый агент в Китае Николай Христиани (Крисниц) сообщал в коммерц-коллегию, что в Японии изданы указы, запрещающие торговать с европейцами, кроме голландцев, которым разрешено приезжать в Нагасаки. Н. Христиани сообщал также ряд полезных сведений о географическом положении Японии, расстоянии от ее северных границ до России и т. п. (см. [60, кн. 2, с. 374, 383—384]).

Сведения русских о Японии продолжали дополняться и уточняться рассказами потерпевших кораблекрушение японцев. Так, в 1719 г. Петр I принимал и длительно беседовал с Санима (о нем говорилось выше). Японцы Сози (Кузьма Шульц) и Гонза (Демьян Поморцев), потерпевшие в 1729 г. кораблекрушение у берегов Камчатки, в 1734 г. были доставлены в Петербург и приняты императрицей Анной Иоанновной. Для изучения русского языка их направили в Академию наук.

В 1736 г. при Академии наук была создана школа японского языка, где К. Шульц и Д. Поморцев обучали языку солдатских детей. После смерти К. Шульца (в 1736 г.) и Д. Поморцева (в 1739 г.) преподавать японский язык в школе стал помощник библиотекаря Академии наук Андрей Богданов (о нем также говорилось выше). Еще при жизни Д. Поморцева А. Богданов вместе с ним составил первое в России учебное пособие по японскому языку (см. [240, с. 15; 282, с. 25—26]). В 1753 г. школа японского языка была переведена в Иркутск и стала считаться отделением Навигационной школы. Ее преподавательский состав пополнялся за счет спасшихся от кораблекрушения японцев. В 1761 г. в школе преподавали уже семь японских учителей и обучалось 15 слушателей. Японские учителя — бывшие рыбаки или матросы, как правило, не знали иероглифику и грамматику, поэтому не могли составить сколько-нибудь удовлетворительные учебные пособия. В результате выпускники школы языком владели слабо¹⁶. Все же они содействовали установлению контактов с японцами во время экспедиций на Курильские острова и о-в Хоккайдо (Эдзо).

2 мая 1732 г. сенат издал указ об организации второй Камчатской экспедиции, на которую возлагалась задача открытия земель между Америкой и Камчаткой, а также между мысом Лопатка и Японией, описание побережья Северо-Восточной Азии от устья р. Уда до устья Амура. Сенат предписывал мирными средствами добиваться установления торговых отношений с Японией; запрещалось прибегать к насилию в отношении японцев (см. [63, т. 8, с. 773—775]).

«Правила, данные капитану-командору Берингу относительно плавания в Восточном океане», утвержденные императрицей Анной Иоанновной, предлагали содействовать возвращению на родину японцев, потерпевших кораблекрушение в море или у русских берегов, этим «давая знак дружбы соседства... всякое вспоможение чинить дружески и потом отсылать спасенных людей или и суда их, буде лично, при своих судах, к японским же берегам и отдавать или людей на берег спускать, как выше означено, дабы своею дружбою перемогать их застарелую азиатскую нелюдимость...» Во время пребывания в японских водах рекомендовалось соблюдать осторожность во избежание нападения, не захватывать японские суда и не наносить обид жителям побережья Японии, ибо «невозможно будет сыскать дружбы на земле, ежели в море хотя малое озлобление показать» [63, т. 8, с. 1008—1009]. Эти же пункты были включены и в инструкцию адмиралтейств-коллегии капитану Мартину Петровичу Шпанбергу — начальнику экспедиции на Курильские острова и в Японию. Экспедиция М. П. Шпанберга, о которой говорилось выше, 16 июня 1739 г. впервые достигла северо-восточного побережья о-ва Хонсю. 18 июня русские бросили якоря на 38° 52' с. ш. Японцы на двух лодках подошли к судам и знаками пригласили русских на берег. Однако, опасаясь нападения скопившихся на берегу вооруженных людей, М. П. Шпанберг поднял якоря и продолжил путь на юг. 22 июня суда остановились в бухте Тасирохама, у деревни Исомура (уезд Одзика, провинция Рикудзэн) (см. [270, с. 50—51]).

Произошел обмен: русские угостили рыбака Кисабээ хлебом и передали ему игральные карты, а тот, в свою очередь, угостил моряков табаком. Староста деревни Дзэнбээ посетил судно «Архангел Михаил», где ему было разрешено «все осмотреть». Затем японцы доставили на корабль рыбу, рис, листовый табак, редьку, соленые огурцы, сакэ (рисовая водка) и другие товары. М. П. Шпанберг передал японцам сухари, вино, табак, одежду и русские монеты. Обмен велся с большой охотой обеими сторонами. Но объясниться не удалось; взятые на Курилах в качестве переводчиков трое айну (коренные жители Курил) японского языка не знали (см. [250, т. 2, ч. 2, с. 18—19]).

Вскоре корабль М. П. Шпанберга посетил прибывший из Сэндая (административный центр княжества Датэ) чиновник Тиба Канситиро в сопровождении трех местных чиновников. Начальник экспедиции разрешил японцам все записать, «угостил их», подарил меха и монеты, показал на карте Россию и другие страны, а японцы на карте показали ему Сонгарский пролив (пролив Цугару) и Японию. Без переводчика М. П. Шпанберг не смог объяснить цели прибытия русских к берегам Японии, но понял, что чиновники настаивают на уходе кораблей. Вокруг русских судов собралось 79 сторожевых лодок. Опасаясь нападения, М. П. Шпанберг приказал поднять паруса и взять курс на север. Через день экспедиция посетила восточное побережье

о-ва Хоккайдо (Эдзо), однако никого из жителей не обнаружил. Затем участники экспедиции начали описание южной части Курильских островов. Приняв подарки, местные жители айну заявили, что никому не подчиняются (см. [282, с. 28—29]).

Лейтенант В. Вальтон на корабле «Св. Гавриил», отставшем от корабля М. П. Шпанберга, посетил о-в Хонсю. Русские моряки высадились у большой деревни Амацумура (уезд Нагаса, провинция Ава), зашли в два дома рыбаков, которые помогли им набрать пресной воды, угостили рисом, редькой, сакэ, подарили табак и трубки. За это штурман Казимиров дал японцам бусы и серебряные монеты. Но, опасаясь наказания за связь с чужеземцами, рыбаки отдали подарки старосте деревни и его помощнику, которые отправили русские монеты вместе с донесением чиновнику Хара Сингоро.

Японский чиновник посетил каюту В. Вальтона, и тот принял его с почетом. Чиновник привез подарки, держался дружелюбно. Но, не зная языка, В. Вальтон, как и М. П. Шпанберг, не мог объяснить целей своего прибытия. Корабль «Св. Гавриил» подошел к гавани Симода, но японцы воспрепятствовали его заходу в бухту (см. [282, с. 29—30]).

С большой наблюдательностью русские моряки в своих журналах и отчетах подробно описали японские селения, встречи с местными жителями, их внешность, суда, товары и т. п. (см. [270, с. 53—55]). Огромное значение экспедиции 1739 г. заключается в том, что русские мореплаватели открыли северный путь в Японию; была выполнена и большая картографическая работа — описано северо-восточное побережье о-ва Хонсю и проложен по карте путь в Японию.

Однако в сведениях М. П. Шпанберга и В. Вальтона были определенные противоречия. К тому же отсутствие переводчиков помешало им объяснить японским чиновникам заинтересованность русского правительства в установлении торговых и других отношений с Японией.

В соответствии с инструкциями, русские суда удалялись, как только замечалось скопление вооруженных людей на берегу и сторожевых лодок около судов. Вывод был сделан один — японские власти не хотят допустить высадки чужестранной команды на берег и добиваются ухода их кораблей.

В 1725—1730 гг. и 1732—1743 гг. были организованы две экспедиции Беринга, давшие обильный материал по исследованию берегов Северной Азии, Камчатки и Сибири. Они сыграли важную роль в освоении русскими Курильских островов, Сахалина и Северной Америки. Экспедиции собрали богатейшие сведения и коллекции по зоологии, ботанике, географии, минералогии, этнографии, истории, лингвистике. В них приняли участие русские и иностранные географы, естествоиспытатели, историки: С. П. Крашенинников, И. Г. Гмелин, С. И. Челюскин, Ф. И. Миллер и др. Русские мореплаватели Дмитрий и Харитон Лаптевы, С. Г. Малыгин, Л. И. Чириков, участвовавшие в экс-

педициях, сделали много географических открытий. Не случайно ряд географических наименований связан с именами участников этих экспедиций: Берингов пролив, мыс Челюскина, море Лаптевых и др.

Третья Камчатская экспедиция М. П. Шпанберга в 1744 г. имела в своем составе переводчиков, знавших японский язык, но не смогла достичь берегов Японии; экспедиция произвела обследование северо-восточного побережья Сахалина и материка почти до устья Амура.

Между 1768 и 1774 гг. были совершены так называемые академические экспедиции, в которых приняли участие П. С. Паллас, И. Г. Гмелин, И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецковский, Н. П. Соколов и др.

Собранные экспедициями материалы не потеряли значения и до нашего времени. Морские промышленные экспедиции П. К. Криницына, М. Д. Левашова, Г. И. Шелехова и др. имели важное значение для изучения России и омывающих ее морей и океанов. Многочисленные исследования в области географии России дали возможность Академии наук еще в 1745 г. издать «Атлас Российский», составленный из 19 больших карт. Выход в свет этого атласа был событием мирового значения: к середине XVIII в. лишь одна Франция имела атлас, подобный русскому. В Японии такого атласа не было.

Вся эта огромная работа, проделанная правительством России в XVI—XVIII вв. по организации экспедиций, свидетельствовала о большом интересе России к Востоку. Но в центре внимания русского правительства в области внешней политики в XVII — начале XVIII в. оставались две основные проблемы — польская и турецкая; шведская проблема была разрешена при Петре I. Вместе с тем вопрос «европейского баланса» и стремление играть решающую роль в делах Европы и за ее пределами (отсюда и интерес к Дальнему Востоку), а также поддерживать международный престиж, приобретенный Россией при Петре I, определяли ряд других внешнеполитических мероприятий российского правительства при Анне Иоанновне и Елизавете. В середине 20-х годов XVIII в. Западная Европа разделилась на две враждовавшие группы: Франция, Англия и Пруссия в 1726 г. заключили договор, направленный против Австрии и Испании. Господство России над Прибалтикой, движение на восток вызывали беспокойство Англии, стремившейся господствовать как в Европе, так и за ее пределами. В этой сложной международной обстановке России ничего не оставалось, как примкнуть к союзу с Австрией, которая к тому же являлась ее естественным союзником в борьбе против Турции. Оборонительный союз с Австрией был заключен в 1726 г. Впоследствии правительству Анны Иоанновны удалось заключить «вечный мир» с шахом Надиром, направленный против турецкого султана. В 1735 г. началась тяжелая война в союзе с Австрией против Турции и Крыма.

В середине 40-х годов XVIII в. Россия приняла участие в войне против Франции и Пруссии на стороне Австрии и Англии. В 1750 г. Англия даже присоединилась к австро-русскому союзу в борьбе против Пруссии. Резкое изменение международной ситуации в Западной Европе — война между Англией и Францией — побудило Англию заключить союз с Пруссией. Русское правительство ввиду опасности, которую представляло для России чрезмерное усиление Пруссии, примкнуло к австро-французскому оборонительному союзу. Намечался раздел Пруссии, в результате которого должны были получить разрешенные насущные вопросы внешней политики России — турецкий и польский. Несмотря на смену лиц на престоле, правительство России вело довольно решительную и определенную политику. Лишь неожиданная смерть Елизаветы в 1762 г. спасла Пруссию от разгрома, а приход к власти Петра III ненадолго повернул политику России в сторону сближения с Пруссией.

Сказанное выше свидетельствует о том, что основное внимание России было приковано к Европе и частично к Средней Азии (Турции и Персии). Однако и преемники Петра I сохранили интерес к странам Восточной и Южной Азии, к освоению дальневосточных окраин.

Успехам России на международной арене, укреплению ее позиций способствовало наличие в составе правительства выдающихся дипломатов, каким, например, был А. И. Остерман, начавший свою карьеру еще при Петре I.

Екатерина II с первых же шагов приняла большое и активное участие во внешней политике своего государства. Она выставляла себя поборницей национальной политики, и это придавало всем ее действиям большую силу. Во главе ведомства иностранных дел в течение почти 20 лет фактически находился один из наиболее образованных и умных государственных людей того времени — Н. И. Панин. Екатерина II писала, что он «самый искусный, самый смысленый, самый ревностный человек при... дворе» [212, с. 285]. Н. И. Панина сменил «полномочный для всех негоциаций» князь А. А. Безбородко, даровитый и работоспособный, исполнительный чиновник. Поскольку Екатерина II сама занималась международными делами, он, в сущности, являлся только прекрасным исполнителем воли императрицы. Непосредственное участие во внешнеполитических делах принимал Г. А. Потемкин. В последней трети XVIII в. Россия в основном разрешила внешнеполитические задачи, унаследованные ею от XVII в.: были закреплены достижения Петра I в Прибалтике, воссоединена большая часть земель, населенных родственными русскому народу белорусами и украинцами. Россия также укрепила свои позиции на Черном море, завоевала определяющий голос в решении общеевропейских проблем. Важные мероприятия были осуществлены и на Тихом океане. Владениями России стали земли Северной Америки, Курильские, Алеутские и другие тихоокеанские острова, начато

их освоение. Возросшее международное значение России сказало-сь и в том, что постепенно за ее правителями стал призна-ваться императорский титул. В то время как Западная Европа раздиралась противоречиями и между западноевропейскими государствами шла непрерывная борьба, «единая, — по выра-жению Энгельса, — однородная, молодая, быстро растущая Россия, почти неуязвимая и совершенно недоступная завоева-нию» [6, с. 21], сумела занять выдающееся положение среди прочих европейских держав.

Что касается Японии, то первое появление русских судов у ее берегов было зафиксировано в японских хрониках и осталось в памяти японского населения. Голландцы в Нагасаки, ознако-мившись с монетами и другими предметами, подаренными рус-скими во время второй Камчатской экспедиции, установили национальную принадлежность судов (см. [336, с. 56—62; 270, с. 52—55]). Боясь потерять свою монополию на торговлю с Японией, они старались убедить японское правительство в том, что Россия угрожает безопасности японских владений.

13 июля 1739 г. сегунское правительство издало новую, более жесткую инструкцию об охране морского побережья Японии, которая предписывала насильственно удалять иностран-ные суда из японских гаваней. Инструкция отражала ужесточе-ние правительственного курса на самоизоляцию страны, кото-рый являлся основной помехой в установлении связей между Японией и Россией. Между тем условия экономического разви-тия обеих стран создавали определенную возможность и необ-ходимость взаимовыгодного обмена.

Глава 2

ПОЛИТИКА РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. ПОПЫТКИ НАЛАЖИВАНИЯ КОНТАКТОВ С ЯПОНИЕЙ

Первое русское посольство в Японию

Освоение тихоокеанского побережья вплоть до устья Амура, открытие и присоединение Курильских островов и Сахалина утвердили Россию как тихоокеанскую державу. Границы России соприкасались с японскими владениями. Рост потребностей населения русских дальневосточных окраин и тихоокеанских владений, развитие товарно-денежных отношений в России и северных районах о-ва Хонсю создавали объективные условия для товарообмена. Однако политика самоизоляции, которой придерживались японские правители, с одной стороны, отдаленность от центра и неосвоенность русских тихоокеанских владений с другой, создавали огромные трудности для установления торговых и дипломатических отношений между двумя странами.

Со стороны России серьезным тормозом для проведения активной внешней политики на Тихом океане являлась сложная внутривнутриполитическая обстановка в стране.

В основе социально-экономического развития России этой эпохи была борьба нарождающихся капиталистических отношений с отживающими феодальными. Процесс разложения феодально-крепостнического строя в России, наметившийся еще в конце XVIII в., продолжал развиваться с нарастающей интенсивностью. Рост товарно-денежных отношений, развитие промышленности, использование в ней машин, упадок мануфактурного производства, очевидное превосходство труда вольнонаемных рабочих перед крепостным, развитие городов, рост купечества, представляющего ядро нарождавшейся буржуазии, — все это свидетельствовало о том, что в недрах феодальной формации вызревали и развивались элементы нового социально-экономического строя — капитализма.

Развитию новых капиталистических отношений отчаянно противодействовали крепостники-помещики, противившиеся каким бы то ни было преобразованиям в политической и экономической областях. Их поддерживало самодержавие, которое стремилось сохранить старые порядки не только в России, но и во

всей Европе, на что затрачивались огромные средства. Это не могло не сказаться на характере внешнеполитических доктрин России и ее международной политике.

Отвлечение сил на борьбу с революционными движениями в Европе, на решение проблем Ближнего Востока соответственно ограничивало возможности России на Дальнем Востоке. В последние десятилетия XVIII в. в Петербурге обсуждались планы отправки посольств в Японию под предлогом возвращения на родину японцев, попавших в Россию в результате кораблекрушений. Такую идею 13 февраля 1790 г. официально выдвинул иркутский и колыванский генерал-губернатор И. А. Пиль, подержавший планы купцов Г. И. Шелехова и И. И. Голикова.

В августе 1783 г. потерпело крушение у Камчатки японское судно «Синсё-мару». Спаслось 16 человек, в том числе капитан Кодаю Дайкокуя. Русские моряки, потерпевшие крушение у того же острова в 1785 г., построили своими силами баркас и на нем доставили в Нижнекамчатск оставшихся к тому времени в живых японцев. Здесь их обеспечили одеждой, питанием и лечением. В 1789 г. их перевезли в Иркутск. В Иркутске наиболее грамотные из них были определены учителями японского языка [35, д. 1, л. 1]. Кодаю познакомился здесь с профессором Кириллом (Эриком) Лаксманом, который собирался в плавание к устью Амура, Сахалину, Курильским островам, Хоккайдо и берегам Японии. Исходя из бесед с японцами, К. Лаксман 20 апреля 1790 г. представил доверенному советнику Екатерины II А. А. Безбородко доклад о торговле Японией с голландцами и китайцами, рукописную карту Японии, полученную от Кодаю, и проект снаряжения посольства во главе с одним из своих сыновей (см. [231, с. 237—240]).

По распоряжению Екатерины II К. Лаксман доставил потерпевших кораблекрушение в Петербург. По рассказам самих японцев, «их приняли очень хорошо»: поместили в «роскошных покоях, обеспечили обильной пищей», теплой одеждой, показывали музеи, обсерваторию, возили в Петергоф к наследнику престола Павлу, высшим чиновникам (см. [330, с. 165]). Были они также приняты Екатериной II. Она расспросила их об условиях торговли с Японией и подчеркнула, что заключение русско-японского торгового договора одинаково выгодно для обеих стран. Если же японское правительство «отклонит предложение», то она «настаивать не будет» (см. [250, т. 2, ч. 2, с. 71]).

На основании записей Кодаю известный японский писатель Иноуэ Ясуси создал документальный роман «Сны о России», где описывает жизнь в России XVIII в., дружелюбное отношение к Кодаю русских людей, которые, по создавшемуся у Кодаю впечатлению, великодушны, деятельны, отважны. Книга рассказывает о зарождении русско-японских связей в XVIII в. [142].

На основе представления И. А. Пилия и проекта К. Лаксмана 13 сентября 1791 г. Екатерина II направила И. А. Пиллю указ

«О установлении торговых отношений с Японией», отметив, что «случай возвращения сих японцев в их отечество укрывает надежду завести с оным торговые связи». Экспедиция должна была отправиться в Японию от имени генерал-губернатора (дабы не уронить престиж русской императрицы в случае отказа посольству в установлении торговых отношений между двумя странами и не возбудить подозрений Англии и Голландии по поводу целей русской политики на Дальнем Востоке).

И. А. Пиль должен был также убедить кого-либо из богатых иркутских купцов отправиться в Японию или послать приказчиков «с некоторым количеством отборных товаров, для жителей той страны потребных», а взамен «купить японских товаров» для выяснения «будущих... торговых предприятий в Японии». Потерпевших кораблекрушение японцев должен был сопроводить на родину сын К. Лаксмана А. Лаксман. Ему поручалось по пути в Японию вести научные наблюдения и собрать сведения о торговле Японии с другими странами. Двоих японцев — принявших христианство Синдзо (Н. П. Колотыгин) и Сёдзо (Ф. С. Ситников) — предлагалось оставить при иркутском народном училище в качестве учителей японского языка, прикрепив к ним пять-шесть семинаристов, с тем чтобы «они со временем могли служить и переводчиками, когда произойдет желаемая связь с японским государством» [63, т. 23, с. 250—251].

13 сентября 1792 г. транспорт «Екатерина» под командованием 26-летнего поручика Адама Лаксмана покинул Охотск¹. 7 и 8 октября 1792 г. русские дважды высаживались на северо-восточном побережье о-ва Хоккайдо, у устья р. Нисибэцу. Встретившись с японцами, обменялись подарками. 9 октября транспорт прибыл в залив Нэмуру. Японские чиновники встретили русский экипаж приветливо, разрешили построить казарму и домик для зимовки около японских бараков (см. [270, с. 108]). Чиновники сообщили, что на зимовку они обычно возвращаются в Мацумаэ, а в Нэмуру оставляют лишь несколько человек (см. [31, д. 1, п. 22, л. 16—20]). Они не препятствовали научным экспедициям русских в окрестностях Нэмуру, но запретили торговлю с местными жителями.

12 октября японские чиновники отправили губернатору Эдзо свое донесение и письмо А. Лаксмана о приключениях японцев, попавших в Россию в результате кораблекрушения, и гуманном решении императрицы Екатерины II вернуть их на родину с посольством к японскому правительству (см. [282, с. 553]).

13 декабря А. Лаксмана посетили чиновник княжества Мацумаэ — Судзуки Кумадзо и врач Като Кэндэ Киотоси, которые сообщили ему об отправке в столицу письма А. Лаксмана и донесения губернатора Эдзо. Во время визита они с интересом выслушали рассказ А. Лаксмана о европейских и азиатских государствах, осмотрели большой глобус, который казался им диковинным.

В конце декабря прибыли столичные чиновники Танабэ

Ясудзо, Тагусагава Дэндзиро и врач Гэннан. В ходе беседы все с большим «прилежанием и трудолюбием», как отмечал А. Лаксман, интересовались географическим положением России, фабриками и их изделиями, осмотрели золотые, серебряные и медные монеты, сделали модель судна, сняли чертежи с инструментов и токарного станка и т. п. По просьбе японцев участник экспедиции переводчик Е. Туголуков на копиях русских карт, снятых японцами, написал латинскими буквами географические названия (см. [31, д. 1, п. 22, л. 20—24]). Но не это больше всего интересовало чиновников. В ходе беседы с А. Лаксманом они признали, что приехали «установить контроль над сношениями русских с княжеством Мацумаэ, которое пыталось вести собственную политику».

Что же касается установления торговых отношений, Танабэ Ясудзо отметил, что, если правительство Японии разрешит торговлю с русскими, «голландцам не вельми оное понравится», поскольку, «как мы видим у вас все то же, что и оне к нам привозят... [с той лишь разницей, что] Российское государство весьма в близком разстоянии от нас, нежели в какой отдаленности Голландия» [31, д. 1, п. 22, л. 25—26].

Начальник голландской фактории на о-ве Дэсима систематически строил козни против России, опасаясь потери Голландией монопольного права на торговлю с Японией. Он убеждал японцев, что «экспансия» России на Дальнем Востоке является угрозой для северных владений Японии. Голландцы, в частности, ссылались на пресловутое «предостережение» авантюриста М. А. Беневского².

М. А. Беневский утверждал, что «два русских галиота и один фрегат, выполняя тайный приказ, совершили плавание вокруг берегов Японии и занесли свои наблюдения на карту, готовясь к наступлению на Мацумаэ (Хоккайдо) и прилегающие к нему острова, расположенные на 41°38' северной широты, наступлению, намеченному на будущий год». И будто бы с этой целью на одном из Курильских островов, находящихся ближе других к Камчатке, «построена крепость и подготовлены снаряды, артиллерия и провиантские склады» (цит. по [214, с. 37]).

В недостоверности этих сведений не может быть ни малейших сомнений. Россия направляла все усилия лишь к тому, чтобы сохранить свои тихоокеанские владения, состоявшие из колонии на Камчатке, поселений на Курилах и цепочки постов на Аляске. М. А. Беневский, несомненно, знал действительное положение дел, но любовь к правде никогда не входила в число его добродетелей. Возможно, он рассчитывал на благосклонное отношение голландцев или же пытался насолить русским властям, не давшим развернуться авантюристическим способностям самозваного офицера Священной Римской империи³.

Не имея возможности прочесть написанный по-немецки текст, японские власти переслали письмо голландцам для перевода. Голландцы и японские переводчики рассказали содержание

письма М. А. Беневского «заинтересованным людям» в Нагасаки.

Внезапно обнаруженная «угроза» безопасности Японии со стороны иностранного государства служила серьезным аргументом в пользу усиления военных приготовлений. Хиродзава Кёкудзан (1733—1791) в 1777 г. отправился на Хоккайдо, очевидно, чтобы проверить правильность слухов о проникновении русских. Он рассказал представителям клана Мацумаэ, имевшим владения на острове, о «страшном предостережении» Беневского, но те не разделили его тревоги. Правда, лишь потому, что были твердо уверены в храбрости японских воинов и в том, что они по-прежнему могут с успехом противостать огнестрельному оружию иностранцев (см. [333, с. 29—33]).

В 1780 г. Нагасаки посетил врач Кудо Хэйскэ (1734—1800). Директор голландской фактории «доверительно» поведал ему множество «государственных секретов». По мнению голландцев, сказал директор, японцы очень плохие политики, раз они позволили русским постепенно завладеть всеми Курильскими островами. Кудо, однако, отнесся с недоверием к сообщению о русских посягательствах на Японию. Он высказал верное предположение, что голландские купцы нарочно распространяют подобные сведения, чтобы сохранить за собой торговую монополию. «Я не могу поверить, что Россия собирается воевать с нами,— писал он.— Не может быть, чтобы русское правительство придавало значение инциденту на о-ве Эдзо, который случился несколько лет назад» [311, с. 217]. Все же Кудо в опубликованной им в 1781 г. книге «Изучение сообщений о рыжих айну на Эдзо» (т. е. русских) предложил расследовать «все, что связано с визитом М. А. Беневского» [311, с. 218].

Труд Кудо привлек внимание Танума Окицугу, фактического диктатора Японии, который, не удовлетворившись докладом клана Мацумаэ о «положении на севере», распорядился снарядить небольшую экспедицию на Хоккайдо, Курилы и Сахалин, с тем чтобы «получить достоверную информацию».

Экспедиция состоялась в 1785—1786 гг. Ее результаты были опубликованы в «Эдоском альманахе». Участники экспедиции подтвердили слухи о деятельности русских на Курилах, но совсем не в области военных приготовлений. На о-ве Уруп они встретили группу «рыжих айну», которые жили там уже шесть лет и занимались мирными промыслами. Слухи о «страшной русской угрозе» оказались злонамеренным вымыслом. Отчет экспедиции был отправлен пылиться в правительственный архив.

В эти годы (1787—1793) правительство сёгуна возглавлял Мацудайра Саданобу, по оценкам японских историков, один из наиболее способных и энергичных представителей правящей феодальной верхушки. До 1812 г. он руководил созданным им управлением по охране морского побережья и разделял мнение тех представителей правящих кругов, которые считали, что развитие внешней торговли может привести к вывозу драгоценных

металлов, меди и других «необходимых материалов», обогатить лишь купцов-посредников. Его страшила возможность проникновения западной идеологии в японское общество, вмешательства иностранцев во внутренние дела Японии. Все это он рассматривал как угрозу феодальному режиму. Пытаясь задержать процесс разложения феодализма, Мацудайра Саданобу осуществил ряд реформ, направленных на восстановление старых японских обычаев, на осуществление экономии в расходовании государственных средств, оказание помощи самураям, прекращение процесса разорения деревни. Принял он и ряд мер против проникновения в страну иностранцев. Именно при нем в сентябре 1791 г. был издан указ об уничтожении чужестранных судов, появляющихся в японских водах и пленении их экипажей (см. [318, т. 2, с. 10]).

Авантюры М. А. Беневского в известной мере подтолкнули Хаяси Сихэя подготовить исследование «Военные беседы для морской страны». Книга вышла в свет в 1791 г. В ней Хаяси поставил вопрос о необходимости создания военно-морского флота и укрепления береговой линии морскими батареями, способными отразить нападение иностранцев на Японию. Японцы, писал Хаяси, были «совершенно не осведомлены, в чем суть подлинной обороны, необходимой морской стране» [345, с. 9].

В то время Япония не имела не только ни одного военно-морского судна, но и вообще ни одного большого корабля. Военная наука следовала китайским военным доктринам и концепциям. Хаяси считал ошибочным следовать курсу военных доктрин Китая. Японцы прилежно штудировали правила, изложенные в древних китайских трудах, таких, например, как знаменитый трактат «О военном искусстве» Сун Цзы. Но для Китая того времени основной проблемой были взаимоотношения с кочевыми племенами у его границ. Поэтому военная наука рассматривала способы ведения войны только в горах и долинах внутри страны. Возможность же нападения неприятельского военно-морского флота в трудах китайских военных теоретиков вообще не рассматривалась.

В качестве потенциальных врагов Японии Хаяси называл китайцев и русских. Маньчжурская династия, утверждал он, свела на нет добрые нравы китайского народа и китайцы уже не являются теми носителями просвещения, которыми их было принято считать в силу давних традиций. Но из двух врагов основным Хаяси считал Россию. Визит М. А. Беневского в Японию он рассматривал как рекогносцировку действий со стороны России [345, с. 11—12].

Вскоре после публикации книги по приказу Мацудайра Саданобу Хаяси Сихэй был арестован, просидел полгода в заточении, а затем был сослан и прожил еще год под надзором до самой своей смерти.

Преступление Хаяси, с точки зрения правящих кругов Японии, состояло не в том, что он отважился критиковать прави-

тельство, а в том, что он посмел обнародовать взгляды, которые считались опасными для внутреннего спокойствия государства. Мацудайра Саданобу, по существу, не был против новых идей и предложений Хаяси Сихэя, что подтверждается тем фактом, что он приказал усилить береговую оборону и сам совершил инспекционную поездку по восточному побережью. Просто он не мог оставить безнаказанной дерзость Хаяси, который открыто апеллировал к народу.

Когда до Мацудайра Саданобу дошло письмо А. Лаксмана, он растерялся. Смысл написанного по-японски послания был для него ясен. Россия хотела начать переговоры о торговле. Последние попытки европейских стран добиться торговых привилегий в Японии были предприняты Англией в 1674 г. и Португалией в 1685 г. И Англии и Португалии было отказано: англичанам — потому что их королева по происхождению была португалка, португальцам — потому что их считали главным источником христианской ереси. Как поступить с Россией?

Советники Мацудайра Саданобу разошлись во мнениях. Один из них считал, что надо принять потерпевших бедствие японских моряков и затем велеть русским немедленно покинуть Японию. Другой настаивал на том, чтобы торговые переговоры с русскими вести в Нагасаки. Третий предлагал открыть для торговли о-в Хоккайдо (см. [300, с. 1367]). Мацудайра Саданобу, будучи конфуцианцем, стал искать прецедент в истории. И нашел его. В 1727 г. король Камбоджи прислал подарки сёгуну и предлагал начать торговлю. Подарки были отвергнуты, но камбоджийцам разрешили посетить Нагасаки. Мацудайра Саданобу считал, что предложение русских о торговле напоминает камбоджийское. Он также по достоинству оценил великодушие русских, возвративших на родину японских моряков, что обязывало его относиться к русским и по закону, и с соблюдением подобающих правил вежливости, не оскорбляя Россию прямым отказом. Поэтому-то он и отверг предложения некоторых сановников и наиболее агрессивных представителей самурайства применительно к русским указ 1791 г., сознавая, что Япония не подготовлена к столкновению с могущественной Россией, и разрешил одному русскому кораблю отправиться в порт Нагасаки, где над его командой учреждался такой же строгий надзор, как и над голландцами (см. [324, с. 107]). Он и позднее, в апреле 1793 г., во избежание конфликтов с русскими дал указание береговой охране и властям приморских провинций «не применять решительных мер без достаточных на то оснований» (цит. по [318, ч. 2, с. 107]).

2 марта 1783 г. высокопоставленные эдоские чиновники, уполномоченные вести переговоры с русскими, прибыли в г. Мацумаэ и направили своих представителей (Мурата Хёдзаэмон, Ота Хокобэй и Иноуэ Тацуносукэ) в Нэмуру, где те встретились с А. Лаксманом и задали обычные вопросы: каковы причины прибытия русского корабля, от кого они прибыли, от императ-

рицы или кого-либо из сановников? и т. п. Затем чиновники предложили русским представителям отправиться сухим путем в Мацумаэ, на что А. Лаксман ответил отказом и стал добиваться отплытия на судне «Екатерина», поскольку долгий сухопутный путь вынудил бы их зимовать второй год в Нэмуру. И без того команда была сильно истощена из-за отсутствия свежей пищи и овощей, 15 человек заболели цингой. Длительное бездействие и пребывание на чужбине, распри среди командования (молодой начальник экспедиции не пользовался достаточным авторитетом) привели к деморализации команды. После многочисленных и долгих проволочек японцы наконец дали свое согласие, и 4 июня 1793 г. русское судно покинуло Нэмуру. 8 июня оно прибыло в Хакодате (см. [270, с. 110]).

В сопровождении большого военного эскорта (около 450 человек) и 16 чиновников А. Лаксман и десять его спутников, а также японцы Кодаю и Исокити 16 июля были доставлены в г. Мацумаэ в новое здание с вывеской «Русский дом». Около дома был выставлен караул. От А. Лаксмана и его спутников потребовали, чтобы при входе в зал для приемов они сняли обувь, а затем стали на колени перед уполномоченным сёгунского правительства, что А. Лаксман решительно отверг и заявил, что такие формальности не соответствуют одежде, обычаям и достоинству русских представителей.

17 июля состоялась его встреча с японскими уполномоченными. А. Лаксман сообщил им о поручении И. А. Пиля отправиться в Эдо, с тем чтобы вручить правительству письмо, передать привезенных японцев, и подчеркнул также желание договориться о будущем сотрудничестве России с Японией.

Действуя в соответствии со своей политикой (самоизоляции) и страшась серьезных переговоров с иностранцами, японцы прибегали ко всевозможным уловкам, чтобы только избежать переговоров: они вернули письмо А. Лаксмана от 12 октября 1792 г. якобы из-за невозможности прочитать японский перевод письма, а затем отказались принять и исправленный перевод. 19 июля эдоские чиновники сообщили А. Лаксману, что уполномоченные не могут принять и письмо И. А. Пиля, поскольку оно не адресовано и т. п. (см. [270, с. 113]).

В ответе же сёгунского правительства на письмо А. Лаксмана, зачитанного в присутствии японских уполномоченных, указывалось, что другим иностранным державам сношения с Японией строго запрещены, что иностранцы, высадившиеся в Японии, будут схвачены и посажены в тюрьму, что торговать разрешено лишь голландцам и только в Нагасаки. Учитывая же, что русские проделали опасный путь и были незнакомы с этими законами, они могут «сдать» привезенных японцев уполномоченным и получить письменное разрешение посетить Нагасаки для переговоров о торговле.

Повторные встречи не изменили позиции японцев. Уполномоченные, заслушав наконец перевод письма И. А. Пиля, повторили

ли, что вопрос о договоре не может обсуждаться в Мацумаэ; для этой цели русским предлагалось прибыть в Нагасаки. 23 июля 1793 г. было передано разрешение на посещение Нагасаки только одним русским судном и высадку там экипажа при условии соблюдения установленных в Японии правил, в частности закона о запрещении проповеди христианства (см. [31, д. 1, п. 22, л. 59—62, п. 26, л. 49 и др.]).

Пожелание А. Лаксмана нанести визит губернатору Мацумаэ было отклонено: в Эдо не хотели установления прямых контактов княжества с Россией. Не была удовлетворена и просьба А. Лаксмана о продаже или хотя бы показе русских товаров населению. Более того, чтобы не допустить обмена русских товаров на японские продукты, японские власти сами снабдили команду припасами, доставленными для нее в Хакода-тэ (см. [270, с. 115]).

11 августа «Екатерина», дав прощальный салют (чем вызвала недовольство японских властей), покинула негостеприимные японские берега. На обратном пути, проходя мимо о-вов Итуруп и Уруп, русские сделали описание их берегов; осмотрели также и другие острова Курильской гряды.

После годового путешествия, 8 сентября 1793 г. экспедиция вернулась в Охотск.

Генерал-губернатор И. А. Пиль положительно оценил результаты экспедиции. Однако в правительстве считали, что А. Лаксману не удалось установить отношения с Японией из-за того, что он не получил полномочий выступать от имени императрицы, занимал невысокое служебное положение, не обладал дипломатическими способностями (вместо открытого порта Нагасаки посетил гавани Хоккайдо). Нам представляется, что, несмотря на недостаток опыта, работая в трудных условиях, созданных японскими властями, А. Лаксман добился все же некоторых успехов: сёгунское правительство приняло его как официального представителя России, допустило пребывание русских в Японии в качестве гостей; ответ ему был вручен официальными японскими уполномоченными. Большое научное значение имели также сведения о Хоккайдо (Эдзо) и южных Курильских островах, составление более точных карт Кунашира и Итурупа, а также привезенные коллекции образцов фауны и флоры Северной Японии, семена сельскохозяйственных культур, зарисовки и чертежи местностей, где до того не бывали европейцы и т. п.

Экспедиция продемонстрировала мирные намерения России в отношении Японии, посещение Японии русскими кораблями послужило толчком к изучению русского языка, нравов русского народа. Карты, подаренные А. Лаксманом⁴, оказали свое влияние на японскую картографию. В Японии стали появляться новые книги о России, содержавшие и доброжелательные отзывы (см. [31, д. 1, п. 45, л. 11—12; 110, ч. 1, с. 65—69, 89; 386, с. 7]).

Однако основной цели экспедиции — установления торговых

отношений с Японией — достичь не удалось. Екатерина II была разочарована результатами миссии А. Лаксмана, о чем она сообщала своим европейским друзьям, в частности Ф. М. Гримму [62, с. 609, 661] (в 1792—1796 гг. являлся русским посланником в Нижней Саксонии), но интереса к Японии и выяснению возможностей установить с ней торговые отношения не потеряла. Так, 3 ноября 1795 г. императрица просила Ф. М. Гримма отправить для нее с русским курьером в Петербург записку французского генерального консула в Малой Азии эмигранта д'Огара о торговле с Россией [62, с. 661]⁵.

Позднее полученная А. Лаксманом лицензия на посещение Нагасаки явилась юридическим основанием для пребывания в Японии русского посольства Н. П. Резанова в 1803 г.

Реакция Японии на посольство А. Лаксмана

Возвращенный А. Лаксманом капитан Кодая оказался в центре внимания японского общества. Его принял сёгун. Сёгун рассмотрел подарки и книги, привезенные из России, и расспросил о его жизни в далекой стране. Вопросы были неожиданными и часто неоправданными. Так, он спросил: «В одной из башен московского Кремля имеются большие часы. Видел ли ты эти часы?» Спросил о статусе Петра Великого и знаменитой московской царь-пушке. Затем последовал вопрос: «Приходилось ли тебе видеть верблюда?» (см. [399, с. 37—39]).

Запись беседы Кодая с сёгуном вел известный врач Кацурагава. Он день за днем расспрашивал бывшего капитана о каждой мелочи из того, что довелось ему увидеть и пережить в России. Поражает наблюдательность Кодая. Ничто мало-мальски примечательное в России не ускользнуло от его взора. На основе воспоминаний Кодая Кацурагава в своих записях воссоздал самую вразумительную картину жизни огромного государства.

В награду за привезенную информацию Кодая была назначена щедрая пенсия, разрешено жениться по собственному выбору, но приказано удалиться в имение сёгуна, где он прожил до самой смерти в 1828 г., служа садовником (см. [304, с. 149—152]). Правительство опасалось, как бы он, пусть и случайно, не рассказал о таких вещах, которые лучше было бы хранить в тайне: о французской революции, о прогрессивных идеях русских и западноевропейских философов, ученых и т. п.

В изолированной от мира Японии возвращение одного из ее подданных из европейской страны было заметным событием. Рассказы Кодая Дайкокуя способствовали тому, что страх перед русским продвижением на юго-восток сочетался с безудержным восхищением Екатериной II и ее правлением. Контакты с Россией заставили правящую верхушку японского общества осознать, что самоизоляция Японии может быть нарушена. Они же

дали и определенный толчок движению за превращение Японии в государство, которое не уступало бы в техническом и военном отношении государствам Европы. Японские политологи, экономисты, философы стали выдвигать различные планы и проекты.

Один из известных идеологов самурайства, ученый-энциклопедист Хонда Тосиаки (1744—1821), в своем сочинении «Секретный план для правительства», написанном в 1798 г., сформулировал основные принципы экономики, которых должно, по его мнению, придерживаться правительство. Его экономическая программа состояла в утверждении «четырех первоочередных потребностей»: «пороха, металлов, мореплавания и колонизации» [348, с. 21]⁶.

Порох привлекал его внимание не столько в силу его военного назначения, сколько в силу возможности применить его при прокладке новых русел рек и строительстве каналов. Говоря о металлах, Хонда Тосиаки имел в виду прежде всего драгоценные металлы, которые он в духе идей меркантилизма, ранее популярных в Европе, призывал сосредоточить в Японии. Признавал он и необходимость обычных металлов, использование которых уменьшило бы потери от «огня и гниения». Однако ключевыми пунктами его теории были мореплавание и колонизация, что имеет прямое отношение к теме нашего исследования.

Хонда Тосиаки, как и Хаяси Сихэй, пришел к убеждению, что Япония должна осознать свое положение островного государства и покончить с подражанием политике и доктринам континентального Китая. Но если Хаяси в этой связи настаивал на создании военно-морского флота, то Хонда Тосиаки говорил о тех благах, которые принесет Японии торговое мореплавание. Ссылаясь на опыт Англии и Голландии, он утверждал, что только торговля с другими странами способна создать стабильную и процветающую экономику в Японии. Но для ведения такой торговли необходимы достаточно мощные и большие корабли, способные выдержать долгое плавание, необходимы и подготовленные мореплаватели, знающие теорию навигации, и т. п. Наличие флота, считал он, выведет страну из трудного экономического положения, позволит маневрировать продовольственными ресурсами, приведет к росту населения, устранит причины детоубийства. Но это считал Хонда, не решит всех проблем, стоящих перед страной, ибо размеры земли ограничены, а население способно возрастать беспредельно. Выход один — приумножение пригодных для сельского хозяйства земель путем экспансии, направленной сначала на близко расположенные острова, такие, как Курилы и архипелаг Бонин, а затем на Камчатку, Алеутские острова и Северную Америку. Эти территории, писал Хонда Тосиаки, находятся под властью России и других держав, но географически Япония расположена к ним ближе. Япония должна стать империей, только тогда она достигнет процветания. Столицу Японии Хонда Тосиаки предлагал перенести на Камчатку, так как она лежит в центре будущих владений, а

также еще и потому, что потенциально Камчатка богаче, чем сами Японские острова. В обмен на блага цивилизации, которые японцы принесут завоеванным народам, в Японию потоком хлынут продовольствие и другие товары. И тогда, по его мнению, Японию с полным правом назовут владычицей Востока.

Взяв за пример Великобританию, Хонда Тосиаки составил подробный план колонизации близлежащих территорий и был совершенно уверен, что блага цивилизации, которые японцы несут туземцам, достаточно велики, чтобы заставить местное население не жалеть о своем насильственном порабощении.

Хонда настаивал на немедленном осуществлении своих планов. «Иначе будет поздно,— взывал он.— С каждым днем возвратить Эдзо становится все труднее, потому что айну постепенно перенимают русские обычаи».

Другой теоретик, Кудо Хэйскэ, задолго до Хонда Тосиаки — в 80-х годах XVIII в.— предостерегал о возможности русификации туземцев, которые принадлежат к одной с камчадалами расе. Он утверждал, что туземцы повинуются теперь приказаниям русских и «больше не считаются с пожеланиями японцев».

Начальник магистрата Хакодате в 1803 г. писал: «Россия никогда не вторгается в цивилизованные страны, где существуют правительства. Единственно, что делают русские — это воспитывают туземцев, которые в настоящее время не умеют даже готовить пищу» (цит. по [299, с. 462]).

Идеи утверждения японского суверенитета на севере, высказываемые Кудо Хэйскэ, Хаяси Сихэй и Хонда Тосиаки, не разделялись политическими мыслителями, стоявшими ближе к правительству. Один из них, Накаи Тикудзан (1730—1804), в 1789 г. писал, что Японии следует ограничить свою деятельность на о-ве Эдзо (Хоккайдо) созданием торговых постов. В случае давления со стороны русских эти посты можно будет покинуть без ущерба для престижа Японии. Положительным для Японии он считал то обстоятельство, что между нею и Россией расположены малонаселенные острова. Всякая попытка со стороны Японии колонизовать Эдзо приведет только к напрасной гибели чиновников и солдат и пагубно отразится на развитии Японии (см. [347, с. 56]).

Мацудайра Саданобу разделял именно эти взгляды. Однако Хонда Тосиаки в 1792 г. продолжал настаивать на проведении в жизнь своих идей и представил правительству «памятную записку», в которой доказывал необходимость освоения Эдзо (в частности указывая на то, что таким путем между Японией и Россией будет создана естественная граница, препятствующая русским свободно плавать в японских водах, Япония получит земли, которые дадут обильные урожаи зерна, а на этих землях преступники смогут жить и заниматься полезным трудом и т. д.) (см. [347, с. 317]).

Идеи Хонда Тосиаки имели своих сторонников и противников. Споры по поводу колонизации Эдзо бушевали много лет,

но не дали результатов. Время от времени на север направлялись экспедиции с исследовательскими целями, но ни о какой колонизации Эдзо (Хоккайдо), Сахалина и Курил не могло быть и речи — продолжали действовать законы, запрещающие выезд из страны, распространение за границей сведений о Японии и обучение чужеземцев японскому языку.

Когда Хонда Тосиаки узнал о смерти Екатерины II в 1796 г., ему показалось, что настал удобный момент для решительных действий: Япония сможет легко распространить свое влияние от Курил до Камчатки и далее — на Североамериканский материк. Он торопил: «Еще немного, и будет поздно. Русские обгонят нас на пути к Эдзо» [347, с. 117].

Но ничего не произошло. Японцы, как считал Хонда, упустили возможность создать империю. Но зато не произошло и русского вторжения, предсказываемого многими авторами.

Наряду с агрессивными идеями в Японии в конце XVIII в. активно пропагандировались взгляды о необходимости наладить торговые отношения с Россией.

Кудо Хэйскэ рассчитывал с помощью торговли обеспечить развитие Эдзо и задержать продвижение русских на юг. «Торговля с русскими,— писал он,— может эффективно способствовать развитию Эдзо. Если бы удалось поставить Эдзо под японский контроль, все, чем богат этот край, в том числе драгоценные металлы, можно было бы использовать в наших интересах. Но торговля с Россией, однако, не должна ограничиваться районом Эдзо. Нагасаки и все другие важнейшие порты Японии должны быть открыты для торговли с русскими» (цит. по [308, с. 600]).

Высказывался за развитие торговли с Россией и другой японский мыслитель, Сиба Кокан. Он считал, что торговля с Россией даст Японии хорошую возможность с прибылью продавать за границей японский рис. «За границей нет риса,— писал он.— Нужно нагружать большие, чем мы имеем сейчас, суда и продавать рис России и другим странам. Взамен нам удавалось бы получать товары из других стран, которых не имеет Япония, такие, например, как лекарства или какие-либо ценные изделия» [331а, с. 104].

Хонда также высказывался за проведение активной внешне-торговой политики. Он был убежден, что нельзя довольствоваться теми товарами, которые привозят в Японию голландцы и китайцы. Следуя примеру европейских стран, Япония должна сама искать для себя торговые возможности во всех уголках мира. И первым шагом к осуществлению такой политики должно стать заключение торгового соглашения с Россией: «Мирные торговые отношения помогут нам лучше узнать русский народ и его страну, что, несомненно, сослужит нам пользу» [348, с. 38].

Посольство Н. П. Резанова в Японию (1803—1805)

В 1796 г. по указу Екатерины II генерал-губернатор Восточной Сибири И. В. Селифонтов должен был доставить 15 спасенных японцев «в их отечество, дабы, пользуясь тем случаем, можно было приобрести обстоятельнейшее о Японии сведение и способствовать распространению в том крае российской торговли». Для этой цели было приказано снарядить казенное или купеческое судно, на котором отправить нескольких купцов с товарами (в соответствии с указом от 13 сентября 1791 г.) [36, д. 3, л. 24]. Однако скорая смерть Екатерины II помешала осуществлению этих намерений.

В это время Россия все больше внимания начинает уделять борьбе с революционной, а затем наполеоновской Францией; немалое место в политике царизма занимает и борьба за влияние в Польше. В период борьбы с Францией царская дипломатия стремится не создавать каких-либо осложнений с Англией, развернувшей вместе с США экспансию в Китае, в тихоокеанских районах вблизи владений России.

Организацию противодействия экспансии Англии, США, Голландии в этом регионе российское правительство стремилось возложить на сибирское купечество, поощряя его объединение в крупные компании. 8 сентября 1797 г. в Иркутске была создана Коммерческая американская компания во главе с купцом Никанором Мыльниковым [63, т. 24, с. 725]. Компания обязывалась обеспечить Камчатку и Охотск продовольствием (известно, что оба края жили на привозимом из Центральной России провианте)⁷, а также удовлетворять другие нужды населения, создавая земледельческие и скотоводческие хозяйства в южной части Курильских островов, сооружая там судоверфи, строя заводы, используя при этом в основном труд местных жителей (правда, компания просила дать ей 20 семей крестьян, 30 мастеровых и некоторых других специалистов) (см. [282, с. 73]).

Естественно, что компания и власти Восточной Сибири стремились к установлению торговых связей с Японией, рассчитывая с меньшими затратами получать все необходимое для своей деятельности.

В октябре 1798 г. энергичная вдова Г. И. Шелехова — Наталья Шелехова — направила президенту коммерц-коллегии П. А. Соймонову записку «Объяснение об успехах Американской компании» и акт о создании Российско-американской компании (на основе Коммерческой американской компании и компании, основанной Г. И. Шелеховым и И. И. Голиковым) с капиталом в 2544 тыс. руб. Н. Шелехова ходатайствовала о предоставлении компании привилегий, в частности права торговли с Китаем (Гуанчжоу), Макао, Батавией, Джакартой, Филиппинами и Японией. (В записке отмечались заслуги Г. И. Шелехова в освоении северо-западной части Америки, Алеутских и Курильских островов. Специально оговаривалась его деятельность на

о-ве Уруп, где он создал поселение, учредил представительство компании, «завел хлебопашество, чтобы со временем и с сею страню (Японией.— Л. К.) завести торговую связь».)

Указом Павла I от 8 июля 1799 г. была официально создана Российско-американская компания.

Для своей деятельности новая компания располагала обширными территориями, принадлежавшими России,— колониями в Северной Америке, а также в северо-западной части Тихого океана (Курильские острова, Сахалин, Алеутские острова, западное побережье Северной Америки от Аляски до Калифорнии) (см. [63, т. 25, с. 699—718]), доставшимся ей в наследство от прежних компаний. 27 декабря того же года ей на 20 лет были предоставлены особые привилегии, продленные еще на 20 лет в июле 1819 г. Александром I (см. [63, т. 25, с. 923—925, т. 35, с. 319—321]).

Представителем компании в Петербурге был назначен зять Г. И. Шелехова, обер-прокурор первого департамента сената Николай Петрович Резанов, имевший придворное звание камергера, пользовавшийся покровительством крупных сановников (министра коммерции Н. П. Румянцева, петербургского военного губернатора П. А. Палена и др.)⁸.

В 1800 г. благодаря усилиям Н. П. Резанова главное правление компании было переведено в Петербург, а главная контора создана в Иркутске (в 1804 г. была переведена в Ново-Архангельск на Аляске). Таким образом был установлен непосредственный контакт правления компании с правительством. Акции компании получили хождение среди дворянства и правящей бюрократии. Акционерами стали Александр I, члены императорской фамилии, князья и крупные сановники. Создание компании, укрепление ее позиций в Петербурге положило начало новому этапу в освоении русскими тихоокеанских владений, открытию и исследованию новых земель, развитию промыслов и торговли. На компанию стали возлагать важные политические задачи, хотя военно-экономическая отсталость царской России, торгашеский дух, царивший в Российско-американской компании, недалеконидная политика царских сановников ослабляли эффективность мероприятий по укреплению позиций России на Тихом океане.

Деятельность Российско-американской компании была сопряжена с огромными трудностями. Компания не имела постоянных рынков сбыта для промышленных товаров, пушнины, кожи, юфти и т. д. Она также нуждалась в снабжении населения своих владений продовольствием и предметами первой необходимости.

Возникла идея использовать японскую лицензию, полученную А. Лаксманом, для доставки продовольствия в Охотск и на Камчатку из соседней Японии.

С такими предложениями выступили в начале 1802 г. капитан-командор Г. А. Сарычев, а затем капитан-лейтенант

И. Ф. Крузенштерн, посетивший колонии голландской и английской Ост-Индской компаний.

29 июля 1802 г. главное правление Российско-американской компании обратилось к Александру I с просьбой о разрешении на отправку из Кронштадта первой русской кругосветной экспедиции, с тем чтобы доставить в свои тихоокеанские владения припасы и необходимые для кораблестроения материалы. Компания рассчитывала начать торговлю с Японией и Китаем, а впоследствии «взять верх» над другими странами. На обратном пути «испытать торговлю и в селениях иностранных ост-индских компаний, как-то: Калькутте, Бенгалах, Батавии и прочих местах». Компания предполагала также укрепить селение на о-ве Уруп и использовать «мохнатых курильцев», чтобы «неприметным для Японии образом открыть с нею торговлю» (цит. по [282, с. 75—76]). Для этой цели компания просила выделить опытных офицеров и приказчиков, а также 250 тыс. руб.

Александр I утвердил предложение компании в тот же день. 7 августа начальником экспедиции был назначен И. Ф. Крузенштерн, а его помощником капитан-лейтенант Ю. Ф. Лисянский. Последний приобрел в Англии два судна, получившие название «Надежда» (450 т, 16 орудий) и «Нева» (370 т, 14 орудий).

13 февраля 1803 г. министр коммерции Н. П. Румянцев представил царю записку «О торге с Японией». «Сама природа,— писал он,— поставя Россию сопредельно Японии и сближая обе империи морями, дает нам перед всеми торговыми державами преимущества и удобность к торговле, к которой ныне купечество наше, как кажется, ожидает токмо единого от правительства одобрения». Он рекомендовал отправить в Японию посла, хорошо знающего международную обстановку и опытного в торговых делах, и поручить ему «дать японцам» правильное представление о «достоинстве Российской Империи», установить дружественные отношения между обеими соседними державами, а также доставить товары из Северной Америки в «Кантон и Манилу», выяснить возможности торговли с Китаем, Филиппинами и другими странами, которые посетит экспедиция во время кругосветного плавания (см. [31, д. 1, п. 2, л. 6—9]).

Записка была одобрена. По распоряжению Н. П. Румянцева десять японцев были привезены из Иркутска в Петербург, где их обеспечили обильным питанием, дорогой одеждой, наградили ценными подарками, показывали достопримечательности Петербурга, Царского Села и т. п. Александр I беседовал с ними, предоставив им свободу определить свою судьбу. Четверо японцев пожелаели вернуться на родину. В качестве переводчика Н. П. Резанову был выделен принявший русское подданство Петр Киселев. 10 июля 1803 г. Александр I издал рескрипт о назначении Н. П. Резанова уполномоченным Российско-американской компании в колониях, начальником первой кругосветной экспедиции (вместо И. Ф. Крузенштерна) и главной миссии в Японии. Ему же были переданы и коммерческие дела экспеди-

ции. За И. Ф. Крузенштерном оставили лишь функции «управления судами и экипажем»⁹.

В послании Александра I императору Японии отмечалось, что Россия стремится приобрести дружественное расположение всех государств, особенно соседей. Далее говорилось, что император Александр I отправляет четырех японцев с камергером Николаем Резановым и имеет намерение утвердить дружественную связь с японским императором и исполнить все его требования, если он разрешит русским купцам, а также «жителям Кадьякских, Алеутских и Курильских островов, яко... соседственным, приставать не токмо в Нагасакскую гавань и не токмо одному кораблю, но и многим и в другие гавани с теми избытками, какие вам благоприятны будут». «Я же, с моей стороны,— писал Александр I,— отвержаю все пределы царства моего к дружелюбному принятию верноподданных ваших». В заключение указывалось, что Н. П. Резанову поручается договориться с японским правительством о принципах взаимной торговли, о том, в какие порты приходиться русским купцам и каким образом в будущем доставлять в Японию лиц, потерпевших кораблекрушение у русских берегов [31, д. 1, п. 26, л. 32—33]. Н. П. Резанов должен был передать и подарки Александра I японскому императору.

Инструкция миссии в Японию, составленная Н. П. Румянцевым и утвержденная Александром I, предлагала Н. П. Резанову известить губернатора Нагасаки о целях прибытия посольства и просить аудиенции у японского императора для вручения послания Александра I. В инструкции рекомендовалось подчеркнуть могущество России и ее авторитет в Европе, независимость русского императора от папы римского, отличие православной религии от испанской и голландской. Н. П. Резанову и его свите предписывалось соблюдать японские обычаи, вести себя «пристойно, учтиво» и обращаться «ласково с японцами и точно так, как губернатор предпишет». В инструкции также указывалось, что «важнейший предмет обязанности Резанова состоит в открытии торгового сношения». Ему предписывалось убедить японские власти предоставить русским свободу торговли и право направлять в Нагасаки не одно, а несколько судов, объяснив им выгоду прямой, без посредников, торговли между двумя странами, в частности вывоза из России рыбы, моржовой кости, пушнины, кожи, сукон и других товаров, которых японцы от другого «народа столь выгодно не получают». В случае отклонения предложения Н. П. Резанов должен был добиться разрешения на обмен товаров между Россией и Японией при посредстве айну с о-вов Уруп и Сахалин. Ему поручалось также собрать дополнительные сведения об устье Амура, о-ве Сахалине, об отношениях Японии с Китаем и Кореей, посетить о-ва Рюкю и договориться с их правителями о торговле (см. [282, с. 79—80]).

На основании данной инструкции Н. П. Резанов разработал

проект ноты японскому правительству. В ноте предлагалось обсудить вопросы открытия кроме Нагасаки еще одного порта в Северной Японии, разрешения русским судам посещать эти гавани, снабжения экипажей продовольствием «по сходным ценам», оказания помощи потерпевшим кораблекрушение подданным России как дружественной державы, предоставления русским купцам свободы торговли, без ограничения категорий ввозимых и вывозимых товаров, установления пошлин, необременительных для русских купцов, предоставления им места для торговли и т. п. В ноте указывалось также, что русские купцы будут подчиняться японским законам, однако при условии свободного входа и выхода в порт Нагасаки. Таким образом, русское правительство не требовало прав экстерриториальности, но добивалось лишь ликвидации скрупулезного и мелочного контроля со стороны японцев, установленного для голландцев на о-ве Дэсима. Далее в ноте говорилось, что русское купечество с нетерпением ждет возвращения миссии и положительного ответа со стороны японских властей, с тем чтобы с началом навигации отправить из Петербурга свои суда, которые не ранее 1807 г. доставят в Японию товары и служащих фактории и заберут груз риса и других японских товаров для Камчатки (см. [31, д. 1, п. 2, л. 26—27]).

В состав экспедиции были включены ученые-специалисты в области физики, астрономии, медицины, истории, естествознания, а также чиновники и художники. В их обязанности входило ведение журналов и составление карт, астрономические и метеорологические наблюдения, собирание коллекций и различных сведений о посещаемых местах и их жителях. Главное правление Российско-американской компании предоставило Н. П. Резанову право кредитоваться на сумму до 200 тыс. пиастров и заключать контракты.

26 июня 1803 г., в день отплытия, Александр I и его министры посетили корабли «Нева» и «Надежда», чем подчеркнули то значение, которое придавалось посольству Н. П. Резанова. Сам Н. П. Резанов в письмах И. Ф. Крузенштерну и в Петербург подчеркивал, что первостепенная задача экспедиции — осуществление посольской миссии в Японию (в будущем это даст выгоды не только Российско-американской компании, но и всей Восточной Сибири, «а возможно, принесет пользу всему государству»). Н. П. Резанов предлагал создать на Урупе и Кунашире земледельческие колонии и фактории для торговли с Японией и использовать айну как посредников. Он советовал ассигновать средства на усиление охраны Камчатки, улучшить условия жизни ее населения, превратить Петропавловск в главный порт России на Тихом океане [31, д. 1, п. 37, л. 108—112, 132—141, 146—168 и др.]. Главное правление компании, однако, отклонило его проект освоения Камчатки, считая это обязанностью правительства.

Больше года длилось плавание «Надежды». Лишь 26 сен-

тября 1804 г. корабль прибыл в Нагасакский залив¹⁰. За месяц до этого голландцы предупредили японское правительство о прибытии русского посольства, поэтому во время следования судна вдоль побережья о-ва Кюсю были видны сигнальные огни, передвижение военных отрядов и сторожевых судов. В заливе «Надежду» окружили караульные лодки. 76 дней пришлось ждать разрешения на вход корабля на внутренний рейд. Наконец он был поставлен в 3—4 верстах от города и окружен сторожевыми судами.

Повторилась та же процедура, что и с А. Лаксманом. Привезенные японцы были допрошены, тщательно записаны ответы русских о целях посольства, географическом положении России и ее колоний, маршруте «Надежды», русских мануфактурах и товарах, которые могли быть доставлены на русских судах из европейской части России и с Камчатки. Японские чиновники отобрали лицензию на вход в Нагасаки и скопировали японский перевод послания Александра I, которое Н. П. Резанов согласился вручить лишь официальному представителю правительства. Японцы осмотрели судно и груз, взяли образцы товаров. Особый интерес у них вызвали инструменты по астрономии и приборы, в частности банки Лейдена (см. подробно [31, д. 1, п. 37, л. 201, 255—259]).

Японские власти установили систему строгого надзора за контактами своих уполномоченных с русскими; их часто меняли, запрещали в одиночку посещать иностранцев. Специальные караулы разгоняли жителей, которые толпились на берегу и пытались проникнуть на русский корабль. В Нагасаки были мобилизованы войска и самурайские отряды князей Курода, Набэсима и Омуро из соседних провинций.

После длительных и настойчивых просьб Н. П. Резанова, ссылавшегося на свою болезнь и необходимость предоставления отдыха экипажу после 16-месячного плавания, власти Нагасаки предоставили ему на побережье Нагасакского залива небольшой участок пыльной земли (25×10 сажений). Н. П. Резанов отказался там жить. Тогда на окраине Нагасаки (в Мэгасаки) для резиденции посла было выделено место, окруженное с трех сторон заливом, построены склады, дом из девяти комнат. Вокруг построек был возведен большой трехметровый забор. Лишь 5 декабря 1804 г. Н. П. Резанов со свитой смог сойти на берег; чиновники торжественно проводили их в Мэгасаки. Офицерам с корабля было разрешено посещать резиденцию посла только днем и небольшими группами. Поставленный караул следил за тем, чтобы сюда не подходили суда. Шло наблюдение даже за маленьким двором резидентского дома. Такой режим, установленный японцами, не мог не раздражать Н. П. Резанова и его спутников.

Между тем в столице между сановниками развернулась острая борьба по поводу политики в отношении России и ответа на послание русского императора. Мацудайра Саданобу, к тому

времени лишившийся власти, высказывался за то, чтобы разрешить русским ограниченную торговлю в Нагасаки под контролем чиновников (по типу той, какую они вели с голландцами). Он опасался, что отмена выданной лицензии вызовет конфликт с могущественной державой, к которому Япония не готова.

Ученые из Эдо—Хаяси Дайгаку-но-ками Дзюсай и Ситано Рицудзан Хико сукэ — направили правительству меморандум, в котором высказывались за то, чтобы предложение России было отклонено. Свою позицию они аргументировали бездоказательными утверждениями о том, что русские якобы будут привозить бесполезные товары, а вывозить то, что необходимо японскому народу, раздавать подарки и проповедовать христианство — «еретическую религию» с тем, чтобы «постепенно сближаться с простым народом и перетягивать на свою сторону не только айнов, но и многих японцев». Они запугивали правительство заявлением о том, что русские, которые славятся своей воинственностью, под предлогом аренды начнут захватывать японские земли и т. п. (см. [250, т. 2, ч. 2, с. 114—115]). Некоторые представители самурайской интеллигенции (такие, как, например, Сугита Гэмпаку, Сиба Кокан и др.) считали, что отмена выданной лицензии — это обман соседней державы.

В расширении внешней торговли были заинтересованы не только купцы, чиновники и промышленники Нагасаки. Торговать с русскими приехали купцы из Эдо, Киото и Осака. Однако правительство судорожно цеплялось за обветшалые каноны, рассчитывая продолжением политики самоизоляции задержать процесс разложения натурального хозяйства и укрепления торгово-ростовщического капитала. Сёгунат опасался также, что уступка России создаст прецедент для других держав, и политика самоизоляции рухнет.

Японский историк Нумада Итиро о сложившейся ситуации того времени пишет так: «Снова стала господствовать тенденция сохранить существующее положение; поэтому после продолжительных споров бакуфу решило, наконец, ответить отказом» [324, с. 10—11].

Еще почти четыре томительных месяца пришлось русскому посольству ждать ответа японской стороны. Наконец, в марте 1805 г., т. е. спустя полгода после прибытия в Японию, в Нагасаки приехал уполномоченный правительства Тояма Кинсиро. Встреча Н. П. Резанова с Тояма состоялась во дворце губернатора.

Все улицы были завешаны полотнами, ни одному человеку не было разрешено появляться на улице в то время, когда русское посольство проезжало от пристани к губернаторскому двору. Тояма Кинсиро объявил Н. П. Резанову, что правитель Японии не может его принять, не желает устанавливать торговых отношений с Россией и вообще крайне удивлен посланием русского императора, ибо переписка с иностранцами запрещена

японским законом, и русскому посольству следует немедленно покинуть Японию.

Русского посла не смутил такой неожиданный и резкий ответ. Он твердо заявил, что никто не может запретить русскому императору писать правителю Японии и предлагать установить торговые отношения, тем более что это отвечает прежде всего интересам Японии. Он воспользовался случаем, чтобы официально подтвердить фактически давно установленное владение России на острова, расположенные к северу от Японии и заявил, что «на север от Матсая (Хоккайдо) все земли и воды принадлежат русскому императору» [32, д. 1, л. 96—98].

Решительный тон Резанова вызвал некоторое замешательство среди японских сановников. По предложению одного из губернаторов Нагасаки, Хида Бунго-но-ками, встреча была прервана. При второй беседе в губернаторском дворце, 24 марта, Н. П. Резанову зачитали ответ сёгуна Иэнари и «предостережение» от губернаторов Нагасаки.

В ответе Иэнари указывалось, что Япония в прежние времена торговала со многими странами, но около 200 лет назад японцам было запрещено выезжать за пределы страны, а чужеземцам посещать японские порты. Исключение было сделано для китайцев, корейцев и голландцев в силу установившейся традиции. Но с Россией такие связи никогда не поддерживались. Настойчивые предложения России установить отношения с Японией не могут быть приняты. Согласно существующему закону о запрещении внешних связей и этикету, представляется невозможным отправить ответное посольство с подарками в знак уважения к соседней державе. Этот руководящий принцип внешней политики не может быть изменен ради России. Что касается обмена товарами, то взаимная выгода сомнительна. Япония, получив бесполезные иностранные товары, лишится своих предметов первой необходимости и драгоценных металлов. Высказывалось беспокойство по поводу того, что чужеземные купцы, «искусные в конкуренции и спорах о ценах», испортят добрые обычаи и нравы японского народа: низшие сословия получат больше выгод и возможностей для нарушения законов, что «затруднит управление народом и вызовет беспорядок». Предложение русского правительства решительно отклоняется, им надлежит отплыть и впредь не тратить усилий и средств для посещения японских берегов [32, д. 3, л. 19—20].

В меморандуме губернаторов Нагасаки («предостережении») отмечалось, что А. Лаксман был предупрежден о решении Японии не устанавливая дипломатических и торговых отношений с иностранными державами и о запрещении их судам посещать гавани Мацумаэ и Японии¹¹, кроме Нагасаки, где есть специальные чиновники, имеющие право вести переговоры с иностранцами. Именно поэтому русским была выдана лицензия. Впредь японцев, попавших в Россию в результате кораблекрушений, следует отправлять на голландских судах. После полу-

чения припасов русским следует немедленно покинуть Нагасаки и более не приближаться к японским берегам [32, д. 3, л. 21].

Как отмечал в своем донесении приказчик Российско-американской компании Шемелин, сопровождавший Н. П. Резанова, «купцы, услышав об отказе... в торговле, весьма находятся в огорчении, и даже все граждане остаются тем недовольны. Словом, ропот сделался всеобщим...» Н. П. Резанов записывал: «Все они (купцы, офицеры, чиновники.— Л. К.) вдруг неожиданным отказом более нас огорчились...» Чиновники доверительно сообщили Н. П. Резанову, что «неудовольствие народное так велико, что отказ нам торга и приема посольства необходимо великие должен иметь последствия и что постановление сие подвержено еще перемене» [31, д. 1, п. 37, л. 262—263].

Серьезные помехи налаживанию русско-японских отношений создавали голландцы (о чем говорилось выше), стремившиеся сохранить монополию на ввоз европейских товаров в Японию и вывоз японских изделий в Европу и поэтому продолжавшие твердить об «агрессивных намерениях русских». Голландцы покупали японские товары у полуправительственной компании по твердым ценам — тысячи ящиков камфары (которую сбывали в России по повышенным ценам), лаковые и фарфоровые изделия. В Японию они ввозили европейские ткани, стеклянную посуду и пряности (см. [31, д. 1, п. 37, л. 201—205, 264—265]). Резанов знал об интригах голландцев. В своем журнале он записал, что однажды офицер японского караула предупредил его о подкупе голландцами некоторых переводчиков с целью «создания помех» в переговорах. Об этом знали и в Петербурге. Н. П. Румянцев в записке Александру I от 11 октября 1805 г. указывал: «Голландцы употребляют все меры к удержанию японского торга в руках своих» [32, д. 18, л. 62].

Наступил день отплытия посольства из Нагасаки. Стремясь не допустить торгового обмена между русскими и японцами, власти бесплатно выдали команде припасы для двухмесячного плавания. Н. П. Резанов согласился взять их только после того, как губернаторы приняли от него на память карманный глобус, карты и рисунки, а также разрешили передать некоторые подарки старшим переводчикам. Прощаясь, Н. П. Резанов просил японские власти проявить милосердие к привезенным японцам. 6 апреля 1805 г. «Надежда» покинула негостеприимные берега.

Подводя итоги своему пребыванию в Японии и знакомству с японским рынком, Н. П. Резанов делал вывод: «Торговля для нас с Японией весьма бы была выгодна». И далее: «Торг нам отказан, но надежд впереди еще много. Мы имеем все в виду способы начать с севера». Он предлагал ввозить в Охотск, Якутск и колонии Российско-американской компании высококачественную японскую медь, отказавшись от дорогостоящей меди из Перми, и советовал импортировать из Японии камфару, рис и пшеницу (см. [31, д. 1, л. 201—205; 237, с. 265—266]).

Участники научной экспедиции подготовили для Академии

наук коллекцию образцов флоры и фауны Японии, изделий ремесла, одежды и утвари. Был исследован Нагасакский залив, проведены наблюдения за приливами и отливами, сделаны научные открытия в бассейнах Японского и Охотского морей, доказана ошибочность многих сведений, полученных экспедициями Лаперуза и Броутона. Составление карты явилось серьезным вкладом в картографическую науку.

Экспедиция содействовала ознакомлению двух соседних народов, подготовила почву для их дальнейшего сближения. Трудлюбие и достойное поведение русских моряков, переживших трудности и лишения, оставило наилучшие впечатления у японцев. Поведение самого Н. П. Резанова было оценено японцами высоко. Бывший премьер-министр маркиз Окума Сигэнобу отмечал, что «Резанов первый разбудил Японию от глубокого сна». Он заметил, что о Резанове в Японии составилось весьма лестное мнение вследствие проявленной им тактичности и выносливости, с которыми ему пришлось ждать ответа из Эдо (см. [240, с. 103—104]). В России неудача посольства Н. П. Резанова была встречена с большим сожалением, но правительство не теряло надежд на изменение отношений японских властей к иностранным государствам.

Экспедиции И. Ф. Крузенштерна (1805 г.), Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова (1806—1807)

Как указывалось выше, в инструкции Н. П. Резанову было предписано выяснить условия торговли с японцами на о-ве Хоккайдо и основать на Сахалине и Курильских островах фактории и земледельческие колонии.

На пути к Петропавловску «Надежда» под командованием И. Ф. Крузенштерна 26 апреля 1805 г. сделала остановку в Соя, на северном берегу Хоккайдо, где жили айну. Затем корабль вошел в залив Анива на Сахалине, где ему встретились два японских торговых судна, прибывших из Осака. Японские купцы, беззастенчиво обманывали айну, меняли рис, табак, сакэ, старое платье, грубую бумажную ткань и безделушки на драгоценные меха и рыбу. Японцы (их было там не более 40) сообщили Резанову, что приезжают в Анива только восьмой год на рыболовный сезон и затем возвращаются к своим семьям на о-в Эдзо. Японские дома на Сахалине были летними, причем совершенно новыми или недостроенными, что свидетельствовало о недавнем и временном пребывании японцев в заливе Анива. Между тем русские долгое время жили на Сахалине. Отмечая трудолюбие и дружелюбие айну, Н. П. Резанов возмущался жестокостью японцев, их грабежом незащитного местного населения (см. [31, д. 1, п. 37, л. 266—267, п. 45, л. 5—18]).

Н. П. Резанов советовал правительству ускорить заселение южной части Сахалина. Учитывая богатейшие природные ресур-

сы острова, а также хорошие условия для сельского хозяйства и промыслов, он предупреждал о необходимости укрепить Аниву, ибо «предприимчивые англичане и спекулятивные бостонцы посетят непременно и, конечно, водворятся. Для России же место сие не только нужно, но и необходимо...»

4 мая 1805 г. «Надежда» покинула бухту Лососей в заливе Анива, где был водружен русский флаг. Было сделано и описание юго-восточной части восточного побережья, а также залива Терпения. Н. П. Резанов собрал подробные сведения о Курильских островах. 25 мая «Надежда» доставила посольство Н. П. Резанова в Петропавловск. Затем, 22 июня 1805 г., И. Ф. Крузенштерн возобновил обследование Курил и Сахалина: составил карты Курильских островов и собрал сведения об их жителях. Было твердо установлено этническое единство курильцев и айну, а также их прямое родство с народностями, населяющими Сибирь, — гиляками, ороченами, нивхами и др.

Экспедиция И. Ф. Крузенштерна исследовала бассейны Охотского и Японского морей, дала научное определение географического положения северной части Курильских островов и Сахалина, а также составила карты, служившие почти полвека руководством для мореплавателей. Правда, И. Ф. Крузенштерн не избежал ошибки. В тумане он не заметил пролива, отделявшего Сахалин от материка, и выхода Амура в море и ошибочно предположил, что река теряется в песках — Амур не судоходен. Видимо, он находился под впечатлением авторитета Лаперуза, считавшего, что Амур не имеет выхода в океан, а Сахалин соединен перешейком с материком. Эта ошибка была исправлена лишь Г. И. Невельским в 1854—1855 гг. Обследование Сахалина и Курильских островов привело Н. П. Резанова к мысли о необходимости ликвидировать недавно созданные японцами конторы в этих русских владениях, освободить местных жителей от японской кабалы, предоставить им возможность вести оседлый образ жизни, а также создать там фактории и сельскохозяйственные колонии [33, д. 14, л. 150]. Н. П. Резанов был буквально одержим идеей установления русско-японских торговых отношений, считая это крайне необходимым для обеспечения продовольствием колоний Российско-американской компании.

Не дожидаясь санкций правительства, он решил осуществить свои планы, назначив лейтенанта Н. А. Хвостова и мичмана Г. И. Давыдова, состоявших на службе Российско-американской компании, командирами судов экспедиции на Сахалин и Курилы.

8 августа 1806 г. он дал подробную инструкцию Н. А. Хвостову: доставить на о-в Уруп оружие для укрепления русской колонии, продовольствие и людей во главе с промышленниками В. Шароглазовым и И. Вардучиным, описать гавань на о-ве Симушир, ликвидировать в южной части Курил и в заливе Анива временные японские фактории, основанные не ранее 1796 г., объявить японцам, что они могут приезжать туда лишь для тор-

говли с русскими. Он предписывал взять в плен нескольких японцев, обучить русскому языку, сделать переводчиками и убедить их в выгодности торговли с Россией, с тем чтобы, вернувшись на родину, они могли повлиять на позицию японцев по этому вопросу. Он строго наказывал «не огорчать» японцев, «уверяя, что доля их будет счастливее прежней... повсюду, сколько можно, сохранять человечество, ибо весь предмет жестокости не против частных лиц обращен быть должен, но против правительства, которое, лишая их торговли, держит их в жесткой неволе и бедности...» Н. П. Резанов рекомендовал «обласкать сахалинцев» и уверить их в защите русским монархом, дать айским старшинам медали в знак того, что они являются русскими подданными (цит. по [282, с. 96—97]).

Н. П. Резанов верил в то, что японский народ желает установления торговых отношений с Россией. «И он имел основание думать, что это является желанием и многих чиновников японского правительства,— пишет американский историк Д. А. Ленсен,— и что решительные меры с его стороны дадут возможность этой группе одержать верх» [389, с. 162].

6 октября 1806 г. Н. А. Хвостов на шлюпе «Юнона» прибыл на Сахалин, в залив Анива. В письме Хвостова к Резанову сообщалось, что русские раздали айну часть продуктов с японских складов, а когда в селении возник пожар, моряки приняли участие в его ликвидации. Русские взяли в плен четырех японских купцов из г. Мацумаэ, с которыми «поступлено было самым мягким образом» [33, д. 14, л. 54]. Купцы заявили, что рассматривают экспедицию Н. А. Хвостова как ответ на отказ японского правительства принять предложение посольства Н. П. Резанова и сообщили о росте недовольства среди населения продолжением политики самоизоляции (см. [33, д. 14, л. 58—81]). Такие настроения были характерны для японцев Эдзо, которым центральные власти запретили заниматься торговлей и промыслом на юге Сахалина и у Курильской гряды. Разрешения давались лишь жителям собственно Японии, причем устанавливалась большая пошлина.

Русские посетили несколько селений айну, раздали им подарки и медали. Айну приняли русских хорошо, просили остаться и защитить их от японцев (изгнать с острова).

Н. А. Хвостов поставил на берегу Анивы флагшток с государственным андреевским флагом и коммерческим флагом Русско-американской компании. Он объявил айну, что Сахалин с давних пор принадлежит России и жители острова находятся под защитой русского императора. Старшине селения была выдана на это специальная бумага [33, д. 14, л. 54—55].

17 октября, перед отплытием фрегата, Н. А. Хвостов оставил в Тамари-Аниве пять матросов, которые впоследствии обзавелись семьями и создали русское поселение (см. [129, с. 49, 155—159]). В своих донесениях Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов указывали, что отдаленность Европы, войны между европейскими

государствами ограждают Японию от домогательств англичан и французов и что Россия может начать выгодную торговлю с японцами с севера, ибо жители о-ва Эдзо «утеснены и более других еще расположены к торговле с россиянами» [33, л. 14, л. 77—87].

В мае 1807 г. суда «Юнона» и «Авось» под командованием Хвостова и Давыдова посетили Курильские острова. Высадившись в бухте Найбо, команды обследовали Итуруп. Местному населению было заявлено, что остров издавна принадлежит России и недавно пришедшие японцы будут с него изгнаны. Хвостов и Давыдов взяли в плен пять японцев (к которым было проявлено гуманное отношение) и 28 мая покинули Итуруп, оставив там двух человек (впоследствии были убиты японцами) (см. [389, с. 170]).

Пленных Н. А. Хвостов затем отпустил кроме двоих, оставив их при себе в качестве переводчиков. Двое из пленных — купцы — взяли образцы «всех лучших сукон, шерсти и других товаров», с тем чтобы показать своим соотечественникам, что они могут получить из России. В письме от 28 мая, отправленном с японцами к губернатору Эдзо, Н. А. Хвостов писал: «Соседство России с Япониею заставило желать дружеских связей и торговли к истинному благополучию подданных сей последней империи, для чего и было отправлено посольство в Нагасаки, но отказ оному, оскорбительный для России, и распространение торговли японцев по Курильским островам и Сахалину, яко владениям Российской Империи, принудило наконец сию державу употребить другие меры». Он отмечал, что небольшой ущерб, причиненный русской экспедицией, должен побудить сёгунское правительство сообщить через жителей Урупа или Сахалина о желании торговать с Россией [33, д. 14, л. 64—65].

В начале июня посетили о-в Уруп, сделали новое описание Кунашира и прибыли в Аниву. Н. А. Хвостов дал старосте медаль и документ о том, что жители этих мест являются подданными России и находятся под покровительством русского императора [33, д. 14, л. 104].

Русская колония в южной части Сахалина, которую основали Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов, просуществовала до 1847 г. Были составлены научные карты и собраны полезные данные о географическом положении, естественных ресурсах, дополнительные сведения о занятиях, религии, обычаях и нравах жителей Курильских островов, их этническом родстве с племенами, населявшими Восточную Сибирь.

Царское правительство, желавшее поддержания мира на Дальнем Востоке и вообще избегавшее в то время каких бы то ни было осложнений в этом районе, признало действия Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова самовольными. В 1808 г. они были отданы под суд адмиралтейств-коллегии. Пока шло следствие, оба офицера были отправлены на фронт (в то время шла война со Швецией), где они отличились и были представлены к

награждению орденами «За отменную храбрость и отличное мужество». Суд признал их виновными в «бесчинствах против японцев». От наказания они были освобождены царем, но лишены наград. Осенью 1809 г. оба вернулись в Петербург. Торопясь на прием, во время развода мостов на Неве утонули. Еще ранее по дороге в Петербург, в 1807 г., умер Н. П. Резанов.

Экспедиция Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова была, пожалуй, единственным примером насильственных действий русской стороны, носивших к тому же локальный характер и осужденных самим русским правительством по причинам, указанным выше. Между тем многие японские, американские и западноевропейские авторы считают экспедицию Н. А. Хвостова чуть ли не началом русско-японской войны. Они используют этот факт для доказательства «агрессивного характера» русской политики в отношении Японии и «исконной вражды» между соседними государствами (см. [324, с. 13—15; 372, с. 25; 385а, с. 32—36; 384, т. 2, с. 240]). Антисоветская подоплека подобных рассуждений вряд ли нуждается в дополнительных комментариях.

После посольства Н. П. Резанова и экспедиции Н. А. Хвостова в Японии усилилось движение за ликвидацию курса самоизоляции и установление отношений с Россией. Представители прогрессивных слоев самурайства критиковали правительство за негативное отношение к предложениям Н. П. Резанова, высказывались за разрешение русским торговать на Хоккайдо, установление границы по проливу Лаперуза (см. [338, т. 44, с. 264]). Однако в реакционных агрессивных кругах самурайства выдвигались авантюристические планы захвата дальневосточных владений России с помощью осужденных разбойников и пиратов (за обещание получить амнистию). Известны антирусские выступления самураев Мамия Риндзо и Хараяма Кодзо. В 1808 г. Мамия Риндзо и Мацуда Дэндзиро обследовали южную часть Сахалина. На западном берегу острова они обнаружили многочисленные айские и гиляцкие постройки. Мацуда продвинулся на север до пункта, откуда через узкий пролив был виден материк, приморские области Сибири. Это был Татарский пролив. Проводники сообщили Мацуда, что если бы он проехал еще шесть дней на север, то вышел бы к восточному берегу. Он понял, что Сахалин является островом. Эти сведения он передал Мамия, которому и приписали честь открытия. (Как указывалось выше, русские открыли остров еще в середине XVII в.) Однако эти сведения и все материалы путешествий Мамия и Мацуда были строго засекречены и не принесли никакой пользы даже для Японии (см. [214, с. 154—156]).

Карта, появившаяся в Японии в 1811 г., учитывала сведения Мамия о западном побережье Сахалина. Крайняя северная точка острова и восточное побережье Сахалина на ней были нанесены пунктиром, так как Мамия и Мацуда до этих районов не добрались¹³.

Побывав в 1808 г. также на о-вах Итуруп и Кунашир, Мамия

и другие японские чиновники уничтожили знаки принадлежности этих островов России и поставили свои столбы.

Такими неправомерными действиями японские чиновники надеялись перечеркнуть права России на эти территории, установленные по первенству открытия и освоения. Действия японских властей не имели законной юридической силы. Принадлежность Курильских островов и Сахалина России неоднократно подтверждалась как внутренними, так и международно-правовыми актами русского правительства¹⁴.

Обострившиеся внутренние противоречия, нараставшее антисёгунское движение, экономическая слабость Японии побуждали правительство воздерживаться от вооруженной конфронтации с Россией. На Итуруп, южный берег Сахалина и Хоккайдо были отправлены чиновники для встречи с Н. А. Хвостовым, обещавшим весной 1809 г. вернуться за ответом на свое письмо губернатору Эдзо. В декабре 1808 г. была издана инструкция об удалении русских судов из японских гаваней по возможности мирными средствами (см. [324, с. 13—14; 318, т. 2, с. 13]).

Экспедиция В. М. Головнина (1811—1813)

Россия не могла пользоваться водным путем по Амуру в XVIII и первой половине XIX в. (по Нерчинскому договору 1689 г., навязанному России, значительная территория по левому берегу Амура не была включена в русские владения). Это мешало снабжению русских поселений на Камчатке, Курилах и в Северной Америке.

Главное правление Российско-американской компании вновь возбудило ходатайство о принятии мер по освоению Сахалина и Курильских островов как базы для торговли с Японией и Китаем. Исходя из неудачи посольства Н. П. Резанова, оно считало, что торговлю с Японией следует начинать в южной части Сахалина и южной части Курил, и предупреждало об опасности появления «других наций».

4 августа 1808 г. Александр I утвердил представление министра коммерции и управляющего министерством иностранных дел Н. П. Румянцева, в котором отмечалось значение для России установления торговых отношений с Японией и освоения Сахалина. Царь подтвердил разрешение заселять Сахалин ссыльными крестьянами, построить там укрепления, основать факторию, заняться земледелием и промыслами (см. [33, д. 14, л. 159—167]). Н. П. Румянцев предупредил компанию, что следует «с находящимися на Сахалине жителями обходиться миролюбием, не делая насилия и жестокостей и не разоряя их селений» [33, д. 14, л. 172].

Губернатору Восточной Сибири царское правительство предписывало оказывать содействие Российско-американской компании в освоении Сахалина. Но так как реальной помощи не последовало, компания основное внимание уделяла колониям в

Северной Америке, с тем чтобы отстоять свои позиции перед американскими, канадскими и английскими фирмами, пользовавшимися поддержкой своих правительств. В 1809 г. в Тихий океан был направлен лишь один фрегат с целью обследования Курильских островов и побережья Сахалина. Корабль должен был помочь Российско-американской компании доставить людей и припасы в Аниву для будущей колонии. Но из-за ремонта фрегат задержался в Петропавловске, а в 1811 г. вновь отложили отплытие из-за того, что компания не смогла предоставить достаточное количество пушек для защиты от японцев (см. [37, д. 422, л. 1—7]).

В 1811 г. на Шантарские и Курильские острова с целью их описания был направлен военный шлюп «Диана» под командованием капитан-лейтенанта В. М. Головнина.

За два месяца плавания В. М. Головнин определил правильное географическое положение Курильских островов. 17 июня 1811 г., при высадке в бухте Сана на о-ве Итуруп, он натолкнулся на японцев, которые вновь там появились, и объяснил их начальнику, что команда нуждается в пополнении припасов.

5 июля 1811 г. «Диана» подошла к южному побережью о-ва Кунашир. Неожиданно появились японцы и сообщили, что команда получит пресную воду и провизию при встрече капитана с начальником гарнизона острова. Встречу назначили на 11 июля. С группой из семи моряков В. М. Головнин без оружия пришел в условленное место и там вероломно был захвачен в плен. Помощник В. М. Головнина капитан П. И. Рикорд, опасаясь за судьбу пленных поднял паруса и в начале августа прибыл в Охотск. Бухту, в которой произошли эти неприятные события, он назвал заливом Измены.

События в Европе и подготовка к войне с Наполеоном помешали принятию быстрых мер по освобождению В. М. Головнина и его товарищей. Только 9 апреля 1812 г. Александр I утвердил предложение генерал-губернатора Восточной Сибири И. Б. Пестеля о выделении средств и снаряжении судна для отправки экспедиции. Гражданский губернатор Восточной Сибири Н. И. Трескин поручил П. И. Рикорду отправить письмо губернатору Эдзо с сообщением, что русские суда «Диана» и «Зотик» посетят японские гавани лишь с целью добиться освобождения пленных. П. И. Рикорд взял с собой и семерых японцев, потерпевших крушение у побережья Камчатки, полагая использовать их в качестве переводчиков при переговорах с японскими властями.

28 августа 1812 г. суда вошли в залив Измены, где были обстреляны японской батареей. На берег были высажены привезенные японцы. Один из них — Накагава Городзи — вернулся на корабль и сообщил, что пленные моряки якобы умерли (см. [110, ч. 2, с. 59—70]). Очевидно, таким путем японские чиновники рассчитывали добиться ухода русских судов.

А дальше события разворачивались следующим образом. 8 сентября П. И. Рикорд задержал у о-ва Итуруп судно «Кансэ-мару», взяв в плен судовладельца и капитана Такадая Кахэй и четырех его матросов. Такадая Кахэй сообщил, что Головнин и его спутники живы и находятся на Эдзо. Сам он высказался за мирное урегулирование конфликта и установление связей с Россией, сообщив, что посольство Резанова вызвало «радость и большие ожидания» в японском обществе (см. [324, с. 15—16]).

В Японии русские моряки находились в тяжелом положении. Их держали в темных клетках в Хакодате, а затем в Мацумаэ на полуголомодном рационе, подвергали многочисленным длительным допросам, доводившим их до обморочного состояния. Головнин и его офицеры почти без отдыха были вынуждены обучать самураев «различным наукам» и переводить с ними русские учебники и книги на японский язык. Им также приходилось выслушивать оскорбления и угрозы от Мамия Риндзо и его единомышленников. Но русские моряки держали себя выдержанно, спокойно, уверенно. Сам В. М. Головнин показывал пример, поднимая тем самым дух подчиненных. Своим достойным поведением моряки снискали уважение и сочувствие окружающих их японцев, что содействовало росту числа сторонников их освобождения и урегулирования конфликта с Россией.

В мае 1813 г. шлюп «Диана» бросил якорь в заливе Измены на о-ве Кунашир. П. И. Рикорд отпустил капитана Такадая с двумя матросами (двое умерли от цинги). Японские власти через Такадая сообщили, что освободят русских моряков после получения официального документа о непричастности их к действиям Хвостова и Давыдова.

Гражданский губернатор Восточной Сибири Н. И. Трескин в письме губернатору Эдзо выразил пожелание наладить торговые отношения с Японией, произвести пограничные разграничения и объявил, что действия Хвостова и Давыдова носили самостоятельный характер, что русский император доброжелательно относится к Японии и, если Япония желает поддерживать добрососедские отношения с Россией, советует освободить русских моряков. Аналогичное письмо было подписано комендантом Охотска М. И. Миницким [110, ч. 2, с. 119—122].

27 сентября 1813 г. в Хакодате П. И. Рикорд передал оба письма японским инспекторам Такахаси Симпэй и Кодзимото Хёгоро. 5 октября 1813 г. в Хакодате в присутствии японских чиновников состоялась встреча П. И. Рикорда с В. М. Головниным. Инспекторы вручили капитану П. И. Рикорду заявление губернатора Сада Хаттори Бинго-но-ками о том, что моряки будут освобождены, но впредь русским «бесполезно заходить в японские гавани», ибо японский закон запрещает всякое сношение с иностранцами и переписывает обстреливать их суда. Одновременно инспекторы повторили текст меморандума, переданного Н. П. Резанову, о том, что Япония не нуждается в торговле с иностранцами, что иностранные суда, прибывающие в любые

японские гавани, кроме Нагасаки, будут подвергаться обстрелу, а команды при высадке на берег арестовываться. Переводчики, однако, выражая, по всей вероятности, мнение местных властей, заверили русских, что «случай к восстановлению между Россией и Японией дружеских связей еще не ушел» [110, ч. 2, с. 129].

В. М. Головнин и П. И. Рикорд объявили, что в июне—июле 1814 г. русское судно придет к Итурупу за ответом на письмо Н. И. Трескина. 10 октября 1813 г. «Диана» покинула гавань Хакодате.

22 июля 1814 г. В. М. Головнин и П. И. Рикорд возвратились в Петербург, совершив кругосветное плавание. Экспедиция собрала новые сведения о северо-западной части Тихого океана, в частности об о-вах Эдзо, Сахалин, южной части Курил. Экспедиция уточнила число, название и географическое положение всех Курильских островов и проливов между ними. Карты, составленные Средним, Хлебниковым и Новиковым, служили руководством для мореплавателей до 70-х годов XIX в.

Записки В. М. Головнина [110] и П. И. Рикорда [134], изданные в 1816 г., содержали важные сведения о жителях южной части Курильских островов и Эдзо, социально-экономическом и государственном строе Японии. В 1825 г. книга В. М. Головнина была переведена в Японии и получила высокую оценку. Экспедиция В. М. Головнина, переводы на японский язык русских книг, сделанные им и его офицерами, публикация в Японии его книги содействовали распространению в Японии сведений о России. Был ликвидирован локальный конфликт, укрепились надежды на установление торговых и дипломатических отношений между двумя странами.

Новые попытки установления торговых и дипломатических отношений с Японией

Письмо губернатора Н. И. Трескина вызвало оживленные дискуссии среди старейших сановников и в Верховном совете (Городзю). Мнения разделились. Некоторые министры предлагали вступить в переговоры с русскими о границах и выдвинуть требования на южную часть Курильских островов и Сахалин. Сторонники сохранения политики изоляции решительно высказывались против переговоров, утверждая, что они приведут к глубоким изменениям во внутренней и внешней политике Японии. В конце концов Верховный совет решил уклониться от ответа на письма сибирских властей, усилить охрану побережья Японии и, не считаясь с правами России на южную часть Курильских островов и Сахалин, отправить туда солдат [338, т. 44, с. 265].

Напрасно посланный из Охотска на о-в Итуруп корабль «Борис и Глеб» в августе 1814 г. ожидал ответа японцев.

В следующем, 1815 г. корабль «Св. Павел» под командовани-

ем штурмана Среднего взял с собой спасшихся от кораблекрушения трех японцев, которых должен был высадить на Итуруп, с тем чтобы те смогли добраться на родину и передать новое письмо губернатора Н. И. Трескина. Н. И. Трескин писал, что доставляя японских подданных, русское правительство тем самым хочет явить «новое доказательство мирного и дружелюбного расположения оного к японскому государству» (см. [35, д. 2, л. 1—4]). Средний осмотрел большую, простирающуюся на 60 миль бухту у о-ва Итуруп, но из-за поднявшегося шторма высадить японцев не смог. Нигде не обнаружил он и «жительства японцев» и вернулся в Петропавловск (см. [35, д. 2, л. 5—9]).

В декабре 1816 г. комитет министров России утвердил представление генерал-губернатора Восточной Сибири И. Б. Пестеля о целесообразности в навигацию 1817 г. доставить из Петропавловска шестерых японцев на северные Курильские острова, «обеспечив их средствами на весь путь до Японии», поручить им передать письмо Н. И. Трескина и одновременно сообщить, что русские суда уже два года безуспешно приходят на Итуруп за ответом японского правительства на обращения сибирских властей.

Однако и на этот раз ответа от японцев не последовало. Учитывая недостаток судов и офицеров, а также явное нежелание сѣгунского правительства вести переговоры с Россией о торговле и дипломатических отношениях, И. Б. Пестель в докладе правительству предлагал «прекратить экспедицию до благоприятного времени» [35, д. 2, л. 10—12] (что вполне соответствовало взглядам К. В. Нессельроде). Предложение было одобрено и подтверждено комитетом министров.

Решение проблемы торговых отношений с Японией царское правительство стало возлагать на Российско-американскую компанию, которая основывала земледельческие колонии и фактории в южной части Сахалина и на Курильских островах. В 20-х годах XIX в. компания уже имела промысловые заведения и фактории на о-вах Шумшу, Симушир и Уруп (где в 1828 г. мичман Этолин восстановил русское поселение). Здесь были построены добротные дома, часовни, церкви, склады, русское население занималось промыслами, ремеслами и сельским хозяйством. С 1827 г. компания начала переселять на Курилы алеутов, «опытных в бобровых промыслах». В 1830 г. правительственный Сибирский комитет, ведавший делами Сибири и Дальнего Востока, подтвердил монопольные права компании на Курильские острова. В Охотске был создан Курильский отдел компании, который организовал на Курилах новые промыслы, торговые фактории, отправлял на острова суда, доставлявшие продовольствие, товары, оружие и другие припасы и вывозившие пушнину. Темпы заселения Сахалина и Курил сдерживались недостатком людей, финансовых средств и продовольственных ресурсов. К тому же Российско-американской компании приходилось вести тяжелую конкурентную борьбу с английскими и

американскими компаниями, стремившимися проникнуть в русские владения в Северной Америке и на тихоокеанских островах. Нуждаясь в источниках снабжения продовольствием и рынках сбыта, компания, как и ранее, проявляла заинтересованность в установлении торговых отношений с Японией (см. [282, с. 113—114]).

В 1835 г. правительство снова дало указание отправить из Охотска на Итуруп (откуда они могли добраться на родину) трех японцев, потерпевших крушение у русских берегов. Предписывалось «с японцами во время переезда обходиться как можно ласковее и при отправлении снабдить их всем нужным» и «высадить там, где они пожелают» [30, д. 151, л. 4—5]. Японцы были доставлены летом 1836 г. на Итуруп (в 1843 г. еще шесть человек были доставлены в айновское селение на Итурупе). Японцам поручалось при возвращении на Хоккайдо передать местным властям просьбу Российско-американской компании установить торговые отношения. Активизация деятельности США, Англии и Франции в северо-западной части Тихого океана, открытие Англией китайских портов в 1842 г. увеличивали заинтересованность России в установлении связей с Японией.

Контр-адмирал Е. В. Путятин, хорошо знакомый с активной деятельностью и намерениями англичан в Тихом океане (долгие годы жил в Англии), представил в Сибирский комитет докладную записку, в которой предлагал снарядить в Китай и Японию экспедицию и отправить ее не в Нагасаки, а прямо в Эдо, чтобы «избежать интриг голландцев» и вступить в непосредственные переговоры с центральными властями. Он также предлагал проверить утверждение ряда мореплавателей (Лаперуза, Броутона, Крузенштерна) в том, что лиман и устье Амура недоступны для морских судов, что Сахалин — полуостров и не имеет на западном берегу удобных гаваней (см. [282, с. 115]).

Предложение Е. В. Путатина было принято, и сам он был назначен начальником экспедиции. Николай I подписал послание японскому императору с предложениями установить дружеские отношения между двумя странами и разрешить свободный вход русских купеческих судов в японские порты. Русские подданные, заверял Николай I, будут соблюдать японские обычаи и законы [30, д. 153, л. 1—3]. Как указывалось в инструкции Е. В. Путятину, одной из задач экспедиции было обследование Татарского пролива и создание поселений на Сахалине для защиты острова и устья Амура от покушений иностранцев.

Однако идея посылки экспедиции встретила противодействие со стороны канцлера К. В. Нессельроде и товарища министра финансов Ф. П. Вронченко. К. В. Нессельроде опасался, что экспедиция в Китай и лиман Амура вызовет недовольство Англии и повлечет разрыв отношений с Китаем. Не хотел К. В. Нессельроде и изыскивать новые пути сближения с Японией. По поводу устья и лимана Амура он ссылался на мнения знаменитых мореплавателей. Ф. П. Вронченко строил свои возражения,

исходя из интересов купцов и владельцев мануфактур, торговавших с Китаем через Кяхту. Он утверждал, что Китай, открыв порты для русских судов, запретит или ограничит сухопутную торговлю с Россией, которая все равно не в состоянии соперничать с англичанами в китайских гаванях. Он также считал нецелесообразным затрачивать большие средства на заведомо бесплодную экспедицию в Японию, учитывая ее упорное нежелание торговать с Россией. Доводы возымели действие. Николай I предписал отложить экспедицию (см. [30, д. 153, л. 43—49]).

30 марта 1844 г. И. Ф. Крузенштерн, ставший к тому времени адмиралом, представил царю свой проект установления отношений с Японией. Он утверждал, что открытие портов в Китае заставит Японию по иному подойти к вопросу об открытии своих портов для русских судов в целях развития торговли к взаимной выгоде обеих стран, и предупреждал, что англичане, завладев китайским рынком, могут опередить Россию и в Японии. Он подчеркивал также большое значение японского рынка для азиатских владений России.

Однако справедливые аргументы И. Ф. Крузенштерна не возымели действия на царских сановников. Начальник главного морского штаба А. С. Меншиков не захотел ссориться с К. В. Нессельроде и напомнил Николаю I о мотивах отсрочки экспедиции Е. В. Путятина. Царь подтвердил свое прежнее решение (см. [282, с. 116—117]).

Российско-американская компания, однако, не теряла надежды, что при содействии правительства ей удастся наладить торговые связи с Японией. В 1844 и 1845 гг. ею были посланы корабли к близкому к японской территории о-ву Итуруп, с тем чтобы передать японским властям письма с запросами, в какие гавани Японии могли бы приходить русские торговые суда. Но русские мореплаватели не встретили там японцев. Предпринятые усилия оказались безрезультатными.

Провал попыток установить отношения с Японией объяснялся упорным стремлением японских правящих кругов сохранить политику самоизоляции вопреки интересам народа — к таким выводам пришло русское министерство иностранных дел [30, д. 162, с. 58]. В 20—40-е годы XIX в. оно не проявляло каких-либо серьезных инициатив со своей стороны по изысканию путей установления связей с Японией. Более того, его глава К. В. Нессельроде глушил проявление всякой инициативы в этом вопросе. Так, 18 августа 1850 г. адмирал П. И. Рикорд, хорошо знавший обстановку на Дальнем Востоке (был участником экспедиции В. М. Головнина в 1811—1813 гг.), представил Николаю I проект организации посольства в Японию и предложил свои услуги в качестве посла, ссылаясь на рекомендации В. М. Головнина. Он указывал, что торговля с Японией в значительной мере разрешит проблему обеспечения Камчатки и Восточной Сибири продовольствием. Однако К. В. Нессельроде счел несвоевременным реализацию этого проекта (см. [282, с. 124]).

Видя неповоротливость и нежелание правительства принимать активные меры к установлению связей с Японией, Российско-американская компания вновь, по согласованию с министерством иностранных дел, предприняла конкретные шаги к установлению контактов с японцами. В мае 1852 г. корабль компании «Князь Меншиков» под командованием Лиденберга с семью японцами на борту был отправлен из Новоархангельска в Японию. В письме японским властям правитель колоний Н. Я. Розенберг сообщал, что суда компании неоднократно доставляли японцев на о-в Итуруп, откуда те могли самостоятельно добраться на родину. В целях сохранения добрососедских отношений Н. Я. Розенберг просил указать гавани на Эдзо или в Японии, где русские суда могли бы получить необходимые припасы за соответствующую плату. Он выражал недоумение по поводу того обстоятельства, что голландцам разрешается торговать в Нагасаки, а представителям великой Российской Империи отказывают в этом праве, и подчеркивал искренность русских намерений, «миролюбивых и приятных» чувств к Японии (цит. по [282, с. 125]).

Лиденбергу предписывалось хорошо обращаться с жителями посещаемых мест, раздавать им подарки, с тем чтобы получить от них сведения, в каких товарах нуждается японский рынок и «что можно с выгодой вывозить из Японии». С помощью японцев Лиденберг и ученик мореходной школы Свиньин составили русско-японский словарь, содержащий 1650 слов, транскрибировали русскими буквами хирогану и катакану (японские звуковые азбуки), дали пояснения к японской форме обозначения чисел, монетной системы и т. п.¹⁵.

28 июля 1852 г. «Князь Меншиков» прибыл в гавань Симода, на восточном побережье о-ва Хонсю, недалеко от Эдо. Губернатор Симода и чиновники осмотрели корабль и его вооружение, опросили привезенных японцев. Однако без разрешения правительства губернатор отказался принять их и взять письмо Н. Я. Розенберга. Чиновники скопировали письмо, художники сделали рисунки русского судна. Вокруг корабля увеличили число караульных лодок; на берегу собирались вооруженные отряды и была установлена батарея. В беседе с губернатором Лиденберг обратил его внимание на то, что русские суда неоднократно доставляли спасенных от кораблекрушений японцев на родину, что это — свидетельство дружеского расположения России к Японии. Он подчеркнул также, что японские суда встретили бы в русских гаванях доброжелательный прием.

1 августа на судно прибыл вице-губернатор г. Одовара и сообщил, что из Эдо получено распоряжение не принимать привезенных японцев и письмо Н. Я. Розенберга и удалить русский корабль, поскольку гавань Симода закрыта для иностранцев. Однако японцы не осмелились прибегнуть к обстрелу русского судна, ограничившись демонстрацией военных приготовлений. В свою очередь, желая избежать вооруженного конфликта, Ли-

денберг 2 августа покинул Симода. По просьбе находившихся на корабле японцев он высадил их у небольшой деревни вблизи Симода. Японцы горячо благодарили русских моряков. Как явствует из рапорта Лиденберга, японцы в Симода проявили исключительный интерес к русскому судну и выразили свое недовольство существующим в стране запретом на торговые связи с другими государствами.

Русско-японские контакты и западные державы

Серьезным тормозящим фактором для установления торговых и дипломатических отношений России с Японией была активная деятельность западных капиталистических держав, стремившихся к захватам в северо-западной части Тихого океана.

Их активность вызывала озабоченность со стороны феодальных правителей Японии. Попытки русских властей и торговцев к установлению торговых связей они рассматривали как одно из звеньев общей политики иностранных государств, назойливо домогавшихся изменения основных постулатов сёгуната в области внешней политики.

В 90-х годах XVIII в. английская эскадра под командованием Дж. Ванкувера и В. Р. Броутона посетила русские владения и японские гавани. В период войны с наполеоновской Францией англичане, не считаясь с японским нейтралитетом, в прибрежных водах напали на голландские суда под предлогом, что Нидерланды оккупированы французами.

В начале XIX в. в этом районе Тихого океана большую активность стали проявлять и американцы. В 1797—1809 гг. американские корабли под голландским флагом почти ежегодно приходили в Нагасаки с грузами для фактории в Дэсима.

В 20—30-х годах XIX в. американские и английские китобой нередко посещали русские и японские гавани, грабили местное население. Англичане попытались даже создать свою факторию на принадлежавшем Японии о-ве Пиль (архипелаг Бонин), где столкнулись с аналогичными притязаниями американцев.

В американской прессе, в конгрессе развернулась кампания за открытие японских портов для американских судов и обеспечение американских интересов на русском Дальнем Востоке. Президент США Монро в ежегодных посланиях конгрессу «О положении страны» в 1818—1824 гг. отмечал рост американской промышленности, торговли и китобойного промысла и предлагал ассигновать средства на содержание крупной эскадры в Тихом океане. Американское правительство отправляло суда в Японию под предлогом освобождения арестованных моряков.

Приморские гарнизоны Японии были не в силах предотвратить проникновение английских и американских судов в японские гавани. Лишь изредка им удавалось задерживать иностран-

ных моряков. В сентябре 1825 г. японским правительством была издана жесткая инструкция об ограждении страны от проникновения иностранцев. В ней предписывалось захватывать иностранные суда и уничтожать их, а экипажи арестовывать и в случае сопротивления убивать [330, с. 120—121].

Поражение Китая в «опиумных войнах» и опасность открытой конфронтации с могущественными иностранными государствами в результате обстрела их кораблей заставили сёгунат пойти на смягчение правил «обращения» с иностранными судами. Новая инструкция, изданная в августе 1842 г., предписывала удалять иностранные суда от японских берегов мирными средствами и в отдельных случаях снабжать их экипажи необходимыми припасами. В 1843 г. Верховный совет через голландскую факторию известил западные державы, а также Россию, что японцев, спасшихся после кораблекрушений, следует отправлять на родину только на китайских и голландских судах (см. [330, с. 125—127]).

Инструкция 1842 г. и обращение к другим державам показывают, что сёгунат был серьезно напуган участвовавшими посещениями иностранных военных кораблей и опасался вызвать вооруженное столкновение. Однако общий курс сёгуната в отношении запрещения внешнеторговых связей (кроме Голландии) продолжал оставаться в силе. Несмотря на финансовые трудности, правительство ассигновало значительные средства на укрепление морского побережья. Сёгунат стал поощрять нарушение некоторыми феодалами законов, запрещавших сооружать форты и строить морские суда. Пользуясь этим, князья стали отливать орудия, закладывать форты и с помощью голландских инструкторов обучать войска.

Все эти меры, однако, не могли спасти Японию от проникновения иностранного капитала. Они могли лишь на короткое время затормозить исторический процесс втягивания Японии в складывающийся мировой рынок. После открытия портов Китая, установления пароходного сообщения с Азией и постепенного превращения Тихого океана в мировой путь торговли политика изоляции стала анахронизмом. Рушилась ее главная опора. Феодализм стоял на краю гибели: его падение диктовалось исторической закономерностью развития общества.

В первой половине XIX в. Япония переживала острый политический и экономический кризис. Одним из симптомов кризиса было резкое снижение темпов роста годового дохода Японии. Так, в среднем в 1596—1615 гг. ежегодный сбор риса равнялся 11 млн. коку. В 1688—1704 гг. этот показатель поднялся до 26 млн. коку, т. е. вырос за 100 лет на 136%. В 1830—1844 гг. ежегодный сбор риса составил 30 млн. коку, т. е. примерно за 150 лет вырос всего на 16% (см. [248, с. 57]). Это свидетельствовало о неспособности сёгуната увеличить производство материальных благ ни за счет освоения новых посевных площадей, ни за счет повышения интенсивности сельского хозяйства.

В конце XVIII в. связи с развитием товарно-денежных отношений и расширением внутреннего рынка в Японии появились предприятия мануфактурного типа. От мануфактуры оставался один шаг до капиталистического фабричного производства. Но совершить этот шаг можно было только путем уничтожения феодальных производственных отношений, которые стали тормозом на пути развития производительных сил. Кризис феодальной системы хозяйства отразился на падении прироста населения в стране в конце XVIII — начале XIX в. Экономическая база феодализма к середине XIX в. необычайно сузилась, и он оказался уже не в состоянии удовлетворить потребности японского общества. Эти обстоятельства не могли не привести к определенной перестройке классовых отношений на политической арене. Усиливая эксплуатацию крестьян, даймё одновременно сокращали численность своих военизированных отрядов. Сотни тысяч самураев лишились привычных источников доходов. Часть из них пыталась заниматься торговлей и ремеслом, другие стали на путь разбоя и грабежа.

Параллельно шло развитие торгово-промышленной буржуазии; к середине XIX в. она сконцентрировала значительную часть денежных богатств страны и стала выдвигать претензии на политические права, соответствующие ее экономической мощи.

Нарастала классовая борьба эксплуатируемого крестьянства против феодалов. Росли масштабы и увеличивалось количество крестьянских восстаний. С середины XVIII в. борьба крестьян приобрела широкий размах. Только крупных восстаний за столетие, с 1704 по 1803 г., было зарегистрировано 254 — в три с лишним раза больше, чем в XVII в. В первой половине XIX в. крестьянские восстания были поддержаны бунтами городской бедноты. Борьба японского крестьянства и городской бедноты ускоряла процесс разложения феодализма, размывала устой старого общества и его политику как внутри, так и вне страны.

На этой волне всеобщего недовольства токугавским режимом стал складываться союз влиятельных князей, не являвшихся непосредственными вассалами Токугава (тодзама-даймё). Этот союз не был направлен против устоев феодализма. Его участники добивались лишь свержения сёгуна и замены режима Токугава какой-либо иной формой феодальной системы. В качестве идеологического оружия своей деятельности князь использовали императорский двор. Придворная знать не обладала ни силой ни влиянием, чтобы возглавить борьбу против сёгуната. Но для феодальной оппозиции было удобно использовать лозунг «восстановление власти императора» для борьбы с сёгуном. Помимо неудач во внутренней политике страны обнаружилась и полная несостоятельность сёгуната в области внешней политики. Курс на изоляцию и закрытие страны обанкротился. Создавались благоприятные условия для установления торговых и дипломатических отношений между Россией и Японией.

Амурская и Сахалинская экспедиции Г. И. Невельского (1849—1854)

До Крымской войны 1853—1855 гг. Россия считалась сильнейшей военной державой в Европе. Без нее не решался ни один международный вопрос. На Дальнем Востоке позиции России были неизмеримо слабее. Огромные расстояния, малонаселенность, бездорожье и трудность передвижения через Сибирь ослабляли их. Восточная Сибирь оставалась малозаселенной и недостаточно освоенной. В значительной мере она служила царизму местом каторги и ссылок. Сухопутные силы на дальневосточной окраине оставались немногочисленными. На Тихом океане русский военный флот был намного слабее не только английского, но и флотов Франции и выходивших на мировую арену США.

Наибольшее внимание царское правительство уделяло борьбе с революционным движением в России. Дипломатия Николая I более всего занималась проблемами Ближнего Востока. В этих условиях русское правительство делало ставку на то, чтобы возможно дольше сохранить на востоке Азии то положение, которое существовало там до поражения Китая в «опиумных войнах» 40-х годов XIX в. Сохранение независимого и слабого Китая более отвечало интересам России, нежели появление на ее границах усилившегося Китая, идущего в фарватере английской политики.

В своих отношениях с Японией Россия придерживалась того же курса. Россия была заинтересована в том, чтобы Япония, как ее ближайший сосед, не подпала под влияние США, Англии или Франции, проводивших враждебную России политику. Голландия продолжала вести интриги против России, с тем чтобы сохранить монополию на торговлю с Японией. Англия, Франция и США соперничали в борьбе за Японию, за контроль над Тихим океаном. Они вынашивали планы завладеть Камчаткой, Сахалином, берегами Амура и тем самым отрезать Россию от Тихого океана. Активизация действий этих держав в северо-западной части Тихого океана вызывала беспокойство наиболее дальновидных людей России. Выше указывалось на обращение к Николаю I И. Ф. Крузенштерна, Е. В. Путятина, П. И. Рикорда.

Выдающийся революционный демократ А. И. Герцен прозорливо указывал на великую будущность Сибири «в развитии России и тихоокеанских отношений». «Сибирь имеет большую будущность...» — писал он. Герцен связывал развитие Сибири с Тихим океаном: «Тихий океан — Средиземное море будущего. В этом будущем роль Сибири, страны между океаном, Южной Азией и Россией, чрезвычайно важна. Разумеется, Сибирь должна спуститься к китайской границе» [109, ч. 1—3, с. 226].

Несовершенный паровой флот пожирал огромное количество топлива и требовал создания баз в северо-западной части

Тихого океана для того, чтобы паровые суда могли курсировать по всей акватории Тихого океана.

Русские помещики и буржуазия стали проявлять все больший интерес к открытию портов, созданию баз на Тихом океане и расширению внешней торговли. Усиление экспансии Англии, Франции и США в этом регионе побуждало царское правительство проводить более активную политику на Дальнем Востоке. Но Россия была лишена свободных выходов в Атлантику и практически отрезана от Тихого океана.

Молодой и энергичный генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев¹⁶ предупреждал правительство о той угрозе, которую представляет стремление Англии установить свое господство в Китае и Японии, завладеть русскими землями на Дальнем Востоке, в частности на Амуре, и таким путем отрезать Россию от Тихого океана. Он сообщал в Петербург о растущем числе английских и американских китобойных судов в Охотском и Беринговом морях, о нападении английских и американских матросов на приморские поселения на Камчатке, о двух экспедициях англичан в устье Амура будто бы для поисков исчезнувшего путешественника Франклина, о длительной поездке по Восточной Сибири «любопытных» английских туристов Остина, Гилла и др. Американские суда часто появлялись в русских дальневосточных водах около Петропавловска, в Айяне, Николаевске-на-Амуре.

Дальновидные государственные и общественные деятели России настаивали на защите ее интересов на Тихом океане. Выдвигались проекты экономического развития дальневосточных окраин и всей Восточной Сибири, заселения Приамурского края и Сахалина, изучения судоходности Амура на всем его протяжении, установления морского сообщения с портами Китая и Японии. Все эти идеи активно стремился осуществить Н. Н. Муравьев.

В этом его поддерживали министр внутренних дел Л. А. Перовский, начальник главного морского штаба А. С. Меншиков, граф П. Н. Киселев и др. Но их планам противодействовал канцлер и министр иностранных дел К. В. Нессельроде, который упрямо продолжал придерживаться прежнего мнения, что исследование устья Амура и освоение Амурского края могут вызвать осложнения с Китаем и недовольство Англии. Сторонник ориентации на Англию, он не замечал антирусской направленности политики англичан, выявившейся в полной мере в начале 50-х годов и приведшей к Крымской войне. Выступая против предложения Н. Н. Муравьева, он ссылаясь на ходячие версии о несудоходности Амура, отсутствии гаваней на берегах Татарского пролива, о перешейке, соединяющем Сахалин с материком. Его поддерживали министр финансов Ф. П. Вронченко, о чем говорилось выше, директор Азиатского департамента министерства иностранных дел Л. Г. Сенявин, граф В. Н. Панин и др. Они высказывали опасения, что исследование Амура при-

ведет к прекращению выгодной торговли с Китаем через Кяхту.

Подтверждение ошибочных представлений об устье Амура доставила экспедиция подпоручика Гаврилова на бриге «Великий князь Константин», снаряженная по поручению Российско-американской компании в 1846 г. Имея наказ правителя колоний не подвергать судно опасности и «не тратить время зря», чтобы успеть доставить промышленникам продовольствие на Курильские острова, Гаврилов провел спешное обследование и сделал вывод, что вход в устье реки с морской стороны недоступен для парусных судов, а в лиман могут войти парусники, имеющие осадку не более 16 футов. Он утверждал также, что в лимане нет удобных гаваней для стоянок; на карте лимана была отмечена отмель, соединявшая (как перешеек) Сахалин с материком (см. [30, д. 157, л. 2—5]).

На докладной записке К. В. Нессельроде по этому вопросу Николай I сделал пометку: «Весьма сожалею. Вопрос об Амуре, как реке бесполезной, оставить; лиц, посылавшихся к Амuru, наградить». К. В. Нессельроде усилил резолюцию, отправив председателю правления компании Ф. П. Врангелю предписание: «Дело о реке Амуре навсегда считать конченным и всю переписку поэтому хранить в тайне» (цит. по [239, с. 67]).

Резолюции Николая I и его министров не переубедили молодого и талантливого моряка, капитан-лейтенанта Геннадия Ивановича Невельского, который, изучив литературу об Амуре и материалы экспедиций Ж.-Ф. Лаперуза, В. Р. Броутона, И. Ф. Крузенштерна и Гаврилова, считал «весьма сомнительными» выводы этих мореплавателей о том, что лиман и устье Амура недоступны для морских судов и что Сахалин — полуостров. Ему удалось убедить Н. Н. Муравьева возбудить перед Николаем I просьбу продолжить исследования Амура. Г. И. Невельской, отказавшись от блестящей карьеры (он был наставником сына царя, Константина, во время обучения того морскому делу), добился назначения командиром транспорта «Байкал», отправлявшегося на Дальний Восток с продовольствием для Охотска и Петропавловска. Не дожидаясь утверждения Николаем I проекта инструкции, подготовленного Н. Н. Муравьевым, в котором предписывалось описать юго-западное побережье Охотского моря, лиман и устье Амура, Г. И. Невельской в мае 1849 г. приступил к выполнению этой задачи.

Не раз, рискуя жизнью, он проводил длительные и тщательные исследования и полностью опроверг неправильные выводы своих именитых предшественников. Он научно доказал судоходность Татарского пролива, наличие на его берегах удобных гаваней, доступность лимана и устья Амура для морских судов с осадкой 12—15 футов и островное положение Сахалина (см. [239, с. 73—74, 87, 99—105]). Г. И. Невельской сделал правильные выводы, что без Амура и Сахалина трудно обеспечить оборону Восточной Сибири, свободный выход русских судов в Тихий океан и связь с тихоокеанскими странами. Он предлагал в

устье Амура основать главный порт на Тихом океане (вместо Петропавловска и Охотска).

Н. Н. Муравьев отмечал исключительное значение для России открытий Г. И. Невельского и предупреждал, что, узнав об открытии Невельского, Англия, Франция или США попытаются проникнуть в устье Амура и это будет пагубно для России. Надо их опередить, делал он вывод, и создать русские посты на Сахалине и на берегах лимана Амура, а в устье Амура оставить пост под началом Г. И. Невельского [282, с. 130—131].

Однако царские чиновники недооценили значение открытий Г. И. Невельского. 2 декабря 1849 г. Николай I подписал указ о преобразовании Петропавловска в главный русский порт на Тихом океане (вместо Охотска) и организации Камчатской области. В январе 1850 г. Особый гиляцкий¹⁷ комитет (создан в январе 1849 г. для обсуждения мероприятий по укреплению позиции России на Тихом океане), где преобладали сторонники К. В. Нессельроде, выразил сомнение в правильности сведений Г. И. Невельского и предложил наказать его за самовольные действия.

Однако А. С. Меншиков, Л. А. Перовский и Н. Н. Муравьев поддержали Г. И. Невельского. Николай I, очевидно понимая значение Приморья и Сахалина для России, отменил решение Особого комитета. В феврале 1850 г. он одобрил компромиссный проект Особого гиляцкого комитета создать факторию Российско-американской компании в заливе Счастья, на юго-восточном побережье Охотского моря. 29 июня 1850 г. Г. И. Невельской основал там Петровское зимовье. Он справедливо считал это мероприятие недостаточным для ограждения прав России на Амуре. Не имея никаких инструкций и действуя на свой страх и риск, 1 августа 1850 г. Г. И. Невельской заложил Николаевский пост на мысе Куэгда в низовьях Амура и объявил местным жителям и командирам иностранных судов, посещавших берега Татарского залива, что Приморье до границы с Кореей и Сахалин являются русскими владениями [239, с. 111].

Узнав об этом, Особый гиляцкий комитет решил разжаловать Г. И. Невельского в матросы за самоуправные действия. Только вмешательство А. С. Меншикова, Л. А. Перовского и Н. Н. Муравьева спасло его. Николай I дал указание пересмотреть решение. 12 февраля 1851 г. Особый комитет вопреки мнению К. В. Нессельроде постановил исследовать и заселить район Амура. Снаряжалась Амурская экспедиция под началом Г. И. Невельского, который был назначен капитаном. Он получил право самостоятельно распоряжаться людьми и средствами экспедиции. Российско-американской компании было предписано снабжать экспедицию продовольствием и наладить торговлю с местными жителями. Экспедиция была непосредственно подчинена генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву, придававшему большое значение освоению устья Амура и Сахалина (см. [239, с. 122—125]).

Российско-американская компания, считая Амурскую экспедицию малоприбыльной, недобросовестно относилась к выполнению возложенных на нее обязанностей по снабжению экспедиции, что обрекло членов экспедиции на невероятные лишения. Тяжелый труд по исследованию и освоению малоизвестного края, голод, цинга, гибель некоторых членов экспедиции не сломили мужества Г. И. Невельского и его небольшого отряда. Экспедиция установила судоходность Амура на всем его протяжении, подтвердила островное положение Сахалина, сделала точную опись берегов Татарского пролива, исследовала естественные ресурсы Амурского края, доказала его экономическое и стратегическое значение для России. Центром управления Амурского края стал Николаевск-на-Амуре (см. [239, с. 130—134, 162, 182, 185—186, 322, 329—332]).

Открытия Г. И. Невельского полностью выявили стратегическое значение Сахалина для России. Сахалин тянется на тысячу километров вдоль материка и почти сливается с ним в наиболее узких местах Татарского пролива. Таким образом, он представляет собой естественную границу Приморья. В случае захвата Сахалина вражескими войсками они могли бы легко держать под обстрелом противоположный берег пролива и проходящие по нему суда. Сахалин закрыл бы устье Амура и стал бы представлять угрозу Восточной Сибири. Приморье оказалось бы отрезанным от Тихого океана.

Велико было экономическое значение Сахалина благодаря пушным и рыбным богатствам и особенно его каменноугольным ресурсам.

Г. И. Невельской, узнав от гиляков о залежах каменного угля в районе Дуэ, на западном побережье Сахалина, в феврале 1852 г. отправил туда лейтенанта Н. К. Бошняка в сопровождении гиляка Позвейна и казака Парфентьева. Группа Н. К. Бошняка располагала весьма скудными запасами продовольствия и снаряжения. С величайшими трудностями и опасностью для жизни она обследовала западное побережье Сахалина от Погиби до Дуэ и нашла открытые пласты каменного угля между Виахту и заливом Уанды, особенно в районе Дуэ. В долине р. Тымь Н. К. Бошняк обнаружил следы длительного пребывания русских, оставленных в 1805 г. Хвостовым в Тамари-Анива и перешедших в эти места в 1810 г., после прихода туда японцев. Последний из русских умер здесь в 1847 г. (см. [239, с. 153—157]).

В 1852—1854 гг. Сахалин обследовали морские офицеры В. А. Римский-Корсаков и Н. М. Чихачев, майор Буссе, лейтенант Н. В. Рудановский, прапорщики корпуса флотских штурманов А. И. Ворожин и Д. И. Орлов, приказчики Российско-американской компании Самарин, Березин и др. Они также открыли на западном побережье Сахалина богатые залежи каменного угля, установили, что население острова составляют народности, проживающие в северо-восточной части России (гиляки, орочены,

живхи и др.) и айну (в южной части острова). Было установлено, что в 1805—1847 гг. в южной части Сахалина существовала русская колония. На острове не раз высаживались и подолгу жили русские, потерпевшие кораблекрушение у его берегов. Г. И. Невельской, капитан-лейтенант П. Ф. Лихачев и другие сообщали различным правительственным учреждениям о появлении все большего количества американских и английских китобоев у побережья Сахалина (так, П. Ф. Лихачев, в частности, сообщал о том, что США расходуют ежегодно до 3 млн. долл. на содержание 700 китобойных судов в Тихом океане) и предложили основать на острове посты для защиты его от иностранцев (см. [105, 1858, № 12, с. 182—185, 189—192; 107, с. 101—102]).

Англичане и американцы все активнее подбирались к западному побережью Тихого океана, проявляя явный интерес к русским владениям в Приморье, на Камчатке, Сахалине и Курильских островах, рассчитывая на захват там удобных гаваней для своей экспансии в северо-восточной Азии. Н. Н. Муравьев и Г. И. Невельской с беспокойством отмечали это и настойчиво предлагали правительству незамедлительно основать на берегу Татарского пролива военные посты, чтобы не допустить захвата устья Амура и Сахалина англичанами и американцами. Однако в Петербурге продолжала превалировать англофильская политическая линия престарелого канцлера К. В. Нессельроде, считавшего, что такая опасность может стать реальной лишь лет через 100 (!).

Появление американских военных экспедиций в северо-западной части Тихого океана, разбой англичан в соседнем Китае, обеспокоили царское правительство. В соответствии с указанием генерал-адмирала великого князя Константина Г. И. Невельской отдал распоряжение начальникам постов проявлять внимание и приветливость к иностранным экспедициям, но вместе с тем предупреждать все иностранные суда о том, что Приморье до китайской границы и Сахалин являются русскими владениями (см. [239, с. 201—204]).

Не ограничиваясь этими скромными декларативными мерами, правительство пришло к выводу о необходимости расширить колонизацию Сахалина под флагом Российско-американской компании, с тем чтобы укрепить позиции России на Дальнем Востоке, предотвратить захват Сахалина и сорвать планы англичан отрезать русские владения от Тихого океана.

В апреле 1853 г. Николай I утвердил разработанное главным правлением Российско-американской компании положение об организации Сахалинской экспедиции. В задачу экспедиции входило исследование ресурсов южной части Сахалина, основание портов и русских селений, что способствовало бы утверждению прав России на южную часть острова и предотвратило бы захват острова иностранцами. Компания получала право колонизовать остров на одинаковых основаниях с другими землями

(Курильские и Алеутские острова, Аляска, Калифорния и др.), упомянутыми в ее привилегиях, утвержденных в 1801 г.

Летом 1853 г. компания должна была занять на Сахалине те пункты, которые будут указаны властями Восточной Сибири, а в 1854 г. назначить на остров своего правителя. Компания обязывалась не допускать на Сахалине никаких иностранных поселений и содержать достаточное число судов для ограждения побережья и гаваней Сахалина от вторжения иностранцев. В случае военного нападения компании предоставлялось право требовать от правительства войска. Ей также выделялась безвозвратная ссуда — 50 тыс. руб. серебром [282, с. 136].

15 апреля 1853 г. Н. Н. Муравьев приказал Г. И. Невельскому занять летом того же года два-три пункта на восточном или западном побережье южной части Сахалина и построить там укрепления, поставить орудия и поднять флаг Российско-американской компании. Ему предписывалось дружелюбно отнестись к приезжающим японцам, убедив их в том, что их промыслы и торговля будут ограждены от покушений иностранцев.

Главное правление компании поручило Г. И. Невельскому руководство Сахалинской экспедицией до прибытия на Сахалин лейтенанта И. В. Фуругельма, который был назначен правителем острова.

Посланный Г. И. Невельским прапорщик Д. И. Орлов на корабле «Байкал» прибыл к западному побережью Сахалина 30 августа 1853 г. (у устья р. Кусунай, $49^{\circ}59'52''$ с. ш.) и там основал Ильинский пост. Сам Г. И. Невельской на корабле «Николай», на котором содержался годовой запас продовольствия, одежды и вооружения, 20 сентября бросил якорь против селения Тамари-Анива. Айну встретили русских дружелюбно, помогли выгрузить с судна пушки и провиант. 21 сентября 1853 г. на $46^{\circ}39'20''$ с. ш. был торжественно заложен Муравьевский пост и поднят русский флаг. 22 сентября Г. И. Невельской передал японским чиновникам декларацию об исторических правах России на о-в Сахалин¹⁸.

На территории Муравьевского поста Г. И. Невельской оставил 61 человека и девять орудий под началом майора Н. В. Буссе и его помощника лейтенанта Н. В. Рудановского. Остальных членов Сахалинской экспедиции (около 40 человек) он оставил в Императорской (ныне Советской) гавани как резерв для обороны Ильинского поста [282, с. 137].

Г. И. Невельской предписал Н. В. Буссе изучать и использовать природные ресурсы острова, оказывать помощь населению, терпеливо и настойчиво прививать им культурные навыки, не допускать закабаления айну приезжающими на остров японцами, которые порабощали население, прибегая к прямому насилию. Японские купцы забирали у айну пушнину, жестоко избивая за попытку утаить или продать ее гилякам или русским. Айну особенно страдали от подневольного труда на рыбных и соляных промыслах, не имея возможности запастись рыбой на

зиму. Массовый голод населения в заливе Анива, как установил Н. В. Буссе, был обычным явлением. По окончании рыболовного сезона японцы возвращались к своим семьям на Хоккайдо и Хонсю. На юге Сахалина оставалось не более 20 человек для охраны складов (см. [107, с. 71—73]).

Н. В. Рудановский в сопровождении казака Березкина совершил пять походов по южной части Сахалина от 46° до 48° с. ш. На этой территории он насчитал 994 юрты с 2418 айну. Его материалы дали возможность составить первую научную физическую карту Сахалина. Большую ценность представляли его метеорологические наблюдения, сведения о естественных ресурсах острова, о языке, нравах, верованиях и занятиях местных жителей. Жители с большим радушием встречали Н. В. Рудановского во время его поездок по южной части Сахалина и откровенно высказывали свою ненависть к японцам, посещавшим эту часть острова [282, с. 138—139].

Весной 1854 г. Н. В. Буссе был утвержден временным правителем острова. Получив письмо от Е. В. Путятина от 25 мая 1854 г. о начавшейся войне с Англией и Францией, Н. В. Буссе, по общему согласию с другими офицерами, решил снять пост во избежание захвата его англо-французским флотом и эвакуировать имущество в Императорскую гавань. Он предупредил местное население и японцев, что русские вернутся и что следует сохранить все постройки Муравьевского поста.

Муравьевский пост был восстановлен в 1867 г.

Амурская и Сахалинская экспедиции сыграли большую роль в исследовании и освоении русскими Приамурского края и Сахалина. Результаты исследований подтвердили сведения о пребывании с давних пор на острове русских. Таким образом, были подтверждены бесспорные права России на Приамурский край и о-в Сахалин.

Глава 3

УСТАНОВЛЕНИЕ ТОРГОВЫХ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЯПОНИЕЙ

Миссия Е. В. Путятин в Японию

Наиболее дальновидные политические и военные деятели России видели опасность подчинения Китая и Японии западным державам, стремление западных держав «обосноваться» на Сахалине, в устье Амура и на Курильских островах. 20 февраля 1852 г. Н. Н. Муравьев в письме командирующему военно-морским флотом великому князю Константину отмечал, что «Китай и Япония делаются постепенно добычей англичан и американцев», и предупреждал, что «в будущем году» американские суда «понесутся по океану в Японию, вооруженные и готовые к бою» (цит. по [186, кн. 1, с. 309]). Как указывалось выше, выдающиеся мореплаватели И. Ф. Крузенштерн, Е. В. Путятин, П. И. Рикорд, Г. И. Невельской и другие, главное правление Российско-американской компании не раз обращались с аналогичными предупреждениями к царскому правительству.

В конце концов правительство решило принять меры к укреплению позиций России на Тихом океане. 24 апреля 1852 г. для обсуждения основных вопросов политики России на Дальнем Востоке был учрежден Особый комитет. В состав комитета вошли начальник Главного морского штаба А. С. Меншиков, управляющий министерством финансов П. Ф. Брок, военный министр А. И. Чернышев, заместитель министра иностранных дел, директор Азиатского департамента Л. Г. Сенявин. 7 мая 1852 г. комитет обсудил представленную министерством иностранных дел «Записку по японским делам». В «Записке» сообщалось о решении американского правительства «отправить новую морскую экспедицию», которая смогла бы «устрашить японское правительство и тем самым побудить оное к изъявлению согласия на требование американцев; в противном же случае принудить его к тому силой оружия». Указав на неудачи прошлых попыток России в установлении торговых и политических отношений с Японией, министерство просило комитет обсудить меры, которые следовало предпринять, «дабы обеспечить для нашей торговли в будущем и некоторые выгоды, которых

американцы, без сомнения, теперь достигнут» [30, д. 162, л. 52—60].

Особый комитет рекомендовал правительству отправить в Китай и Японию экспедицию во главе с вице-адмиралом и генерал-адъютантом Ефимом Васильевичем Путятиным, поручить ему добиться разрешения китайских властей на посещение русскими торговыми судами открытых портов при сохранении сухопутной торговли через Кяхту, а затем приступить к переговорам с Японией о заключении торгового договора. «Но само собой разумеется,— подчеркивал Особый комитет,— что цель посылки его будет миролюбивая». Е. В. Путятину рекомендовалось воздерживаться от «всяких неприязненных в отношении к японцам действий, стараясь достигнуть желаемого единственно путем переговоров и мирными средствами» (см. [32, д. 17, ч. 1, л. 10—23])¹. Представление Особого комитета было утверждено Николаем I 18 мая 1852 г. Из состава Балтийского флота в эскадру Е. В. Путятин был выделен фрегат «Паллада»; в Англии он должен был приобрести паровое судно, а на Тихом океане присоединить к эскадре корвет «Оливуца» и транспорт Российско-американской компании «Князь Меншиков».

В августе 1852 г. министерство иностранных дел подготовило для Е. В. Путятин подробную инструкцию относительно задач экспедиции и методов ведения переговоров.

В инструкции отмечалось, что решение русского правительства о возобновлении попыток открыть японские порты и использовать близость Японии для вывоза оттуда продовольствия в колонии компании и на Камчатку в обмен на русские товары ускорило посылку американской эскадры. «Все это побуждает наше правительство приступить к каким-либо миролюбивым мерам в отношении Японии, дабы не лишиться тех выгод, какие, без сомнения, приобретут теперь американцы, а может быть, и другие морские державы». Е. В. Путятину рекомендовалось вести переговоры в самом дружеском тоне, убедить японские власти в выгоды установления дипломатических и торговых отношений между соседними государствами, обещать японцам свободу торговли во владениях России, добиться разрешения русским торговать в одной из наиболее удобных северных гаваней Японии, а также права посещать порты, которые будут открыты для иностранцев» (см. [30, д. 162, л. 96—122]).

Позднее, уже в пути, Е. В. Путятину были переданы письма японским властям, утвержденные Николаем I в феврале 1853 г. В послании канцлера К. В. Нессельроде японскому Верховному совету указывалось, что цель посольства Е. В. Путятин — разъяснить японскому правительству сложившуюся на Тихом океане обстановку и выдвинуть предложения, которые в будущем помогут устранить «недопонимания и недоразумения» между Россией и Японией, а также послужат утверждению мира и спокойствия в этом регионе в интересах обеих империй. В письме еще раз подчеркивалось, что Россия не нуждается в

новых территориальных приобретениях, но установление государственных границ в этом районе явится лучшим залогом мирных отношений между двумя государствами. Далее содержалась просьба выделить несколько гаваней для торговли между двумя странами и разрешить русским судам заходить в японские порты по пути их следования на Камчатку и в колонии в Северной Америке, если возникнет необходимость пополнить припасы или совершить ремонт. В заключение подчеркивалось, что «Россия по соседству своему более, чем другая держава, имеет право на подобные мирные и обоюдозаполненные сношения» (см. [32, д. 17, ч. I, л. 94—96, 100]).

Как инструкция министерства иностранных дел Е. В. Путятину, так и текст письма канцлера К. В. Нессельроде японскому Верховному совету свидетельствовали о миролюбивых намерениях правительства России. Разработанный в министерстве иностранных дел России проект договора между Россией и Японией содержал статьи о правах экстерриториальности для русских торговцев и принципы наибольшего благоприятствования, о разрешении для русских торговать в открытых портах Японии под контролем японских чиновников; вместе с тем подчеркивалось, что Россия не намерена вмешиваться во внутренние дела Японии (см. [30, д. 163, л. 45—58]).

Е. В. Путятину было передано также письмо К. В. Нессельроде к губернатору Нагасаки. Канцлер просил оказать содействие представителю России, доставить без промедления письмо Верховному совету и испросить разрешение на поездку русского представителя в Эдо для переговоров по «предмету его важного поручения» (см. [30, д. 163, л. 101, 103]).

В дополнительной инструкции министерства иностранных дел Е. В. Путятину предписывалось прибыть в Нагасаки, единственный открытый для иностранцев порт, чтобы не нарушать законы Японии и не давать повода японским властям отказаться от переговоров по вопросу о границах. Устно Е. В. Путятин должен был разъяснить японскому правительству, что Россия придает большое значение Сахалину, который «является ключом к Амуру» и может стать добычей какой-нибудь сильной морской державы, и ее соседство уже не будет столь безопасно для Японии, как соседство России. Учитывая сложность международного положения России, Е. В. Путятину предоставлялось принимать решения о южной части Курил и Сахалине «в зависимости от обстановки». В отношении Сахалина в инструкции говорилось: «Если же встретите непреодолимые со стороны Японии препятствия к признанию наших прав на Сахалин, то лучше в таком случае оставить дело в нынешнем его положении, предоставив времени и обстоятельствам упрочить действительные влияния на сей остров».

Касаясь проекта договора, министерство иностранных дел также предоставляло Е. В. Путятину свободу действий. Он мог изменить или дополнить договор в зависимости от хода перегово-

воров. Е. В. Путятину разрешалось избрать любой порт, который будет открыт для американцев (см. [32, д. 17, л. 209—222, 236])².

Е. В. Путятин покинул Кронштадт на фрегате «Паллада» 7 октября 1852 г., и лишь летом 1853 г. его эскадра собралась в гавани Ллойд на о-ве Пиль (архипелаг Бонин). В начале августа эскадра взяла курс на Нагасаки.

Отбытие русских кораблей в Японию вызвало явное беспокойство западных держав и США. Американский посланник в Петербурге Н. С. Браун в ноте русскому министерству иностранных дел выразил удивление по поводу отправки русского фрегата «с неизвестной целью» в Тихий океан в то время, когда правительство США до всеобщего сведения о посылке своей экспедиции для установления «дружеских и торговых отношений» с Японией [32, д. 17, с. 1, л. 154]. (10 января 1853 г. К. В. Нессельроде ответил, что Россия не делает тайны из отправления судна и не скрывает мотивы, которыми она руководствовалась. Мероприятие вызвано необходимостью охраны владений России в Северной Америке и восточного побережья Азиатского материка.)

Забеспокоились и голландцы. Им, как говорилось выше, не удалось добиться открытия японских портов в 1844 г. В апреле 1852 г. бывший врач голландской фактории в Дэсима Ф. Зибольд, который слыл большим специалистом по Японии, представил нидерландскому министру колоний доклад, в котором рекомендовал голландскому правительству выступить посредником в случае переговоров Японии с какими-либо иностранными державами³.

В ноябре 1852 г. Ф. Зибольд направил записку в министерство иностранных дел России и рекомендовал избрать местом переговоров Нагасаки, «чтобы не нарушать японских законов». Он, очевидно, исходил из того, что проведение переговоров в Нагасаки предоставит голландцам возможность следить за их ходом и оказывать на них соответствующее влияние. (Представленный им проект русско-японского договора содержал ряд положений; выгодных для Голландии.) Ф. Зибольд был приглашен в Петербург для консультаций. Его советы нашли отражение в инструкциях Е. В. Путятину, переданных ему в 1853 г., уже на пути его следования в Японию. Русские дипломаты, однако, сразу заметили, что проект договора, подготовленный Зибольдом, был составлен с проголландских позиций и что автор «заботился более о голландцах, нежели о русских» (см. [32, д. 17, ч. 1, л. 237—242]).

Еще до прибытия в Нагасаки Е. В. Путятин был осведомлен о том, что эскадра американца М. К. Перри отправилась из Шанхая на Рюкю, затем в Японию. 26 июня 1853 г. она в составе четырех кораблей вошла в Эдоский залив. Требования японских чиновников покинуть порт Эдо и отправиться в Нагасаки были отвергнуты. Выстрелами из пушек были разогнаны

караульные суда, окружившие эскадру. 2 июля Перри высадился в порту с отрядом матросов (его суда подошли ближе к столице) и потребовал, чтобы послание американского президента было немедленно принято. Правительство сёгуна понимало, что не может оказать серьезного сопротивления американской эскадре. Церемония передачи послания президента и вручения верительных грамот Перри состоялась в дер. Курихама под жерлами американских пушек. Американские корабли продемонстрировали готовность к открытию военных действий.

Президент США предлагал правителю Японии немедленно покончить с системой изоляции страны, заключить с США торговые договоры и дать согласие на создание баз для американского флота на территории Японии. После передачи документов Перри подчеркнул, что вернется за ответом в апреле следующего года с еще большим количеством кораблей.

Ответа Перри не стал ждать, и 5 июля 1853 г. его эскадра покинула японские воды. «Открытие» Японии было важнейшей, но не единственной задачей, поставленной перед эскадрой. Перри должен был вернуться в Китай, где в это время быстро расширялось восстание тайпинов, и использовать мощь своих кораблей для отстаивания там интересов США. Утверждения американских историков о том, что Перри покинул Японию из-за своего «благорасположения» к японцам, с тем чтобы «дать время» японскому правительству обсудить американские требования, не соответствуют реальным фактам. Еще до отплытия в Китай американские корабли поднялись еще выше по заливу, ближе к Эдо, и вызвали панику среди населения. «Это не было случайностью,—отмечает японский историк Токутоми Иитиро,—это было продуманной мерой военного давления на японцев» [338, т. 31, с. 4].

Военная демонстрация американцев ошеломляюще подействовала на правителей страны. В правящих кругах начались бесконечные дебаты. Наиболее непримиримые сторонники политики изоляции настаивали на срочном проведении военных мер, с тем чтобы не допустить повторения американского визита. В храмах начались молебствия об избавлении Японии от грозящей опасности со стороны «варваров». Растерявшееся правительство обратилось даже за советом к голландцам, которым было предложено составить проект обороны Эдо. Но наиболее «благоразумные деятели» сознавали, что, если даже Голландия снабдила бы их оружием, надежд на успешный вооруженный отпор не было. Решено было принять тактику затягивания: не давая окончательного ответа, вовлечь американцев в длительные переговоры.

Между тем прибывшая в Нагасаки 10 августа 1853 г. русская эскадра сразу же была окружена японскими караульными судами. Японские власти, предупрежденные голландцами о предстоящем прибытии русской эскадры, приняли меры по усилению охраны побережья Кюсю. И хотя сами жители Нагасаки

проявили живейший интерес к появлению русской эскадры, ка- раульные лодки не допустили японцев на корабли. Не была раз- решена и высадка русских на берег. Е. В. Путятин просил япон- ских чиновников передать губернатору Нагасаки, что посольст- во привезло от своего правительства два письма — ему лично и Верховному совету. Губернатор Нагасаки Осава Ситэцу Бунго- но-ками отказался принять письмо Верховному совету и всту- пить в переговоры без разрешения правительства, но обещал срочно доложить в столицу о русской миссии.

В начале сентября 1853 г. губернатором было получено раз- решение принять письмо К. В. Нессельроде. 9 сентября состоя- лись торжественный въезд Е. В. Путятин в Нагасаки и встреча его с губернатором.

Передав письмо канцлера, Н. В. Путятин спросил, когда придет на него ответ и не лучше ли эскадре немедленно от- плыть в Эдо, но Осава заявил, что ответ будет не скоро и он не может разрешить Путятину отбыть в Эдо. Японское правитель- ство не хотело одновременно вести переговоры в столице с пред- ставителями двух мощных держав — США и России. Изменение внутреннего и международного положения страны делало неиз- бежным «открытие» Японии для западноевропейских держав и США. Но японское правительство старалось оттянуть этот мо- мент, опасаясь обострения внутриполитического кризиса и новой волны восстаний крестьянства и городской бедноты. К этому добавлялась еще и угроза сёгунату со стороны императорского двора, стремившегося с помощью феодально-самурайской оппо- зиции вернуть себе былую власть.

Сёгун не решился взять на себя ответственность за отмену политики изоляции. Впервые за два столетия существования то- кугавского режима сёгун в июле 1853 г. запросил мнение импе- ратора Комэй и глав княжеств (даймё) по вопросу об отмене законов о самоизоляции страны. Император высказался против открытия портов. Обращение к даймё было столь неслыханной мерой, что только 61 из 258 прислали ответы. 22 даймё выска- зались за принятие предложения США, 19 — против, 18 ограни- чились расплывчатым рассуждением о необходимости избежать войны с западными державами; 2 даймё высказались неопре- деленно [388, с. 24—25].

Обращение к князьям и императорскому двору обнаружило неуверенность сёгуна в собственных силах. Токугава подорвал один из важнейших принципов своей политики — отстранение императора от решения политических проблем. Обращение сё- гуна к политическим противникам — феодальным князьям — за советом укрепило политические позиции последних. В стране намечилось образование двух политических центров, чего току- гавский режим не допускал в течение двух веков.

Не было единодушия и среди нарождающейся японской тор- говой буржуазии по вопросу о том, поддержать ли сёгуна и его линию уступок иностранцам или же встать на сторону феодаль-

ной оппозиции, которая натягивала на себя тогу заступницы страны от «иностранных варваров». Часть купечества, которая рассчитывала на прямые прибыли от торговли (в частности, в Симода), вскоре стала активно поддерживать политику правительства и даже попыталась оказать давление на феодальное правительство с тем, чтобы добиться скорейшего разрешения свободной внешней торговли. Но этот слой торговой буржуазии в Японии был относительно невелик. Бóльшая же часть торговых домов занимала иную позицию. Они опасались, что их господствующему положению на рынке будет нанесен серьезный ущерб, если в Японии появятся иностранные товары. Банковские дома опасались, что развитие внешней торговли позволит князьям и самому сёгуну освободиться от финансовой зависимости. Нарождающаяся промышленная буржуазия, экономически слабая, сознавала, что дешевые иностранные товары фабричного производства могут подорвать японское мануфактурное дело. Ее наиболее дальновидные представители считали, что если отмена изоляции от внешнего мира будет осуществлена реакционным токугавским режимом, то это на время укрепит старый государственный аппарат с его системой жестких феодальных регламентаций и Токугава, опираясь на иностранцев, упрочит свое господство в стране. Рядовое самурайство было так недовольно своим экономическим положением, что целиком встало на позиции осуждения внешней политики токугавского правительства. Оппозиция самурайства носила ярко выраженный антииностраный характер и впоследствии выразилась в ряде экстремистских акций (убийство иностранцев и членов правительства, высказывавшихся за соглашение с другими странами).

Политический разлад в стране еще более убедил правительство в необходимости оттянуть ответы М. К. Перри и Е. В. Путятину. В начале октября 1853 г. им было сообщено, что в связи со смертью сёгуна Иэёси⁴, организацией его похорон и церемониями по назначению преемника обсуждение вопросов об открытии портов откладывается.

Русскому дипломату было ясно, что японцы сознательно затягивают переговоры. У него появились опасения, что ему не удастся завершить переговоры с Японией до начала войны России с Турцией, Францией и Англией, очевидность которой становилась все определеннее. Безрезультатный отъезд из Японии, безусловно, подорвет престиж России. Беспокоил Путятину и интерес, проявляемый американской прессой к сообщениям об открытии русскими угольных месторождений на Сахалине. Он предупредил свое правительство об опасности захвата острова американцами и предлагал принять меры к освоению южной части Сахалина, установив границу с Японией по проливу Лаперуза (см. [32, д. 17, ч. 2, л. 45—50, 65—70]).

6 ноября 1853 г. Е. В. Путятин направил новое письмо Верховному совету. Он писал о необходимости разграничения владений Японии и России во избежание конфликтов между стра-

нами. Он еще раз указывал на то, что гряда Курильских островов, лежащая к северу от Японии, издавна принадлежит России и «находится в полном ее заведывании», в том числе и о-в Итуруп. Русские промышленники имели поселения на острове с давних пор, задолго до появления на нем японцев. Е. В. Путятин также настаивал на признании принадлежности Сахалина России еще до появления на нем японцев. Поэтому он предлагал провести границу по проливу Лаперуза, т. е. между Сахалином и Хоккайдо. Он подчеркивал временный характер японских поселений на Сахалине, в заливе Анива, где японцы появляются лишь во время рыболовного сезона (и поэтому там построены временные японские жилища). Е. В. Путятин просил также открыть для русских порт Хакодате и какой-либо «другой порт недалеко от Эдо», чтобы поддерживать прямые контакты с японским правительством (см. [32, д. 17, ч. 2, с. 51—54]).

11 ноября Е. В. Путятин покинул Нагасаки, предупредив губернатора, что скоро вернется и если не застанет уполномоченных японского правительства для ведения переговоров, то будет вынужден отправиться в Эдо.

Пополнив припасы и произведя ремонт судов в Шанхае, 22 декабря эскадра вернулась в Нагасаки. Не застав уполномоченных, русский дипломат заявил, что отплывает в Эдо. Напуганный таким заявлением губернатор известил о прибытии в Нагасаки двух правительственных уполномоченных — Цуцуи и Кавадзи.

После того как был согласован церемониал свиданий и переговоров с японскими уполномоченными, состоялся первый визит Е. В. Путятина к ним.

В своем донесении в Петербург русский уполномоченный подробно описал всю церемонию: «Для отличия визита моего к полномочным от посещения к губернатору, который гораздо ниже их значением, я поехал к первым в сопровождении двойного против прежнего караула, состоявшего из 50 человек, кроме музыкантов, и почти со всеми военными и находящимися при мне гражданскими лицами, исключая оставшихся на судах по обязанности службы около 30 человек. Мы ехали на девяти шлюпках, которые растянулись почти на милю. Впереди ехал на гичке офицер, назначенный для размещения караула и музыкантов на берегу, потом баркас с караулом, за ним катер с музыкантами, следующий со служителями, которые несли наши стулья, далее я со свитой и в остальных шлюпках офицеры с других судов отряда. Едва мы отвалили от борта и флаг перенесен был на катер, как фрегат расцвел флагами, люди стали на реях и проводили нас троекратным ура. С фрегата и корвета сделано было положенное число пушечных выстрелов» (см. [32, д. 17, ч. 2, с. 98—106]). Та же церемония соблюдалась и при прибытии на фрегат японских уполномоченных. В ходе первых встреч 31 декабря 1853 г. и 3 января 1854 г. японцы уклонялись от деловых переговоров. В дальнейшем они также

задерживали переговоры под различными предложениями бесконечного обмена визитами вежливости, поднесения подарков, ссылками на различные события внутренней жизни страны.

Лишь 4 января Е. В. Путятину был вручен ответ Верховного совета (датированный 3 ноября 1853 г.) на письмо К. В. Несельроде. В нем говорилось о согласии обсудить вопрос о границах, но только после изучения князем Мацумаэ карт и документов о Курильских островах и Сахалине. Оттягивалось и решение вопроса об установлении торговых отношений. Верховный совет ссылался на то, что внешняя торговля запрещена законами, которые соблюдались несколько столетий. В будущем они будут отменены, но на осуществление этого потребуется несколько лет — обсудить вопрос на совещании князей, учесть внутренние ресурсы и т. п. (см. [32, д. 17, ч. 2, л. 116—117, 123—124]).

Тактика проволочек (без прямого отказа), применявшаяся японскими уполномоченными, по словам Е. В. Путятина, «может служить образчиком японской дипломатии и вообще выражением хитрого ума и изворотливого характера» (см. [32, д. 17, ч. 2, л. 317—330, 371]).

Все же на переговорах 6, 8, 10, 11 и 12 января 1854 г. русскому послу удалось вовлечь уполномоченных в обсуждение вопроса о разграничении. Е. В. Путятин настаивал на том, что Россия имеет исторические права на Итуруп и Сахалин.

Цуцуи и Кавадзи признали, что японцы появились на Итурупе не ранее начала XIX в., т. е. намного позже русских, но все же утверждали, что Япония имеет «права» на остров, поскольку айну с давних пор являются «японскими подданными».

Не считаясь с фактами освоения русскими южной части Сахалина, установления ими поста в Анива, они предложили провести границу по 50-й параллели, на что Е. В. Путятин отвечал, что жители Сахалина, как и Приамурского края, давно уже просили русских правителей взять их под свое покровительство, поэтому император Николай I и повелел создать на юге Сахалина военный пост с тем, чтобы предотвратить занятие острова иностранцами.

Русский уполномоченный настаивал на немедленном принятии решения, с тем чтобы весной (с началом навигации) провести демаркацию на месте. Цуцуи и Кавадзи наотрез отказались от таких сроков и вновь повторили, что для изучения вопроса потребуется по крайней мере три-четыре года. Правда, они признали, что не имеют представления о географическом положении Сахалина, и предложили сначала послать чиновников, чтобы выяснить насколько далеко на север от Анива расположены японские рыболовные промыслы (см. [32, д. 17, ч. 2, л. 166—210, 258—262]).

В ходе переговоров был вновь затронут вопрос об открытии портов. Русский посол разъяснял, что в результате своей изоляции Япония отстала от других государств, особенно в военном отношении, что делает ее уязвимой. Он подчеркнул, что согла-

сие на умеренные и справедливые требования России было бы высоко оценено русским правительством, которое не желает иметь у своих дальневосточных границ других соседей, кроме японцев. Е. В. Путятин отметил также готовность России снабдить Японию оружием, пароходами, «оказать помощь в культурном развитии». Однако уполномоченные отвечали, что ценят дружеское расположение России как самого большого государства мира, но по законам страны «для подготовки перемен» требуется длительный срок (три-пять лет) (см. [32, д. 17, ч. 2, л. 180—210, 259—269]).

Идя навстречу пожеланиям японцев, Е. В. Путятин 16 января 1854 г. передал уполномоченным проект договора о пограничном регулировании, не настаивая на разрешении вопроса о торговле. В ходе дальнейших переговоров 23 января японские уполномоченные дали обещание (и подтвердили его в письменной форме) предоставить России права торговли и «другие преимущества», если таковые будут даны другим державам [32, д. 17, ч. 2, л. 135].

В известной мере русскому послу удалось убедить японское правительство в мирных намерениях России и добиться принципиального согласия уполномоченных открыть порты для русских судов и установить торговые отношения. В самом деле, действия русского посла, не прибегавшего к угрозам, выгодно отличались от вызывающего поведения М. К. Перри.

24 января 1854 г. русская эскадра покинула Нагасаки и 1 февраля приблизилась к о-вам Рюкю. Американский офицер сообщил Е. В. Путятину, что М. К. Перри за два дня до его прибытия отправился к берегам Хонсю, и от его имени заявил, что Рюкю приняты под ведение правительства Соединенных штатов в качестве меры возмездия за то, что Япония не удовлетворила некоторые требования США (см. [32, д. 17, ч. 2, л. 137]). Опасавшийся возможной неудачи в «открытии» Японии, Перри заранее решил занять Рюкю в качестве залога для переговоров с японским правительством. Свои захватнические действия он оправдывал «необходимостью» предвосхитить шаги России и Англии в Японии, а также сделать эдоское правительство более покладистым. В Вашингтоне действия Перри были одобрены (см. [167а, с. 85—87, 211—212, 282—283]).

Сведения о прибытии русской эскадры в Нагасаки дошли до Перри еще в конце 1853 г., позднее — слухи о таинственном отплытии из Шанхая французского военного шлюпа, который якобы направился с секретной миссией в Японию. Опасаясь, что русские и французы могут первыми заключить договор с Японией, он решил поспешить с возвращением в Японию, однако не мог покинуть Китай раньше, чем туда прибудет другая американская военная эскадра, под командованием Рингольда. (Последний имел задание всемерно поддерживать Перри, детально разведать побережья Китая и Японии и провести организационную работу по проложению пароходной линии между Сан-Фран-

циско и Шанхаем — захватить необходимые базы для судов, идущих по этому пути.)

Поэтому как только Рингольд появился у берегов Китая, Перри с усиленной эскадрой (девять кораблей, 250 орудий) отплыл к берегам Японии. Не останавливаясь в Урага, американская эскадра поднялась выше по Эдоскому заливу и стала на якорь в районе Канагава, в 8 милях от Эдо. Перри угрожал открытием военных действий. Прибытие мощной американской эскадры, к тому же раньше обусловленного срока, повергло японское правительство в панику. Оно поняло, что затяжные переговоры теперь нереальны.

Хотя правительство и не успело принять окончательного решения относительно ответа на письмо американского президента, оно было вынуждено согласиться на переговоры. 24 февраля японские уполномоченные прибыли в Канагава. Перри отверг японский проект договора, сохранявший в значительной мере ограничения на торговлю, и потребовал заключения договора по типу американо-китайского, согласившись лишь на некоторые незначительные изменения. «Договор о мире и дружбе», или Канагавский договор, был подписан 19 марта 1854 г. Договор предусматривал открытие для американских судов портов Симода и Хакодате с правом свободного пребывания американцев в открытых портах, обменную торговлю с американцами, а также предоставление США статуса наиболее благоприятствуемой нации.

Сёгунат капитулировал, учитывая нарастающий в стране кризис, невозможность сопротивляться американцам, вооруженным передовой военной техникой, невыгодную международную ситуацию: поражение Китая в «опиумных войнах», усиливающийся нажим со стороны капиталистических держав Запада.

Политика самоизоляции доживала последние дни. Англия решила воспользоваться успехом американцев по «открытию» Японии. Чтобы не допустить преобладающего влияния американцев в этой стране, 2 октября 1854 г. командующий английской эскадрой в китайских водах Дж. Стирлинг навязал японцам свой «договор о мире и дружбе». В англо-японском договоре, подписанном в Нагасаки, содержались те же положения, что и в Канагавском трактате, заключенном М. К. Перри. Дж. Стирлинг использовал встречи с японцами для того, чтобы посеять недоверие Японии к России. Он заявил о ее «агрессивных намерениях» в отношении Сахалина и даже Хонсю и предупредил, что его эскадра вступит в бой с русскими кораблями, если он их обнаружит в японских водах (см. [306, т. 1, с. 45—48]).

Е. В. Путятин получил известие о разрыве Францией и Англией отношений с Россией в начале апреля 1854 г. в порту Гамильтон (о-в Комундо). Эскадра снялась с якоря и 8 апреля прибыла в Нагасаки (за ответом японского правительства). Но губернатор сообщил, что ответ из Эдо не получен, однако переводчики неофициально уведомили посла о назначении прави-

тельством двух представителей для переговоров с ним о границах в Анива (см. [32, д. 17, ч. 2, л. 152—160, 375—376]).

Е. В. Путятин сообщил Цуцуи и Кавадзи, что прибудет в Анива для переговоров в конце июня, а для переговоров о торговле прибудет в какой-нибудь порт недалеко от Эдо [32, д. 17, ч. 2, л. 248—249]. 14 апреля он покинул Нагасаки и на фрегате «Пайлада» обследовал юго-восточное и восточное побережье Кореи и Южно-Уссурийского края⁵. Корейскому правительству он направил письмо с предложением установить торговые отношения с Россией, затем взял курс на Императорскую гавань. По пути туда, 17 мая, от капитана шхуны «Восток», которую он ранее направил в Шанхай, он узнал, что Франция и Англия объявили войну России и направили свои суда в Тихий океан для захвата русской эскадры и нанесения удара по русским базам (в случае успеха им также предписывалось захватить Камчатку и Сахалин).

С марта 1854 г. русские власти на Камчатке (в Петропавловске) начали строить укрепления для возможного отражения нападения неприятельского флота. Петропавловский гарнизон насчитывал всего 283 человека. Но к началу августа 1854 г. численность гарнизона была увеличена более чем вдвое. Гарнизон состоял уже из более чем 800 военнослужащих. В порту находились два русских корабля — фрегат «Аврора» с 44 пушками и «Диана» с 12 пушками. Гавань защищалась тремя наскоро построенными батареями с 19 орудиями.

К Петропавловску англо-французская эскадра подошла в середине августа. Она имела четырехкратное превосходство в численности военнослужащих и мощи своих орудий. Шесть англо-французских военных кораблей были вооружены 214 орудиями (см. [277, с. 213—215]). 17 (29) августа 1854 г. началось сражение, которое длилось неделю. Героически сражавшимся русским солдатам и офицерам удалось отбить атаки превосходщих англо-французских сил.

Неудача англо-французского флота под Петропавловском вызвала большой резонанс в Лондоне и Париже. Буржуазное общественное мнение расценило это как оскорбление и потребовало энергичных мер для уничтожения Петропавловска и русских кораблей на Тихом океане.

«Как ни блестящи были подвиги защитников Петропавловска,— писал адмирал Г. И. Невельской,— но за недостатком продовольствия их положение в случае войны на Камчатке представлялось безвыходным» [239, с. 312—313]. Мнение Невельского, прекрасно осведомленного о положении дел на далекой окраине России, было признано правильным. Тогда же было решено эвакуировать город, снять батареи и уходить в глубь страны — можно было ожидать появления англо-французского флота и экспедиционных войск в 1855 г.

29 декабря 1854 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев распорядился оставить Петропавловск и пере-

нести «всю материальную часть» в глубь полуострова, а всю морскую команду и сухопутный гарнизон перевести в Николаевск-на-Амуре. 5 апреля 1855 г. фрегат «Аврора», корвет «Оливуца» и четыре транспорта, забрав грузы, команду и часть жителей, вышли в море и 1 мая прибыли в Де Кастри, откуда позже отправились в Николаевск.

Англо-французское командование не оставило своих планов по уничтожению русского флота на Тихом океане. 15(27) мая 1855 г. англо-французская эскадра вошла в залив Де Кастри и обстреляла берег, а 19(31) мая 12 больших военных судов вошли в Авачинскую бухту. Убедившись, что в Петропавловске и на батареях никого нет, для большей уверенности эскадра все же бомбардировала город без жителей и батареи без пушек и вскоре покинула бухту.

В сентябре 1855 г. англо-французская эскадра высадила десант на о-ве Уруп и уничтожила фактории Российско-американской компании.

Во время Крымской войны англичане и французы свободно распоряжались в японских водах. Они использовали Японию как базу для военных действий против России. Хакодате стал базой снабжения и ремонта для англо-французского флота. В октябре 1856 г. Дж. Стирлинг доносил в Лондон: «Порты и ресурсы Японии были в распоряжении наших крейсеров для ремонта, снабжения и коммуникаций, и в этом отношении Япония оказалась не менее полезной для нас, чем была бы на ее месте британская колония, но при нашем превосходстве в силах ее порты и ресурсы были недостижимы для русских судов» (цит. по [238, с. 74]). Слабость позиций России на Дальнем Востоке и господство англо-французского флота в водах, омывавших русские владения в северо-западной части Тихого океана, создавали благоприятные условия для японской дипломатии в переговорах с Россией.

Между тем 3 октября 1854 г., на следующий день после подписания англо-японского договора, Е. В. Путятин на фрегате «Диана» отбыл из Императорской гавани в Японию.

27 октября «Диана» прибыла в Осака. Неожиданное появление русского корабля произвело переполох среди населения. Даймё княжества Хиконэ — Ии Наосукэ Камон-но-ками — принял меры к усилению охраны Осака и Киото. Было мобилизовано до 10 тыс. воинов. Е. В. Путятин заявил японским чиновникам, что намерен ожидать в Осака уполномоченных для возобновления переговоров. Через шесть дней, после получения инструкций из Эдо, губернатор сообщил, что Осака закрыт для иностранцев и русскому послу следует отправиться в Симода, куда придут уполномоченные. 10 ноября Е. В. Путятин покинул Осака и 22 ноября прибыл в Симода. Японские власти не разрешили высадку русских на берег и даже отказались снабдить их свежими продуктами. Очевидно, прибытие Е. В. Путятина всего лишь с одним кораблем и его мягкие манеры японцы

расценили как признак слабости России. (По прибытии в Симода Путятин принял меры предосторожности на случай нападения англо-французских судов, крейсировавших у японских берегов.)

8 декабря состоялась торжественная встреча Е. В. Путятина с японскими уполномоченными Цуцуи и Кавадзи, а 10 декабря начались переговоры в одном из храмов Симода — Гёкусэндзи. Русский посол изложил основные статьи проекта договора, который был ранее вручен уполномоченным в Нагасаки. Японские представители заявили, что не имеют права обсуждать вопрос о торговле и что порт Осака и столица Эдо не могут быть открыты для иностранцев. Осака, по их мнению, был слишком близко расположен к Киото — местопребыванию императорского двора.

На второй день переговоров, утром 11 декабря, в Симода произошло сильное землетрясение. Гигантская волна цунами погубила тысячи людей на восточном и южном побережье о-ва Хонсю и на о-ве Сикоку. Сильно пострадали Осака и многие другие населенные пункты. Фрегат «Диана» был сорван с якорей и сильно поврежден. С 4 по 6 января 1855 г. производилась разгрузка корабля и высадка экипажа (484 человека) в симодском порту. Попытка отбуксировать корабль в бухту Хэда (25 миль от Симода) закончилась неудачей. Налетевший шквал перевернул судно, и оно вскоре затонуло. Матросы были отправлены по суше в д. Хэда. Е. В. Путятин торопился завершить переговоры, учитывая неудачный для России ход войны против Турции, Англии и Франции.

Американские, голландские, английские и французские корабли, прибывавшие в Японию из Шанхая, привозили издававшиеся там газеты и сообщения телеграфных агентств о неудачах русской армии в Крыму. Нападение англо-французского флота на Петропавловск, его эвакуация и слухи о готовящемся новом нападении французов и англичан на русские владения в Тихом океане оказали несомненное психологическое воздействие на настроение Е. В. Путятина. С другой стороны, эти сообщения усиливали несговорчивость японских представителей, укрепляли их уверенность в том, что Россия еще долгое время не сможет посылать свои военные корабли к берегам Японии.

Первый вопрос, который обсуждался на переговорах, был вопрос о границах. Вначале японцы предложили установить границу на Сахалине по 50° с. ш., т. е. поделить остров. Но, встретив отпор со стороны русского уполномоченного, заявили о «согласии» провести границу по 48° с. ш. Права Японии на обладание половиной острова японцы так и не смогли доказать. Кавадзи перебрал много архивных материалов, доставленных из тайников замка Эдо, но нигде не обнаружил документов, доказывающих права Японии на Сахалин. Японцы изредка посещали Сахалин, но никогда не предъявляли на остров своих прав. Действовал закон изоляции и запрета дальних плаваний. По законам токугавской Японии Сахалин был запретной землей.

По сведениям японского историка Токутоми Иитиро, в Японии в начале XIX в. (в годы Бунка, 1804—1807) было распространено мнение о необходимости установить границу по проливу Соя, т. е. между Сахалином и Хоккайдо. Цуцуи и Кавадзи знали об этом, но все же требовали провести границу по 50° с. ш. на том основании, что на европейских картах южная часть Сахалина изображалась как японская территория. Е. В. Путятин в ответ совершенно справедливо заметил, что европейцы никогда не обследовали остров и потому их карты не могут служить доказательством в обосновании японских притязаний. Шаткость таких аргументов заставила Цуцуи и Кавадзи отказаться от их требований (см. [338, т. 44, с. 263—266]).

Вместе с тем японцы настаивали на том, чтобы в соглашении было оговорено, что все сахалинские айну являются «японскими подданными», поскольку, дескать, они перешли на Сахалин с о-ва Эдзо. Кажущийся невинным на первый взгляд, этот пункт, по сути дела, подтверждал бы «права» Японии на южную часть Сахалина. Поэтому Е. В. Путятин отказался внести его в проект договора. Тогда Цуцуи и Кавадзи потребовали вообще не устанавливать границу на Сахалине. Кроме того, японское правительство, видя неудачу России в Крымской войне и рассчитывая на дальнейшее ослабление ее позиций, отказывалось признать принадлежность Сахалина России.

Е. В. Путятин был знаком с идеями Г. И. Невельского и Н. Н. Муравьева о важности для будущего России освоения Сибири, строительства портов и городов в Приморье, приобретения незамерзающих гаваней. Но, несмотря на свой интерес к дальневосточным проблемам, Е. В. Путятин все же, очевидно, недооценивал значение Сахалина и Курильских островов для обороны устья Амура и выхода в Тихий океан. Как и большинство царских дипломатов, он придавал большое значение ближневосточным проблемам и охранительной реакционной политике царизма в Европе. Ведя переговоры с Японией, Е. В. Путятин считал, что объявление Сахалина нераздельным владением России и Японии, так же как и сами притязания японцев на остров, могли в какой-то мере служить препятствием агрессивным планам англичан в отношении Сахалина и намерениям американцев основать базу на юге Сахалина. Без особых на то оснований он полагал, что противоречивые интересы Англии, США и Японии в отношении Сахалина могут сохранить его «бесхозным» до будущих переговоров с японцами, но уже при других обстоятельствах, после войны, когда силы России на Дальнем Востоке будут восстановлены.

В рассуждении Е. В. Путятин не малую роль играли и соображения об установлении добрососедских отношений. Заключение договора на добровольной основе, без угроз и насилия, могло бы, по мнению Е. В. Путятин, заложить дружественно добрососедские отношения, сблизить народы двух сопредельных стран.

Не могло не сказаться на настроении посла и критическое положение посольства после гибели «Дианы» — угроза захвата их противником.

Долго японские уполномоченные возражали и против создания русских консульств в открытых портах. Сёгунское правительство категорически возражало против пребывания иностранцев на его территории, что означало бы для него ломку вековых токугавских законов. Ссылаясь на неудобство гавани Симода (землетрясения), Е. В. Путятин добивался открытия другого порта. Но безрезультатно. Цуцуи и Кавадзи категорически отклонили это предложение. Они возражали и против статьи о продаже японских товаров и обмене их на иностранные товары, против предоставления русским права производить богослужение на берегу и привозить семьи в Японию (см. [282, с. 168]).

Как посол Николая I Е. В. Путятин упорно добивался того, что считал для России самым главным: открытия портов, права торговли в Японии с проживанием купцов на берегу и особенно права иметь консулов в открываемых по трактату портах. Играли роль и соображения престижного характера. В договоре ничего не должно быть опущено из того, что получили от Японии другие державы. Если он как дипломат не добьется включения в договор пунктов о русских коммерсантах в Японии и о назначении консулов, то в Петербурге будут считать, что он провалил свою миссию.

Пресса всего мира писала о том, что Путятин, а не Перри открыл первым Японию. И теперь, после письменных обязательств, данных японцами, уехать без договора Путятин себе не мыслил.

Договор о торговле и границах между Россией и Японией был подписан 26 января (7 февраля) 1855 г. в храме Гёкунсэ-дзи в Симода.

Устанавливались дипломатические отношения. Определялись границы. «Отныне границы между Россией и Японией,— говорилось в ст. 2,— будут проходить между островами Итурупом и Урупом. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владение России». Сахалин при этом объявлялся «неразделенным между Россией и Японией» (см. [72, с. 52—53]), хотя права Японии на него так и не были доказаны и фактически он находился под контролем русских властей с начала XVIII в.

Занятая войной с Англией, Францией и Турцией, Россия не имела возможности защищать свои владения на Тихом океане и вынуждена была уступить Японии южную часть Курильских островов, издавна освоенных русскими и составляющих единое целое со всеми остальными островами. Слабость царского самодержавия, выявленная в полной мере поражением, понесенным царизмом в Крымской войне, и ослабление позиций России на Западе и Ближнем Востоке привели к тому, что царское правительство поступило южной частью Курильских островов, яв-

лявшихся в течение почти века составной частью исконной русской территории.

Кроме того, царское правительство пошло на это невыгодное для него соглашение в надежде на развитие торговых, дружественных и добрососедских отношений с Японией. Ст. 1 Симодского трактата гласила: «Отныне да будет постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией» [72, с. 52]. Условиями договора обеспечивалась законная защита личной безопасности и прав собственности подданных в обеих странах. Для русских судов открывались порты Хакодате, Нагасаки и Симода; в этих портах допускались торговые сделки русских, но в ограниченных размерах и под контролем японских чиновников.

С 1856 г. разрешалось пребывание русского консула в одном из открытых портов; русским в Японии и японцам в России предоставлялись права экстерриториальности. Русским подданным обеспечивались права наибольшего благоприятствования, о чем была достигнута договоренность еще во времена переговоров в Нагасаки.

В Петербурге деятельность Е. В. Путятина была оценена положительно, хотя он и не проявил достаточных дипломатических талантов и сделал ничем не оправданные уступки в отношении южной части Курильских островов и Сахалина.

В ходе переговоров японские уполномоченные просили Россию оказывать Японии содействие в поддержании ею мирных отношений с США и другими западными государствами. Путятин дал обещание выполнить просьбу японцев путем «посредничества» или «советов» (см. [32, д. 17, ч. 2, л. 317—330, 371]).

Подписав трактат, Е. В. Путятин стал принимать экстренные меры к спасению экипажа корабля и состава посольства.

Командующий английской эскадрой Дж. Стирлинг послал к японским берегам три военных корабля для захвата в плен русских, как только те покинут Симода. План переброски моряков в Хакодате на японских джонках пришлось отменить.

14 марта в Симода пришла американская шхуна «Каролина Фут». Помощник Е. В. Путятина капитан Посьет заключил с ее капитаном контракт о перевозке русских моряков в три рейса до Петропавловска-на-Камчатке. Американец потребовал колоссальную по тем временам сумму — 11 тыс. долл., т. е. почти столько, сколько стоила сама шхуна. 30 марта 150 матросов и 8 офицеров во главе с капитан-лейтенантом С. С. Лессовским отправились на американском корабле на Камчатку. Совершив один рейс и получив за это 6 тыс. долл., американский капитан отказался от дальнейших рейсов. Он счел невыгодной оплату за второй рейс 3 тыс. и за третий рейс 2 тыс. долл. Не захотел взяться за доставку русских и американский капитан клипера «Янг Америка», хотя Путятин был готов заплатить ему за эту операцию 3,5 тыс. ф. ст. Пришлось рассчитывать главным образом на строившуюся русскими моряками шхуну «Хэда». К счастью для русских, капитан Посьет случайно обнаружил в бага-

же журнал «Морской сборник» № 1 за 1849 г. В журнале была помещена статья о постройке шхуны для главного командира Кронштадтской крепости и приложен чертеж. Е. В. Путятин приказал молодым младшим офицерам — прапорщику Карандашеву и мичману Колокольцеву — составить по этим данным чертеж новой шхуны.

Постройка корабля, начавшаяся в середине января, оказалась трудным делом. «Большую часть нужного леса,— вспоминал Е. В. Путятин,— вырубали мы сами на соседних горах и должны были своими же средствами добывать смолу, прясть пеньку, спускать тросы и пр.» [32, д. 17, ч. 2, л. 403]. Не хватало инструментов, рабочих рук. В начале японских рабочих, помогавших им, было всего 25—30, затем их число увеличилось до 60. Они были хорошими кузнецами и плотниками, но не имели никакого опыта в строительстве больших судов. Основными строителями судна были русские матросы во главе с офицерами Мусиным-Пушкиным и Елкиным.

Русские матросы открыли японцам все секреты строительства судов, показали чертежи, обучали японских плотников кораблестроению. Чиновники, приставленные к японским мастерам, тщательно фиксировали русскую корабельную терминологию, делали чертежи отдельных частей судна или просто их срисовывали. Правда, русские офицеры потребовали, чтобы они сами обучали японских мастеров, без посредничества чиновников. Японские власти неохотно шли на это. Но, заинтересованные в подготовке собственных специалистов, вынуждены были согласиться. С помощью русских японские мастера заложили и построили современный по тому времени корабль для дальнего плавания, затем еще два корабля. Этим было положено начало современному японскому судостроению, что признается многими японскими историками (см. [328, с. 271; 306, т. 1, с. 68]). Всего по образцу корабля «Хэда» в течение 50-х годов XIX в. в Японии на воду было спущено шесть кораблей.

14 апреля состоялся спуск судна «Хэда» на воду. На берегу собралась огромная толпа людей, среди которых находились прибывшие из Симода чиновники и секретарь уполномоченных Накамура. И вот наступает торжественный момент. На флажтоках взвиваются два флага — русский государственный андреевский флаг и флаг посла Е. В. Путятина. «Хэда», спущенная на воду, быстро скрылась за первым мысом. Японцы бросились поздравлять Е. В. Путятина и его спутников. На торжественном обеде провозглашались тосты за японо-русскую дружбу.

«Хэда», построенная за два с половиной месяца, оказалась очень удобным и быстроходным судном. Она обошлась в 21,7 тыс. руб. Е. В. Путятин обещал японским уполномоченным после окончания Крымской войны подарить «Хэда» японскому правительству или возместить все расходы, понесенные японской стороной.

26 апреля Путятин со второй партией моряков, насчитывав-

шей 47 человек, покинул (на шхуне «Хэда») берега Японии и 10 мая благополучно прибыл в Петропавловск.

2 июля последняя партия моряков покинула Японию на бриге «Грета». 20 июля английский военный корабль «Баракота» захватил бриг у северного побережья Сахалина и взял русских моряков в плен, что было грубым нарушением международного права, так как русские моряки не участвовали в войне и являлись к тому же жертвами кораблекрушения. Русских моряков отправили в Гонконг. Вернулись они на родину лишь после заключения Парижского мира в 1856 г.

6 августа К. В. Нессельроде ратифицировал трактат и объяснительные статьи к нему. Японскому Верховному совету было сообщено об этом и указано, что обмен ратификационными грамотами произойдет несколько позже, ввиду «дальности расстояния и ряда обстоятельств».

По предложению Е. В. Путятина японскому правительству от имени Александра II было решено подарить 52 орудия, снятых с фрегата «Диана», шхуну «Хэда» и выразить благодарность за внимание и помощь, оказанную русским морякам, а также вручить губернатору Хакодате 30 тыс. руб. серебром для покрытия расходов на содержание экипажа «Дианы».

После окончания Крымской войны и заключения Парижского договора в Японию был направлен ближайший помощник Е. В. Путятина капитан первого ранга К. Н. Посьет, знавший голландский язык, на котором шли переговоры в Симода. Посьет вез ратификационные грамоты и письмо К. В. Нессельроде для Верховного совета. Канцлер выражал надежду на укрепление русско-японских отношений и благосклонный прием русских консулов после обмена ратификационными грамотами, который и состоялся 25 ноября 1856 г. (а также передача орудий фрегата «Диана» и шхуны «Хэда»).

В тот же день было заключено соглашение об отводе в Симода земельного участка для постройки русских консульских зданий, о временном предоставлении консульству здания храма Фукусэндзи и об устройстве трех пристаней для русских судов в Симода, Какидзаки и на юго-восточной части п-ова Идзу. Было условлено также о курсе обмена валютами.

Таким образом были установлены дипломатические и торговые отношения с Японией. Понадобилось почти столетие усилий русской дипломатии, чтобы пробить стену изоляции, созданную японскими феодалами. Россия рассчитывала поддерживать с Японией добрососедские отношения и развивать экономические связи.

Ознакомление японцев с опытом европейского судостроения, передача шхуны «Хэда» и другие щедрые дары в виде артиллерийского оснащения корабля способствовали созданию доброжелательной атмосферы в русско-японских отношениях.

Англия и Франция, ведшие войну против России, враждебно отнеслись к заключению русско-японского договора. Их пресса

развернула антирусскую пропаганду, используя, в частности, китайские газеты в Шанхае и английские издания в Гонконге. Эти целенаправленные измышления об «агрессивных планах» России в отношении Японии выражали раздражение американских, английских и французских кругов провалом планов использования Японии в качестве союзника для борьбы с Россией на Дальнем Востоке. Отдельные иностранные историки, некритически использовавшие эти материалы, повторяют клеветнические измышления американской, английской и французской пропаганды о «русском агрессоре» (см. [372, с. 41—46; 324, с. 21—23, 25, 48—49; 384, т. 2, с. 244; 167а, с. 44—79]).

Следует, однако, заметить, что большинство исследователей как в Японии, так и в западных странах признают, что посольство Е. В. Путятина отражало мирный характер русской политики в отношении Японии и соглашение в Симода заложило основу добрососедских связей между Японией и Россией.

С установлением дипломатических отношений стало развиваться сотрудничество русских и японцев в области изучения природы, быта, нравов народа Японии, архитектуры, живописи, медицины и т. п.

Так, русский художник Леман, участник экспедиции Е. В. Путятина, в 1854 г. помогал японскому любителю живописи Ёкюма Мацусабуру разобраться в технике и особенностях западной живописи; впоследствии он стал авторитетным специалистом в этой области живописи.

Длительное и плодотворное сотрудничество связывало крупного русского ученого-ботаника К. И. Максимовича с японским ботаником-самоучкой Макино Томитаро. Максимович помогал Макино в составлении «Атласа флоры Японии», поощрял его к дальнейшим научным исследованиям. Впоследствии Макино стал всемирно известным ботаником.

Деятельность первого русского консула в Хакодате И. А. Гошкевича сыграла большую роль в развитии культурных связей обеих стран. Совместно с Татибана Косай, уехавшим в Россию с Е. В. Путятиным, а затем вернувшимся на родину, И. А. Гошкевич составил японо-русский словарь, прилагал немалые усилия к тому, чтобы на учебу в Россию отправлялись японские студенты, обучил искусству фотографии японца по имени Кидзу Кокити. Искусство фотографии, таким образом, впервые пришло в Японию из России, так же как с помощью русских было открыто первое в Японии ателье по пошиву европейской одежды (см. [270, с. 216—219]).

Врач Зеленский, сотрудник русского консульства в Хакодате в 1859 г., начал лечить жителей города. Это был первый случай лечения японцев европейским врачом. Его преемником в этой области стал врач Матвеев. Священник консульства Иван Махов издал японо-русский словарь, а его преемник священник И. Д. Касаткин (отец Николай) прожил в Японии более 50 лет (с 1861 г. до своей смерти в 1912 г.) и много сделал для

организации обучения японцев русскому языку, пропаганды русской культуры.

Инженер Назимов построил в Хакодате церковь, здания консульства, больницу, тем самым познакомив японцев с русским зодчеством.

В России охотно принимали японцев, приезжавших на учебу в университеты. В 1865 г. И. А. Гошкевич направил в Россию группу из шести человек (пятеро из них были отозваны после прихода к власти правительства Мэйдзи). В 1870 г. из Японии в Россию на учебу были направлены еще два студента — Ниси Токудзиро и Итикава, — поступившие в Петербургский университет, который и закончили в 1875 г. Ниси Токудзиро стал дипломатом и играл активную роль в решении вопросов русско-японских отношений.

Поскольку Россия не вела никаких военных приготовлений против Японии, русское правительство разрешило японскому посланнику Эномото Такэаки возвратиться в 1878 г. на родину сухопутным путем, через Сибирь. Как видно из его «Сибирского дневника», Эномото Такэаки и два его спутника вели наблюдения за обычаями населения, изучали рельеф местности, интересовались промышленными предприятиями, расположением войск, их моральным состоянием, искусством командиров воинских частей и т. п. (см. [270, с. 232—235]). Впоследствии Эномото занимал крупные посты в правительстве — был министром земледелия и торговли, просвещения, связи, иностранных дел.

Торговые договоры

Заключение Японией договоров с США, Англией, Францией, Россией и Голландией свидетельствовало о том, что система изоляции страны изжила себя, приближалось время вступления Японии в мировой капиталистический рынок.

Феодальное правительство все больше осознавало неизбежность развития торговли с иностранцами и готовилось к этому. Так, на складах в Симода, где хранились товары для снабжения иностранных судов, правительство сосредоточило значительное количество тканей, изделий из лака, фарфора и бумаги, которые явно не имели никакого отношения к снабжению судов. В предвидении будущего широкого открытия портов феодальное правительство с помощью незначительных торговых операций пыталось освоить методы ведения внешней торговли и сохранить над ней свой контроль. В самом правительстве появились такие лица, которые в целях поднятия благосостояния страны и усиления ее военной мощи настаивали на полном открытии страны по собственной инициативе, не дожидаясь принуждения извне.

Так, в августе 1856 г. чиновники феодального правительства в Нагасаки Ниоки Нагаи и Нагацунэ Окабэ докладывали правительству: «До сих пор мы отвергали все предложения США,

России, Англии и других держав. Однако если они будут настаивать, то поистине может создаться затруднительное положение. Что произойдет, если державы прибегнут к вооруженной силе?!. Тогда как развитие дружественных отношений при нашем деятельном участии и всестороннем изучении вопроса может стать основой богатства и могущества нашей страны» [339а, с. 304—305].

Доклад отражал настроения той части купечества, которая надеялась получить выгоды от развития торговли с другими странами. Феодальное правительство, однако, старалось сохранить контроль над их деятельностью, предоставляя право торговли с иностранными державами «специально назначенным лицам». Таким путем сёгунат рассчитывал выправить финансовое положение страны. В 1856 г. была создана специальная комиссия по рассмотрению иностранных договоров.

8 октября 1857 г. были заключены дополнительные соглашения с Голландией и Россией. В договоре с Голландией специально оговаривалось ограничение торговли только двумя портами — Нагасаки и Хакодате. Хотя количество судов и расценки товаров не регламентировались, в договоре указывалось, что, если импортируемые товары «не подойдут для японцев» или же «возникнут трудности при обмене», торговые отношения прекращаются. Тем самым правительство сохраняло за собой право в любой момент прервать торговые операции. Были приняты меры и к прекращению выкачки из страны драгоценных металлов: ст. 3 предусматривала оплату иностранными торговцами приобретенных товаров иностранной валютой; ст. 6 определяла таможенный тариф в размере 35%. Торговые операции должны были осуществляться только правительственными агентами в специально назначенных местах; непосредственное общение иностранцев с японскими купцами воспрещалось.

Россия также стремилась расширить рамки торгового соглашения 1855 г. Симодский трактат разрешал русским купцам вести торговлю в ограниченном масштабе и при посредничестве японских чиновников. Японское правительство сохранило монополию внешней торговли и установило достаточно высокие тарифы на экспорт и импорт.

Одна из главнейших целей установления торговых связей с Японией — обеспечение продовольствием населения Дальнего Востока и русских владений на Тихом океане — так и не была достигнута. Царское правительство стремилось заключить новое торговое соглашение с Японией, и эта задача снова была поручена Е. В. Путятину. 10 сентября 1857 г. тот прибыл в Нагасаки и 12 октября с японскими уполномоченными Мидзуно Тикуюно-ками, Ивасэ Игано-ками и Ярао Ивами-но-ками заключил Дополнительный трактат, в котором для русских определялись правила торговли в открытых портах Японии. Японское правительство брало на себя обязательство открыть вместо Симода другой, более удобный порт, не ограничивать числа судов, при-

ходящих в порты, и размеры торгового оборота, не препятствовать заключению частных торговых соглашений. Русским разрешалось привозить семьи «на временное или постоянное житье». Сохранялись 35-процентные пошлины лишь на товары, проданные на публичных торгах или договорным путем (минуя таможеню). Плата за товары должна была вноситься через посредничество таможи. При торговых и денежных сделках 6% должно было отчисляться в пользу бакуфу — для покрытия издержек на чеканку монет. Специально было оговорено условие о запрещении продажи оружия частным лицам, вывоза из Японии золота и серебра, а в неурожайные годы — продовольствия. Японское правительство, опасаясь ввоза в страну опиума, ввело в договор специальную статью (14) о том, что при обнаружении на судах опиума груз судна конфискуется, а виновные подлежат наказанию в соответствии с русскими законами. Еще одна очень важная для японцев статья (26) оговаривала, что в случае войны России с какой-либо державой «русские суда не должны нарушать нейтралитет японских портов» (см. [32, д. 16, л. 208—216]). Японский историк Осатакэ Такэси считает достижением японской дипломатии включение этих двух статей в договор с европейской державой [328, с. 190].

Таким образом, трактат 1857 г., с одной стороны, расширял права русских на торговлю в открытых портах, но с другой — сохранял посредничество японских чиновников при торговых сделках, а также правительственную монополию на некоторые товары и высокие таможенные пошлины на основные предметы экспорта и импорта.

Японский историк Хаттори Сисо рассматривает его как договор об ограниченной свободе торговли для иностранцев. «Свободная торговля, которой Россия добилась первая, — пишет он, — была свободной только в том смысле, что число судов и сумма товаров не ограничивались. Но Япония полностью сохранила свои суверенные права» [344, с. 26].

Сообщая японскому Верховному совету о ратификации Дополнительного трактата, канцлер и министр иностранных дел России А. М. Горчаков выражал уверенность, что это «послужит еще большему укреплению дружественных отношений между Россией и Японией» [30, д. 168, л. 11—12].

Наиболее дальновидные представители правящих кругов России — губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, А. М. Горчаков, Г. И. Невельской — рассчитывали на то, что договор укрепит торговые отношения с Японией, а это будет действовать экономическому развитию Приамурья⁶, укреплению позиций России на Тихом океане.

Торговые соглашения Японии с Голландией и Россией не нарушали торговую монополию сёгунского правительства. Более того, ссылаясь на эти соглашения, феодальное правительство пыталось какое-то время противостоять английским и американским требованиям «свободы торговли» (см. [303, с. 78]).

Особенно настойчиво за получение в Японии выгодных для себя условий торговли боролись американцы. Первый американский генеральный консул Таунсенд Гаррис в апреле 1857 г. заключил с Японией соглашение о праве проживания иностранцев и порядке обмена валюты. Затем он повел переговоры о заключении торгового договора, предусматривавшего свободную для американцев торговлю в Японии. В проекте предложенного договора американцы требовали права «беспрепятственно покупать... и продавать [в Японии] товары». «Монопольная торговля, тормозящая развитие торговых связей между Японией и США, должна исчезнуть, так же как отменен закон, запрещающий японцам свободное пользование приобретенными у европейцев товарами» [338, т. 30, с. 150—156]. Американцы требовали также отмены территориального ограничения торговли теми или иными портами, выступали против посредничества японских чиновников, назначенных японскими властями оптовых торговцев и т. п.

Добившись согласия японской стороны на эти требования, Т. Гаррис отмечал в своем дневнике: «Это заявление правительства (Японии.—Л. К.) явилось, по существу, отказом от важнейших принципов японо-голландского и японо-русского договоров. Это было то, за что я так долго и упорно боролся» [167, с. 521].

Используя методы нажима, угроз, откровенного шантажа, Т. Гаррису удалось вынудить японцев пойти на заключение договора в значительной степени на американских условиях. 17 июля 1858 г. в Эдо договор был подписан.

Для США открывались пять портов: Хакодате, Канагава, Ниигата, Хёго, Нагасаки. Эдо и Осака должны были служить перевалочными базами между ними. Отменялось посредничество японских чиновников при заключении торговых сделок; граждане США могли вести неограниченную торговлю. Устанавливалась 5-процентная пошлина на основные предметы американского экспорта (в то время как таможенные тарифы на основные товары других стран составляли 20—35%). Все товары, вывозившиеся американцами из Японии, облагались 5-процентной пошлиной. Подтверждалось предоставление американским гражданам прав экстерриториальности и постоянного местожительства; допускалось строительство американских складов для снабжения всем необходимым военно-морских судов в открытых портах.

Кроме того, Япония согласилась, чтобы президент США заявил о готовности выступить «дружественным посредником» в случае конфликта Японии с любой европейской державой (ст. 2).

Японскому правительству предоставлялось право покупать или строить в США суда, приобретать вооружение и другие товары и нанимать к себе на службу американских ученых, военных и других специалистов (ст. 10) (см. [72, с. 61—70]).

Договор носил явно неравноправный характер, так как лишил Японию таможенной автономии и существенно ограничивал ее суверенитет. Он положил начало целой серии последующих соглашений, закабаливших Японию. Американская дипломатия, используя эти статьи, отсутствовавшие в договорах Японии с другими державами, вмешивалась в их взаимоотношения, добивалась назначения своих советников в государственные учреждения, с тем чтобы контролировать внешнюю и внутреннюю политику японского правительства.

Россию договор ставил на невыгодные позиции в отношении торговли с этой страной, что также являлось одной из целей американской дипломатии.

Назревала необходимость новых переговоров между Россией и Японией. Царское правительство рассчитывало на заключение нового торгового соглашения, отменявшего значительные ограничения для русской торговли в Японии, установленные в 1855—1857 гг. В Японию вновь был направлен адмирал и посол Е. В. Путятин. В начале июля 1858 г. на фрегате «Аскольд» он прибыл в Нагасаки. 18 июля 1858 г. — в Канагава, где встретился с японскими представителями Нагаи Гэмба-но-ками, Хори Орибэ-но-сё, Ивасэ Хиго-но-ками и Цуда Хансабуро.

7 августа 1858 г. в Эдо был подписан новый русско-японский договор о торговле и мореплавании, сохранявший свое действие до 1895 г.

Статьи Симодского трактата, не противоречившие Эдоскому договору, были оставлены в силе, но объяснительные статьи и Дополнительный трактат 1857 г. отменялись.

Кроме Хакодате и Нагасаки японское правительство открывало для русских новые порты: с 19 июня 1859 г. — Канагава (вместо Симода), с 20 декабря 1859 г. — «один удобный порт на западном берегу Хонсю» и с 20 декабря 1862 г. — Хёго (с открытием консульств). Для совершения торговых сделок русским разрешалось посещать Эдо (с 20 декабря 1861 г.) и Осака (с 20 декабря 1862 г.); русские могли проживать в открытых портах Японии со своими семьями, придерживаться своих законов, обычаев, пользоваться правом свободного вероисповедания. Торговля должна была производиться свободно, по взаимному соглашению и без вмешательства со стороны властей. Таможенные сборы с ввозимых и вывозимых товаров шли в пользу японского правительства по тарифу, прилагавшемуся к трактату: 1) предметы, которые ввозились для личных потребностей (золото и серебро в слитках и монетах, одежда, книги, предметы домашнего обихода) освобождались от пошлины; 2) материалы для постройки и ремонта судов, оружие, лес для постройки зданий, паровые машины, цинк, свинец, шерсть, шелк-сырец, рис, сухари, соленья, животные облагались 5-процентной пошлиной; 3) спиртные напитки облагались 35-процентной пошлиной; 4) все остальные товары подлежали обложению 25-процентной пошлиной. Предметы японского производства, вывозившиеся для тор-

говых целей, облагались 5-процентной пошлиной, за исключением золотой и серебряной монеты. По истечении пяти лет (считая с июня 1859 г.) тариф мог быть пересмотрен по желанию одной из сторон (см. [32, д. 16, л. 249—260]).

Ввоз опиума не допускался. Продажа оружия монополизировалась правительством. Запрещался вывоз риса и пшеницы (эти продукты можно было покупать для экипажей русских судов). Покупка меди разрешалась с публичных торгов, если бакуфу признавало достаточным уровень ее добычи. Бакуфу обязывалось в течение года после открытия портов приступить к регулярному обмену японской валюты на иностранную, не делая при этом отчислений в свою пользу.

Разбор конфликтов между русскими и японцами должен был производиться русским консулом совместно с японскими властями, а виновные наказываться по законам своей страны. В портах, где не было представителей России, японские власти сами могли задержать преступника, известив об этом русского консула ближайшего открытого порта. Все требования относительно конфискации товаров и уплаты штрафов за нарушение договора следовало предъявлять консульству, которое отбирало у виновных товары и деньги и передавало их японским властям. Каждая из сторон могла потребовать пересмотра договора, но не ранее 19 июня 1862 г., известив другую сторону за год. Все права и преимущества, которые могли быть даны впоследствии другим государствам, распространялись на Россию без специальных переговоров, т. е. на основе права наиболее благоприятствуемой нации. В России японцы, в свою очередь, получали те же права, что и другие иностранцы (см. [32, д. 16, л. 249—260]).

Русско-японский торговый договор 1858 г. обеспечивал для России благоприятные условия для торговли в открытых портах Японии, расширял права экстерриториальности. Однако в нем отсутствовали статьи о посредничестве между Японией и другими странами, о предоставлении Японии судов и вооружения в случае ее конфликта с какой-нибудь державой, а также о посылке специалистов,— статьи, присутствующие в японо-американском договоре.

Россия, таким образом, еще раз подчеркнула суть своей принципиальной политики нейтралитета и невмешательства во внутренние дела Японии. Добиваясь расширения экономических привилегий, царская дипломатия не настаивала на изменении невыгодного для России территориального размежевания, определенного Симодским трактатом. После поражения в Крымской войне русское правительство опасалось обострения отношений с Англией, что неминуемо вызвало бы пересмотр вопроса о Сахалине и Курилах. Не нашла также своего разрешения и жизненно важная для России проблема обеспечения русского Дальнего Востока продовольствием⁷.

В 1854—1858 гг. Япония заключила торговые договоры с 17

странами. Их называют «договоры в годы Ансэй», или ансэйские договоры.

«Самым важным во всех этих договорах,— пишет японский историк Синобу Сэйдзабуро,— является утверждение принципов свободной торговли. Япония становилась частью мирового рынка, открытой для международного промышленного капитала» [335, с. 13].

В эти годы внимание царской дипломатии было приковано к европейским делам. Канцлер А. М. Горчаков энергично добивался отмены наиболее тяжелых условий Парижского мирного договора 1856 г., ущемлявших суверенитет России. Но не меньше внимание уделялось и решению исключительно важного для России вопроса о закреплении ее прав на территории Приамурья и Приморья (остававшиеся неразграниченными почти два столетия — со времен Нерчинского договора 1689 г., навязанного России цинским Китаем). Айгунский (1858 г.), Тяньцзинский (1858 г.) и Пекинский (1860 г.) договоры⁸ вернули эти земли России⁹, что создавало прочный стратегический оплот для ее владений на русском Дальнем Востоке и Тихом океане.

Однако подписание с Японией торговых соглашений в 1855—1858 гг. мало что дало России в экономическом отношении. Русские купцы и промышленники почти не воспользовались теми привилегиями, которых добилась русская дипломатия. Крепостническая Россия не в состоянии была выбрасывать достаточное количество дешевой продукции на внешние рынки. Сибирские товары — лес и меха — находили плохой спрос в Японии. То же, что находило сбыт в Японии — шерсть, сукно, бумажные ткани, свинец, олово, стеклянные изделия и др., — нужно было доставлять из европейской части России. Отсутствие тихоокеанского торгового флота и удобных сухопутных путей через Сибирь затрудняло доставку товаров. Иногда требовалось полтора-два года, чтобы товары достигли берегов Японии. Фрахт иностранных судов значительно удорожал стоимость русских изделий.

Малочисленность населения в тихоокеанских владениях, нежелание русских купцов рисковать своими капиталами в конкуренции с западными торговцами препятствовали использованию природных ресурсов Дальнего Востока для торговли с Японией. Иностранные фирмы более активно изучали потребности японского рынка, имели более благоприятные условия для доставки товаров фабричного производства и постепенно забирали в свои руки и посредническую торговлю Японии с азиатскими странами.

Ссылаясь на токугавские законы, сёгунское правительство чинило всяческие препятствия плаванию японских купцов в русские порты. К тому же кораблей для морских плаваний было крайне мало, их начали строить лишь с середины 50-х годов. Притязания японцев на южную часть Сахалина, проигрыш в соревновании с русскими по заселению и освоению территории

создавали неблагоприятные в отношении России настроения среди японского купечества. Это мешало японским купцам изучать русский рынок и изыскивать взаимовыгодные сделки торгового обмена.

Со своей стороны США, Англия и Франция мешали развитию экономических связей между Японией и Россией. Вследствие этого торговый оборот России с Японией в период Бакуматцу (1854—1868) был ничтожным. Доля России составляла около 0,5% японского экспорта и немногим более 3% импорта (см. [76, с. 305—307]). По объему торговли Россию опережали Англия, Голландия, США, Пруссия и Франция.

Глава 4

БОРЬБА ВОКРУГ САХАЛИНА

Дальнейшее освоение Сахалина русскими

В апреле 1856 г. русское правительство решило принять действенные меры по дальнейшему освоению Сахалина. Англия, США, Франция проявляли все возрастающий интерес к Камчатке, Приамурью, Уссурийскому краю и Сахалину. Крымская война показала это со всей очевидностью. Не ограничиваясь военными операциями на Черном море, англо-французский флот осуществил нападение на Камчатку и пытался пройти в Амур. Сахалин, расположенный против устья Амура, контролировал выход в море из этой великой реки (так же как и из других портов русского Дальнего Востока). Наиболее удобные для мореплавания проливы — Лаперуза, Сангарский, Корейский и Цусимский, — через которые пролегал прямой путь в Китай, Японию и Юго-Восточную Азию, оказались под угрозой захвата западными державами. Англия, Франция и США делали попытки добиться согласия на «аренду» Цусимы, Хакодате и даже Анива — порта на Сахалине, давно освоенного русскими. Они рассчитывали закрыть восточный и южный выходы из Японского моря в Тихий океан (изолировать Приморье). И без того по условиям Парижского мира, заключенного после неудачной для царизма войны с Англией, Францией и Турцией, Россия была лишена свободного выхода в Атлантику через Черное море. То же самое угрожало России и на Тихом океане.

Кроме того, американцы, воспользовавшись тем, что сибирские власти (из-за неспособности компании обеспечить население дальневосточных окраин продовольствием — расчеты на японский рынок провалились) предоставили право беспошлинной торговли иностранным купцам, стали усиленно проникать на Амур, что угрожало безопасности Приамурского края и торговым интересам русских купцов и промышленников. В правящих кругах (генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, министр иностранных дел А. М. Горчаков) возникли опасения относительно политических последствий проникновения на Сахалин иностранных купцов и промышленников, которые хищнически истребляли пушного зверя и предприняли попытки разработки каменного угля. В 1853—1856 гг. команды с

английских военных судов высаживались у селения Дуэ и в бухте Жонкиер (западное побережье Сахалина) и добывали каменный уголь. В 1858 г. горный инженер Носов нашел следы разработки угля англичанами в районе Дуэйского поста, на 50°49' с. ш. [131, с. 42]. Угольные же залежи задолго до этого были открыты сподвижниками Г. И. Невельского в 1852 г. Русские первыми приступили к их разработке. В октябре 1853 г. и в июне 1854 г. команда шхуны «Восток» добыла на западном побережье о-ва Сахалин, в окрестностях селения Дуэ, 118 т высококачественного угля (см. [427, 1858, № 5, с. 13—18, 25—41]).

Поэтому в апреле 1856 г. русское правительство изъяло остров из формального ведения Российско-американской компании. Взамен компании был предоставлен ряд привилегий. Правительство освободило ее от уплаты 50 тыс. руб. серебром, взятых в 1853 г. из казны на освоение и заселение Сахалина¹, ей было разрешено беспрепятственно заниматься на острове пушным промыслом, нанимать на работу местных жителей, вести торговлю с ними и с японцами, добывать каменный уголь, рубить лес (см. [282, с. 187]).

В феврале 1856 г. по заданию властей Восточной Сибири члены Сибирской экспедиции Русского географического общества Ф. Шмидт, Л. Шренк и П. Глен исследовали угольные пласты на берегах р. Тымь, Ныйского залива и на западном побережье Сахалина. Летом 1856 г. в Дуэ был основан русский пост и началась эксплуатация угольных копий (см. [32, д. 1, л. 68—69]).

22 июля 1857 г. отряд из 15 человек под начальством лейтенанта Н. В. Рудановского высадился у устья р. Кусунай, недалеко от айнского селения Найёро, и основал на 47°24' с. ш. Кусунайский пост. Н. В. Рудановский возобновил обследование южной части Сахалина, прерванное весной 1854 г. в связи с Крымской войной. Он начал систематическую разработку угольных копей в районе Дуэ, а также составил физические карты южной и средней частей острова (см. [282, с. 188—189]).

Япония пыталась препятствовать деятельности русских на острове. 26 июля 1857 г. в Найёро прибыли два японских чиновника. Н. В. Рудановский заявил им, что Кусунайский пост создан для защиты прав России на южную часть Сахалина. Японские власти запрещали айну наниматься на работу к русским, поощряли заселение острова японцами.

Как явствует из документов, дипломаты США, Англии и Франции «советовали» японскому правительству «занять» южную часть Сахалина, поставив Россию перед свершившимся фактом (см. [324, с. 25—26]). Еще в 1856 г. Посыет сообщил Путятину о намерениях американцев и англичан приступить к разработке сахалинского каменного угля. Об этом сообщали и команды американских судов, посещавших Николаевск-на-Амуре [32, д. 16, л. 70]. Все это свидетельствовало о своекорыстных

целях западных стран, подталкивавших Японию на занятие южной части Сахалина.

Н. Н. Муравьев неоднократно обращался к Николаю I, а затем к Александру II с предложениями о более энергичных мерах по освоению Сахалина, предупреждая об опасности захвата острова иностранными державами, что могло создать постоянную угрозу русским владениям на Дальнем Востоке и закрыть выход русским судам в Тихий океан через пролив Лаперуза. Другой пролив — Сангарский — был крайне неудобен и опасен для судов из-за частых туманов и подводных рифов. После того как К. В. Нессельроде, противник активности России на Дальнем Востоке, ушел в отставку, новый министр иностранных дел А. М. Горчаков поддержал настойчивые представления Н. Н. Муравьева. И 17 декабря 1858 г. Александр II утвердил полномочия Н. Н. Муравьева для ведения переговоров с Японией о Сахалине и близлежащих проливах (см. [186, кн. 1, с. 544, 548, кн. 2, с. 202, 317]).

В январе 1858 г. первым консулом в Хакодате был назначен И. А. Гошкевич, участник посольства Е. В. Путятина в Японию, широко образованный человек, знавший китайский и японский языки. В инструкции, утвержденной министерством иностранных дел, ему давались не только конкретные указания по работе консульства, но и формулировались основные цели русской внешней политики в отношении Японии: «Заключением с Японией трактата 1855 г. Россия после полувековых усилий достигла важной цели. Ее политической и торговой деятельности открыто новое поприще, на котором дальнейшие успехи несомненны при благоразумии и постоянстве». Подчеркивалась необходимость избегать всякого вмешательства во внутренние дела страны: «Мы желаем единственно упрочения и распространения нашей торговли с Японией. Всякие другие виды, *всякая мысль о вмешательстве во внутренние ее дела чужды нашей политике* (курсив. наш—Л. К.). Старайтесь убедить в том японское правительство и наблюдайте, чтобы неприязненные внушения не дали ему превратного понятия о наших намерениях». Консульству поручалось также охранять права и привилегии, полученные Россией по договорам с Японией, и требовать от японской стороны соблюдения принципа наибольшего благоприятствования.

В штате консульства кроме консула находились врач и морской офицер. В инструкции указывалось, что они обязаны «оказывать японцам содействие в изучении астрономии, мореходства и медицины». Консулу рекомендовалось поощрять своих подчиненных к изучению японского языка «в целях сближения с населением и успешного выполнения служебных обязанностей». Консульству предоставлялось право посылать в Россию молодых самураев, пожелавших учиться в русских учебных заведениях (см. [32, д. 168, л. 3—10]).

Таким образом, с самого начала установления дипломатических отношений между Россией и Японией политика России

носила мирный характер. В те годы русское правительство, придерживаясь принципа нейтралитета и невмешательства во внутренние дела Японии, стремилось развивать торговые и культурные связи с этой страной, надеясь, что развитие добрососедских отношений будет препятствовать попыткам западных держав использовать Японию против России на Дальнем Востоке и в Тихом океане. Нежеланием вмешиваться во внутренние дела Японии отчасти объясняется и выбор места для консульства в Хакодате, отдаленном от центральных районов страны. В Хакодате слабее ощущалось движение за изгнание иностранцев, возникшее в Японии в ответ на их насильственные действия. Другим мотивом выбора Хакодате являлась близость этой гавани к русским дальневосточным владениям, в частности к Сахалину и Курильским островам. Учитывая незначительный объем торгового оборота с Японией, А. М. Горчаков счел нецелесообразным расходовать средства на содержание представителей во всех открытых портах, получив согласие японских властей на то, что консульство в Хакодате будет защищать русские интересы на территории всей Японии. Однако первые же годы деятельности консульства показали ошибочность этих расчетов. Находясь вдалеке от столицы и крупных центров, консульство было не в состоянии своевременно разоблачать выпады представителей США, Англии, Франции в Эдо, Осака и других городах Японии против России, выполнять задачи по развитию связей с правительственными и общественными кругами для разъяснения целей русской политики. Местные феодальные власти стремились сохранить прежние ограничения деятельности иностранцев, запрещая общение японского населения с ними. Клан Мадумаэ, правивший Хоккайдо и северо-западным Хонсю, весьма неохотно признавал вынужденные действия сёгунского правительства по изменению сложившихся обычаев и законов об отношениях с иностранцами.

Русско-японские переговоры в Эдо (1859 г.)

5 августа 1859 г. Н. Н. Муравьев прибыл в Эдоский залив с эскадрой из девяти судов, а 10 августа состоялся торжественный въезд русского посольства в Эдо.

Переговоры начались 12 августа. Н. Н. Муравьев заявил японским уполномоченным — Эндо Тадзима-но-ками и Сакаи Укэноске, — что император поручил ему вести дружественные переговоры с японским правительством о проведении границы по проливу Лаперуза. Он доказывал, что Сахалин с давних пор принадлежит России и имеет большое значение для обороны ее дальневосточных владений, особенно Приамурья. Он сообщил также, что Россия намерена восстановить пост в Анива, который был ею временно снят в 1854 г. во избежание ведения военных действий с англо-французскими военно-морскими сила-

ми. Проект соглашения, предложенный Н. Н. Муравьевым, устанавливал границу по проливу Лаперуза, причем рыболовные промыслы Японии оставались в ее владении и гарантировались русскими законами (см. [32, д. 3, л. 31—32, 38—42]).

В переговоры вмешалась английская и французская дипломатия. Английский посланник Р. Олькок и французский поверенный в делах Ш. де Белькур заверяли японское правительство в своей поддержке. Переговоры зашли в тупик, поскольку японцы вернулись к своим прежним требованиям о разделе Сахалина по 50° с. ш. Н. Н. Муравьев, хотя и имел в своем распоряжении девять кораблей, не стал прибегать к угрозам, а заявил уполномоченным, что прекращение переговоров не означает перерыва дружественных отношений между Японией и Россией.

23 августа он нанес прощальный визит членам Верховного совета. Во время беседы он подчеркнул, что японское правительство должно оценить миролюбивый характер русской политики в отношении Японии. Члены Верховного совета, как докладывал Н. Н. Муравьев Александру II, заверили его, что весьма дорожат дружбой с Россией [32, д. 3, л. 31—34]. Н. Н. Муравьев посоветовал бакуфу избегать конфликтов с иностранцами. Сам он продемонстрировал это весьма убедительно. В самом начале переговоров (13 августа) в Иокогама три члена команды одного из русских кораблей, отправившиеся за провиантом, подверглись нападению, причем двое из них были убиты, а третий ранен. Английский посланник Р. Олькок и французский поверенный в делах Ш. де Белькур провокационно предложили Н. Н. Муравьеву «проучить японцев» вооруженным выступлением, чтобы пресечь повторение террористических актов против иностранцев. Одновременно, стремясь раздуть инцидент, они распространили слухи о том, что убийство русских матросов отражает недовольство японского населения прибытием русской эскадры в Эдо и требованиями признать права России на южную часть Сахалина. В то же время Р. Олькок старался убедить японских государственных деятелей в том, что политика России «везде агрессивна» и, напротив, политика Англии направлена лишь на защиту торговых интересов (см. [166а, с. 5—8]).

Н. Н. Муравьев правильно разобрался в ситуации и ограничился требованием, чтобы японское правительство извинилось за инцидент, уволило иокогамских губернаторов, не обеспечивших безопасность русского персонала, разыскало и строго наказало преступников. В этом инциденте Н. Н. Муравьев проявил необходимую выдержку и хладнокровие и не захотел использовать вооруженный нажим даже для того, чтобы добиться заключения договора об утверждении прав России на южную часть Сахалина. Н. Н. Муравьев строго придерживался правительственных указаний — действовать только мирными средствами во избежание ухудшения отношений с Японией и вмешательства других держав. Сообразуясь с международной обстановкой,

новой и долговременными политическими целями России на Дальнем Востоке, он не поддавался соблазну силой навязать японцам договор, который объективно соответствовал историческим правам русского государства на Сахалин.

Выдержка, политическая дальновидность и такт русского дипломата, к сожалению, не были оценены японскими и западноевропейскими буржуазными учеными. Его законное требование в отношении южной части Сахалина они объявили «неслыханной наглостью» (см. [306, т. 1, с. 91; 338, т. 44, с. 259—267; 383, с. 27—28]).

Неудачный исход миссии Н. Н. Муравьева вызвал большие разочарования в Петербурге, но общий подход к политике в отношении Японии не изменился. По-прежнему превалировало мнение, что Россия должна утвердить свои права на южную часть Сахалина мирными средствами. После подписания Пекинского договора в 1860 г., по которому Россия добилась восстановления своих прав на Уссурийский край, стратегическое и экономическое значение Сахалина еще более возросло. Были усилены посты в Дуэ и Кусунае, приняты меры к увеличению добычи угля, в котором особенно нуждались Тихоокеанская эскадра и Амурская флотилия. (Заинтересованы были в приобретении угля и иностранные пароходные компании.) В России вынашивались планы превратить Сахалин в центр угольной промышленности. Планировалось экспортировать уголь в целях развития торговли и мореплавания на Тихом океане. Как указывалось выше, угольные залежи были открыты еще в 1852 г. Но геологическая разведка, как правило, осуществлялась не специалистами горного дела, а морскими офицерами, служащими Российско-американской компании и т. п. В 1856 г. к изучению естественных ресурсов острова приступили члены Сибирской экспедиции Русского географического общества Ф. Шмидт, Л. Шренк, П. Глен и др. Наконец в 1858 г. на Сахалин прибыл горный инженер Носов. До 1862 г. угольные пласты были обнаружены в шести пунктах на западном побережье острова и в районе р. Тымь. Разработка велась только в Дуэ, Сертунае и Наяси. В качестве рабочей силы использовались солдаты. С 1859 г. на Сахалин стали отправлять ссыльных каторжан для работы в копях. С 1862 г. по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсакова угольные разработки производились исключительно силами каторжан. С увеличением численности рабочих добыча угля стала возрастать, особенно в Дуэйских рудниках (см. [119, № 7—8, с. 2—63, № 11, с. 131—141; 130а, с. 183—189]).

Ф. Шмидт и Л. Шренк, члены Сибирской экспедиции Русского географического общества, летом 1860 г. возобновили изучение природных ресурсов Сахалина. На этот раз в южной части острова. Японские чиновники с Эдзо, в нарушение соответствующих статей Симодского трактата, пытались помешать деятельности русских исследователей. Военный губернатор При-

морской области Казакевич и русский консул в Хакодате обратили внимание властей Эдзо на нарушение русско-японского соглашения 1855 г. Свои действия губернатор Хоккайдо пытался оправдать тем, что в Японии поднялось движение за расторжение договоров с иностранными державами и он вынужден прибегать к таким мерам, чтобы удовлетворить оппозицию (см. [32, д. 1, л. 63—82]). Но дело заключалось не только в этом. Представители Англии, Франции и США настойчиво подстрекали японское правительство к захвату южной части Сахалина. Бакуфу попыталось добиться своих целей, привлекая к колонизации острова феодалов северных княжеств. Феодалам княжеств Акита, Сэндай и Айдзу оно с 1860 г. стало раздавать земельные участки на Эдзо и юге Сахалина, требуя от них заселения острова и посылки туда военных отрядов для противодействия освоению русскими южной части Сахалина. В начале 1862 г. американский коммерческий агент Райс обратился к губернатору Хакодате с письмом, в котором обвинял Россию в «агрессивных замыслах». В этом же письме он настаивал на предоставлении американцам в аренду сахалинских копей.

Интриги и незаконные домогательства западных дипломатов вынудили царскую дипломатию предпринять соответствующие демарши. Русский представитель в Вашингтоне Э. Стекль сделал запрос государственному секретарю США У. Г. Сьюарду. Последний обещал дать указание своему посланнику в Эдо Р. Прайну, чтобы тот запретил коммерческим агентам действовать «противно видам своего правительства» (см. [32, д. 1, л. 57, 60—61]). Но в последующие годы Англия, Франция и США продолжали подстрекать японцев не признавать прав России на южную часть Сахалина. (Владение Сахалином укрепило бы стратегические позиции России на Тихом океане и упрочило оборону русских дальневосточных территорий.) Державы также надеялись получить права на беспошлинную торговлю с местным населением, чему мешало бы установление твердого контроля над территорией со стороны русских властей.

Цусимский инцидент 1861 г.

В истории русско-японских отношений есть еще одно событие, которое нещадно эксплуатируется буржуазными историками с целью доказать «агрессивность» России и ее «захватнические цели» в отношении Японии.

Царское правительство понимало необходимость усиления своих сил на Дальнем Востоке для отстаивания позиций на Тихом океане, обороны Восточной Сибири и тихоокеанских владений. Непрекращающиеся происки Англии, США и Франции в Китае и вблизи русских владений, закрытие выхода в Атлантику через Черное море по Парижскому договору 1856 г. ставили Россию перед необходимостью обеспечить выход в открытый

океан на Дальнем Востоке. Но здесь возникла опасность того, что, используя слабость Японии, Англия или Франция захватит о-в Цусима и закроет тем самым выход в океан через Корейский пролив. О намерениях Англии захватить о-в Цусима было известно японским властям. Об этом же свидетельствовали и частые появления у острова английских кораблей с гидрографическими целями.

Морское министерство России решило опередить Англию. В 1860—1861 гг. в дальневосточных водах была сформирована эскадра под командованием капитана первого ранга И. Ф. Лихачева.

В своих записках главнокомандующему русским военно-морским флотом великому князю Константину и управляющему морским министерством Н. К. Краббе И. Ф. Лихачев настойчиво ставил вопрос о необходимости для России иметь свободный незамерзающий порт на Тихом океане и считал это важнейшим условием развития военно-морских сил России. Особое значение он придавал Корейскому проливу и предполагал создать «военно-морскую станцию» на о-ве Цусима, чтобы не допустить захвата острова англичанами.

Правительство отклонило проект И. Ф. Лихачева, ссылаясь на неурегулированность проблемы Сахалина и происки англичан, французов и американцев. Не хотела Россия осложнять отношений и с Японией.

Но великий князь Константин дал И. Ф. Лихачеву разрешение «под его личную ответственность» заключить частную сделку с князем Цусимы относительно аренды участка для морской станции, если это не вызовет возражений со стороны японского правительства и не повлечет за собой вмешательства западных держав (см. [282, с. 194]).

К 1 марта 1861 г. на Цусиму прибыл корвет «Посадник» под командованием Селиванова. Капитан-лейтенант Н. А. Бирилев имел специальные инструкции от И. Ф. Лихачева. Не прибегая к насилию и угрозам, он сумел получить разрешение японских чиновников на обследование бухты Имосака, выбор места для ремонта корвета, постройку склада и летнего помещения для лазарета.

По сообщениям Н. А. Бирилева, местное население оказало помощь при рубке леса. 3 апреля 1861 г. русские и японские плотники начали строительство зданий морской станции. В дар князю Цусимы Со Цусима-но-ками русские моряки преподнесли часть пушек с корвета «Посадник», была организована школа для обучения японских мальчиков русскому языку и т. п.

Главный советник князя Нии Могоитиро обещал Н. А. Бирилеву прислать письменное согласие князя обеспечить сохранение морской станции во время отсутствия русских судов.

Но вскоре прибывший губернатор Нагасаки Окабэ Суругано-ками запретил проводить гидрографические работы и общаться с местным населением. Центральное правительство по-

дозрительно относилось к связям княжества Цусима с любыми иностранцами — китайцами, корейцами, а в последние годы — с англичанами и русскими. В этом оно видело проявление сепаратистских тенденций.

Чтобы продемонстрировать свою лояльность правительству, князь Со обнародовал обращение к своим вассалам, в котором формально запрещал связь с иностранцами и призывал укреплять оборону острова (см. [338, т. 44, с. 370—373, 379—380]).

2 июня на Цусиму прибыли уполномоченные центрального правительства Огура Бунго-но-ками и Мидзогути Ясагуро. Они встретились с Н. А. Бирилевым и были удовлетворены его разъяснениями по поводу причин строительства станции. 9 августа князь Со предоставил письменное обязательство сохранить станцию, если не будет возражений со стороны эдоского правительства.

Но судьба станции была уже решена. Консул в Хакодате И. А. Гошкевич еще 5 июля 1861 г. дал согласие губернатору Хакодате Мурагами Авадзи-но-ками ликвидировать станцию. Поэтому он просил И. Ф. Лихачева отозвать корвет с Цусимы.

Но здесь не замедлила вмешаться английская дипломатия, хотя японское правительство и убеждало английского посланника Р. Олькока в том, что Япония в состоянии решить этот вопрос самостоятельно. В середине августа английский посланник отправил на Цусиму вице-адмирала Хоупа и своего секретаря Олифанта, чтобы потребовать «удаления русских». 16 и 24 августа Хоуп послал письма на имя И. Ф. Лихачева, которые тот получил только 6 сентября.

7 сентября, завершив сборы, Н. А. Бирилев покинул Цусиму. Население тепло провожало русских моряков. 17 сентября уезжала последняя группа. Селиванов сообщал Н. А. Бирилеву о дружелюбном расставании с японцами: «Был ли то обман с их стороны или непритворное чувство приязни, но, по-видимому, сожаление о разлуке с нами было непритворно» [48, оп. 2, д. 94, ч. 2, л. 130—131].

В конце октября англичане послали на Цусиму корабль «Элгин» и занялись обследованием гаваней, имея явное намерение поставить остров под свой контроль. Однако действия на острове И. Ф. Лихачева не позволили им сделать это. Захват острова привел бы к резкому столкновению с Россией, а также с другими западными державами.

Министерство иностранных дел России предписало консулу И. А. Гошкевичу разъяснить японским властям, что военноморская станция была основана И. Ф. Лихачевым и Н. А. Бирилевым без санкции русского правительства. То же самое было заявлено и в письме японскому правительству от 20 января 1862 г., которое было удовлетворено данным разъяснением и отвергло советы западных дипломатов заявить протест против нарушения русско-японского договора (см. [32, д. 1, л. 18, 45—46]).

Этот инцидент еще раз подтвердил, что Россия стремится осуществлять свою политику в Японии мирным путем, избегая вооруженного нажима и шантажа. Россия считала, что вооруженные действия со стороны западных держав лишь способствуют росту антииностранный движения и политическому хаосу в стране, переживающей политический и экономический кризис.

Движение против иностранцев и политика России

Неравноправные договоры, навязанные Японии, усилили процесс разложения феодализма. Иностранцы завладели внешней торговлей и в значительной степени внутренним рынком Японии. Иностранные купцы скупали японские товары за бесценок, а свои продавали с огромными прибылями. Наживались они и в качестве посредников в торговле Японии с Китаем. Кабальные договоры, отсутствие морского флота, незнакомство с системой внешнеторговых операций ставили японцев в полную зависимость от искушенных в колониальной торговле английских, французских и американских купцов. В результате иностранцы выкачивали из Японии золото, серебро, медь и чай, хлопок и рис, шелковые ткани и фарфор. Внешнеторговый оборот увеличился почти в 3 раза, причем сумма экспорта намного превышала сумму импорта (см. [344, с. 27, 31]).

Вывоз японских товаров облегчался валютной спекуляцией. По предложению американцев в договоры были включены положения об обмене по весу иностранной валюты на японскую, хотя американские доллары содержали в 3 раза меньше лигатуры. Иностранцы использовали крайнюю дешевизну японского золота. Соотношение серебра и золота составляло в Японии 1:5 и 1:6, а в Европе и США 1:15 (см. [393, с. 40; 163, т. 2, с. 411]). В результате только за первые четыре месяца после вступления в силу торговых договоров из Японии было вывезено золота на крупную по тем временам сумму — 800 тыс. ф. ст. [247, с. 78]. Благородные металлы вывозились в Шанхай — центр спекулятивной торговли иностранцев на Дальнем Востоке. В Китай вывозилась медная монета, что давало валютным спекулянтам до 380% прибыли. В широких масштабах шла спекуляция на разнице между официальными и рыночными курсами обмена долларов на японскую серебряную монету. Монетный двор и таможи Японии не успевали удовлетворять спрос иностранцев на японскую валюту. Недостаток денежных знаков привел к росту процентов по займам, что особенно остро почувствовали широкие массы населения.

Японский историк Хаттори Сисо считает, что вывоз золота из Японии оказал почти такое же разрушительное воздействие на японскую экономику, как ввоз опиума в Китай [344, с. 34]. В Японии разразился финансовый кризис. Одновременно с ним углубился кризис полунатуральной экономики. Широкий ввоз в

Японию иностранных фабричных товаров, которые облагались незначительной пошлиной, нанес серьезный ущерб неокрепшей мануфактуре. Иностранные товары, правда, не находили значительного сбыта вследствие узости внутреннего рынка; крестьянство же вообще не предъявляло спроса на импортные товары. Покупателями являлись лишь буржуазная и феодальная верхушка. И все же приток иностранных товаров в страну нанес болезненный удар по японской домашней крестьянской промышленности, ремеслу и мануфактуре.

Разорялись ремесленники, владельцы мануфактур, купцы. Теряли работу мастера, подмастерья, рабочие, приказчики. Определенный выигреш от торговли с иностранцами получили лишь торговцы-компрадоры, владельцы шелковичных плантаций, часть чиновников, ведавших импортом и экспортом, отчасти сёгунское правительство, получавшее таможенные доходы. Финансовый кризис, рост дороговизны вызывали возмущение ремесленников и крестьян, большинства самураев и чиновников низших рангов, чьи доходы резко упали.

Общий кризис натуральной экономики при слабом развитии товарно-денежных отношений, частые неурожаи, финансовый кризис — все это обостряло внутривнутриполитическую обстановку, вызывало нарастающий народный гнев против иностранцев, которые к тому же вели себя вызывающе. Драки с японцами, насилие над гражданами, обман при торговых сделках, воровство, прямой грабёж и убийства местных жителей стали повсеместными явлениями. Особенно страдало население открытых портов, где бесчинствовали американцы, англичане и французы. Консульские суды, как правило, оправдывали иностранцев и во всем обвиняли местное население. Колонизаторы пытались оправдать свои действия ссылками на невежество, лицемерие, продажность и корыстолюбие японских чиновников и купцов.

Побывавшие в Японии русские выражали сочувствие японскому народу, клеймили деятельность иностранцев в Японии. Так, М. И. Венюков с негодованием писал о «возмутительном способе относиться к туземцам... всеобщем у европейцев в Японии и Китае» [197, ч. 3, с. 80]. Русский путешественник Н. Бартошевский с возмущением говорил о том, что иностранцы глумятся над японскими обычаями и нравами, оскорбляют граждан, даже проигрывают своих жен-японок в карты. «Впрочем, иного поведения и нельзя ожидать со стороны этих господ, в большинстве случаев проворовавшихся в своем отечестве и бежавших из него сюда с целью здесь грабить и эксплуатировать кого только можно» [103, с. 42].

Между тем сёгунат метался в поисках выхода из политического и экономического кризиса, в который впала страна. Правительство пыталось скрыть от народа факт заключения договоров с иностранными державами. В правительственных циркулярах сообщалось о «временном» открытии двух портов, население призывалось готовиться к защите родины (см. [330,

с. 229, 233 и др.]). Втайне же от народа бакуфу шло на уступки западным державам, стремясь избежать открытого столкновения с колонизаторами, опасаясь, что такая война превратится в борьбу против феодалов и приведет сёгунат к полному краху (см. [306, т. 1, с. 88]).

Глава правительства сёгуна Ии Наосукэ сделал попытку разгромить осмелевших феодалов, обуздать самурайство, а затем собрать мощную армию, способную подавить растущие крестьянские выступления. Сёгунат рассчитывал на получение западной военной техники и помощь иностранных держав для расправы с внутренними врагами. Для реорганизации армии Ии Наосукэ пригласил иностранных инструкторов. Он встал на путь решительной борьбы с оппозиционными князьями, но был убит ронинами² из княжества Мито. Его обвиняли в узурпации власти, заключении неравноправных договоров, арестах сторонников императора и т. п.

После потери энергичного руководителя правительство Токугава стало искать компромиссного соглашения с оппозицией. Двойственную политику вела и сама оппозиция. Ее целью было ликвидировать диктатуру Токугавы, но сохранить феодальную систему. Поэтому борьбу народа против феодального гнета оппозиция пыталась направить в русло движения за восстановление императорской власти и изгнание иностранцев («сонно-дзёи»). Идеологи движения в своих памфлетах пытались представить сёгунат и иностранцев единственными виновниками тяжелого положения народа. Они толкали наиболее отчаявшихся ронинов на террористические акты против иностранцев и сотрудничавших с ними чиновников и купцов.

3 января 1861 г. был убит секретарь Т. Гарриса (голландец по национальности) Хюскен (за демонстративное пренебрежение к японским законам и обычаям), в феврале 1862 г. — преемник Ии Наосукэ — Андро Цусима-но-ками.

Западные представители заявили протест японскому правительству и потребовали наказания преступников. За убийство Хюскена США высылали с Японии первую контрибуцию — 10 тыс. долл. Но для того чтобы обеспечить единый фронт западных держав и исключить сепаратные соглашения, У. Г. Сьюард совместно с послами Англии, Франции, Пруссии и Нидерландов в мае 1861 г. составил проект конвенции. В нем предлагалось, чтобы дипломатические представители иностранных держав в Японии в совместной ноте потребовали от японского правительства строгого соблюдения договоров, обеспечения охраны иностранцев; в случае неудовлетворительного ответа японской стороны участники конвенции должны были поручить командирам своих судов в Эдоском заливе «заставить японцев уразуметь сущность своих обязательств». Так как эти требования могли привести к войне с Японией, конвенция вступала в силу после ратификации ее конгрессом США и правительствами Англии, Франции, Пруссии и Нидерландов [32, д. 3, л. 150—

155]. Подготовленный проект конвенции У. Г. Сьюард послал Э. Стекло, предложив подписать ее от имени России. Однако царское правительство отказалось подписать конвенцию. Оно и в дальнейшем уклонялось от участия в интервенционистских акциях договорных держав против Японии. Здесь сыграли свою роль факторы как внешне-, так и внутривосточного характера. В конце 50-х — начале 60-х годов в России складывалась революционная ситуация. Самодержавие едва избегло крестьянской войны, пойдя на отмену крепостного права и осуществление ряда других реформ. Вступать в войну на далекой окраине было рискованно.

Дальнейшие действия западных держав лишь увеличивали ненависть к иностранцам, поднимали новую волну движения за изгнание «иноземных варваров». 22 июня 1861 г. было совершено нападение на английское посольство в Эдо; в столкновении было убито два англичанина. Не удовлетворившись извинением японского правительства, английский посланник Р. Олькок вызвал из Иокогамы отряд английских моряков. После такого прецедента, в Эдо вступили и французские моряки. Английские и французские дипломаты использовали пребывание в столице своих вооруженных отрядов для военного нажима на Бакуфу.

Еще весной 1861 г. японское министерство иностранных дел поставило перед представителями иностранных держав вопрос об отсрочке открытия Эдо, Осака, Хёго и одного из портов на западном побережье Хонсю. Ставился вопрос об изменении японской денежной системы: вместо серебряной монеты, приравненной к $\frac{1}{3}$ мексиканского долл., — новый денежный знак, равный $\frac{1}{2}$ долл. и содержащий большее количество литатуры. Бакуфу опасалось, что открытие новых портов усилит движение против сёгуната и пребывания иностранцев в стране. Денежная реформа должна была несколько уменьшить отлив из страны благородных металлов и ограничить спекуляцию валютой.

Государственный секретарь США Сьюард 20 июня 1861 г. отклонил просьбу японского правительства об отсрочке открытия новых портов. Президент США А. Линкольн, который направил личное послание сёгуну, ушел от прямого ответа на запрос Японии и ограничился сообщением, что уполномочил министра-резидента Т. Гарриса согласовать позиции США и Японии на взаимовыгодной основе. Внимание Вашингтона было приковано к развернувшейся в США с апреля 1861 г. гражданской войне.

Обращение японцев встретило позитивный отклик лишь в России. Учитывая напряженную политическую обстановку в Японии, рост террористических актов против иностранцев А. М. Горчаков 20 января 1862 г. сообщил Бакуфу, что русский император, принимая во внимание доводы японского правительства, согласен на семилетнюю отсрочку открытия портов, если на это согласятся другие договорные державы. Правительство России выражало надежду, что Япония оценит это новое дока-

зательство дружественного расположения России к Японии. «Россия,— писал А. М. Горчаков,— вправе рассчитывать на взаимность» [30, д. 172, л. 1—2].

Русско-японские переговоры в 1862 и 1867 гг.

Позитивный ответ Петербурга обнадежил японское правительство. Была снаряжена дипломатическая миссия для поездки в Европу. Такэноути Симоцукэ-но-ками, Мацудайра Ивами-но-ками и Кёгоку Ното-но-ками в июне—октябре 1862 г. посетили четыре столицы — Лондон, Париж, Гаагу и Берлин. Учитывая позицию России по этому вопросу, правительства Англии, Франции, Нидерландов и Пруссии согласились на пятилетнюю отсрочку открытия Ниигата, Хёго, Осака и Эдо. Взамен западно-европейские страны выговорили у японцев ряд уступок: снизить таможенные тарифы на ввозимые в Японию товары (спиртные напитки, стеклянные изделия и др.), открыть порт на о-ве Цусима, устроить склады для военно-морских судов в Нагасаки и Иокогаме и др. Правительство обязалось не вмешиваться в торговлю с иностранцами (см. [335, с. 15]).

В конце июля 1862 г. миссия прибыла в Петербург. Японские дипломаты были приняты Александром II. В беседе еще раз было подчеркнуто, что Россия желает сохранить дружбу с Японией и надеется на взаимоприемлемое решение спорных вопросов (см. [328, с. 216—222, 225—231]).

На переговорах русскую сторону представлял граф Н. П. Игнатьев. На первой же встрече, 4 августа 1862 г., он заявил, что русское правительство готово удовлетворить просьбу Японии на одинаковых с другими державами условиях, напомнив при этом, что Россия согласно договору 1855 г. пользуется правом наибольшего благоприятствования. Учитывая трудное внутривнутриполитическое положение Японии, Россия сделала ей ряд уступок: не назначило постоянной миссии в Эдо и не потребовала компенсации за отсрочку открытия портов и в отличие от других держав согласилась удовлетворить просьбу бакуфу об изменении японской денежной системы (см. [32, д. 1, л. 17—32]).

Значительное место в переговорах занял вопрос о Сахалине. В целях сохранения добрососедских отношений Н. П. Игнатьев вновь предложил установить границу по естественному рубежу, т. е. по проливу Лаперуза. Глава японской делегации Такэноути со своей стороны повторил прежнее требование Японии о разграничении острова по 50-й параллели. Им были выдвинуты следующие аргументы: 1) название острова «Карафуто» — японского происхождения; 2) к югу от 50° с. ш. проживают айны — «подданные Японии», которые нуждаются в поддержке и защите. Н. П. Игнатьев попытался разбить японские аргументы и заявил, что айны обрекаются на голодную смерть и Япония не может их защитить от бесчинств иностранных моряков. Для то-

го же, чтобы доказать несостоятельность утверждения японского делегата о японском происхождении названия острова, Н. П. Игнатъев предложил Такэноути начертать слово «карафуто» иероглифами, объяснить происхождение названий различных местностей на Сахалине и значение слова «айну». К полному своему смущению Такэноути признал, что может написать слово «карафуто» только катаканой³ и что все названия на острове айнского происхождения.

Японские дипломаты ссылались также на некоторых европейских картографов и путешественников, включавших южную часть Сахалина в состав японских владений. Н. П. Игнатъев напомнил, что карты и описания Сахалина не соответствуют действительности, ибо европейцы не исследовали остров. Русские первыми его исследовали и дали его описание. Член русской делегации Н. В. Рудановский, многократно бывавший на острове, рассказал, что за свое длительное пребывание на нем видел только приезжих японцев и убедился в том, что они знают только побережье залива Анива.

Далее Н. П. Игнатъев зачитал письмо губернатора Хакодате Мурагами Авадзи-но-ками, адресованное русскому консулу И. А. Гошкевичу и датированное сентябрем 1861 г., где тот писал, что японцы не являются старожилками в южной части Сахалина и не могут приспособиться к суровому климату острова.

Японские уполномоченные не могли ничего возразить против этих аргументов. Н. П. Игнатъев обратил также внимание японских уполномоченных на то, что японские рыбаки имеют на острове только рыболовные промыслы (сезонные), а японские власти направляют на юг Сахалина своих чиновников и вооруженные отряды. Он также заметил, что подобные действия японцев являются результатом следования их рекомендациям иностранных советников. «Для Японии,— говорил он,— было бы гораздо полезнее и нужнее обратить внимание и усилия совершенно в другую сторону, откуда грозит ей действительная, а не воображаемая опасность...» От имени правительства русский уполномоченный заявил протест против правомерных действий японских властей на Сахалине, которые продвигаются на север, уверяют местное население, что весь остров принадлежит Японии, запрещают айну поддерживать отношения с русскими и наниматься на работу на угольные копи (см. [32, д. 1, л. 17—63]).

Однако переговоры зашли в тупик. Ссылаясь на официальные инструкции, японские уполномоченные отказались согласиться на проведение границы по проливу Лаперуза.

В заключительном протоколе, подписанном 31 августа 1862 г., было записано решение возобновить переговоры по пограничному вопросу с военным губернатором Приморской области П. В. Казакевичем. При этом Н. П. Игнатъев еще раз подчеркнул, что предложение Японии о разграничении острова по 50° с. ш. не будет принято Россией ни в Петербурге, ни на пе-

реговорах в Японии или на Сахалине. Соглашаясь на отсрочку переговоров о Сахалине, в Петербурге рассчитывали на дальнейшее укрепление русских позиций на острове и осложнение внутривосточного положения в Японии.

В протоколе подтверждалось согласие России на пятилетнюю отсрочку открытия Хёго, Осака, Эдо и Ниигата и на изменение японской денежной системы при условии удовлетворения этой просьбы другими договорными державами (см. [32, л. 64—74]). Японские уполномоченные были признательны за проявление внимания и конструктивную позицию русских представителей. «Предложение Ваше (о возобновлении переговоров на Дальнем Востоке.— *Л. К.*),— заявил Такэноути,— освобождает нас от тяжкой ответственности перед нашим правительством, и мы Вам благодарны за оное. С первого дня нашего приезда сюда мы видели в сделанном нам приеме знак искренне дружеского расположения России к Японии» [32, д. 1, л. 55].

Дипломаты Англии и Франции внимательно следили за ходом русско-японских переговоров, подстрекая Японию не соглашаться с «непомерными требованиями» России. И Англия и Франция рассчитывали использовать южную часть Сахалина для своих военно-стратегических целей и экономической эксплуатации природных богатств. В связи с обострением внутривосточного положения в Японии и развертыванием движения за изгнание иностранцев державы не исключали возможность военного вмешательства. В таком случае они легко могли бы занять южную часть Сахалина, если бы тот оказался во владении японцев. Активность США на Дальнем Востоке в эти годы была несколько ослаблена развернувшейся гражданской войной между Севером и Югом.

* * *

Прошел год после завершения переговоров в Петербурге, а японцы не подавали никаких признаков готовности возобновить переговоры.

Гражданская война в США и обострение отношений между ними, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой, некоторое сближение США с Россией, осложнение внутривосточного положения в Японии ослабляли позиции японского правительства.

Русская дипломатия считала международную обстановку подходящей для решения затянувшегося вопроса о Сахалине. 30 июля 1863 г. И. А. Гошкевич известил японское министерство иностранных дел, что император Александр II уполномочил губернатора Приморской области П. В. Казакевича вести переговоры о Сахалине. Консул вновь напомнил, что русские имеют исторические права на Сахалин, тогда как японцы появились там недавно. Установление границы по проливу Лаперуза будет отвечать интересам сохранения мира и дружбы между Россией

и Японией. И. А. Гошкевич выразил готовность доставить японское посольство в Николаевск-на-Амуре. Однако японское правительство уклонялось от посылки своих уполномоченных в течение ряда лет, рассчитывая выиграть время для того, чтобы обосноваться на Сахалине. Возлагались надежды и на возможность улучшения международных позиций Японии. Окончание гражданской войны в США создавало предпосылки для сближения договорных держав — противников России (см. [282, с. 211]).

Это понимали и в России. Генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков 29 января 1865 г. представил Александру II «Обзор действия и настоящего положения дел». Он обращал внимание правительства на то, что Япония не намеревается направлять своих уполномоченных в Николаевск-на-Амуре, а, наоборот, стремится оттянуть переговоры, чтобы захватить южную часть Сахалина и поставить Россию перед свершившимся фактом; в связи с этим он внес предложение по укреплению позиций России на юге Сахалина (см. [32, д. 1, л. 63—82]).

Предложения были одобрены. В соответствии с полученными инструкциями М. С. Корсаков распорядился усилить Кусунайский пост. В августе 1865 г. туда были доставлены солдаты 4-го линейного батальона и годичный запас провизии на 100 человек. Команды всех постов на острове были объединены в Сахалинский отряд, командиром которого был назначен подполковник де Витте. В 1866 г. на другой стороне острова, против Косуная на берегу Охотского моря, был основан пост Мануэ. В Косунае были построены казармы, пороховой склад и открыт хлебный магазин.

Законные меры русского правительства по ограждению своих прав вызвали недовольство японских властей. Однако в условиях экономического кризиса и начавшейся гражданской войны японское правительство было не в состоянии предпринять сколько-нибудь серьезные меры по освоению Сахалина. Были предприняты лишь некоторые шаги по дипломатическим каналам, подкрепленные военными демонстрациями. Губернатор Хакода-тэ Мурагами Авадзи-но-ками и уполномоченные министерства иностранных дел в беседах с русским консулом Е. К. Бюцовым (сменил И. А. Гошкевича в 1865 г.) старались убедить его в том, что России не следует возводить постройки в южной части Сахалина. Одновременно на остров были посланы военные отряды, которые спровоцировали военные столкновения с русскими гарнизонами. 27 марта 1866 г. произошел вооруженный конфликт между командой Кусунайского поста и японцами (раненые были с обеих сторон). Инцидент был раздут японскими властями и иностранной прессой, которая использовала его как повод для своих обычных нападок на русскую политику на Дальнем Востоке.

Однако русское правительство не прекращало мероприятий по укреплению своих позиций на острове. Сахалинский отряд

состоял уже из двух рот. Команда кусунайского поста насчитывала 150 человек; был усилен пост и в Мануэ. В октябре 1866 г. был основан пост Найбучи — на юг от поста Мануэ (см. [282, с. 213—214]).

Английские корабли с согласия Японии стали совершать провокационные вояжи к южному побережью Сахалина. Так, 12 августа в Кусунае появился английский корвет «Сцилла», затем он отправился в Де-Кастри. Другой корвет, «Бэросса», бросил якорь в Хакодате для сбора сведений о положении на острове.

«По совету посторонних наблюдателей», как сообщал Е. К. Бюцов, японское правительство приняло решение направить миссию в Петербург, не дожидаясь согласия российского министерства иностранных дел. Миссия в составе бывшего губернатора Хакодате Коидэ Ямато-но-ками и инспектора Исикава Суруга-но-ками 5 января 1867 г. прибыла в Петербург и была принята Александром II. Переговоры начались 23 января.

На переговорах русскую сторону представлял директор Азиатского департамента П. Н. Стремоухов. Глава японской делегации Коидэ в начале переговоров заявил, что Япония не выполнила соглашения 1862 г. ввиду междоусобной войны в стране, и предложил немедленно решить вопрос о проведении границы на острове по 48-й параллели с тем, чтобы избежать дальнейших конфликтов. В ходе дискуссии П. Н. Стремоухов указал, что в конфликтах виноваты японцы, которые захватывают не принадлежащие им земли и подстрекают местное население против русских. Единственное средство избежать столкновения — это установить границу по проливу Лаперуза. Остров составляет единое целое с Приамурским краем, и захват его иностранной державой причинит России большой ущерб. Для Японии же южная часть острова почти не имеет значения. П. Н. Стремоухов объявил также о готовности России сохранить японские рыболовные промыслы в этом районе Сахалина. В качестве одного из вариантов решения проблемы П. Н. Стремоухов заявил о готовности России уступить Японии о-в Уруп с прилегающими островками. Как и прежде, царское правительство считало основной задачей своей дипломатии добиться утверждения прав на Сахалин, действительно занимающий важное стратегическое положение. П. Н. Стремоухов напомнил японской делегации о лояльном отношении России к Японии, об отказе русского правительства участвовать в антияпонских акциях иностранных держав.

14 февраля Коидэ, ссылаясь на то, что не может вернуться в Эдо без какой-либо договоренности, предложил заключить временное соглашение о Сахалине, однако его проект (слегка измененный) фактически устанавливал границу в соответствии с японской позицией, и русский представитель его отверг. Последовали длительные дискуссии.

Наконец 18 марта 1867 г. было подписано временное согла-

шение о совместном владении Сахалином. В соглашении указывалось, что русские и японцы должны поддерживать мирные и дружеские отношения и разрешать конфликты путем переговоров между местными властями. В силу общности владения русские и японцы имеют права свободно передвигаться по острову, возводить постройки и заниматься промыслом.

Местным жителям предоставляется личная свобода и право распоряжаться своим имуществом. В случае согласия Японии на предложение России о проведении границы по проливу Лаперуза местные губернаторы (Хоккайдо и Приморья) уполномочивались заключить трактат (см. [282, л. 215—216]).

Соглашение 1867 г. можно расценивать только как значительную уступку царского правительства. Положительным моментом соглашения являлось лишь то, что японцы не могли уже препятствовать освоению русскими южной части Сахалина. Ставились преграды закабалению айну японскими чиновниками и промысловиками.

Уступка России объяснялась тем, что внимание царской дипломатии, как и неоднократно в прошлом, было приковано к событиям в Европе. Усиление Пруссии, напавшей в 1864 г. на Данию и захватившей герцогства Шлезвиг, Гольштейн и Ладенбург, затем война Пруссии против Австрии в 1866 г., приведшая к ликвидации политической независимости ряда мелких германских государств и образованию Северо-Германского союза во главе с Пруссией, не могли не беспокоить Россию. Россия же, заинтересованная в поддержке Англии в решении европейских проблем, не могла портить с ней отношения из-за споров с Японией по поводу Сахалина.

В Японии соглашение 1867 г. встретило враждебное отношение со стороны японских промысловиков, имеющих свои рыболовные промыслы на Сахалине — они лишались даровой рабочей силы (айну) и вынуждены были на иностранных судах доставлять японских рабочих, а также продукты питания для них. Опасаясь усиления недовольства, бакуфу даже обратилось к Франции с просьбой предоставить ему военный корабль для демонстрации силы у берегов Сахалина в поддержку японскому фрегату, который уже курсировал у побережья (см. [32, д. 1, л. 182—184]).

Поэтому 6 апреля 1867 г. министерство иностранных дел России, еще раз подтвердив свою позицию в отношении Сахалина, информировало японское правительство о том, что военный губернатор Приморья И. Ф. Фуругельм уполномочен возобновить переговоры об острове. Однако от переговоров Япония отказалась.

Учитывая такое враждебное отношение японцев к соглашению, И. Ф. Фуругельму в апреле 1867 г. было дано указание довести численность Сахалинского отряда до 300 человек, снабдить его двухгодичным запасом продовольствия, принять меры к развитию торговли и промышленности на Сахалине, чтобы

обеспечить местных жителей постоянным заработком, необходимыми товарами и создать условия для экономической самостоятельности острова.

В июле в бухте Буссе был высажен отряд, состоявший из 130 человек, и здесь, на самой южной оконечности острова, к ноябрю 1867 г. был восстановлен Муравьевский пост, снятый во время ведения Россией Крымской войны. Впоследствии он стал центром освоения русскими южной части Сахалина. Всего к концу 1867 г. на острове насчитывалось пять русских постов (в Дуэ, Кусунае, Найбучи, Мануэ и бухте Буссе). Весной следующего года были построены еще два поста — в Маукэ и Аккатувари — и налажено регулярное зимнее сообщение между материком и островом (см. [32, д. 1, л. 186—187]).

За несколько лет (1862—1867) русские значительно укрепили свои экономические позиции на Сахалине. Были открыты богатые минеральные ресурсы, заложены основы угольной промышленности и сельского хозяйства, созданы посты, впоследствии превратившиеся в города, проложены дороги. Местное население было избавлено от кабалы японских купцов и чиновников. Русские научили айну строить зимние жилища, разводить огороды, разрабатывать угольные копи и т. д.

В феврале 1868 г. на особом совещании по делам Приамурского края было принято решение об ежегодном отчислении 30 тыс. руб. для освоения южного побережья Приморья и Сахалина.

Американцы в северо-западном районе Тихого океана

Позиции России на Дальнем Востоке ослаблялись также экспансией американской буржуазии в этом районе. С 40-х годов XIX в. усиливается проникновение в русские владения европейских промышленников и торговцев. Так, советник Верховного суда США А. Пальмер в записке президенту Полку в 1848 г. сообщал, что 700 американских судов водоизмещением в 240 тыс. т ежегодно промышляют в северной части Тихого океана и получают прибыль до 10 млн. долл. Он рекомендовал правительству США добиваться от России свободного доступа американским судам к берегам Сибири, Камчатки, Курильских и Алеутских островов и Аляски, а также свободы судоходства и торговли по Амуру и его притокам и таких же льгот в торговле с Китаем, «какими пользуются русские в сношениях с ними». Особое внимание президента А. Пальмер привлекал к принадлежавшему России Сахалину и его природным богатствам и советовал в обход русского правительства войти в сношение с какими-нибудь «независимыми начальниками острова» и добиться для американских китобоев разрешения заходить в его гавани и заливов (см. [59])⁴.

В середине XIX в. американский китобойный промысел в се-

верной части Тихого океана принял огромные размеры. Ежегодно здесь промышляли более 250 судов. Лишь у побережья Чукотки в 1850 г. 114 американских китобойных судов добыли китового жира на крупную по тем временам сумму — 5 млн. долл. [32, д. 15, л. 2—3]. С 1847 по 1861 г. китобойные шхуны добыли уса и жира на 130 млн. долл. (более 200 млн. руб. золотом), истребив значительную часть китов в Охотском море. С 1850 по 1870 г. в Охотском море было добыто 900 тыс. бочек ворвани и 10,8 млн. фунтов китового уса на 107,4 млн. руб. золотом (по курсу 1855 г.). Столько же было добыто и в Беринговом море (см. [245, с. 206—207; 273, с. 94—95])⁵.

Американские китобой спаивали и грабили местное население посредством неэквивалентной меновой торговли, силой забирали на суда людей. Русский посланник Бодиско неоднократно предьявлял жалобы на чинимые китобоями опустошения, грабежи и насилия [32, д. 15, л. 33—34].

Разведывательная экспедиция Рингольда (1852—1855), находившаяся под началом М. К. Перри, посетила Камчатку, Охотское побережье, Шантарские острова и другие районы Тихого океана. Американское судно из экспедиции Рингольда в 1855 г. пыталось войти даже в устье Амура.

Отражая алчные устремления капиталистических кругов США, американская пресса в самых ярких красках расписывала громадные ресурсы Аляски и прибыли, которые можно было получить от китобойного промысла, убоя морских котиков и моржей, ловли лосося и трески в водах Русской Америки, а также добычи золота и рубки леса. Явно преувеличивая, специальный эксперт государственного казначейства США определял возможные доходы только от котикового промысла в 75—100 млн. долл. и от таможен в 5—10 млн. долл. в год. Покупка Аляски США рассматривалась как средство подорвать позиции канадских пушных и рыболовных компаний, вытеснить Англию из Британской Колумбии. Американские политики и деловые круги вынашивали широкие планы экспансии США на северо-западе и северо-востоке Тихого океана и в Азии.

Царское правительство оказалось не в состоянии мобилизовать производительные силы страны для дальнейшего освоения Аляски и Русской Америки. Не имело оно сил и для обеспечения обороны Аляски от возможного захвата ее Англией или США. Аляска и Алеутские острова в 1867 г. были проданы США за бесценок — 7,2 млн. долл., которые американцы выручили в первый же год эксплуатации этих территорий. Огромные затраты, тысячи человеческих жизней русских первопроходцев и мореплавателей, отданных ради освоения этих земель, пропали впустую.

Приобретение Аляски и Алеутских островов упрочило позиции США в северо-восточной части Тихого океана, значительно облегчив их дальнейшую экспансию на северо-западе Тихого океана и в Азии. Завершение постройки трансконтинентальной

дороги (1869 г.) с выходом ее к Тихому океану содействовало осуществлению планов экспансии на Дальнем Востоке. Царская Россия в этот период не противодействовала американской активности, ошибочно полагая, что США могут стать противовесом Англии в этом районе. В России всерьез рассматривались планы использования американских гаваней для крейсерских операций против английского торгового флота в случае войны с Англией (см. [53, т. 52, с. 133—142]).

Аляска и Алеутские острова стали американскими базами для пушного и рыболовного промысла у русских берегов. Американские рыбопромышленники из Калифорнии беспощадно ловили рыбу между Сахалином и Курилами. В Анадыре американские торговцы скупали моржевые клыки и шкуры. Американские власти покровительствовали незаконной деятельности своих промышленников. В 1868 г. государственный секретарь США Сьюард предложил русскому правительству фактически узаконить промысел и контрабандную «торговлю» американцев на русском побережье Восточной Сибири и на принадлежавших России Курильских островах, Сахалине и других ее владениях. Истинные цели прикрывались предложением заключить конвенцию на началах «взаимности», хотя было очевидно, что русские рыболовы и зверопромышленники не имеют возможности вести промысел у берегов Америки. Свое предложение Сьюард сопровождал угрозами: он утверждал, в частности, что американцы якобы имеют «права» на промысел в русских водах и что если эти «права» не будут признаны, то это «неизбежно послужит причиной долгого, серьезного и, вероятно, непримиримого отчуждения и несогласия» между двумя странами. Он угрожающе предупреждал об опасности «оставлять этот вопрос и далее нерешенным» [32, д. 5, л. 34—35]. В беседах с русским посланником Э. Стеклем он предлагал русскому правительству отказаться от вмешательства в конфликты американских китобоев и рыболовов с местным населением на русском побережье, обещая взамен не возражать против занятия русскими всего побережья Маньчжурии вплоть до Корейского залива (см. [32, д. 5, л. 29—40]).

В Петербурге довольно трезво оценили демарш американцев. В записке министерства иностранных дел отмечалось, что принятие предложения США означало бы, что Россия «торжественно» отказывается «от своих территориальных прав на эти отдаленные страны». Это создало бы прецедент для аналогичных требований со стороны других государств (см. [32, д. 5, л. 90—92]). На предложение Сьюарда было решено не отвечать.

Американские же рыболовы и рыбопромышленники продолжали усиливать свою активность на Чукотке, Камчатке, Охотском побережье и русских островах Тихого океана. В Архиве внешней политики России имеются многочисленные донесения русских купцов и представителей власти, свидетельствующие о разграблении американскими промышленниками природных бо-

гатств на Командорских и Курильских островах (котиковых и бобровых лежбищ и др.).

Более того, американский посланник Р. Прайн уговаривал японское правительство продать США Тюлений остров (см. [32, д. 2, с. 21]). Очевидно, США считали, что притязания Японии на южную часть Сахалина являются достаточным основанием для того, чтобы распорядиться прилегающими к нему территориями. Японские министры осознали провокационный характер американской акции и, не желая обострять отношения с Россией и предпочитая не иметь сильного американского соседства, уклонились от предложения Соединенных Штатов.

Гражданская война в Японии и нейтральная позиция России

Между тем внутривнутриполитическая обстановка в Японии все более обострялась. Феодалы выдвигали все большие требования по расширению своих прав.

В 1862 г. один из самых могущественных князей южной Японии, Симадзу (клан Сацума), двинул свои войска на Киото, затем направился в Эдо и потребовал от сёгуна отмены ряда политических и экономических ограничений, которые стесняли самостоятельность крупных феодалов.

Антифеодалные настроения в народе, находившие выражение в многочисленных выступлениях крестьян и сильном недовольстве самураев, беспокоили как сёгунат, так и оппозицию.

Обе стороны пошли на уступки. Токугава признал необходимость по мере возникновения важных государственных дел привлекать князей к их обсуждению. Создавалось нечто вроде феодального сейма, или съезда князей, которые должны были помогать сёгуну в решении проблем. Была отменена система заложничества, согласно которой семь князей должны были жить в столице.

Сёгун предпринял поездку в Киото и дал обещание императору при первой же возможности призвать своих вассалов к отпору «иностранным варварам». Сёгуну не оставалось ничего, как примириться с тем, что Киото оставался под контролем враждебных ему самураев из кланов Сацума и Тёсю.

Соглашение между оппозицией и сёгунатом относительно изгнания «иностранных варваров» привело к усилению выступлений против иностранцев, которые принимали форму отдельных нападений, осуществлявшихся обычно самураями. Драчливое и амбициозное самурайство, всегда недовольное своим материальным положением и гордившееся несуществовавшими заслугами перед страной, охотно участвовало во всякого рода стихийных выступлениях.

В сентябре 1862 г. произошло нападение самураев из клана Сацума на группу англичан. В результате был убит один

английский купец (Ричардсон) и ранены двое его спутников. Английское правительство использовало случай, чтобы добиться еще больших уступок от сёгуна. В марте 1863 г. английская эскадра прибыла в Эдоский залив и английский поверенный в делах подполковник Э. Д. Нил предъявил японскому правительству ультиматум: принести официальное извинение за убийство Ричардсона, выплатить компенсацию в размере 110 тыс. ф. ст., заставить князя Сацума внести 25 тыс. ф. ст., выдать убийц и казнить их в присутствии английских офицеров.

Японское правительство согласилось принять все условия и 12 июня 1863 г. уплатило контрибуцию. Но Англия решила отправить еще и карательную экспедицию против княжества Сацума. Сначала это встретило противодействие со стороны Франции и США, боявшихся слишком большого усиления английских позиций в Японии. Вскоре, однако, они сняли свои возражения: 13 июня береговые батареи княжества Тёсю обстреляли американский пароход, 26 июня — французское судно, а 30 июня — голландский корвет, когда те пытались пройти через Симоносекский пролив, который по договорам Японии с иностранными державами не был открыт.

Через несколько дней американский пароход уничтожил несколько батарей и два судна княжества Тёсю, а французские корабли разрушили батареи и форт в порту Симоносеки.

19 июня 1863 г. сёгун Иэмоти дал императору обещание выполнить разработанный в Киото план изгнания иностранцев. Бакуфу обнародовало два обращения к населению, призывавшие готовиться к борьбе за «изгнание иностранных варваров».

Чтобы не допустить создания единого антиинострannого фронта и его сплочения вокруг княжеств Сацума и Тёсю, игравших активную роль в антиинострannом движении, англичане решили нанести решительный удар по княжеству Сацума. 3—4 августа 1863 г. английская эскадра подвергла бомбардировке столицу княжества Когосима и уничтожила большую часть города и стоявшие на рейде три парохода князя Симадзу. Княжество понесло убытки, исчисляемые в 1 млн. ф. ст., и заявило о своей капитуляции (см. [94, с. 96—101, 117]).

2 и 25 августа 1864 г. объединенный флот (состоявший из 17 английских, французских и голландских военных судов и одного купеческого судна США — в связи с гражданской войной США не имели своих кораблей на Дальнем Востоке) подверг сокрушительной бомбардировке Симоносеки, столицу княжества Тёсю. Порт был полностью разрушен, уничтожены береговые батареи, а пушки перенесены на иностранные корабли.

Князь Мори (занимавший резко антиинострannую позицию) немедленно заявил о своей капитуляции. Княжество Тёсю и сёгун согласились выплатить 3 млн. мексиканских долл. контрибуции и оплатить издержки карательной экспедиции.

Сёгун обратился с просьбой о помощи к правительству Наполеона III. Франция направила французских офицеров для

обучения сёгунских войск. Вскоре при помощи этих войск и в союзе с князем Сацума бакуфу удалось очистить Киото от враждебных ему мятежных самураев Тёсю и поддерживающих их ронинов.

Пользуясь слабостью сёгунского режима, западные державы навязали ему новое соглашение, по которому таможенный тариф на все ввозимые товары снижался до 5% их стоимости; кроме того, японское правительство вынуждено было согласиться с тем, что Англия и Франция ввели на территорию Японии военные отряды «для охраны миссий».

Временное «отступление» США от широкой колониальной экспансии в Китае и Японии из-за гражданской войны позволило Англии усилить свои позиции на Дальнем Востоке, что, естественно, не устраивало Францию. Французская дипломатия пыталась выступать в роли арбитра во взаимоотношениях бакуфу с другими странами и продолжала поставлять оружие и снаряжение сёгуну, помогать в модернизации его войск.

Английская дипломатия более трезво оценивала соотношение сил в стране. Она видела все возрастающую силу оппозиции сёгуну, разложение его режима. Не хотела Англия и укрепления центральной власти при помощи Франции. Лондонский кабинет перешел к поддержке оппозиции и предписал своему новому посланнику Г. Парксу установить связь с теми, кто выступал против сёгунского режима. Паркс стал оказывать явное покровительство южным княжествам Тёсю (князю Мори) и Сацума (князю Симадзу), которые лишь недавно были подвергнуты военному разгрому со стороны иностранных держав во главе с Англией. Паркс постарался сблизиться с этими князьями и их сторонниками, выступавшими за ликвидацию сёгуната и реставрацию императорской власти. В 1865 г. он добился одобрения императором неравноправных ансэйских договоров, заключенных правительством Токугава.

Сторонниками сёгуна показали себя и представители США.

Из великих держав лишь Россия не принимала участия в репрессиях против Японии и не вмешивалась в ее внутренние дела. Причем западные державы прилагали немало усилий к тому, чтобы втянуть Россию в карательные акции. Особую активность проявляла американская дипломатия. Государственный секретарь США Сьюард многократно обращался к русскому посланнику Э. Стекло с предложением поддержать Англию, Францию и Соединенные Штаты в их «нажиге» на Японию. Россия отклоняла подобные предложения (см. [32, д. 3, л. 146—155, 170, 184—189, 192, 207]).

Западная дипломатия пыталась воздействовать на русское правительство и через немецкого японоведа Ф. Зибольда (о нем говорилось выше). В письме к великому князю Константину Ф. Зибольд выдвинул идею посылки в Японию чрезвычайного посольства с целью посредничества в урегулировании конфликтной ситуации между Японией, с одной стороны, и Англией и

Францией — с другой. Свое предложение он подкреплял ссылкой на то, что в результате конфликта с Японией Англия и Франция захватят Рюкю и Цусиму, установят свое господство в прилегающих водах и тем самым создадут угрозу владениям России на Дальнем Востоке и ее интересам на Тихом океане.

Однако в министерстве иностранных дел такое посредничество в момент политического кризиса в Японии расценили как вмешательство в ее внутренние дела. Проект Ф. Зибольда был отклонен. Отказались русские участвовать и в карательных экспедициях. В сентябре 1864 г. командующий тихоокеанской эскадрой контр-адмирал Ендагуров предписал морякам поддерживать дружественные отношения с местным населением. В донесении управляющему делами морского министерства Н. К. Краббе он сообщал, что постарался «избежать всякого столкновения, ведущего не только к распре, но и к недоумению» (цит. по [282, с. 234]).

В связи с дальнейшим осложнением обстановки в Японии, увеличивающимся числом выступлений против иностранцев в декабре 1864 г. Ендагуров снова запросил морское министерство о «поведении русского флота». На обращение Н. Н. Краббе в министерство иностранных дел А. М. Горчаков ответил, что, по мнению министерства, нет необходимости изменять прежние инструкции командующему эскадрой. Незначительный объем торговли между Россией и Японией не давал серьезных выгод русским промышленникам. Поэтому забота об их интересах не могла превалировать над общеполитическими задачами сохранения мира на дальневосточной окраине и обеспечения государственных интересов. Относительная военная слабость России на Тихом океане вынуждала царское правительство в отношениях с Японией и при решении спорных, в том числе территориальных, проблем ограничиваться дипломатическими мерами.

25 февраля 1864 г. А. М. Горчаков писал Н. К. Краббе: «Все наши торговые интересы сосредоточены в северной части Японии, где до сих пор все совершенно спокойно и где не происходит никаких столкновений с местным населением. В южной же части, где беспрестанно повторяются эти столкновения, мы ничем не заинтересованы, а потому не было бы никакого основания для принятия судам нашей эскадры какого-либо участия в неприязненных действиях против Японии» (цит. по [282, с. 235]). В другом письме к Н. К. Краббе А. М. Горчаков указывал, что террористические акты в Эдо, Иокогама и Канагава вызваны произвольными и насильственными действиями иностранцев.

В 1864 г. Ендагуров отказался участвовать в бомбардировке Симоносеки, ликвидации японских батарей в Нагасаки и других репрессивных мерах против японцев. В апреле 1865 г. он отказался участвовать в военной демонстрации западных держав, предпринимаемой с целью оказания воздействия на князей, прибывших в Эдо на совещание.

В том же месяце английский консул в Хакодате Гарднер обратился к капитану русского корвета «Богатырь» Л. А. Бухгольцу с просьбой высадить десант «и примерно наказать японцев» за убийство матроса английского китобойного судна. Л. А. Бухголец отказался удовлетворить просьбу консула, сославшись на то, что японские власти уже приняли меры к поимке преступника.

Английский и американский консулы высказывали свое неудовольствие действиями русского офицера. Через несколько дней консулы западных держав совместно пытались вовлечь его в другой конфликт. Но русский капитан и на этот раз отказался. Контр-адмирал Ендагуров одобрил его действия.

Летом 1865 г. русское командование отозвало все свои корабли из японских вод, оставив лишь одно судно — корвет «Варяг» (для обслуживания нужд консульства в Хакодате). Правительство дало строгую директиву своим представителям в Японии неукоснительно придерживаться нейтралитета во внутриполитической борьбе и уклоняться от всякого вмешательства в столкновения между японскими властями и представителями западных держав.

15 мая 1865 г. Александр II утвердил инструкцию министерства иностранных дел вновь назначенному консулу в Хакодате Е. К. Бюцову. Министерство рекомендовало консулу придерживаться строгого нейтралитета во внутренней борьбе в Японии.

Разгром южных княжеств иностранными интервентами оказал сильное воздействие на развитие общественно-политической жизни страны. Усилилось влияние рядовых самураев, а также промышленников и купцов. Выходцы из рядовых самураев стали занимать руководящие посты в правительстве и армии, нередко выражая интересы буржуазии. Они уже высказывались за «сближение с иностранцами», настаивали на отмене токугавских регламентаций, тормозящих социально-экономическое развитие Японии, в частности деления самураев на ранги. Эти новые политические деятели юго-западных княжеств (Тёсю, Сацума, Тоса и Хидзэн) — Сайго Такамори, Окубо Тосимити, Гото Симпэй и др. — возглавили военную коалицию так называемых молодых. Помимо самураев названных четырех княжеств оппозиционные силы привлекли в свои ряды добровольцев из среды горожан и крестьян (их называли «кихэйтай» — «отряды необычных воинов»). Пользовались они также поддержкой со стороны нескольких банковских домов, в частности одного из наиболее крупных — дома Мицуи.

Обещанная поддержка оппозиции со стороны англичан исключала всякую возможность повторения объединенной иностранной интервенции в поддержку сёгуна. Учитывалась и нейтральная позиция, занятая Россией.

Антитокугавский блок выступал под лозунгом реставрации императорской власти, но не снимал и прежнего лозунга «изгнание иностранных варваров». Лидеры блока придерживались

этого лозунга скорее в демагогических целях. Он использовался ими в качестве призыва покончить с сёгунатом, заключившим неравноправные договоры с иностранными державами.

Выступление самураев и даймё юго-западных княжеств по времени совпало с новой волной восстаний крестьян и городской бедноты; они сыграли главную роль в подготовке революции.

В 1867 г. умер император Комэй. Его наследник, пятнадцатилетний Муцухито, стал императором Мэйдзи. От имени нового императора сёгуну был направлен меморандум, в котором было выдвинуто требование «вернуть» императору захваченную власть. Сёгун вынужден был согласиться с предъявленным ему требованием, но решил собрать силы для возобновления борьбы, рассчитывая на центральные и северные княжества. В стране развернулась гражданская война.

Решающее сражение при Фусами в январе 1868 г. сёгун проиграл. Но вооруженная борьба на этом не закончилась. В течение двух лет группа феодальных князей, обосновавшаяся на севере Японии, а также морской флот сёгуна сопротивлялись новому режиму. Сёгун не раз обращался за поддержкой к другим странам, в частности к России. К 1870 г. войска и флот сторонников сёгуна были разгромлены. Сёгунат окончательно прекратил свое существование.

Коалиционный блок, свергнувший режим сёгуната, по существу, был временным блоком буржуазии и феодальных князей. Продолжающаяся антифеодальная борьба крестьянства толкала буржуазные элементы на союз с феодалами и сплачивала их в более прочный реакционный блок.

* * *

В ходе гражданской войны и буржуазной революции в Японии Россия была единственной договорной державой, соблюдавшей принцип нейтралитета. Она воздерживалась от поставок оружия и судов и сёгунской и антисёгунской коалициям князей, не вмешивалась в военные операции, не участвовала в вооруженных карательных действиях западных капиталистических держав и военных демонстрациях (Хёго, Иокогама, Нагасаки, Симоносеки и др.). Этому не могут не признать японские, американские и западноевропейские ученые (см., например, [306, т. 1, с. 182; 372, с. 35—36]).

Россия желала, чтобы мир в Японии был достигнут без вмешательства иностранных государств, понимая, что всякое вмешательство приведет к усилению влияния той или иной иностранной державы. Директор Азиатского департамента министерства иностранных дел П. Н. Стремоухов высказывал здравые суждения о том, что власть, восстановленная с помощью иностранных войск, «не может иметь нравственную основу в народе». В соответствии с этой посылкой, П. Стремоухов обязывал консула Е. К. Бюцова в Хакодате отклонять «всякую мысль о материальном содействии» со стороны России, так как «прави-

тельство... не находит возможностей вмешиваться в дела, касающиеся государственного ее (т. е. Японии.— Л. К.) строя» [30, д. 178, л. 7—9]. Е. К. Бюцов предписывалось по-прежнему поддерживать связь с сёгунскими властями на Хоккайдо, но в случае замены их сторонниками императора подтвердить готовность России поддерживать добрососедские отношения с Японией. Исходя из этих инструкций, Е. К. Бюцов в феврале 1869 г. дважды отклонял предложение губернатора Хакодате и уполномоченных министерства иностранных дел об оказании военной помощи бывшему сёгуну взамен отказа Японии от притязаний на южную часть Сахалина и уступки о-ва Хоккайдо. (В то время о-в Эдзо в Японии не рассматривали в качестве исконной японской территории⁶.) В ответ Е. К. Бюцов заявил, что русское правительство придерживается принципа невмешательства во внутренние дела Японии и не хочет возбуждать недовольство ее народа своим правительством, прибегающим к помощи других держав. «Однажды оказанная поддержка известной партии в государстве,— вразумлял своих собеседников консул,— обычно влечет за собой необходимость непрерывного вмешательства в дела этой страны, могущего только вызвать противодействие других государств, возбудить народное неудовольствие против той самой власти, которая пользуется чужеземной поддержкой». Он подчеркнул, что соглашение о Сахалине возможно только на основе русского предложения, выдвинутого в 1867 г. (см. [32, д. 1, л. 188—194]).

В Петербурге опасались, что крах сёгуната приведет к победе сил, стоящих за расторжение договоров с иностранными державами, и что соперники России — Англия, Франция и США — воспользуются ослаблением Японии для ее закабаления и направят ее внешнеполитические амбиции на север, против России. Осуществление подобных планов создало бы угрозу дальневосточным владениям России, ограничило бы возможности развития торговли на Тихом океане. Но правительство Александра II придерживалось крайне осторожной тактики, дабы избежать ухудшения русско-японских отношений и столкновений с Англией, Францией и США. Характер отношений с названными странами определялся многими факторами, среди которых на первом месте стояли проблемы Европы, Ближнего Востока и Средней Азии. Дальневосточные проблемы, о чем уже не говорилось выше, находились в то время на задворках русской политики. Ничтожные же размеры русско-японской торговли не могли вызвать серьезной заинтересованности русских промышленников в развитии экономических связей с Японией.

Претензии Японии на Сахалин

Революция 1868 г. в Японии явилась важным рубежом в истории страны. У власти утвердился блок феодалов и буржуазии. От сёгуната монархия унаследовала феодальный военно-поли-

цейский государственный аппарат. Буржуазные реформы, осуществлявшиеся правительством, носили чрезвычайно узкий, ограниченный характер. Правительство объявило собственниками земли всех тех лиц, которые фактически владели землей к моменту издания закона. Аграрная реформа 1872—1873 гг. лишь уничтожила крупное феодальное землевладение: у феодальных князей были выкуплены земли, но средние и мелкие земельные собственники сохранили свои поместья. Крестьянство же в результате реформы, по существу, не получило земли. Крестьяне, арендовавшие княжеские земли, должны были платить за передаваемые им земли огромный выкуп. Задолго до революции 1868 г. большое количество земель перешло в руки купцов, ростовщиков, кулаков, опутавших крестьян кабальными долгами. Образовался целый слой «новых помещиков». Значительная часть земель перешла также к богатым крестьянам. «Новые помещики» и богатые крестьяне стали основными землевладельцами.

Ликвидация феодальной раздробленности, замена натурального поземельного налога денежным ускорили развитие капиталистических отношений, способствовали дальнейшему ослаблению самурайства. Оно не могло приспособиться к новым социальным, политическим и экономическим условиям. За исключением тех привилегированных представителей самурайства, главным образом из княжеств Сацума и Тёсю, которые получили выгодные посты в государственном аппарате, огромное большинство самураев испытывало растущее недовольство своим положением.

В 70-х годах XIX в. в Японии прошла волна реакционных мятежей самураев, добивавшихся свержения правительства, приостановления буржуазных реформ и восстановления их прежнего влияния. Введение всеобщей воинской повинности в 1872 г. ликвидировало монополию самураев на военные дела. Этот закон рассматривался ими как угроза их исконным привилегиям.

Сайго Такамори⁷, идеолог и вождь реакционного самурайства, и его сторонники добивались проведения правительством военных операций как средства колониального грабежа и обогащения самураев. С помощью войны они рассчитывали восстановить престиж самурайства как воинского сословия. Узость внутреннего рынка, вызванная половинчатостью буржуазных преобразований, толкала и японскую буржуазию на путь внешней экспансии. Япония, писал Ленин, — «это государство — буржуазное, а потому оно само стало угнетать другие нации и поощрять колонии» [19а, с. 262].

Наиболее реальными объектами для своей экспансии японские правящие круги считали Тайвань, Корею и южную часть Сахалина.

В июле 1868 г. на юге Сахалина, в Такая-Сусуйской долине, японские чиновники поставили столбы с надписями о принад-

лежности этих мест Японии. Район этот считался наиболее удобным для занятия земледелием и скотоводством. Почти на всех речках выше устья были сделаны запруды, с тем чтобы рыба не могла проходить вверх по течению, к истокам.

Политика японцев часто приводила к голоду среди айнов. Их нещадно эксплуатировали, заставляли за бесценок продавать меха и рыбу и т. д. Все это вело к вымиранию коренного айнского населения. Только за восемь лет (с 1867 по 1874 г.) число их уменьшилось с 3300 до 2700. Японцы также начали захватывать угольные месторождения, открытые русскими исследователями.

Активизация действий японцев на юге Сахалина встревожила русские власти. Военный губернатор Приморской области Фуругельм, посетив Анива, предложил начальнику Сахалинского отряда де Прерадовичу принять меры к ограждению русских интересов. Генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков направил А. М. Горчакову план мероприятий по укреплению русских позиций на острове. Записка М. С. Корсакова побудила А. М. Горчакова направить Александру II предложение использовать обусловленные соглашением 1867 г. права русских на заселение южной части Сахалина. Он обращал внимание царя на намерение японцев активизировать свою колонизаторскую деятельность на Сахалине, и не без влияния иностранных держав. Записка царю была отправлена 7 ноября 1868 г. Не дожидаясь ее рассмотрения, 11 ноября А. М. Горчаков обратился к управляющему морским министерством Н. К. Краббе с предложением отправить на Тихий океан военные суда для перевозки на Сахалин переселенцев⁸ и продовольствия. «Если мы не поспешим принять соответствующие меры,— предупреждал он,— то при решительных и настойчивых действиях со стороны японского правительства весьма легко может случиться, что мы не только потеряем навсегда южную часть Сахалина, но постепенно будем вытеснены из острова и, таким образом, лишимся надежной опоры для наших действий в водах Тихого океана и подвергнем опасности весь прибрежный Амурский край, для которого Сахалин с самого начала был признан необходимым оплотом» [32, д. 1, л. 205—206].

17 декабря 1868 г. М. С. Корсаков направил непосредственно Александру II записку «Об устройстве Амурского края». Он предлагал усилить русский флот на Тихом океане для защиты русских дальневосточных владений и интересов России в Китае и Японии, увеличить численность Сахалинского отряда, учредить на Сахалине военное управление, официально разрешить частным лицам разработку угольных копей и других минеральных месторождений, увеличить численность русского населения хотя бы за счет ссыльных каторжан (см. [282, с. 261]). В апреле 1869 г. его предложения были одобрены Особым совещанием по делам Приамурского края. Морскому министерству было рекомендовано отправить на Дальний Восток четыре военных суд-

на и построить для Сахалинского отряда одну шхуну. Сахалинский отряд было решено увеличить до батальонного состава, а также отправить на Сахалин 800 ссыльных каторжан.

Комиссия генерала Сколкова, командированная летом 1869 г. в Приамурский край и на Сахалин, отметила весьма безрадостную картину деятельности царской администрации на острове. Разработка угольных копей развита слабо, планомерные геологические исследования не проводятся, нет точных сведений о минеральных ресурсах острова, методы эксплуатации рудников — хищнические, труд каторжан малопроизводителен, склады для хранения угля отсутствуют (происходят большие потери угля при погрузке на суда), сбыт угля в портах Тихого океана не налажен. Опасаясь, что частные предприниматели составят конкуренцию казенным угледобывающим организациям, местные власти тормозят выдачу им разрешений на аренду копей или «ставят им такие условия, которые делают угледобычу маловыгодным делом». Бюрократические проволочки затрудняют организацию сбыта угля, хотя и Сибирская флотилия, и Тихоокеанская эскадра нуждаются в дешевом угле. Комиссия также отметила активность иностранных компаний, стремившихся проникнуть на Сахалин. Они не жалеют средств и под вывесками русских фирм смогли обосноваться в ряде районов острова.

3 февраля 1869 г. А. М. Горчаков обращал внимание Н. К. Краббе на неоднократные просьбы американцев разрешить разработку угля на Сахалине. В этих пожеланиях он усматривал не только экономические, но и политические цели. По его мнению, происки иностранцев можно устранить только при условии развития угольной промышленности «русскими средствами», не останавливаясь перед дополнительными государственными вложениями и привлечением частного капитала. М. С. Корсаков же считал, что над островом нависла прямая угроза захвата его иностранцами. В апреле 1869 г. он предложил правительству запретить здесь деятельность американцев и англичан и серьезно взяться за эксплуатацию сахалинских копей государственными средствами или использовать капитал русских промышленников.

Всяческие помехи освоению южной части Сахалина русскими чинили японские власти. Японский чиновник Окамото Кэнсукэ, назначенный «ответственным за развитие Сахалина» (см. [402а, с. 60]), в июне 1869 г. заявил начальнику Сахалинского отряда де Прерадовичу, что правительство императора не признает соглашения 1867 г., заключенного сёгунатом, и считает его незаконным. Де Прерадович справедливо заметил, что согласно международному праву смена правительства не означает автоматической нулификации международных обязательств.

Со стороны русского правительства были приняты меры к укреплению военных постов и строительству новых. В июле 1869 г. в селении Аккатувари был заложен новый пост Корса-

кова. В августе того же года вблизи селения Тарайка, у устья р. Нева, впадающей в залив Терпения, был основан пост Тихмелева. Весной 1870 г. был заложен пост в Маукэ (гарнизон составлял роту солдат). Всего на юге Сахалина было расквартировано до батальона солдат со штабом на Муравьевском посту.

Японские власти также стали принимать меры к освоению южной части Сахалина. В августе 1869 г. было создано Колонизационное бюро. Уполномоченными на Сахалине были назначены Окамото Кэнсукэ и Маруяма Танимото — основатели общества «Хокумонся» («Общество северных ворот»). Оба чиновника придерживались антирусских взглядов (см. [324, с. 50—52, 65]) и угрожали России вмешательством иностранных держав.

Интриги западных держав

Развитие пароходного движения на Тихом океане резко повысило заинтересованность морских держав в каменном угле. В августе 1866 г. командующий русской Тихоокеанской эскадрой Керн сообщал управляющему морским министерством Н. К. Краббе: «В портах Тихого океана только что не дерутся за уголь, так его мало...» (цит. по [282, с. 262]). Он предупредил, что, в случае разрыва с Англией, первое, что она предпримет, это захватит район Дуэ, «чтобы забрать уголь». Огромный интерес к сахалинскому углю проявляли и американцы, о чем говорилось выше. Одну из возможностей своего проникновения на юг Сахалина англичане и американцы видели в поощрении японской колонизации Хоккайдо и Сахалина. Находившееся в полузависимом положении японское правительство казалось им вполне подходящим партнером в обеспечении их позиций в этом районе. Японские купцы ежегодно фрахтовали иностранные суда для перевозки рыбы с Сахалина на Хоккайдо. В 1868 г. два английских парусных судна долгое время находились у побережья Сахалина — одно в заливе Терпения против селения Сиска, другое у селения Уссуро на берегу Татарского пролива. Команды судов помогали японцам и следили за деятельностью русских. В августе 1868 г. пароход английского купца Блэкстоуна доставил в залив Анива 150 японцев.

27 августа английский посланник Г. Паркс на военном судне «Раттлер» отправил на Хоккайдо двух своих сотрудников. В то же время остров посетил французский корвет «Дуплекс». Это было не что иное, как враждебная демонстрация против России. Английские и французские газеты, издававшиеся в Японии («Джапан уикли мэйл», «Джапан газет», «Л'Эко дю Жапон»), изображали эти действия как меры, направленные против готовящегося вторжения русских на «главный японский остров Хонсю». Они же муссировали слухи о высадке русских десантов на юге Сахалина и Хоккайдо.

Через год, в октябре 1869 г., английское судно «Корморант»

бросило якорь у Муравьевского поста. Капитан судна Денисон и его офицеры под видом охоты и приобретения провизии произвели рекогносцировку окрестностей поста и бухты Буссе. Особый интерес они проявили к местонахождению угольных залежей. По сведениям управляющего русским консульством в Хакодате Трахтенберга, Денисон имел тайное поручение собрать разведывательные данные о Сахалине и Курильских островах. В беседе с де Прерадовичем он не скрывал своего намерения посетить о-ва Уруп, Симушир и Броутон. (В период Крымской войны Денисон участвовал в операциях англо-французской эскадры на Дальнем Востоке.)

В беседе с прусским представителем фон Брандтом Г. Парк оправдывал эти недружественные и демонстративные действия англичан желанием проверить слухи о высадке в Анива крупного русского десанта и подготовке к переброске его на Хоккайдо.

Вслед за тем несколько английских судов привезли на Хоккайдо (Нэмуру, Исикари, Соя) и на юг Сахалина (Анива) сотни японских колонистов и солдат, снабдили их запасами продовольствия и оружием.

Не менее активно действовали и американцы. В том же октябре 1869 г. американское купеческое судно «Янцзы» доставило на юг Сахалина, в Кусун-Котан, 350 японских солдат, 150 колонистов, оружие и продовольствие. В течение двух недель американцы исследовали окрестности, особо интересуясь угольными залежами и состоянием русских укреплений. Капитан судна заявил, что весной следующего года намерен вернуться с новой партией японцев численностью в 600—800 человек (см. [32, д. 1, л. 72, 75, 77—78, 85—87, 90—97]).

Взбудораженные непрерывными подстрекательскими действиями иностранцев и лживыми слухами о готовящемся «нападении» России, японцы начали активно колонизовать северный и северо-восточные районы Хоккайдо и принимать меры к строительству там оборонительных сооружений. А в то же время английский посланник в России А. Бьюкенен в беседах с директором Азиатского департамента П. Н. Стремоуховым убедил своего собеседника в том, что Паркс-де старается доказать японскому правительству, что Россия питает мирные намерения в отношении своих соседей. Он не преминул рассказать о попытках США навязать Японии свое посредничество при переговорах с Россией.

П. Н. Стремоухов дал указание Е. К. Бюцову (назначенному в 1869 г. поверенным в делах в Китае), которому было поручено вместе с новым военным губернатором Приморья А. Е. Кроуном вести переговоры с японцами о Сахалине, отклонить посредничество США и внушить японским властям, что вопросы, касающиеся двух соседних держав, должны решаться без вмешательства третьих сторон (см. [32, д. 1, л. 137—145]). В инструкции министерства иностранных дел, утвержденной Александром II в июне 1870 г., Е. К. Бюцову предписывалось

убедить японское министерство иностранных дел отправить своих уполномоченных в Николаевск-на-Амуре или Владивосток, с тем чтобы окончательно решить вопрос о Сахалине (на основе установления границы по проливу Лаперуза, в обмен на о-в Уруп с прилегающими островками и при условии сохранения за японцами используемых ими рыболовных промыслов).

Заверения А. Бьюкенена о доброжелательном отношении Англии к России и о поддержке ее в Японии Г. Парксом не соответствовали действительности. Напротив, английский посланник Г. Паркс убеждал японцев в том, что Россия будто бы угрожает Китаю, Корее и Японии. Единственная надежда Японии — это помощь Англии. Англия преуспела в Японии. Английские промышленники проникали в японскую экономику; английские советники находились почти во всех ведомствах Японии и при наиболее влиятельных административных и государственных чиновниках. Они вмешивались во внутривластную борьбу различных группировок правящего помещичье-буржуазного блока, помогая все новых уступок и добиваясь расширения своего влияния. Англичане стремились получить в аренду о-в Цусима, залив Анива (юг Сахалина) и центр Хоккайдо — Хакодате. Они также желали бы добиться исключительных прав на обследование японского побережья. В более далекой перспективе английская дипломатия рассчитывала создать в портах Японии свои военные базы, установив контроль над проливами, ведущими в Тихий океан.

Франция, соперничая с англичанами в борьбе за влияние в Японии, в отношении России занимала аналогичную позицию. Но влияние Франции после революции Мэйдзи значительно упало. Французская дипломатия, не сумев оценить реальное соотношение классовых сил в период междоусобной борьбы в Японии, поддерживала сёгунат.

Однако и Англия и Франция не хотели допустить усиления позиций США в Японии. Г. Паркс и французский поверенный в делах граф Монблан настойчиво советовали японцам в переговорах с Россией по вопросу о Сахалине прибегнуть к посредничеству своих правительств. Они утверждали, что американский посланник де Лонг, еще в марте 1870 г. давший обещание добиться посредничества президента У. Гранта (см. [306, т. 1, с. 183; 324, с. 52—55, 57, 61—64]), будет защищать русские интересы. В августе 1870 г. де Лонг, ссылаясь на ст. 2 японо-американского договора 1858 г., предложил японскому министерству иностранных дел послать специальную миссию в США для того, чтобы обеспечить посредничество американского правительства в будущих переговорах с Россией. Американский дипломат дал понять японским министрам, что за поддержку США Япония должна будет расплачиваться открытием для иностранцев «Хоккайдо, Сахалина, а затем и всей территории Японии»⁹ [402а, с. 61]. Об этом довольно откровенно писала английская газета «Джапан геральд» 18 августа 1870 г. США

рассматривали Хоккайдо и Сахалин прежде всего со стратегической точки зрения, как территориальное дополнение к Аляске и Алеутам. Все вместе эти территории составили бы американское ожерелье вокруг русских владений в северо-западной части Тихого океана. Государственный секретарь США Сьюард еще в 1869 г. рекомендовал японскому правительству купить Сахалин, обещая оказать Японии всемерную помощь (см. [402а, с. 61; 364, с. 431—432]).

В октябре 1870 г. новый государственный секретарь США Г. Фиш, пришедший на смену Сьюарду, сообщил русскому посланнику в Вашингтоне, что президент намерен выступить посредником в переговорах между Японией и Россией. При этом Г. Фиш сослался на ст. 2 японо-американского договора 1858 г.

Э. Стекль решительно отклонил предложение государственного секретаря. Он заявил, что Россия принципиально возражает против чьего-либо вмешательства в ее отношения с азиатскими народами и в состоянии решать все споры самостоятельно. Русское правительство, подчеркнул посланник, не обязано признавать какие-либо права президента США выступать от имени Японии, вытекающие из двусторонних японо-американских соглашений (см. [32, д. 1, л. 161—163]). Поверенный в делах в Китае Е. К. Бюцов, посетивший в декабре 1870 г. Токио с целью подготовки переговоров о Сахалине, 12 декабря заявил вице-министрам иностранных дел Тэрадзима и Соэдзима, что обращение японского правительства к другой державе свидетельствует об ее нежелании договориться с Россией. Посредничество США будет, вне всякого сомнения, отклонено. Вопросы двусторонних отношений соседних стран должны решаться без вмешательства со стороны третьих держав. Русский дипломат отверг вновь повторенное японцами предложение установить границу по 50-й параллели или продать Сахалин Японии. Тэрадзима и Соэдзима заверили Е. К. Бюцова, что японская миссия не будет послана в США (см. [32, д. 1, л. 219, 220—225]). Это не помешало, однако, японскому министерству иностранных дел месяца спустя, 10 января 1871 г., сообщить американскому посланнику де Лонгу о назначении Мори Сёбэн главой специальной миссии в США [324, с. 57]. В эти же дни, 28 декабря 1870 г., японское министерство иностранных дел уведомило А. М. Горчакова о своем намерении возобновить непосредственные переговоры с Россией. В сообщении называлась дата направления японских уполномоченных в залив Посыета — май или июнь 1871 г.

Япония продолжала маневрировать, надеясь на осложнение международного положения России. Как раз осенью 1870 г. русская дипломатия осуществила важную дипломатическую акцию. Поражение Франции в войне с Пруссией и крушение Второй империи Наполеона III создали благоприятную обстановку для ревизии Парижского договора 1856 г. 31 октября 1870 г. министр иностранных дел А. М. Горчаков разослал русским дипломатическим представителям в Англии, Франции, Австро-

Венгрии, Италии и Турции, подписавшим Парижский договор, циркулярное письмо, в котором говорилось, что Россия не считает себя связанной постановлениями, ограничивающими ее суверенные права на Черном море. Турецкому султану русское правительство заявило об аннулировании дополнительной конвенции, определявшей количество и размеры военных судов, которые обе прибрежные державы должны содержать в Черном море. В дополнительных депешах Англии и Турции русское правительство заявляло, что отмена ограничительных статей Парижского трактата не носит враждебного Турции характера.

Большинство великих держав отнеслось неодобрительно к этому шагу России. Англия и Пруссия предложили созвать конференцию по вопросу о пересмотре Парижского договора. Россия заявила о готовности принять участие в любых совещаниях, имеющих целью пересмотр Парижского трактата, но при обязательном условии предварительного согласия на отмену тех его статей, которые ограничивали суверенитет России на Черном море.

Конференция открылась в Лондоне 17 января 1871 г. 13 марта 1871 г. была подписана Лондонская конвенция, подтверждавшая принцип закрытия проливов для иностранных военных судов и отменявшая решения Парижского трактата о нейтрализации Черного моря и ограничении русских военных судов. Суверенные права России на Черном море были восстановлены.

Кроме того, на поведение японской дипломатии оказывали влияние и разногласия внутри правящего лагеря. Военная партия, которую возглавляли Сайго Такаори, Это Симпэй, Симадзу Хисамицу и другие, поддерживала тех деятелей из Колонизационного бюро (Окамото Кэнсукэ, Маруяма Танимото и др.), которые извлекали большие доходы из своей деятельности на острове и были связаны с владельцами рыболовных промыслов деловыми узами. Они настаивали на посылке на Сахалин воинских частей. Однако глава правительства Сандзэ Санэтоми и его заместитель Ивакура Томоми, более трезво оценивавшие международное и внутреннее положение Японии, высказывались за более осторожную политику. Ивакура Томоми считал, что в отношении России «следует ждать, пока не будут накоплены реальные силы» (цит. по [306, т. 1, с. 184]). Вице-президент Колонизационного бюро Курода Киэтаки также рекомендовал правительству выступить против России лишь после того, как Япония будет хорошо подготовлена к войне.

В сентябре—октябре 1870 г. Курода с группой чиновников посетил Анива. По возвращении в Хакодате он заявил новому русскому консулу А. Е. Оларовскому, что постарается убедить правительство в необходимости отказаться от южной части Сахалина: суровый климат, неприспособленность японцев к жизни в таких условиях, недостаток питания и массовые заболевания создают непреодолимые трудности в осуществлении колонизации острова. В письме же императору Курода высказывал про-

тивоположную точку зрения и предлагал включить остров в состав японской империи, укрепить ее северные границы, чтобы остановить «натиск северных варваров», исследовать побережье Камчатки, Сахалина, Хоккайдо и берега Татарского пролива для «выяснения удобных мест для будущих сражений с Россией». В целях привлечения на свою сторону местного населения он рекомендовал предоставить айну свободу заниматься своими промыслами, уменьшить налоги и повинности. В области внешней политики он настаивал на необходимости упрочения связей с западными державами, укрепления армии и флота. По мнению Курода, за десять лет Япония могла бы сделаться богатой и сильной страной (см. [32, д. 1, л. 270—271, 275—281]). Он призывал к экспансии против Китая, Кореи и России, отражая взгляды тех слоев самурайства, которые рассчитывали поправить свои дела на стезе военных авантур. Их вождедения разжигались дипломатами западных держав. 3 января 1871 г. русский консул в Нагасаки Филиппеус сообщал в Петербург, что известия о возможном разрыве отношений между Россией, с одной стороны, и Англией, Австрией, Турцией и Италией — с другой, поступившие в начале декабря 1870 г., вызвали оживление шовинистических и захватнических настроений среди японского чиновничества: «Некоторые японские чиновники громко стали поговаривать о том, что они вместе с англичанами отправятся на Сахалин, чтобы изгнать русских» [32, д. 19, л. 128].

Между тем японские власти убедились в провале своих планов колонизации Сахалина и бессилии помешать русским его осваивать. Управляющий русским консульством в Хакодате Трахтенберг сообщал: «Как видно, японское правительство, сознавая трудность задачи в заселении Сахалина, сопряженной с значительными издержками, несколько охладело к предпринятым им мерам колонизации». Однако французские и английские газеты постоянно публикуют «враждебного настроения статьи» о стремлениях русского правительства [32, д. 1, л. 159]. Оценку Трахтенберга подтвердило сообщение А. Е. Оларовского о беседе с губернатором Хакодате в декабре 1870 г. Последний откровенно заявил, что «правительство, сознавая трудности заселения двух островов (Хоккайдо и Сахалина.— Л. К.) зараз, решилось отложить отправку колонистов и поселенцев на Сахалин на неопределенное время» [32, д. 1, с. 210]. В январе 1871 г. губернатор Хакодате в неофициальной форме стал зондировать у А. Е. Оларовского возможность получить у России выкуп за южную часть Сахалина. В марте он заявил о намерении японских властей отправить чиновников для осмотра Урупа и прилегающих островков. Сообщая об этом, А. Е. Оларовский делал вывод, что японское правительство, по-видимому, может отказаться от своих притязаний на южную часть Сахалина, поскольку колонизация острова требует больших расходов, на которые Япония не в состоянии пойти. Бегство колонистов, не приспособившихся к суровым условиям жизни на Сахалине, свидетельст-

говало о том, что «существенных выгод освоение острова не сулит и в будущем» (см. [32, д. 1, л. 226, 238, 240—241, 265]).

Естественно, что русское правительство отказалось рассматривать японское предложение о покупке принадлежащей России территории. В мае 1871 г. Особое совещание по делам Приамурского края приняло решение отложить переговоры о Сахалине до прибытия в Токио Е. К. Бюцова, назначенного поверенным в делах в Японии. Он должен был прибыть в Токио в начале 1872 г.

Убедившись в провале своих планов колонизации южной части Сахалина, японское правительство стало принимать меры к активному освоению Хоккайдо. Осенью 1871 г. была создана комиссия из американских советников во главе с генералом Кепроном для исследования и разработки естественных ресурсов острова. Ей же было поручено разработать план укрепления северного побережья по проливу Лаперуза. Однако вскоре от этого проекта отказались. А. Е. Оларовский сообщал, что «правительство микадо, по-видимому, не придает большого значения слухам о завоевательных замыслах России против Японии» (цит. по [282, с. 274]).

Между тем влияние русских на Сахалине росло. Создавались новые посты и селения. В 1872 г. русские имели на Сахалине 15 военных постов: Дуэйский, Кусунайский, Корсаковский, Сертунайский, Мануйский, Тихменевский, Муравьевский, Чепи-саньский, Малковский, Очехпокский, Отехкоровский, Фирсовский, Такойский, Маукэ, Найбучинский. На острове проживало 6500 жителей, из них русских 1900 человек, айну 2370, несколько сот гиляков и ороченов, более 100 якутов и алеутов. Японцев насчитывалось 278 человек (см. [128, с. 51—75, 121, 125]). Русские власти освободили местных жителей от повинностей, определенных для них японскими властями, обеспечили их заработками, снабжали продовольствием. Но царское правительство не проявляло большого рвения к развитию торговли, промышленности и сельского хозяйства на острове, отпуская для этого недостаточно средств. В целях сохранения государственной монополии царские чиновники тормозили привлечение частного капитала к развитию экономики острова; не принимались сколько-нибудь энергичные меры по переселению крестьян. Царские власти фактически превратили остров в центральную ссыльно-каторжную тюрьму.

Русско-японские переговоры в Токио (1872—1873)

Для России Сахалин приобретал все большее значение как оборонительный рубеж Восточной Сибири и как бастион, обеспечивающий выход в океан. Совместное с Японией владение островом порождало конфликты, что предоставляло возможность соперникам России на Дальнем Востоке играть на русско-японских разногласиях, обострять международное положение.

ние около тихоокеанских рубежей России. В связи с тем что обстановка на Ближнем Востоке, в Средней Азии и в Западной Европе все более осложнялась, царская дипломатия стремилась развязать себе руки на Дальнем Востоке путем быстрее урегулирования территориальных споров с Японией. Ради достижения этой цели, как указывалось выше, русское правительство было готово пойти даже на серьезные уступки. 19 января 1871 г. министерство иностранных дел России утвердило инструкции Е. К. Бюцову, назначенному поверенным в делах в Японии и генеральным консулом в Токио. До этого времени русское правительство не назначало своего представителя в Токио, чтобы избежать участия в совместных выступлениях договорных держав в связи с антииностранным движением и гражданской войной в Японии. Россия имела своего представителя лишь в Хакодате.

Е. К. Бюцову предоставлялись полномочия вести переговоры с японскими представителями на основе русских предложений, выдвинутых на переговорах в Петербурге в 1867 г. Ему разрешалось в крайнем случае уступить Японии часть Курильских островов к югу от четвертого пролива, который широко использовался русскими судами для выхода из Охотского моря в Тихий океан. При этом Е. К. Бюцову предписывалось добиваться обязательства японского правительства не переуступать иностранцам южную часть Курильских островов и рыболовные промыслы на Сахалине. Петербургские дипломаты рассчитывали таким путем ослабить ущерб от уступки южной группы Курильских островов. Е. К. Бюцов должен был подчеркнуть, что Россия желает поддерживать с Японией дружественные отношения и готова при некоторых обстоятельствах оказать ей поддержку; Россия не может безразлично относиться к событиям, происходящим в соседнем государстве, но она гораздо умереннее других держав в своих требованиях и не преследует корыстных целей. «Отсутствие торговых интересов дает нам возможность быть гораздо снисходительнее других держав в наших требованиях и даже оказывать поддержку японскому правительству». Это не было обычным дипломатическим лицемерием. Инструкция была секретной, определявшей действительные цели и методы осуществления политической линии. И в этой инструкции Е. К. Бюцову предписывалось «избегать и тени вмешательства во внутренние дела Японии». Ему даже предоставлялись полномочия пойти на переговоры о пересмотре положений трактата 1858 г., в случае, если японцы выдвинули бы такое требование (см. [32, д. 1, л. 5—9]).

В конце июня 1872 г. Е. К. Бюцов начал переговоры с новым министром иностранных дел Создзима Танэоми относительно пограничного размежевания. Японский министр явно по подсылке американцев (Сюард давал такую рекомендацию еще в 1869 г.) выдвинул ранее отвергнутое Россией предложение о покупке Сахалина за 2 млн. иен, обещая также оплатить рас-

ходы по эвакуации русского населения [402а, с. 61]. Он заявил, что «уступка» России южной части Сахалина будет истолкована японским народом и другими державами как признание бессилия японского правительства. Предлагаемая же компенсация в виде о-а Уруп и прилегающих островков недостаточна. Министр рассчитывал таким путем добиться новых уступок со стороны России.

Е. К. Бюцов ответил, что Россия отказывается продать или разграничить остров, имеющий важное значение для обороны русских владений, но обязуется сохранить за японцами рыболовные промыслы. Проведение границы по проливу Лаперуза, подчеркнул русский представитель, ликвидирует всякие причины для русско-японских конфликтов. К тому же Россия сумеет обеспечить защиту острова от покушений иностранных держав, что соответствует интересам как России, так и Японии.

Соедзима Танэоми упорно отвергал предложения русского уполномоченного, добиваясь дальнейших уступок. В беседах с Е. К. Бюцовым он неоднократно заявлял, что Япония рассчитывает на благожелательную позицию России в случае войны с Кореей¹⁰ или организации японской экспедиции на Тайвань, где местными жителями были убиты рыбаки с о-ва Рюкю [327, с. 1211]. Соедзима не скрывал, что Япония стремится опередить Англию в захвате Тайваня.

Е. К. Бюцов отказался дать Японии такие обязательства: Корея непосредственно граничит с русской территорией и Россия не хочет портить отношения с Кореей и Китаем.

В середине февраля 1873 г. Соедзима объявил Е. К. Бюцову, что японское правительство не может отказаться от южной части Сахалина, который нужен ему для ссылки преступников. Предлагаемая же Россией уступка Японии о-ва Уруп является слишком малой компенсацией. Остров недостаточен для японской колонизации. Переговоры зашли в тупик. Немалую роль в этом сыграли американцы. Еще до начала переговоров, 10 января 1872 г., влиятельная американская газета «Нью-Йорк геральд» выражала надежду на то, что сотрудничество США и Японии уменьшит влияние России в Восточной Азии. Газета заявляла о целесообразности передать русско-японский спор по вопросу о Сахалине на международный арбитраж.

В сентябре 1873 г. русский представитель в Вашингтоне Оффенберг сообщал в Петербург об антирусской кампании в США. Газета «Нью-Йорк трибюн» поместила корреспонденцию из Вашингтона, в которой сообщалось, что государственный департамент проявляет интерес к русско-японским разногласиям, ибо ст. 2 японо-американского договора 1858 г. налагает на президента США обязательство оказывать дружеское посредничество в ликвидации всех осложнений, которые могут возникнуть между Японией и какой-нибудь европейской державой [32, д. 1, л. 310—311].

Переговоры возобновились лишь в августе 1873 г. Соедзима

заявил Е. К. Бюцову, что Япония готова купить Сахалин или отказаться от претензий на южную часть острова взамен обязательства России соблюдать нейтралитет в случае войны Японии с Кореей. И тут же выдвинул просьбу, противоречащую принципу нейтралитета: разрешить высадку японских войск на русской территории для вторжения в Корею. Русский представитель отверг все эти предложения.

В Петербурге позиция Е. К. Бюцова была одобрена. Ему было дано указание обратить внимание японского правительства на провокационный характер его предложений, так как пропуск японских войск через русскую территорию даст повод предполагать наличие секретного русско-японского соглашения, враждебного Китаю и интересам западных держав, что вызвало бы политические осложнения (невыгодные и японцам).

Японский министр был раздражен твердой позицией русского уполномоченного и сообщил о новой отсрочке переговоров, ссылаясь на необходимость ждать возвращения японских чиновников, направленных на Сахалин якобы для расследования причин конфликтов (см. [32, д. 1, л. 32—33]). В действительности же, затягивая переговоры, японское правительство рассчитывало добиться максимальных уступок от России (при поддержке западных держав). Представители Англии, Франции и США, стремясь не допустить нормализации русско-японских отношений и возможного русско-японского сближения, разжигали вождения японцев в отношении Сахалина. Французский поверенный в делах Ж. Жорес сообщил Соэдзима Танэоми слухи о том, что в Петербурге будто бы имеются сторонники передачи Сахалина Японии в целях упрочения русско-японских отношений. Американский посланник Д. А. Бингэм уверял японских дипломатов, что Россия не ограничится южной частью Сахалина и попытается захватить Хоккайдо. Распоясавшийся американский посланник, как сообщал А. Е. Оларовский, на конференции иностранных представителей в присутствии консула стал уверять японского министра иностранных дел Тэрадзима в «завоевательных видах (России.—Л. К.) на счет Японии». А. Е. Оларовский осадил американца, заметив «всю неприличность его выходки». Бингэму ничего не оставалось, как заявить, что это была шутка (цит. по [282, с. 279]).

Японские историки Нумада Итиро (см. [324, с. 67—69]), Киёдзава Киёси (см. [306, т. 1, с. 183, 188]), Ота Сабуро (см. [329, с. 151—154, 167—176]), американцы Бертон (см. [296, с. 51—54]), Стефан (см. [402а, с. 60—61]) и другие признают влияние западных капиталистических держав на позицию Японии в вопросе о Сахалине. Между тем становился все более очевидным провал японской колонизационной деятельности на острове. Офицюз японского правительства «Нити-нити симбун» в июле 1874 г., опубликовал сообщение о том, что около 300 переселенцев было перевезено с Сахалина в Японию после того, как они пробыли там в течение шести лет [426, д. 130, л. 48].

3 декабря 1874 г. та же газета писала, что «Сахалин для японцев бесполезен: климат Сахалина препятствует японцам жить там; обработка земли, занятие горными промыслами могли бы быть полезны, но японцы там жить не желают, и в Японии суть лучшие места, чем холодные места Сахалина, для обработки естественных произведений». Газета признавала, что «Сахалин представляет скорее русское владение, чем японское, и иностранные государства того мнения, что Сахалин принадлежит России» [426, д. 135, л. 30]. Подводя итоги колонизационной деятельности Японии на Сахалине, газета 20 января 1875 г. писала, что со времени установления совместного владения «обе стороны беспрестанно употребляли все усилия, чтобы заселить остров, но японское правительство хотя и приказало князьям Осю и Дэва заселить остров, но по бедности не в состоянии было достигнуть цели. С наступлением правления микадо дело шло также безуспешно, хотя и был учрежден самостоятельный переселенческий департамент. Русские между тем заселили остров и обосновались южнее 50° с. ш., и теперь уже с ними соперничать невозможно» [426, д. 135, л. 30].

Однако все еще рассчитывая на поддержку США, Англии, Франции в вопросе о Сахалине, японское правительство продолжало занимать неуступчивую позицию. Правящие круги Японии опасались идти на какие-либо уступки России. И без того в конце 1873 г. начались выступления реакционного самурайства, требовавшего осуществления захватов на материке и близлежащих территориях, что дало бы ему возможность получить источники доходов и восстановить свои привилегии.

В результате острой борьбы в правительстве возобладали сторонники более гибкой и осторожной внешней политики¹¹.

Члены кабинета — Ито Хиробуми, Кидо Такаёси, Окубо Тосимити и Тэрадзима Мунэнори — высказывались против военных выступлений в Корее, ссылаясь на военную и экономическую слабость Японии, неустойчивость внутривластической обстановки в стране и отсутствие внешней поддержки. Отказ России пропустить японские войска через свою территорию или даже объявить нейтралитет осложнял и военную сторону задуманной авантюры. Они предлагали использовать пока дипломатические средства, опираясь на поддержку США и Англии. Оказавшись в меньшинстве, лидеры военной группировки в октябре 1873 г. ушли в отставку. Министром иностранных дел был назначен Тэрадзима Мунэнори, рассчитывавший осуществлять экспансионистские планы, используя противоречия между США, Англией и Россией в борьбе за влияние на Дальнем Востоке.

Петербургский договор 1875 г.

В январе 1874 г. новым поверенным в делах в Японии был назначен К. В. Струве. Ему были даны полномочия возобновить в Токио переговоры о Сахалине и разрешить эту проблему.

В инструкции, данной ему министерством иностранных дел, указывалось еще раз, что разграничение острова не избавит Россию от конфликтов с японцами. «Поэтому единственный исход дела, который Вы должны постоянно иметь в виду — уступка нам всего острова, географическое положение которого делает обладание им вопросом первостепенной важности для будущего развития Восточно-Сибирского побережья» (см. [30, д. 184, л. 25]). Как и его предшественнику, инструкция предписывала избегать вмешательства во внутренние дела Японии, добиваться полного доверия японского правительства, убеждать его в том, что Россия не преследует корыстных целей, а, напротив, заинтересована в процветании соседнего государства, что будет содействовать экономическому развитию русского Дальнего Востока.

В феврале 1874 г. чрезвычайным и полномочным посланником в России был назначен Эномото Такэаки¹², которому и даны были инструкции по ведению переговоров о Сахалине. Помимо дипломатического ранга Эномото Такэаки был присвоен высший в то время в Японии чин вице-адмирала. Японское правительство поручало Эномото Такэаки добиваться «обмена» принадлежавшей России южной части Сахалина на русскую же территорию Курильских островов. Основанием к такого рода сделке, по странной логике японских дипломатов, являлось утверждение о том, что территория Курильских островов по площади равна половине Сахалина (см. [270, с. 226]).

Переговоры начались в Петербурге в начале июня 1874 г. и длились почти год в условиях обострившейся международной обстановки. В Западной Европе, на Балканах и на Ближнем Востоке возникла угроза военных конфликтов. Они задевали непосредственные интересы России.

В сентябре 1873 г. германские оккупационные войска покинули французскую территорию. Франция получила возможность проявить большую независимость в своей внешней политике.

Германия не хотела, чтобы Франция воссоздала свои вооруженные силы и готовилась к реваншу. Германский канцлер Бисмарк в 1874—1875 гг. был готов прибегнуть к войне. Россия не была готова к войне, но не хотела допустить разгрома Франции и чрезмерного усиления Германии в Европе.

В 1875 г. обострилась другая важная проблема русской политики — ближневосточный вопрос. Летом 1875 г. сначала в Герцеговине, а затем и в Боснии — славянских областях Османской империи — произошли восстания христианского населения против гнета султанской Турции. Повстанцы, в большинстве крестьяне, боролись против феодального и национально-религиозного гнета. Русское правительство покровительствовало национальному движению южных славян, усматривая в нем союзника против Османской империи и Австро-Венгрии, которые выступали в роли поработителей славянских народов на юге Европы. Ближний Восток был важен для России для ее контроля над

проливами Босфор и Дарданеллы, через которые проходил единственный путь морской торговли Юга России. Через проливы в Черное море и к русскому побережью проходили и вражеские военные корабли. Во время Крымской войны Англия и Франция использовали проливы для подвоза войск и захвата Севастополя. Кроме всего прочего, русское правительство надеялось восстановить среди славянских народов свой престиж, подорванный неудачами в Крымской войне¹³.

Английское правительство стремилось добиться преобладающего влияния в Турции, чтобы еще крепче запретить Россию в Черном море. Этим ограждались бы ее имперские коммуникации через Средиземное море, а также ставились бы под ее контроль действия России при выходе из Черного моря.

В Средней Азии (в основном в Персии и Туркмении) в середине 70-х годов, особенно после прихода к власти в 1874 г. консервативного кабинета Дизраэли, Англия резко усилила свою экспансию. Английские агенты стремились мобилизовать против России все мусульманские государства и племена.

Таким образом, русско-японские переговоры начинались и проходили в сложной для России международной обстановке, когда внимание русской дипломатии было сосредоточено на решении кардинальных проблем внешней политики в Западной Европе, на Балканах, в Средней Азии.

Русскую делегацию на переговорах с Японией в Петербурге в 1874—1875 гг. возглавлял директор Азиатского департамента министерства иностранных дел П. Н. Стремоухов.

В начале переговоров Эномото заявил, что дружественный характер русско-японских отношений имеет для Японии гораздо большее значение, чем отношения с какой-либо другой страной. «Можно ожидать,— говорил он,— что с увеличением населения на побережьях Тихого океана развитие тамошней торговли и промышленности принесет значительные выгоды как для Японии, так и для России» [32, д. 9, ч. 1, л. 12]. Из этих вполне справедливых замечаний Эномото делал вывод, явно противоположный сказанному. Он старался доказать, что для урегулирования отношений с Японией Россия должна согласиться на установление границ на Сахалине по Татарскому проливу, т. е. отдать Японии южную часть Сахалина или весь остров. П. Н. Стремоухов твердо настаивал на проведении границы по проливу Лаперуза.

Тогда Эномото предложил «обмен» территории южной части Сахалина на русскую же территорию Курильских островов, назвав этот «обмен» «компенсацией» (см. [130, л. 89—91; 324, с. 72—76; 270, с. 226—229]).

Русское министерство иностранных дел фактически согласилось вести переговоры на базе японского предложения о «компенсации» за непринадлежащую японцам южную часть Сахалина. Принципиальное согласие П. Стремоухова рассматривать вопрос о «компенсации» за южную часть Сахалина ставило

японцев в более выгодное положение. Эномото достаточно умело использовал эту ошибку русских.

Под нажимом японцев 24 декабря 1874 г. П. Стремоухов заявил, что имеет инструкции добиваться проведения границы по проливу Лаперуза путем обмена южной части Сахалина на часть Курильских островов, расположенных к югу от четвертого пролива, т. е. от о-ва Уруп и далее на юг.

В ответ Эномото выдвинул два альтернативных предложения:

1. В обмен на южную часть Сахалина Россия уступает Японии о-в Уруп с прилегающими островками, а также компенсирует переход различных строений на Сахалине в руки русских путем передачи определенного числа деревянных военных судов, не нужных России в связи с постройкой паровых судов — броненосцев.

2. В обмен на южную часть Сахалина Россия передаст Японии все Курильские острова.

31 декабря П. Н. Стремоухов объявил, что русское правительство не может пойти на передачу военных судов или уступку всей Курильской гряды Японии, ибо пролив между Камчаткой и первым Курильским островом опасен для плавания, а четвертый пролив будет «неудобно использовать» после перехода его в руки японцев.

20 февраля 1875 г. Эномото вновь предложил передать Японии всю гряду Курильских островов и потребовал к тому же выплаты компенсации за японские казенные строения и движимое имущество, находящиеся на юге Сахалина. П. Стремоухов пошел на новые уступки. Он заявил о согласии уступить Курильскую гряду, кроме северных островов: Парамушира, Шумшу и Алаида (см. [32, д. 9, ч. 1, л. 17—18, 26—29, 46; 324, с. 76—79]). Японский дипломат продолжал настаивать.

Учитывая возрастающее влияние националистических агрессивных кругов в Японии, а также опасаясь вмешательства в переговоры Англии и США в условиях назревавшего военного конфликта в Европе и на Ближнем Востоке, русское правительство поспешило пойти на новые большие уступки. 10 марта П. Н. Стремоухов сообщил о согласии царского правительства передать Японии всю гряду Курильских островов за ее отказ от всяких притязаний на южную часть Сахалина. Даже по размеру уступаемая территория Курил значительно превосходила южную часть Сахалина. Кроме того, передача Курильской гряды Японии приводила к существенному ослаблению обороноспособности России на Дальнем Востоке, лишала Россию удобных выходов из Охотского моря в Тихий океан.

25 апреля был подписан трактат об «обмене» южной части Сахалина на Курильские острова. Царская дипломатия торопилась с осуществлением соглашения. «Обмен» территориями должен был состояться немедленно после обмена ратификационными грамотами. Русские и японские подданные могли вер-

нуться в свои государства или остаться на уступаемых землях. За ними сохранялось право собственности на принадлежавшее им имущество, свобода занятий промыслами и вероисповедания на одинаковых правах с местными жителями. Однако они были обязаны подчиняться законам той страны, чья юрисдикция устанавливалась. Русская сторона разрешала японским судам посещать в течение десяти лет южносахалинский порт Корсаков без уплаты торговых и таможенных пошлин. Японское правительство могло назначить туда консула. Японским купцам и рыбопромышленникам предоставлялись права наибольшего благоприятствования при торговле в портах Охотского моря и Камчатки и рыбной ловле в прилегающих водах (см. [73, с. 292—297]).

В дополнение к ст. 4 трактата была подписана декларация о компенсации за движимое и недвижимое имущество японцев на юге Сахалина.

Каковы же причины столь огромных уступок царского правительства Японии в 1874—1875 гг.? Прежде всего на настроение царских дипломатов не могла не повлиять та труднейшая для России международная обстановка середины 70-х годов XIX в., которая сложилась в Западной Европе, на Ближнем Востоке и Средней Азии, о чем говорилось выше. В те годы Александр II и его министры еще находились под впечатлением поражения в Крымской войне и «кошмара коалиции», хотя в 1871 г. несправедливые и унижительные положения Парижского договора 1856 г. были ликвидированы. Основной задачей внешней политики царизм считал восстановление и укрепление своего влияния на Ближнем Востоке и в Европе.

Царское правительство готово было идти на уступки и по другой причине. Русский флот не имел незамерзающих гаваней на Дальнем Востоке и нуждался в японских портах для ремонта и стоянки своих судов. Царские дипломаты — А. М. Горчаков, управляющий министерством иностранных дел В. И. Вестман, П. Н. Стремоухов, посланник в Токио К. В. Струве — недоценивали заинтересованность Японии в урегулировании отношений с Россией. Сказывалась недостаточная осведомленность о подлинных целях японской внешней политики, борьбе различных группировок в правящих классах Японии. В переговорах с Эномото русские представители допустили грубую дипломатическую ошибку, повлекшую за собой просчет стратегического значения.

Когда переговоры подходили к концу, т. е. в начале 1875 г., серьезное беспокойство в России вызвали действия англичан и американцев на Дальнем Востоке. В русских правящих сферах высказывались опасения потерять и Сахалин и Курильские острова в случае участия России в войне в Западной Европе или на Балканах. Россия не имела достаточных сил, чтобы отстоять свои права перед натиском иностранных государств.

Так или иначе, Петербургский договор 1875 г. был подписан 10 августа 1875 г. русский посланник К. В. Струве и министр

иностранных дел Японии Тэрадзима включили дополнительную статью о правах жителей уступаемых территорий. В тот же день состоялся обмен ратификационными грамотами. 7 сентября на Корсаковском посту был поднят русский флаг. Исторические права России на весь Сахалин были подтверждены. За недвижимое имущество, оставшееся на Сахалине, царское правительство выплатило Японии 76 641 иен 91 сену (112 754 руб. 59 коп.) (см. [402а, с. 64; 32, д. 9, ч. 2, л. 220, 234]).

В нарушение условий договора японское Колонизационное бюро пыталось заставить местных айну перебраться на Хоккайдо (японские чиновники сплавляли их, угоняли и переселяли на Хоккайдо). Удалось склонить к переселению из южной части острова 861 человека. Бóльшая же часть населения предпочла остаться на Сахалине.

Петербургские переговоры находились в центре внимания японской печати и иностранных газет, выходивших в Японии. Большинство публикуемых материалов было направлено на то, чтобы затруднить достижение соглашения. Так, 30 ноября 1874 г. газета «Джапан уикли» поместила статью, в которой говорилось об «агрессивных намерениях России» в отношении Сахалина, Курил и Хоккайдо. Автор критиковал японское правительство за заключение соглашения 1867 г. о совместном владении Сахалином и считал соглашение дипломатической ошибкой Японии. Он рекомендовал японским уполномоченным «предъявить России максимальные территориальные претензии, поскольку... Россия имеет обширные владения в Европе и Азии». Авантюристические круги самурайства, требовавшие начать агрессию против Китая и Кореи, также выступали против каких-либо уступок в сахалинском вопросе. Окамото Кэнсукэ, Набэсима Наомада и Маруяма Сакура требовали занять «жесткую линию». Окамото и Набэсима направляли деятельность по колонизации южной части Сахалина через Бюро по освоению Сахалина¹⁴ [402а, с. 62]. Газета «Хоти симбун» опубликовала статью «Протест против уступки Сахалина России». Автор статьи, перепечатанной в газете «Джапан дэйли геральд» от 23 ноября, соглашался с мнением иностранного советника — француза М. де Кашена, который подстрекал японцев к отказу от предложений русской стороны на переговорах. Иокогамская газета выдвигала предложения создать на Сахалине «независимое государство» из японских и европейских колонистов, чтобы оградить Японию от «русской агрессии». Автор статьи предлагал и наиболее подходящих колонистов; ими, по его мнению, могли бы быть шведы и датчане, которые, опять же по его мнению, могли содействовать освоению Сахалина, «дав импульс энергии японцам» (см. [32, д. 9, ч. 1, л. 24—25, 40—41]).

Более сдержанно высказывалась официальная газета «Нити-нити симбун». В декабре здесь была помещена статья, в которой высмеивались утверждения японских уполномоченных об «исторических правах» на Сахалин с легендарных времен и го-

ворилось о неизбежности отказа Японии от Сахалина. 8 января 1875 г. газета признала, что Сахалин является владением России, что японцы не в состоянии колонизовать остров и поэтому правительству следует добиваться денежной компенсации за отказ от южной части Сахалина.

Японское правительство справедливо расценило заключение Петербургского трактата как свою дипломатическую победу. Известный японский историк Киёдзава Киёси подчеркивал, что «трактат был первым договором, заключенным Японией с европейской страной в известной степени на равноправных началах; это был первый успех Японии, давший толчок к пересмотру ансэйских договоров и тарифной конвенции второго года эры Кэйю (1866 г.)» [306, т. 1, с. 187]. «Дух полного равенства» договора 1875 г. отмечал другой авторитетный японский историк, Арига Нагао [294, с. 161].

Однако не обошлось и без критики. Военная группировка в правящих кругах высказывала недовольство «либеральной политикой уступок», проводимой правительством. Договор называли несправедливым, оскорбительным и даже мошенническим (см. [346, с. 380; 329, с. 222]). Его заключением были недовольны правительства Англии и США: уменьшались возможности для использования в своих интересах русско-японских противоречий. При первых сообщениях о подписании договора английский посланник высказал надежду на то, что в Токио он не будет отвергнут. Надежды английской дипломатии не оправдались.

Таким образом, используя слабость царской России на Дальнем Востоке и на Тихом океане, учитывая ее занятость европейскими делами, а также зная о нежелании России иметь новое столкновение с Англией в Средней Азии, японское правительство добилось отторжения от России и передачи ему Курильских островов за отказ от совершенно несостоятельных претензий Японии на южную часть Сахалина. Со своей стороны, опасаясь конфликта с Японией накануне войны на Балканах и вмешательства в этот конфликт западных держав, царизм пошел на максимальные уступки Японии.

За соглашение с Японией Россия заплатила огромную цену, передав Японии гряду Курильских островов протяженностью в 1200 км. Александр II и его сановники допустили просчет исторической важности. В дальнейшем Курильские острова стали одним из плацдармов японской агрессии против России. (В период русско-японской войны японские солдаты с о-ва Шумшу высадились на Камчатке.)

Договор 1875 г. вызвал справедливую критику со стороны русской общественности (см. [421a]). Необоснованность передачи Курильских островов Японии отмечал и А. П. Чехов в книге «Остров Сахалин» (см. [139а, с. 293])¹⁵.

Глава 5

НАЧАЛО КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ ЯПОНИИ И ЕЕ ОТНОШЕНИЯ С РОССИЕЙ

Основные направления политики России на Дальнем Востоке в 80—90-е годы XIX в.

Развитие капитализма в России продолжалось в условиях самодержавно-помещичьего строя. Власть царя и помещиков не могли поколебать разрозненные крестьянские выступления и движение революционно-демократической интеллигенции. Рост внутреннего рынка задерживался сохранением помещичьего землевладения, отработочной системой и докапиталистическими формами промышленного развития. Вследствие этого отсталая промышленность России по-прежнему не могла конкурировать с товарами передовых в промышленном развитии западноевропейских стран.

Для русских помещиков и буржуазии все более увеличивалось значение освоения окраин страны и открытие новых рынков на Востоке. В. И. Ленин подчеркивал значение этих двух сторон для развития русского капитализма в своем труде «Развитие капитализма в России». Он писал: «Развитие капитализма вглубь, т. е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории,— и развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории» [7а, с. 595].

Русский капитализм стремился к захватам на Востоке, экономическому проникновению в соседние страны и освоению приобретенных земель. В экспансии на Восток были заинтересованы не только капиталисты, но и помещики. И после реформы 1861 г. помещики оставались «политически главенствующим классом» [13, с. 423]. Они извлекали выгоду из внешней политики царизма, если его акции завершались определенным успехом. Выходцы из помещичьей среды получали крупные чиновничьи и военные должности на окраинах империи. Экспансия на Дальнем Востоке открывала широкие возможности обогащения и для капиталистов, и для помещиков посредством участия в различных спекулятивных предприятиях, пароходных обществах, торговых объединениях и т. п. Развитие капитализма вширь за-

держивало обострение классовых противоречий в центральной России и позволяло царизму временно сохранять свои позиции в стране. «Если бы русскому капитализму некуда было расширяться за пределы территории, занятой уже в начале пореформенного периода, то это противоречие между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни (прикрепление крестьян к земле и пр.) должно было бы быстро привести к полной отмене этих учреждений, к полному расчищению пути для земледельческого капитализма в России. Но возможность искать и находить рынок в колонизируемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение» [7а, с. 596]. Экспансия русского царизма в Азии вовлекала в орбиту капиталистического развития громадные районы Азии. Вовлечение в сферу влияния русского капитализма ряда азиатских областей связывало судьбы населения этих областей с русским народом и его революционной освободительной борьбой за ликвидацию царизма.

Завершение территориального расширения России в Средней Азии в первой половине 80-х годов привело к резкому обострению русско-английских противоречий. Обе страны находились на грани войны. Русские границы подошли к Афганистану, которому Англия уже навязала свой протекторат, но царизм опередил Англию в Туркмении, сорвал планы использования Ирана против России. Иран придерживался благожелательного нейтралитета во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и во время завоевания Туркмении. В 1881 г. была подписана русско-иранская конвенция о разграничении.

Борьба за Среднюю Азию отвлекала силы царизма от Дальнего Востока. Надежды на развитие торговли по Амуру долгое время не оправдывались. Русская буржуазия была этим разочарована. Ее капиталы устремлялись к более близким среднеазиатским рынкам. Освоение Дальнего Востока требовало больших капиталов для постройки железных дорог на Востоке, соединения их с дорогами в европейской части России, где строительство было еще далеко не завершено. Связи русского рынка с западноевропейским, стремление капиталистов и помещиков укрепить свои позиции на Балканах, сохранить влияние в Западной Европе задерживали постройку железных дорог на Востоке. В интересах помещиков железные дороги строили с расчетом обеспечить связь южных хлебородных областей России с центральной ее частью и балтийскими и южными портами. Общеполитические и военно-стратегические соображения царского правительства также требовали отдать приоритет строительству железных дорог в направлении западных границ.

В конце 70-х и начале 80-х годов резко усилился интерес русских капиталистов и помещиков к постройке Сибирской железной дороги и дальневосточным рынкам. Русское купечество, Общество для содействия русской промышленности и торговли,

русская буржуазная пресса заявляли о «неотложности» развития торговли с Китаем, Монголией и на Тихом океане, били тревогу по поводу экономической слабости России на Дальнем Востоке. Слабость позиций России на Тихом океане и на Дальнем Востоке понимало и царское правительство. Угрозы столкновения с Англией, ее агрессивная политика и стремление использовать против России Китай и Японию заставляли царских министров высказываться за скорейшую постройку Сибирской дороги и заселение дальневосточных окраин.

Беспокоила Россию и позиция американцев: в записке Шуфельдта, представленной конгрессу США, Россия квалифицировалась как основной соперник американцев на Тихом океане (см. [238, с. 354—355]).

В 1885 г. было принято решение о строительстве Сибирской дороги через Самару и Уфу. Но правительство не располагало необходимыми средствами для осуществления строительства, которое началось лишь в начале 90-х годов. Подстрекаемые англичанами, китайские милитаристы выдвигали территориальные притязания к России. Китайский генерал У Ченцай в 1882 г. выдвинул претензии на южную часть залива Посъет под предлогом «уточнения границы». Китайцы сосредоточивали войска недалеко от этого района; цинское правительство рассчитывало использовать русско-английские противоречия в целях захвата залива Посъет. Россия оказалась бы отрезанной от Кореи. С большим трудом удалось избежать вооруженного столкновения. Хунчунский протокол 1885 г. подтвердил прежние границы. Однако в России сохранилось недоверие к политике цинского правительства ввиду зависимости китайской феодальной верхушки от враждебного России влияния Англии и других западных стран.

Русское правительство стало принимать меры к заселению Южно-Уссурийского края. В 1882 г. было разрешено перевозить переселенцев морским путем и с 1883 по 1886 г. доставлять ежегодно на Дальний Восток по 250 семей за казенный счет. За 1884—1885 гг. на Дальний Восток было переселено 4700 человек за казенный счет и 1095 человек «своекоштно». В Южно-Уссурийском крае в начале 80-х годов насчитывалось 8652 русских подданных. Все население Приамурского края вместе с Забайкальским в 1885 г. составляло 682 тыс. человек (см. [238; 350]).

В 1878 и 1880 гг. было принято решение об усилении береговой артиллерии и сухопутных войск на Дальнем Востоке. Но на осуществление этих мер снова не оказалось средств. В 1883 г. численность русских войск на тихоокеанском побережье вновь была сокращена. Если в 1882 г. в Восточно-Сибирском военном округе численность солдат и офицеров достигала около 20 тыс., то в 1883 г. военный контингент был сокращен до 16 тыс. солдат и офицеров (см. [238, с. 357—358]). Некоторое увеличение численности войск по настоянию командования Приамурского во-

енного округа было осуществлено лишь в начале 90-х годов. На 1 января 1891 г. на Дальнем Востоке было 24,2 тыс. солдат и офицеров. В 1894 г. численность вооруженных сил достигла 32 тыс. человек. По мнению командующего войсками округа барона Корфа, лишь 60% этих войск представляли собой активно действующую армию. Они должны были защищать 5 тыс. верст границы и морского побережья. У китайцев только в пограничных районах насчитывалось около 45 тыс. регулярных войск и 80 тыс. необученных. Военное министерство и главный штаб ошибочно считали Китай возможным противником России, преувеличивая влияние Англии в Пекине, но совершенно пренебрегали фактом усиления Японии, не проявляя интереса к японской армии и флоту (см. [238, с. 529]).

Недостаток средств не позволял царскому правительству построить мощный флот на Тихом океане и держать его там для обороны своих владений. Особое внимание уделялось строительству Черноморского флота. Особое совещание по амурским делам, созванное в 1883 г. в связи с обострением международной обстановки на Дальнем Востоке, сформулировало основные цели русской политики в этом регионе. Дальневосточные окраины, по мнению участников совещания (министров иностранных дел, финансов, военного и управляющего морским министерством), призваны укреплять положение России на Тихом океане, а также дать ей дополнительную возможность оказывать влияние на положение в Европе и на Ближнем Востоке посредством крейсерских операций против британского флота в случае войны с Англией. Экономическое развитие региона рассматривалось как дело будущего, которое наступит лишь с увеличением населения Сибири, ее хозяйственным ростом и расширением ее торговли с прибрежными странами на Тихом океане (см. [69, с. 217—219]).

Экономическое отставание России от развитых капиталистических стран, слабость финансовых ресурсов и вооруженных сил на Дальнем Востоке, отдаленность тихоокеанского побережья от центра и трудность сообщения приводили к тому, что Россия на Дальнем Востоке отставала от Англии, Франции, США в борьбе за раздел мира. В 80-х и начале 90-х годов царское правительство не стремилось к немедленным территориальным и политическим переменам в Восточной Азии. Русские правящие круги считали предпочтительным сохранение статус-кво, опасаясь, что новые конфликты и территориальные изменения ее соперники используют для захватов вблизи русского побережья, что ослабит военно-стратегические позиции России на Тихом океане. В инструкции посланнику в Китае С. И. Попову в июле 1883 г. указывалось на желательность «продления настоящего положения вещей в видах устранения поводов к вмешательству иностранных держав в дела азиатских соседей наших» [40, 1883, д. 1, л. 69].

Этими же мотивами была проникнута инструкция русскому

посланнику в Японии А. П. Давыдову от 2 июля (20 июня) 1883 г. В ней указывалось на отсутствие «противуположных интересов между двумя государствами» [40, 1883, д. 1, л. 29—30]. В инструкции А. П. Давыдову следующего года (май 1884 г.) подчеркивалось важное стратегическое значение Японии, контролировавшей пути, открывающие доступ к тихоокеанским владениям России. Поэтому Россия, говорилось в инструкции, придает «особое значение» политическим отношениям с Японией и «желает устранения по мере возможности посторонних, могущих быть нам враждебными влияний и упрочения нашего собственного значения в этой стране» [40, 1884, д. 2, л. 15—16].

Русская дипломатия не настаивала на том, чтобы пересмотр договоров сопровождался новыми уступками со стороны Японии, в то время как Англия, США и Германия добивались открытия всей страны для деятельности иностранцев в качестве платы за полную или частичную отмену консульской юрисдикции. Россия считала, что этими уступками воспользуются не столько русские капиталисты, сколько другие государства для экономического и политического подчинения Японии. А. П. Давыдов должен был советовать японцам проявлять «известную сдержанность в своих уступках США и западноевропейским государствам», стремиться оградить свой внутренний рынок от их посягательств. Русский посланник должен был также сообщить японскому кабинету, что русское правительство принимает во внимание «особые интересы», складывающиеся из факторов соседства обоих государств и не требует уступок за пересмотр договоров, как это делают другие договорные державы¹. Россия заявляла о своей готовности «способствовать Японии освободиться из-под торгового и политического гнета западных держав, тяготеющего над нею с самого открытия ее сношений с иностранцами, и поддерживать ее право на приобретение торговой и политической самостоятельности» [40, 1884, д. 2, л. 15—16].

А. П. Давыдову давались полномочия начать переговоры о новом торговом договоре при условии, что за Россией сохранятся права наиболее благоприятствуемой нации. Царское правительство желало также получить снижение пошлин (ниже 5%) на ввоз в Японию сушеной рыбы из Приамурского края. Этими минимальными условиями ограничивались требования России. Русские капиталисты не были особенно заинтересованы в закреплении неравноправных договоров с Японией, поскольку не имели там торговых интересов. На переговорах основными должны быть политические цели (см. [40, 1884, д. 2, л. 14—16]).

Идя навстречу японским пожеланиям, русское правительство согласилось признать неравноправные договоры не бессрочными, а заключенными на известный срок и подлежащими пересмотру. (Решительно возражали против пересмотра неравноправных договоров Англия, Франция и Германия.) Однако английская пресса в Японии запугивала общественное мнение вздорными измышлениями о целях русской политики на Даль-

нем Востоке. Запугивая Японию мифической «русской угрозой», английские средства массовой информации и дипломатическое ведомство Англии стремились осложнить отношения между Россией и Японией.

Царская дипломатия уделяла значительное внимание и вопросу о Корее. Корея прилегала к русским границам, из Кореи доставлялись продовольствие и скот для войск Южно-Уссурийского края. Русское правительство было встревожено активизацией деятельности Англии и США в Корее, навязавших ей неравноправные договоры, а также агрессивными акциями Японии и решило заключить с Кореей договор о сухопутной торговле, но не торопилось с его подписанием, опасаясь, что подобный шаг с его стороны повлечет за собой аналогичные действия других держав. Россия планировала ограничиться получением согласия Кореи на открытие для торговли какого-либо пункта на р. Тумынь. Более того, когда советник корейского короля Мёллендорф обратился в 1884 г. с предложениями о принятии Кореи под совместное «покровительство» России, Англии и Японии, то царское правительство ограничилось советом корейскому королю не принимать предложения Англии об установлении ее протектората над Кореей и передаче ей о-вов Комуудо. Подобные обязательства, говорилось в телеграмме русского министра иностранных дел Н. К. Гирса посланнику А. П. Давыдову 1 октября (19 сентября) 1884 г., нарушили бы существующее международное положение Кореи и «побудили бы, пожалуй, другие державы потребовать соответствующих уступок» (см. [40, 1884, д. 2, л. 49]).

В 1885 г. Мёллендорф от имени короля неоднократно ставил вопрос о принятии Кореи под протекторат России и уступке России порта Гамильтон (см. [238, с. 372—373]). Но царское правительство не желало быть втянутым в какие-либо «осложнения в Корее» и не давало согласия на протекторат.

Русское правительство желало укрепления независимости Кореи, боясь подчинения ее Англии или другому враждебному государству. Но принимать на себя контроль над Кореей не намечалось. Слабость вооруженных сил на Дальнем Востоке, отсутствие современных средств связи (железной дороги через Сибирь), ограниченность финансовых ресурсов (дефицитный бюджет в России сохранялся до 1883 г.) сдерживали вождедения даже наиболее «империалистически» настроенных чиновников и буржуазии. Царское правительство опасалось занятия Кореи цинскими войсками, считая, что Китай может уступить какую-либо морскую базу англичанам. Царские представители не раз уведомляли цинское правительство о том, что Россия преследует мирные цели в Корее и слухи о завоевательных планах России являются вымыслом британской прессы.

Россия ясно высказывалась и против войны между Японией и Китаем, опасаясь, что беззащитная Корея может стать легкой добычей Англии или Японии, которые не преминут захва-

тить один или несколько корейских портов, что ослабит стратегические позиции России на Тихом океане.

В конце 80-х и начале 90-х годов узость внутреннего рынка все больше мешала развитию капитализма в России и усиливала тяготение русской буржуазии к освоению новых рынков. Буржуазные круги вместе с ростом капитализма в стране усиливали влияние на внешнюю политику царизма, хотя в целом помещичий характер политики царизма не менялся.

Для русской буржуазии по-прежнему основными являлись среднеазиатские рынки, но ее аппетиты возрастали. Буржуазная пресса писала о выгодах торговли в Монголии и Северном Китае, о необходимости выбить Англию с азиатских рынков.

Присоединение Средней Азии к 1885 г. несколько снизило остроту англо-русских противоречий в этой области, и центр тяжести англо-русской борьбы стал перемещаться в другие районы, в том числе и на Тихий океан. Внимание к дальневосточным районам и к торговле в Китае и Монголии значительно усилилось. Однако самодержавно-помещичий режим был неспособен освоить огромные естественные богатства Дальнего Востока и обеспечить им надежную защиту. Руководители царской администрации рассматривали эти области с военно-политической точки зрения как оплот России на Тихом океане. Они недооценивали значение хозяйственного освоения края как средства обеспечения обороны края и укрепления позиций России.

В 1890 г. все население Дальнего Востока (в том числе Сахалина) составляло 716 тыс. русских подданных и около 40 тыс. иностранцев (китайцев, корейцев); подавляющая часть населения жила в Забайкалье. За период с 1885 по 1890 г. население Амурской и Приморской областей увеличилось на 49%, но все же было весьма незначительным (в Амурской области — 70,8 тыс., в Приморской — 89 тыс. человек). Экономическое развитие Приамурского края шло медленно. В Николаевске и Владивостоке — главных центрах края — торговля находилась в руках иностранцев. Русские товары составляли лишь $\frac{2}{3}$ всех привозных товаров. Крупнейшее значение для страны имела золотопромышленность Амурской области (на втором месте в государстве). Среднегодовая добыча золота в 1887—1892 гг. составляла 8,3 млн. руб. Нелегально уходило в Китай золота почти на миллион рублей (см. [203, с. 591, 604, 605, 612, 613, 623]). Быстро возрастало производство хлеба в Приморской и Амурской областях. В 1884 г. для нужд войск у населения было закуплено 132 тыс. пудов, а на 1889 г. намечалось 391 тыс. пудов. К 1894 г. Амурская область обеспечивала уже себя хлебом (см. [203, с. 623]).

Из стратегических соображений в 80-х годах стали придавать большое значение переселению крестьян на Дальний Восток. Но осуществлялось оно медленными темпами — в среднем 2800 человек в год. Удаленность края, трудности переезда создавали огромные препятствия процессу расселения крестьян. Осо-

бенно отрицательно сказалось влияние реакционного помещичьего строя, мешавшего свободному переселению крестьян на окраины империи. «Так как русский крестьянин придавлен крепостническими латифундиями,— писал В. И. Ленин,— поэтому неизмеримо тормозится и свободное расселение населения на территории России и рациональная хозяйственная утилизация массы окраинных земель России» [12а, с. 227].

«Условием широкой утилизации громадного колониционного фонда России,— указывал В. И. Ленин,— является создание действительно свободного, вполне освобожденного от гнета крепостнических отношений, крестьянства в Европейской России» [12а, с. 229].

Ликвидация царизма и буржуазно-помещичьего строя являлась неперенным условием быстрого экономического освоения и развития дальневосточных районов России. Русское крестьянство и ремесленники, переселившиеся в эти края, были объектом эксплуатации кулаков и купцов, страдали от вымогательства и произвола царских чиновников. Еще более тяжелым было положение местных народностей, которые находились под гнетом царских властей и нещадно эксплуатировались и обирались русскими и иностранными (главным образом американскими) купцами и промышленниками (особенно на крайнем северо-востоке России).

Японские иммигранты начали проникать в русские владения на рубеже 70—80-х годов. Они помогали японскому правительству собирать сведения об экономическом и политическом положении Дальнего Востока, состоянии русских вооруженных сил. Осведомленность японских властей о стратегическом положении России на Дальнем Востоке сыграла немалую роль в успешном ведении войны против России в 1904—1905 гг.

Русская буржуазия и царские власти имели слишком мало сил на Тихом океане, чтобы эффективно препятствовать проникновению американских и японских предпринимателей и торговцев в районы Восточной Сибири и Сахалина. Иностранцы зверопромышленники и рыболовные компании занимались незаконным промыслом в русских водах (котики, моржи, рыба), уклонялись от уплаты пошлин и других сборов, истощали естественные ресурсы края. Вследствие этого расходы царского правительства (прежде всего на содержание войск, флота, каторги и др.) значительно превышали налоговые сборы. Так, в 1884 г. Приамурский край давал казне 4,2 млн. руб., а казенные расходы составляли 10,9 млн. руб. Сходная картина наблюдалась и в последующие годы: расходы государства значительно превышали доходы. Основная часть расходов уходила на содержание армии, флота и полиции.

Недостаток сил и средств предопределял в тот период во внешней политике России линию на сохранение статус-кво на Дальнем Востоке, поддержание мирных отношений с Японией. К тому же деятельность царской России на Дальнем Востоке

была скована вновь осложнившейся международной обстановкой в Западной Европе. В эти годы развернулась острая борьба вокруг болгарских событий в 1885—1886 гг.² и за влияние на Балканах, пришел к концу «союз трех императоров», осложнились русско-германские экономические отношения. Рост германских вооружений, отказ Германии от возобновления так называемого договора перестраховки в 1890 г. связывали вооруженные силы России в Европе. Лишь заключение франко-русского союза (1891—1893) несколько упрочило положение России в Западной Европе, что способствовало ведению более активной политики на Дальнем Востоке. Во внутреннем развитии России имперявали предпосылки перехода русского военно-феодалного империализма к политике экспансии на Дальнем Востоке.

В 90-х годах в России начинается бурный промышленный подъем. Общая сумма промышленного производства выросла с 1,3 млн. руб. в 1887 г. до 2,8 млн. руб. в 1897 г. Выплавка чугуна составила в 1880 г. 26,1 млн. пудов, а в 1895 г. возросла более чем в 3 раза, до 86,8 млн. пудов (см. [235, с. 148—152]). Бурный подъем переживало железнодорожное строительство. С конца 60-х годов до 1892 г. в России было построено 27,9 версты железных дорог, а за пятилетие с 1891 по 1895 г. было построено уже 6,3 тыс. верст. В эти годы развернулось сооружение гигантской железной дороги через Сибирь до Владивостока. Этого требовали как стратегические интересы России по защите Дальнего Востока, так и потребности русского капитала. Постройки дороги добивались промышленники Московского района и Урала, заинтересованные в расширении рынков в Азии. Строительство дороги началось в 1891 г. Сибирская дорога, по мнению крупного государственного деятеля России С. Ю. Витте, ставшего министром финансов в 1892 г., должна была отвлечь грузы от Суэцкого канала и стать проводником русских промышленных изделий на китайский рынок. Она также должна была обеспечить русскому флоту «опору» в дальневосточных портах России.

Бурный подъем стачек в 1894—1895 гг. в России, стремление правящих кругов задержать развитие классовых противоречий, ведущих к подрыву господства помещиков и капиталистов, толкали их к поискам внешних рынков и заставляли вести более активную завоевательную политику.

В эти годы за счет увеличения налогового бремени населения и широкого притока иностранных займов улучшилось и финансовое положение царского правительства. Накопление финансовых ресурсов создало одну из важнейших предпосылок для перехода от сравнительно сдержанной внешней политики на Дальнем Востоке к империалистической экспансии конца XIX и начала XX в. (см. [238, с. 520—521]).

В 70—80-х годах в основном завершился раздел Азии. Раздел и закабаление Азии наталкивались на ожесточенное сопротивление народных масс. Но силы колонизаторов в тот период

превосходили возможности народных масс. Борьба за раздел Азии, так же как и Африки, повлекла за собой обострение противоречий между Англией, Францией и Россией. На арену колониального грабежа выходила Япония. Японские колонизаторы интенсивно проникали в Корею. Объектом борьбы стал и западный район Тихого океана. Здесь были посеяны семена войны за дальнейший раздел и передел Китая и Кореи, а также сфер влияния.

Япония в 80—90-е годы. Цели японской политики

После «реставрации Мэйдзи» в Японии сложились предпосылки для быстрого развития самостоятельной и весьма активной агрессивной внешней политики. Япония не только начинает добиваться пересмотра неравноправных договоров с западными капиталистическими державами, но и принимается за воплощение в жизнь планов колониальных захватов. В основе этого нового этапа в развитии внешней политики Японии лежало вступление ее на путь капиталистического развития.

Императорское правительство активно поощряло частнопредпринимательскую деятельность, занимаясь прямым насаждением крупной промышленности. В 1868—1880 гг. правительством был создан ряд так называемых образцовых предприятий. В 1880 г. оно издало декрет о распродаже государственных предприятий, которые передавались в руки частных владельцев в погашение займов правительству или за ничтожную компенсацию.

Узость собственной промышленно-сырьевой базы ставила японское хозяйство в зависимость от внешних рынков сырья. Кроме того, остатки и пережитки феодализма, имевшего прочные корни в деревне, низкий жизненный уровень подавляющего большинства населения, подвергавшегося нещадной эксплуатации, ограничивали емкость внутреннего рынка. В силу этого японский капитализм очень рано стал стремиться к захвату внешних рынков, что должно было разрешить и внутренние противоречия. Колониальные захваты военно-феодалного империализма, который подталкивался авантюризмом милитаристских клик в правительстве, усиливались потребностью японской промышленности найти внешний рынок и тем самым обеспечить высокие прибыли при сохранении пережитков феодализма внутри страны. Военщина, костяком которой являлось бывшее самурайство, была тесно связана с классом помещиков. С течением времени она становится важнейшим орудием проведения захватнической политики правящего блока помещиков и капиталистов. Это повышало ее влияние во всей государственной системе монархической Японии и «превращало... в почти самостоятельный и весьма активный фактор всей политической жизни страны» [241, с. 142].

«Образцовые предприятия» преимущественно передавались нескольким привилегированным фирмам, связанным с правительственными кругами. Это были фирмы «Мицуи», «Мицубиси», «Фурукава» и некоторые другие, впоследствии превратившиеся в крупнейшие японские монополии. Деньги на развитие промышленности, крупные правительственные субсидии японские капиталисты получали за счет налогов, собираемых с крестьян. Свыше 80% государственных налогов составлял поземельный налог. Выкуп феодальной ренты также служил одним из орудий первоначального накопления капитала. Система протекционизма в отношении промышленности, применявшаяся японской монархией, должна была восполнить недостаточное первоначальное накопление капитала. Она уберегала японских капиталистов от низких таможенных пошлин, обусловленных неравноправными договорами.

Правительственные субсидии позволили японской буржуазии довольно успешно развивать экономику. Депрессия в экономике примерно с 1881 г. стала заметно ослабевать. Намечались первые шаги к становлению современной по тому времени индустрии.

Японские промышленники и торговцы набирались опыта ведения внешнеэкономических и внешнеторговых операций. В стране уже имелось достаточно людей, которые могли взять в свои руки любое прибыльное предприятие, прежде чем оно попадет в руки иностранцев.

Японская буржуазия оказалась теснейшими узами связанной с реакционной государственной властью. Стремление молодого японского капитализма к внешним захватам способствовало укреплению позиций полуфеодальной военщины в государственном аппарате Японии, что, в свою очередь, обостряло агрессивность японской буржуазии и помещиков.

Не менее важный источник накопления капитала японская буржуазия и помещики видели в политике колониального грабежа. Подогреваемые настойчивыми требованиями самурайства, правящие круги стремились к скорейшему осуществлению колониальных захватов. В. И. Ленин, характеризуя Японию, писал: «Это государство — буржуазное, а потому оно само стало угнетать другие нации и поработать колонии» [19а, с. 262].

Японские феодальные круги и националисты выдвигали программу колониальных захватов еще в последние десятилетия токугавского режима. Ёсида Сёин основал школу, в которой в 50-е годы учились будущие лидеры Японии «эпохи Мэйдзи» — Ито, Ямагата, Ямада и др. Как видно из его «Записок», опубликованных позднее, Ёсида развивал планы захвата Маньчжурии, подчинения Тайваня и Филиппин. Следующим этапом экспансии он считал захват Камчатки, заселение о-ва Хоккайдо и установление контроля над Охотским морем [379, с. 354]. Другой идеолог, живший в то же время, — Хасимото Санай — выдвигал планы захвата восточной Маньчжурии, Кореи, островов у

побережья Восточной Азии (Командорские, Алеутские и Курильские) и расширения японских владений до Индии и Америки. Хасимото Санай высказывался за развитие русско-японских отношений и даже установление военного сотрудничества с Россией перед лицом главного врага — Англии; опираясь на «дружеские связи» с Россией, Япония, по его мнению, могла бы развивать свою экспансию на юге (см. [384, т. 2, с. 351—357]).

Оба теоретика — Ёсида Сёин и Хасимото Санай — были казнены за критику политики сёгуната. Однако Ито и другие деятели «эпохи Мэйдзи» превозносили выдвигавшиеся ими проекты захватов и проведения буржуазных реформ.

Выдвигались идеи паназиатизма с ведущей ролью Японии. Идеолог японского национализма Кацу Рэнтаро говорил одному из лидеров антииностранный движения, Кидо, в 1863 г.: «Мы должны послать наши корабли за границу и постараться убедить лидеров всех азиатских стран в том, что их существование зависит от совместных действий и строительства сильного флота и что, если они не разовьют необходимую технологию, они не будут в состоянии избежать закабаления со стороны Запада. Мы должны начать с Кореи, нашего ближайшего соседа, а затем продолжить дело, включая Китай» (цит. по [377, с. 165]).

Эти идеи были сформулированы в 1898 г. в «доктрине Окума», одного из видных японских государственных деятелей эпохи Мэйдзи.

После революции Мэйдзи, в 70—90-х годах XIX в., в идеологической жизни Японии активизировалась просветительская мысль. Как и в Западной Европе XVIII в., японские просветители, критикуя старые порядки, считали, что ход истории, судьбы страны решают просвещенные люди; они и должны осуществлять реформы. Пропагандировались заимствованные в Европе идеи конституционных реформ, избирательного права, социальных изменений. Однако большинство японских просветителей выступало против преобразования общества революционным путем, фактически высказывалось против какого-либо ущемления интересов и привилегий господствующих классов. Японский радикализм того времени представлял собой смешение консервативных взглядов с прогрессивными, нередко переплетающихся с идеями захватов на Азиатском материке, близлежащих территорий на севере (Сахалин, Курилы) и юге (Тайвань и др.).

Дискуссии о путях культурного и политического развития Японии в известной мере можно сравнить с теми спорами, которые велись в 40-х годах XIX в. в России между славянофилами и западниками. В Японии это были националисты и западники. Националисты и их печатный орган, журнал «Ниппондзин», доказывали, что развитие Японии должно основываться на возрождении традиций древней японской культуры. Западники (их печатный орган «Кокумин-но-томо») высказывались за широкое ознакомление с жизнью других стран, причем некоторые считали необходимым заимствовать только конкретные, главным об-

разом технические, знания, другие же — изучать и воспринимать также и духовные богатства европейских народов. Наиболее яркой фигурой среди них был Фукудзава Юкити, выступавший с пропагандой идеи свободы и равенства личности, поощрения частной инициативы, ликвидации пережитков феодализма. Он резко критиковал конфуцианство. Однако на склоне лет, в конце XIX в., стал высказываться против политической борьбы внутри страны, в поддержку захватнической политики Японии в Корею и Китае.

Наряду с этими буржуазными и либеральными течениями в конце 70-х — начале 80-х годов широкий размах приобрело движение трудящихся масс за свободу и народные права («дзию минкэн ундо»). В 80-е годы оно приобрело широкий демократический характер. В нем участвовали мелкая буржуазия, крестьянство, ремесленники, служащие, рабочие. Просуществовало оно около десяти лет, пока не было задавлено реакционным правительством. Среди лидеров этого движения были такие выдающиеся деятели, как Накаэ Тёмин, Котоку Сюсуй и Катаяма Сэн.

Котоку Сюсуй и Катаяма Сэн³ впоследствии стали основателями японского социалистического движения.

Молодой японский пролетариат и трудовая интеллигенция на рубеже XIX—XX вв. вступили в борьбу за свои интересы. Они стали оказывать влияние на общественную жизнь страны.

В этот же период наука перешла на новые рубежи. От составления сборников о конкретных явлениях и предметах (типа энциклопедий) японские ученые перешли к экспериментальной деятельности, более глубокому изучению технологических процессов. Тогда же начали выделяться отдельные отрасли науки. В Японии повторяли процесс практической реализации научных и технических знаний, ранее осуществлявшийся в Европе и Америке.

Центрами научной мысли и просвещения стали университеты. В 50—70-х годах появились частные высшие учебные заведения в Токио, Осака, Киото и Нагоя, а затем, в 1877 г., был открыт государственный (императорский) университет. Начальное образование в Японии находилось почти полностью в руках государства, средняя школа лишь наполовину была государственной. Высшее образование по преимуществу находилось в частных руках. Денежные средства на содержание университетов обычно собирались в крупных городах среди буржуазии, заинтересованной в подготовке национальных кадров.

Токийский императорский университет в 1880 г. был реорганизован в учебное заведение для подготовки государственных чиновников. Все же он стал играть важную роль в развитии науки.

Особенно большое внимание уделялось техническому образованию. Оно осуществлялось в университетах, а также в специальных отраслевых и индустриальных учебных заведениях. Тех-

нические учебные заведения содержались за счет крупных компаний и корпораций (см. [254, с. 377—378]). В конце XIX — начале XX в. сеть высших учебных заведений значительно расширилась. Были созданы государственные университеты в Киото (1899 г.), в Сэндай (1907 г.) и др. Быстро стало увеличиваться и число частных университетов; в 1902 г. был преобразован в университет токийский колледж Васэда.

В первые десятилетия после революции Мэйдзи книги оставались доступными лишь узкому кругу лиц. Развитие образования вынудило правящие классы принять меры к расширению печатной продукции. Дельцы из среды новой буржуазии активно взялись за издание книг, газет, журналов. В 80-х годах появились газеты с большими тиражами, которые использовались буржуазно-помещичьими кругами для пропаганды национализма, шовинизма и агрессии.

К началу 90-х годов в Японии издавалось ежегодно от 18 тыс. до 25 тыс. книг, т. е. не менее, чем в крупных странах Запада. Среди этой литературы было немало книг, проповедовавших территориальную экспансию Японии на Дальнем Востоке и на Тихом океане. Воззрения германских геополитиков (Ф. Ратцеля, К. Хаусхофера) сыграли немалую роль в формировании мировоззрения японских лидеров.

Правящие классы Японии стали разрабатывать планы внешних захватов и готовиться к колониальным войнам с первых же лет после «реставрации Мэйдзи». При этом они лживо изображали политику военных авантюристов и колониальной экспансии как борьбу за национальное равноправие, за избавление Японии от неравноправных договоров.

Целое поколение японцев выросло в условиях, когда полузависимое положение страны ощущалось весьма болезненно. В пяти крупнейших японских портах оказалось как бы 17 различных государств, управляемых по своей консульской юрисдикции; любые проявления протеста со стороны японцев против произвола капиталистических держав жестоко подавлялись. Особенно усердствовали английские, французские и американские колонизаторы. Поэтому становление японской буржуазной нации происходило в обстановке более или менее осознанного и своеобразно использованного господствующими классами стремления народных масс к ликвидации полуколониальных пут, которыми была связана Япония и которые угрожали ей полной утратой государственной независимости. Руководство борьбой за национальное равноправие оказалось в руках реакционного буржуазно-помещичьего блока, который использовал ненависть широких народных масс к иноземным угнетателям, чтобы упрочить свое господство, попытаться отравить японский народ ядом шовинизма и подготовить почву для агрессии и колониальных авантюристов.

Японская буржуазия и помещики были тесно связаны с феодальной военной аристократией — самурайством, ущемленным проведением буржуазных реформ и представлявшим собой наиболее склон-

ную к авантюрам силу. Они жаждали найти себе применение и вознаградить себя завоеваниями. Самурайство было внушительной силой. В годы сёгуната самураев (вместе с их семьями) насчитывалось около 2250 тыс. Прогрессивные демократические силы страны были «оттерты» от руководства борьбой против западных колонизаторов. Они были слишком слабы, чтобы возглавить эту борьбу. Японский рабочий класс во второй половине XIX в. был немногочислен и неорганизован. Крестьянство, ослабленное кровавыми расправами в годы революции и первые послереволюционные годы, было расколото и деморализовано.

Усиление эксплуатации крестьянства, невыполнение правительством обещаний раздела государственных земель привело к тому, что за 1868—1878 гг. в Японии произошло 190 больших и малых крестьянских восстаний. Наибольшего подъема крестьянское движение достигло в 1873 г. За один год произошло 36 восстаний [242, с. 72]. Правительство пошло на некоторые уступки. В 1876 г. был снижен поземельный налог с 3 до 2,5% и уменьшен местный налог с 1 до 0,5% стоимости земли; крестьянам было также разрешено получать ссуды под залог урожая. Это позволило ослабить силу восстаний. Они постепенно стали затухать и в 1877—1878 гг. выродились в мелкие, разрозненные бунты. Колониальные авантюры правящие круги Японии намеревались использовать для отвлечения народных масс от борьбы против феодально-капиталистического гнета, а также удовлетворения требований самурайства начать немедленное осуществление завоевательных походов.

Правящие круги Японии под флагом борьбы за национальные права всю энергию направляли на то, чтобы укрепить и усовершенствовать собственную военную машину, противопоставить иноземному колониальному грабежу «свой» колониальный грабеж близлежащих азиатских стран.

С 1879 г. началась реорганизация японской армии. Она ориентировалась на возможность и даже на неизбежность военных операций против Китая. Еще в декабре 1878 г. был организован самостоятельный штаб армии внутри военного министерства и создан генеральный штаб. В 1879 г. начальнику западного (кансайского) отдела генерального штаба Кацура Таро было поручено составить обзор положения в Северном Китае и группа офицеров была командирована в Китай для изучения состояния его военных сил и географии. Результаты своего исследования Кацура Таро представил в виде книги «Военная тактика в отношении Китая». Одновременно вышли книги «География Китая», «Вооруженные силы нашего соседа» и др. Таким образом, армия приступила к формированию и подготовке своих сил, что являлось необходимым условием для осуществления политики в отношении материка (см. [156, с. 306—307]).

Усиленными темпами велась разработка уставов, была создана жандармерия, организовано ведомство военных колонистов и т. д. Представители военщины требовали все новых

средств для увеличения армии и флота. Генерал Ямагата Аритомо (позднее маршал) писал императору: «Увеличение армии и флота есть наша неотложнейшая задача и правительство должно не щадить усилий для этого» [158, т. 2, с. 816].

11 ноября 1881 г. был опубликован указ императора об увеличении армии и флота. В декабре 1881 г. — императорский рескрипт о внутреннем преобразовании армии и флота на период до 1892 г. В добавление к имевшимся в наличии в 1881 г. 25 судам и одной торпедной лодке, общий тоннаж которых составлял 10 540 т, предусматривалось на протяжении восьми лет (с 1882 г.) построить 32 корабля (5 судов первого класса, 8 — среднего размера, 7 — малого размера и 12 торпедных катеров). В 1887 г. появился указ о дополнительных ассигнованиях на укрепление морской обороны.

Выступая в парламенте в декабре 1890 г., депутат Ямагата говорил, что перестройка военных сил Японии необходима для разрешения задачи по обороне государственной границы Японии, а также для охраны «жизненной линии» японцев. Провозглашался таким образом геополитический тезис «о жизненной линии» — идеологическое обоснование необходимости захватов близлежащих территорий.

Милитарист генерал Ямагата Аритомо конкретизировал программу экспансии на Азиатском материке. Выступая в парламенте в 1890 г., он заявлял, что цели японской политики на материке должны быть изменены. Если раньше объектами этой политики были «близлежащие страны», то теперь уже можно говорить, что «враждебными по отношению к нашей родине являются не Китай или Корея, а Россия, Англия, Франция» [156а, с. 106].

Министр иностранных дел Окума Сигэнобу еще в декабре 1888 г. заявил: «Все европейские державы должны признать грандиозность духовного и материального прогресса, который осуществила Япония на протяжении 30 лет, прошедших со времени первых договоров». Перечисляя успехи Японии, он назвал железные дороги и телеграф, реформу системы воспитания, а также изменение политического и общественного устройства, расцвет торговли и коммерции.

Еще откровеннее о притязаниях Японии быть наравне с европейскими державами заявил министр иностранных дел Муцу Мунэмицу. Выступая на 5-й сессии парламента в декабре 1893 г., он сказал: «Целью всей нашей внешней политики является получение тех преимуществ, на которые имеет право претендовать наша страна. Второй целью является выполнение миссии, которая возложена на нашу родину, т. е., иными словами, мы должны добиться того, чтобы японская империя, хотя и находится в Азии, но является совершенно особой, отличной от всех других страной и должна встречать также совершенно особое к себе отношение со стороны правительства любой страны, даже в большей степени, чем другие европейские державы».

В заключение Муцу заявил еще более откровенно о притязаниях японского военно-феодалного империализма на занятие одного из мест среди великих держав. «Задача нашей дипломатии состоит в том, чтобы, сохраняя достоинство, никого не презирать, но и никого не бояться... и завоевать для нашей страны место в одном ряду с мировыми культурными державами, основанное на принципах взаимного уважения». Муцу считал, что скорейшая европеизация есть лучший способ превращения Японии в «страну действительно высокой культуры на Азиатском континенте» [155, с. 102—104].

Пересмотр договоров

Через месяц после падения токугавского режима, 15 января 1868 г., была опубликована декларация нового правительства: «Вопросы общения нашей страны с иностранными государствами являлись постоянной заботой прежних императоров. Сейчас они затруднены из-за ошибок, допущенных правительством Токугава, в то время как положение вещей в мире совершенно изменилось. Теперь мы, обсудив это, решительно объявляем свою императорскую волю к заключению дружественных договоров» [335, с. 25].

Новое правительство сразу же выразило желание пересмотреть договоры, заявив, что в них имеется ряд положений, невыгодных для Японии.

В представленном в 1869 г. проекте правительственной политики министр иностранных дел Ивакура Томоми провозгласил: «Такие договоры, какими являются уже заключенные торговые соглашения с Англией, Францией, США и другими странами, необходимо улучшить, чтобы укрепить и сохранить государственную независимость империи» [143, т. 2, с. 696—697].

Но, чувствуя свою слабость перед западными державами, правящая помещичье-буржуазная верхушка решила свою деятельность по пересмотру договоров начать прежде всего с соседних государств — Кореи, Китая, уже потерпевших серьезные неудачи в борьбе с империалистическими хищниками.

Дипломатические переговоры с Кореей, начавшиеся в 1868 г., натолкнулись на твердую позицию корейского правительства. В Японии стали распространяться идеи о необходимости вооруженного покорения Кореи. В 1871 г. в Корею было направлено посольство в сопровождении военных кораблей. Японцы быстро усвоили захватнический почерк Запада. Однако корейское правительство воспротивилось домогательствам японских колонизаторов, рассчитывая на поддержку своего сюзерена — Китая. «Открытие» Кореи не состоялось.

Японская дипломатия обратилась к Китаю. Япония стремилась получить в Китае те же привилегии, которыми пользовались европейские державы. В Японии многие сомневались, захо-

чет ли Китай по-новому наладить те исторические и традиционные связи с Японией, которые существовали между этими странами более 2 тыс. лет. «Новые отношения» понимались как заключение торгового договора на таких же неравноправных условиях, как и договоры Китая с европейскими державами. В 1870 г. в Китай была направлена ознакомительная миссия во главе с советником министерства иностранных дел Янасивара. Английский посол в Японии Г. Паркс предложил посредничество английского посольства в Пекине.

Японцы отклонили предложение. «Для Японии это означало бы в высшей степени уронить свой престиж как державы», — писал японский историк Таясу [337а, № 2, с. 30]. Япония хотела выступать самостоятельно, наравне с европейскими державами.

Официальные переговоры начались после прибытия чрезвычайного и полномочного посла Японии в Тяньцзинь. Японский посол предложил взять за основу тексты договоров, заключенных Китаем с иностранными государствами. Китайский представитель настаивал на обсуждении китайского проекта договора: китайцы хотели, чтобы договор с Японией был максимально несхож с договорами, которые были навязаны Китаю западными державами. Китайская сторона настаивала на исключении принципа наибольшего благоприятствования, запрещении устройства консульских учреждений, запрещении японским дельцам торговать на внутренних рынках Китая (см. [337а, № 3, с. 43—47]). Китай хотел помешать антикитайскому союзу Японии с западными державами.

Договор был подписан 29 июля 1871 г. в Тяньцзине. Китай настоял на своих требованиях: право наибольшего благоприятствования исключалось, право экстерриториальности признавалось на взаимной основе. Таможенный тариф устанавливался по согласованию двух держав.

В договоре были и политические статьи: Китай и Япония заявляли о взаимном ненападении. Ст. 2 договора гласила: «В случае каких-либо незаконных или оскорбительных действий со стороны третьей державы договаривающиеся стороны... будут помогать друг другу или же одна из сторон выступит в роли посредника, чем будет способствовать укреплению дружеских связей» [337а, № 3, с. 44—45].

Японские историки считают этот договор первым равноправным договором, который Япония заключила с 1853 г., а Китай — со времени «опиумных войн».

В самой Японии были недовольны условиями договора. Правительство намеревалось начать переговоры об отсрочке его ратификации и о коренном пересмотре текста. Недовольны были и западные державы. Их особенно не устраивала ст. 2. Западная дипломатия увидела в этом пункте намек на союз Японии и Китая. Поверенный в делах США в Японии Шефферд, открыто вмешиваясь в суверенные права Японии, заявил решительный протест против этой статьи. Японское правительство

вынуждено было обещать американскому правительству исключить эту статью при пересмотре договора (см. [411, т. 1, с. 452—453]). США требовали исключить и другие положения, не соответствовавшие договорам Японии с западными державами.

Посол Созэдзима отправился в Тяньцзинь. Европеизированный японский дипломат (он был одет в европейский костюм, чем немало поразил Ли Хунчжана) попытался *сходу* добиться изменения ст. 2 договора. Китайский представитель решительно возразил против изменения договора и лишь пообещал, что если у Японии возникнут какие-либо затруднения по проведению в жизнь японо-китайского договора после подписания новых договоров с европейскими державами, то Китай согласен заключить специальное дополнительное соглашение (см. [337а, № 3, с. 46—52]).

Договор был ратифицирован в марте 1873 г.

Равноправное соглашение с Китаем, однако, не решало проблемы пересмотра неравноправных трактатов, навязанных Японии западными державами.

Правительство решило направить в Европу и Америку специальное посольство во главе с полномочным послом Ивакура Томоми. В составе многочисленной делегации (42 человека) были наиболее выдающиеся деятели эпохи Мэйдзи: советник Кидо Такаёси, начальник департамента финансов Окубо Тосимити, начальник департамента промышленности Ито Хиробуми.

Задачи делегации, как они были сформулированы Ито Хиробуми, сводились к пересмотру договоров с тем, чтобы «всемерно способствовать увеличению выгод для Японии в будущем». «Мы должны обсудить новые условия договора с каждым правительством,— писал он,— осветить истинное положение нашей страны... и ввести Японию в семью культурных народов» [144, т. 1, с. 636—637].

Ито Хиробуми предлагал подготовить почву для пересмотра договоров и внутри страны: тщательно изучить, какие следует провести реформы, какие заимствовать законы, к достижению каких целей и какими методами стремиться. В дипломатической области он предлагал тщательно изучить, каким образцам подражать, какие мероприятия наиболее эффективны для того, чтобы добиться равноправия.

Переговоры о пересмотре договоров начались в США, куда в первую очередь направилась делегация в ноябре 1871 г. Ее возглавил Ивакура Томоми. Японцы предложили обсудить десять пунктов, содержание которых сводилось к четкому требованию отмены консульской юрисдикции и к праву самостоятельного установления Японией таможенных тарифов.

Проект договора, выдвинутый правительством США, совершенно игнорировал интересы Японии. Члены делегации поняли, что недооценили трудности своей миссии, и вынуждены были уехать ни с чем. Делегация побывала в Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Швеции, Италии, Австрии и Швейца-

рии. В каждой стране предпринималась попытка к пересмотру договоров, но дело ограничивалось беседами частного характера: официальные переговоры, как это имело место в США, не проводились.

Проект нового договора был предложен и России. Он включал следующие положения:

1. Японское правительство создает суд, деятельность которого будет полностью гармонировать с европейскими представлениями о законности. Русские подданные должны будут подчиняться его приговорам и считаться с решениями японского правительства. (По действующему договору право юрисдикции как в гражданских, так и в уголовных делах принадлежало русскому консулу.)

2. Японское правительство впредь самостоятельно будет определять размеры таможенного обложения для своей страны. (По условиям действующего договора устанавливались по согласованию.)

3. По действующему договору законы, касающиеся иностранных селтльментов и открытых портов, куда заходили русские суда, устанавливались консульствами. Японское правительство считает, что только оно имеет право устанавливать такие законы, и требует признания за ним такого права (см. [316а, т. 2, с. 993—994]).

Встретив отрицательное отношение США и всех европейских держав, в Петербурге Ивакура не настаивал на обсуждении своего проекта.

«Поездка делегации Ивакура в Европу и США не увенчалась успехом с точки зрения пересмотра договоров, но зато детальное ознакомление с жизнью передовых европейских стран имело огромное значение для всей истории эпохи Мэйдзи,— пишет японский историк Синобу Сэйдзабуро.— На базе ознакомления началось интенсивное насаждение и развитие промышленности» [335, с. 32].

Политика индустриализации страны была не чем иным, как стремлением противостоять натиску европейского капитализма. «Насаждение промышленности сделалось важнейшей задачей нового правительства,— писал современник описываемых событий Кумэбо.— Поездка Ивакура в Европу, Америку еще более этому способствовала» [312, с. 221].

Задачи внутренних реформ были сформулированы в ставшем в то время популярным лозунге «Богатая страна, сильная армия». Вскоре последовали соответствующие изменения в правительстве. В 1871 г. Окубо Тосимити был назначен министром финансов (функции министерства финансов включали руководство промышленностью), в 1873 г. — министром внутренних дел. Ему был передан и департамент промышленности. Своей деятельностью он энергично способствовал ее бурному развитию.

Сторонники развития промышленности все настойчивее стали требовать пересмотра договоров, дабы иметь возможность

устанавливать покровительственные тарифы, регулирующие экспорт и импорт, и осуществлять политику правительственного субсидирования развития промышленности. Министр иностранных дел Тэрадзима был готов пожертвовать другими требованиями ради права самостоятельно определять таможенные тарифы.

В значительной мере в результате его дипломатической деятельности в 1878 г. удалось заключить договор с США, согласно которому право определения таможенных тарифов признавалось за Японией. Вслед за США Россия и Италия также согласились пересмотреть договоры. Но все усилия Тэрадзима обратились в прах, натолкнувшись на упорное сопротивление Англии. Его достижения не имели реального значения, поскольку для эффективного осуществления нового японо-американского договора было необходимо заключение аналогичных договоров со всеми договорными державами.

Японская дипломатия попробовала подойти к этой проблеме с других позиций. Министр иностранных дел Иноуэ Сэй, сменивший Тэрадзима, в 1881 г. повел переговоры, направленные на то, чтобы получить право самостоятельного определения таможенных тарифов. Взамен Япония обязалась полностью открыть страну для иностранцев, разрешив им повсеместное проживание. Однако сохранение за иностранцами прав консульской юрисдикции не ликвидировало возможностей их вмешательства во внутренние дела, в решение уголовных и гражданских дел. Растущее самосознание японской буржуазии и интеллигенции не могло с этим примириться.

Линия Иноуэ вызвала в стране решительную критику. В 1887 г. министр иностранных дел вынужден был уйти в отставку.

В 1889 г. был официально провозглашен правительственный курс на полное восстановление национальных прав и заключение равноправных договоров.

Следующий тур переговоров о пересмотре договоров начал министр иностранных дел Аоки, затем их продолжил Мацумото и, наконец, министр иностранных дел Муцу Мунэмицу. В 1894 г. он заключил первый измененный японо-английский договор.

Новый договор не давал все же Японии права самостоятельного установления таможенных тарифов, но зато в новом договоре была оговорена отмена консульской юрисдикции. Договор был воспринят в Японии как важный этап на пути заключения совершенно равноправных договоров. Заключение равноправных договоров (в полном значении этого слова) было осуществлено лишь в 1911 г., когда Япония получила право самостоятельного утверждения таможенных тарифов.

В связи с пересмотром договоров в Японии стали широко обсуждать вопрос о взаимоотношениях с Китаем. В запросах в парламенте на 5-й сессии в 1894 г. и в прессе ставился вопрос о том, что с Китаем не может быть договора, основанного на

равноправии, ибо «Япония,— заявил министр иностранных дел Муцу Мунэмицу,— совершенно особая страна в Азии».

Официальная газета «Кокумин» писала в мае 1894 г.: «В отношении европейских стран мы по-прежнему желаем равноправных договоров. Но что касается Китая, то тут, по-видимому, неизбежно заключение не совсем равноправного договора. Мы подразумеваем, конечно, не наши уступки, а уступки с его стороны».

Разъясняя, что имеется в виду под понятием «уступки», газета заявляла: «Китайские подданные, проживающие в Японии, должны, разумеется, подчиняться нашим законам и юрисдикции наших судов. Но поставить японских подданных в подчинение китайским законам значило бы породить непрерывные осложнения в будущем, так как до сих пор китайские законы полны варварских пережитков и не способны охранять жизнь и достояние японских подданных» [449, 22.05.1894].

Через две недели, 7 июня, когда Япония явно вела дело к войне против Китая, «Кокумин» писала: «Необходимо добиться того, чтобы проживающие в Японии китайцы подчинялись нашим законам и чтобы нам были предоставлены в Китае такие права и привилегии, какими пользуются там европейские государства».

Русско-японские отношения в 80—90-е годы

Политика России в отношении Японии существенно отличалась от курса Англии и других западных держав. Обороты торговли России с Японией были незначительными, поэтому русские капиталисты были мало заинтересованы в сохранении неравноправных договоров. В 1879 г. русский ввоз и вывоз составлял мизерную сумму — 59,5 тыс. иен. Японцы пользовались правом беспошлинно ловить и вывозить рыбу с Сахалина; в устье Амура и других местах тихоокеанского побережья японские рыбопромышленники вели бесконтрольный хищнический промысел, не уплачивая сборов. В отличие от японцев русские рыбопромышленники при ввозе рыбы в Японию должны были платить таможенные сборы, поэтому они не выдерживали конкуренции с японскими дельцами.

Русский экспорт быстро стал возрастать, когда Россия в 1888 г. стала ввозить в Японию керосин. Сумма русского экспорта поднялась до 235,5 тыс. иен (см. [42, д. 49, л. 132—135]). Попытки Общества добровольного флота в 1889 г. получить разрешение на закупку каменного угля (10 тыс. т) на о-ве Хоккайдо в порту Отарунай не увенчались успехом. Японское правительство не дало на это согласия (см. [42, д. 50, л. 224—228]).

Российские министерство финансов и министерство путей сообщения возлагали большие надежды на постройку Великой

сибирской дороги, полагая, что проведение дороги до Владивостока сделает Россию торговой посредницей между Европой и Дальним Востоком и сообщит импульс быстрому развитию русской торговли с Японией и Китаем.

В свою очередь, японские капиталисты интересовались возможностью использования Сибирской дороги для экономического проникновения в Восточную Сибирь и расширения торгового обмена с русским Дальним Востоком. По сведениям русского посольства, деловые круги городов западного побережья Японии лелеяли надежду на значительный рост объема торговли с Россией (см. [38, д. 898, л. 90—95]). Об этом в 1893 г. писали ведущие японские газеты: «Иомиури», «Дзюю», «Хоккайдо симбун», «Коккай» и др.

В 1895 г. из Нагасаки в Приморскую область было вывезено риса и пшеничной муки на сумму 640 тыс. иен (см. [238, с. 551]).

Как указывалось выше, царское правительство не считало необходимым придерживаться общей линии с западными державами по вопросу о пересмотре договоров. Россия при условии сохранения за ней права наиболее благоприятствуемой нации соглашалась пойти на ряд уступок японцам и поддержать японское правительство перед другими государствами.

В 1889 г. русский посланник в Токио Д. Е. Шевич начал переговоры о заключении нового русско-японского торгового договора. В ходе переговоров японская сторона согласилась отменить пошлину на ввоз соленой сушеной рыбы с условием не включать эту статью в текст тарифа, пока другие державы не откажутся от неравноправных договоров. В отличие от России за отказ от консульской юрисдикции Англия и Германия в 1886 г. требовали от японцев издания нового кодекса гражданского права до того, как будет подписано соответствующее соглашение. Они также настаивали на допуске иностранных судей для разбора дел, касающихся иностранных подданных.

Русско-японский договор был подписан 8 августа (27 июля) 1889 г. К этому времени договоры с Японией заключили США и Германия. Германия также пошла на уступки Японии, рассчитывая таким путем ослабить позиции Англии и укрепить свое политическое влияние на Дальнем Востоке.

Русско-японский договор должен был войти в силу после отказа всех договорных держав от прежних неравноправных трактатов. Русский посланник Д. Е. Шевич разъяснил японской стороне, что если бы Россия односторонне согласилась на отмену консульской юрисдикции за одно допущение иностранной торговли внутри Японии, то другие государства на основании принципа наиболее благоприятствуемой нации могли бы потребовать допущения внутрь страны своих подданных без отказа от консульской юрисдикции (см. [40, д. 7, л. 82—85; 42, д. 49, л. 6—14, 251—271]). Японское правительство было удовлетворено этим разъяснением. Оно было готово пойти на ком-

промисс и согласиться на частичный отказ иностранных государств от консульской юрисдикции. Но обострение внутривосточной борьбы по вопросу о введении в жизнь реакционной конституции 1889 г. и рост враждебности народа по отношению к иностранцам, отстаивавшим неравноправные договоры, вынуждали правительство медлить с оформлением таких соглашений. Правящая верхушка боялась взрыва народного недовольства. Народное недовольство иностранцами выражалось подчас в крайних формах: избиениях и убийствах иностранных миссионеров, покушениях на иностранных представителей, правительственных деятелей Японии, слывших сторонниками развития связей с западными державами.

Японская пресса резко критиковала миссионерскую деятельность, в том числе и русскую духовную миссию в Токио. Действительно, английские, американские и другие миссионеры, пытаясь насадить христианство, вмешивались во внутренние дела страны, что не могло не вызвать противодействие со стороны японской общественности. Русская же духовная миссия занималась в основном просветительской деятельностью (распространение знаний о России, обучение русскому языку и т. п.). Однако националистически настроенные выходцы из самурайства, студенческая молодежь и оппозиционные партии в своих выступлениях не отделяли представителей русской духовной миссии от миссионеров западных стран.

В 1890 г. толпа забросала камнями русского посланника Д. Е. Шевича и его жену, а в 1891 г. наследник царского престола Николай Александрович (будущий царь Николай II) получил в г. Оцу сабельный удар по голове от японского полицейского по имени Цуда. По оценке русского посланника Д. Е. Шевича, покушение явилось не следствием общей ненависти к русским — ее не существовало, — а результатом того, что Цуда «глубоко ненавидит иностранцев вообще»⁴ [38, д. 896, л. 2, 20, 223].

Надо сказать, что этот эпизод не оказал серьезного влияния на дальнейшее развитие русско-японских отношений.

Основные принципы русской политики в отношении Японии вновь были сформулированы осенью 1892 г., при назначении в Токио нового посланника М. А. Хитрово.

В инструкции новому посланнику отмечался устойчивый характер политики России на Дальнем Востоке, что определялось: «Во-первых, соседством таких относительно сильных государств, как Китай и Япония; во-вторых, недостаточной развитостью наших окраин, отстоящих от главного сосредоточения наших государственных сил, материальных и нравственных, на громадном расстоянии. Отсюда желательность не только мирных, но даже дружественных отношений с вышеупомянутыми государствами должна бы, с одной стороны, обеспечить неприкосновенность и спокойствие наших собственных владений, с другой — противодействовать возможному проискам сопернича-

ющих с нами держав» (цит. по [238, с. 554]). Указывая, что между Россией и Японией «не существует никакой принципиальной противоположности», министерство иностранных дел исходило из того, что японские порты могут служить убежищем (!) для русских морских сил на Дальнем Востоке и снабжать их «всем необходимым».

Донесения царских дипломатов показывают, что они плохо разбирались в главных тенденциях японской внешней политики и внутренней жизни Японии. Русские представители в Японии, за немногим исключением, а вслед за ними и руководители министерства иностранных дел с ироническим пренебрежением относились к агрессивным выступлениям японских политических деятелей и прессы и не понимали надвигающейся со стороны Японии угрозы. Быстрое экономическое развитие Японии, ускоренные темпы наращивания армии и флота не вызывали в Петербурге тревоги. В инструкции лишь отмечалось недоверие и подозрительность японских влиятельных кругов к России, полагавших, что Россия вынашивает планы захвата Кореи.

Как показывает текст инструкции, Россия не проявляла никакой враждебности по отношению к Японии. Как и прежде, инструкция предписывала избегать вмешательства во внутренние дела Японии, где в то время происходила ожесточенная борьба либеральных и радикальных оппозиционных кругов правящих классов, а также демократических сил (часть мелкой буржуазии города и деревни, мелкобуржуазная интеллигенция)⁵ против реакционной диктатуры военно-феодальной верхушки. В японском парламенте, несмотря на то что он был создан на весьма узкой социальной базе, в первые годы его существования (после принятия конституции 1889 г.) происходили частые конфликты (в основном это были споры между парламентом и правительством). Парламентская буржуазно-помещичья оппозиция резко критиковала методы и всевластие правительственной полуфеодальной бюрократии и демагогически выражала недовольство колоссальными военными расходами. Инструкция министерства иностранных дел рекомендовала русскому представителю «тщательно воздерживаться от всего, что могло бы быть истолковано в сторону... воздействия с нашей стороны». М. А. Хитрово поручалось добиваться открытия порта Отарунай для иностранной торговли на о-ве Хоккайдо. Но это не было главным. «Япония важна для нас,— говорилось в инструкции,— не столько в торговом, сколько в политическом отношении, как один из факторов установившегося на Дальнем Востоке равновесия» (цит. по [238, с. 554—555]). Перед русскими дипломатами ставилась задача добиваться упрочения статус-кво на Дальнем Востоке и в особенности стремиться не допускать японо-китайского сближения на антирусской основе.

Приведенные выше документальные данные и другие многочисленные свидетельства опровергают утверждение английских,

американских и японских буржуазных авторов о враждебном характере политики России в отношении Японии накануне японо-китайской войны 1894—1895 гг. Между тем Англия, надеясь на использование агрессивной политики Японии против России и Китая, в 1894 г. наконец согласилась на пересмотр неравноправных договоров. Она подписала соглашение об отмене консульской юрисдикции с 1899 г. Японо-английское соглашение открывало возможность заключения русско-японского договора на базе соглашения 1889 г.

Русско-японский договор о торговле и мореплавании был подписан 27 мая 1895 г. в Петербурге, сразу же после завершения японо-китайской войны. Договор 1895 г. заменял договоры 1855, 1858 и 1867 гг. и все дополнительные к ним соглашения, «вследствие чего юрисдикция, до сих пор отправляемая русскими судами в Японии, и все особые привилегии: изъятия и льготы, коими русские подданные пользовались... прекращаются и отменяются окончательно без особого извещения» (ст. 18). Иностранные поселения в Японии должны были войти в состав японских городов (ст. 17).

Между обеими сторонами устанавливались «взаимная свобода торговли и мореплавания», а также принцип наибольшего благоприятствования в отношении пошлин и «всего, что касается торговли и мореплавания» (ст. 2—7). Эти правила не распространялись на каботажное плавание.

Подданные каждой из договаривающихся сторон на территории другой стороны пользовались широкими правами: свободой проезда и поселения, равными с местными жителями судебными и имущественными правами, свободой совести и отправления религиозных обрядов и др. Стороны предоставляли друг другу право повсеместно назначать своих консулов (см. [71, с. 27—52]).

Начало японской экспансии на материке

После фактического присоединения к Японии о-вов Рюкю японские лидеры, подстрекаемые военщиной, решили попробовать свои силы в захватах на материке. Объектом японской экспансии стала Корея. Сначала был спровоцирован «инцидент». В 1875 г. японские военные суда вошли в устье р. Ханган и стали производить промеры глубины у о-ва Канхва без разрешения корейских властей. Корейцы сделали несколько предупредительных выстрелов. В ответ японское судно обстреляло форт Чочжигин и высадило десант на о-ве Енчжондо, уничтожив защитников укреплений. В январе 1876 г. японский уполномоченный генерал Курода с двумя военными судами прибыл в устье р. Ханган. Он настаивал на «открытии» Кореи по образцу договоров, заключенных западными державами с Японией. Цинское правительство — сюзерен Кореи — посоветовало корейскому правительству пойти на уступки. Неравноправ-

ный Канхваский договор Кореи с Японией был подписан 26 февраля 1876 г. 24 августа были согласованы дополнительные статьи и торговые правила.

По этим соглашениям Япония получила ряд односторонних преимуществ: право держать в Сеуле дипломатического представителя, посылать консульских агентов и производить у берегов Кореи гидрографические изыскания. Японцы получали привилегию экстерриториальности и право свободной торговли без уплаты пошлин в Пусане и двух других портах, которые должны быть «открыты» впоследствии. При покупке товаров японцы могли расплачиваться своей валютой, а также вывозить корейские бронзовые и медные деньги.

Договор не признавал суверенитета Китая (см. [58, с. 11—19]). Японцы стремились изолировать Корею, с тем чтобы облегчить себе установление контроля над этой страной. Несмотря на тяжелые поражения от западных капиталистов, Китай оставался мощной державой на Дальнем Востоке, и сохранение его суверенитета над Кореей мешало планам японцев.

Канхваский договор «открывал» Корею для деятельности японских капиталистов, чем они не замедлили воспользоваться; в Корею потекли плохие и дешевые ткани главным образом английского производства. Взамен японцы скупали за бесценок золото, женьшень, продовольствие (рис, бобы и др.) Японские купцы закабалили крестьян ростовщическими ссудами. Однако экономически слабая Япония не могла подчинить своему влиянию весь корейский рынок. В 1877—1882 гг. японские товары в импорте Кореи составляли 11,7%, тогда как английские и американские — свыше 80% [58, т. 2, с. 246].

Русское правительство считало вредным для его интересов всякое иностранное проникновение в Корею, опасаясь, что иностранное влияние будет носить враждебный России характер. В русском министерстве иностранных дел преваляло убеждение, что для России наиболее выгодно «держаться по отношению к Корее выжидательной политики» и не вступать с Кореей ни в какие официальные отношения, чтобы не открывать дорогу другим странам. Заключение японо-корейского договора не изменило этой позиции (см. [32, 1876, т. 1, д. 186]).

Другие капиталистические державы решили использовать договор 1876 г. для проникновения в Корею. В 1882 г. США, а затем Англия навязали Корее неравноправные договоры.

Проникновение в Корею Японии, затем США и Англии заставило царское правительство установить с Кореей дипломатические отношения с тем, чтобы иметь возможность противодействовать расширению враждебного России влияния. Поверенным в делах в Сеуле был назначен бывший русский консул в Тяньцзине — Вебер.

В 1884 г. был заключен русско-корейский договор. Вопрос о суверенитете Китая в договоре не упоминался (как и в других договорах, заключенных Кореей в 70—80-х годах). России

предоставлялись права наиболее благоприятствуемой нации. На деле, однако, русские промышленники и торговцы не в состоянии были конкурировать со своими соперниками из Японии, Англии и США.

Изучение русской литературы и языка в Японии

Во многих работах японских литературоведов говорится о той особой роли, которую сыграла русская литература в становлении и развитии японской национальной литературы. Так, в «Японской историко-литературной энциклопедии» известный современный специалист по русской литературе Икэмура пишет: «Связи со старой русской и советской литературой почти целиком выразились в форме влияния той стороны на нашу... В процессе самостоятельного развития японского общества японские писатели приняли определенные черты и методы русской литературы и использовали их для собственного развития». Поэтому если изучать «связи этих двух литератур», то это значит изучать, «как русская литература помогла зарождению и развитию новой японской литературы» [323, с. 893]. Авторы «Большой японской литературной энциклопедии» сочли необходимым поместить специальную статью «Влияние русской литературы». Многие современные японские писатели высказывают безграничное уважение к русской литературе. Известный писатель Оэ Кэндзабуро (родился в 1935 г.) говорит: «Писать я учился у русской литературы. Разумеется, не я один. Японская литература нового времени и современная японская литература в целом училась и продолжает учиться поныне у русской литературы.. Методу отображения жизни, проникновения во внутренний мир человека я учился у Толстого и Достоевского» [229, с. 3].

Русская литература и язык начали изучаться в Японии в 70-х годах XIX в. В 1873 г. в Хакодате была создана православная школа, которая заложила, по-видимому, основы преподавания русского языка в Японии. Ее основателем был Иван Дмитриевич Касаткин, священник (отец Николай), который прибыл в Хакодате в составе первого русского консульства в 1861 г. Он установил широкие контакты с местным населением, распространив свою деятельность далеко за пределы консульского округа (см. [209, с. 247]). Некоторые из преподавателей школы изучали русский язык в России, куда их направил на учебу консул И. А. Гошкевич. Впоследствии они же преподавали и в Токийской школе иностранных языков, созданной в 1876 г. И. Д. Касаткин писал для русской прессы «Письма из Японии» (печатались в «Московских ведомостях»), а также многочисленные корреспонденции о жизни японского народа, его верованиях и пр. (публиковались в периодических изданиях). Написанный им большой очерк «Япония с точки зрения

христианской миссии» давал глубокий анализ революции Мэйдзи. Позднее он учредил русскую духовную миссию в Токио, а при ней семинарии и училища, которые превратились в очаги просвещения и знакомства японской молодежи с русским языком и русской культурой. И. Д. Касаткин всемерно поощрял публикацию русских классиков. В течение почти полувека он возглавлял учреждения, не только выполнявшие религиозные задачи, но и осуществлявшие большую просветительскую деятельность.

Три десятилетия проработал в Японии Рафаэль Кебер, выпускник Московской консерватории, философ, филолог, педагог; он заложил основы глубокого изучения русской и западной культуры в Токийском университете. Особенности японской культуры он посвятил свою работу «Наброски», в которой дал характеристику национальному характеру, быту, традициям и культуре японского народа. Его деятельность оставила яркий след среди японской интеллигенции; в нем они видели выдающегося воспитателя молодежи (см. [209, с. 249—250]).

С 1876 г. русская литература и ее язык начали изучаться в Токийской школе иностранных языков, просуществовавшей как самостоятельное учебное заведение в течение десяти лет. Русский язык, историю русской литературы и другие предметы преподавали русские учителя. Среди них особым уважением пользовались русский политэмигрант Николай Грей и старший брат известного русского биолога И. И. Мечникова — Лев Ильич Мечников. Л. И. Мечников, человек разносторонних дарований — географ, социолог, полиглот, автор многочисленных работ по естествознанию и экономике, — был хорошо известен в научных кругах Западной Европы. Его революционная деятельность, особенно контакты с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым, доставка «Колокола» в Россию, высоко оценивалась, в частности, Г. В. Плехановым (см. [249, с. 323, 331]). Овладев японским языком, Л. И. Мечников объездил всю страну, собрал богатый материал и опубликовал две книги: «Мэйдзи. Эра просвещения в Японии» и «Японская империя». Позднее им были написаны воспоминания о жизни и преподавательской работе в Японии. Среди выпускников школы были выдающиеся деятели культуры, в частности известный писатель и переводчик сочинений И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого Фтабатэй Хасэгава.

Русские писатели в Японии

Фтабатэй Хасэгава — общепризнанный основоположник реалистической литературы в Японии — хорошо знал русскую литературу критического реализма (произведения И. С. Тургенева и И. А. Гончарова, в дальнейшем — Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и многих других русских писателей). Он и сформировался как писатель благодаря русской литературе, с которой знакомился не по пере-

водам, а в подлиннике, прекрасно зная русский язык (даже читал лекции по русскому языку и литературе). В упоминавшейся выше статье в «Большой японской литературной энциклопедии» выделяются первые его переводы двух рассказов И. С. Тургенева — «Свидание» («Записки охотника») и «Три встречи», изданные в 1888 г. «Эти переводы,— говорится в „Большой японской литературной энциклопедии“,— зажгли в истории литературы нашей страны небывалый по яркости свет: вместе с тем переводы показали блистательное существование русской литературы, и с точки зрения силы влияния еще неизвестно, что было более великим — эти переводы или его роман „Плывущее облако“»⁶. Своими переводами Фтабатэй Хасэгава показал, что представляет собой творческий метод русского реализма. Не ограничиваясь этим, он теоретически сформулировал основные положения этого метода. В статье «Общая теория литературы» он изложил положения, целиком заимствованные у В. Г. Белинского и Н. А. Добролюбова, «представителей самой передовой тогда русской интеллигенции; выразителей русского национального самосознания и чаяний народа» [322, с. 726].

Сам Фтабатэй Хасэгава признавал огромное влияние на свое творчество произведений И. С. Тургенева, И. А. Гончарова и Ф. М. Достоевского. Во всяком случае, безошибочно можно сказать, что реалистическая линия, выраженная в дальнейшем в творчестве школы Утида Роан и Куникада Доппо,— результат влияния на него тургеневских произведений [322, с. 99].

Видимо, выбор для переводов именно рассказов Тургенева был не случайным. И. С. Тургенев стал первым по-настоящему известным русским писателем в Японии. Имя И. С. Тургенева связывалось с деятельностью популярных в стране народников. Японские корреспонденты из Парижа сообщали о сближении писателя с деятелями народнического движения — С. М. Степняком-Кравчинским, Г. А. Лопатиным, П. Л. Лавровым. Демократическое движение «За свободу и народные права», развернувшееся в 80—90-х годах, проявляло заметный интерес к русскому революционному движению. Немалое влияние на участников движения оказала неоднократно переводившаяся на японский язык книга С. М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия». Русский критический реализм не был лишь простым обличением социального зла. Он всегда звал к борьбе с этим злом. Именно это придавало особое значение русской литературе и усиливало ее влияние. Понятно обращение Фтабатэя Хасэгава и других японских литераторов к произведениям И. С. Тургенева.

Вслед за «Записками охотника» в 1889 г. Фтабатэй Хасэгава перевел роман «Накануне». Другой видный японский писатель, Токутоми Рока, в том же году опубликовал переводы других рассказов И. С. Тургенева. Публикация произведений русских писателей способствовала развитию теории литературы критического реализма в Японии.

Уже в конце 80-х годов XIX столетия начали появляться переводы произведений Л. Н. Толстого (в 1889 г. был опубликован перевод «Казак»). В дальнейшем все, что выходило из-под пера великого русского писателя, переводилось и распространялось по всей стране. К его произведениям наблюдался живой общественный интерес. И не только как к художнику, но и как к «учителю жизни». В Японии его так и называли — «Учитель». Появление в 1895 г. «Крейцеровой сонаты», переведенной одним из наиболее известных писателей Японии, Коё Одзаки, и переводчиком Кониси Масутаро, стало событием общественной жизни страны. Произведение отвечало общественным запросам того времени. В стране осуществлялся переход в новую, капиталистическую формацию. Происходила не только классовая политическая и экономическая перестройка общества, но и социальная — подрывались сами основы общественной жизни, особенно морали.

В передовом общественно-политическом журнале того времени «Кокумин-но-томо» («Друг народа») еще в 1890 г. была опубликована статья Токутоми «Великое светило русской литературы — Толстой». В 1893 г. Токутоми издал популярный очерк о Л. Н. Толстом, затем, в 1911 г., очерк «Великий Толстой». В 1918 г. перевел его «Дневник», в 1921 г. — «Чем люди живы?» и другие его произведения. Токутоми Рока, проявлявший особый интерес к проблемам морали, нашел у русского писателя то, что было близко ему и определенным кругам демократической молодежи: призыв ко всеобщему братству, к безграничной духовной свободе, высокой нравственности, действительному, не скованному религиозным догматизмом сознанию. Симптомы надвигающейся политической реакции, со всеми ее последствиями для общественной жизни, требовали активного противодействия. Поэтому обличение Л. Н. Толстым пороков государственного и общественного строя России было созвучно настроениям передовой японской молодежи. Отзвуки этих настроений проявились в романе Токутоми «Куросиво», опубликованном в 1901—1903 гг. Обличительный пафос этого произведения был направлен против реакционного режима и нравственного разложения правящих кругов 80—90-х годов (см. [216, с. 432—433]).

В последние годы XIX и в начале XX столетия в Японии процветали всевозможные «искания истины». Правдоискательство Л. Н. Толстого многим стало очень близко. Накадзава Ринсэн посвятил Л. Н. Толстому целое исследование, в котором назвал жизнь русского гения «последовательным проявлением Великой истины» и поставил его в один ряд с великими гуманистами нового времени.

Японо-китайская война и Россия

К началу 90-х годов японские военные круги считали, что армия и флот завершили подготовку к войне против Китая, а также захвату Кореи и Тайваня.

В 1893 г. в Корее под руководством секты тонхаков вспыхнуло крестьянское восстание, которое было направлено против феодального гнета и иностранцев — «западных варваров» и «лилипотов», как презрительно именовали японцев в Корее.

Напуганные размахом восстания, реакционные правители Кореи 5 июня обратились к Ли Хунчжану с официальной просьбой прислать китайские войска для умирения повстанцев с тем, чтобы «эти войска были выведены из страны сразу же после того, как мятежники будут умирены» (цит. по [276, с. 112]).

Рассчитывая на укрепление китайского влияния в Корее, Ли Хунчжан распорядился об отправке военных кораблей и солдат в Корею. 6 июня китайский посланник в Токио информировал японское правительство о посылке войск в Корею в соответствии с китайско-корейским Тяньцзинским договором 1885 г. Но еще до официального сообщения китайского дипломата японское правительство направило свои войска в Корею. В качестве предлога японская сторона сослалась на необходимость обеспечить безопасность своих подданных и охрану миссии.

10 июня, несмотря на протесты со стороны корейского и китайского правительств, японские войска заняли Сеул.

16 июня японский министр иностранных дел Муцу Мунэмицу сообщил китайскому посланнику предложение Японии: совместно подавить восстание, а затем создать смешанную японо-китайскую комиссию для проведения внутренних «реформ» в Корее. Реализация этого предложения означала бы установление совместной японо-китайской опеки над Кореей.

Китайское правительство, на что и рассчитывали японцы, отвергло предложение Японии. При этом оно указывало на то, что восстание фактически уже подавлено. Реформы должно проводить само корейское правительство, без вмешательства извне. Провоцируя конфликт, Япония настаивала на своих требованиях.

13 июля Муцу Мунэмицу направил своему посланнику в Сеуле Отори директиву, в которой формулировал курс японской политики на развязывание войны: «Наша ближайшая задача в настоящее время заключается в том, чтобы ускорить столкновение между Японией и Китаем. Для ее осуществления хороши любые средства. Всю ответственность принимаю на себя. Пусть Вас, господин посланник, это не беспокоит» (цит. по [276, с. 192—193]).

В правящих кругах Китая не было единодушия по поводу политического курса по отношению к Японии. Император Гуан-

ской и его окружение толковали о войне с Японией. Вдовствующая императрица Цыси и Ли Хунчжан все надежды возлагали на иностранное вмешательство.

Расчеты на вмешательство имели под собой определенную основу. Огромное влияние, которым пользовалась Англия в Китае и Корее, и значительные экономические интересы английской буржуазии в этих странах вызывали у нее заинтересованность в сохранении своих позиций. С 1885 г. главным уполномоченным по таможенным в Корее был английский подданный. По сумме импорта в Корею английские товары занимали первое место. Захват Кореи японцами грозил подорвать английское влияние в этой стране. Этим, однако, не исчерпывались внешнеполитические проблемы Англии. Англия имела значительные экономические интересы и в Японии. Английские капиталисты были заинтересованы в сохранении своих привилегий в этой стране, которые обеспечивались неравноправными договорами. Поэтому английское правительство долгие годы отказывалось от пересмотра договоров. Не в интересах Англии было и обострение японо-китайских отношений. В планах английской дипломатии фигурировала идея японо-китайского союза под гегемонией Англии. Такой союз обеспечил бы британские экономические интересы на Дальнем Востоке и создал бы серьезную угрозу России на Тихом океане.

Россия была одним из граничащих с Кореей государств, и ее в не меньшей степени, чем Китай, интересовали происходившие там события.

Уже 7 июня 1894 г. русский посланник М. А. Хитрово посетил министра иностранных дел Муцу Мунэмцу. Он уже знал о решении об отправке в Корею солдат и военно-морских кораблей. Из слов японского министра русский дипломат понял, что японское правительство твердо решило, воспользовавшись восстанием тонхаков, осуществить интервенцию в Корею, не останавливаясь перед войной с Китаем. Не имея никаких инструкций и зная общий сдержанный курс России на Дальнем Востоке, русский посланник не высказал своей точки зрения по этому вопросу.

Более определенную позицию занял русский посланник в Пекине А. П. Кассини. 20 июня в Тяньцзине по пути на родину он встретился с Ли Хунчжаном. Последний от имени китайского правительства просил его передать русскому правительству просьбу Китая о посредничестве в японо-китайском конфликте с целью заставить Японию немедленно вывести свои войска из Кореи. Ли Хунчжан, утаив, что инициатива исходила от него, сообщил, что с предложением о посредничестве якобы выступил английский посланник, но, поскольку Россию и Корею связывают совместные интересы, только Россия, несомненно, имеет исключительное право выступить в качестве посредника. Китайский сановник заверил А. П. Кассини, что, если японское правительство гарантирует России немедленный вывод войск из

Кореи, китайское правительство выведет свои войска с полуострова одновременно с Японией.

А. П. Кассини полагал, что посредничество в конфликте между Японией и Китаем поможет России без особых жертв усилить русское влияние в Корее и на Дальнем Востоке в целом. Кроме того, посредничество может предотвратить столкновение между Китаем и Японией. А. П. Кассини согласился с мнением Ли Хунчжана и обещал ему немедленно сообщить о просьбе китайского правительства в Петербург [53, 1932, т. 50—51, с. 16—17].

К англичанам Ли Хунчжан с просьбой о посредничестве обратился еще в середине июня. Английская дипломатия приняла серию маневров в Пекине и Токио, рассчитывая сохранить свои позиции в Корее и противопоставить и Китаю и Японию России (см. [276, с. 233—234]). Ли Хунчжан, верный своим принципам маневрирования среди великих держав и в надежде на противопоставление Англии России, рассчитывал, что англичане, узнав об участии России в посредничестве, не «захотят отдать проблему в руки русских». И тогда они займут позицию более благоприятную для Китая. Между тем в Петербурге, не зная истинного положения дел, пришли к выводу, что нажим Российской Империи без особого труда заставит Японию согласиться на ее предложение и это поднимет престиж России в Восточной Азии.

25 июня М. А. Хитрово предложил японскому министру иностранных дел Муцу Мунэмицу посредничество русского правительства. Муцу же дал понять, что Япония считает нежелательным вмешательство третьей державы, и заявил, что вывод японских войск будет осуществлен только после того, как Китай выведет свои войска и согласится на проведение реформ в Корее (см. [276, с. 217]).

Получив отказ, русское правительство сделало еще одну попытку оказать дипломатический нажим на Японию. По поручению министра иностранных дел Н. К. Гирса М. А. Хитрово посетил Муцу Мунэмицу 30 июня. Он уже не говорил о посредничестве. В ноте, которую он передал Муцу, рекомендовалось «удовлетворить требования Кореи» о выводе японских и китайских войск. Царское правительство предостерегало, что «японское правительство будет нести всю ответственность в случае возникновения осложнений, связанных с одновременной эвакуацией дислоцированных в Корее войск Японии и Китая» (цит. по [276, с. 221]). Из бесед с М. А. Хитрово, однако, Муцу заключил, что Россия не намерена использовать вооруженные силы для защиты Кореи.

В ответной ноте Япония вежливо, в дипломатичной форме отвергла совет русского правительства. Вскоре стало ясно, что и Англия не намерена оказывать серьезного сопротивления Японии. Более того. В разгар японо-китайского конфликта английское правительство сняло свои требования о предоставлении

иностранцам права на владение земельной собственностью. 16 июля 1894 г. был подписан англо-японский торговый договор. Англия отказывалась от экстерриториальности и ряда других односторонних преимуществ, которыми она располагала по условиям заключенных ранее неравноправных договоров. Для Японии открывалась возможность заключения пересмотренных договоров и с другими западными державами.

В Японии это было расценено как поощрение ее агрессивной политики. Прояпонские круги в Англии надеялись на использование Японии против России. Японское правительство решило действовать, и немедленно.

23 июля японские солдаты захватили королевский дворец и разоружили гарнизон Сеула. У власти они поставили своих ставленников. А через день, 25 июля, японский крейсер «Нанива» потопил английский транспорт «Гао Шэн» с китайскими солдатами, направлявшийся в Корею. В тот же день японцы потопили китайский крейсер «Нанто». Так японские милитаристы развязали войну без предварительного официального объявления. Это был беспрецедентный в ту пору случай, противозаконный с точки зрения сложившихся тогда норм международного права. Япония ввела в международную практику нового времени начинать войну без объявления. Этому методу японские милитаристы следовали и в дальнейшем — в своей агрессии против России, Китая и других стран региона.

Хорошо обученная и вооруженная современным оружием японская армия быстро разгромила полуфеодалные китайские войска в Корее и перенесла военные действия в Маньчжурию и на Ляодунский полуостров. В октябре 1894 г. японцы захватили Порт-Артур, основную базу китайского флота. Вскоре потерпел поражение и китайский военно-морской флот. Феодалная и полукOLONиальная Цинская империя не смогла противостоять японским милитаристам, опиравшимся на техническое и военное превосходство своей страны, быстро развивавшейся по капиталистическому пути.

Победы японских вооруженных сил оказались неожиданными для большинства капиталистических стран. Царская дипломатия, плохо осведомленная о действительных планах и настроениях правящих кругов Японии, пожалуй, более всего была встревожена развитием событий, происходивших у ее дальневосточных границ.

21(9) августа в Петербурге было созвано особое совещание для обсуждения позиции, которую следует занять России в связи с японо-китайской войной. На совещании возобладала точка зрения министра иностранных дел Н. К. Гирса, что, не вмешиваясь в войну, следует дипломатическим путем склонять воюющие стороны к миру, и к сохранению в Корее существовавшего до войны положения. Корея, подчеркнул он, могла бы «благодаря своей слабости обратиться в орудие враждебных для нас целей, если бы она подпала под владычество одной из вою-

ющих держав». Он видел особую угрозу для выходов из восточносибирских портов в открытый океан в случае занятия Японией южной части Корейского полуострова. Последнюю мысль энергично поддержал военный министр П. С. Ванновский. «Сохранение статус-кво в Корее,— говорил он,— должно служить главной задачей нашей настоящей политики на Дальнем Востоке. Для нас особенно невыгодно было бы завоевание Кореи японцами». Он предложил принять заблаговременно «некоторые военные предосторожности, усилив, между прочим, войска на нашей Южно-Уссурийской границе» [53, 1932, № 3(52), с. 62—67].

Совещание признало активное вмешательство в войну не отвечающим интересам России. Оно рекомендовало продолжать держаться образа действий, «совместного с другими заинтересованными державами», чтобы склонить воюющие стороны к скорейшему прекращению войны. «Желательный исход войны — говорилось далее,— сохранение status quo в Корее» [53, 1932, № 3(52), с. 62—67].

Царские министры желали сохранения статус-кво в Корее по крайней мере до тех пор, пока не будет построена Сибирская дорога и Россия не укрепит свои позиции на Тихом океане. Одной из важнейших считалась задача приобретения там незамерзающего порта в качестве базы для русских военно-морских сил.

Не имея ясного представления о подлинных целях и размахе завоевательных планов Японии и не зная, каков будет исход войны, царское правительство уже в августе начало принимать предупредительные меры. Шесть военных кораблей были подготовлены к отправке на Дальний Восток, начали осуществляться меры по усилению войск Приамурского края, были выделены финансы на подготовку военной мобилизации весной 1895 г. Царское правительство было твердо намерено не допустить военных действий на севере Кореи и воспрепятствовать присоединению этой страны к Японии или Китаю. В Петербурге не хотели допустить и одностороннего вмешательства Англии в урегулирование японо-китайского конфликта [238, с. 645, 652].

Англия была обеспокоена возможностью перенесения военных действий в районы Тяньцзиня, Гонконга и Шанхая. Это могло бы нанести серьезный ущерб торговым интересам английской буржуазии. 8 октября 1894 г. английский посланник в Токио Трэнч посетил Муцу и предложил посредничество в заключении мира. Английская дипломатия выработала и условия мира: великие державы гарантируют независимость Кореи; Китай возмещает Японии военные расходы (см. [276, с. 406]).

Франция, Германия и США, однако, не согласились поддержать английскую инициативу. Россия заняла выжидательную позицию.

Следует заметить, что петербургские газеты — официальные и биржевые — предвидели опасность успехов Японии для инте-

ресов России. Так, «Новое время» предупреждало об опасности победы Японии, захвата Кореи и создания на Дальнем Востоке «нового Босфора» [430, 27(15).07.1894]. Притязания Японии на Корею, агрессивные выступления отдельных идеологов в пользу отрыва от России Сибири вызвали резкие заявления «Нового времени» [430, 6.10.(24.09).1894]. «Биржевые ведомости» высказывались за раздел Китая между западными державами и призывали к «обузданию» Японии. Вместе с тем буржуазные обозреватели давали Японии советы направить свои захватнические стремления не на соседние с Россией области, не на Корею, а на юг, откровенно выражая надежды на обострение японо-английских отношений.

Официозные и особенно биржевые газеты не скрывали заинтересованности помещиков и капиталистов в приобретении новых рынков, незамерзающих портов, выходов к Тихому океану. Русская буржуазная пресса единодушно высказывалась против того, чтобы только Англия диктовала условия урегулирования дальневосточного конфликта и захвата морской базы в Корее, вблизи от русских границ.

Захватнические планы Японии в Корее все больше беспокоили Петербург. В декабре 1894 г. Н. К. Гирс поручил М. А. Хитрово снова «дружественным образом» напомнить Токио его обещание «не посягать на самостоятельность Кореи» [40, д. 12, л. 203].

Между тем воюющие стороны отвергли условия, предложенные англичанами; Япония рассчитывала на дальнейшие военные успехи; китайское правительство не могло примириться с поражением и отказаться от сюзеренитета над Кореей.

В ноябре 1894 г. с предложением посредничества выступили США. Американская буржуазия опасалась повторения тайпинского восстания, что могло привести к ликвидации неравноправных договоров и привилегий для иностранных торговцев.

Японские правящие круги также опасались выступлений китайского народа. Не хотели в Японии и вмешательства западных держав.

После длительных оттяжек начались переговоры. Японская дипломатия стремилась добиться максимальных выгод из поражений цинских войск и неспособности феодальной монархии защитить свою территорию.

Победы японцев превзошли все ожидания царских сановников. Стало известно о высадке японцев у Вэйхайвэя и направлении китайских представителей в Хиросиму для начала мирных переговоров.

В правительственных сферах начали осознавать масштабы японской опасности. На Дальнем Востоке появилась новая мощная держава, изменившая прежний баланс сил в регионе.

1 февраля 1895 г. в Петербурге было созвано особое совещание для обсуждения той позиции, которую следовало занять России.

Полная победа Японии была несомненной, но требования Японии были все еще неизвестны. Японская дипломатия держала их в секрете.

Председательствующий на совещании великий князь Алексей Александрович заявил, что «постоянные успехи Японии заставляют ныне опасаться изменения *status quo* на Тихом океане и таких последствий китайско-японского столкновения, коих не могло предвидеть предшествующее совещание» (от 21 августа 1894 г.). Поэтому совещанию надлежит обсудить меры, которые «следовало бы принять для ограждения наших интересов на Крайнем Востоке». Следует ли держаться в «корейском вопросе» совместного с другими державами образа действий или же «перейти к самостоятельным» шагам?

В ходе обсуждения ясно проступили две политические линии. Одна заключалась в том, чтобы компенсировать себя каким-либо территориальным присоединением (незамерзающий порт для зимовки Тихоокеанского флота или отторжение части Северной Маньчжурии для более короткого пути Сибирской дороги к Владивостоку). Другая линия предусматривала отпор Японии под флагом защиты независимости Кореи и целостности Китая. Главная цель такого курса — не допустить Японию укрепиться неподалеку от русских границ, не позволить ей овладеть западным побережьем Корейского пролива, закрыв выход России из Японского моря.

Министры высказались против немедленного вмешательства. Слабость русского флота и сухопутных сил на Дальнем Востоке была основным сдерживающим фактором.

Совещание приняло решение усилить русскую эскадру в Тихом океане так, чтобы «наши морские силы были по возможности значительнее японских». Министерству иностранных дел было поручено попытаться «войти с Англией и другими европейскими державами, преимущественно с Францией, в соглашение относительно коллективного воздействия на Японию в том случае, если бы японское правительство при заключении мира с Китаем предъявило требования, нарушающие наши существенные интересы. При этом министерство иностранных дел должно иметь в виду, что главная цель, которую мы должны преследовать, — это сохранение независимости Кореи» [53, 1932, т. 52, с. 67—74].

Переговоры с Лондоном и Парижем выявили совпадение взглядов на будущее Кореи: она должна сохранить независимость.

В конце 1894 г. и начале 1895 г. японская печать шумно требовала похода на Пекин, свержения цинской династии, ограничения деятельности западных держав и подчинения Северного Китая Японии. Военщина разделяла эти взгляды.

Английский, французский и русский посланники сделали японскому министру иностранных дел Муцу Мунэмицу идентичные заявления о необходимости «соблюдать умеренность».

Особенно они предостерегали его от последствий похода на Пекин. М. А. Хитрово неоднократно в беседах с Муцу говорил об опасности переворота в Пекине. Ликвидации цинской монархии не хотела и Япония. Она также боялась народного восстания, которое смело бы всю систему неравноправных договоров. Японцы сами планировали навязать Китаю такие соглашения.

Совместными выступлениями трех великих держав японское правительство было встревожено. Его политика базировалась на англо-русских противоречиях, поэтому оно постаралось успокоить Англию и Россию, чтобы не допустить дальнейших совместных акций.

15 февраля 1895 г. Муцу Мунэмицу официально заверил русского посланника, что Япония не имеет намерений вести войну «до распада Китая или падения династии» и не будет задевать интересы иностранных капиталистов, в частности русских торговцев чаем. В первый раз Муцу приоткрыл завесу над тайной содержания тех требований, которые Япония намерена предъявить Китаю. Муцу Мунэмицу сообщил М. А. Хитрово, что Япония потребует от Китая возмещения военных расходов и территориальных уступок [53, 1936, т. 46, с. 32]. В Петербурге и не подозревали, что захватнические устремления Японии простираются куда дальше — к захвату Порт-Артура и Ляодунского полуострова.

Под угрозой нового японского наступления в Пекине были вынуждены согласиться на территориальные уступки. Только тогда, 21 февраля, японский посланник в Петербурге Ниси Токудзиро сообщил директору Азиатского департамента министерства иностранных дел России В. В. Капнисту, что Япония потребует у Китая Порт-Артур или Вэйхайвэй, заключения торгового договора на условиях, аналогичных договорам с западными державами, и признания независимости Кореи. Ниси «обосновывал» эти требования утверждением, что Китай, по всей видимости, будет готовиться к реваншу и Японии необходимы эти крепости для обороны. Ниси просил не сообщать эту информацию другим державам (см. [238, с. 676]).

Не зная реакции других держав на японские требования и опасаясь обострения отношений с Японией, в Петербурге более месяца не могли определить линию своего поведения. Русская дипломатия ограничилась общим советом Китаю и Японии заключить мир.

Новый министр иностранных дел России А. Б. Лобанов-Ростовский, назначенный на этот пост в марте 1895 г., решил прежде всего выяснить, может ли Россия рассчитывать на поддержку других держав в случае, если она потребует от Японии отказа от притязаний на Порт-Артур?

В Лондоне решили воздержаться от участия в выступлении против Японии. Английское правительство считало, что японские требования более всего нарушают интересы России. Выступление русского правительства в пользу Китая резко ухуд-

шит русско-японские отношения, что позволит Англии более активно использовать Японию против России.

Русский министр предложил Франции и Германии совместно заявить протест японскому правительству: аннексия Порт-Артура на долгое время станет для Японии препятствием к восстановлению добрых отношений с Китаем и будет постоянной угрозой миру в Восточной Азии.

Французское правительство явно боялось ввязываться в конфликт на Дальнем Востоке. Французские империалисты в эти годы развернули широкую экспансию в Африке и на Мадагаскаре. Париж колебался.

Но 8 апреля А. Б. Лобанов-Ростовский получил безоговорочно положительный ответ из Берлина. Вильгельм II заявлял о согласии немедленно предпринять демарш в Токио одновременно с Россией. Германская дипломатия рассчитывала усилить влияние Германии на Дальнем Востоке и подготовить почву для захвата военно-морской базы на китайском побережье.

После согласия Германии Франция не могла отказать своему союзнику — России в поддержке, хотя и продолжала колебаться. В этих условиях 11 апреля было созвано особое совещание для обсуждения вопроса о позиции России. На совещании была принята программа министра финансов С. Ю. Витте: не допустить Японию на материк и получить от Китая уступки без прямого захвата Россией каких-либо территорий на Дальнем Востоке. С. Ю. Витте исходил из того, что для России выгоднее иметь соседом «сильный», но «неподвижный» Китай, чем быстро усиливающуюся и крайне агрессивную Японию (см. [108а, т. 1, с. 38—39, 46]). Выступление в защиту Китая и против Японии давало возможность соединить железнодорожное и финансово-экономическое проникновение в Китай с укреплением политического влияния России. Попытку Японии захватить Ляодунский полуостров С. Ю. Витте рассматривал как непосредственную угрозу Сибирской железной дороге и экономическим и политическим планам России в этом районе.

С. Ю. Витте был уверен в том, что японцы не остановятся на захвате Ляодунского полуострова и будут добиваться полного господства над Китаем. «Если мы,— говорил он,— теперь допустим японцев в Маньчжурию, то для охраны наших владений и Сибирской дороги потребуются сотни тысяч войска и значительное увеличение нашего флота, так как рано или поздно мы неизбежно придем к столкновению с Японией. Он настаивал на «активном образе действий теперь же и, не стремясь пока к исправлению... амурской границы», требовал «заявить решительно, что мы не можем допустить занятия Японией Южной Маньчжурии и что в случае невыполнения нашего требования мы будем вынуждены принять соответствующие меры». С. Ю. Витте, учитывая обещанную поддержку со стороны Германии и Франции, надеялся, что «до войны дело не дойдет» [53, 1932, т. 52, с. 80—81].

Его поддержали военный министр П. С. Ванновский, управляющий морским министерством Н. М. Чихачев и, что особенно важно, А. Б. Лобанов-Ростовский.

В своем выступлении министр иностранных дел признал, что «на дружбу Японии ни в коем случае рассчитывать нельзя» и что «предпринятая ею война направлена не столько против Китая, сколько против России, а затем и всей Европы».

«Заняв Южную Маньчжурию, японцы не останутся на этом, а, несомненно, будут развивать свою колонизацию далее по направлению к северу» [53, 1932, т. 52, с. 80].

Совещание постановило: 1) добиваться сохранения статуса-кво на севере китайской империи, а в случае отказа Японии возвратить Китаю Южную Маньчжурию «объявить японскому правительству, что мы оставляем за собой свободу действий»; 2) сообщить европейским державам и Китаю, что, «не стремясь со своей стороны ни к каким захватам, мы считаем необходимым для охраны своих интересов настаивать на отказе Японии от занятия Южной Маньчжурии» [53, 1932, т. 52, с. 81].

Между тем 17 апреля был подписан Симоносекский мирный договор между Японией и Китаем, который имел грабительский и унижительный для Китая характер. Китай признавал полную независимость и суверенитет Кореи, передавал Японии «в вечное владение» Ляодунский полуостров с портами Порт-Артур и Далянь (Дальний) по линии от устья р. Ялу до Инкоу и устья р. Ляохэ. К Японии переходили также о-ва Тайвань и Пэнху. Китай обязывался выплатить Японии «в качестве возмещения военных расходов» 200 млн. лянов, заключить новый договор о торговле и мореплавании, а также о пограничных сношениях и торговле на основе договоров, существующих между Китаем и европейскими государствами (т. е. неравноправные договоры); Китай обязывался также открыть четыре новых города; японцам разрешалось в открытых городах и портах заниматься промышленной деятельностью, ввозить машины, назначать своих консулов и т. п. (см. подробно [276, с. 537—539]).

23 апреля посланники России, Германии и Франции в Токио потребовали от Японии отказа от Ляодунского полуострова.

Японское правительство опасалось вмешательства со стороны других держав. Премьер-министр Ито Хиробуми 27 января 1895 г. на совещании по выработке условий мирного договора говорил: «Нет никаких гарантий, что опубликование условий мира не повлечет за собой вмешательство третьей стороны. Более того, есть все основания полагать, что такое вмешательство неизбежно» [150, с. 184].

Однако японское правительство не ожидало *совместного* выступления трех мощных держав. Начав войну с Китаем, японская дипломатия не подготовила ее политическую и дипломатическую стороны. Самурайская военщина упивалась успехами в борьбе против разложившейся Цинской империи. Рассчитывая на поддержку США и Англии, японские правящие

круги полагали, что другие державы не осмелятся всерьез противиться ее захватам в Китае.

Японская дипломатия лихорадочно стала искать выхода из положения. Японский посланник в США Курино получил указание обеспечить поддержку Вашингтона. США обещали содействие, но в рамках объявленного нейтралитета [150, с. 253]. Неутешительным был и ответ из Лондона: английское правительство неизменно остается при своем решении не вмешиваться в события. Опасаясь разгрома японского флота, английское правительство посоветовало токийскому кабинету занять умеренную позицию.

Все это можно расценивать как крупное дипломатическое поражение Японии. Удостоверившись, что поддержки со стороны других держав нельзя получить, а Россия настроена весьма решительно, Япония вынуждена была уступить. Стараясь «спасти лицо», японское правительство оговорило свою уступку тем, что Китай предварительно ратифицирует договор, а затем Япония публично заявит о готовности смягчить условия мира.

10 мая японское правительство заявило о возвращении Китаю Ляодунского полуострова. Оно еще выторговало у Китая дополнительное денежное вознаграждение в сумме 30 млн. лянов. Согласие Японии на требование трех держав было обеспечено прежде всего военными мероприятиями, осуществленными Россией, и готовностью царского правительства начать военные действия (невзирая на недостаточность сухопутных войск). Вначале Россия могла выставить против Японии не более 12—15 тыс. солдат. Через четыре-пять месяцев, после проведения мобилизации,— до 50 тыс. Силы весьма незначительные. Лучше был подготовлен флот. Россия существенно усилила свою эскадру на Тихом океане. На соединение с Тихоокеанской эскадрой еще в январе 1895 г. был направлен броненосец и крейсер под командованием вице-адмирала С. О. Макарова.

На Дальнем Востоке находились также французские (крейсер) и германские (2 крейсера) военно-морские корабли, хотя их командование и не проявляло рвения в подготовке совместных действий против японского флота.

В Чифу в начале мая было сосредоточено 15 русских кораблей. Ожидался подход еще 7 судов. Всего эскадра располагала броненосцем, 8 крейсерами и 13 другими судами общим водоизмещением в 52 тыс. т. Японский флот имел свыше 30 кораблей, но русская эскадра располагала более мощными бронированными судами и крупнокалиберной артиллерией. Русская эскадра могла нарушить морские коммуникации японской армии на континенте, которая к тому же оказалась в сложных условиях: свирепствовала холера, запасы снаряжения были на исходе. Эти обстоятельства предопределили согласие японского правительства пойти на уступку трем великим державам (см. [238, с. 702—704]).

Русская дипломатия добилась эффективной победы. Возврат

Китаю Ляодунского полуострова с Порт-Артуром имел перво-степенное стратегическое значение в борьбе русского империализма за расширение своего влияния на Дальнем Востоке.

Японская дипломатия потерпела поражение, не сумев правильно учесть расстановку и соотношение сил на мировой арене.

Руководитель японского внешнеполитического ведомства, министр иностранных дел Муцу Мунэмицу, в своих «Записках верноподданного» пытается объяснить свою неудачу обстоятельствами внутреннего положения в стране: разгар шовинистических настроений, охвативших Японию. Правительство, утверждает Муцу Мунэмицу, пошло на эти уступки потому, что «правильно расценивало и учитывало положение, создавшееся внутри страны... В конечном счете мы продвинулись до тех границ, до которых было возможно, и остановились там, где нельзя было не остановиться» [150, с. 140—142].

Япония могла праздновать победу, хотя ей и был нанесен дипломатический удар,— Корея полностью была избавлена от китайского влияния. Огромная контрибуция явилась стимулом для развития японской экономики и строительства вооруженных сил.

Договор о торговле и мореплавании с Китаем, подписанный в июле 1896 г. на неравноправных условиях, дал возможность Японии принять участие в освоении колоссальных китайских рынков. Расчеты же японских капиталистов на безраздельный контроль над Кореей оказались нереальными. Япония была вынуждена отказаться от монопольного положения, которого она добилась в период японо-китайской войны. Японские лидеры не учли острую ненависть корейского народа к японским захватчикам. Организованное японцами убийство королевы Мин (в октябре 1895 г.), возглавлявшей антияпонскую группировку, лишь на время позволило японским ставленникам захватить власть.

Сторонники русской ориентации во главе с королем в марте 1896 г. сумели создать правительство, пользовавшееся более широкой поддержкой в стране. Японцы вынуждены были отступить. Последовавшие одно за другим в 1896 г. русско-японские соглашения, подписанные сначала дипломатическими представителями К. И. Вебером и Комура Ютаро в Сеуле, а затем (расширенные и дополненные) — министром иностранных дел России А. Б. Лобановым-Ростовским и японским маршалом Ямагата Аритомо в Петербурге, определили совместный русско-японский протекторат над Кореей (тексты соглашений см. [72а, с. 290—291, 295—296]).

Предложение Японии разделить Корею на сферы влияния по 38-й параллели не нашло отклика со стороны России. Влияние русского империализма в Корее стало преобладающим. Усилились позиции России и в Китае. Предоставив Китаю заем на покрытие расходов по уплате контрибуции Японии, русский финансовый капитал значительно усилил свои позиции в

Китае. В конце 1895 г. был основан Русско-Китайский банк, получивший широкие полномочия по финансированию деятельности китайских властей, хранению налоговых поступлений, получению железнодорожных и иных концессий по всей территории страны. Значительную роль в создании и деятельности банка играл французский капитал. Возрастание роли французского капитала в дальневосточной политике России содействовало переходу России к активной экспансии на Дальнем Востоке (см. [212, т. 2, с. 327]).

В июне 1896 г. в результате переговоров С. Ю. Витте с Ли Хунчжаном по инициативе китайской стороны был заключен Московский договор об оборонительном союзе против Японии. Основной задачей русско-китайского оборонительного союза было предотвращение нового вторжения Японии на континент. По условиям договора каждая из сторон должна была прийти на помощь другой стороне в случае нападения Японии на Китай, Корею или восточноазиатские владения России. Стороны обязывались не заключать мира без взаимного согласия. Для облегчения подвоза русских войск при выполнении договора Китай соглашался на сооружение железной дороги через Северную Маньчжурию на Владивосток. Дорога, таким образом, соединяла Забайкалье с Владивостоком почти по прямой линии. Постройка и эксплуатация дороги предоставлялись Русско-Китайскому банку [212, т. 2, с. 328]. Для сооружения и эксплуатации дороги банк учреждал Акционерное общество Китайской Восточной железной дороги. Общество освобождалось от пошлин и налогов, ему предоставлялась вдоль дороги «полоса отчуждения». Практически общество существовало на средства русского правительства.

На путях к русско-японской войне

Японская агрессия против Китая имела далеко идущие последствия. Стремление Японии подчинить Корею и утвердиться на континенте в непосредственной близости от русских владений на Дальнем Востоке резко обострило русско-японские отношения. Стали намечаться те перемены во взаимоотношениях империалистических держав на Дальнем Востоке, которые в дальнейшем привели к русско-японской войне. Японская агрессия сообщила определенный импульс обострению борьбы капиталистических держав за раздел Китая и установление преобладающего влияния в северо-западной части Тихого океана. Явно враждебная Китаю позиция английского правительства во время войны показала китайцам реальный смысл политики английского империализма, что привело к падению политического влияния Англии в Китае. В то же время наметилось дальнейшее сближение Англии с Японией на антирусской основе. Обе державы стремились ослабить позиции России в Китае и Корее. Политика США на Дальнем Востоке содействовала

агрессивным планам японских милитаристов стать континентальной державой за счет территорий Кореи и Китая.

После японо-китайской войны Дальний Восток выдвинулся на передовые рубежи мировой политики. В решение дальневосточных проблем втягивались все великие державы. Это заставило правительство России отвлечь часть сил и перенести внимание с Европы и Ближнего Востока на Дальний Восток.

Обнаруженная Китаем полная неспособность защитить себя развязала руки империалистическим захватчикам. В феврале 1898 г. Китай обязался перед Англией не отчуждать в пользу какой-либо третьей державы самые богатые в Китае территории в бассейне р. Янцзы и сохранить за английским подданным должность главного инспектора морских таможен. 1 марта 1898 г. цинское правительство подписало контракт на заем у Гонконг-Шанхайского банка под гарантию доходов от морских и внутренних таможен. В июне 1898 г., англичане навязали Китаю соглашение об уступке Вэйхайвэя (см. [259а, с. 87—96]).

В марте 1898 г. кайзеровское правительство навязало цинским властям соглашение о передаче Германии порта Циндао с окрестной территорией на побережье бухты Цзяочжоу, захваченной немцами в ноябре 1897 г., на началах аренды сроком на 99 лет, концессию на постройку железнодорожных линий в Шаньдуне и др. Шаньдун стал сферой влияния Германии.

Захват Германией бухты Цзяочжоу заставил цинское правительство обратиться за помощью к России. Русское правительство согласилось оказать помощь Китаю при условии удовлетворительного решения интересовавших Россию вопросов (железнодорожное строительство в Северо-Восточном Китае и др.).

После того как Англия установила свою сферу влияния в районе Янцзы и заключила соглашение о займе, в Петербурге усилилось беспокойство, как бы Порт-Артур, возвращенный Китаю, не превратился в английскую военную базу вблизи русских границ. Начались русско-китайские переговоры, которые завершились подписанием 27 марта 1898 г. соглашения о передаче России в аренду сроком на 25 лет Порт-Артура и Даляня вместе с прилегающими территориями. Формально указывалось, однако, что аренда не нарушает верховных прав Китая на данную территорию. Далянь объявлялся портом, открытым для торговли всех держав. Китайское правительство дало согласие распространить концессию, предоставленную им Обществу КВЖД, на сооружение железной дороги от магистральной линии до Даляня.

Опасаясь японо-английского сговора и создания враждебной России коалиции на Дальнем Востоке, русское правительство пошло на уступки Японии в Корее. По соглашению от 25 апреля 1898 г. Россия фактически допускала экономическое преобладание Японии в Корее. Укрепление экономических позиций в Корее рассматривалось в Японии лишь как этап к ее захвату.

Мероприятия царского правительства по закреплению позиций русского империализма в Маньчжурии⁷ вызвали истошный вой рептильной прессы на Западе. Особенно усердствовала английская печать. В Японии антирусская пропаганда преуспела по своей резкости даже англичан.

Милитаристы, возглавлявшиеся маршалом Ямагата Аритомо, нападали на правительство Ито Хиробуми, обвиняя его в нерешительности и уступчивости. Милитаристская самурайская клика, тесно связанная с создававшимися капиталистическими монополиями, требовала скорейшего нападения на Россию. Шовинистические организации, возглавлявшиеся парламентскими и военными лидерами, развернули бешеную кампанию против России.

Японское правительство начало подготовку к войне с Россией сразу же после пересмотра Симоносекского мирного договора. Большая часть полученной с Китая контрибуции (230 млн. лянов, или 364 млн. иен) была затрачена на военную подготовку. Государственные расходы (в основном на военные цели) с 84 млн. иен в 1893—1894 гг. возросли до 240 млн. иен в 1897 г.

Китайская контрибуция, налоговые поступления, иностранные займы (главным образом английские) позволили мобилизовать колоссальные по тому времени суммы (516 млн. иен) на реализацию огромной программы вооружения на суше и на море, а также железнодорожное строительство. Программа была завершена в 1900—1901 гг. (см. [212, т. 2, с. 526]).

Завершение программы развязывало руки японским империалистам для внешнеполитических авантур; на этой базе происходило укрепление блока военно-феодалных кругов с крупными капиталистами, получившими огромные военные заказы. Американские и английские империалисты надеялись использовать Японию как таран, с тем чтобы расчистить себе дорогу в Маньчжурию. В 1899 г. Англия предоставила Японии третий по счету заем (10 млн. ф. ст.). Английские верфи выполняли заказы по строительству для Японии сильного военно-морского флота, предназначавшегося для борьбы с Россией.

Японские правящие круги полагали, что Японии выгоднее начать войну за захват Кореи и Маньчжурии возможно скорее, до окончания постройки Сибирской железной дороги, пока Россия на дальневосточном театре войны, вследствие слабости коммуникаций и отдаленности Дальнего Востока от Центральной России, была значительно слабее Японии. Япония могла сосредоточить на Дальнем Востоке все свои силы; Россия была лишена такой возможности.

В 1901 г. к власти в Японии пришел кабинет генерала Кацура Таро — одного из лидеров военщины. Кабинет Кацура своей задачей ставил подготовку войны с Россией. В конце 1903 г. начальник японского генерального штаба Ояма публично заявил, что Япония находится в полной боевой готовности.

Глава 6

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904—1905 гг. ПОРТСМУТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР

Обострение русско-японских противоречий и нападение Японии

Наиболее острый характер русско-японские противоречия приобрели в начале XX в. Связанная с монополиями и военно-феодальными кругами буржуазная пресса Японии вела усиленную антирусскую пропаганду, доказывая необходимость и неизбежность войны против России. В стране публиковалось большое количество брошюр, памфлетов и книг, выдвигавших требования аннексии русского Дальнего Востока и Сибири. Так, в книге Утида Рёхэй, изданной в 1901 г. под названием «Упадок России», говорилось, что «Сибирь жаждет получить цивилизацию из рук Японии» и что «последняя не в праве отказать ей в этом» [38, д. 907, с. 179]. В Японии начали создаваться различные организации («Национальное общество», «Общество черного дракона» и др.), ставившие своей целью идеологическое обоснование войны против России и подготовку населения к военным испытаниям (см. [38, д. 905, л. 220 и др.]).

Международная обстановка, сложившаяся к началу XX в. на Дальнем Востоке, благоприятствовала захватническим планам японских милитаристов. Прежде всего они пользовались поддержкой Англии, которая основным своим противником на Дальнем Востоке также считала русский царизм. Русское железнодорожное строительство в Маньчжурии, аренда Порт-Артура и Дальнего, создание банков и концессий — все это угрожало британским позициям в Китае. Поэтому организация военного наступления Японии на царскую Россию рассматривалась правительством Великобритании как одна из ее центральных внешнеполитических задач. Но сама Англия воевать не собиралась. Она рассчитывала руками японцев нанести поражение царской России и тем самым закрепить свое монопольное положение в Китае. Англо-японский союзный договор 1902 г. явился логическим завершением взаимных стремлений Англии и Японии к сотрудничеству на Дальнем Востоке и имел определенную цель — подготовку войны против России. Договор обеспечил Японии финансирование Англией военных расходов и помощь для уси-

ления военно-морского флота. Кроме того, этот союз вселял в японских милитаристов уверенность в том, что ни одна держава не окажет России вооруженной поддержки из-за опасений военного столкновения с Англией.

Наряду с Англией значительную роль в разжигании дальневосточного конфликта сыграли и США, в агрессивные планы которых входило также подчинение русского Дальнего Востока. Так, сенатор Беверидж заявил в своей книге о Восточной Азии, что поскольку восточная часть Тихого океана принадлежит США, то и его азиатское побережье должно быть американским (см. [430, 29.03.1905]). Пользуясь слабой защитой районов Чукотки, Камчатки и Охотского побережья, американские капиталисты к концу XIX в. в значительной степени разграбили морские и пушные богатства этого края. Они стремились проникнуть в Восточную Сибирь и превратить ее в сферу своего влияния (см. [438, № 277, 02.1902, с. 661]).

От прямых попыток заставить царизм капитулировать перед американским капиталом и допустить его в Сибирь и на Дальний Восток США перешли к политике натравливания Японии на Россию. Планы американских монополистов заключались в том, чтобы помочь Японии установить контроль над Кореей и Маньчжурией, а затем, используя ее ослабление в результате войны против России, подчинить своему влиянию завоеванные ею территории. Расчет этот базировался на политической и экономической слабости Японии, которая, по мнению правящих кругов США, в результате войны должна была еще возрасти. Вместе с тем поражение России должно было облегчить и проникновение американского капитала в Сибирь и на Дальний Восток; японская экспансия на Дальнем Востоке, полагали США, не представляет серьезной угрозы их планам.

Не имея формального договора с Англией и Японией, США, однако, самым тесным образом сотрудничали с ними в борьбе против России и приложили максимум стараний к тому, чтобы спровоцировать русско-японскую войну.

Президент Т. Рузвельт фактически присоединил США к англо-японскому союзу с первых же дней войны, когда предупредил правительства Германии и Франции, что «в случае, если создастся комбинация против Японии, которая попытается повторить опыт вмешательства трех держав 1895 г.», американское правительство тотчас станет на сторону Японии и примет «все необходимые меры для ее защиты» [365, с. 2].

Япония могла себя чувствовать тем более уверенно, что союзник России — Франция — была против активизации русской политики на Дальнем Востоке, боясь остаться без поддержки. В ответ на заключение англо-японского договора французское правительство по требованию России согласилось подписать совместную декларацию о мерах, «необходимых для охраны их интересов» на Дальнем Востоке в случае «враждебных действий других держав либо повторения беспорядков в Китае»

[72, с. 154]. Но декларация носила малообязывающий характер, и во время войны Франция не оказала России сколько-нибудь значительной помощи.

Не вызывала у японских милитаристов сомнений и позиция Германии, которая толкала царское правительство к захватам на Дальнем Востоке, рассчитывая на русско-японский конфликт. Германская дипломатия стремилась отвлечь внимание России от европейских проблем. В то же время Германия способствовала заключению союза Англии и Японии, чтобы создать у последней уверенность в благополучном исходе военной акции против России.

В поисках непосредственного повода для начала войны японское правительство по согласованию с Англией предложило России начать переговоры о положении дел на Дальнем Востоке, «где встречаются интересы обеих держав» [54, с. 173].

Царское правительство дало согласие, не поняв, что Япония идет на развязывание войны. Военно-феодалные и капиталистические элементы в России, заинтересованные в новых концессиях и предприятиях в северо-восточных провинциях Китая и в Корее, не хотели идти на уступки Японии. Они толкали царя на путь захвата китайских территорий. Министр внутренних дел В. К. Плеве, статс-секретарь А. М. Безобразов, наместник на Дальнем Востоке адмирал Е. И. Алексеев и другие правительственные чиновники считали, что война поможет правительству укрепить свое политическое положение и остановить назревавшую в стране революцию. Другие представители правящих кругов — председатель совета министров С. Ю. Витте, министр иностранных дел В. Н. Ламздорф, военный министр А. Н. Куропаткин — заявляли, что, поскольку Россия к войне не готова, необходимо пойти на некоторые уступки Японии. Противоречия среди правящих кругов России способствовали агрессивным планам японских милитаристов, так как давали Японии возможность свалить на Россию вину за затяжку переговоров.

Царская дипломатия не сумела правильно оценить сложившуюся международную обстановку и сорвать маневры японских, английских и американских политиков, направленные на изоляцию России на Дальнем Востоке, на создание благоприятного общественного мнения вокруг агрессивной японской политики, прикрывавшейся демагогией о борьбе якобы за независимость Китая и Кореи.

24 января (6 февраля) 1904 г. Япония разорвала дипломатические отношения с Россией и фактически в тот же день начала военные действия: японский флот вышел в Желтое море с боевым заданием.

Русско-японская война как по характеру, так и по своим целям была войной империалистической, войной за захват колоний, за утверждение монопольных прав в Китае и Корее. В «Тетрадах по империализму» под рубрикой 1904—1905 гг.

В. И. Ленин отмечал, что Россия и Япония грабят («делят») Китай и Корею.

Японское командование, учитывая опыт японо-китайской войны, предусмотрело активное развитие операций на море, чтобы добиться перевеса сил и тем самым обеспечить беспрепятственную переброску своих сухопутных сил на материк. Большое значение придавалось внезапности нападения, хотя японский флот по силе, численности и артиллерийскому вооружению и без того превосходил русскую Тихоокеанскую эскадру. Россия располагала на Дальнем Востоке 7 броненосцами (против 6 японских), 4 броненосными крейсерами (против 8 японских), 7 легкими крейсерами (против 12 японских), 6 канонерскими лодками (против 8 японских), 2 минными крейсерами, 35 миноносцами (против 46 японских). Силы русского флота были разбросаны (Порт-Артур, Владивосток, Чемульпо, Инкоу, Шанхай).

План войны, разработанный японским генеральным штабом, предусматривал достижение господства на море, захват Порт-Артура, Кореи и Маньчжурии. Япония к тому времени имела значительное превосходство в сухопутных силах. Она располагала армией в 330 тыс. человек (с резервными войсками) и 1068 орудиями. Русские сухопутные силы на Дальнем Востоке составляли около 100 тыс. человек, разбросанных в треугольнике Байкал — Владивосток — Порт-Артур. Японское командование рассчитывало разгромить русские войска до их полного сосредоточения. Напряженные дипломатические переговоры, угроза военного столкновения не побудили царское командование дать указание эскадре в Порт-Артуре уйти на внутренний рейд и таким образом предотвратить возможность внезапного нападения японцев на русские корабли, стоявшие на внешнем рейде. Выдающийся русский флотоводец и ученый, вице-адмирал С. О. Макаров, находившийся в Петербурге, предупреждал морского министра о грозившей флоту опасности. Но министр и наместник царя на Дальнем Востоке адмирал Е. И. Алексеев игнорировали предупреждение. Не сочли даже нужным поставить противоминные сети, которые могли бы предотвратить удары торпед, запущенных с японских миноносцев по русским броненосцам. Боевая подготовка русской армии была слабой; ее слабость заключалась, в частности, в недооценке огневого боя и инженерного обеспечения, в слабом взаимодействии родов войск. Многие генералы и старшие офицеры были плохо подготовлены, отличались отсутствием инициативы, неумением организовать взаимодействие частей и соединений. Прогрессивные люди, такие, как адмирал С. О. Макаров, генерал Р. И. Кондратенко и другие генералы и офицеры русской армии, не в состоянии были преодолеть косность, отсталость и бюрократизм основной массы высшего и среднего командного состава.

Воспользовавшись недостаточной подготовленностью русской армии и флота, без объявления войны в ночь на 27 января

(9 февраля) 1904 г. японский флот напал на русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура, выведя из строя броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада».

27 января (9 февраля) 1904 г. другая японская эскадра (6 крейсеров и 8 миноносцев) блокировала в нейтральном корейском порту Чемульпо русские корабли — крейсер «Варяг» и канонерку «Кореец». Японский адмирал потребовал выхода кораблей в море или капитуляции. После героического боя с превосходящими силами противника крейсер «Варяг» отказался сдаться и был затоплен своим экипажем, а канонерка «Кореец» взорвана.

24 февраля (8 марта) 1904 г. в Порт-Артур прибыл С. О. Макаров, назначенный командующим флотом. Он принял энергичные меры для подготовки флота к активным боевым действиям. 31 марта (13 апреля) эскадра под его руководством вышла навстречу японскому флоту. Броненосец «Петропавловск», на котором находился С. О. Макаров, подорвался на японских минах и затонул. С. О. Макаров погиб вместе с большинством команды¹. Флот перешел к пассивной обороне и был впоследствии (май 1904 г.) ослаблен снятием с кораблей орудий для обороны крепости.

Все это привело к резкому изменению в соотношении сил на море в пользу Японии. Через неделю японский флот блокировал Порт-Артур. Господство на море обеспечивало Японии операции по переброске войск на материк. В марте 1904 г. в Корею высадилась японская армия генерала Куроки (60 тыс. человек) и в апреле атаковала отряд генерала М. И. Засулича (20 тыс. человек), выдвинутый для прикрытия Южной Маньчжурии к р. Ялуцзян. Отряд отступил, что дало возможность японцам высадить еще одну армию (66 тыс. человек) в Южной Маньчжурии.

Крупные военные операции развернулись на Ляодунском полуострове. В мае 1904 г. японские армии атаковали русскую укрепленную позицию у Цзиньчжоу, прикрывавшую перешеек Ляодунского полуострова в тылу Порт-Артура. Русские солдаты оказали героическое сопротивление наступавшей японской армии, располагавшей многократным превосходством в силах (30 тыс. против 4 тыс. русских), но японцам удалось занять укрепления и таким образом отрезать Порт-Артур от сухопутной маньчжурской армии.

Командующий русской армией генерал А. Н. Куропаткин не решался начать активные действия. Этим воспользовались японцы. Высадилась еще одна, 16-тысячная, армия, которая начала наступление на север. Куропаткин, хотя и с запозданием, двинул против них корпус генерала Штакельберга (около 30 тыс.) с целью помочь Порт-Артуру. 1—2 (14—15) июня произошло сражение при Вафангоу. Фронтальная атака японских дивизий была отбита. Однако, русское командование, не сумело обеспечить согласованности действий отдельных частей и

общее руководство сражением и отдало приказ об отступлении.

Угроза Порт-Артуру с суши побудила командующего Тихоокеанской эскадрой адмирала В. К. Витгефта сделать две попытки прорыва во Владивосток. Во время второй попытки, 28 июля (10 августа), В. К. Витгефт погиб, управление эскадрой было потеряно и основные силы эскадры вернулись в Порт-Артур. Часть кораблей укрылась в нейтральных портах, где команды были разоружены.

Японские сухопутные части подошли к Порт-Артуру и 6 (19) августа начали его штурм, который закончился полной неудачей. Японцы вынуждены были перейти к осаде крепости, что приковало к Порт-Артуру крупные силы японской армии.

Между тем 17—21 августа (30 августа — 3 сентября) под Ляояном произошло первое крупное сражение. Японцы понесли большие потери—24 тыс. человек (против 17 тыс. русских). Но русский главнокомандующий генерал А. Н. Куропаткин неправильно оценил ситуацию. Он больше всего опасался быть обойденным с флангов и поэтому отдал приказ об отступлении раньше, чем это сделали японцы. Удачно начатое сражение закончилось поражением.

В сентябре, поскольку русская армия имела численный перевес (200 тыс. против 170 тыс. японцев), А. Н. Куропаткин решил перейти в наступление. Однако план был разработан неудачно: главный удар наносился на левом фланге, где действия войск, особенно конницы, были затруднены. Японское командование также решило наступать. Развернулось встречное сражение у р. Шахэ. Наступление русских войск велось вяло, возможность охвата правого фланга японцев была упущена. Узнав о контрнаступлении японцев на левом фланге и в центре, Куропаткин отдал приказ об отходе. Обе стороны, потеряв по 40 тыс. солдат каждая, перешли к обороне.

Большие бои развернулись под Порт-Артуром. Расчеты японского командования на быструю капитуляцию крепости не оправдались. Японские войска, штурмовавшие крепость, несли большие потери. Сухопутной обороной руководил генерал Р. И. Кондратенко. Были осуществлены крупные работы по окончанию строительства новых и усовершенствованию старых укреплений. К началу решающих сражений крепость имела уже шесть фортов, несколько укреплений меньшего значения, сплошную стрелковую позицию между ними, сыгравшую большую роль в обороне.

Огромные потери японской армии, затянувшаяся война усилили и углубили антивоенные настроения в Японии. Война была чужда интересам простых людей, поскольку лишь увеличивала их тяготы в жизни.

Известная поэтесса Есано Акико в те дни опубликовала антивоенное стихотворение «Не отдавай, любимый, жизнь свою». Поэтесса посвятила стихотворение «брату в войсках,

ведущих осаду Порт-Артура». Она подчеркивала антигуманный характер войны:

Нет, не родители твои вложили
Меч в руку сына, чтоб разить людей!
Не для того они тебя растили,
Чтоб дать наказ: погибни, но убей!

Поэтесса говорила об отсутствии всякой заинтересованности народа в успехе или неуспехе японских милитаристов:

И что тебе твердыня Порт-Артура?
Пускай падет иль устоит навек.

В заключение поэтесса призывала брата:

Не отдавай, любимый, жизнь свою! [292, с. 223—224].

После того как 2(15) декабря 1904 г. погиб генерал Р. И. Кондратенко, крепость была сдана возглавившим оборону генералом А. М. Стесселем, хотя ее гарнизон еще мог продолжать оборону и имел необходимые запасы боеприпасов и продовольствия.

329 дней сражались защитники крепости. 112 тыс. убитыми и ранеными потеряла японская армия; русские потери составили около 27 тыс. человек.

Падение Порт-Артура было крупнейшим военным и политическим событием русско-японской войны, ускорившим поражение царизма.

В. И. Ленин дал исчерпывающую характеристику значения падения Порт-Артура. «Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению, — писал он. — Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма» [10, с. 158]. Сдача Порт-Артура вызвала глубокое недовольство и возмущение в массах, ускорила рост революционного движения в стране.

Освободившиеся из-под Порт-Артура войска японское командование начало перебрасывать в Маньчжурию. Стремясь опередить подход японских войск генерала Ноги из-под Порт-Артура, Куропаткин 12—15 (25—28) января 1905 г. предпринял новое наступление. Завязались упорные бои в районе д. Сандепу. Наступление было плохо организовано, велось нерешительно и успеха не имело. В начале февраля к японским войскам присоединилась армия генерала Ноги. В ночь с 5 (18) на 6 (19) февраля 1905 г. японская армия перешла в наступление. Развернулось наиболее крупное во всей войне сухопутное сражение под Мукденом.

Японские генералы следовали принципам немецкой стратегии и тактики. Их замысел нанести решающее поражение русской армии путем охвата ее с флангов, по образцу победы пруссаков под Седаном в 1870 г., не удался из-за недостатка сил (японская армия насчитывала 270 тыс., русская — 330 тыс. человек). План выглядел авантюристично. Из-за неумелого руко-

водства русского командования была упущена возможность достижения перелома в ходе сражения в пользу русской армии. Куропаткин, как и под Ляояном, дал поспешный приказ об отступлении. В период отхода русских войск японцам удалось прорвать фронт восточнее Мукдена, и правое крыло русских войск оказалось в окружении. Стойкость отдельных русских частей позволила основным силам выйти из окружения. Под Мукденом русская армия потеряла 89 тыс. человек (в том числе 29 тыс. пленными), японская армия — около 71 тыс. человек. Японское командование не смогло организовать преследование, и русские войска без боя отошли на Сыпингайские позиции. На этом активные действия на суше закончились. Куропаткин был смещен. Командующим русской армией был назначен генерал Н. П. Линевич.

Война была проиграна. Но царское правительство не отдало приказ о возвращении кораблей Балтийского флота, направленных на Дальний Восток в октябре 1904 г. (эскадра З. П. Рожественского) и феврале 1905 г. (эскадра Н. И. Небогатова). В Петербурге надеялись изменить соотношение сил на море и отрезать японские экспедиционные войска от Японии. Но и этим надеждам не суждено было сбыться.

Русский флот совершил беспремерный по тому времени 18-тысячегильный переход и в мае 1905 г. подошел к Корейскому проливу. 14—15 (27—28) мая у о-ва Цусима произошло сражение. Русские моряки показали в бою высокую стойкость и героизм. Но Рожественский проявил себя неумелым и нерешительным командиром. К тому же японский флот имел значительное превосходство в артиллерии и быстроходности. Русская эскадра была полностью разгромлена.

Попытки восстановления мира в ходе войны

Захватив в первый период войны Ляодунский полуостров, Корею и часть Маньчжурии, Япония начала предпринимать меры к закреплению в договорном порядке своих военных успехов, которые стоили ей колоссального напряжения сил и оплачивались огромными потерями. Перспектива долгой войны пугала японские правящие круги. Поэтому в ходе войны японская дипломатия неоднократно пыталась нащупать почву для начала мирных переговоров. Первая такая попытка была сделана японским посланником в Лондоне Хаяси Тадасу в июле 1904 г. В августе того же года правительство Японии выработало программу мирных условий: Россия признает право Японии на свободу действий в Корее, русские войска выводятся из Маньчжурии, КВЖД используется «исключительно для торгово-промышленных целей». Япония получает железную дорогу Харбин — Порт-Артур и Ляодунский полуостров. В «зависимости от ситуации» было решено настаивать на покрытии Россией

военных расходов, уступке о-ва Сахалин и предоставлении прав Японии на рыбную ловлю в водах Приморья [324, с. 253]. Эта программа-максимум с небольшими изменениями сохранялась вплоть до мирной конференции.

Активно готовилась к открытию русско-японских переговоров американская дипломатия. Т. Рузвельт стремился обеспечить себе руководящую роль при урегулировании дальневосточного конфликта, с тем чтобы мирный договор в наибольшей степени отвечал интересам американских монополий. После встреч с японским посланником в США Такахира, финансовым агентом Канэко и принцем Фусими президент убедился в том, что его мирные маневры будут поддержаны правительством Японии. В августе 1904 г. он заключил соглашение с Вильгельмом II. Германское правительство не возражало против руководящей роли США в урегулировании русско-японских отношений (см. [95, № 6264, 6266]).

В результате переговоров Т. Рузвельта с английским дипломатом С. Спринг-Райсом в январе 1905 г. было достигнуто соглашение о совместных англо-американских действиях. Английское правительство также не возражало против руководящей роли президента в организации мирной конференции.

После падения Порт-Артура, в февралю 1905 г. Хаяси Тада-су возобновил попытки открыть мирные переговоры, добиваясь того, чтобы просьба о мире была заявлена Россией, но царское правительство отказалось от такого шага [53, 1924, т. 6, с. 6].

Война привела к истощению ресурсов и острым финансовым затруднениям Японии. После сражения под Мукденом японские военные руководители потребовали от правительства скорейшего прекращения войны. Япония решила просить США оказать ей посреднические услуги. Министр иностранных дел Комура Ютаро обратился с просьбой к Рузвельту, чтобы тот добился русской инициативы в открытии мирных переговоров (см. [407а, с. 238—240]).

Президент применил по отношению к России методы неприкрытого дипломатического шантажа, угрожая японским наступлением и потерей территориальных владений вплоть до Байкала (обещал оказать давление на Японию и т. п.), но ему так и не удалось получить согласия России выступить первой с просьбой о мире. Однако он убедил царского посла А. П. Кассини в том, что американское посредничество будет выгодно для России. Это мнение разделяли и другие русские дипломаты и политические деятели, считавшие неизбежным усиление японо-американских противоречий в Китае и Корее.

Царская дипломатия, однако, не учитывала антирусских настроений Рузвельта и его недопонимания неизбежности обострения японо-американских противоречий.

На роль посредника в урегулировании военного конфликта претендовала и Франция, которая была заинтересована в скорейшем выходе своего союзника из войны. В январе 1905 г.

она выступила с предложением созыва международной конференции. Но французское предложение не было поддержано другими державами. Марокканский кризис заставил Францию форсировать вопрос о выходе России из войны. С ведома царского правительства министр иностранных дел Т. Делькассе в апреле 1905 г. предложил Японии свое посредничество, оговарив согласие России на переговоры условием исключить из японских требований пункты об уступке русской территории, уплате контрибуции, изъятии КВЖД и уничтожении флота на Тихом океане [41, д. 764, л. 2]. Япония отказалась принять эти предварительные условия, предпочитая досредничество Т. Рузвельта.

Решение Японии и России начать мирные переговоры

30 мая 1905 г., когда стал известен результат Цусимского сражения, которого в Японии ждали с беспокойством, премьер Кацура Таро и министр иностранных дел Комура Ютаро после переговоров с председателем тайного совета Ито Хиробуми создали совещание кабинета министров. На совещании было принято решение официально просить Т. Рузвельта оказать «добрые услуги» в деле организации мирных переговоров. Как пишет японский историк Акаги Рой, Кацура и Комура поняли, что «Япония стоит перед дипломатически удобной возможностью добиться удовлетворительного мира» [352, с. 248].

Важнейшим обстоятельством, которое заставляло японское правительство предпринять какие-то шаги к прекращению войны, являлось обострение политического положения внутри страны. Начало войны против России с восторгом было встречено буржуазией и помещиками. Шовинистический угар в стране был сильным, однако он не носил характера всеобщего «патриотического подъема», которого тщетно старались добиться правящие круги. Война увеличила тяготы японского народа. В первый же военный год на 50% повысились налоги, на второй — на 100%. Возросли цены на предметы первой необходимости. Соль и сахар подорожали почти в 2 раза по сравнению с 1901 г. Одновременно падала реальная заработная плата; ухудшились условия труда, рабочий день был удлинен до 16 часов (см. [441, 1955, № 2, с. 71—72]). Свертывание производства мирных отраслей промышленности породило безработицу. Все это не могло не вызвать недовольство войной.

К лету 1905 г., по самым скромным подсчетам, Япония потратила на военные нужды около 2 млрд. иен. Государственный долг возрос с 600 млн. до 2,4 млрд. иен с перспективой уплаты ежегодных процентов до 110 млн. иен. [394, с. 248]. Без финансовой помощи Англии и США и снабжения вооружением, продовольствием и снаряжением, без их дипломатической поддержки Япония при слабости ее военно-экономических ре-

сурсов не сумела бы выдержать длительной и изнурительной войны. Она получила четыре иностранных займа, которые были размещены на лондонской и нью-йоркской биржах. В середине 1905 г. Япония вынуждена была прибегнуть к новому займу.

Появились первые признаки недовольства войной в армии. Один из полков, укомплектованный в рабочем районе, отказался идти в атаку [436, 1905, № 820].

Постепенно иссякли и людские ресурсы. Первоначальный контингент бойцов численностью 425 тыс. оказался недостаточным. С большим напряжением Япония мобилизовала еще 185 тыс. человек. В армию были взяты молодежь призыва 1906 г., а также пожилые люди, уже отслужившие свой срок в запасе [233, с. 335]. Отвлечение в армию и на военные работы до 10 млн. человек грозило серьезно расстроить экономику страны [365, с. 283]. Антивоенные настроения росли и в японской деревне в связи с мобилизацией в армию трудоспособного населения, увеличением налогов и цен на промышленные товары (см. [441, 1955, № 2, с. 73]).

Японские социалисты заняли правильную позицию в вопросе войны, выдвинув лозунг поражения своего правительства. Печатные органы социалистической партии разоблачали империалистические цели войны, лжепатриотизм, насаждавшийся буржуазными идеологами.

Начавшаяся в России революция, боевые выступления русского пролетариата вызвали горячее сочувствие угнетенных масс во многих странах Европы, Америки и Азии. Волна революционно-демократического и антивоенного движения стала захватывать и пролетариат Японии.

Вместо запрещенной в январе 1905 г. газеты «Хэймин симбун» социалисты стали издавать еженедельник «Тёкуген» («Рупор»), который выходил с 5 февраля по 10 сентября 1905 г. Журнал популяризировал идеи русской революции и пролетарского интернационализма, знакомил рабочих Японии с героической борьбой пролетариата России против царизма и войны. Подводя итоги борьбы социалистов против войны, Катаяма Сэн писал: «В целом мы считаем, что социалисты провели блестящую, замечательную борьбу против войны и за мир» [400а, с. 99].

Среди демократических слоев японского народа возрос интерес к России, особенно к русской общественной мысли, воплощенной в русской литературе. Усилился интерес к Л. Н. Толстому, особенно в связи с его антивоенными выступлениями. Все больше и больше стало появляться переводов его произведений, увеличивалось число его читателей. Демократическое движение, направленное против войны, в своей антивоенной борьбе нашло мощную опору в этих выступлениях. «Движение простых людей» («Хэймин ундо») объединило довольно широкие слои рабочих, мелкой буржуазии, мелкобуржуазной интеллигенции и некоторые слои крестьянства. Выступая за расширение демократии в

стране, они были противниками войны, понимая, что помимо захватнических целей война служит интересам буржуазно-помещичьего блока и выгодна ему для подавления демократического движения.

Один из лидеров «Движения простых людей», Котоку Дэндзиро, перевел статьи Л. Н. Толстого, направленные против войны, и опубликовал их в газете «Хэймин симбун» — печатном органе этого движения. Восторженно отозвавшись об антивоенных выступлениях Л. Н. Толстого, он решительно возразил ему в объяснении причин войны и заявил, что войны возникают в силу экономических противоречий классового общества, а не в результате нравственного упадка людей. Котоку уже тогда достаточно хорошо знал труды К. Маркса. Первый в Японии он перевел «Коммунистический манифест» и опубликовал большую работу «Сущность социализма». Он не разделял религиозных идей Л. Н. Толстого, но смелость и острота обличения русским писателем пороков буржуазного общества, его гуманистический пафос вызывали в нем восхищение. Л. Н. Толстой, таким образом, своим творчеством сыграл немалую роль в борьбе передовой части японского общества против войны, за демократизацию жизни страны. Война была ненавистна и русскому народу, который понимал ее вред для своей страны, видел, что самодержавие ведет войну в интересах кучки капиталистов и помещиков. Трудящимся она принесла только ухудшение материального положения, страдания и несчастья.

Поражения царизма, разоблачавшие гнилость самодержавия, его финансовый и военный крах, ускорили назревание революционного кризиса. События 9 января 1905 г., положившие начало первой русской революции, придали борьбе русского пролетариата более острый политический характер. От экономических стачек и стачек солидарности рабочие стали переходить к политическим забастовкам и демонстрациям, к вооруженному сопротивлению царским войскам. В забастовках участвовали рабочие фабрик, заводов, железнодорожных депо, мастерских и т. д. Весной 1905 г. бастовали рабочие 23 железных дорог. Особенно упорный и организованный характер носили стачки в Петербурге, Москве, Варшаве, Риге, Баку, Лодзи, Иваново-Вознесенске и других крупных городах.

Весной 1905 г. в революционное движение включилось и крестьянство почти 35 уездов, т. е. приблизительно $\frac{1}{7}$ часть всех уездов европейской части России (см. [256]).

3 (16) ноября 1904 г. вспыхнул первый матросский бунт в Севастополе. В начале 1905 г. почти во всех военных округах участились случаи неповиновения приказам начальства, революционные выступления. В июне 1905 г. вспыхнуло восстание на броненосце «Потемкин» Черноморского флота. Под влиянием этого восстания с июля до конца 1905 г. произошло 97 открытых солдатских и матросских революционных выступлений [185, с. 11].

Цусимское поражение вызвало огромный подъем революционного и оппозиционного движения в стране. В те дни В. И. Ленин писал, что все ополчилось против самодержавия.

Прекращения войны требовали не только трудящиеся, но и все более многочисленные группировки правящих классов. По мере того как неудачи на фронте обнажали гниль и слабость самодержавия, либеральная буржуазия стала считать ошибочной политику продолжения войны. Впечатление потрясающей катастрофы произвело на нее падение Порт-Артура. Либеральную буржуазию тревожили не только сам факт военного краха царизма, но и опасение, что в результате его «внутренняя междоусобица» может принять угрожающие размеры. Умеренная либеральная газета «Русские ведомости» по поводу разгрома эскадры Рождественского прямо заявила: «Мир во что бы то ни стало, хотя бы на самых тяжелых условиях. Довольно крови и слез» [437а].

Даже представители крупного капитала, больше всего боясь революции, стали присоединяться к требованиям земской оппозиции о проведении политических реформ и разрешении вопроса о войне и мире.

Толкала царскую Россию на мирные переговоры и угроза международной изоляции и финансового краха.

Таким образом, внутривнутриполитическое и экономическое положение воюющих сторон благоприятствовало американскому посредничеству.

31 мая 1905 г. Комура поручил Такахира официально обратиться к Т. Рузвельту с тем, чтобы президент «от собственного имени и по своей инициативе пригласил обе воюющие стороны собраться вместе с целью прямых переговоров» [365, прил. А, с. 215—216].

Т. Рузвельт также считал, что обстановка для мирных переговоров вполне созрела. К тому же выводу пришел и Вильгельм II. Правда, кайзер всячески побуждал царя продолжать войну до победы. Но после поражения русского флота у Цусимы в письме к Николаю II от 3 июня 1905 г. и он заговорил о необходимости мира [60а, с. 102—105]. Вильгельм II не хотел крушения династии Романовых, боялся революционного взрыва, который мог отразиться и на Гогенцоллернах. Сказывались также опасения германской буржуазии за свои капиталовложения в России.

Из переписки с английским правительством Т. Рузвельт понял, что не встретит противодействия и со стороны Англии.

Франция была слишком занята своими делами в Африке и Европе, чтобы воспрепятствовать посредничеству Т. Рузвельта.

По указанию президента американский посол Мейер попросил аудиенции у Николая II.

Николай II срочно созвал совещание, поставив на обсуждение вопрос о мире с Японией.

Военный министр генерал Сахаров сообщил, что на 20 мая

японская армия в Маньчжурии имеет некоторый численный перевес (385 тыс.) над русской (320 тыс.). Однако министр заверил, что в июле там может быть сосредоточено уже до 500 тыс. русских солдат.

Большинство участников совещания считали положение в районе Владивостока, устья Амура и Камчатки угрожающим и, учитывая также, что Сахалин фактически не защищен, заявили о необходимости, «не теряя времени, начать прощупывать почву для переговоров», но «тем временем продолжать усиливать армию» [53, 1928, т. 3, с. 199—200]. Не изменило этого мнения и сообщение военного министра о том, что, по его сведениям, в случае мирных переговоров Япония потребует уступки Ляодуна, уплаты контрибуции, передачи маньчжурских железных дорог (или всех, или только ЮМЖД), превращения Владивостока в коммерческий порт с передачей всех военных судов Японии и т. п. Но не трудности мобилизации резервов больше всего беспокоили царя и его окружение. Огромные ресурсы России не были исчерпаны. Как откровенно высказался дядя царя — великий князь Владимир Александрович, важнее было «внутреннее благосостояние, чем победы...» «Из двух бед надо выбирать меньшую. Мы живем в ненормальном состоянии, необходимо вернуть внутренний покой России» [53, 1928, т. 3, с. 201]. Николай II выразил «свое полное согласие с высказанным великим князем мнением» [53, 1928, т. 3, с. 201]. Царское правительство было готово на любые уступки, только чтобы развязать себе руки в деле подавления революции. Только в ней, а не в агрессивной Японии видел царизм опасность своему прогнившему режиму.

Таким образом, совещание ясно показало, что необходимость прекращения войны стала хорошо осознавать и придворная военная клика.

На следующий день царь заявил Мейеру о своем согласии на переговоры. 10 июня В. Н. Ламздорф сообщил в Вашингтон о принятии Россией предложения Т. Рузвельта.

Местом для переговоров царская дипломатия хотела избрать Париж, но не сумела отстоять своего предложения [70, док. № 8, с. 10—11]. Т. Рузвельт, который не хотел уступить возможности оказывать непосредственное влияние на работу мирной конференции, настоял на том, чтобы она состоялась в США. Действуя в контакте с японским правительством, он предложил созвать конференцию 1 августа. Отсрочка с началом конференции давала возможность Японии в полной мере использовать свое господство на море и захватить Сахалин.

Подготовка России и Японии к конференции

28 июня (11 июля) Николаем II была утверждена инструкция русским представителям, составленная В. Н. Ламздорфом на основании заключений министров.

Совершенно неприемлемыми с точки зрения достоинства России считались требования: об уступке русской территории, об уплате военной контрибуции, о разоружении Владивостока и лишении России права держать в Тихом океане военный флот или об иных каких-либо ограничениях свободы действий в Тихом океане, об уступке железнодорожных линий, связывающих Владивосток с остальной территорией России. Однако в инструкции оговаривалось, что предъявление японской стороной этих требований не должно служить основанием не только для прекращения переговоров, но и для отказа обсуждать их. Таким образом, инструкция в том виде, в каком она была составлена, открывала широкое поле деятельности для всевозможных комбинаций. Что касается требования Японии о передаче ей Сахалина, в инструкции подчеркивалось серьезное экономическое и стратегическое значение острова для России. Давался совет заявить японской стороне «о готовности... предоставить Японии в этой области (на Сахалине) широкие льготы, которых она тщетно добивалась в течение последних лет»².

В случае обсуждения вопроса об уплате военных расходов инструкция предусматривала различные комбинации «финансового, торгового или промышленного характера, которые, не нарушая прямых интересов России, давали бы известные выгоды японцам» (например, таможенные льготы на сибирских и восточнокитайских железных дорогах, что служило бы лишь «более тесному сближению обеих соседних империй»).

По вопросу о КВЖД, соединяющей Владивосток с Сибирской магистралью через Харбин, инструкция считала необходимым добиваться ее сохранения в «полном распоряжении» (лишь в крайнем случае под исключительным влиянием) России вместе с пароходными линиями, связывавшими эту дорогу с русскими владениями по р. Сунгари.

Не рассчитывая удержать Порт-Артур и Дальний, так же как и Ляодунский полуостров (арендованные у Китая территории), царское правительство обязывало уполномоченных зафиксировать в договоре положения, которые оградили бы Россию от претензий со стороны китайского правительства, так как верховные права на эти территории принадлежали Китаю. Не возражая против уступки Японии Южно-Маньчжурской железной дороги «примерно до южной границы Гиринской провинции», инструкция оговаривала лишь необходимость передачи ее в собственность Китая путем досрочного выкупа, с тем чтобы Япония имела дело непосредственно с Китаем.

По вопросу о Корее в инструкции указывалось на необходимость добиваться «признания Японией полной независимости Кореи», хотя «Россия готова признать права Японии на преимущественное положение в Корее». В то же время уполномоченные должны были настаивать на принятии Японией обязательства не вводить в Северную Корею войска и не строить там укреплений. Делегация должна была также добиваться обеспече-

ния свободы плавания русских судов через Корейский пролив, что предполагало запрещение строительства всякого рода укреплений и на южном побережье Кореи (см. [70, док. 60, с. 78—89]).

После тяжелых поражений, понесенных армией и флотом, царское правительство понимало, что если оно берет курс на заключение мира и рассматривает прекращение войны в качестве важнейшего условия победы над революцией, то должно пойти на определенные уступки. Содержание инструкции показывает, что царизм был готов, отказавшись от защиты национальных интересов, заплатить дорогую цену за возможность освободить себе руки для расправы над народом, поднявшимся против царского режима. Революция для царизма, о чем говорилось выше, была более страшным врагом, чем японский милитаризм.

Решение о созыве мирной конференции в июне 1905 г. вызвало многочисленные выступления буржуазной прессы Японии, которая стала бурно обсуждать мнения и точки зрения различных буржуазных и военно-феодалных кругов общества и организаций по поводу условий мира и подготовки мирной конференции. Она всячески подогривала шовинистические настроения в стране. Так, профессор Томидзу в журнале «Гайко дзихо» от 20 октября 1904 г. писал: «В первую войну нам достаточно дойти до Байкала, затем, во вторую войну, мы водрузим наше знамя на Урале и станем поить лошадей в Волге» (цит. по [278, с. 5—6]). Такого рода пропаганда не могла воспитать среди зажиточных крестьян, буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения чувства умеренности и реальности в вопросе о будущем мире с Россией. Наиболее агрессивно настроенные круги выдвигали самые необузданные требования: контрибуция в 3 млрд. иен, присоединение Сахалина и Приморской области, передача русских арендных прав в Маньчжурии, выдача всех русских кораблей, находящихся в нейтральных портах, ограничение прав России содержать флот на Тихом океане и в Японском море и т. д.

4 июля император утвердил условия мира, которые должны были быть предъявлены России [407, с. 151]. Инструкция для уполномоченных на предстоящих переговорах делила условия мира на три группы: абсолютно обязательные, относительно важные, обеспечение которых зависит от ситуации, и условия, решения по которым могли принимать сами уполномоченные. Первая группа условий включала следующие требования: признание «свободы рук» Японии в Корею, отвод русских войск из Маньчжурии, передача русских арендных прав на Ляодунский полуостров и южную ветвь КВЖД. Вторая: возмещение военных расходов, передача русских военных судов, нашедших убежище в нейтральных портах, передача Сахалина и прилегающих к нему островов, предоставление рыболовных прав вдоль дальневосточного побережья. Третья: ограничение морских сил России на Дальнем Востоке, превращение Владивостока только

в коммерческий порт путем уничтожения всех фортификаций (см. [407, с. 151; 352, с. 252]).

Одновременно японское правительство вело подготовку к мирной конференции по военной линии. После долгих колебаний и отсрочек генеральный штаб решился осуществить захват Сахалина. До Цусимского сражения японское командование опасалось отвлекать флот для этой операции. 7 июля (по новому стилю) японские войска высадились на острове. Малочисленные, плохо вооруженные и обученные дружины из ссыльнопоселенцев и каторжан, составлявшие основные силы сахалинского гарнизона, безусловно не могли оказать серьезного сопротивления дивизии противника. К 29 июля Сахалин был оккупирован (см. [233, с. 310—312]). Это обстоятельство значительно усиливало позиции японской делегации на предстоящей мирной конференции.

Принятая японским правительством программа требований (в большой степени из-за опасений вызвать недовольство США и Англии, которые, как совершенно правильно оценивали японцы, боялись чрезмерного усиления своего дальневосточного конкурента) не отвечала полностью притязаниям японских милитаристов, вынашивавших планы захвата Приморья и Сибири. У них оставалось чувство неполноты успеха (русская армия не была разгромлена), а мирная конференция уже не давала им возможности продолжать войну.

Мероприятия японской и русской дипломатии для усиления своих позиций

Еще до начала мирных переговоров в Портсмуте Япония предприняла ряд дипломатических акций для того, чтобы заручиться поддержкой Англии и США в вопросах, связанных с ее требованиями к царской России, тем более что, предоставляя Японии займы и оказывая ей политическую поддержку, Англия и США приобрели право решающего голоса также и в вопросах войны и мира. «Япония очутилась в положении, при котором она вынуждена была считаться с мнением Англии и США в вопросах конечных результатов войны и нуждалась в одобрении Америки и Англии в части своего поведения», — писал японский историк Синобу Сэйдзабуро [335, с. 151].

Одним из главных объектов японских притязаний была Корея. Официальное согласие США на захват Кореи Япония имела по секретному соглашению Тафта — Кацура. В 1924 г. американский исследователь Т. Деннет, разбирая бумаги президента Т. Рузвельта, обнаружил запись небезызвестных переговоров военного министра США У. Х. Тафта, выступавшего от имени Т. Рузвельта, с японским премьер-министром Кацура Таро в июне 1905 г. Согласно этой записи, США дали тогда согласие на захват Кореи Японией, которая взамен обещала не посягать

на Филиппины. Это был империалистический сговор за счет других народов. У. Х. Тафт заверил также Кацура Таро: «Что бы ни случилось, Япония и Англия могут верить и рассчитывать, что Америка будет на их стороне так же неизменно, как если бы она выполняла обязательства формального договора» (цит. по [365, с. 113—114], см. также [397, с. 384]). Таким образом, накануне подписания второго англо-японского союзного договора, о чем шли переговоры между Японией и Англией, США заявили о своем фактическом присоединении к этому союзу, рассматривая себя в качестве неофициального участника.

Состоялась и англо-японская сделка по вопросу о Корее. По второму англо-японскому договору, подписанному 12 августа 1905 г., Япония получала свободу действий в Корее. Япония же обязалась гарантировать границы Индии.

Задолго до мирной конференции между Англией и США был согласован и вопрос о передаче Японии Ляодунского полуострова с Порт-Артуром.

В ином положении находилась Россия. В условиях возрасставшей агрессивности германской политики французское правительство считало опасным для Франции дальнейшее участие России в войне на Дальнем Востоке и было заинтересовано в немедленном прекращении русско-японской войны. Премьер-министр Рувье накануне конференции советовал С. Ю. Витте «идти на мир», даже если японская сторона потребует контрибуцию, и для ее уплаты обещал финансовую помощь [108а, т. 2, с. 404].

Единственно, что Николай II смог противопоставить действиям правительств Японии, США и Англии,— это принять предложение Вильгельма II о заключении с Германией союзного договора. Подписывая его в Бьерке 11 (24) июля 1905 г., царь надеялся на мирной конференции заручиться поддержкой Германии и противопоставить русско-германский союз англо-американо-японской коалиции. Однако договор вступал в силу лишь после окончания русско-японской войны и заключения мира. Кайзер не собирался помогать России на конференции. Договор был нужен Вильгельму II для установления германской гегемонии на Европейском континенте.

Фактическая изоляция России на международной арене усугубляла трудности, стоявшие перед русской делегацией, и не могла не сказаться на результатах мирных переговоров.

Для того чтобы добиться приемлемого мира, глава русской делегации С. Ю. Витте³, используя японо-американские противоречия, рассчитывал убедить руководителей США в том, что усиление Японии угрожает интересам американской буржуазии на Дальнем Востоке. Умелым маневрированием и разоблачением захватнических требований японских милитаристов он намеревался привлечь на свою сторону мировое общественное мнение, и прежде всего американское. Пресса Англии и США в ходе всей войны вела весьма активную его обработку. Россия изображалась агрессивной и милитаристской державой, а Япо-

ния — либеральной конституционной страной, якобы защищающей свободу и независимость Китая и Кореи. Это направление пропаганды определялось антирусским характером внешней политики американского и английского правительств, оказывающих соответствующее давление на прессу.

На Портсмутскую конференцию все крупные газеты мира направили своих лучших корреспондентов. На одном пароходе с С. Ю. Витте ехали представители английских, французских и американских печатных органов и информационных агентств. С. Ю. Витте решил воспользоваться этим обстоятельством для того, чтобы привлечь прессу на свою сторону. Он начал завязывать дружественные отношения с ее представителями, «очаровывая» своей «приветливостью», простотой обращения и готовностью беседовать с каждым, кто к нему обращался [108а, т. 2, с. 417].

Первая речь, которую произнес С. Ю. Витте по приезде в Америку, была обращена к народу и подчеркивала роль прессы. Указав на традиционные дружеские чувства русского народа к американскому, он заявил, что «самое горячее желание императора и народа русского состоит в укреплении уз дружбы, которые до того времени существовали между обоими народами» (цит. по [41, д. 764, с. 11]). В американской печати речь встретила много положительных отзывов.

Особенно благоприятное впечатление на буржуазную прессу и мировое общественное мнение произвело предложение С. Ю. Витте о полной гласности ведения переговоров, которое он внес при открытии конференции (см. [41, д. 764, с. 30]). В то время оно носило неслыханный по своему либерализму и демократичности характер. Однако Витте не опасался, что некоторые его предложения, касавшиеся других стран и требующие конфиденциальности, будут разглашены, ибо был твердо уверен, что японская сторона не согласится на открытые переговоры.

В ходе конференции он охотно принимал корреспондентов, обстоятельно отвечал на их вопросы, говорил о недостатках в русском управлении и о планах реформ. На следующий день по прибытии в Нью-Йорк он посетил биржу, где ему были представлены крупные дельцы и промышленники, затем принял депутацию еврейских банкиров — Штрауса, Зелигмана, Девидсона и Якова Шиффа, финансировавших Японию и имевших серьезное влияние на общественное мнение США через посредство зависимой от них прессы.

Но не только заигрывание С. Ю. Витте с прессой и его показной демократизм сыграли свою роль в изменении общественного мнения США. Безусловно, помогли более важные обстоятельства: ни США, ни Англия не были заинтересованы в продолжении русско-японской войны. В их расчеты не входило поражение Японии (они знали о серьезном истощении ее ресурсов). Кроме того, достигнутое в результате войны ослабление России на Дальнем Востоке казалось Рузвельту вполне доста-

точным. Американское правительство учитывало также, что дальнейшие военные успехи Японии могут усилить в деловых кругах США недоверие к ней. Монополистические объединения, имевшие интересы на Дальнем Востоке, опасались, как бы Япония, заняв место России в Маньчжурии, не стала бы вытеснять американский капитал. Английское правительство уже начало активную деятельность, добиваясь присоединения России к Антанте.

Поэтому заявления главы японской делегации Комура Ютаро и его секретаря Сато Наотакэ, которые потребовали территориальных присоединений (Корея, Ляодунский полуостров, Сахалин) и уплаты контрибуции (см. [428, 01, 02.08.1905]), встретили более прохладное к себе отношение в США, Англии и других европейских странах [430, 1905, № 10586; 428, 05, 09.08.1905].

Учитывая сложившуюся обстановку, С. Ю. Витте использовал ее в своих интересах при встрече с Т. Рузвельтом еще до начала конференции. В беседе с президентом он особенно акцентировал его внимание на том, что Россия не побеждена и поэтому не может принять условий, не соответствующих ее достоинству, а следовательно, не согласится ни на какую контрибуцию; что внутреннее положение России «не такое уж плохое», как это представляется за границей; что русское правительство будет вести переговоры, учитывая лишь те успехи, которые Япония имела, но отказывается исходить из тех успехов, на которые Япония рассчитывает в будущем. «Если японцы не станут ныне на нашу точку зрения, то мы будем вести оборонительную войну до последней крайности и увидим, кто дольше выдержит», — твердо заявил русский уполномоченный.

Зная основные требования Японии⁴, Т. Рузвельт попытался убедить С. Ю. Витте и второго уполномоченного — царского посла в США Р. Р. Розена — «согласиться на уплату контрибуции», но, как сообщал С. Ю. Витте В. Н. Ламздорфу, «встретив категорическое возражение русских, пришел к выводу, что очень мало надежды на мирный договор» [70, док. № 75, с. 103, 104].

Таким образом, Рузвельт пытался запугать С. Ю. Витте срывом конференции, но попытка успеха не имела. Русский представитель ответил такой тонкой симуляцией готовности прервать переговоры, что президент действительно забеспокоился. Добившись согласия воюющих держав на мирные переговоры, президент взял на себя большую личную ответственность, и крах переговоров для него означал бы серьезный внешнеполитический провал.

На американского президента произвела впечатление твердая позиция, занятая С. Ю. Витте. Поэтому при второй встрече с японскими делегатами Рузвельт посоветовал исключить из списка их требований пункт об уничтожении фортификаций Владивостока «как унижительный для русской национальной че-

сти». Президент предложил также заменить слова «военная контрибуция» словами «возмещение расходов войны» (цит. по [352, с. 254—257]). Комура Ютаро согласился внести эти поправки. В остальном империалистическая программа японской стороны вполне устраивала американского президента.

Первый этап Портсмутской мирной конференции. Японские требования и ответ русской делегации

Конференция открылась 27 июля (9 августа) 1905 г. в Портсмуте. Сначала были решены все процедурные вопросы. Японская делегация категорически настаивала на том, чтобы в совещании участвовали только уполномоченные, без экспертов и советников. С. Ю. Витте рассчитывал вести переговоры сам, поэтому без особого сопротивления принял это условие. Было решено, что на совещании будут только секретари, а экспертов станут приглашать при обсуждении специальных вопросов.

Японские уполномоченные использовали это условие и назначили техническими секретарями опытных дипломатов, которые в ходе заседаний могли давать квалифицированные консультации, тогда как наиболее опытные члены русской делегации — профессор Ф. Ф. Мартенс (крупнейший специалист в области международного права) и Д. Д. Покотилов (посланник в Китае) — оказались не у дел. С. Ю. Витте же, полагаясь на собственное вдохновение, не всегда в достаточной степени был подготовлен к обсуждению вопросов (знание деталей и истории вопроса).

Не ограничиваясь этим сужением круга участников заседаний, японская делегация потребовала соблюдать строжайшую секретность заседаний, а для печати давать лишь краткие совместные коммюнике [41, д. 764, с. 30]. Откровенно империалистические притязания Японии, как указывалось выше, не встретили поддержки общественного мнения США и других стран. Поэтому делегация Японии стремилась максимально засекретить ход переговоров. Однако такие меры предосторожности не помешали прессе почти с абсолютной точностью освещать ход конференции. Русской делегации не было никакого смысла держать в тайне грабительские требования Японии, шедшие вразрез с ее обещаниями и той пропагандой, которую проводили во время войны японские правящие круги и пресса.

Первое деловое заседание мирной конференции состоялось 28 июля (10 августа) 1905 г. На нем японская сторона вручила русскому уполномоченному условия мира. Эти условия включали требования предоставления Японии «свободы рук» в Корею (п. 1), эвакуации Маньчжурии (п. 2), передачи Японии прав на аренду Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Дальним (п. 3, 6), передачи Сахалина (п. 5), Южно-Маньчжурской железной дороги (п. 7), возмещения Японии действительных из-

держек за войну (п. 9), выдачи японцам всех русских военных судов, находившихся в нейтральных портах (п. 10), ограничения военно-морских сил России на Дальнем Востоке (п. 11), предоставления японским подданным полных прав рыболовства вдоль побережья, в заливах, гаванях, бухтах и реках своих владений и Японском, Охотском и Беринговом морях (п. 12) [70, док. № 81, с. 108].

30 июля (12 августа) русская делегация вручила свой ответ на японские требования, составленный на основе правительственной инструкции. Он отвергал четыре японских требования, а именно: об уступке Сахалина, об уплате военных издержек, о передаче русских военных судов, находившихся в нейтральных портах, об ограничении военно-морских сил на Дальнем Востоке. В целом принимался пункт о передаче Южно-Маньчжурской железной дороги, но с оговоркой, что Россия согласна уступить только ту часть дороги, которая была оккупирована японскими войсками. Принятие остальных пунктов также обуславливалось рядом оговорок (см. [70, док. № 83, с. 110]).

Первые восемь заседаний (из 12) были посвящены обсуждению японских требований и возражений русской стороны⁵. Эти восемь заседаний и составляют первый этап конференции.

Корейский вопрос

30 июля (12 августа) на конференции представители начали обсуждение японских условий с вопроса о Корее. С. Ю. Витте считал, что японское правительство сформулировало свои требования основываясь на победах, одержанных несколькими месяцами раньше, не принимая во внимание тот факт, что в Маньчжурии стояла наготове реорганизованная и усиленная армия Н. П. Линевиича. Поэтому он заявил, что на конференции нет ни победителей, ни побежденных. И этот тезис С. Ю. Витте отстаивал и дальше, при рассмотрении всех японских условий.

Дебаты по корейскому вопросу длились с 30 июля (12 августа) по 1 (14) августа. В целом соглашаясь на требование Японии, русская делегация сочла, однако, необходимым обусловить свое согласие тремя оговорками: 1) равноправие русского правительства и подданных с другими иностранными державами и их подданными в Корее; 2) сохранение верховных прав корейского императора; 3) мероприятия японских властей в Корее не должны угрожать безопасности территории России (см. [65, с. 12—13]).

Ознакомившись с ответом русских представителей, японские делегаты внесли на рассмотрение конференции новый вариант ст. 1 своих требований⁶. Они признавали равноправие России и русских подданных с другими странами и их подданными, но с оговоркой: «насколько это не будет противоречить предыдущему постановлению о полном господстве Японии». Япония брала на

себя обязательство воздерживаться от военных мероприятий на корейской границе при условии, что такое же обязательство возьмет на себя и Россия. С. Ю. Витте заявил о своем несогласии с этими добавлениями, и после горячих дебатов японская делегация вынуждена была снять свои возражения и согласиться на предоставление подданным России одинаковых прав с подданными других держав.

Споры вызвало и предложение С. Ю. Витте не проводить военных мероприятий на корейской границе. Представители Японии потребовали, чтобы Россия не только взяла такое же обязательство, но и «срыла все укрепления» на русско-корейской границе, на что уполномоченные России не согласились. После продолжительных споров было решено, что срытию подлежат только новейшие фортификационные сооружения, построенные в годы войны.

Безусловно, после поражения в войне царизм не мог претендовать на сохранение своего влияния в Корее. Притязания Японии на Корею давали возможность русской делегации выступить с разоблачением захватнического характера японских требований. С. Ю. Витте выступил за сохранение независимости Кореи, заявляя, что суверенитет государства является одним из основных принципов международного права. Поэтому, доказывая русским уполномоченным, Япония не может по собственной воле, единолично уничтожить суверенитет Кореи, так как это привело бы к протестам других правительств, одинаково заинтересованных в судьбе этого государства. Комура Ютаро же сослался на соглашение, заключенное Японией с корейским императором, которое ограничивало в известной мере суверенитет Кореи, ибо ее внешние сношения ставились под контроль Японии. Тогда С. Ю. Витте предложил записать в мирном договоре или в протоколе конференции, что японские делегаты, несмотря на настояния русских уполномоченных, отказываются признать суверенитет Кореи. Комура Ютаро не согласился. После долгих пререканий уполномоченные решили не упоминать в договоре о независимости Кореи, а сделать в протоколе оговорку, что те мероприятия, которые могут затрагивать ее суверенитет, будут приниматься по согласованию с корейским правительством (см. [70, док. № 91, с. 119; 65, с. 98—99]).

По вопросу о судьбе Кореи Япония сговорилась с США и Англией до конференции, поэтому ни в США, ни в Англии не раздалось ни одного слова в защиту корейского народа и его независимости. Американская пресса откровенно писала, что Корее уготовано такое же положение, какое занимали в то время Куба по отношению к США и Египет по отношению к Англии (см. [409, с. 452]). «Нью-Йорк таймс» пренебрежительно заявила, что Корея идет «по пути всех слабых... наций» и что ей «будет, несомненно, лучше (!) под японским господством» (цит. по [409, с. 452]).

Не оказала никакой поддержки России и Франция. Ее инте-

ресовало лишь скорейшее окончание войны, и она рекомендовала царскому правительству пойти на самые большие уступки. России ничего не оставалось, как признать японское требование в отношении Кореи, добившись удовлетворения лишь своих минимальных условий.

Вопрос об эвакуации японских и русских войск из северо-восточных провинций Китая (Маньчжурии)

Вопросу эвакуации войск воюющих сторон из Маньчжурии в японских условиях мира были посвящены две статьи (2 и 3). Обязательства России были сформулированы в весьма категорических выражениях и предполагали полную эвакуацию из северо-восточных провинций, отказ от всех территориальных преимуществ, концессий и исключительных льгот.

Обязательства Японии были сформулированы далеко не так категорично. В них о выводе войск, в сущности, вовсе не упоминалось, а говорилось лишь о передаче китайскому правительству управления в Маньчжурии. Но и такая передача обуславливалась проведением китайским правительством в Маньчжурии реформ и осуществлением «хорошего управления». Используя эту оговорку, японские войска могли задержаться в Маньчжурии на неограниченный срок.

Русский ответ предусматривал проведение эвакуации войск обеих держав одновременно. Несмотря на упорство японской стороны, русским уполномоченным удалось настоять на равных (в отношении Северной Маньчжурии) обязательствах Японии и России. Вопрос о Южной Маньчжурии, которую японские правящие круги намеревались подчинить своему контролю, был выделен в особую статью. В окончательной редакции ст. 3 договора обязывала воюющие государства «совершенно и одновременно» вывести войска из Маньчжурии, за исключением Ляодунского полуострова, и «возвратить в исключительное управление Китая вполне и во всем объеме все части Маньчжурии», занятые японскими или русскими войсками [65, с. 99].

После долгих споров С. Ю. Витте добился сохранения за Россией права содержать железнодорожную охрану на Маньчжурской железной дороге⁷ в количестве, не превышающем 15 человек на километр (японский проект определял пять человек) [41, д. 764, с. 39].

Еще в апреле 1905 г. Япония дала США обязательство установить режим «открытых дверей» в Маньчжурии, поэтому в первоначальном варианте японских требований содержалось предложение об установлении режима «открытых дверей» на территории Северо-Восточного Китая. Со стороны русских представителей японское предложение не встретило возражений (см. [41, д. 764, с. 38, 45; 65, с. 14]).

Накануне и в период войны Япония прикрывала свои захватнические планы и заявляла, что ведет справедливую войну за независимость и суверенитет Китая и Кореи от агрессии России. Действительные требования японской стороны не имели ничего общего с этой демагогией. Стремясь разоблачить перед лицом общественного мнения действительный характер позиции Японии, С. Ю. Витте, в свою очередь, стал выдавать себя за ревнителя и защитника суверенитета Китая. В его выступлениях на конференции и в письменных ответах по поводу японских предложений, касавшихся Китая, постоянно фигурировали слова: «верховные права Китая», «уважение суверенитета Китая». Безусловно, их надо рассматривать лишь как дипломатический прием, который С. Ю. Витте противопоставил японской пропаганде в целях воздействия на мировое общественное мнение.

Японское требование об уступке Японии прав на аренду Ляодунского полуострова русская делегация в целом принимала. Однако в ее ответе оговаривалось, что «ввиду суверенных прав Китая на упомянутые территории, Россия не может уступить своих прав Японии без предварительного соглашения с Китаем... Права частных лиц в пределах всей местности, на которую распространяется арендный договор, заключенный между Россией и Китаем, должны остаться неприкосновенными» [65, с. 36—37].

После долгих споров была одобрена русская редакция текста статьи, предусматривавшая необходимость получения согласия Китая на передачу Японии Ляодуна, а также русская поправка о том, что «права собственности русских подданных на вышеупомянутой территории будут вполне уважены...» [65, с. 36—37].

В целом русская делегация не возражала и против передачи Японии Южно-Маньчжурской железной дороги, но только той ее части, которая находилась в руках Японии, о чем говорилось выше; она также настаивала на получении на это согласия Китая [65, с. 14—15].

В результате долгих и острых прений было решено, что Россия уступает Японии часть ветки до станции Куаньченцзы (Чанчунь) с согласия китайского правительства [65, с. 47—48].

После долгих и упорных споров (Япония добивалась для себя исключительных прав) была согласована ст. 6: «Россия и Япония обязуются эксплуатировать принадлежащие им в Маньчжурии железные дороги исключительно в целях коммерческих и промышленных, но никак не в целях стратегических» [65, с. 48]. Это положение не касалось железной дороги, проходящей по Ляодуну.

В ходе обсуждения условий мира представители Японии вынуждены были раскрыть свои подлинные цели в отношении Кореи и Маньчжурии, что вызвало отрицательные отклики в аме-

риканской и особенно в европейской печати. Чтобы привлечь на свою сторону американские деловые круги, японское правительство начало усиленно подчеркивать, что оно якобы готово на любую форму сотрудничества с США на Дальнем Востоке. С заявлениями о возможности сотрудничества неоднократно выступали японские представители в США — Сибудзава Киёси, Канэко и другие видные японские политические деятели (см. [365, с. 325, 353]).

Обещания Японии в период конференции создавали известные иллюзии среди американских дельцов и политиков, и они старались оказать поддержку японским притязаниям в надежде на будущие прибыли. Е. Х. Гарриман, тесно связанный с компанией «Кун, Леб энд К^о», помогал японскому правительству в размещении военных займов в США. Вступив в переговоры с японским правительством, он рассчитывал использовать новые японские приобретения для осуществления американских планов использования транссибирской магистрали и паромных линий в Тихом и Атлантическом океанах для создания сквозной трассы, которая соединила бы Азию и Европу (см. [381, т. 2, с. 13, 17—18]).

16 августа 1905 г., в самый разгар конференции в Портсмуте, Е. Х. Гарриман выехал в Японию. Предварительное соглашение между японским правительством и Е. Х. Гарриманом было подписано 12 октября 1905 г. Оно предусматривало создание японо-американского синдиката для покупки ЮМЖД и всех примыкающих к ней предприятий, которые перейдут к Японии по условиям Портсмутского договора. Однако японское правительство вскоре отказалось от соглашения. Когда русско-японский договор был подписан и ратифицирован, уже не было необходимости загрызвать с США. Отдавать богатейшую добычу американскому капиталу японские империалисты не захотели.

Сахалинский вопрос

По мере того как конференция переходила к рассмотрению наиболее острых вопросов, затрагивавших суверенитет России, настроение общественного мнения, да и самих делегатов конференции становилось тревожным. Всех интересовал вопрос, будет ли заключен мир, или же переговоры будут прерваны.

К числу таких вопросов относилось требование Японии о передаче ей Сахалина, что соответствовало американским экспансионистским планам в отношении русского Дальнего Востока. Этим и объясняется позиция, которую занял Т. Рузвельт в сахалинском вопросе. Он проявил максимум энергии, чтобы японское требование было удовлетворено.

Сахалинский вопрос конференция начала обсуждать 2 (15) августа с рассмотрения японского меморандума на ответ русской делегации. «Россия не может согласиться на отчуждение Сахалина», — указывалось в ответе, но выражает готовность

«признать за Японией право на широкую эксплуатацию морских промыслов этого острова и на другие коммерческие предприятия». Правительство России заявило, что его права на Сахалин «установились в то время, когда Япония никаких прав владения по отношению к большей части этого острова не имела и, во всяком случае, фактически не осуществляла. Сахалин является естественным продолжением владений России на материке, так как остров этот отделяется от твердой земли мелким проливом шириной около 7 верст» [65, с. 14].

В своем меморандуме японская делегация голословно утверждала, что «права Японии, по крайней мере на большую часть Сахалина, могут быть легко доказаны за время, предшествующее русскому занятию». Японская сторона заявляла также, что остров якобы является «естественным и необходимым звеном в цепи тех островных единиц, из которых исключительно состоит японская империя». Наиглавнейшим же основанием для выполнения своего требования Япония считала факт занятия Сахалина японскими войсками [65, с. 35].

Ознакомившись с японским меморандумом, русские уполномоченные заявили, что не видят возможности изменить мнение, изложенное в их ответе, так как Россия не может признать факта оккупации японскими войсками Сахалина в качестве обоснования прав Японии на этот остров [65, с. 27—28].

В ходе дискуссии японский делегат пытался исказить исторические факты, свидетельствовавшие о безусловных правах России на Сахалин, принадлежавший России в силу первенства открытия и освоения, о чем подробно говорилось выше.

Глава делегации России разоблачил истинный смысл японских требований. «Сахалин,— говорил он,— как бы часовой, стоящий у наших дверей, и, может быть, именно это обстоятельство прельщает Японию; она хочет быть часовым у дверей соседа. Но если рассматривать вопрос с точки зрения прочности мира, над установлением которого мы здесь работаем, то не подлежит сомнению, что владение Сахалином японцами будет угрожать миру больше, чем владение Россией. Русское самосознание никогда не примирится с тем, что территория, которой Россия владела много лет, от нее отнята» ([65, с. 29], см. также [41, д. 764, с. 67]). В поддержку своей позиции он привел ряд известных исторических фактов.

Опровергая утверждения японских правящих кругов об их желании заключить длительный мир на Дальнем Востоке, С. Ю. Витте подчеркнул, что присоединение чужой территории ведет не к миру, а «к продолжительной и неистребимой вражде», и отметил, что «народное чувство в России не может допустить утраты территории, которая долго находилась в законном и мирном владении России; подобное событие создало бы в стране всеобщее негодование, мало способствующее делу умиротворения на Дальнем Востоке, к которому мы стремимся» [41, д. 764, с. 66—67].

После этого делегации констатировали, что не могли достигнуть соглашения по вопросу о Сахалине.

Однако на этом переговоры о судьбе Сахалина не закончились. Они возобновились несколько позже.

Вопрос об уплате контрибуции

4 (17) августа 1905 г. конференция приступила к обсуждению требования о возмещении Россией военных расходов Японии. Вокруг этого вопроса завязалась ожесточенная борьба, грозившая срывом конференции. Контрибуция, по мнению правящих кругов Японии, должна была явиться основой для осуществления планов дальнейшей экспансии японских милитаристов. Японское правительство не скрывало, что вопрос о деньгах — самый важный. Английскому послу в Токио Макдональду Кацура Таро заявил, что «ст. 9, касающаяся возмещения издержек, наиболее серьезная из всех... Что же касается Сахалина, то, в связи с тем что Япония им уже владеет, японское правительство не ожидает больших трудностей в оставлении его в таком состоянии...» [92, т. 4, № 93, с. 101]. В другой беседе, 7 (20) августа, он вновь заявил Макдональду, что «Япония должна получить свои действительные военные издержки, но, что касается Сахалина, Япония готова смягчить свои требования» [192, т. 4, № 95, с. 103]. Это смягчение требований в отношении Сахалина Кацура ставил в зависимость от того, в какой мере русское правительство примет ст. 9 [92, т. 4, № 96, с. 104].

В русском ответе говорилось: «Военные издержки уплачиваются только странами побежденными, а Россия не побеждена. Не может считать себя побежденною страна, территория которой почти не подвергалась нападению со стороны неприятеля... Только в том случае, если бы японские войска победоносно заняли внутренние области России, страна могла бы понять возбуждение вопроса о возмещении военных издержек...» Россия соглашалась только на возмещение расходов Японии, «послуживших не к ущербу, а к пользе подданных России...», т. е. за содержание военнопленных, лечение больных и т. д. [65, с. 15—16].

Переговоры по этому пункту японских требований, как отмечал секретарь конференции Г. А. Плансон, походили на «настоящий поединок, в котором собеседники перебрасывались весьма острыми и резкими замечаниями». Комура Ютара посоветовал С. Ю. Витте «принести жертву для спасения более важных интересов», на что тот ответил: «Если бы Россия была окончательно разбита, что было бы лишь в том случае, если бы японские войска пришли в Москву, тогда только мы сочли бы естественным возбуждение вопроса о контрибуции». Комура Ютаро возразил: «В этом случае уже не было бы никаких переговоров, а мы просто продиктовали бы условия мира». С. Ю. Витте напомнил:

«История говорит иное. Наполеон был в Москве, однако не диктовал нам условий мира» ([41, д. 764, с. 78—79], см. также [121, № 2, с. 141]).

Исчерпав все доводы, уполномоченные решили занести в протокол, что оказались не в состоянии достигнуть соглашения по п. 9 [70, док. 116, 117].

О передаче интернированных русских судов

П. 10 японских требований включал передачу Японии всех русских военных судов, получивших повреждения и интернированных в нейтральных портах. В русском ответе говорилось, что «едва ли можно найти в практике международных отношений прецеденты, которые оправдали бы такую требовательность». Резонно указывалось на то, что «подобное требование трудно вяжется с миролюбивыми намерениями, которыми должны быть воодушевлены обе договаривающиеся стороны...» и что «согласие России на такое требование противоречило бы ее достоинству» ([65, с. 16], см. также [41, д. 764, с. 81—82]).

Позиция японских уполномоченных противоречила сложившейся к тому времени практике и нормам международного права, признанным большинством стран мира.

На заседании 4 (17) августа С. Ю. Витте заявил, что в соответствии с общепризнанным положением международного права военный отряд или судно, которые ищут убежища на нейтральной территории или в нейтральном порту, подлежат разоружению, но никак не выдаче противнику.

Констатировав в протоколе невозможность достичь соглашения по п. 10, стороны перешли к рассмотрению следующего японского требования.

Об ограничении морских сил России на Дальнем Востоке

По поводу п. 11, содержавшего требование ограничить морские силы России на Дальнем Востоке, в ответе царского правительства было сказано: «Россия не может согласиться на такое обязательство, налагаемое иностранной державой, ибо это было бы несовместимо с ее достоинством...». Вместе с тем отмечалось, что в планы России «не входит содержание в водах Тихого океана в близком будущем значительных морских сил» ([65, с. 16], см. также [41, д. 764, с. 85]).

На заседании конференции 4 (17) августа русские уполномоченные заявили, что считают излишним новое обсуждение этого вопроса, так как ничего не могут добавить к своему письменному ответу, но готовы оформить свое предложение путем занесе-

ния в протокол или подписать какой-либо другой акт, но без изменения формулировок. С. Ю. Витте согласился на то, чтобы заявление об отсутствии намерений у России содержать «значительные морские силы» составило предмет особой декларации, подписанной уполномоченными и ратифицированной царем одновременно с договором.

Комура Ютаро требовал определить точнее, какое именно количество морских сил намерена Россия иметь на Тихом океане. С. Ю. Витте ответил, что не видит возможности заменить слова «значительных морских сил» каким-либо более конкретным определением ([65, с. 54], см. также [41, д. 764, с. 86]).

Согласиться на точное определение численности военно-морских сил России на Тихом океане значило бы поставить под контроль Японии на долгие годы развитие русского военно-морского флота. Это было бы значительным ущемлением суверенитета России.

Казалось, конференция близилась к концу. 4 (17) августа С. Ю. Витте отправил в Петербург восемь телеграмм. В последней, адресованной министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу, Витте осторожно намекал на необходимость уступок. Он писал: «Кажется, что, пожалуй, по пунктам 10, о судах в нейтральных портах, и 11, об ограничении флота, уступят (японские делегаты.— Л. К.), но по пунктам 5, о Сахалине, и 9, о военном вознаграждении, не уступят. Ввиду бесконечной важности предмета мне кажется, что необходимо еще раз взвесить положение и принять срочное решение. Для меня несомненно, что продолжение войны будет величайшим бедствием для России. Мы можем более или менее успешно обороняться, но едва ли можем победить Японию».

Говоря о Сахалине, С. Ю. Витте признавал, что остров «крайне важен», ибо «может представить большие богатства и служить аванпостом Амура». Но тут же делал оговорки, сводившие на нет его утверждение о важности Сахалина для России. «Главное же несчастье наше,— писал он,— что Сахалин в руках японцев, и я не вижу возможности, по крайней мере в ближайшее десятилетие, его отобрать» [70, док. № 121, 123, с. 136—139].

В этом сказывалась ограниченность царского чиновника, его недопонимание значения Сахалина для обороны России. Надо сказать, что точку зрения С. Ю. Витте разделяли и некоторые крупные государственные деятели царской России. Царь, подстрекаемый реакционно-монархическими кругами к продолжению войны «до победного конца», написал на телеграмме С. Ю. Витте: «Сказано было — ни пяди земли, ни рубля уплаты военных издержек. На этом я буду стоять до конца» [70, док. № 124, с. 139].

С. Ю. Витте стоял за прекращение войны. Его убеждение о необходимости заключения мирного договора подкреплялось телеграммами, которые отправляли ему из Петербурга министр

финансов В. Н. Коковцев и сотрудник министерства финансов Н. И. Путилов. Они сообщали, что обстановка в стране не улучшается, революция охватывает все новые районы, а правительство не хочет идти ни на какие реформы, на чем настаивали наиболее дальновидные представители правящей бюрократии, либеральной буржуазии и дворянства.

Вступив в войну с Японией с бюджетом, не рассчитанным на финансирование военных действий, русское правительство к портсмутским переговорам уже не располагало свободной наличностью, имея два краткосрочных займа (французский 1904 г. и германский 1905 г.) на сумму около 500 млн. руб. Положение усугублялось расстройством налоговых поступлений, что неминуемо грозило превысить эмиссионное право Государственного банка и прекратить размен. Еще 19 июля В. Н. Коковцев телеграфировал С. Ю. Витте: «Усерднейше прошу Вас на обратном пути настаивать в Париже на необходимости займа» [53, 1924, т. 6, док. № 18, с. 23]. 3 (17) августа он вновь обращается к Витте: «Покорнейше прошу Вас взять на себя труд постараться достигнуть этой цели (получить заем.— Л. К.) в Америке, равно как и в Париже...» [53, 1924, т. 6, док. № 42, с. 32].

США не были заинтересованы в продолжении войны, и на кредитование военных операций их банкиры денег давать не хотели. США опасались дальнейшего развития русской революции, а также беспокоились за судьбу займов, предоставленных Японии. Американские банкиры (в частности, В. Б. Вандерлип) заявили Витте, что вопрос о займе может обсуждаться лишь после заключения мира [68, док. № 69, с. 206].

Аналогичную позицию занимала французская и английская буржуазия [68, док. № 58, с. 192].

«Компромиссное» предложение Комура Ютаро

На заседании 5 (18) августа делегациям предстояло принять окончательное решение по вопросу о требовании Японии об ограничении русских морских сил на Дальнем Востоке.

Комура Ютаро заявил о несогласии японской стороны с русской редакцией текста статьи. Так как очень трудно придумать способ для примирения сторон по этому пункту, сказал он, то японские уполномоченные намерены сделать особое заявление. Он написал на клочке бумаги несколько строк по-английски и передал их С. Ю. Витте. В записке говорилось: «Японские уполномоченные заявляют, что, будучи воодушевлены искренним желанием содействовать удовлетворительному разрешению всех вопросов, по которым еще не достигнуто соглашение, они будут готовы взять назад требование касательно ограничения морского могущества и выдачи судов, если русские уполномоченные, в свою очередь, согласятся рассмотреть в примирительном духе вопросы об уступке Сахалина и о возмещении военных расхо-

дов» ([41, д. 764, с. 90], см. также [121, 1918, № 2, с. 142]). Смысл этого компромиссного предложения Кокура Ютаро разъяснил на секретном совещании уполномоченных. Японская делегация выразила готовность отказаться от п. 9, 10 и 11 при условии, что вопрос о Сахалине будет решен следующим образом: северная часть острова, по 50° с. ш., остается за Россией, а южная переходит во владение Японии. Но за возвращение северной части острова Россия должна уплатить 1200 млн. иен. Япония гарантирует свободу плавания русским судам по проливу Лаперуза, а Россия — по Татарскому (см. [70, № 128, с. 140—141; 41, д. 764, с. 91; 121, 1918, № 2, с. 143]).

Кокура Ютаро опасался, что С. Ю. Витте действительно намерен закончить переговоры без подписания соглашения. Твердая позиция русского уполномоченного во время заседаний вызвала у него сомнения: действительно ли Россия так заинтересована в прекращении войны, как об этом писала мировая пресса?

Безрезультатность конференции не устраивала японских делегатов. Хотя в японской инструкции условия делились на три группы, что давало возможность делегатам маневрировать, тем не менее Кокура Ютаро, учитывая шовинистические настроения определенной части японского общества, опасался, что даже незначительное отступление от выработанной программы может вызвать большое недовольство в стране. Стремясь спасти конференцию от провала и в то же время избежать существенных уступок, он и выдвинул «компромиссное» решение. Япония получала и половину Сахалина, и контрибуцию, но в форме выплаты 1200 млн. иен за возвращение северной части Сахалина. Японскую делегацию мало смущало то обстоятельство, что предложенный ею «компромисс» нарушал элементарные основы международного права, требующего для обоснования присоединения территории не только факта оккупации, но и эффективного контроля и управления занятой территорией. Япония же контролировала на Сахалине только поселения, между тем как разрозненные части русского гарнизона продолжали сопротивление, скрываясь в тайге.

Новое японское предложение не было предусмотрено петербургскими инструкциями, поэтому С. Ю. Витте, не высказав своего мнения по его существу, заявил, что доложит о нем своему правительству [41, д. 764, л. 91].

Сообщая В. Н. Ламздорфу о «компромиссном» предложении Кокура Ютаро, глава русской делегации писал: «Было бы удобнее отдать весь Сахалин, но ничего не платить. Но японцам нужны деньги, и на это они не согласятся; к тому же у нас есть государственные люди, которые придадут особое значение владению в особенности северной частью Сахалина. Во всяком случае, на сумму, указанную японцами, нам не представляется возможным согласиться, так как это равносильно уплате военных расходов». Эта телеграмма, как и вся переписка С. Ю. Вит-

те с Петербургом, подтверждает, что он считал возможным уступить в сахалинском вопросе. Витте стремился добиться мира, «необходимого для спасения России от полной катастрофы» (он имел в виду революцию), и недооценивал значения Сахалина для России, не понимал перспектив развития Дальнего Востока. В этом сказывался его «казенный, чиновнический взгляд», не раз отмеченный В. И. Лениным.

Японским же дипломатам ход конференции показал, что без поддержки извне они не смогут заставить Россию принять их требования.

О предоставлении Японии прав рыболовства

В тот же день, 5 (18) августа, было принято решение по п. 12 японских предложений, о предоставлении прав рыболовства. Японские уполномоченные, как уже указывалось, требовали «полных прав рыболовства» вдоль русских берегов Японского, Охотского и Берингова морей, а также в «заливах, гаванях, бухтах и реках». Распространение этих прав на гавани, бухты и реки открыло бы для иностранной державы не только побережье, но и многие районы в глубине страны, так как в Японское, Охотское и Берингово моря впадают многочисленные реки и речки богатейших районов Приморья. Свободный доступ японских рыбопромышленников во внутренние районы России в условиях слабого развития русской экономики на Дальнем Востоке означал бы постепенное установление японского контроля над хозяйственной жизнью края. К тому же открытие этих районов для японских граждан крайне затруднило бы оборону дальневосточного края. Все эти обстоятельства учитывались русскими дипломатами.

Поэтому в ответе русской делегации говорилось о согласии предоставить Японии право рыболовства только вдоль побережья Охотского, Японского и Берингова морей. При этом оговаривалось, что за русскими и иностранцами сохраняются предоставленные им ранее права лова рыбы [65, с. 60—61]. Японская сторона почти без споров приняла эту формулировку.

Второй этап конференции. Вмешательство Рузвельта

Президент США внимательно следил за ходом мирной конференции. Через своего агента, журналиста О'Лахлина, которому удалось добиться дружественного расположения уполномоченного России, Т. Рузвельту была в целом известна позиция русской делегации в отношении тех или иных японских требований. Довольно полную информацию он имел и относительно позиций японской стороны. Эта информация поступала от японского финансового агента Канэко, который ежедневно посещал его в резиденции в Ойстер-бее.

5 (18) августа, когда конференция обсуждала п. 11 и 12 японских условий, Рузвельт получил от американского посла в Петербурге Мейера телеграмму, в которой сообщалось, что царь вновь подтвердил свое намерение не заключать мира, если Япония не снимет свои требования о контрибуции и Сахалине. Рузвельт решил вмешаться, защищая интересы Японии. Помощнику государственного секретаря Пирсу, находившемуся в Портсмуте, он поручил передать главе русской делегации специальное президентское послание, в котором просил немедленно командировать к нему Р. Р. Розена или другого представителя, через которого он смог бы передать конфиденциальное сообщение (см. [173, т. 2, с. 269—270]). Для встречи с Рузвельтом барон Р. Р. Розен срочно выехал в Ойстер-бей. Президент предложил следующий проект: если бы из четырех пунктов, по которым не достигнуто соглашение, исключить три (10-й и 11-й снимает Япония, а Россия принимает п. 5 об уступке Сахалина), то остался бы п. 9, о возмещении военных издержек. Тогда, по мнению Рузвельта, обе стороны могли бы договориться о передаче этого вопроса на предварительное заключение двух лиц, принадлежащих один к национальности, дружественной России, другой — дружественной Японии. «На это неизбежно понадобится определенное время, в течение которого страсти улеглись бы, и едва ли Япония потом решилась на продолжение войны из-за денег» [70, док. № 142, с. 162—163].

Т. Рузвельт горячо убеждал Р. Р. Розена уступить Сахалин. Он заявил, что японские войска заняли Сахалин и все равно не уйдут оттуда, поэтому лучше отдать им этот остров, тем более что у России нет флота. В подтверждение своих доводов президент сказал: «Мы, американцы, тоже сидим в Панаме, и не уйдем». Пример неподходящий, отвечал Р. Р. Розен, потому что Япония — не Америка, а Россия — не Колумбия [41, д. 764, л. 93].

Предложение Т. Рузвельта было хуже условий, выдвинутых Комура Ютаро. Передача Сахалина Японии должна была серьезно ослабить позиции России на Тихом океане и, следовательно, расширить возможности как японской, так и американской экспансии на русском Дальнем Востоке.

В инструкции, посланной С. Ю. Витте 9 (22) августа, предписывалось «прекратить дальнейшие переговоры с японскими делегатами, если последние не будут уполномочены отказаться от тех чрезмерных притязаний, которые ими ныне предъявляются». Витте предлагалось «дать понять Рузвельту, что Россия при иных, более благоприятных обстоятельствах была бы готова возобновить переговоры о мире с Японией». Кроме того, русскому уполномоченному было поручено занести в протоколы совещаний, в соответствии с высказанным им самим мнением, что «переговоры прерваны из-за вопроса о контрибуции и что посему вовсе не приступали к окончательному обсуждению пункта, касающегося Сахалина, оставленного на самый конец» (см. [70,

док. № 143, 148, 150, с. 167—170]). Такой уловкой петербургские дипломаты хотели успокоить общественное мнение и не идти на уступки в вопросе о Сахалине.

Петербургская инструкция была получена в Портсмуте накануне заключительного заседания конференции.

Утром 9 (22) августа, еще до получения петербургской инструкции, из Ойстер-бея приехал специальный нарочный, который привез С. Ю. Витте письмо президента. История появления этого письма такова.

7 (20) августа агент президента О'Лахлин телеграфировал ему, что, хотя Николай II подтвердил свою прежнюю точку зрения на требования японской стороны, Витте тем не менее серьезно рекомендовал правительству пойти на соглашение. В связи с этим О'Лахлин предлагал оказать давление на царя через посла Мейера, что могло бы подкрепить аргументы Витте (см. [365, с. 252]). Идея понравилась президенту. Он обратился к С. Ю. Витте с письмом, в котором просил передать царю личное послание. Одновременно Рузвельт поручил своему послу в Петербурге Мейеру посетить Николая II и передать лично ему президентское послание. В послании Рузвельт писал, что считает вполне приемлемыми условия «компромисса», предложенные японской стороной, а мир, заключенный на этих основаниях, «справедливым и почетным». России, по его мнению, необходимо уплатить определенную сумму за возврат северной части Сахалина и содержание военнопленных.

Ответ Рузвельту С. Ю. Витте написал немедленно. Он решительно опроверг разглагольствования президента о «справедливости» и «почетности» предлагаемых условий. «Предложения эти не могут быть приняты самосознанием России,— писал С. Ю. Витте,— потому что, в сущности, в них содержится под иной формой уплата Японии если не всех, то большей части военных издержек»⁸. В своем ответе Витте вскрывал истинные причины выступления президента. Он писал, что Япония, «очевидно, хочет во что бы то ни стало получить значительные деньги и потому склонна продолжать проливать кровь лишь из-за денег» [70, док. № 146, с. 166—167].

На заседании 10 (23) августа Комура Ютаро передал ноты с изложением последних уступок Японии. Это было уже официальное предложение «компромисса», с которым он выступил еще 5 (17) августа. В своем ответе С. Ю. Витте выдвинул три варианта соглашения и все три — без уплаты контрибуции. Когда же выяснилось, что японские уполномоченные не намерены уступать в этом вопросе, Витте спросил⁹, как отнеслось бы правительство Японии к следующей комбинации: «Мы, положим, готовы отказаться от всего Сахалина с тем, чтобы Япония отказалась от военного вознаграждения». Комура ответил, что «в план японцев входит получение вознаграждения и Сахалина, во всяком случае вознаграждение необходимо» (цит. по [121, 1918, № 9, с. 65], см. также [65, с. 63—67]).

Маневр С. Ю. Витте достиг цели. Об этом свидетельствовали отзывы прессы. «В случае разрыва,— заявил руководитель „Ассошиэйтед пресс“ Томпсон в беседе с Коростовцем,— все увидят, что Япония продолжает войну только ради денег, а совсем не из-за возвышенных мотивов, которые она выставляла сначала» (цит. по [121, 1918, № 9, с. 71]).

Признают это и японские историки. Так, Киёдзава Киёси пишет: «Витте заявил на основании японского требования контрибуции о том, что Япония хочет продолжать войну из-за денег. Общественное мнение Америки благодаря непрекращающимся газетным выступлениям стало обвинять Комура Ютаро в неправильной политике» [306, т. 1, с. 344].

Решение Николая II об уступке южной части Сахалина

10 (23) августа царь принял Мейера, который вручил ему послание президента. В начале беседы царь решительно отвергал оба основных требования Японии. Он ссылался на свои публичные обещания не уступать территории и не платить контрибуции. В конце концов согласился на раздел Сахалина. Но и это не удовлетворило Мейера. Он настаивал на уплате Россией определенной суммы за «возвращение» части острова.

Несговорчивость царя сменилась новым настроением. Он не только уступил южную половину острова, как ему советовали С. Ю. Витте, В. Н. Коковцев и В. Н. Ламздорф, но, более того, из его вопроса: «Как же можно определить стоимость территории?» — Мейер понял, что путем дальнейших переговоров можно склонить его и на уступку в вопросе о платеже некоторой суммы за северную половину Сахалина [365, с. 270—271].

Царь и его министры не могли последовательно отстаивать государственные интересы России. Они боялись продолжения войны. И царизм боялся не японской армии (русская армия на Дальнем Востоке уже не уступала по силе японской), а своего собственного народа, боялся революции, грозившей смести прогнивший режим. Эта боязнь и была одной из причин, которая заставила царя пойти на уступку в вопросе о Сахалине. Серьезную роль сыграло и давление США. Царское правительство стремилось улучшить свои взаимоотношения с США, надеясь привлечь их к борьбе с Японией, и поэтому пошло на уступки.

В телеграмме С. Ю. Витте о результатах переговоров Мейера с царем В. Н. Ламздорф заранее категорически отвергал всякие возможные выводы из неопределенных слов царя. Царь согласился на уступку Японии занятой ею южной части Сахалина,— писал он ему,— с тем, чтобы северная оставалась во владении России без какой бы то ни было выплаты за это денежной компенсации. Оговаривались также необходимость обеспечения свободы плавания по проливу Лаперуза и получение обязательства со стороны Японии — «не строить укрепления и не

содержать войск на пространстве занятой ею части острова». В заключение телеграммы подчеркивалось, что эта уступка является «крайним пределом возможной со стороны России сговорчивости» [70, док. № 161, с. 177—178].

Т. Рузвельт не удовлетворился размером уступок России. Он, то угрожая японским наступлением, то призывая царя к благоразумию, пытался заставить царское правительство согласиться на уплату определенной суммы за возвращение северной половины Сахалина. Эти деньги должны были явиться дополнительным вознаграждением японским милитаристам. Он продолжал оказывать давление на царя через своего посла Мейера, а также прибегая к помощи правительств Франции и Германии. Однако решение царского правительства оставалось неизменным (см. [70, док. № 163—166, 169, 171, 173, 174]).

Т. Рузвельт считал итоги войны вполне отвечающими интересам американского империализма и не хотел рисковать этими достижениями, опасаясь поражения Японии в случае продолжения войны. Поэтому, беспокоясь за результат конференции, он решил оказать некоторое давление на военную партию, с тем чтобы заставить японское правительство отказаться от требования контрибуции. Японскому императору он писал, что «слышит со всех сторон недовольство, выражаемое друзьями Японии, в отношении возможности продолжения Японией войны ради большей контрибуции». Президент заявлял о возможности получения некоторой суммы за северную часть Сахалина, помимо денег, которые «по справедливости обязаны русские внести за военнопленных». Он категорически отвергал названную японской делегацией сумму выкупа и «настойчиво рекомендовал» не продолжать борьбы ради контрибуции, считая, что в противном случае в общественном мнении произойдет значительный поворот в сторону России. Анализируя перспективы войны, Рузвельт доказывал ее бессмысленность и заявлял, что даже если японцам и удастся захватить Восточную Сибирь, то они, «затратив 400—500 млн. долл. и пролив массу крови, получают то, в чем они не нуждаются» [365, прил. 4, с. 274—275].

Получив телеграмму из Петербурга о запрещении дальнейших уступок, С. Ю. Витте решил, что заседание 13 (26) августа, очевидно, будет окончательным. Перед началом этого заседания Комура Ютаро пригласил русских уполномоченных на заседание без секретарей. Он заявил, что японская делегация, в сущности, еще не имеет официального ответа на предложение, сделанное формально на заседании 10 (23) августа. «Я им ответил,— сообщал С. Ю. Витте,— что это предложение отвергнуто». На вопрос Комура Ютаро, на что согласились бы представители России, С. Ю. Витте и Р. Р. Розен в соответствии с телеграммой министра иностранных дел о решении царя указали, что не согласятся «ни на какую уплату, кроме уплаты за военнопленных»; что же касается Сахалина, то согласны на «предложение о разделе Сахалина со свободными проливами, но

без всякого вознаграждения». Русские уполномоченные предупредили японскую сторону, что они «пришли в заседание, чтобы прервать переговоры». Комура Ютаро заявил, что не получил еще окончательных инструкций, ввиду чего просил не делать в этот день заключительного заседания, а отложить его на понедельник, 15 (28) августа. Затем японская делегация попросила перенести заседание на вторник, 16 (29) августа, на что Витте согласился, считая, что прервать переговоры всегда успеет [70, док. № 177, с. 191].

После этого заседания Комура Ютаро немедленно телеграфировал правительству в Токио, указав, что покинет Нью-Йорк, если Россия откажется 28 августа от уплаты контрибуции (см. [407, с. 153]), и начал готовиться к отъезду из Портсмута.

В Токио по получении телеграммы Комура Ютаро вечером 14 (27) августа немедленно было созвано объединенное заседание гэнро¹⁰ и кабинета министров, длившееся до 1 час. 30 мин. ночи 15 (28) августа и возобновленное на следующий день в 8 час. утра.

Высшее военное и морское командование Японии было против продолжения войны. Японские запасы военных материалов подходили к концу. Ее финансы были в тяжелом положении (см. [117, с. 57]). В 14 час. по токийскому времени 15 (28) августа на объединенном заседании кабинета, гэнро и высшего военного и морского командования в присутствии императора было принято окончательное решение о заключении мира [117, с. 57; 16 (29).08.1905].

Известную роль в решении японского правительства согласиться с предложением России сыграли и упоминавшиеся письма Т. Рузвельта. Определенное влияние оказал также факт заключения 12 (25) августа 1905 г. второго англо-японского союза, дававшего Японии гарантии против реванша со стороны царской России.

12 (25) августа американский банкир Я. Шифф заявил японским уполномоченным: «К моему величайшему прискорбию, финансовые рынки США, Англии и Германии, по всей вероятности, не смогут больше соответствовать требованиям Японии и ее стремлениям бесконечно продолжать войну» (цит. по [351, с. 224—225]). В условиях тяжелых финансовых затруднений игнорировать такое предупреждение было трудно.

При сложившейся ситуации правительство Кацура Таро вынуждено было дать указание японской делегации на конференции заключить мир без контрибуции.

Японское правительство отказалось от контрибуции, хотя и понимало, что договор без нее вызовет серьезное недовольство среди буржуазии и мелкобуржуазных элементов, развращенных шовинистической пропагандой японских милитаристов. Еще в первой декаде августа, когда начала работать мирная конференция, ряд шовинистически настроенных деятелей Японии, образовавших перед войной «Ассоциацию по делам России» («Тайро

досикай»), созвали в Токио большое собрание для обсуждения вопроса о мире. Собрание приняло резолюцию, в которой говорилось: «Условия мира, выдвинутые уполномоченными Японией в Портсмуте, весьма несовершенны. Они явно недостаточны для гарантии длительного мира на Дальнем Востоке. Если мы снова пойдем на уступки, то лишимся всех достижений, полученных в результате войны» (цит. по [161, с. 870—871]).

Следует отметить, что политические деятели Японии, как, например, губернатор Тайваня Гото Симпэй, считали, что главное не в тех или иных частных материальных приобретениях, а в международных позициях, в удельном весе и престиже Японии, завоеванных благодаря успехам японской армии в войне с Россией. Гото Симпэй говорил: «Мы должны настаивать на максимальных размерах контрибуции и территориальных уступок, но мы не должны поддаваться вульгарному мнению толпы: успех или поражение этих требований не должен тревожить нас... Если они будут удовлетворены и мы получим просимое, очень хорошо. Не получим — тоже хорошо... Нам следует пропустить это без особого внимания, если нам удастся разрешить более широкие проблемы, ценность которых в десятки и сотни раз более велика» (цит. по [335, с. 185]). В этом заявлении провозглашалось не что иное, как программа достижения японской гегемонии на Дальнем Востоке. Победа над царской Россией и ослабление ее позиций на Дальнем Востоке создавали те предпосылки, которые Гото призывал использовать для достижения японской гегемонии, советуя «не перегибать палку» в своих требованиях к России. Гото Симпэй, Ито Хиробуми и ряд других крупных политических деятелей прекрасно понимали, что требования контрибуции и территорий могут привести к срыву переговоров, результатом чего явится длительная война, которая поставит на карту все достижения, добытые с таким трудом. Результаты же такой затяжной войны представлялись более чем сомнительными. Помимо военной и экономической стороны этого дела японскую буржуазию тревожили и политические последствия продолжения войны, и развертывание русской революции [117, с. 59].

С той же неизбежностью, как и в России, продолжение войны усилило бы антивоенное движение в Японии.

Окончание конференции. Портсмутский мир

Заседание 16 (29) августа по просьбе японской делегации началось с секретного совещания уполномоченных. Комура Ютаро заявил о согласии японского правительства с предложениями русской делегации. Затем открылось заседание в обычном порядке, с участием секретарей. С. Ю. Витте зачитал русскую ноту, в которой указывалось, что император, «желая явить новое доказательство своего искреннего желания содействовать восстановлению мира на Дальнем Востоке, соглашается уступить

Японии южную часть острова Сахалин с тем, чтобы северная его часть оставалась во владении России без всякого вознаграждения». В ноте оговаривалось, что Япония должна будет в этом случае гарантировать свободу мореплавания в проливе Лаперуза и обязуется не принимать никаких военных мер на занятой ею части Сахалина (см. [65, с. 72—73; 41, д. 764, с. 122—123; 121, 1918, № 9, с. 75]). Японские уполномоченные потребовали, чтобы заключаемая в русской ноте оговорка в отношении непринятия военных мер и обязательство обеспечения свободного плавания по проливу Лаперуза и Татарскому проливу были взаимны (см. [341, д. 764, с. 123; 65, с. 73]). С. Ю. Витте не возражал. Таким образом, узловой спорный вопрос был решен и мир достигнут.

Итоги переговоров С. Ю. Витте подвел в интервью, которое дал корреспонденту «Ассошиэтед пресс» сразу же после окончания утреннего заседания. Первое, что он выделил и подчеркнул, был вопрос о контрибуции: «Мы не заплатили ни копейки». Далее он упомянул о тех пунктах требований Японии, которые русской делегацией не были приняты: о выдаче интернированных судов, об ограничении морских сил и т. д. Все интервью было выдержано в таких тонах, словно не царская Россия приносила жертвы, а Япония. О значении потери южной части Сахалина С. Ю. Витте почти ни словом не обмолвился, указав лишь на то, что уступил южную часть Сахалина только по приказу царя. В заключение С. Ю. Витте сказал, что его предложения «были русским ультиматумом, и он был принят японцами» (цит. по [365, с. 262—263]).

Мир был подписан на условиях, предложенных царским правительством, и в этом Витте был прав. Но он не договаривал, что эти условия были крупными уступками, которые делала Россия, будучи страной, потерпевшей поражение. «Фокусник» и «акробат» Витте, как его называл в своих работах В. И. Ленин, в целях саморекламы сразу же начал превозносить результаты Портсмутской конференции, изображая даже потери русской территории в качестве успеха России.

После разрешения наиболее существенных вопросов, от которых могло зависеть прекращение или продолжение войны, конференции предстояло заняться рассмотрением так называемых второстепенных вопросов, из которых, например, вопрос об обмене военнопленными и уплате вознаграждения за содержание военнопленных представлял немалое значение: под прикрытием последнего японская сторона могла попытаться проташить требование фактической уплаты контрибуции.

В окончательном тексте статьи по этому вопросу говорилось: «Российское и японское правительства представят друг другу... документально оправданный счет прямых расходов, произведенных каждым из них по уходу за пленными и их содержанию со дня пленения или сдачи до дня смерти или возвращения» (ст. 13) [65, с. 104].

В приложении № 10 к Портсмутскому договору указывалось, что все торговые договоры между Японией и Россией аннулированы. Пока не будет заключен новый договор о торговле и мореплавании, стороны договорились одобрить как основу их торговых отношений режим наиболее благоприятствуемой нации (см. [85, т. 8, прил., с. 294]).

На заседании конференции 23 августа (5 сентября) 1905 г. состоялось подписание договора. Ратифицирован он был одновременно японским и русским императорами 1 (14) октября 1905 г.

Так закончилась война, вероломно начатая японскими милитаристами. Ранее утвердившись на Курильских островах, на сей раз они отторгли от России южную половину Сахалина — исконно русскую территорию, важный форпост обороны России на Тихом океане. Нападением на Россию Япония порвала договоры 1855 и 1875 гг., предусматривавшие поддержание добрососедских и дружественных отношений между двумя странами. В Симодском трактате 1855 г. указывалось: «Отныне да будет постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией». В Петербургском трактате 1875 г. была записана цель его заключения: упрочить «существующее доброе согласие». Порвав договоры 1855 и 1875 гг., Япония потеряла тем самым и всякое право ссылаться на них.

Передача Японии южной части Сахалина, важного стратегического рубежа России на Тихом океане, означала серьезное поражение царского правительства.

С. Ю. Витте лишь удалось добиться, чтобы Япония взяла на себя ряд важных обязательств: демилитаризовать русско-корейскую границу, использовать Маньчжурские железные дороги в коммерческих целях, не строить укреплений на южной части Сахалина и у пролива Лаперуза, что впоследствии сыграло известную роль в деле некоторого ограничения агрессивных действий японских милитаристов.

Внутриполитическая борьба в Японии после заключения Портсмутского договора. Контрреволюционные цели царизма

Как только стали известны условия только что заключенного в Портсмуте договора, ведущая буржуазная пресса Японии единодушно выразила свою неудовлетворенность этим договором. Враждебные статьи появились во всех газетах; они резко критиковали поведение японских уполномоченных на конференции, особенно их отношение к прессе. В те годы японские милитаристы провозглашали лозунг «Не болтай, а действуй», т. е. не обращай внимания ни на какие нормы международных взаимоотношений, а действуй, как тебе выгодно.

Циничный метод осуществления планов японских милитари-

стов, нарушивших все нормы международных взаимоотношений, принес им успех в войнах с Китаем и Россией. Японские газеты превозносили эту разбойничью тактику в качестве самурайского духа. «Зато эта же тактика,— писал Катаяма Сэн,— примененная японцами за зеленым столом дипломатических конференций, особенно в Портсмуте, ясно и резко выявила их слабость» [267, с. 47].

В редакционных статьях за 1 и 2 сентября 1905 г. такие ведущие буржуазные газеты, как «Токио нити-нити», «Хоти» и «Мияко», резко критиковали условия договора и требовали его отклонения. «Тюо», партийный орган буржуазно-помещичьей партии «Сейюкай», входившей в правительство, настаивал на сдержанности и осторожности в критике и комментариях и только полуофициоз — газета «Кокумин симбун» хвалила договор и выражала удовлетворение его условиями, заявляя, что цели войны достигнуты (см. [407, с. 154—155]).

Различные шовинистические феодально-буржуазные организации по всей стране начали активную кампанию против ратификации договора. Так называемый Объединенный совет ассоциаций, борющихся за мир, 31 августа издал манифест с резкой критикой договора, который якобы «уничтожил плоды победы». Совет требовал отставки кабинета и дезавуирования уполномоченных на конференции. Императору был вручен меморандум с требованием отказа от договора.

В связи с сообщениями о подписании мирного договора 5 сентября состоялся массовый митинг населения Токио в парке Хибия, причем толпа взломала ворота парка, закрытые по приказу министра внутренних дел и охраняемые полицией, и прорвалась в парк. Вечером в Токио произошло много крупных столкновений между полицией и толпами горожан. Были сожжены несколько полицейских участков и редакция газеты «Кокумин», защищавшей политику правительства. Возбужденные толпы пытались атаковать даже министерство внутренних дел, где, по слухам, укрывались премьер-министр и начальник полиции. Напуганное правительство бросило против народа войска императорской гвардии. По официальным данным, в тот день было ранено 1100 человек, в том числе около 500 полицейских (см. [407, с. 155—156]). Несмотря на введенное 6 сентября военное положение, «в течение нескольких дней столица,— по словам Катаяма Сэн, очевидца этих событий,— целиком находилась в руках народа» [400а, с. 99]. Крупные волнения происходили также в ряде других городов Японии: Осака, Кобэ, Йокогама и др. Так, например, в Осака 11 сентября происходил митинг с участием 30 тыс. человек (см. [430, 08—15.09.1905; 457, 1952, № 39, с. 9—10]).

На боевое настроение японских трудящихся влияли доходившие отзвуки русской революции. Орган социалистов «Тёкугэн» много места на своих страницах уделял революционным событиям в России. В 1905 г. японские трудящиеся впервые в истории

Японии отметили 1 мая как пролетарский праздник, как день международной пролетарской солидарности. Полиция запретила уличные демонстрации, но в закрытых помещениях состоялись рабочие митинги и собрания.

Японские буржуазные историки¹¹ пытаются изобразить эти волнения как проявление патриотизма и недовольства тем, что условия мирного договора якобы были невыгодны для Японии. В действительности волнения носили совершенно иной характер. «Это было общим недовольством народа правительством, которое лгало народу по вопросу о дипломатических делах и в то же время подавляло свободу народа», — писал Катаяма Сэн [400а, с. 98]. Народ стихийно выражал свое возмущение ухудшением в результате войны жизненных условий, повышением цен, царившим в стране полицейским произволом и т. д. [86, с. 2]. О характере волнений говорит и такой красноречивый факт, как закрытие 10 сентября, т. е. в разгар этих «патриотических» волнений, органа социалистов — журнала «Тёкугэн» («Рупор»). В дни народных выступлений он прямо призывал к свержению правительства Кацура Таро (см. [87, с. 171]).

Народные волнения продолжались несколько дней, и еще 11 сентября в Токио происходила демонстрация, закончившаяся столкновением с полицией.

Шовинистически настроенная буржуазная оппозиция прекратила нападки на правительство после того, как 7 сентября оно собрало членов обеих палат и представителей прессы и разъяснило причины, вынудившие Японию пойти на такие условия мира (см. [407, с. 156—157]). Ведущие буржуазно-помещичьи политические партии Японии фактически одобрили Портсмутский мир; в оппозиции была только буржуазно-националистическая партия «Кэнсэй хонто», которая потребовала отставки кабинета, но не решилась настаивать на отказе от договора.

В Петербурге сообщение о достигнутом соглашении было встречено весьма сдержанно, даже враждебно [121, № 9, с. 83]. Французский посол в Петербурге Бомпар 29 августа сообщил в Париж, что «официальные сферы недовольны миром», они «не ожидали, что Япония уступит, и военная партия рассчитывала на продолжение войны» (цит. по [96, сер. 3, т. 7, № 396]). Военная партия боялась, как откровенно заявил военный министр генерал Сахаров на совещании в Царском Селе еще 24 мая (6 июня), что «возвращение в Россию армии... не одержавшей ни одной победы, ухудшит... внутреннее положение страны» [53, 1928, № 3, с. 200].

Однако буржуазные круги приветствовали сообщение о заключении мира. Биржа отметила подписание Портсмутского договора повышением курса ценных бумаг.

Царское правительство опасалось, что тяжелый мир подорвет его престиж, продемонстрирует слабость самодержавного строя, выявит полную его неспособность сохранить целостность русского государства. Поэтому оно не выражало радости по

поводу заключения мира. Материальные и людские ресурсы России были едва затронуты войной; Россия могла увеличить армию в несколько раз, но опыт войны показал полную неспособность царизма осуществить мобилизацию сил страны на ее дальнейшее ведение. Царизм пошел на мир прежде всего в целях подавления революции и сохранения своего господства в стране. Ради этого царизм пошел и на уступки Японии, признав тем самым свое поражение.

Портсмутский мир явился несправедливым договором, навязанным России империалистической Японией при поддержке США и Англии и в результате проигранной царизмом войны. Он резко ухудшал позиции России на Дальнем Востоке. Россия оказалась фактически лишенной естественного выхода в Тихий океан. С передачей Японии южной части Сахалина под ее контроль ставилась даже связь с русскими территориями на Камчатке и Чукотке. Реакционные круги помещиков, крупной буржуазии и военщины не могли легко примириться с потерей дальневосточных рынков, монополий и концессий. Недовольство крушением своих империалистических планов реакционеры стремились прикрыть рассуждениями о патриотизме, об ущемлении интересов России на Дальнем Востоке и т. д. (см. [430, 25.08.1905; 428, № 295, 18 (31).08.1905]).

Глубокий и правильный анализ заключенного мира, анализ, отражавший подлинные взгляды русского народа, был дан в статье В. В. Воровского «Мир и реакция», опубликованной 1 (14) сентября 1905 г. в большевистской газете «Пролетарий». Газета указывала, что «вопреки всем дипломатическим уловкам и уверткам царское правительство на деле признало себя побежденным. Россия теряет часть своей территории. Позорный конец позорной войны на долгие годы оставит свои следы» (цит. по [50а, с. 1]). Вероломное нападение Японии на Россию, большие человеческие жертвы и поражение в войне оставили в памяти народа тяжелые впечатления, о чем были сложены песни — «Варяг», «От павших твердынь Порт-Артура», «На сопках Маньчжурии» и др.

Поражение царской России в русско-японской войне и Портсмутский мирный договор привели к существенным изменениям в международных отношениях и надолго предопределили международную обстановку на Дальнем Востоке. Японский империализм создал базу для проведения своей экспансионистской политики на Дальнем Востоке. Он использовал ее в последующие годы в своих отношениях с Россией, затем с Советским Союзом, домогаясь расширения привилегий, полученных им по Портсмутскому мирному договору.

Глава 7

ПЕРЕСТРОЙКА РУССКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1906—1909 гг.

На распутье

Период 1906—1910 гг. в России характеризовался отступлением революции и наступлением реакции. Складывался контрреволюционный союз помещиков и буржуазии. На международной арене в это время развернулась ожесточенная борьба между Англией и Германией за вовлечение России в их группировки. В самой России — как отражение англо-германского соперничества в правящих кругах — шла борьба проанглийского и прогерманского течений по вопросу об общей ориентации внешней политики. В 1906 г. произошло откровенное столкновение обоих течений.

Проанглийские элементы настаивали на закреплении Портсмутского мира соглашениями с Японией и Англией, с тем чтобы основное внимание уделять внешней политике не на Дальнем, а на Ближнем Востоке, где преобладали экономические интересы российского капитализма.

В Китае также имелись значительные государственные вложения (КВЖД и ее предприятия), сохранялась заинтересованность русской буржуазии в рынках Северной Маньчжурии и Монголии. В деловых кругах вызывало тревогу проникновение иностранного капитала (американского, английского и других стран) в дальневосточные районы Сибири и северо-востока России.

Интересы большинства помещиков и экспортеров сельскохозяйственной продукции были сосредоточены в Западной Европе (Германии, Англии). Связанные с ними политические и придворные круги — прогермански настроенные — требовали соглашения с Германией и Австро-Венгрией, чтобы продолжать борьбу против Англии и Японии на Среднем и Дальнем Востоке. Противоречивость интересов отдельных групп господствующих классов помещиков и буржуазии вынуждала царское правительство маневрировать, удовлетворяя требования то помещиков, то капиталистов.

Поэтому выработать новый внешнеполитический курс после поражения в войне оказалось далеко не просто. В совете госу-

дарственной обороны, совете министров, министерстве иностранных дел, а также на особых совещаниях не раз обсуждались проблемы дальневосточной политики. В феврале 1906 г. военное министерство довело до сведения совета государственной обороны информацию об увеличении японских вооруженных сил в Маньчжурии. Министр иностранных дел В. Н. Ламздорф, ссылаясь на мнение русских представителей в Токио и Пекине, отрицал возможность военного выступления Японии в ближайшее время, но тем не менее высказался за укрепление военных сил России на Дальнем Востоке. Обсуждение вопроса в высших государственных органах (а также влиятельной печатью) показало, что русские земли на Дальнем Востоке оказались полностью незащищенными. В правительственных кругах существовало мнение (отражалось также и в прессе), что России, возможно, вообще придется уйти с берегов Тихого океана (см., например, [430, 24.04.1906]), — показатель настроений неуверенности в будущем русского Дальнего Востока и опасений его захвата Японией.

В марте 1906 г. совет государственной обороны, обсудивший вопрос о военном положении на Дальнем Востоке, постановил оборудовать базы в Забайкалье, Уссурийском крае и Сибири. Потеряв Порт-Артур и Дальний, правительство стало больше внимания уделять Приамурью и Южно-Уссурийскому краю. Признавалось необходимым «широкое развитие переселенческого движения для заселения районов, важных в военном отношении...; образование продовольственных и иных запасов; создание частной промышленности для удовлетворения войсковых потребностей и развития местных путей сообщения». Начальнику генерального штаба было предложено представить свои соображения о развитии железнодорожных и водных путей сообщения, связывающих Забайкалье с Европейской Россией и Уссурийский край с Забайкальем (см. [202, с. 109—110]).

Японцы оказывали дипломатический нажим на Россию во время переговоров по уточнению положений Портсмутского договора. Нажим подкреплялся демонстративными мерами военного характера в Корее и Маньчжурии. В декабре 1906 г. совет государственной обороны принял постановление «О приведении Приамурского военного округа в полную боевую готовность». Постановление предусматривало меры по укреплению сухопутной обороны, приведению в полный военный состав всех полевых и крепостных войск, обеспечению артиллерии всеми необходимыми запасами, по подготовке театра военных действий и т. п. Для выполнения этого плана военное министерство предполагало довести численность войск Приамурского военного округа до 51—56 тыс. солдат и офицеров, для чего требовалось единовременно 75—84 млн. руб. и ежегодное финансирование 11—16 млн. руб. Эти меры свидетельствовали о том, что военные позиции России на Дальнем Востоке после потери флота в ходе войны оставались крайне слабыми. Командующий войсками

Приамурского военного округа и генерал-губернатор Приамурского края слал в Петербург одну за другой телеграммы и записки, в которых утверждал, что положение на Дальнем Востоке все более обостряется. В декабре 1906 г. он писал: «Предстоит новая война с Японией, и у нас нет никаких гарантий, что разрыв не совершится в ближайшем будущем» [486, д. 109, л. 5]. Он требовал немедленной отправки на Дальний Восток крупных военных соединений, принятия мер по быстрейшему заселению Амурской и Приморской областей русскими переселенцами. В феврале 1907 г. совет государственной обороны собиравшийся четырежды для обсуждения мероприятий по обороне Приамурского края. Генеральный штаб предлагал придерживаться оборонительной тактики, сосредоточив войска в Южно-Уссурийском крае. Был решен вопрос о создании Амурской речной флотилии, укреплении Николаевска-на-Амуре, приняты меры к быстрейшему переселению на Дальний Восток крестьян из европейской части России, начато строительство Амурской железной дороги.

Однако недостаток средств, межведомственная неразбериха затянули осуществление даже ограниченных мер по обороне дальневосточных рубежей на многие годы. Так, формирование Амурской флотилии не было завершено и в 1910 г.; строительство Амурской железной дороги от Сретенска (где заканчивалась Забайкальская железная дорога) до Хабаровска для обеспечения обороны русских дальневосточных владений началось лишь в 1907 г.

Во внутриполитической борьбе верх брали сторонники проанглийской ориентации, которые требовали укрепления западных границ и сосредоточения войск в европейской части страны.

Забегая вперед, следует сказать, что заключенное в 1907 г. англо-русское соглашение не означало еще окончательного решения вопроса об ориентации внешней политики России, так как возобладавшая на некоторое время так называемая нейтралистская группировка планировала дополнить это соглашение такими же по своему характеру соглашениями с Германией и Австро-Венгрией. Сторонники этой политической линии рассчитывали на то, что Россия сыграет роль некоего «балансира» в надвигающейся схватке между Англией и Германией.

В Японии также происходили сложные процессы, связанные с выработкой дальнейшего внешнеполитического курса. На Дальнем Востоке в результате поражения России в русско-японской войне сложилось новое соотношение сил. Возросла роль Японии и США. В этом регионе земного шара Япония стала выступать как великая держава. В значительной мере это определяло ее союзом с Англией, которая держала в своих руках ключевые позиции в Тихоокеанском бассейне. В августе 1905 г., в период завершения русско-японской войны, был подписан второй англо-японский союзный договор. Его суть сводилась к тому, что Япония получала поддержку Великобритании в деле

подчинения Кореи, а взамен она обязывалась защищать интересы английского империализма в Китае и Индии.

Однако возрастание военно-политического значения Японии не подкреплялось достаточной экономической базой. В экономическом отношении Япония продолжала оставаться отсталой, аграрной страной, скованной пережитками феодализма во всех сферах экономической и социальной жизни. В этой связи В. И. Ленин указывал: «Япония имела возможность грабить восточные, азиатские страны, но она никакой самостоятельной силы, финансовой и военной, без поддержки других стран иметь не может...» [28, с. 227]. Тяжелая промышленность Японии давала в десятки раз меньше продукции, чем экономика развитых капиталистических стран, таких, как Англия, США и др.¹

Захват новых рынков в Китае и Корее стимулировал развитие промышленности и торговли в Японии. Введение нового таможенного тарифа в 1906 г. (повышение ввозных пошлин на промышленные товары и введение ограничений на экспорт отдельных стран), казенные заказы и правительственные субсидии поддерживали развитие промышленности. В 1905—1912 гг. на строительство новых предприятий и на расширение старых было затрачено 3,8 млрд. иен. Капиталовложения в промышленность увеличились, таким образом, вдвое. Иностранные капиталовложения (за 1906—1910 гг.) составили 100 млн. иен [234, с. 41]. Но в силу своей экономической и технической отсталости Япония вынуждена была ввозить многие виды промышленного оборудования и сырья, вследствие чего внешнеторговый баланс Японии складывался для нее неблагоприятно. Ввоз превышал вывоз. Это вызывало увеличение задолженности по иностранным займам и кредитам, что, в свою очередь, влекло к усилению зависимости ее экономики от Англии и США.

Победа в войне с Россией укрепила в стране позиции крайних шовинистических и милитаристских сил. Они требовали увеличения армии и флота в качестве необходимого условия для сохранения за Японией ведущего положения на Дальнем Востоке. Рост вооружения милитаристская пропаганда объясняла ухудшением взаимоотношений с Соединенными Штатами, возможностью реванша со стороны России и необходимостью укрепления и расширения своих позиций в Корее и Китае. Последнее прикрывалось паназиатским лозунгом «Азия для азиатов».

Японское правительство выработало 15-летний (1907—1921) план чрезвычайных мероприятий по перевооружению армии и флота. На осуществление этой программы предполагалось израсходовать 502,6 млн. иен. Но к концу 1909 г. была израсходована почти половина ассигнований. Более трети бюджета тратилось на содержание и перевооружение армии и военно-морского флота.

Стремление Японии расширить выгоды, предоставленные ей Портсмутским договором

Как было сказано выше, Портсмутский мир не удовлетворял японских милитаристов, а также наиболее агрессивно настроенные круги помещиков и буржуазии. В декабре 1905 г. правительство Кацура Таро ушло в отставку. Новый кабинет возглавил представитель высшей придворной бюрократии и лидер буржуазно-помещичьей партии «Сэйюкай» Сайондзи Киммоти, который был тесно связан с монополистическими кругами Японии (состоял в родственных отношениях с владельцем одного из крупнейших концернов Японии — «Сумитомо»). Отставку генерала Кацура Таро — ставленника военщины — вначале рассматривали как победу либеральных и миролюбивых сил в стране. Однако вскоре стало ясно, что правящие круги Японии не отказались от дальнейших планов экспансии на Азиатском континенте.

Военный министр Тэраути Хисати, начальник генерального штаба Кодама, адмирал Ямамото Исироку, маршал Ямагата Аритомо и другие военные лидеры считали высшей целью внешней политики страны достижение гегемонии на Дальнем Востоке. По существу, их поддерживал премьер-министр Сайондзи Киммоти. На заседании кабинета министров совместно с руководителями армии и флота в мае 1906 г. он заявил, что Япония должна соблюдать условия договора с Китаем и быть готовой на случай «возможного реванша со стороны России» (цит. по [371, с. 217—218]).

Уже в ноябре 1905 г. при поддержке Англии и США Япония установила протекторат над Кореей. Корейское правительство и юридически потеряло право самостоятельно вести внешнюю политику. Контроль за руководством страны перешел в руки японского генерального резидента. Известный японский историк Акаги Рой считает, что договор о протекторате был «наиболее далеко идущим ближайшим результатом» победы Японии в войне с Россией [352, с. 275].

Попытки России дипломатическим демаршем воспрепятствовать японским действиям и сохранить непосредственные отношения с корейским правительством успеха не имели. Англия, США, Германия не поддержали Россию. Опасаясь обострения отношений с Японией, царское правительство вынуждено было признать господствующее положение Японии в Корее.

В Петербурге действия японских милитаристов вызывали постоянное беспокойство. Япония затягивала выполнение условий Портсмутского договора об эвакуации войск из Маньчжурии, в то время как царские войска выводились досрочно². Она продолжала энергичную милитаристскую деятельность в Маньчжурии и Корее, укрепляя занятые районы, создавая базы и проводя подрывную работу на территории Северной Маньчжурии, Монголии и Синьцзяна.

Русский генеральный консул в Сеуле Г. А. Плансон, посетивший осенью 1906 г. Японию (прожил больше трех месяцев), находил много общего в обстановке, которую наблюдал он сейчас, и той, которая сложилась накануне русско-японской войны. Сообщая о больших военных приготовлениях в стране, Г. А. Плансон подчеркивал, что Маньчжурия и Восточная Сибирь наводнены японскими разведчиками, что японцам хорошо известна полная незащищенность русской дальневосточной окраины, особенно Владивостока. Обращал он также внимание и на разгул националистических настроений: «Когда все военные приготовления в Японии будут окончены и она будет стоять во всеоружии, как стояла в 1903 г., она предъявит нам какой-либо грозный ультиматум... и в случае неуспеха переговоров двинется с суши и с моря к Владивостоку» [39, д. 16, 1906, л. 59].

Сходную картину рисовали в своих донесениях из Токио и другие русские представители. Так, В. А. Самойлов в мае 1906 г. писал: «Военные деятели делают все, чтобы армия была на высоте ожидаемых от нее требований. Производятся новые заказы, заканчивается формирование четырех новых дивизий, за которыми, по слухам, будут сформированы еще четыре новых дивизии» [39, д. 135, 1906, л. 32—33]. Об этом же 13 мая 1906 г. сообщал в министерство иностранных дел посланник Ю. П. Бахметьев: «Усиление войск и флота развивается в широких и ничем не оправдываемых размерах. Вместо настоящих 34 дивизий в самое непродолжительное время Япония будет иметь возможность выставить 40 дивизий... в этом году призвано 120 000 новобранцев, т. е. почти вдвое больше против прежнего... Во Франции, Германии и Австрии заказано громадное количество орудий для усовершенствования и полного перевооружения артиллерии... Крейсера заказываются за границей с условием, чтобы они были готовы не позже двух лет» [39, д. 135, 1906, л. 36].

Сведения русского посланника подтвердили последующие события. Вскоре Япония довела численность армии до 233 тыс. человек; в военное время армия могла быть развернута до 1,5-миллионного состава. Японские военно-морские силы (за счет закупок за границей и строительства кораблей на своих судостроительных заводах) к 1909 г. увеличились почти вдвое (см. [202, с. 52—53]).

Русские дипломаты подчеркивали, что японское правительство «для того, чтобы поддержать свою популярность, стремится сохранить в стране шовинистический угар военных лет; правящие круги изыскивают новый объект для своей агрессии, которым может быть либо „беззащитный“ Китай, либо Россия» [39, д. 135, 1906, л. 37].

Один из авторитетнейших японских деятелей, Ито Хиробуми, на объединенном заседании кабинета, гэнро и военных лидеров 22 мая 1906 г. говорил: «[В Европе полагают], что Япония готовится к вторичной войне с Россией, что японцы не признают

Портсмутский договор мирным договором, что японцы считают его лишь соглашением о перемирии». По словам Ито, «эта так называемая реваншистская пропаганда имеет свое происхождение в Японии, она проводится военными лидерами для достижения их собственных целей и это делает обстановку хуже чем запутанной» (цит. по [371, с. 214]).

Позицию Ито Хиробуми поддерживали один из старейших политических деятелей Японии, Иноуэ Ясуси, и министр иностранных дел Хаяси Тадасу. Ито, Хаяси, Иноуэ и другие более дальновидные политические деятели понимали, что агрессивная японская политика в отношении России, а также расширение экспансии в Маньчжурии и Корею у границ России вряд ли будут поддержаны Англией и Францией, взявшими твердый курс на втягивание царской России в антигерманский блок. Военная же группировка, включавшая маршала Ямагата Аритомо, начальника генерального штаба Кодама, военного министра Тэраути Хисати и адмирала Ямамото Исироку, настаивала на продолжении агрессивной политики в Маньчжурии. Премьер-министр Сайондзи Киммоти вместе с некоторыми министрами кабинета занимал колеблющуюся позицию (см. [371, с. 217]).

Иной характер в тот период носила политика царской России. Сразу после окончания войны ведущая русская пресса («Новое время» и др.), подчеркивая нетерпимые для России условия договора, заявляла о его временном характере. Но такие воинственные заявления не отражали действительных намерений царского правительства.

Вскоре царская Россия взяла курс на урегулирование своих отношений с Японией. Иной политики царизм придерживаться и не мог, хорошо понимая слабость своих сил на Дальнем Востоке. Кроме того, в правящих кругах царской России все большее влияние приобретала группировка, стремившаяся взять реванш за поражение на Дальнем Востоке путем расширения экспансии на Ближнем Востоке и на Балканах. Однако было ясно, что вести одновременно активную политику на Дальнем Востоке и на южных и западных границах России совершенно не по силам.

Внутриполитическая обстановка в России также не благоприятствовала ведению активной внешней политики на Дальнем Востоке. В России еще продолжались революционные бои. Грозная волна крестьянских волнений и солдатских бунтов потрясала подорванное революцией самодержавие. Царизм основное внимание сосредоточивал на подавлении революционных выступлений.

Характеристика обстановки, сложившейся на Дальнем Востоке после окончания войны, а также внешнеполитические задачи России на Востоке довольно четко изложены в инструкции министра иностранных дел А. П. Извольского Ю. П. Бахметьеву, назначенному в марте 1906 г. русским посланником в Токио. В инструкции признавалось, что Япония стала «могущественным

конституционным государством, усвоившим все результаты европейской цивилизации и военно-морской техники...» с национальным «воинственным духом», поднявшимся «на небывалую высоту».

Объясняя военные неудачи в прошедшей войне, инструкция сводила их главным образом к оторванности театра военных действий от коренных русских областей, плохой связи и отсутствию местных средств для комплектования и снабжения русских войск. В этой связи А. П. Извольский считал, что перед Россией стоит задача развивать Дальневосточный край и укреплять положение России на Дальнем Востоке. «Такая программа деятельности требует продолжительного периода безусловно мирных и дружественных отношений с соседними державами. Нельзя работать плодотворно над развитием края, коему ежеминутно угрожает опасность войны. Отсюда вытекает необходимость для наших представителей в соседних странах Дальнего Востока, в особенности же в Японии, приложить все старания к поддержанию с ними самых дружественных и искренних добрососедских отношений» [39, д. 135, 1906, с. 239].

Министр иностранных дел считал, что «исходной точкой нового периода дипломатических отношений с Японией должен служить мирный договор, заключенный с ней в Портсмуте». Он обращал внимание Ю. П. Бахметьева на то, что договор намечает «лишь основные начала, причем некоторых пунктов наши уполномоченные не касались вовсе, дабы не усложнять дело, что другие весьма существенные вопросы затронуты в договоре лишь вскользь, общим образом». Исходя из этого, он ставил задачу добиваться «смягчения невыгодных сторон трактата, заключенного после неудачной войны» [39, д. 135, 1906, л. 240]. Отмечая необходимость «принять во внимание создавшееся на Дальнем Востоке политическое положение», инструкция предписывала также «путем систематического и весьма осторожного образа действий стараться извлечь возможную из этого положения выгоду».

Конкретные задачи, которые ставились царским правительством перед русским посланником в Японии, сводились к следующему: 1) изучить права и преимущества других держав в стране, для того чтобы учитывать это при заключении торгового договора; 2) поддерживать (хотя бы с урезанными правами) суверенитет Кореи; 3) в отношении Ляодунского полуострова, право на аренду которого перешло к Японии, желательно возвращение его собственнику — Китаю, к чему должны быть направлены (со всею осторожностью по истечении срока контракта, т. е. в 1923 г.) усилия дипломатии как в Токио, так и в Пекине; 4) в отношении южной части Сахалина желательно создать консульство в Корсаковском; 5) переговоры о рыболовстве должны быть начаты по инициативе Японии.

Не только в открытых, официальных выступлениях ряда политических деятелей, но и в сугубо внутренней, секретной инст-

рукции указывалось на необходимость проведения мирной политики в отношении Японии. А. П. Извольский в упомянутой инструкции Ю. П. Бахметьеву высказывал надежду на то, что Япония «поверит в искренность желания России жить с нею в мире» [39, д. 135, 1906, л. 241—243].

Говоря о суверенитете Кореи, о возвращении Порт-Артура и Дальнего Китая, царская дипломатия, безусловно, исходила не из чувства действительного уважения прав китайского и корейского народов, а исключительно из собственных империалистических интересов. Понятно, что прекращение аренды Ляодунского полуострова и уход отсюда японских войск вполне отвечали задачам царизма обеспечить свое влияние в Маньчжурии. Сохранение, даже с ограниченными правами, суверенитета Кореи отвечало интересам безопасности России на Дальнем Востоке. Царизм видел в этом возможность противостоять дальнейшему укреплению японских позиций в этой стране. Пребывание японских войск в Корее создавало для Японии плацдарм для нападения на русские дальневосточные владения, и прежде всего на Владивосток.

С середины 1906 г., учитывая слабость позиций царизма на Дальнем Востоке, его стремление к мирному урегулированию имеющихся противоречий, японская дипломатия начала активное наступление на Россию в целях расширения выгод, предоставленных ей Портсмутским мирным договором. Действия японской дипломатии поддерживались активными военными мероприятиями, носившими характер угроз в отношении России.

В начале июля 1906 г. Ю. П. Бахметьев передал в Петербург заявление министра иностранных дел Японии о том, что расходы на военнопленных, которые Россия обязалась по договору возместить, составляют приблизительно 50 млн. иен. Это явилось полной неожиданностью для царского правительства. На донесении Ю. П. Бахметьева Николай II написал резолюцию: «Не может быть». Через месяц японские власти предъявили точный счет на 49 095 тыс. иен 74 сены, которые якобы Япония израсходовала на русских военнопленных — 70 400 солдат и 1430 офицеров (см. [38, д. 872, л. 25, 36, 37]). По мнению царского министра финансов В. Н. Коковцева, действительные японские расходы не превышали 25 млн. иен.

Японская сторона запросила сведения о расходах России на содержание японских военнопленных. Однако та неразбериха, которая существовала в русских ведомствах, не давала возможности определить действительную сумму расходов. Сначала военное министерство указало сумму 470 тыс. руб., а затем, узнав о названной Японией сумме, увеличила ее до 1 592 011 руб. 12 коп. Как признавал В. Н. Коковцев, цифра эта названа была при отсутствии точных счетов, «ибо это потребовало бы еще 1—2 года розысков» [39, д. 135, 1906, л. 51]. Сравнительно небольшие расходы объяснялись тем, что число японских военнопленных составляло всего 1700 солдат и офицеров.

Вопрос о выплате Японии 49 млн. иен обсуждался на совещании представителей различных министерств и ведомств. Совещание признало возможным «не требовать от Японии предъявления подлинных отчетных документов». Царские министры не видели никакой возможности опровергнуть японские счета (см. [39, д. 135, 1906, л. 57, 77, 91]). Русский посланник в Токио Ю. П. Бахметьев высказывался за то, чтобы согласиться с названной суммой, надеясь получить за это некоторые выгоды по другим спорным проблемам, оставшимся в наследство от войны (компенсация сахалинским рыбопромышленникам, занимавшимся до войны рыбным промыслом на южном побережье Сахалина, компенсация за имущество русских подданных, находившееся на территории Ляодунского полуострова). Но главное, конечно, было не в этом. Россия «брала» курс на сближение с Японией, о чем говорилось выше, и не хотела обострять с ней отношений.

В дальнейших переговорах японский министр иностранных дел Хаяси Тадасу пообещал Ю. П. Бахметьеву положительно разрешить претензии русских собственников на Сахалине, в Порт-Артуре и на Ляодунском полуострове. Сумма в 45 931 949 руб. 61 коп., составлявшая разницу между расходами, сделанными японским и русским правительствами на содержание военнопленных, была выплачена японскому правительству в Лондоне 10 ноября 1907 г. (см. [39, д. 135, 145, 176]).

Сообщение об этом русская пресса встретила с большим неодобрением. Газеты заявляли, что министерство иностранных дел пошло на слишком большие уступки Японии, не добившись взамен удовлетворения законных претензий русских промышленников и торговцев. Газета «Новое время» 14 ноября 1907 г. писала, что Россия еще до подписания рыболовной конвенции разрешила японским рыбакам ловить рыбу вдоль всего русского побережья, в то время как «русские рыбопромышленники на южном побережье Сахалина, промысел которых был обеспечен Портсмутским договором, были лишены Японией всякой возможности осуществлять свои... права» [430, 14.11.1907].

Следует сказать, что, несмотря на обещания Хаяси удовлетворить претензии русских собственников, переговоры о возмещении претензий частных граждан затянулись до августа 1911 г. Японское правительство согласилось уплатить только 580 тыс. иен, хотя лишь одни рыбопромышленники на южном побережье Сахалина требовали возмещения за передачу их прав Японии свыше 1 млн. иен³.

Еще более ярко стремление японского правительства расширить преимущества, полученные в результате войны, проявилось во время переговоров о торговом договоре и рыболовной конвенции. Переговоры показали, что Япония не намерена ограничиться пределами, установленными договором. Японская делегация хотела добиться таких условий, которые Японии не удалось навязать России в Портсмуте. 1 августа 1906 г. японский уполномо-

моченный выдвинул требование о том, чтобы рыболовная конвенция обеспечила предоставление Японии «права рыбной ловли повсеместно в русских территориальных водах Тихого океана, за исключением лишь тех бухт и рек, которые находятся в пользовании туземных племен». Кроме того, японская сторона требовала предоставления Японии одинаковых с переселенцами-рыбаками прав рыболовства (как известно, переселенцы пользовались особым покровительством и им предоставлялись специальные льготы со стороны правительства) ⁴.

Другие японские требования включали предоставление многочисленных льгот японским рыбопромышленникам: свободы промысла на неиспользуемых рыболовных участках, отмены ограничений в способах обработки рыбы и других продуктов моря, прав морских сообщений и перевозки грузов между рыболовными участками (т. е. в русских территориальных водах). Японская сторона настаивала на том, чтобы понятие «рыболовство» охватывало также промысел морских растений, беспозвоночных и морских млекопитающих [39, д. 82, 1907, л. 78—79].

Эти претензии, в сущности, ничем не отличались от первоначальных требований японского правительства на конференции в Портсмуте, отвергнутых русскими уполномоченными.

23 августа 1906 г. русская делегация представила свой контр-проект, исходящий из положений ст. 11 Портсмутского договора.

Четыре месяца потребовалось на обсуждение ст. 1 проекта, определявшей район действия и объект действия конвенции. В ходе переговоров русские представители резонно указывали на то, что предложение японской стороны об исключении из эксплуатации только тех рек и бухт, которые находятся в пользовании местных жителей, не имеет практического значения, ибо число таких бухт и рек ничтожно. Таким образом, японская делегация практически требовала предоставить Японии в эксплуатацию все русские территориальные воды и реки Дальнего Востока. Встретив сопротивление со стороны русских представителей, японская сторона сняла свое требование относительно рек, но упорно настаивала на предоставлении японским рыбопромышленникам права рыболовства в лимане Амура и фактического закрепления за ними всех бухт, а также закрытых и открытых заливов [39, д. 82, 1907, л. 80].

Используя слабость позиций России, не имевшей флота на Дальнем Востоке, японские промышленники хищническим путем в больших количествах вылавливали рыбу в русских территориальных водах. Попытки местных властей оградить русские территориальные воды от японских браконьеров были безуспешными. Дело дошло до того, что в июле 1906 г., когда японская рыболовная шхуна без разрешения промышляла рыбу в Воронской реке и была задержана русскими властями, японские браконьеры перебили русских охранников, а также местных жителей, оказавших поддержку пограничникам [39, д. 135, 1906, л. 219].

Переговоры о рыболовной конвенции привели в начале 1907 г. к новому обострению русско-японских отношений. Подписание рыболовной конвенции 15 (28) июля 1907 г. состоялось лишь после того, как была заключена общеполитическая конвенция между Россией и Японией, урегулировавшая политические взаимоотношения двух стран.

По условиям рыболовной конвенции, заключенной на 12 лет, японские рыбопромышленники получали право лова и ведения морского промысла (кроме котиков и бобров) вдоль побережья Японского, Охотского и Берингова морей, за исключением 34 бухт, в том числе залива Петра Великого. Японским рыбопромышленникам разрешалось ловить и обрабатывать рыбу на специальных участках, сдаваемых в аренду с торгов. В отношении участия в торгах японским подданным предоставлялись равные права с русскими подданными, за исключением переселенцев и аборигенов, имевших особые, льготные условия для рыболовства и морского промысла. С японских промышленников не взимались пошлины за рыбу и другие продукты моря, выловленные в Приморской и Амурской областях в тех случаях, когда они предназначались для вывоза в Японию. Японским подданным предоставлялось право возводить необходимые постройки на берегу для обработки рыбы, хранения инвентаря и т. д. Особые условия предусматривались для рыболовства в лимане Амура [74а, № 534].

Стремление японского правительства навязать России невыгодные условия проявилось также во время переговоров о заключении торгового соглашения. В соответствии с Портсмутским договором торговый договор должен был основываться на принципе наибольшего благоприятствования, как это было установлено при заключении трактата 1895 г. Основываясь на положениях этого договора, русское правительство предложило внести лишь уточнения в текст, а именно: во-первых, более точно определять права наибольшего благоприятствования (для ограничения ввоза русских товаров от обложения дополнительными пошлинами) и, во-вторых, применять новое соглашение к территории Ляодунского полуострова, перешедшего под контроль Японии.

Японские представители отклонили эти предложения. В своем проекте договора они опустили некоторые положения трактата 1895 г. (о праве каботажного плавания, о сохранении за русскими подданными прав на земельные владения и т. д.) и выдвинули ряд новых требований, предусматривавших получение японцами прав на приобретение недвижимости в России, на занятие земледелием и промыслами. Они настаивали на беспогонном ввозе товаров с Ляодунского полуострова в Примамурье и освобождении японских дипломатических и консульских чиновников от цензуры, облегчении паспортных формальностей, уменьшении сборов с японских подданных. Кроме того, они ставили вопрос об учреждении своих консульств во Влади-

востоке, Николаевске и Петропавловске, а также о получении прав свободного плавания по р. Сунгари.

Русская делегация считала неприемлемыми требования о беспрошльном ввозе товаров в Приамурье и о создании особого паспортного режима для японских подданных. Она согласилась на создание консульства во Владивостоке, с тем чтобы «на основе взаимности» было открыто русское консульство в Цуруге [39, д. 135, 1906, л. 180—182].

Большие споры вызвал вопрос о допуске японских судов к плаванию по р. Сунгари. Вопрос обсуждался на специальном совещании представителей различных министерств России 15 сентября 1906 г. Совещание решительно высказалось против удовлетворения требования японского правительства. Участники совещания отмечали, что ст. 3 Портсмутского договора, на которую ссылались японцы, не означает отказа России от Айгунского договора 1858 г. и договора 1861 г. об особых правах русских судов на плавание по р. Сунгари [39, д. 79, л. 11] ⁵. Помимо экономических мотивов существовали еще и стратегические, которые высказывали военные представители. Генерал Гродеков, командующий войсками Приамурского военного округа, в телеграмме в министерство иностранных дел от 8 августа 1906 г. заявлял, например, что открытие р. Сунгари для японских судов создаст угрозу судоходству по Амуру [39, д. 79, л. 117].

Япония решительно настаивала на удовлетворении своих требований. Из беседы, состоявшейся 13 ноября 1906 г. с японским послом Мотоно Итиро, ответственный чиновник министерства иностранных дел России Н. А. Малевский-Малевиц пришел к выводу, что «японское правительство намерено добиваться согласия на открытие этой реки для международного плавания, не останавливаясь даже перед решительными мерами». «Этому делу,— писал он,— придадут в Японии весьма большое значение, считая вопрос о Сунгари непосредственно связанным с общим политическим положением в Маньчжурии, как оно определялось в Портсмуте» [39, д. 135, 1906, л. 154—155].

Россия не уступила в этом вопросе.

По торговому договору, подписанному 15 (28) июля 1907 г., царская Россия вынуждена была пойти на ряд существенных уступок Японии. Японским подданным были предоставлены следующие права: право владения недвижимым имуществом, право занятия земледелием, промыслами и торговлей наравне с коренным населением; устанавливались такие же, как и для местного населения, пошлины и сборы на ввозимые товары (в том числе и на японских судах); переписка дипломатических и консульских чиновников освобождалась от цензуры; были установлены минимальные сборы для японских подданных при выдаче паспортов и прописке; ввоз товаров в Амурскую и Приамурскую области для японских подданных с Ляодунского полуострова в отношении пошлин был поставлен в одинаковые условия с ввозом товаров из Маньчжурии и т. д. [74, с. 640—653].

Торговый договор, так же как и рыболовная конвенция, был подписан лишь после достижения соглашения о размежевании сфер влияния двух держав в Китае и урегулирования других политических вопросов.

Русско-японское соглашение 1907 г.

Поражение царской России, основного соперника Англии в борьбе за Китай, привело к укреплению позиций Великобритании на Дальнем Востоке. Английский империализм смог сосредоточить все свои силы на создании враждебного Германии блока.

Основными противоречиями между империалистическими государствами, как известно, вплоть до первой мировой войны были противоречия между Англией и Германией. После русско-японской войны эти противоречия стали проявляться все более определенно, что вносило существенные изменения в ситуацию на Дальнем Востоке. Готовясь к решающим столкновениям в Европе и стремясь вовлечь Россию в антигерманскую коалицию, Англия и Франция были заинтересованы в урегулировании отношений между Россией и Японией.

В условиях обострения русско-японских отношений и нарастания угрозы нового нападения на Дальний Восток царская Россия до середины 1907 г. отказывалась примкнуть к Антанте. Вступление в Антанту неминуемо ухудшило бы отношения с Германией и увеличило бы угрозу втягивания России в конфликт с Германией, что сделало бы положение царизма на Дальнем Востоке перед вооруженной Японией совершенно безнадежным. В качестве одного из условий вступления в Антанту Россия требовала гарантий своего тыла на Дальнем Востоке со стороны Англии и Франции.

Английская и французская дипломатия прекрасно понимали, что царской России необходимо обеспечить тыл на Дальнем Востоке для того, чтобы в полной мере использовать свои силы против Германии. Дипломаты еще с осени 1905 г. согласованно и целенаправленно работали над тем, чтобы стабилизировать русско-японские отношения.

Но отношения между Россией и Японией в известной мере отражали состояние русско-английских отношений. Правящие круги России не забыли о той большой помощи, которую оказала Англия японцам во время русско-японской войны. Союзный договор между Англией и Японией, заключенный в 1905 г., не мог не вызывать раздражение в Петербурге. В беседе с английским послом Гардингом С. Ю. Вите заметил, что договор направлен против России [92, т. 4, с. 205]. Это вызвало беспокойность в Лондоне, и английская дипломатия поспешила успокоить царское правительство. Министр иностранных дел Англии Ленсдаун в сентябре 1905 г. говорил французскому пос-

лу в Лондоне П. Камбону: «Нам очень желательно, чтобы русское правительство не рассматривало бы новый союз как враждебный акт с нашей стороны. Более того, союз с Японией ни в коем случае не исключает мысли о дружественном согласии с Россией» [96, сер. 2, т. 7, с. 522—523]. Хитроумные маневры английской дипломатии были направлены на то, чтобы показать России невозможность дать какой-либо реванш Японии и в конечном счете принудить Россию пойти на соглашение с Англией.

Активную деятельность в этом направлении развернула и Франция. Россия ей была нужна в Европе. Еще в ходе русско-японской войны французская дипломатия выдвинула идею об англо-русском соглашении [96, сер. 2, т. 7, с. 540]. Подобно Англии, Франция начала оказывать финансовую поддержку Японии, надеясь получить возможность влиять на ее политику. Осенью 1905 г. она дала согласие на участие парижских банков (совместно с лондонскими) в обеспечении займа Японии. Петербург скрепя сердце дал указание послу в Париже не чинить препятствий размещению японского займа [96, сер. 2, т. 7, с. 178—179]. Премьер-министр Франции Рувье дал заверение в том, что об участии Франции в японском займе не будет сообщено газетам и открытая продажа займа производиться не будет. Французское правительство хотело скрыть от русской общественности факт участия в финансировании недавнего врага России — Японии.

В феврале 1906 г. японский посланник в Петербурге Мотоно, находясь в Париже, в беседе с русским послом А. И. Нелидовым заговорил о желании его страны сблизиться с Россией. Когда А. И. Нелидов заметил, что этому может помешать англо-японский союз, то тот заявил, что «правительство Англии проникнуто дружественными настроениями в отношении России». В свою очередь, А. И. Нелидов отметил, что у России нет враждебных замыслов против Англии, а пропагандистские заявления о возможности русского нападения на Индию — «плод воображения». Россия желает лишь ограждения своих владений в Средней Азии. Он подчеркнул значение для России отношений с Китаем, чтобы «на огромной нашей общей границе были спокойствие и безопасность». Мотоно реагировал на это заявление следующим образом: «Наша прямая задача способствовать мирному развитию Китая, где все свободно могли бы заниматься своими делами и где мы имели бы главные выгоды». Япония явно хотела заключить соглашение за счет Китая.

Набрасывая петлю финансовых обязательств на Японию, французское правительство принимало меры к спасению царизма от грозившего ему финансового краха. Осенью 1905 г. французские банкиры выдали 100-миллионный аванс России, а в апреле 1906 г. подписали контракт, по которому Франция размещала займы на 1200 млн. франков, Англия — на 350 млн., Австро-Венгрия — на 165 млн. и Голландия — на 55 млн. франков [258, с. 214]. Европейская реакция спешила на помощь рус-

скому царизму, попавшему в беду: деньги давались на борьбу с революцией. Франция и Англия рассчитывали усилить свое влияние на политику России и привлечь ее к антигерманскому блоку.

Растущая финансовая зависимость России от франко-английского капитала «способствовала» сближению России с Англией. Сначала предложение английского правительства России начать переговоры по спорным вопросам, сделанное им в России в сентябре 1905 г., было отвергнуто. Но французская дипломатия, чтобы иметь прочную опору в Европе, стала весьма энергично сводить обе стороны. В мае 1906 г. французский посол в Лондоне П. Камбон, приезжавший в Париж, заявил А. И. Нелидову, что английское правительство готово пойти на «весьма широкие уступки, лишь бы обеспечить мирное развитие политических дел» [39, д. 107, 1906, ч. 1, л. 122]. Вскоре министр иностранных дел Франции сообщил английскому послу в Париже о «желании» А. И. Нелидова достичь соглашения по политическим вопросам [92, т. 3, с. 355—356]. На подготовленную французами почву легли английские семена. Английский посол в Петербурге А. Никольсон в конце мая 1906 г. сообщил А. П. Извольскому, только что назначенному министром иностранных дел, что его правительство желало бы вступить в переговоры по вопросу о Тибете и «другим важным проблемам».

А. П. Извольский был сторонником англо-французской ориентации. Но в правящих кругах России пользовались большим влиянием и сторонники ориентации на Германию. Поэтому борьба по условиям англо-русского соглашения длилась больше года.

В конце октября 1906 г. А. П. Извольский, посетивший проездом Берлин, в беседе с немецкими дипломатами заметил, что «опасность агрессивных намерений со стороны Японии заставляет его стремиться к соглашению с Англией относительно Тибета, Афганистана и Персии» [95, т. 20, с. 39]. Соглашение с Англией, а также обострение русско-германских и русско-австрийских отношений предопределили присоединение России к Антанте, лидером которой являлась Англия. Это обстоятельство оказывало существенное влияние на развитие русско-японских отношений в 1906—1917 гг. После подписания англо-русского соглашения в 1907 г. английская дипломатия приложила немалые усилия для урегулирования русско-японских отношений. Англия хотела иметь и Россию и Японию в качестве своих союзников в ее борьбе с Германией за передел мира.

Чтобы несколько умерить аппетиты японской военщины, правительства Англии и Франции решили оказать давление на Японию, используя ее тяжелое финансовое положение, вызванное войной и дальнейшей милитаризацией страны. Вмешательство Англии и Франции облегчило достижение русско-японского соглашения. Как раз к февралю 1907 г. в англо-русских переговорах произошел большой сдвиг: были согласованы принципы

раздела сфер влияния в Персии. В ходе русско-английских переговоров А. П. Извольский неоднократно обращал внимание на необходимость достижения русско-японского соглашения в качестве условия англо-русского сближения. В деле нажима на Японию Франция пошла даже дальше Англии: она отказала Японии в предоставлении нового займа до подписания русско-японского соглашения. В июне 1907 г., когда переговоры между Россией и Японией близились к завершению, состоялось подписание франко-японского соглашения, в основных положениях сходного с русско-японской конвенцией. Японо-русское соглашение, как сообщал русский посланник в Японии Ю. П. Бахметьев, «не только считается залогом долгого мира на Дальнем Востоке, но и ускорением прочного сближения с нами» [38, д. 202, л. 30].

Премьер-министр Японии Сайондзи Киммоти отдавал себе отчет во всей рискованности антирусской авантюры без помощи извне. Сказывалось также и влияние мирового экономического кризиса 1907 г., приведшего к серьезным финансовым затруднениям в стране.

23 января 1907 г. министр иностранных дел России А. П. Извольский высказал японскому посланнику Мотоно «мысль о желательности общего соглашения между Россией и Японией, могущего прочно обеспечить мирное развитие взаимных отношений обеих держав». Мотоно выразил «готовность обсудить всякое конкретное предложение, которое будет ему сделано правительством по этому поводу». В условиях обостренных отношений с Японией вполне естественной была резолюция царя на записке Извольского от 28 января 1907 г. об итогах беседы: «Очень рад» [39, д. 202, л. 31].

Как известно, идею русско-японского сближения С. Ю. Витте выдвигал еще в ходе Портсмутской конференции, однако Комура Ютаро, заинтересованный в поддержке со стороны США и Англии и не понимавший нового курса английской политики, не поддержал его идеи (см. [41, д. 764, с. 25]). Теперь обстановка была иной. Английский союзник как раз требовал от Японии урегулировать ее отношения с Россией. Серьезным основанием для решения Японии пойти на какое-то сближение с царизмом являлись все обострившиеся отношения с США. Однако для обеспечения успешного завершения переговоров с Японией А. П. Извольский вынужден был вести острую борьбу внутри страны с противниками соглашения в высших военно-бюрократических кругах, а также с враждебными русско-японскому соглашению группировками русской буржуазии. Он обещал последним совместить соглашение об отмене порто-франко (беспошлинного ввоза и вывоза товаров) на Дальнем Востоке со строительством Амурской железной дороги.

В первой половине 1907 г. в России существовало твердое убеждение о неизбежности новой войны с Японией. Об этом нередко писалось в печати и (что особенно важно) говорилось на заседаниях совета государственной обороны. Противники согла-

шения вели не только ожесточенную полемику с А. П. Извольским на заседаниях совета, но и пытались повлиять на царя целой серией докладных записок, в которых старались доказать, что Япония ставит своей целью «оттеснение России от берегов Тихого океана и отторжение от нее Приморской области» и что «война — в близком будущем» (цит. по [193, с. 167]). Особенно настойчиво в этом плане выступали начальник генерального штаба Ф. Ф. Палицын и командующий Приамурским военным округом и генерал-губернатор Приморского края П. Ф. Унтербергер. Но царское правительство не имело ни средств, ни материальных возможностей для того, чтобы решиться на новую войну. Основные силы сухопутной армии с Дальнего Востока были выведены (часть их была демобилизована). На Дальнем Востоке и в Восточной Сибири находились лишь небольшие гарнизоны. Решение об укреплении военных сил на Дальнем Востоке оставалось невыполненным. А. П. Извольский добился своего: голоса членов совета государственной обороны по вопросу о военных мероприятиях на Дальнем Востоке разделились поровну, и намеченные мероприятия были отложены [132, с. 18]. Однако требования буржуазии об отмене порто-франко на Дальнем Востоке и строительстве Амурской железной дороги были удовлетворены.

Противником русско-японского соглашения были Соединенные Штаты. Американская дипломатия надеялась на продолжение борьбы России с Японией.

Политика Т. Рузвельта — остановить продвижение царской России на Дальнем Востоке силами Японии, сохранив неразрешенными русско-японские противоречия и оставив Россию и Японию противостоять друг другу (в качестве взаимного противовеса), — на первый взгляд увенчалась полным успехом. «Мир был заключен на тех самых условиях, на каких он должен был быть заключен. Он отвечает интересам России, интересам Японии и интересам всего мира», — писал он 15 октября 1905 г. (цит. по [365, с. 306]).

Сделав многое, чтобы помочь Японии в ее борьбе с царской Россией, монополии США надеялись по окончании войны значительно увеличить свои торговые обороты, рассчитывая совместно с японскими монополиями эксплуатировать огромные богатства Китая при руководящей роли значительно более мощного американского капитала. Экономическая и финансовая слабость Японии, в полной мере выявленная войной и возросшая в результате огромных невосполнимых военных затрат, давала основание надеяться на осуществление этих планов.

Когда мирный договор с царской Россией был подписан, необходимость в усиленном заигрывании с американским капиталом или в действительных уступках ему в ущерб интересам японского капитала миновала. Япония теперь не собиралась ни с кем делить плоды своей победы. Она отказалась от своих обещаний соблюдать принцип «открытых дверей» и начала всевоз-

можными методами вытеснить из Южной Маньчжурии иностранную торговлю, в том числе и американскую.

Американский капитал постепенно терял те позиции, которые были заняты им в маньчжурской торговле в конце XIX и в самом начале XX в. [395, с. 48]. Правительство США пыталось запугать Японию протестами, организацией маневров морского флота в дальневосточных водах и т. д. Но это не помогало.

Отражением японо-американских противоречий явились дискриминационные мероприятия властей западных штатов США в отношении японских эмигрантов. В 1907 г. в Калифорнии произошел японский погром. В ответ в Японии прошла волна антиамериканских митингов и выступлений.

Американская дипломатия прилагала все усилия, чтобы разгладить русско-японские противоречия, надеясь таким путем восстановить равновесие сил на Дальнем Востоке и укрепить там позиции США. Т. Рузвельт в письме министру иностранных дел Англии Э. Грею писал: «Ясно, что Россия неизменно держит в уме свое намерение еще раз попытаться воевать с Японией за преобладание в Восточной Азии. Если Россия останется нераздельной империей, тогда я полагаю, Японии необходимо быть сильной, если она не желает, чтобы ее сокрушили в Маньчжурии. Я прихожу к выводу, что Япония знает об этом и что это одна из причин, которая побудила ее продолжать подготовку к войне» (цит. по [356, с. 325—326]). Письмо было отправлено в период русско-японских и русско-английских переговоров 1907 г. и явно преследовало цель вызвать недоверие к дальневосточной политике России, затруднить заключение русско-японского и англо-русского соглашений и сохранить свою позицию «балансира», стоящего над соперниками.

В октябре 1906 г. Т. Рузвельт в письме к одному из сенаторов утверждал, что если США сумеют урегулировать взаимоотношения с Японией, которые к тому времени явно обострились, то это приведет к ухудшению русско-японских отношений и укрепит положение Соединенных Штатов на Дальнем Востоке. Учитывая склонность японского военно-феодалского империализма к внешнеполитическим авантюрам, американский президент писал: «Я не думаю, что Япония хочет войны ради войны, и сомневаюсь, что Япония начнет сейчас воевать, но я абсолютно уверен, что если она будет сильно озлоблена и унижена нами, она вынуждена будет считать нас вместо России за национальных врагов, с которыми она в конечном счете должна будет сражаться» (цит. по [356, с. 327]).

Из этого Т. Рузвельт делал вывод, что отстоять американские интересы на Дальнем Востоке можно путем уступок Японии, разжигания японо-русских противоречий и манипулирования различными дипломатическими комбинациями. США не были готовы к вооруженной схватке на Дальнем Востоке, поэтому стремились направить японскую экспансию в Корею и на русский Дальний Восток. Таким путем они рассчитывали гаранти-

ровать свое господство над Филиппинами, обострить русско-японские отношения и обеспечить свои позиции в Китае. Согласие США на установление японского господства в Корее удовлетворило японские правящие круги и они считали время неподходящим для открытой борьбы с американским конкурентом.

В октябре 1907 г. американский военный министр У. Х. Тафт телеграфировал из Токио, что на основании бесед с японскими политическими деятелями он вынес впечатление о стремлении Японии избежать военного столкновения с Соединенными Штатами (см. [369, с. 126]).

Япония хотела найти союзника для совместной борьбы против американской экспансии. Такого союзника она надеялась обрести в лице царской России.

Логика империалистической борьбы толкала Японию на сближение со своим бывшим врагом. При этом японское правительство намеревалось использовать превосходство своей военной подготовки для того, чтобы заставить Россию примкнуть к антиамериканскому курсу Японии, а также получить ряд экономических и политических уступок от царского правительства. Япония приняла предложение царского правительства и вскоре, в феврале 1907 г., начались переговоры. Реальные экономические и политические интересы толкали определенные группировки правящих кругов Японии на сближение с Россией. Уже в мае 1906 г. было создано японо-русское общество, избравшее почетным председателем посланника Ю. П. Бахметьева. В состав общества, которое насчитывало 190 человек, как сообщал Бахметьев в Петербург 30 мая 1906 г., вошли крупные политические деятели, известные своими симпатиями к России и считавшие целесообразным развивать отношения с ней. Среди этих лиц, «имеющих вес по своему финансовому и общественному положению», Ю. П. Бахметьев назвал князя Коноэ, Гото, Иноуэ, Окума, Суэмацу, Эномото и др. [39, д. 135, 1906, л. 41].

Царское правительство было довольно решением Японии пойти на переговоры, но отдавало себе отчет в том, что, как указывалось в справке министерства иностранных дел «О возможности компромисса на маньчжуро-монгольской почве» от 5 февраля 1907 г., «Япония не желает довольствоваться приобретенными в Портсмуте и подтвержденными последующим договором в Китае правами и стремится расширить их за наш счет». Царское министерство иностранных дел такое стремление Японии усматривало во многих фактах: 1) возбуждение вопроса о свободе японского судоходства по р. Сунгари; 2) требование открытых портов в русской сфере влияния; 3) получение особых преимуществ в Инкоу. Япония хотела занять в Маньчжурии «то преимущественное положение, какое там имела Россия до войны, или, другими словами, должна осуществить в полной мере домогательства, предъявленные в Портсмуте» [38, д. 220, л. 7].

Царское правительство понимало, что права России в Маньчжурии, регулируемые (кроме Портсмутского договора) конт-

рактами по КВЖД, «лишь в слабой степени гарантируют существующее положение». Царизм, как признавалось в цитируемой выше справке министерства иностранных дел, занимал в Маньчжурии «положение обороняющегося» и едва ли мог «рассчитывать на сохранение преобладания, в особенности после эвакуации и практического осуществления принципа „открытых дверей“».

Русскую буржуазию весьма беспокоило то обстоятельство, что Япония распространяла свои притязания на Монголию и Западный Китай. По сведениям русских консулов, в течение 1905 и 1906 гг. эти районы посетило большое число японских торговцев и разведчиков. Особенное внимание было обращено на Халху и Ургу. Сообщая об активной деятельности японской агентуры, русский посланник в Пекине Д. Д. Покотилов писал, что, по-видимому, японские власти «преследуют политические цели: парализование нашего влияния и создание нам затруднений в будущем». Царизм хотел более конкретно зафиксировать границы сфер влияния, намеченные лишь в общей форме Портсмутским договором. Правительство России намеревалось, полностью отказавшись от Южной Маньчжурии и Кореи, взамен получить определенные гарантии в отношении Северной Маньчжурии и Монголии. Полным отказом от Южной Маньчжурии и Кореи царская дипломатия хотела лишить японских милитаристов возможности использовать лозунг о необходимости приостановки русского продвижения в Маньчжурии и закрепления победы военным путем. Царские дипломаты считали возможным добиться политического компромисса с Японией, гарантировав японским подданным «не только приобретенные ими владения, но и дальнейшее распространение их влияния в Маньчжурии взамен обязательства уважать наши (т. е. России.— Л. К.) права в Монголии и Западном Китае» [38, д. 220, л. 8—9]. Однако программа царских министров вызвала противодействие со стороны японского правительства.

В ходе переговоров о заключении русско-японского соглашения выяснилось намерение Японии расширить сферу своего влияния за счет России. Как отмечалось в справке министерства иностранных дел «О сферах влияния в Маньчжурии» от 2 мая 1907 г., линией разграничения сфер влияния японский посланник в России Мотоно Итиро предложил считать р. Сунгари.

Вопрос о р. Сунгари как о возможной линии разграничения был поднят еще на Портсмутской конференции, причем японские представители указывали тогда, что эта граница как естественная представляется самой подходящей. С. Ю. Витте отклонил это предложение. В 1907 г. в ходе переговоров японские представители вновь вернулись к прежнему предложению, приводя в подкрепление старые доводы о предпочтительности естественной границы. Не ограничиваясь этим, японская сторона предложила довести линию разграничения до отрогов Хингана,

включив, таким образом, в сферу своего влияния юго-восточную часть Монголии [38, д. 202, л. 82—83].

14 июня 1907 г. состоялось особое совещание представителей министерства иностранных дел, министерства финансов и генерального штаба России, на котором обсуждался окончательный проект соглашения с Японией. Указывая на его необходимость, А. П. Извольский говорил, что «договор этот укрепит положение России, тем более что он является лишь одним звеном в сети соглашений (с Англией и Францией), которое, по существу, не может не служить весьма серьезным сдерживающим элементом для возможной экспансионистской политики Японии». Царская дипломатия, таким образом, надеялась на своих союзников, понимая их заинтересованность в том, чтобы Россия могла активизировать свою политику на Западе, чего можно было достичь, лишь стабилизировав русско-японские отношения. При этом А. П. Извольский ссылаясь и на то обстоятельство, что международная обстановка в Маньчжурии складывается в условиях «открытых дверей», установленных Портсмутским договором, что во всех отношениях крайне невыгодно для России. «Все шансы победы,— говорил он,— даже на севере, склоняются в пользу Японии» [38, д. 202, л. 127—128].

Выступившие вслед за А. П. Извольским министр финансов В. Н. Коковцев и военный министр А. Ф. Редигер подчеркнули желательность соглашения с Японией. «За отсутствием такового,— говорил А. Ф. Редигер,— Япония, пользуясь свободой действий, может предпринимать, например, в области железнодорожного строительства ряд мер, направленных прямо против безопасности и прочности нашего положения на Дальнем Востоке» [38, д. 202, л. 131].

Оба министра признали разграничение по р. Сунгари весьма невыгодным для России, поскольку к сфере влияния Японии отходило 120 верст железной дороги, принадлежавшей России. Как известно, во время Портсмутской конференции С. Ю. Витте с большим трудом удалось сохранить этот участок в юрисдикции России. Однако все участники совещания понимали, что жертва неизбежна. И А. Ф. Редигер в конце концов заявил: «Если путем отказа от некоторых своих прав на протяжении 130 верст пути мы застрахуем себя от подобной опасности, то жертву эту следует признать совсем небольшой» [38, д. 202, л. 132]. Совещание единодушно согласилось пойти на соглашение с Японией.

Между тем, пока шли переговоры, Япония 11 июля 1907 г. навязала Корее новое соглашение, по которому фактически вся власть в стране переходила в руки японского генерал-резидента. Японское правительство поставило условие перед свершившимся фактом. Учитывая создавшееся положение, Япония в ходе переговоров потребовала предоставления ей «полной свободы действий» в Корее, не исключая присоединения в будущем территории этой страны к Японии, взамен обеспечения «свободы

действий» России в Монголии. Однако царское правительство сочло невозможным пойти на удовлетворение претензий Японии в отношении Кореи. Оно даже соглашалось на менее определенную фиксацию позиций для России в Монголии [38, д. 202, л. 75].

Тем не менее японское правительство настояло на своем. Царизм был вынужден признать японо-корейское соглашение от 11 июля 1907 г. Аргументируя необходимость признания этого соглашения, А. П. Извольский писал царю 14 июля 1907 г., что это необходимо сделать «в интересах наших дальнейших отношений с Японией» [38, д. 204, л. 3].

Подписанная 17 (30) июля 1907 г. общеполитическая конвенция подтверждала статьи Портсмутского договора и предусматривала упрочение мирных отношений на основе размежевания сфер империалистического влияния. Секретное соглашение, приложенное к опубликованному тексту, фиксировало раздел Маньчжурии на японскую (южную) и русскую (северную) сферы влияния. Кроме того, признавалось, что Корея всецело переходит под контроль Японии, а Россия имеет «специальные интересы» во Внешней Монголии (см. [72, с. 168—170]). Помимо этого, используя свое военное превосходство на Дальнем Востоке, Япония добилась уступок царской России и в вопросе о Маньчжурии: линия разграничения «сфер влияния» была проведена через станцию Сунгари на КВЖД, в то время как по Портсмутскому договору было установлено, что линия разделения железных дорог проходит через Куаньченцзы, т. е. на 120 верст южнее станции Сунгари. То, на чем японская делегация настаивала в ходе Портсмутской конференции и чего ей не удалось добиться тогда, частично было получено по конвенции 1907 г. Хотя железная дорога оставалась в руках России, но г. Гирин и Гиринская провинция были отнесены к сфере влияния Японии (см. [72, с. 168—170]).

Вновь Япония потеснила Россию. Уступчивость царского правительства, вызванная отчасти слабостью военных позиций царизма на Дальнем Востоке, отчасти его надеждами на упрочение отношений с Японией, лишь возбуждала агрессивные аппетиты военно-феодалных правителей Японии.

Правящими кругами Японии соглашение с Россией было встречено с удовлетворением. А для России русско-японское соглашение 1907 г. открывало дорогу для русско-английского сближения и втягивания царской России в Антанту.

В том же, 1907 г. были заключены торговый договор и рыболовная конвенция, которая формально просуществовала до 1928 г. По условиям Портсмутского договора (ст. 12) предусматривалась замена русско-японского договора 1895 г. о торговле и мореплавании новым соглашением. Переговоры о новом договоре шли около года — с июля 1906 г. по июль 1907 г.

На первых же заседаниях японский уполномоченный, посланник Японии в России Мотоно, выдвинул ряд пунктов, кото-

рые русская делегация (непосредственно переговоры вел Н. А. Малевский-Малевиц) считала неприемлемыми. Японцы требовали: право беспошлинного ввоза японских товаров из Маньчжурии в Сибирь через сухопутную границу; гарантий русского правительства, что в случае отмены порто-франко на русском Дальнем Востоке таможенные сборы на границе с Маньчжурией не будут выше сборов в портах рек Сибири; согласие России на плавание японских судов по р. Сунгари (см. [38, д. 1148, л. 63—69]).

Требование о беспошлинном ввозе японских товаров открыло бы возможности для захвата рынков русского Дальнего Востока и Восточной Сибири, от Уссурийского края до Иркутска. Доставляя товары дешевым морским путем в Дальний, японцы обеспечивали им большую конкурентоспособность по сравнению с русскими товарами и товарами, ввозимыми из США, Англии и Германии.

Право плавание по р. Сунгари давало возможность японским торговцам перевозить на собственных кораблях товары от железной дороги в Южный Китай, а по притоку Сунгари — р. Нонни — к границам Внутренней Монголии. Развивая свое судоходство, Япония могла проникнуть на Амур, чего Россия ни в коем случае не могла допустить. Кроме того, разрешение плавания по р. Сунгари задевало интересы Китая, который по действовавшим тогда договорам имел на Сунгари такие же права, что и Россия.

Японцы же настаивали на этом требовании и переговоры к январю 1907 г. зашли в тупик. Н. А. Малевский-Малевиц считал, что в сложившейся ситуации имеется два выхода: либо готовиться к войне с Японией, либо пойти на уступки. По его мнению, России было выгоднее идти на уступки, чем решиться на войну.

Между тем переговоры по общеполитическому соглашению и рыболовной конвенции достигли определенного прогресса. В переговорах о торговом договоре Япония перестала настаивать на наиболее неприемлемых требованиях: плавании по р. Сунгари, понижении сборов с паспортов японских подданных, въезжающих в Россию, и др. Японцы получали право на беспошлинный ввоз только в Приморскую и Амурскую области, причем на товары, изготовленные на территории Ляодуна (на самом деле практически было невозможно установить происхождение товаров). Россия получала право облагать пошлиной японские товары, ввозимые в эти две области, а также право на льготных условиях ввозить товары на территорию Ляодуна. Но это было чисто формальное обязательство: на Дальнем Востоке почти отсутствовали предприятия, которые могли бы поставлять товары на экспорт, да и сырье в этих районах скупалось японцами.

По предложению Японии была подписана и секретная декларация: царское правительство обязывалось не нарушать равенства в таможенном обложении по морской и сухопутной гра-

нице, а японское правительство обещало сохранить выгодный для русских экспортеров учет и очистку керосина не по весу, а по объему. Договор признавал принцип наибольшего благоприятствования во внешней торговле и в мореплавании двух стран. Предусматривалось взаимное уравнивание японских подданных в России и русских подданных в Японии с гражданами соответствующей страны в предпринимательской деятельности, торговле, владении землей и недвижимым имуществом, судебной защите и т. п. [74а, с. 1844].

На деле «взаимность» была выгодна лишь японцам, поскольку русские капиталисты не имели своих предприятий в Японии. Для японцев же наряду с правами, полученными по рыболовной конвенции, открывалось широкое поле деятельности для эксплуатации природных богатств русского Дальнего Востока. Это хорошо понимали русские деловые круги. Оценивая договор, орган торгово-промышленных кругов, газета «Биржевые ведомости» писала: «Окончательный удар русскому делу на Дальнем Востоке нанес торговый договор с Японией, создавший для этой державы такую удобную обстановку для беспрепятственных экономических завоеваний, что русским остается во всем уступить на своей земле и отказаться от попыток с ними конкурировать» [417, 25.10.1907].

Некоторые группы японских капиталистов были заинтересованы в эксплуатации богатств Дальнего Востока и его рынков. Но товарооборот вплоть до начала мировой войны был сравнительно незначительным и касался лишь дальневосточных районов и Восточной Сибири. В 1906 г. ввоз в Японию из азиатской части России составлял 1,4 млн. иен, а из Европейской России мизерную цифру — 41 тыс. иен. В 1907 г. соответственно 1,6 млн. и 175 тыс. иен. Вывоз из Японии в азиатскую часть России в 1906 г. оценивался в 10,5 млн. иен, а европейскую — всего 78 тыс. иен. В 1907 г. соответственно 5 млн. и 441 тыс. иен [402, с. 968]. В общем товарообороте японской внешней торговли торговля с Россией составляла всего 1%. Ее удельный вес до начала мировой войны не увеличивался, отмечалось даже некоторое сокращение импорта из России (американские нефтепродукты вытеснили русские с японских рынков).

Рыболовная конвенция, подписанная 15 (28) июля 1907 г., предоставляла широкие права японским подданным на рыбную ловлю в русских водах.

Фактическое отсутствие русского флота на Тихом океане после русско-японской войны делало невозможным эффективный рыболовный надзор. Наблюдение за рыболовным промыслом было возложено на «лесных объездчиков береговой стражи». На Камчатке их было шесть, на Сахалине — четыре, на побережье от Николаевска-на-Амуре до Посыета — пять. В море охранную службу несли два крейсера и несколько старых кораблей (см. [202, с. 141]). Не желая обострять отношений с Японией, царское правительство дало указание командирам охранных судов

«быть снисходительными и избегать резких столкновений с японцами».

Установилось бесконтрольное хищничество японцев в русских водах и на побережье. Японские рыбопромышленники систематически и безнаказанно нарушали условия рыболовной конвенции, и без того предоставлявшей Японии огромные льготы⁶. Японцы, в частности, добивались разрешения якорной стоянки для японских рыболовных судов в гаванях и бухтах, закрытых по условиям конвенции для японского рыболовства. Правительство России и в этом вопросе пошло на уступки, разрешив на год стоянку японских судов в семи закрытых бухтах. Затем в том же, 1907 г. они добились права посылать свой военный крейсер в воды Охотского и Берингова морей под предлогом заботы о рыбаках, потерпевших кораблекрушение. Военные корабли Японии поддерживали незаконные домогательства японских рыбопромышленников, производили топографическую съемку побережья, промеры глубины бухт и т. п. В то же время в нарушение конвенции японцы запретили русским промышленникам рыбную ловлю у своего побережья. Они даже конфисковали несколько русских рыболовных судов у южного побережья Сахалина, что вызвало в России протесты [430, 01.11.1907].

Русское правительство надеялось, что общеполитическая конвенция (наряду с англо-японским договором и франко-японским соглашением) исключит возможность сепаратных действий Японии в Китае и даст России вести более активную политику в Европе и на Ближнем Востоке. Министр иностранных дел А. П. Извольский, выступая в Государственной думе, подчеркнул, что «сила и значение» русско-японского договора «усугубляется тем обстоятельством, что он является как бы звеном целой цепи других международных соглашений, преследующих те же мирные цели, и что он вполне гармонирует с общей системой наших международных договоров». Вместе с тем он призывал не переоценивать роли соглашения, подчеркнув, что оно, «как и всякий дипломатический акт... является лишь бумажной гарантией поддержания мира» [75, сессия 1, ч. 2, с. 117].

Из телеграмм своих представителей в Токио и Пекине, приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера А. П. Извольскому и царю было хорошо известно, что Япония «продолжает усиленно вооружаться, усиливает флот, увеличивает сухопутную армию и подготавливает базы для военных операций как в Южной Маньчжурии, так и в Северной Корее» [38, д. 204, л. 3]. Позднее, отвечая на запрос председателя совета министров П. А. Столыпина, А. П. Извольский заявил, что «не имеется никаких данных, свидетельствующих о близком намерении Японии начать новую войну». Стремясь защитить свой политический курс на сближение с Японией, он попытался оправдать военные приготовления Японии тем, что она вступила в число великих держав и желает иметь решающий голос в случае возникновения каких-либо осложнений [38, д. 204, л. 5—7].

Соглашения с Россией с удовлетворением были встречены господствующими классами Японии. По этому случаю были организованы празднества. За успешное завершение переговоров японские представители в Петербурге и Париже — Мотоно Итиро и Курино — получили баронские титулы, министр иностранных дел Хаяси Тадасу — титул графа. Премьер-министр Сайондзи Киммоти и другие министры были награждены орденами и т. п.

Подписав соглашение, Япония перед своим американским соперником старалась демонстрировать тесные дружеские отношения с Россией. Русские представители в Китае и Японии отмечали «в высшей степени любезные, предупредительные и радужные отношения японцев», которые «по-прежнему не щадили усилий, чтобы расположить русских к себе» (цит. по [259, с. 561]).

Япония при этом заняла благоприятную для царизма позицию в русско-китайских конфликтах по вопросу о КВЖД, о нарушении царизмом китайского суверенитета и т. д. Официально поддерживая царскую Россию во всех столкновениях, японские представители в Маньчжурии и Пекине в отдельных случаях тайно провоцировали китайские власти на сопротивление царским властям. Царская дипломатия отчетливо представляла себе, что целью Японии в Китае является стремление втравить царскую Россию в вооруженный конфликт с Китаем, что дало бы возможность Японии, ведшей усиленную к тому подготовку, оттеснить Россию с тихоокеанского побережья. Сразу же после подписания русско-японского соглашения 1907 г. А. П. Извольский направил письмо в морское министерство, в котором писал: «Можно предположить, что Япония имела в виду лишь усыпить нашу бдительность, чтобы подготовиться к новому нападению... Поэтому,— советовал Извольский,— нужно быть готовым к случайностям и вооружаться» [38, д. 203, л. 28].

Многие донесения русских дипломатических и военных представителей из Сеула, Токио и Пекина и после подписания соглашения 1907 г. единодушно свидетельствовали о том, что Япония с величайшей поспешностью и систематически продолжает подготовку новой войны против России, превращая Южную Маньчжурию и Северную Корею в свои плацдармы с железными дорогами, направленными на север, со складами боеприпасов, лагерями и т. п.

Царизм не был уверен в верности Японии своим обязательствам. К тому же некоторые органы буржуазной японской прессы, и особенно связанные с милитаристскими кругами, время от времени поднимали шумные антирусские кампании, используя любые для этого поводы (см. [38, д. 206, л. 154]). Именно поэтому встревоженный всеми приготовлениями командующий войсками Приамурского военного округа, генерал-лейтенант П. Ф. Унтербергер, в телеграмме Николаю II в сентябре 1907 г.

требовал немедленного усиления обороны Владивостока и всего Приамурья [38, д. 204, л. 3].

Министерство иностранных дел России в связи с тревожными сигналами военных и дипломатических представителей указывало, что подписание русско-японского соглашения «должно затруднить возможность нового вооруженного конфликта, тем более что международное положение Японии за два последних года значительно изменилось и на ту нравственную и материальную поддержку, которую она нашла, готовясь к войне 1904 года, в Англии и Соединенных Штатах, она теперь уже не может рассчитывать». Касаясь предложения П. Ф. Унтерберге-ра принять срочные меры по укреплению обороны Владивостока и Приамурского края, управляющий министерством иностранных дел Губастов писал председателю совета министров П. А. Столыпину, что он «всецело присоединился бы ко взгляду приамурского генерал-губернатора... если бы наши военные приготовления могли идти хотя бы приблизительно одним и тем же ходом, как и японские. Усилия России в этом направлении едва ли приведут к сколько-нибудь серьезным результатам по сравнению с Японией, находящейся в гораздо более выгодном положении» [38, д. 204, л. 19]. По мнению же министерства иностранных дел, не было каких-либо фактов, свидетельствовавших о близком намерении Японии начать новую войну [38, д. 204, л. 18].

Разноречивые оценки намерений японского правительства объяснялись как слабым знакомством русских дипломатов и военных агентов с борьбой отдельных группировок правящих классов Японии, так и опасением Петербурга, что японская военщина использует бессилие России, возобновит войну и отнимет у нее дальневосточные владения.

В самой Японии также не было единого мнения по этому вопросу. Наряду с оголтелыми милитаристами, настаивавшими на организации новой военной авантюры, наиболее здравомыслящие политические деятели во главе с премьер-министром Сайондзи Киммоти отдавали себе отчет в сложности международного положения Японии. Обострились японо-американские противоречия в борьбе за Китай. Кроме того, хотя США и поощряли японские аннексионистские планы в отношении Кореи, а в 1908 г. подписали соглашение с Японией, предусматривавшее взаимное уважение обоими государствами их владений на Тихом океане, однако обе страны увеличили ассигнования на военно-морское строительство. Мощная американская эскадра из 16 броненосцев в 1908 г. появилась в Тихом океане. Ее появление с восторгом приветствовала буржуазия английских доминионов — Австралии и Новой Зеландии, где опасались японской агрессии. Обострение русско-японских отношений не отвечало интересам британского и французского империализма. Русская армия была нужна в Европе для противодействия Германии. Япония переживала острые финансовые затруднения, но ни Англия ни США

не собирались финансировать японскую войну против России. Русский империализм уже не претендовал на господство на Дальнем Востоке. Бóльшую угрозу для японских планов составляла экспансия США.

В июле 1908 г. в Японии к власти вновь пришло правительство Кацура Таро. Правящие круги Японии, готовясь осуществить аннексию Кореи, поставили у власти правительство, непосредственно связанное с военщиной. Подготовка к аннексии Кореи считалась важнейшей задачей японской политики. После аннексии Кореи японская буржуазия надеялась полностью вытеснить оттуда американских и английских концессионеров и торговцев, которые, несмотря на дискриминационный режим, установленный Японией, продолжали успешно конкурировать с японскими дельцами. В аннексии были заинтересованы и помещики, надеявшиеся после присоединения Кореи захватить новые земельные владения в этой стране.

На милитаристское правительство возлагалась задача дальнейшего укрепления вооруженных сил (чтобы никто не помешал Японии аннексировать Корею). Приход к власти правительства военных должен был показать империалистическим соперникам Японии ее готовность применить оружие ради осуществления своих задач в Корее и Китае. Наряду с этими задачами японский империализм не исключал из своих внешнеполитических планов и агрессию в отношении России.

Россия, как и прежде, стремилась улучшить свои отношения с Японией, подчеркивая свое желание соблюдать соглашение 1907 г. В своих многочисленных выступлениях руководящие деятели России заявляли о лояльности царского правительства в отношении Японии. Докладывая в Государственной думе в январе 1908 г. о преобразовании русской миссии в Токио в посольство, А. П. Извольский указывал, что «Портсмутский договор во многих отношениях имел, в сущности, прелиминарный характер». «Как с нашей, так и с японской стороны,— говорил он,— обнаруживалось явное недоверие к прочности созданного Портсмутским договором положения», поэтому необходимо «добиться изменения общей постановки отношений с Японией». Соглашение от 17 июля, подчеркивал далее А. П. Извольский, «является как бы звеном в цепи других соглашений... и гармонирует с общей системой наших международных переговоров» [38, д. 204, л. 51]. Таким образом, прочность этого соглашения царизм усматривал в своем участии в Антанте, через посредство которой он и надеялся удерживать Японию от попыток дальнейшей экспансии в отношении русских владений.

Правительство Кацура было также призвано покончить с революционным движением в стране, на которое оказала влияние русская революция 1905—1907 гг. Выступления рабочих охватили основные промышленные центры страны. В 1906 г. бастовали железнодорожники, горняки, рабочие арсеналов в Курэ и Токио, трамвайщики Токио, Осака, Кобэ и других городов. Большие

волнения рабочих произошли в 1907 г. на рудниках Асио и Бэсси (см. [290, с. 82]). В феврале 1906 г., воспользовавшись отставкой милитаристского правительства Кацура Таро, социалисты создали свою партию «Нихон сякайто». Партия организовала первый социалистический кружок среди рабочих горняков в Асио и провела ряд массовых митингов и демонстраций против самоуправства муниципальных властей Токио и т. п. Она начала выпускать первый социалистический журнал «Сякэйсюги кэнкю» («Изучение социализма»). Однако в 1907 г. «Нихон сякайто» была запрещена.

Вернувшись к власти, Кацура развернул свирепые полицейские преследования передовых деятелей рабочего движения. В июле 1908 г. за участие в демонстрации по случаю освобождения из тюрьмы одного революционера ряд видных социалистических руководителей был посажен в тюрьму. В 1910 г. было сфабриковано дело известного социалистического руководителя Котоку Дэндзиро и 24 его единомышленников. Их обвинили в подготовке «заговора» против императора. 12 человек были казнены, в том числе и Котоку Дэндзиро, а остальные осуждены на каторжные работы. Правящие круги Японии расправой с руководителями социалистов надеялись помешать развитию японского рабочего движения.

Однако этого им не удалось сделать. В декабре 1911 г. состоялась крупная забастовка рабочих городского транспорта в Токио. Несмотря на полицейский террор, Катаяма Сэн продолжал организовывать рабочих на борьбу за улучшение их экономического и политического положения. Деятельность Катаяма и социалистов оказала свое влияние на подъем рабочего движения Японии в 1913—1914 гг.

Наступление на трудящихся внутри страны правительство Кацура осуществляло в целях подготовки прочного тыла для развертывания более широкой экспансии на Азиатском континенте. Япония усиленно продолжала вооружаться и укреплять свои силы на Дальнем Востоке. Русский генеральный консул в Сеуле А. С. Сомов снова сообщал 30 декабря 1908 г., что Япония тратит десятки миллионов на превращение Кореи в обширный военный лагерь и строит там склады, арсеналы, казармы. «Все устремления направлены к тому, чтобы облегчить и ускорить перевозку войск из Японии. В нужную минуту воинские части будут посажены на суда в том виде, в каком они находятся, т. е. без снарядов, амуниции, запасов и т. п., без всякого груза, так как это заранее привезено, сложено и распределено по всей Корее» [38, д. 18, л. 63].

Усиленные военные приготовления происходили и в самой Японии. Русский посол в Японии Н. А. Малевский-Малевич писал министру иностранных дел С. Д. Сазонову, в августе 1909 г., что в Японии «первооружение и увеличение личного состава идут своим чередом, немало не отступая от выработанной генералом Тэраути Масатакэ⁷ еще в 1906 г. послевоенной програм-

мы вооружений». В 1909 г., по сведениям военного агента В. А. Самойлова, было окончено перевооружение пехоты и кавалерии, прибавилось 14 батальонов, 18 эскадронов, 27 батарей и т. п. «Такое значительное увеличение численного состава японских вооруженных сил в мирное время,— писал В. А. Самойлов в августе 1909 г.,— наглядно показывает, что Япония продолжает усиленно готовиться в военном отношении и готова ко всяким случайностям... Несомненно, что она намерена использовать до конца все выгоды положения, созданные успехами ее оружия, и решила стать твердой ногой на Азиатском континенте» [38, д. 915, л. 71—72]. В своих донесениях в Петербург В. А. Самойлов утверждал, что «военное ведомство доведет силу японской армии до намеченных размеров, т. е. до 500 (а потом 600) батальонов, 150 эскадронов, 1900 полевых и 1000 осадных орудий» [38, д. 915, л. 74]. По его мнению, железнодорожные линии, которые сооружались Японией в Маньчжурии и Корее, в стратегическом отношении имели наступательный характер. Ссылаясь на большое количество статей в газетах о готовящейся войне и анализируя характер военных приготовлений Японии, В. А. Самойлов писал 9 октября 1909 г.: «Япония не исключает из пределов возможности нового столкновения с нами и усиленно готовится на случай этого» [38, д. 915, л. 186—189]. Военные приготовления японские милитаристы маскировали заявлениями о том, что Россия якобы собирается напасть на Японию, которой необходимо защищать свои интересы на материке (т. е. в Китае и Корее). Поводом к таким заявлениям служили реваншистские статьи некоторых русских газет («Новое время», «Слово», «Земщина» и др.).

Как уже говорилось выше, в правящих кругах России не было единства по вопросу о направлении внешней политики страны. В феврале 1908 г. на заседании совета министров России при обсуждении вопроса о военных расходах на 1908 г. указывалось, что в Государственной думе имеется влиятельная группа, которая высказывается против строительства линейного флота и укрепления Финского побережья. Сторонники этой группы указывали, что уязвимым местом России является не Балтика, а берега Тихого океана. И именно их укреплению и обороне следует уделять основное внимание. Но преобладали сторонники укрепления позиций России на Западе. Царизм увеличивал вооруженные силы на западных границах, концентрировал усилия по строительству Балтийского и Черноморского флотов. На Дальнем Востоке основной целью внешней политики считалось сохранение сложившегося положения.

Большое значение придавалось хозяйственному освоению дальневосточных окраин. Многие политические деятели считали, что лишь заселение русскими обширных районов Приамурья, Уссурийского края и Камчатки может обеспечить безопасность этих районов, сохранить их как часть России. В 1909 г. был создан Комитет по заселению Дальнего Востока. Председателем

был назначен премьер-министр П. А. Столыпин. Комитет получил обширные полномочия. В 1910 г. Николай II утвердил решение комитета об использовании для крестьянской колонизации громадных массивов пустующих земель, ранее отведенных для казачьих войск Амурского и Уссурийского края, но ими не занятых. Был установлен ряд льгот для крестьян, переселявшихся на Дальний Восток. Исходя из необходимости укрепления своих позиций в этом районе, царское правительство уделяло переселенческому вопросу особое внимание. Правительственное поощрение переселенческого движения и строительство Амурской железной дороги привели к увеличению населения на русском Дальнем Востоке. В 1907 г. в Приамурском генерал-губернаторстве⁸ проживало 520 тыс. человек, а в 1913 г. — более 900 тыс. Из них 200 тыс. проживало в городах. При поддержке правительства, осуществлявшего столыпинскую реформу и на Дальнем Востоке, в дальневосточных деревнях сложилась значительная прослойка кулацких хозяйств, производящих сельскохозяйственную продукцию. В 1911 г. казаки и крестьяне Приамурья продали 2,2 млн. пудов пшеницы.

Тяжелым трудом рабочих и крестьян России продолжалось освоение обширных и незаселенных районов Дальнего Востока. Их трудом были построены железные дороги и фабрики, заложены сотни сел и деревень, воздвигнуты города Благовещенск, Хабаровск, Владивосток и др. Сравнительно крупными были казенные предприятия добывающей промышленности — Сучанские каменноугольные копи, серебряные и свинцовые рудники Тетюхе, каменноугольные копи в Приморье и на Сахалине, а также золотые прииски на Лене и в других местах.

На укрепление своих позиций, оборону и развитие Дальнего Востока царское правительство тратило значительные средства, собранные в виде налогов с населения России. В 1909—1914 гг. доходы государства с Приамурского генерал-губернаторства составляли 15 млн. руб., а расходы на этот край возросли с 55 млн. до 105 млн. руб. в год [75, сессия 2, ч. 1, с. 1458]. Значительная часть этих средств оседала в карманах отечественных и иностранных капиталистов. Экономическая отсталость России, недальновидная политика царизма, проникновение иностранного капитала, осуществлявшего хищническую эксплуатацию приморских ресурсов, тормозили развитие и освоение громадных природных богатств русского Дальнего Востока.

В прессе часто публиковались материалы о хозяйничании японцев в водах и на побережье Охотского моря и Камчатки. Все большее внимание привлекало проникновение американцев на Чукотку. В результате обсуждения дальневосточных проблем в политических и общественных кругах России приобрело острый политический характер.

По мнению русских военных специалистов, в 1909 г. по численности японская армия была более чем в полтора раза сильнее, чем в русско-японскую войну. Артиллерия ее была оснаще-

на новыми пушками Круппа, а пехота — новыми винтовками. Значительно усилился морской флот. Если в 1904 г. он насчитывал 6 броненосцев и 8 крейсеров, то в 1909 г. он имел 15 броненосцев и 12 крейсеров с перспективой иметь в 1914 г. 18 броненосцев и 16 крейсеров. Общая численность японской армии достигала в 1909 г. примерно 900 тыс. человек [38, д. 206, л. 108—111].

Русские военные и дипломатические представители в Корее и Японии не раз сообщали, что в бюджеты, публикуемые японским правительством для всеобщего сведения, вносятся далеко не все действительно производимые расходы и что послевоенная программа генерала Тэраути Масатакэ осуществлялась неизменно, несмотря на то что в 1908 и 1909 гг. японское правительство под давлением общественного мнения заявляло о сокращении расходов на вооружение⁹. Дополнительные расходы направлялись главным образом на выполнение задач, связанных с подготовкой армии и строительством сооружений военно-стратегического характера.

Активная деятельность японских милитаристов по вооружению армии и флота, строительству железных дорог, созданию укрепленных районов и увеличению средств связи с Северной Кореей в нарушение условий Портсмутского договора — все это создало осенью 1909 г. весьма напряженную обстановку на Дальнем Востоке. Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер продолжал направлять тревожные телеграммы царю, панически сообщая о готовящемся нападении Японии.

И хотя А. П. Извольский по поручению П. А. Столыпина послал Унтербергеру 13 февраля 1909 г. успокоительную телеграмму, в которой заявлял, что отношения с Японией «нормальные», а господствующая среди администрации на Дальнем Востоке и «в обществе» тревога, которая «граничит с паникой... не отвечает нашему достоинству и может самым вредным образом отозваться на наших отношениях с Японией» [38, д. 206, л. 74], тем не менее вопрос о военной неподготовленности России рассматривался в правительстве. Недавние поражения на Дальнем Востоке, сообщения о быстром росте японских вооруженных сил волновали русские военные круги. Военный министр В. А. Сухомлинов в докладе, направленном в совет министров в апреле 1909 г., указывал на возросшее военное могущество Японии, заявляя, что нельзя больше сосредоточивать русские вооруженные силы лишь на западных границах. В октябре 1909 г. в записке на имя П. А. Столыпина В. А. Сухомлинов предупреждал о возможности заключения союза между Японией и Австро-Венгрией.

В ноябре 1909 г. министр финансов В. Н. Коковцев для ознакомления с обстановкой выехал на Дальний Восток. Доклад министра был безрадостным. Морские силы, отмечал он, «ничтожны», а сухопутная оборона Владивостока производит почти «столь же безрадостное впечатление, как и то, которое я вынес по части морской обороны». Он приходит к выводу, что полити-

ческое положение России на Дальнем Востоке ухудшилось. Выход он видел только один — установление прочных добрососедских отношений с Китаем, Кореей и Японией.

Министр финансов «пришел к убеждению о невозможности далее откладывать вопрос об усилении Владивостока ввиду печального его состояния»; было выделено 9 млн. руб. на проведение первоочередных работ по укреплению Владивостока (запрашивалось 98 млн.) [38, д. 206, л. 86—87]. Все средства военного бюджета направлялись на укрепление мощи русских вооруженных сил на Западе, что отвечало прежде всего интересам западноевропейских союзников России.

После поражения революции 1905—1907 гг. в Россию вновь хлынули широким потоком иностранные капиталы: к 1914 г. они составили приблизительно $\frac{1}{3}$ всего акционерного капитала и свыше 42% банковского капитала (см. [19, с. 166—167; 235, с. 363]). Помимо этого иностранный капитал проникал в Россию через внешние займы. Вслед за международным займом 1906 г., предоставленным царизму на подавление революции, Россия от Англии и Франции получила ряд новых займов, приковывавших царизм к Антанте. Зависимость от иностранного капитала определяла и содержание военных конвенций и соглашений, заключенных Россией с государствами Антанты. Англия и Франция требовали активности России в Европе против Германии и ее союзников. Главный банкир царизма — Франция — и слышать не хотел о затратах на оборону Дальнего Востока. Французские и английские капиталисты требовали от царизма осуществления военных мероприятий, выгодных прежде всего с точки зрения их интересов в Европе. Вот почему и в последующие годы Приморье не было укреплено.

Международная обстановка в Европе после окончания русско-японской войны с каждым годом становилась все более напряженной. Мировой экономической кризис 1907 г. и промышленный застой 1907—1909 гг. обострили соперничество между империалистическими державами, особенно между Англией и Германией. Не смягчились противоречия и в годы экономического подъема (1910—1913). Обострение борьбы за рынки сбыта и сферы приложения капиталов, за передел колоний уже в те годы привело к ряду серьезных международных конфликтов. Так, в 1908 г. имел место так называемый боснийский кризис из-за аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Территориальные захваты Австро-Венгрии привели к обострению русско-австрийских противоречий на Балканах. Захват Боснии и Герцеговины развеял иллюзии правящих кругов России остаться в стороне от борьбы двух главных соперников — Англии и Германии. Обострение русско-японских отношений вследствие усиленной милитаристской активности Японии давало дополнительные аргументы сторонникам сближения с германо-австрийским блоком для обеспечения европейского тыла в случае военного столкновения с Японией. Но широкая экспансия Австро-Венгрии

и Германии на Ближнем Востоке поставила перед Россией выбор: капитуляция перед Германией или более тесное сближение против нее с Англией и Францией и на этой основе разрешение главных противоречий на Дальнем Востоке с Японией. Укрепление позиций антигермански настроенной империалистической буржуазии России и примкнувшей к ней большей части помещиков, а также усиление зависимости царизма от англо-французского финансового капитала предопределило исход борьбы в правящих кругах России в пользу проанглийского течения и, следовательно, утвердило линию на дальнейшее урегулирование отношений с Японией даже ценой крупных уступок.

Прогермански настроенные придворные круги сделали еще одну, последнюю перед первой мировой войной попытку добиться смены внешнеполитической ориентации России, ссылаясь на слабость Антанты, обнаруженную в период боснийского кризиса. Прогерманским силам удалось организовать встречу Николая II с Вильгельмом II в Потсдаме в 1910 г., где речь шла о русско-германском и русско-австрийском соглашениях. Но уже к концу 1910 г. выявилась полная бесперспективность переговоров с державами австро-германского блока как во внешнеполитическом плане, так и с позиций соотношения сил в правящих кругах России.

В 1911 г. возник второй марокканский кризис, поставивший на грань войны Германию и Францию; началась итало-турецкая война, а затем две кровопролитные балканские войны. Эти события крайне накалили обстановку в Европе. В сложившихся условиях дипломатия Англии, Франции и России стремилась сохранить установившееся соотношение сил на Дальнем Востоке, не допуская осложнений, могущих отвлечь их силы из Европы. Англо-французская дипломатия прилагала усилия и к тому, чтобы Россия не отвлекалась проблемами Дальнего Востока, настоятельно советуя ей идти на уступки Японии.

Глава 8

ОТ КОНФРОНТАЦИИ К СБЛИЖЕНИЮ

Русско-японское соглашение 1910 г.

В 1910 г. было подписано новое русско-японское соглашение, был сделан еще один шаг на пути сближения двух стран, на что толкало их развитие американской экспансии на Дальнем Востоке.

В начале 1909 г. газета «Хоти» писала: «Масса обстоятельств ратует в пользу сближения России с Японией — оно устранит не только возникновение всевозможных толков, но и создаст последнюю возможность отделиться более активной политике у себя на западной границе, когда она будет чувствовать себя спокойной на Дальнем Востоке. Заключение союза между Англией, Японией и Россией лучше бы всего удовлетворило жизненные потребности этих трех держав на Дальнем Востоке» (цит. по [38, д. 206, л. 212]).

Посол Н. А. Малевский-Малевич 5 февраля сообщал, что «газеты пишут о новом русско-японском соглашении как о событии, наступление которого не подлежит сомнению» [38, д. 206, л. 55].

Россия вложила крупные капиталы в КВЖД и ее промышленные предприятия. В связи с общим промышленным подъемом в России после кризиса 1906—1908 гг. русский промышленный капитал проявлял тенденции роста, в то время как торговый капитал в Северной Маньчжурии занимал сравнительно слабые позиции. Товары русского производства в Северной Маньчжурии составляли (1913 г.): лесные материалы — 98%, табак — 53, металлоизделия — 47, сахар — 63, мануфактура — 26, бакалея — 24, керосин — 12% [102, с. 209]. Русские представители постоянно жаловались, что японские, американские и английские товары успешно конкурируют с русскими. В Южную же Маньчжурию русские товары проникали в незначительном количестве. Общая отсталость и слабость русской промышленности по сравнению с английской, американской и японской объясняют недостаточный успех русского экспорта. Около 80% товаров, которые вывозились из Северной Маньчжурии, шли через русскую границу, но это был главным образом транзит.

Вывоз в Россию составлял лишь 10—15% (хлеб, скот, масло, яйцо и т. д.) [184, с. 141].

Безусловно, все это сказывалось на общем объеме товарооборота, вызывало болезненную реакцию у русских промышленников. После эвакуации русских войск из Северной Маньчжурии осенью 1907 г. КВЖД работала довольно удовлетворительно. Число перевозимых пассажиров увеличилось с 442 тыс. в 1907 г. до 947 тыс. в 1910 г. и свыше 1100 тыс. в 1912—1913 гг. Объем грузоперевозок после некоторого снижения в связи с кризисом 1908—1909 гг. (с 1181 тыс. т в 1907 г. до 905 тыс. т в 1909 г.) вновь вырос в 1912—1913 гг. (в 1912 г. — 1269 тыс.т). Но, несмотря на рост грузоперевозок, КВЖД вместе с ее различными подсобными предприятиями продолжала оставаться убыточной (за 1904—1914 гг. дефицит составил 176 млн. руб.). Русские капиталовложения в строительство и расходы по эксплуатации КВЖД к 1914 г. в общей сложности составили около 542 млн. руб. (см. [184, с. 141—144]).

Русские капиталы в Маньчжурии были вложены в различные отрасли промышленности: мукомольную, спиртоводочную, сахарную, мыловаренную, лесопильную, пароходство по р. Сунгари и т. д. По японским источникам, общая сумма государственных и частных капиталовложений в Маньчжурии оценивалась примерно в 1600 млн. руб. Однако если принять во внимание переданную Японии часть дороги, порты, крепость Порт-Артур, а также средства, израсходованные на дорожное строительство, казармы и т. д., то для Северной Маньчжурии русские капиталы, действительно вложенные в ее транспорт, промышленность, различное недвижимое имущество и торговлю, могут быть определены приблизительно в 925 млн. руб. [272, с. 158]. Сумма довольно значительная по тому времени. По размерам капиталовложений Россия занимала второе место, уступая лишь Англии.

К описываемому времени положение царизма внутри страны упрочилось, и он вновь начал активизировать свою политику на Дальнем Востоке, стремясь вернуть свои прежние позиции. Деятельность Русско-Китайского банка после войны была осложнена, так как, во-первых, она в основном протекала в районах, перешедших под контроль Японии, и, во-вторых, царское правительство опасалось ее усиливать из-за боязни столкновений с Японией. В 1906—1909 гг. банк сильно сократил размеры операций, свернув свою деятельность в Гирине, Мукдене, Калгане и других районах Маньчжурии.

В 1910 г. царское правительство приняло меры к реорганизации банка, укреплению его финансовой базы и упрочению позиций русских банкиров, которые в 1906 г. продали французским банкам часть акций. Русско-Китайский банк был слит с Северным банком и стал называться Русско-Азиатским банком, капитал которого составил 45 млн. руб. Он стал энергично укреплять финансовые позиции России в странах Дальнего Востока [184, с. 145—146].

Соперничество между русскими и японскими предпринимателями и торговцами в Маньчжурии не могло не создать осложнения в политике сближения двух стран, в проведении которой особенно была заинтересована Япония. С помощью России она надеялась отбить атаки американского империализма в Маньчжурии, и поэтому в Японии вынашивались планы урегулирования русско-японских противоречий на базе совместной эксплуатации Маньчжурии. Экономическое сотрудничество русской и японской буржуазии в целях окончательного вытеснения американского капитала должно было подкрепить налаживающийся политический контакт.

Наиболее дальновидные представители японских правящих кругов, имевшие интересы в Маньчжурии и на русском Дальнем Востоке, стали широко пропагандировать необходимость экономического сотрудничества русской и японской буржуазии. Граф Окума Сигенобу — виднейший японский политический деятель — заявил русскому представителю «об общности интересов» России и Японии в Маньчжурии, «куда ныне устремляются американцы и англичане» [38, д. 206, л. 48]. Маршал Ямагата Аритомо, один из наиболее влиятельных политических деятелей Японии, прямо сказал русскому послу Н. А. Малевскому-Малевичу, что «правлящие сферы Японии и вся сознательная часть общества желают мирного развития экономических сил страны и смотрят на Россию не как на враждебную силу, а как естественную свою союзницу в Маньчжурии, где у обеих стран так много общих интересов» (цит. по [38, д. 206, л. 250]).

В сентябре 1909 г. японский посол в Петербурге передал в министерство иностранных дел тексты трех соглашений, заключенных Японией с Китаем: о сооружении Мукден-Аньдунской железной дороги, о получении аренды на территории Кондо для строительства дороги, связывающей Гириин с корейским портом, и о закреплении за Японией Фушунских и Янтайских угольных копей (см. [38, д. 207, л. 14]). В кругах русской буржуазии это вызвало большую тревогу. Буржуазное общественное мнение особенно было обеспокоено тем, что деятельность Японии была направлена не столько против Китая, сколько против России, ибо строительство обеих проектируемых железных дорог имело, несомненно, стратегический характер. Царский министр иностранных дел по этому поводу имел специальное объяснение с японским послом Мотоно Итиро, которому высказал особое беспокойство «необыкновенной военной деятельностью Японии в Северной Корее». В ответ Мотоно Итиро старался доказать, что соглашение не направлено против России, что «объектом внешней политики Японии является главным образом Китай, а не Россия и что поэтому... нет никакого повода к новому столкновению между Россией и Японией».

Помимо активной деятельности в Корее и Маньчжурии японские дельцы активно проникали в дальневосточные владения России. И если в первые годы после войны японская торговля в

Приамурье довольно скоро потеряла существенное значение, то в северных районах Дальнего Востока японцы подчинили своему контролю рыболовство у русских берегов. В первые годы после войны японские промышленники хозяйничали там бесконтрольно, хищнически вылавливая рыбу и истребляя котиков. Последнее даже поощрялось японским правительством: существовал закон о выдаче поощрительных премий лицам, занимающимся котиковым промыслом. И только в результате протеста России закон был отменен в 1909 г. [38, д. 207, л. 29, 30].

Чиновник по особым поручениям при амурском генерал-губернаторе Слюнин, посетивший побережье Охотского моря и Камчатки осенью 1909 г., доносил министру финансов, что японские браконьеры, сыгравшие большую роль в истреблении морского котика в Охотском море, перенесли свою деятельность на сушу, на Камчатку и на Шантарские острова. На рынках в Кобэ и Хакодате стали появляться шкурки камчатских морских бобров в количестве гораздо большем, чем добывалось местными жителями. Он обращал также внимание на то, что Япония поставила под свой контроль камчатскую рыбопромышленность. Около 200 шхун летом 1909 г. промышляло у берегов Камчатки. В 1908 г. Япония вывезла оттуда около миллиона пудов рыбы. Всего японские рыбопромышленники эксплуатировали 150 рыболовных участков, а русские — лишь 25 (см. [38, д. 206, л. 120, 123]).

Но не только русская буржуазия проявляла беспокойство по поводу усиленного проникновения Японии в Китай. Японо-китайские соглашения о постройке новых железных дорог в Маньчжурии, установление полного контроля Японии над угольными копями этого района Китая наряду с продолжавшимися ограничениями деятельности иностранного капитала (к 1909 г. доля США во ввозе товаров в Маньчжурию упала с 60 до 35%, в то время как доля Японии возросла в той же пропорции, см. [184, с. 108]) вызвали бурное негодование в США. В правящих кругах США возник план привлечения к антияпонской борьбе царской России. 8 ноября 1909 г. американский посол в России Рокхилл посетил А. П. Извольского и предложил ему план «коммерческой нейтрализации маньчжурской сети железных дорог» с тем, чтобы «поставить окончательный и, так сказать, международный предел дальнейшим захватам Японии». Кроме того, Рокхилл считал возможным распространить «режим нейтрализации» (т. е. интернационализации) и на военную сферу на Ляодунском полуострове. Он пытался убедить Извольского в необходимости для России «идти в маньчжурских делах рука об руку с США» [38, д. 206, л. 80].

Конкретно американская программа (известная как «план Нокса» — по имени государственного секретаря США Ф. Нокса) требовала согласия России на образование интернациональной банковской группы во главе с США для выкупа («интернационализации») КВЖД и ЮМЖД. Все это мотивировалось фаль-

шивой заботой обеспечить китайский суверенитет над Маньчжурией. Русский генеральный консул в Сеуле А. С. Сомов в телеграмме А. П. Извольскому от 30 декабря 1910 г. назвал американское предложение о нейтрализации дорог в Маньчжурии «идеальным громоотводом», который «отвлеч внимание от нашего севера и указал нам на общие с японцами интересы в Маньчжурии и, как лучший друг России, подготовил почву для соглашения» [38, д. 20, л. 233—234].

Действительно, американское выступление носило антияпонский характер. Но американские монополии требовали и отказа царизма от политики покровительства русской торговле и расширения позиций России в Маньчжурии. Американское предложение шло вразрез с интересами русской буржуазии, которая в эти годы начала усиливать экономические связи с Северной Маньчжурией. Поэтому царское правительство не хотело идти на уступки США. В этом была нереалистичность американского проекта.

США не сообщили России второй, запасной вариант своего предложения, который они в секретном порядке передали Японии. В случае отказа России от интернационализации КВЖД и ЮМЖД он предусматривал строительство новой железнодорожной магистрали через всю Маньчжурию с юга на север (Цзиньчжоу — Айгунь), вплоть до русско-китайской границы. Участие в строительстве такой дороги представляло интерес для японских капиталистов, давно мечтавших проникнуть в русскую сферу влияния в Северной Маньчжурии (см. [236, с. 215, 217]). Проект, таким образом, носил резко выраженный антирусский характер: США хотели использовать русско-японские противоречия. Американская дипломатия продолжала прежний курс натравливания Японии на Россию.

Определяя свое отношение к «проекту Нокса», царская дипломатия не знала об этих вероломных действиях американского правительства. Решающую роль в выборе курса политики царской России сыграли другие обстоятельства.

Осенью 1909 г. отношения между Россией и Японией серьезно обострились. С сентября 1909 г. от русских консульств в Корею и Северной Маньчжурии в Петербург стали поступать сообщения о концентрации японских войск на русско-корейской границе. Русская и иностранная печать все чаще стали поговаривать о возможности второй русско-японской войны. Русский военный атташе в Японии в октябре 1909 г. сообщал в Петербург, что «непосредственной военной подготовки к нападению Японии не ведет, но, действительно, военные приготовления Японии по своим размерам и некоторым частностям указывают на то, что Япония из всех своих возможных противников имеет в виду именно русскую армию» [38, д. 915, л. 188].

На русско-корейской границе были установлены 36 гаубиц, японская канонерская лодка вошла в русские территориальные воды. Эти и другие факты вызвали большую тревогу в При-

амурье. Офицеры и чиновники стали отправлять свои семьи с Дальнего Востока на Урал. Слухи о военных приготовлениях Японии всячески раздувались прогерманскими кругами и поддерживавшей их прессой, стремившимися толкнуть Россию на соглашение с Германией для борьбы с Японией и ее союзниками (см. [423, 16.06.1909, 28.08.1909; 437, 25.07.1909; 429, 1909, № 37, с. 17 и др.]). Японская дипломатия, внимательно следившая за колебаниями в русских правящих кругах, стала предпринимать активные шаги по всем линиям (в прессе, по дипломатическим каналам), вплоть до военного нажима, с тем чтобы не допустить сближения России с Соединенными Штатами Америки, Германией и Китаем.

В Японии отдавали себе отчет в том, что такого рода сближение создаст препятствие на пути осуществления ее планов экспансии в Китае и на Дальнем Востоке. По подсказке министра иностранных дел в официальной японской прессе стали появляться статьи, в которых доказывалось, что укрепление позиций Японии в Китае и Корее не представляет угрозы русским владениям на Дальнем Востоке.

Газета «Джапан таймс» 17 сентября 1909 г. поместила статью под характерным заголовком «Странные галлюцинации в России», где заявляла, что постройка Гирич-Чанчуньской железной дороги не представляет угрозы для России (см. [38, д. 915, л. 105]). Привлекли внимание и статьи, публиковавшиеся во влиятельной газете «Иомиури», принадлежавшей семье Мотоно Итиро, посла Японии в Петербурге. Газета утверждала, что опасения русских относительно посягательств Японии на Забайкалье, Маньчжурию и Монголию также необоснованы, стремления японцев направлены южнее (см. [38, д. 206, л. 49]).

На октябрь 1909 г. был намечен визит министра финансов В. Н. Коковцева на Дальний Восток. Узнав об этом, японское правительство пригласило его посетить Японию. Петербург отклонил предложение. Тогда японцы решили направить в Харбин одного из влиятельнейших государственных деятелей Японии, князя Ито Хиробуми.

Как это принято в японской дипломатической практике, перед отъездом Ито нанес визит русскому послу Н. П. Малевскому-Малевицу. Князь говорил о необходимости сближения между Японией и Россией и подчеркнул, что его поездка санкционирована императором.

Встреча Ито Хиробуми с В. Н. Коковцевым произошла в Харбине 26 октября 1909 г., но переговоры не состоялись: Ито был убит в тот же день на Харбинском вокзале корейским патриотом.

Через несколько дней, в начале ноября, министр транспорта барон Гото Симпэй, один из активных сторонников сближения с Россией, рассказал русскому послу в Токио Н. П. Малевскому-Малевицу о том, какие вопросы Ито намеревался согласовать с В. Н. Коковцевым. Они сводились к следующему: улуч-

шению связей между КВЖД и ЮМЖД; понижению тарифов на японский шелк, ввозившийся по русским железным дорогам; более тесному политическому сближению между двумя странами [38, д. 206, л. 54].

Гото Симпэй был тесно связан с железнодорожными и паровыми компаниями, имевшими важные экономические интересы в Маньчжурии и на русском Дальнем Востоке. В 1906 г. он занял пост председателя правления ЮМЖД. Японские железнодорожные магнаты, чья деятельность была связана с ЮМЖД, в борьбе за Китай сталкивались с капиталистами других стран, и прежде всего с американскими. Перед Японией стоял вопрос о выборе дальнейшего пути: вместе с Россией против США или вместе с США против России. Гото Симпэй лучше, чем кто-либо другой, видел, что последний путь неприемлем для японских капиталистов, так как означал подчинение Японии более мощному и агрессивному американскому империализму. Сближение с Россией не создавало такой угрозы. После поражения в русско-японской войне русский империализм уже не претендовал на господство на Дальнем Востоке, хотя и стремился сохранить позиции, закрепленные соглашением с Японией 1907 г.

8 ноября вслед за американским послом А. П. Извольского посетил японский посол Мотоно Итиро. Он стал доказывать, что военные мероприятия Японии направлены не против России, а имеют целью сохранить за Японией достижения двух предыдущих войн (т. е. японо-китайской и японо-русской). Мотоно Итиро убеждал в целесообразности и выгоды двустороннего японского союза, перед которым вынуждены будут «преклониться» все другие державы, с тем чтобы Россия, «опираясь на Японию, могла отстаивать принадлежащие обществу Китайской Восточной железной дороги в силу контракта 1896 г. права». А. П. Извольский отвечал уклончиво, указывая на нежелательные последствия такого сближения для Китая. Целесообразнее, говорил русский министр, найти такую сторону соглашения, к которой можно было бы привлечь и Китай» [38, д. 206, л. 75]. Но это не устраивало японских империалистов. Они хотели союза с Россией для борьбы против США и укрепления своих позиций в Китае за счет его дальнейшего ослабления и закабаления.

Докладывая царю об этих представлениях, А. П. Извольский приходил к выводу о том, что Россия поставлена «в необходимость теперь же избрать окончательный путь для... [своей] дальневосточной политики».

На записке А. П. Извольского Николай II 18 ноября (1 декабря) 1909 г. написал, что «лично» для него был «совершенно ясен путь, который России следует избрать теперь: это вступление с Японией в теснейшее соглашение» [38, д. 206, л. 75]. Иного пути царизм и не мог избрать: к концу 1909 г. японская армия насчитывала уже 900 тыс. человек.

В конце ноября на Особом совещании по дальневосточным делам А. П. Извольский откровенно заявил, что «если мы от-

вергнем американское предложение, то вызовем, быть может, временно охлаждение США», но «Америка нам войны по этому поводу не объявит и флота в Харбин не пошлет, тогда как Япония в этом отношении гораздо опаснее». Если же США вытеснят Японию из Маньчжурии, то последняя будет стремиться «вознаградить себя» за счет Приморья [38, д. 206, л. 169]. А это означало бы войну, причем войну, в которую царизм не считал для себя возможным вступить, ибо не видел никаких надежд на ее благоприятный исход.

В 1910 г. была разработана программа развития морских вооруженных сил на десять лет. На усиление Тихоокеанского флота предусматривалось израсходовать лишь 34,3 млн. руб. ¹; Балтийскому флоту предназначалось 640,7 млн. руб., Черноморскому — 56 млн. руб. (см. [202, с. 261]). Эти примеры наглядно свидетельствуют о том, что в правящих кругах России верх одержали сторонники ведения оборонительной политики на Дальнем Востоке. Поэтому почти ничего не было сделано и для укрепления сухопутных сил на Дальнем Востоке, а лишь распространен на Приамурский край закон о всеобщей воинской повинности, что давало возможность несколько увеличить контингент войск в мирное время и подготовить резерв.

Решения об укреплении Владивостока осуществлялись медленно, и работа не была завершена до 1917 г.

Предложение Японии было принято. Россия и Япония заняли идентичную позицию в отношении «плана Нокса». Японское правительство проецирует своего ответа на предложение Ф. Нокса заранее сообщило русскому послу в Токио. В свою очередь, русское правительство поставило в известность японское министерство иностранных дел о предполагаемом ответе США. Мотоно Итиро заявил Н. А. Малевскому-Малевицу в конце декабря 1909 г., что «американское предложение служит новым доказательством необходимости более тесного сближения между Россией и Японией, что почвой для того служат именно маньчжурские дела и охрана связанных с ними обоюдных интересов». Мотоно считал, что если соглашение 1907 г. имело негативный характер, то новое должно нести в себе положительное начало (см. [38, д. 206, л. 164]).

Влиятельнейшие представители правящих кругов Японии, чья деятельность отражала интересы монополий, имевших «свои дела» в Маньчжурии и Северном Китае, — Гото Симпэй, Ито Хиробуми, Иноуэ Ясуси и др. — особое внимание уделяли развитию экономических отношений с Россией. В письме к русскому послу 14 января 1910 г. Гото Симпэй подчеркивал, что только экономическое сближение двух стран приведет к их прочному политическому соглашению. Помимо вопросов, которые он ставил еще в ноябре 1909 г., Гото Симпэй высказал предложение об учреждении русско-японского пароходного общества в восточноазиатских водах, которое своими базами имело бы Владивосток и Шанхай. Отмечая существующую конкуренцию между

русским добровольным флотом и японской судоходной компанией «Осака Тёсэн кайся», Гото считал это явление весьма при- скорбным. Он указывал, что русско-японское пароходное обще- ство «могло бы монополизировать пароходство в Восточной Азии» (см. [38, д. 206, л. 168—174]).

Сторонником развития экономических взаимоотношений с Россией являлся и влиятельный гэнро — маркиз Иноуэ Ясуси. «Политическое соглашение, — говорил он Н. А. Малевскому-Малеви- чу в конце января 1910 г., — недостаточно для упрочения дружеских отношений между народами; надо, чтобы договоры покоились на взаимных материальных интересах: только тогда взаимные отношения действительно разовьются и окрепнут». Иноуэ Ясуси рисовал целую систему мероприятий по развитию взаимных отношений. «Было бы очень полезно... чтобы русские представители торговых, промышленных и финансовых сфер приезжали в Японию, а японские — в Россию... Чем больше бу- дет развиваться такое экономическое общение между Россией и Японией, тем прочнее станет их дружба». Он просил оказать всякое содействие главе крупнейшей торговой и банкирской фирмы Японии — барону Мицуи, которого он «угovarивал по пути в Англию заехать в Москву и Петербург» (см. [38, д. 206, л. 175]). Выступая за соглашение и экономическое сотрудниче- ство, японские капиталисты надеялись получить существенные выгоды за счет царской России.

Со своей стороны, беря курс на сближение с Японией, цар- ская Россия не хотела делать ей больших экономических усту- пок. Конкретные предложения, высказанные Гото Н. А. Малев- скому-Малевицу, вызвали ряд возражений со стороны промыш- ленных и финансовых кругов России. В письме к А. П. Изволь- скому от 14 декабря 1909 г. В. Н. Коковцев, касаясь предложе- ния Гото об улучшении сообщения между русской и японской железнодорожными линиями в Китае и о проходе японских ва- гонов по русской части дороги, считал его неприемлемым, по- скольку это поставило бы русские железнодорожные линии в менее выгодное положение по отношению к их японским конку- рентам. Не считал он возможным и принять предложение Гото о снижении тарифа на провоз шелка-сырца по русским желез- нодорожным линиям. Имелись возражения и по ряду других вопросов (см. [38, д. 206, л. 152—154]).

В ходе переговоров о новом политическом соглашении стало ясно, что Япония фактически намерена аннексировать Корею. А. П. Извольский в беседе с Мотоно Итиро 23 марта 1910 г. за- явил, что присоединение Кореи «может вызвать острое возбуж- дение нашего общественного мнения и вновь создать, но с еще большей силой, убеждение в агрессивных замыслах Японии по отношению к нам и нанести непоправимый удар политике рус- ско-японского соглашения и сближения». У А. П. Извольского осталось впечатление, что вопрос о Корее уже решен Японией. «Событие (т. е. аннексия Кореи.— Л. К.), — отмечал он в запис-

ке о беседе с японским послом, — будет критическим моментом не только в отношениях наших с Японией, но и во всем ходе дальневосточных дел» [38, д. 206, л. 202—203].

Однако реальное соотношение сил на Дальнем Востоке было таково, что России приходилось согласиться на аннексию Кореи Японией. Японские войска вышли непосредственно к русским границам, ухудшив военно-стратегические позиции России. Этот захватнический акт был согласован Японией еще в 1905 г. с правительствами США и Англии и поэтому не вызвал международных осложнений².

Но угроза нового русско-японского конфликта вызвала беспокойство в Лондоне и Париже, которые нуждались в русских армиях на Западе. Это учитывала и русская дипломатия.

9 декабря 1909 г. А. П. Извольский заявил английскому послу в Петербурге А. Никольсону, что обеспокоен поднявшейся в газетах шумихой об агрессивных намерениях Японии в отношении России. Он считал, что кампанию ведут лица, враждебные его политической линии, и что они пользуются поддержкой германской и австрийской прессы. (На карту была поставлена и личная судьба министра.) Поэтому он попросил А. Никольсона предпринять какие-либо меры «в Лондоне и, может быть, в Токио, чтобы развеять эти злонамеренные сообщения» [92, т. 8, с. 472].

Незамедлительно английскому послу в Токио Макдональду была дана инструкция обратиться к японскому министру иностранных дел Комура Ютаро с соответствующим запросом. Макдональд срочно встретился с Комура Ютаро и уже 13 декабря докладывал в Лондон, что «слухи о японских агрессивных намерениях в отношении России совершенно абсурдны». Более того, Комура Ютаро утверждал, что между Японией и Россией «не существует никаких проблем, которые могли бы вызвать хотя бы малейшую тревогу» [92, т. 8, с. 473]. Через полтора месяца, выступая в парламенте, он заявил, что отношения Японии с Россией становятся все более «сердечными и дружественными».

Под угрозой японского нападения царизм пошел по пути дальнейшего сближения с Японией.

4 июля 1910 г. министр иностранных дел России и японский посол Мотоно Итиро подписали в Петербурге новое русско-японское соглашение, которое состояло из двух текстов — открытого и секретного. Антиамериканский характер соглашения подчеркивался датой его подписания (день национального праздника США).

Опубликованная часть соглашения провозглашала отказ от конкуренции между железными дорогами, «поддержку статус-кво в Маньчжурии» и принятие мер, «если бы возникло обстоятельство, угрожающее статус-кво».

Секретное соглашение расширяло объем обязательств по конвенции 1907 г. и признавало право «принимать все необходимые меры» для ограждения «специальных интересов» и т. д. «В слу-

чае угрозы» обе державы должны были договориться о мерах взаимной поддержки [72, с. 176—177].

В отличие от конвенции 1907 г., где говорилось о «сферах влияния» (имелись в виду главным образом экономические интересы), здесь указывалось на «сферы специальных интересов», что включало всю совокупность политических, экономических и военных интересов. Это уже напоминало союз.

Со стороны русской буржуазии соглашение 1910 г. вызвало ряд критических замечаний. Так, газета «Речь» считала, что Япония добилась того, что ей не удалось сделать в Портсмуте, в несравненно более благоприятной для себя обстановке. Критикуя деятельность царской дипломатии, газета писала: «Сначала японцев убеждают в том, что мы на все дальневосточные дела хотим смотреть через их очки, а затем начинают хныкать о подробностях... и добиваются при этом весьма скудных, и то временных, уступок». Газета критиковала также подход правительства к разрешению корейской проблемы [437, 06.05.1910].

Выступая против значительных уступок России, газета «Новое время» в целом одобряла соглашение, подчеркнув общность интересов обеих держав на Дальнем Востоке. «Русско-японское сближение,— писала она,— отражается невыгодно на интересах всех тех, кто на вражде России и Японии строил планы собственного благополучия». Газета считала, что соглашение ликвидирует угрозу военного столкновения двух держав и, следовательно, «освобождает Россию и Японию от необходимости поддержания на необходимом уровне местных военных приготовлений» [430, 23.06.1910].

Буржуазная пресса Англии, Франции, Германии рассматривала русско-японское соглашение 1910 г. как ответ на предложение Ф. Нокса о «нейтрализации Маньчжурии». Известный специалист по дальневосточным проблемам Диллон писал, что «за этим соглашением последует дальнейший и действительно окончательный шаг — заключение союза» [458, 23.06.1910].

В Японии соглашение рассматривали как значительный успех японской дипломатии. Пресса откровенно писала, что улучшение русско-японских отношений создает условия для возобновления японо-английского договора, срок которого истекал в 1910 г., а также позволит направить финансовые ассигнования на строительство военно-морского флота и сократить расходы на сухопутную армию. «Осака Майнити» патетически писала, что соглашения Японии с Англией и Россией создали «великое политическое объединение», которое будет оказывать «решающее влияние на судьбы Восточной Азии» (цит. по [358, с. 344]).

В Париже и Лондоне с облегчением вздохнули. Сотрудник французского министерства иностранных дел заявил корреспонденту «Биржевых ведомостей», что Россия теперь окончательно сможет вернуться «домой, в Европу» [417, 29.06.1910] и оказывать давление на Германию и Австро-Венгрию. Председатель французской парламентской комиссии по иностранным делам

П. Дешанель во время парламентских дебатов выразил глубокое удовлетворение русско-японским соглашением. Французская пресса, в частности авторитетная газета «Тан», не скупилась на комплименты, подчеркивая значение соглашения для «укрепления мира» на Дальнем Востоке и усиления стран Антанты в Европе [38, д. 209, л. 29]. Чувство радости выразил министр иностранных дел Англии Э. Грей в беседе с русским послом в Лондоне А. Х. Бенкендорфом, при этом, правда, заметив, что английский кабинет стоит за политику «открытых дверей» в Маньчжурии [92, т. 8, с. 486]. Близкая к правительству «Таймс» писала, что соглашение является крупным событием мировой политики, которое было «сердечно» встречено во Франции и будет принято еще сердечнее в Лондоне. Другая газета, «Стандарт», утверждала, что именно в результате соглашения Россия «вновь приобретает все значение и вес великой европейской державы». Обе статьи были посланы А. Х. Бенкендорфом в Петербург [38, д. 209, л. 95—96].

Русский посол в США Р. Р. Розен, сообщая 26 июня 1910 г. в министерство иностранных дел о реакции американской печати на русско-японское соглашение, отмечал, что «комментарии печати сводятся к признанию поражения, нанесенного новой русско-японской конвенцией политике „открытых дверей Хэя“». Пресса признавала, что попытки проведения американской политики «открытых дверей» неминуемо должны были привести к сближению между Россией и Японией, если не прямо, то косвенно направленному против Америки (см. [38, д. 207, л. 48]).

Соглашение с Японией царизм использовал для проведения в Маньчжурии более активной политики. Отдельные группировки буржуазии осенью 1911 г. начали даже требовать присоединения Северной Маньчжурии к России или же «совместно с Японией аннексии Маньчжурии» (см. [428, 02.11.1911; 443, 28.10.1911]).

Передовые люди России резко выступили против захватнических намерений царизма, приветствуя развернувшуюся в Китае революцию 1911 г. Пражская конференция РСДРП приняла специальную резолюцию «О китайской революции», в которой клеймила поведение правительственных и либеральных газет, пропагандировавших отторжение от Китая пограничных с Россией областей [18, с. 155].

Синьхайская революция в Китае вызвала острую борьбу в правящих кругах Японии. Военно-феодалы, возглавляемые Кацура Таро и Ямагата Аритомо, требовали даже вмешательства в защиту маньчжурской династии. Однако требование было встречено возражениями со стороны буржуазных группировок, надевавшихся на дальнейшее ослабление Китая в результате будущей междоусобицы.

Правительство Кацура Таро ускоренными темпами осуществляло программу усиления армии и милитаризации страны. После окончания войны была принята так называемая «пост-

беллум» — программа чрезвычайных мероприятий общей стоимостью в 651 867 931 иену на 15 лет (1907—1921). Израсходовав в первые три года (1907—1909) почти половину суммы, правительство Кацура внесло ряд изменений в программу и увеличило ассигнования на ее реализацию на 10,5 млн. иен в 1908 г. и на 10,7 млн. иен в 1909 г. Огромные расходы на милитаризацию страны, строительство стратегических железных дорог в Корее и Маньчжурии создали напряженное положение в области финансов. В связи с этим правительство приняло решение о распределении предстоящих в течение последующих лет расходов более равномерно по отдельным годам. Завершение военных мероприятий было перенесено с 1917 на 1919 г., а «морской программы» — с 1913 на 1916 г. (см. [38, д. 206, л. 108—110]).

Однако мероприятия по сокращению расходов на вооружение, объявленные правительством под нажимом общественного мнения, в действительности касались лишь расходов по «мирным статьям», т. е. по строительству казарм, переобмундированию солдат и т. д. Издержки же на увеличение численного состава армии и перевооружение, а также на постройку военных кораблей не были сокращены. Как сообщала японская печать, далеко не все военные расходы публиковались для сведения общественности и официально включались в бюджет (см. [38, д. 217, л. 17]).

Опасаясь подъема в стране антивоенных настроений в связи с ростом налогов, правящие круги решили сменить правительство. Осуществив важнейшую задачу внешней политики Японии — аннексию Кореи, правительство Кацура Таро в августе 1911 г. ушло в отставку. К власти вновь призвали Сайондзи Киммоти, который слыл либералом и противником военщины. Новое правительство, столкнувшись с финансовыми затруднениями, решило пересмотреть сроки выполнения программы вооружений: были сокращены ассигнования на постройку двух военных кораблей и создание двух новых дивизий в Корее, на чем настаивало военное министерство.

Острая борьба в правящих кругах Японии по вопросу об отношении к революции в Китае привела к падению правительства Сайондзи Киммоти в декабре 1912 г. Военщина заставила военного министра отказаться от своего поста и тем самым вызвала падение кабинета.

С решительными возражениями против действий военных кругов выступили народные массы. По всей стране прошли митинги протеста против милитаризации страны и роста налогов. Правящие круги вновь призвали к власти представителя военных кругов Кацура Таро. Решение нового правительства увеличить налоги в феврале 1913 г. вызвало большие народные волнения в Токио, Осака, Кобэ, Киото, Хиросима. Особенно большой размах приняли волнения в Токио, где демонстрация трудящихся закончилась столкновением с полицией, разгромом редакций правительственных газет и т. д.

Правительство Кацура не смогло удержаться у власти. Новым премьер-министром был назначен представитель военно-морских кругов адмирал Ямамото Исироку, который поспешил увеличить ассигнования на военно-морское строительство. Новая волна народных волнений вынудила и Ямамото Исироку уйти в отставку. Сменивший его в апреле 1914 г. на посту премьер-министра Окума Сигэнобу, известный лидер либеральной оппозиции, повел политику, весьма схожую с политикой своих предшественников.

Смена кабинетов не меняла общего направления политики Японии в отношении России. В связи с дальнейшим обострением японо-американских противоречий японский империализм считал необходимым все шире привлекать Россию к борьбе против США. Анализируя обстановку в Японии, Н. А. Малевский-Малевич писал приамурскому генерал-губернатору 8 мая 1912 г.: «Японцы все более проникаются сознанием аналогичных и даже общих у них интересов с Россией на Дальнем Востоке. Если возможность столкновения с нами и учитывается ими... то едва ли можно сказать, что в этом заключается вся сущность японской политики». Вместе с тем тот же Малевский-Малевич считал, что, несмотря на общность политических целей по ряду вопросов, и в частности в отношении к Китаю и США, «было бы ошибкой преувеличивать значение японской дружбы и, полагаясь на нее, не заботиться об укреплении нашего военного положения в Приамурье для поддержания надлежащего равновесия сил с Японией» [38, д. 207, л. 2—3].

В целом соглашение 1910 г. способствовало улучшению русско-японских отношений, но не ликвидировало серьезных трений между двумя странами по некоторым вопросам, в частности по вопросу о рыболовстве японских рыбаков в русских территориальных водах. Дальнейшее усиление военно-политических и экономических позиций Японии в Северо-Восточном Китае и Корее вызывало беспокойство в русских буржуазных кругах. Действия японских капиталистов они рассматривали как нарушение принципа статус-кво в Маньчжурии, провозглашенного соглашением.

По своему значению соглашение 1910 г. между Россией и Японией выходило далеко за рамки дальневосточного региона и являлось важнейшим звеном консолидации стран Антанты перед германо-австрийской группировкой.

Русская литература и демократическое движение в Японии

После русско-японской войны в Японии появился целый ряд переводов произведений русских поэтов и писателей: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова, В. М. Гаршина, А. П. Чехова, В. Г. Короленко, М. Горького, А. И. Куприна, И. А. Бунина, Л. Н. Андреева, М. П. Арцибаше-

ва, Ф. К. Сологуба. Началось более обстоятельное изучение русской литературы в целом. Научным центром, в котором развивалось систематическое изучение русской литературы, стал один из крупнейших в Японии университетов — Васэда. На филологическом факультете было открыто отделение русского языка и литературы. Критико-публицистической трибуной стал издаваемый университетом журнал «Васэда бунгаку» («Литература Воэда»).

Упомянутый выше крупнейший писатель Японии Токутоми Рока после окончания русско-японской войны отправился в путешествие, как он назвал, «к святым местам» — в Иерусалим и Ясную Поляну. Встреча с Л. Н. Толстым и знакомство с его жизненными принципами произвели на него неизгладимое впечатление. Возвратившись в Японию, он решает порвать с буржуазным обществом, отказаться от писательской деятельности и жить трудом своих рук. На какое-то время он действительно поселяется в деревне, приписывается к местной общине и занимается крестьянским трудом, считая его единственно достойной для человека деятельностью. Правда, очень скоро он снова возвращается к писательской деятельности, поняв искусственность своего обращения к крестьянской жизни, но такая попытка говорит сама за себя. (К жизни в деревне под влиянием Л. Н. Толстого обратились и другие последователи его учения.) всю свою жизнь Токутоми Рока остался верен заветам своего учителя — непринятие зла и разоблачение жестокости современного буржуазного общества.

Со всей силой своего таланта Токутоми Рока, как и Толстой, выступил в защиту жертв реакции. В июне 1910 г. полиция арестовала группу социалистов во главе с Котоку Дэндзио. По сфабрикованному обвинению суд приговорил его и его товарищей к смертной казни. Сначала Токутоми Рока обратился к премьер-министру Кацура Таро с ходатайством об отмене смертного приговора, а после отказа — с открытым письмом к императору. Опубликованное в самой популярной в Японии газете «Асахи», письмо вызвало огромный общественный резонанс. Правительство изменило приговор: для половины осужденных смертная казнь была заменена пожизненным заключением. (Котоку Дэндзио и одиннадцать его соратников были повешены.) Токутоми продолжал выступать перед студентами Первой высшей общеобразовательной школы в Токио, резко критиковал правительство, говорил о необходимости революции человеческого сознания, духовной свободы и т. п. Он открыто осудил реакционный режим и его репрессии. «Протест Токутоми против смертной казни, — пишет академик Н. И. Конрад, — явился наиболее ярким проявлением революционного воздействия на него идей Толстого в той мере, в которой это воздействие могло вообще проявиться в кругах буржуазной интеллигенции» [216, с. 436].

В дальнейшем влияние Л. Н. Толстого в японском буржуаз-

ном общественном мнении нашло проявление главным образом в восприятии идей гуманизма в его моральном и общечеловеческом аспекте. Великий гуманизм русского писателя, с которым познакомился японский читатель, был представлен романом «Воскресение», опубликованном в переводе в 1908—1910 гг. Инсценировка романа, поставленная во вновь созданном Художественном театре в 1913 г., явилась крупнейшим общественным событием в стране. Успех пьесы был совершенно исключительным. Театр, разъезжая с инсценировкой романа по стране, создал этому произведению неслыханную популярность. Актриса Мацуй Сумако, сыгравшая роль Катюши Масловой, завоевала невиданную славу. Песенку Катюши благодаря удачному исполнению актрисы вскоре стала петь вся Япония. Эта песня популярна в Японии до сих пор. Еще больше усилился интерес к Л. Н. Толстому после того, как Художественный театр поставил «Живой труп» с Мацуй Сумако в роли цыганки Маши. Толстовские спектакли привлекли в число почитателей русского таланта сотни тысяч людей, увеличили число его читателей. Знакомство с произведениями Л. Н. Толстого стало своеобразным эталоном образованности и культуры в японском обществе.

Творчество Л. Н. Толстого повлияло и на японскую литературу предвоенного периода. Значительное общественное направление японской литературы, получившее название «гуманизм», возглавлял впоследствии (в 1910—1920 гг.) один из ведущих писателей Японии, Мусянокодзи Санэцу, который был также последователем Л. Н. Толстого. В отличие от Токутоми Рока в творчестве Толстого его привлекало не гневное обличение политического и общественного строя, а моральные идеи, гуманистический пафос. «Он воспринимал Толстого как проповедника „любви к человеку“, как певца высокого человеческого духа. Захватили его и мысли Толстого о необходимости жить своим трудом, отказавшись от личной собственности» [216, с. 442]. Мусянокодзи организовал движение за устройство трудовых земледельческих коммун, которые были созданы в 1918 г. В условиях буржуазного общества они оказались нежизнеспособными и вскоре распались, но главное состояло в том, что движение за коммуны явилось наглядным проявлением большого влияния идей Л. Н. Толстого на определенные слои японской интеллигенции. С 1910 г. Мусянокодзи издавал журнал «Сирокава» («Белая береза»), объединивший писателей, разделявших гуманистические идеи Толстого. В 1916 г. в Японии стал выходить специальный журнал «Торустой кэнкю» («Изучение Толстого»), что свидетельствовало о дальнейшем росте общественного интереса к творчеству великого русского писателя и передовой русской литературе.

В первом десятилетии XX в. критический реализм был основным направлением японской литературы. Русская литература, поднимавшая проблемы близкие к тем, которые волновали передовые слои японского общества, продолжала питать идеями

творчество японских писателей. В той или иной мере она стала близка японскому обществу. Переводить стали всех — от М. Горького до символистов. Чехов-драматург стал одним из самых близких для японской интеллигенции писателей. Пьесу «Вишневый сад» она смотрела «почти с тем же чувством, с каким смотрела ее русская интеллигенция того времени» [216, с. 419].

Огромную роль в пропаганде русской литературы в тот период сыграл Набори Сёку. Он выступал и как переводчик, и как критик-публицист, и как литературовед. В 1907 г. вышел в свет сборник статей по русской литературе 40—80-х годов XIX в., т. е. эпохи классического реализма, в 1908 г. опубликован первый сборник переводов рассказов отдельных писателей этой эпохи, названный по произведению Ф. М. Достоевского «Белые ночи». Ф. М. Достоевский уже был известен в Японии как автор романа «Преступление и наказание» (перевод с английского был опубликован в 1892 г.), который вызвал большой отклик в литературном мире Японии. Правда, он был необычен для японских читателей и не укладывался в привычные рамки их представлений о литературе. Поэтому был воспринят по-разному. Некоторые были напуганы беспощадной правдой романа, другие попадали под влияние гуманистического пафоса писателя. Их привлекала главным образом связь его творчества с жизнью, а не абстрактные, нравственно-религиозные мотивы.

Набори Сёку, воспитанный на произведениях русского классического реализма, тяготел к тем авторам, которые, как В. Г. Короленко, продолжали в новой обстановке традиции этого реализма. В 1910 г. он перевел «На дне» М. Горького, в 1912 г. — «Поединок» А. И. Куприна, в 1914 г. — «В дурном обществе» В. Г. Короленко, в 1916 г. — «Бывшие люди» М. Горького и «Дни нашей жизни» Л. Н. Андреева. В Японии произведения М. Горького стали появляться еще в конце 90-х годов XIX в. Ко времени русско-японской войны были уже известны ранние рассказы Горького «Челкаш», «Мальва», «Песня о Соколе», «Песнь о Буревестнике», «Легенда о Данко» и др. Набори Сёку старался переводить все, что в России привлекало внимание читателей и критики, в результате были переведены и такие произведения, успех которых в России был кратковременным и отражал различные настроения русской интеллигенции периода реакции, воцарившейся в русской жизни после поражения революции 1905—1907 гг. Большую роль в пропаганде русской литературы и распространении знаний о ней сыграла книга Набори Сёку (1915 г.) «Современные идейные течения и литература в России» (см. [323, с. 895]). В 1914 г. им был опубликован перевод «Униженных и оскорбленных» — одного из самых гуманистических произведений великого писателя.

В годы первой мировой войны и первые послевоенные годы особенно возрос интерес японского читателя к произведениям Ф. М. Достоевского. В истории Японии эти годы характеризова-

лись обострением классово-борьбы. Движение за демократизацию общественного и политического строя встречало ожесточенное сопротивление со стороны реакционных правящих кругов. Социальные романы Ф. М. Достоевского о «бедных людях», «униженных и оскорбленных» отвечали потребностям времени, выступления передовых людей за свободу и демократические права. Выдающийся деятель японской литературы Утида Роан усматривал глубокую связь «Преступления и наказания» с «Подпольной Россией» С. М. Степняка-Кравчинского. Творчество Ф. М. Достоевского осмысливалось применительно к явлениям общественной жизни страны, и поэтому, как и произведения Л. Н. Толстого, книги Ф. М. Достоевского оказывали громадное влияние на японского читателя.

Проникновение японцев на русский Дальний Восток

Территории русского Дальнего Востока и Восточной Сибири экономически были слабо освоенными. Обширные пространства Охотско-Камчатского края и Чукотки к тому же слабо контролировались русской администрацией, что создавало благоприятные условия для хищнической эксплуатации природных богатств и неэквивалентной торговли с туземным населением побережья. Иностранные предприниматели (японские, а также американские и английские) широко этим пользовались.

17 июня 1901 г. был принят закон о закрытии стоверстной прибрежной полосы Приморья для организации частных горно-промышленных, золотопромышленных и нефтяных предприятий, так как иностранные дельцы, часто через русских предпринимателей, не раз поднимали вопрос об отмене всяких ограничений для иностранного капитала в горной промышленности. Домогательства вначале были отвергнуты, но после русско-японской войны, в 1908 г., получение разрешений на занятие горным промыслом было облегчено.

Американский капитал в торговле Анадырско-Чукотского края занял господствующие позиции. Более 80% добываемой в крае пушнины, моржовых клыков и китового уса скупалось американскими торговцами. Они же снабжали население необходимыми вещами, выменивая драгоценные меха на дешевые товары широкого потребления. В 1911 г. был издан закон о таможенном осмотре иностранных судов, завозивших товары в порты русского побережья, но, как правило, американские торговцы его нарушали. Русские пограничные власти не имели достаточных сил для пресечения нарушений.

(Но в еще более широких масштабах развивалась японская экономическая экспансия, опиравшаяся на права и привилегии, полученные Японией по торговому договору 1907 г. и рыболовной конвенции 1907 г.)

Близость японских промышленных центров к русскому побе-

режью давала возможность вкладывать значительные средства в добычу и обработку рыбы, что приносило большую прибыль и в короткий срок.

В 1907 г. в Японии был создан союз рыбопромышленников, промышленявших в российской Приморской области. В 1911 г. образовалась рыбопромышленная акционерная компания для эксплуатации рыбных промыслов на русском Дальнем Востоке. Крупнейшие японские монополии «Мицуи» и «Окура» были ее участниками.

В 1914 г. группа японских капиталистов во главе с концерном «Кухара» организовала рыбопромышленную кампанию «Ничирогю-гио» с капиталом в 2 млн. иен. Компания арендовала 28 рыболовных участков на Камчатке и 2 участка вблизи Николаевска-на-Амуре. Постепенно она захватила ведущие позиции во всей японской рыбной промышленности на Дальнем Востоке. В послеоктябрьский период была основным партнером советских рыболовных организаций.

Крупные японские рыболовные компании оказывали значительное влияние на политику японского правительства, добиваясь выгодных условий для рыболовства и переработки рыбы на русском Дальнем Востоке. Японское правительство поощряло их деятельность, оказывало им финансовую поддержку. В результате количество рыбы, вывозимой японскими рыбопромышленниками с русского Дальнего Востока, только за 1907—1911 гг. возросло в 3 раза: с 2 млн. пудов в 1907 г. до 6,3 млн. пудов в 1911 г. Соответственно возросла и стоимость вывезенной рыбы: она увеличилась с 2,8 млн. иен в 1907 г. до 7,2 млн. иен в 1911 г. [281, прил., с. 34]. Значительная часть рыбы вывозилась для продажи в Китай и Корею.

Русские рыбопромышленники также увеличили добычу рыбы (в 1910 г. она составила 6,9 млн. пудов). Но в европейскую часть России было отправлено всего 1,7 млн. пудов [281, прил., с. 35]. Часть улова реализовалась на местном рынке, икра и консервированная рыба шла в Англию, но большая часть соленой рыбы вывозилась в Японию. Вывоз рыбы также находился в руках японских судовладельцев, что приносило им огромные прибыли.

Год от года японские рыбопромышленники расширяли свое влияние в рыбопромышленности русского Дальнего Востока. В 1910 г. в конвенционных водах русскими рыбопромышленниками было арендовано 22 рыболовных участка, японскими — 127, в 1913 г. русскими — 19 участков, японскими — 185. Рыбоконсервные заводы на Камчатке почти полностью стали собственностью японских предпринимателей. К 1917 г. они давали до 500 тыс. т рыбной продукции. (см. [202, с. 277]). Только в районах Камчатки японские рыбопромышленники имели до 200 шхун и несколько пароходов, вели меновую торговлю (торговали спиртным), оставляя на зиму своих агентов в камчатских селениях. В 1911 г. японские власти даже поставили вопрос об открытии на

Камчатке японских школ (см. [422, 28.05.1911]). Нарушения рыболовной конвенции приобрели массовый характер. Только в 1909 г. было зарегистрировано 183 случая. В ноябре 1910 г. русский посол в Японии Н. А. Малевский-Малевич писал в министерство иностранных дел, что «количество вылавливаемой японцами у наших берегов рыбы возрастает ежегодно в очень быстрой прогрессии и начинает принимать размеры, явно угрожающие нашим рыбным богатствам в тихоокеанских водах» [38, д. 917, л. 211].

В 1908 г. японское правительство ставило официально перед русскими властями вопрос о разрешении военным кораблям крейсировать в русских дальневосточных водах. Япония неоднократно в 1908—1909 гг. самовольно направляла военные корабли для охраны японских рыболовных судов, промышлявших в закрытых для рыболовства районах. Русские рыбопромышленники настойчиво и многократно обращались к правительству с требованиями положить конец японскому хищническому промыслу. Совет министров обсудил этот вопрос в марте 1908 г. и принял решение об усилении охраны Дальневосточного побережья. Но это решение так и осталось на бумаге: Россия не имела реальных средств для пресечения хищнических действий японских рыбопромышленников. Об этом откровенно сообщил министр иностранных дел С. Д. Сазонов Н. А. Малевскому-Малевичу в Токио. Он писал, что правительство не может принять решительных мер, так как это приведет к столкновению с Японией (см. [281, с. 35]). При том соотношении сил, которое к тому времени сложилось на Дальнем Востоке, это было бы безнадёжной попыткой.

На путях к военному союзу

Постепенно международная роль России восстанавливалась. Ее армия и флот усиливались. Укрепились ее союзнические отношения с Францией и Англией. Несмотря на то что центр тяжести внешней политики России находился на Ближнем Востоке и на Балканах, вопросы дальневосточной политики привлекали значительное внимание буржуазно-помещичьих кругов и соответственно царской дипломатии. Новый министр иностранных дел С. Д. Сазонов, сменивший А. П. Извольского, несколько раз выдвигал предложение о заключении тройственного соглашения между Россией, Японией и Китаем с целью сохранения статус-кво на Дальнем Востоке. Как указывалось выше, с этой идеей выступал в 1909 г. и Извольский.

В 1911 г. в русских дипломатических кругах выдвигалась идея объявления Дальнего Востока нейтральным в случае возникновения войны в Европе.

В письме к председателю совета министров В. Н. Коковцеву в январе 1912 г., исходя из учета взаимоотношений России с

Японией и Китаем, С. Д. Сазонов сформулировал задачи русской дальневосточной политики. В отношении Японии он считал, что политические конвенции 1907 и 1910 гг. дают возможность России не опасаться ее агрессивных намерений в ближайшем будущем до тех пор, пока Россия не выступит противником японской политики в Китае. В отношении Китая основной задачей русской дипломатии является поддержание статус-кво в Маньчжурии и в Монголии для обеспечения возможности для России укрепить свои дальневосточные владения (см. [202, с. 371]).

Японское правительство перестало посылать военные корабли в акваторию Охотско-Камчатского края. В 1911 г. как фактор смягчения отношений можно отметить подписание реакционного соглашения о взаимной выдаче «политических преступников» и лиц, виновных в покушении на монархов.

В июне 1911 г., после длительных пятилетних переговоров, между Японией и Россией были подписаны две конвенции: 1) о взаимной охране торговой и промышленной собственности граждан одной страны на территории другой и 2) взаимной охране промышленной собственности граждан договаривающихся сторон на территории Китая. (В подписании первой конвенции были заинтересованы японцы, создавшие на русском побережье в Приморье и на Камчатке крупные предприятия по переработке и консервированию рыбы.)

В том же году в Петербурге было образовано русско-японское общество, имевшее целью способствовать развитию русско-японской торговли, которая значительно сократилась после отмены порто-франко в 1909 г. В Японии же было реорганизовано японо-русское общество. Его руководителем стал известный политический деятель, бывший военный министр Тэраути Масатакэ.

Но, стремясь к известному сближению с Россией, японский империализм не прекращал наращивать свои вооруженные силы на Дальнем Востоке и после подписания соглашения 1910 г. Угрозой нападения Япония заставляла Россию на Дальнем Востоке следовать в русле японской политики.

В России не переставали опасаться укрепления военно-стратегических позиций Японии в Маньчжурии и Северной Корее. Но и в Японии точно также внимательно следили за всякого рода мероприятиями по укреплению позиций России на Дальнем Востоке.

В 1912 г. между Россией и Японией как развитие предшествующих соглашений была подписана секретная конвенция о размежевании сфер влияния во Внутренней Монголии. Восточная часть рассматривалась сферой интересов Японии, Западная — России. (Попытки царизма добиться включения Синьцзяна в признанную сферу своего влияния были отвергнуты японской стороной.)

Соглашение было направлено против наступления американ-

ского империализма, стремившегося укрепить свои позиции в Северо-Восточном Китае и Внутренней Монголии⁴.

Стремясь воспользоваться слабостью правительства Китая после революции 1911 г., Япония неоднократно ставила перед Россией вопрос об аннексии Южной Маньчжурии и ее разделе. Но царское правительство, занятое проблемами Балкан и Ближнего Востока, уклонялось от ведения переговоров по этим вопросам. Русская буржуазия с трудом удерживала позиции, ранее захваченные в Китае.

В 1912 г. состоялась поездка в Европу бывшего премьер-министра и фактического лидера военной партии Кацура Таро. (Довольно распространенный прием в японской дипломатической практике.) Японские правящие круги рассчитывали добиться согласия царского правительства на аннексию Маньчжурии. Такое же согласие они надеялись получить и от Франции.

В Петербурге Кацура Таро встречался с министром иностранных дел С. Д. Сазоновым и председателем совета министров В. Н. Коковцевым. Кацура заявил, что «он предвидит возможность наступления такого момента, когда России и Японии силой вещей придется перейти к более активной политике в Маньчжурии и к военному занятию каждой из них некоторых пунктов в сфере ее влияния» [56, сер. 2, т. 20, ч. 1, с. 76]. С. Д. Сазонов и здесь не поддержал предложения об оккупации Маньчжурии. В то время царское правительство вело переговоры с Китаем по вопросу об автономии Внешней Монголии⁵ и не хотело отягчать проблему конфликтом из-за Маньчжурии. Не давая решительного отказа японскому эмиссару, С. Д. Сазонов весьма неопределенно пообещал «прозондировать» почву в Англии, куда он собирался в октябре 1912 г. Очевидно, обещания он не собирался выполнять. Во всяком случае, в беседах с руководителями английского правительства вопрос об оккупации Маньчжурии не поднимался (см. [56, сер. 2, т. 20, ч. 2, с. 457—466]).

Другие столицы Кацура Таро не удалось посетить. Умер император, и он вернулся на родину, где был назначен на пост хранителя печати — важная должность, близкая к особе императора. В начале сентября 1912 г. он обратился к послу Н. А. Малевскому-Малевичу с теми же вопросами; но теперь речь шла уже об отторжении от Китая не только Маньчжурии, но и Тибета и Монголии [38, д. 920, л. 65]. Однако русское правительство не могло согласиться с этими предложениями, осуществление которых привело бы к обострению отношений со многими державами. В японских милитаристских кругах это вызвало озлобление.

В 1911 г. Государственная дума утвердила законопроект «О правилах морского рыболовства в Приамурском генерал-губернаторстве». Вводилась 12-мильная зона территориальных вод (вместо 3-мильной), что позволяло усилить контроль за японским рыбным промыслом и облегчить борьбу против незаконной торговли иностранных купцов в водах Японского, Охотского и

Берингова морей. Предусматривался также ряд мер, ограничивающих хищнический лов.

Японское правительство в нарушение норм международного права, предусматривающих суверенные права государств в определении ширины территориальных вод, заявило официальный протест. Против решения русского правительства выступили также Соединенные Штаты Америки и Англия. Началась новая волна антирусских выступлений в японской прессе, особенно усилившаяся во второй половине 1913 г. Военная группировка сознательно раздувала кампанию с тем, чтобы добиться увеличения сухопутной армии на две дивизии, которые предполагалось разместить в Корее.

В ноябре 1913 г. японский посол в России Мотоно Итиро, игнорируя дипломатические приличия и свой статус посла, опубликовал в газете «Иомиури» статью, в которой призывал к дальнейшему вооружению Японии, в том числе и против страны его аккредитации — России. После такого рода выступления обычно следует объявление дипломата *персоной нон грата*, но царское правительство, опасаясь дальнейшего обострения отношений с Японией, не реагировало на этот выпад.

В Японии вышла книга «Будущая русско-японская война». Автор доказывал, что Япония потерпит поражение, если не примет решительных мер для увеличения сухопутной армии. Появились статьи, в которых совершенно преувеличенно изображались те минимальные меры, которые предпринимало царское правительство по укреплению своих позиций на Дальнем Востоке.

Царское правительство было встревожено размахом антирусской пропаганды.

По поручению министерства иностранных дел русский посол Н. А. Малевский-Малевиц в ноябре 1913 г. посетил премьер-министра Японии адмирала Ямамото и поставил перед ним вопрос о перспективах русско-японских отношений. Ямамото заверил посла в мирных намерениях его правительства и желании поддерживать с Россией «нормальные отношения» [38, д. 921, л. 405].

Однако, несмотря на заверения Ямамото, антирусские выступления продолжались, в том числе последовали и выступления членов правительства. Так, в 1914 г. военный министр генерал Косуноске заявил в парламенте, что вероятным противником Японии будет Россия. Министр земледелия и торговли Окура, являвшийся к тому же лидером одной из самых крупных помещичье-буржуазных партий — «Досикай» (сменил Кацура Таро на этом посту), предсказывал, что вторая война между Японией и Россией начнется через несколько лет. В ответ на вопрос русского посла премьер-министр заявил, что такие сообщения о речи Окура якобы «лишены оснований», что в парламенте тот говорил о желательности крепить дружбу с Россией [56, сер. 3, т. 5, с. 315].

Однако все эти выступления свидетельствуют о том, что накануне первой мировой войны русско-японские отношения претерпели изменения в сторону их ухудшения.

Строительство военных сооружений, усиление армии в Корее и Маньчжурии продолжались прежними темпами. Русский генеральный консул в Сеуле Я. Я. Лютша 12 декабря 1913 г. сообщал, что дорожное строительство идет прежними темпами и «особое внимание посвящено северу Кореи... если принять во внимание, что и морские сообщения на севере Кореи в руках субсидируемого правительством японского пароходного общества, которое с каждым годом все более усиливает свои средства сообщения, можно безошибочно, думаю, сказать, что южная граница нашего Приамурья с Кореей пользуется со стороны японцев сугубым вниманием» [38, д. 23, л. 246—247].

Донесения русских консулов из Кореи с 1906 г. и вплоть до Октябрьской революции полны сообщений о строительстве Японией казарм, укрепленных пунктов и шоссежных дорог военно-стратегического значения. Даже в 1917 г., после тяжелых поражений России на фронтах мировой войны, когда она уже не могла помышлять о каких-либо выступлениях против Японии, японское правительство внесло на утверждение сессии парламента проект об укреплении границ Кореи (на что запросило 30 млн. иен) и о сооружении военного арсенала стоимостью свыше 2 млн. иен [38, д. 23, л. 246—247]. Совершенно ясно, что здесь нельзя было даже прикрыться обычным для японских милитаристов утверждением о том, что Россия угрожает японским позициям.

Мировую войну японский империализм решил использовать для осуществления своих захватнических планов в Китае и нового нажима на Россию. Японские правящие круги не теряли надежды навязать царской России требования, которые были предъявлены еще в 1905 г. в Портсмуте, а также привлечь царизм к более активному сопротивлению американскому империализму в Китае, где борьба среди империалистов все более обострялась.

Первая мировая война способствовала росту экономического и военного могущества Японии. Военные заказы стран Антанты, возросший спрос на японские товары на азиатских рынках (Англия, Россия, Франция, Нидерланды, а затем и США — основные экспортеры — были заняты войной) стимулировали развитие японской промышленности. Капитал японских акционерных компаний увеличился с 1195 млн. иен в 1914 г. до 4641 млн. иен в 1919 г. [189, с. 475]. Число рабочих возросло с 900 тыс. в 1913 г. до 1,4 млн. в 1918 г. Значительно возросли государственные доходы — с 722 млн. иен в 1913/1914 фин. г. до 813 млн. в 1916/1917 фин. г. Возрос золотой запас. Несмотря на быстрый рост производства, объем производимых материалов, особенно в тяжелой промышленности, далеко отставал от уровня развитых стран. Так, в 1913 г. в Японии было выплавлено 243 тыс. т. чугу-

на, а в 1918 г. 606 тыс. т. Стали было выплавлено соответственно 255 тыс. и 878 тыс. т [291, с. 51].

Ход военных действий, особенно на западном фронте осенью 1914 г. был неудачным для стран Антанты. Правительство Франции, стремясь добиться военной поддержки со стороны Японии, выдвинуло предложение о создании четвертого англо-франко-японо-русского союза. Царское правительство активно поддержало французскую инициативу в ответ на требование Англии и Франции активизировать русский фронт для спасения Парижа.

Однако английское правительство не захотело поддержать эту идею. Английский посол в Петербурге по поручению министра иностранных дел заявил, что Э. Грей предпочел бы, чтобы «японские армии сражались на русском фронте» [56, сер. 3, т. 6, ч. 1, с. 206]. Британская дипломатия со своей стороны опасалась, что Япония за свое реальное участие в войне потребует уступок за счет английских владений в Азии.

Японцы (вскоре после начала войны) стали «прошупывать» реакцию России на их предложение послать войска на русско-германский фронт. Начальник русского генерального штаба Янушкевич, однако, не без оснований полагал, что продвижение японского экспедиционного корпуса через Сибирь небезопасно для самой России «ввиду невозможности вполне доверять японцам и отсутствия русских войск в Сибири» [56, сер. 3, т. 6, ч. 1, с. 207]. На запрос С. Д. Сазонова посол Н. А. Малевский-Малевич сообщил из Токио, что проект посылки японских войск в Европу не встречает «сочувствия в оппозиционном парламентском большинстве сэйюкай», а вопрос о посылке японского экспедиционного корпуса в Россию не обсуждался в правительстве [56, сер. 3, т. 6, ч. 1, с. 286]. Таким образом, можно предположить, что зондаж был сделан с целью продемонстрировать дружеское отношение к России.

Франция же, терпевшая поражения от немецких армий, стала добиваться привлечения к военным действиям в Европе японских войск, обещая предоставить Японии торговые льготы в Индокитае, дать займы для освоения Маньчжурии и Кореи, а также оказать дипломатическую поддержку Японии в осуществлении ее давнишних планов о разделе с Россией сфер влияния в Маньчжурии [133, с. 260].

Французский министр иностранных дел Т. Делькассе в декабре 1914 г. вступил в переговоры с Англией и Россией о привлечении японских войск к участию в войне в Европе и заключении четверного союза [56, сер. 3, т. 6, ч. 2, с. 204]. Но старания английской и французской дипломатии не привели к успеху. Министр иностранных дел Японии Като Такааки заявил английскому представителю, что Япония не может послать войска в Европу, так как вынуждена сохранять крупные силы на Востоке для защиты своих насущных интересов [56, сер. 3, т. 6, ч. 2, с. 214].

С. Д. Сазонов еще раз поставил вопрос о четверном союзе, стараясь избежать двустороннего соглашения с Японией, которая могла навязать условия в ущерб интересам России.

Англичане на этот раз согласились поддержать Россию. Активно действовала французская дипломатия, добиваясь привлечения на западный фронт 400 тыс. японцев. В январе 1915 г. японцы сообщили французам, что согласны послать свои войска во Францию при условии: «1) неприкосновенности Китая и участия Японии на равных основаниях в экономических предприятиях держав в Китае; 2) займа в 80 млн. ф. ст. в течение двух лет...; 3) разрешения вопроса о японской иммиграции в английские колонии» [56, сер. 3, т. 6, ч. 2, с. 342]. Франция соглашалась принять первые два пункта. Третий зависел от Англии. Но Англия не проявила желаний поступиться своей гегемонией в Китае в пользу Японии. Не желала она и создания четверного союза: он укрепил бы позиции Японии против Соединенных Штатов, что вызвало бы недовольство США и отрицательно сказалось бы на финансовой и экономической помощи, получаемой Великобританией от американского правительства. Кроме того, против допуска японских иммигрантов в английские колонии могли возражать британские доминионы. Россия не возражала против отправки японских войск на западный фронт, но, как заявил русский посол в Лондоне А. Х. Бенкендорф 10 января 1915 г., «помощь со стороны японской армии в России признается нежелательной» [56, сер. 3, т. 6, ч. 2, с. 345].

В действительности и теперь японское правительство не собиралось посылать свои войска на западный фронт. Победа или поражение стран Антанты ее мало тревожили; в любом случае Япония рассчитывала использовать войну на западе для укрепления своих позиций в Китае и на Дальнем Востоке. Дипломатическое маневрирование позволило японскому правительству усвоить, что положение Антанты в Европе тяжелое и что Англия, Россия и Франция не смогут всерьез противиться японскому наступлению на Китай.

В июне 1915 г. японский парламент утвердил законопроект о дополнительных военных расходах на формирование двух новых дивизий для Кореи, что являлось частью большой военной программы, принятой еще в 1906 г. Военное министерство добивалось увеличения сухопутной армии мирного времени с 19 до 25 дивизий (см. [56, сер. 3, т. 6, ч. 2, с. 345]).

Вынужденный союз

Между тем Япония навязала Китаю «21 требование», чем сильно подорвала английские позиции в Китае. Это ухудшило англо-японские отношения.

Однако русская и французская дипломатия продолжали зондировать почву о возможности присоединения Японии к союзу

со странами Антанты. К тому времени и положение на фронтах несколько стабилизировалось. Расчеты немцев на быстрый разгром союзников рухнули. Постепенно в войну втягивались Соединенные Штаты.

Новый министр иностранных дел Исии Кикудзиро полагал, что приобщение Японии к Антанте сделает Японию союзником России и Франции и тем самым усилит ее позиции на будущей мирной конференции. В августе 1915 г. Исии вступил в переговоры с министрами иностранных дел России и Франции относительно присоединения к Лондонской англо-франко-русской декларации от 4 сентября 1914 г. о незаключении сепаратного мира с Германией. Исии обусловил присоединение Японии к декларации официальным приглашением со стороны государств Тройственного соглашения (Антанты).

У Франции еще сохранялись иллюзии о возможности привлечь японские войска к сражениям в Европе. 19 октября 1915 г. Япония официально объявила о своем присоединении к англо-франко-русской декларации от 4 сентября 1914 г., но активной помощи ни одному из союзников не оказала. Японское правительство затягивало даже поставки оружия и боеприпасов, хотя в обещаниях не было недостатка. Оно ожидало исхода боев на русском и западном фронтах. И только после того как Германии не удалось достичь решающих побед в 1914 г., оно стало продавать оружие России и Англии⁶.

Японцы сбывали значительное количество устаревшего оружия по завышенным (почти вдвое) ценам и получали на этих операциях многомиллионные прибыли.

Крупнейшее за всю войну летнее наступление 1915 г. немецко-австрийских армий на Восточном фронте против России привело к большим потерям в людской силе и оружии. Вновь мобилизованных солдат нечем было вооружать. Поэтому в августе 1915 г. министр иностранных дел России С. Д. Сазонов обратился с просьбой к японскому правительству о немедленной продаже России 1 млн. винтовок. В разговоре с японским послом Мотоно Итиро русский министр дал понять, что за эту услугу царское правительство готово уступить часть КВЖД в Маньчжурии и причислить ее к Японской сфере влияния. Министр говорил о «пользе и необходимости тесного политического единения России и Японии» [56, сер. 3, т. 7, ч. 1, с. 66, 80].

Обращение к Японии было поддержано Англией и Францией.

Прошло более десяти дней. 22 августа японский премьер-министр граф Окума Сигэнобу заявил русскому послу Н. А. Малевскому-Малевичу, что просьба русского правительства обсуждалась в верхах и верхи приняли решение усилить работу государственных оружейных заводов и привлечь к производству частных предпринимателей, отказавшись от государственной монополии на производство вооружения. Но немедленно Япония не может продать ничего из опасения ослабить свою армию. В заключение разговора японский премьер дал послу примечатель-

ный совет — послать на Западный фронт русские войска с Дальнего Востока. «Японская армия,— заверил он,— в случае надобности готова принять на себя поручение поддержать порядок» на русских дальневосточных территориях [56, сер. 3, т. 7, ч. 1, с. 120—121].

Через три дня Окума Сигэнобу еще раз подтвердил Н. А. Малевскому-Малевицу, что Япония может поставлять России оружие только по мере его изготовления на японских заводах⁷.

Русское командование такой ответ не мог удовлетворить. Переписка между правительствами продолжалась и позже. В октябре 1915 г. Япония обязалась поставить России 2 млн. японских винтовок в течение четырех лет. С. Д. Сазонов предложил компромисс: немедленная поставка 200 тыс. винтовок, а остальные в течение четырех лет, с тем чтобы обеспечить японскую промышленность заказами. Япония не пошла и на это. Правительство обещало поставить 200 тыс. винтовок лишь через два года (в июне—сентябре 1917 г.). (По данным бывшего министра иностранных дел Японии Исии Кикудзиро, Япония продала России оружия и снаряжения на сумму в 300 млн. иен [117, с. 85].)

Японская пресса и различные общества, выражавшие мнение буржуазных кругов, уже в 1915 г. начали широко обсуждать характер русско-японских отношений, требуя ряда уступок со стороны царской России «за дружественные услуги в текущей войне», таких, как передача южной ветви КВЖД, дальнейшее расширение японского рыболовства по побережью русского Дальнего Востока, предоставление японскому капиталу возможностей для крупных вложений в экономику Северной Маньчжурии и т. д.

Из-за ослабления России после тяжелой войны с германо-австрийским блоком в русской прессе также стали появляться статьи о перспективах развития русско-японских отношений. Мнения разделились. В феврале 1915 г. П. Ф. Унтербергер, бывший генерал-губернатор Приамурья, направил записку председателю совета министров И. Л. Горемыкину. Он утверждал, что Япония, используя выгодную для нее обстановку, добивается не только расширения своих позиций в Китае, но и стремится оттеснить Россию от берегов Тихого океана. Исходя из этого, он считал момент неподходящим для переговоров о русско-японском сближении и предлагал отложить их до окончания войны и возвращения русских войск в Сибирь и на Дальний Восток (см. [202, с. 521]). С. Д. Сазонов высказался против позиции П. Ф. Унтербергера. В письме на имя И. Л. Горемыкина он настаивал на необходимости сближения с Японией. В Государственной думе министр заявил: «Нынешние наши фактические союзные отношения с Японией должны явиться преддверием еще более тесного единения» [56, сер. 3, т. 8, ч. 2, прим., с. 53].

Сигнал из Петербурга не остался незамеченным. В том же месяце японский посол в Париже Исии Кикудзиро, назначение

которого на пост министра иностранных дел уже было предreshено, заметил русскому послу в Париже, бывшему министру иностранных дел А. П. Извольскому, о своем намерении «содействовать тесному сближению» с Россией, как только станет министром.

В сентябре 1916 г. горячий сторонник русско-японского сближения для борьбы с проникновением американцев на Дальний Восток барон Гото Симпэй⁸ посетил русского посла и сообщил, что по приезде в Токио нового министра иностранных дел Исии будет обсуждаться вопрос о заключении русско-японского союза [56, сер. 3, т. 8, ч. 2, с. 326—327]. В беседах с послами Англии, Франции и России в сентябре 1915 г. премьер-министр Окума Сигэнобу говорил, что русское правительство может в любое время поднять вопрос о заключении союзного договора с Японией [56, сер. 3, т. 8, ч. 2, с. 413—414]. Но японская дипломатия хотела, чтобы инициатива исходила от царского правительства. Активность японской дипломатии объяснялась тем, что Россия устояла перед ударами германской армии и собирала силы для дальнейшего продолжения войны. Однако ослабленная Россия (до победы было далеко) представлялась подходящим партнером для переговоров о соглашении, выгодном Японии.

С целью ускорить получение от Японии вооружения и использовать японо-американские противоречия русский министр иностранных дел С. Д. Сазонов обратился к японскому послу с предложением начать переговоры о заключении нового русско-японского соглашения.

Вскоре последовало приглашение великому князю Георгию Михайловичу посетить Японию. В декабре 1915 г. состоялась его поездка. Официально он ехал, чтобы поздравить японского императора с вступлением на трон и выразить признательность за помощь России. Его сопровождал советник дальневосточного отдела министерства иностранных дел Козаков, который начал вести предварительные переговоры о заключении русско-японского союза. Козаков особенно настаивал на получении оружия, прежде всего винтовок, и заявил о готовности русского правительства пойти на компенсации, не задевающие суверенных прав России. В ответ Исии предложил заключить союзный договор и одновременно с этим «решать другие проблемы» [38, д. 213, л. 19—20].

В ходе переговоров Козакова с министром иностранных дел Исии и генерал-губернатором Кореи Тэраути Хисати выяснилось, что претензии так называемого общественного мнения Японии, высказанные в печати, вполне разделяются японским правительством. Через несколько дней японский чиновник Адати спросил Козакова, «согласно ли русское правительство уступить Японии всю южную ветку КВЖД или же только часть ее, лежащую в японской сфере». Козаков ответил, что в его беседах с Мотоно Итиро «речь шла только о части этой ветки, к югу от Сунгари, где ее присутствие в японской сфере может представ-

лять для японцев некоторые неудобства» [53, 1929, т. 1 (32), с. 10—11].

18 февраля 1916 г. Мотоно Итиро передал в русское министерство иностранных дел ноту, содержащую официальное предложение вступить в переговоры о заключении русско-японского союзного договора. В качестве обязательных условий Япония требовала предоставления дальнейших льгот в области рыболовства и торговли и передачи Японии части КВЖД от Харбина до Чанчуня (см. [38, д. 213, л. 19—21]).

Переговоры велись в Петербурге и Токио через послов.

В ходе переговоров в мае 1916 г. японский посол Мотоно Итиро в угрожающем тоне фактически потребовал прекращения поощрения со стороны русского правительства рыболовной деятельности русских промышленников в дальневосточных водах, предоставления Японии новых концессий на рыболовство, облегчения таможенных тарифов и передачи Японии всей южной ветки КВЖД (см. [38, д. 213, л. 22—23]), взамен предлагая поставить России лишь 120 тыс. винтовок и 60 млн. патронов.

Царское правительство вынуждено было обратиться за поддержкой в Париж и Лондон, опасаясь, что Япония воспользуется занятостью царизма войной на Западе с Германией для захватов на русском Дальнем Востоке и в сферах влияния России.

В ходе дальнейших переговоров японские представители предлагали 100 млн. руб. за ветку от Куанченцзы до Сунгари. Однако согласие министра иностранных дел С. Д. Сазонова уступить часть южной ветки КВЖД между Куанченцзы и Сунгари в качестве «ответной услуги» за поставки оружия и военных припасов (см. [38, д. 213, л. 63—65]) встретило решительное возражение со стороны представителей русской буржуазии.

В прошлом крупный банкир, непосредственно связанный с торгово-промышленными кругами России, министр финансов П. Л. Барк⁹ решительно высказался против таких действий дипломатического ведомства. В записке, адресованной С. Д. Сазонову, он подчеркивал, что и без того японские дельцы имеют «громадные преимущества в соперничестве с нами, противопоставить коим мы можем лишь обладание сохранившимся в наших руках» участком дороги от Чанчуня до Харбина. Это дает возможность путем тарифных мер парализовать усиление Японии и удержать в сфере коммерческого влияния КВЖД районы Северной Маньчжурии. Ссылаясь на Портсмутскую конференцию, где японские уполномоченные настаивали на этом требовании, П. Л. Барк указывал, что Япония не добилась получения этого участка дороги даже после удачной для нее войны, и нарисовал картину тяжелых для России последствий передачи названного участка дороги Японии. Передача железной дороги до станции Сунгари обеспечит проникновение японских капиталистов в Северную Маньчжурию и появление японских судов на р. Сунгари, что приведет к упадку как КВЖД, так и Уссурийской дороги и особенно Владивостокского порта, так как основные потоки то-

варов из Маньчжурии пойдут не в Хабаровск и Владивосток, а по р. Сунгари и через Дайрен. Результатом явится подрыв экономики Приморского региона и установление контроля Японии над всей Маньчжурией. Называя этот участок дороги «буфером, задерживающим проникновение японцев в зону наших непосредственных интересов», он рассматривал его как одно из основных условий, обеспечивающих возможность борьбы с водворением иностранных товаров на маньчжурский рынок. Тяжелых политических последствий можно ожидать и в отношениях России с Китаем, который поймет этот акт России как дальнейшее отступление под нажимом Японии. И в заключение министр спрашивал: «Не придется ли нам пойти на какие-либо серьезные уступки в пользу других наших союзников?» (см. [38, д. 213, л. 67—73]).

Требования Японии вызвали возмущение и в кругах русской буржуазии. Козаков в записке министру иностранных дел от 12 июня 1916 г. писал: «Можно предполагать, что никому не покажется чрезмерным, если в виде ответной услуги мы сделаем облегчение для японской рыбной промышленности, понизим тариф на некоторые предметы японского ввоза или согласимся на установление прямого товарного сообщения между русской и японской железными дорогами, чего давно домогаются японцы. Другое дело — уступка ветки КВЖД. Поставки оружия никак не могут служить эквивалентом для этого». Поэтому Козаков считал необходимым потребовать за уступку железнодорожной ветки ряд дополнительных условий, в том числе включение Северной Маньчжурии в русские таможенные границы (см. [38, д. 213, л. 85, 86]).

Встретив сопротивление со стороны России, японские дипломаты пытались торговаться, предлагая увеличить поставку вичтовок на 30—50 тыс. [38, д. 213, л. 93]. В конце концов Россия не согласилась на продажу этой ветки.

Подписанная 3 июля 1916 г. конвенция устанавливала, что Россия и Япония не будут принимать участия в какой-либо политической комбинации, направленной против одной из договаривающихся сторон на Дальнем Востоке, а в случае угрозы со стороны третьей державы стороны соглашались обсудить меры совместной защиты. Приложенный к конвенции секретный договор предусматривал взаимную военную помощь, «если вследствие мер, принятых по взаимному соглашению» для того, «чтобы Китай не подпал под владычество какой-либо третьей державы, враждебной России и Японии, будет объявлена война одной из договаривающихся сторон» [72, с. 191]. Это означало признание японского преобладания в Китае с обязательством оказывать содействие сохранению этого преобладания. Это был военный союз, направленный не только против китайского народа, но и против США, а также, как указывал В. И. Ленин, «до известной степени и против Англии» [24, с. 188].

Япония не брала обязательств по сохранению статус-кво в

Китае, что давало ей возможность опираться на союз с Россией для противодействия США и Англии.

Заключая союзный договор с царской Россией, Япония надеялась после войны занять на русском рынке место Германии. Об этом откровенно заявил японский премьер на банкете, устроенном союзом торговых палат по случаю заключения договора. Принц Канин в сопровождении многочисленных экспертов совершил поездку по России с целью выяснения возможностей для будущего экономического проникновения в страну (см. [184, с. 169]).

Для русского империализма новая конвенция о союзе была крайне невыгодной: со стороны Японии обязательство прийти на помощь в Китае не было реальным, ибо интересам царизма в Западном Китае, Внешней Монголии и Северной Маньчжурии угрожал прежде всего японский империализм. Царизм пошел на подобное соглашение из-за опасений военного нападения со стороны Японии на русский Дальний Восток в то время, когда Россия воевала. Царизм не был в состоянии защитить себя от угрозы японской агрессии и надвигавшейся революции.

После подписания договора и в начале 1917 г. продолжались переговоры относительно поставок японского оружия. Но поскольку японское правительство выдвинуло еще более неприемлемые для России требования — разоружение фортов Владивостока и ликвидация военно-морской базы во Владивостоке (см. [354, с. 74]), — в дальнейшем она вообще перестала обращаться к Японии за дополнительными поставками оружия.

Царское правительство (а затем и Временное) продолжали размещать краткосрочные займы в Японии, выплачивая высокие проценты (7% годовых). Общая задолженность России к ноябрю 1917 г. превысила 250 млн. иен, из них краткосрочные обязательства составляли 123,4 млн. иен [269а, с. 503]. Россия превратилась в выгодный рынок помещения капиталов и предпринимательской деятельности.

В январе 1916 г. премьер-министр Японии Окума Сигэнобу в интервью с журналистами газеты «Кокумин» говорил, что японцы вполне могут заменить немцев, которые ранее создали в России много предприятий. При этом он ссылаясь на обещания царского правительства предоставить японским капиталистам различные льготы на северной половине о-ва Сахалин, а также сдать в концессии рудные, лесные и нефтяные месторождения. В заключение Окума сказал, что Япония может повышать свое благосостояние за счет чужой территории (см. [444, 12.01.1916]).

В годы войны Россия стала важным рынком сбыта для японской промышленности, отчасти, правда, за счет поставок оружия и снаряжения для царской армии. По японским данным, японский вывоз в Россию возрос с 12,4 млн. иен в 1914 г. до 151 млн. иен в 1916 г. Русский вывоз в Японию был незначительным. В 1914 г. он составлял 1 млн. иен и возрос в 1917 г. до 5 млн. иен [413а, с. 122—123].

Японцы добивались отмены таможенных сборов с японских товаров. Царское правительство не пошло на удовлетворение этих притязаний, а дало лишь согласие на беспошлинный провоз японских овощей и фруктов и предоставление льгот по перевозке шелка-сырца по русским железным дорогам. Используя ослабление России в результате войны, японское правительство настойчиво добивалось новых льгот для своих рыбопромышленников в русских водах.

В Петербурге после длительных обсуждений возобладала точка зрения С. Д. Сазонова, настаивавшего на необходимости поддержания наилучших отношений с Японией, с тем чтобы иметь возможность отправить сибирские и дальневосточные части на Западный фронт и получить у Японии необходимое оружие.

В феврале 1916 г. Николай II утвердил решение совета министров о понижении арендной платы с японских рыбопромышленников, разрешении перевозить снасти и оборудование, не заходя в таможенные пункты, что давало возможность японским рыбопромышленникам обходить контроль рыболовного надзора (см. [202, с. 532]).

Фактически японцы сосредоточили основную часть рыбопромышленности на Дальнем Востоке (улов, обработка) в своих руках, они стали проявлять большой интерес и к природным ресурсам (уголь, нефть) северной части Сахалина. Торговля на побережье крайнего северо-востока Сибири, где были отменены всякие сборы (порто-франко), почти полностью перешла в руки японских и американских капиталистов. На Чукотке, Анадыре хозяйничали американцы, а в Охотско-Камчатском крае — японцы (см. [434, 23.08.1916]). Через русских предпринимателей, связанных с японским капиталом, японские монополии старались добиться отмены пошлинных сборов и восстановления порто-франко во Владивостоке и на всем Дальнем Востоке. Царское правительство не пошло на это. Временное правительство в расчете на использование японских войск в борьбе с революционным движением приняло решение о создании в торговых портах Приморья вольных гаваней. Но осуществить это не удалось. Великий Октябрь положил конец империалистическим маневрам. Япония не смогла использовать русско-японский союз в своих захватнических планах.

Подъем революционного движения в России вызвал серьезную тревогу в правящих кругах Японии, как и других стран Антанты. Их беспокоило революционизирующее влияние русской революции на народы Востока и выход России из войны. В Токио всполошились уже тогда, когда пал царский режим, когда все ярче стала проявляться тяга русского народа к миру. В апреле 1917 г. министр иностранных дел Японии Мотоно Итиро затребовал от своего посла в Петербурге Утида Ясуя достоверных сведений о настроении русских войск на фронте (см. [53, 1927, т. 5 (24), с. 128]). Японские банкиры прекратили перего-

воры о предоставлении нового займа России. Япония и другие союзники России начали угрожать военным выступлением на Востоке в случае заключения Россией сепаратного мира с Германией.

В мае 1917 г. итальянский генеральный консул в Москве заявил, что если Россия заключит сепаратный мир с Германией, то союзники предоставят Японии свободу действий в Сибири. Утида Ясуя сообщил в Токио, что в прессе появилась информация о том, что если русское командование откажется вести наступательные операции на своем фронте, то союзникам придется привлечь японскую армию к боям на Западном фронте. Японии же в качестве компенсации передадут Уссурийский край и Маньчжурию. Утида Ясуя считал такие сообщения «полезными» для оказания давления на Временное правительство. Информация посла дала толчок к публикации сообщений в японской и маньчжурской прессе о возможности японского выступления в Сибири [457, 16.05.1917].

Выходившая в Японии американская газета «Джапан адвертайзер» открыто призывала Японию к вмешательству во внутренние дела России в случае ослабления ее усилий в войне (см. [38, д. 925, л. 118]).

Русская дипломатия не пропустила такого рода откровенные намеки. Русский посол в Токио П. Н. Крупенский 16 мая 1917 г. по поручению министра иностранных дел Временного правительства Милюкова заверил японское правительство в том, что Россия будет продолжать войну (см. [444, 18.05.1917]). Милюков и другие министры Временного правительства понимали, что русский Дальний Восток является наиболее слабым и уязвимым местом, поскольку сибирские и дальневосточные соединения были переброшены на австро-венгерский фронт.

В июле 1917 г. газета «Асахи» опубликовала сообщение из Вашингтона, в котором говорилось об обмене мнениями между правительствами США, Англии и Японии относительно шагов, которые будут предприняты против России в случае, если она выйдет из антигерманской коалиции. Если Россия подпишет мир, угрожающе сообщала газета, то «она будет поставлена вне закона или понесет возмездие». В другом сообщении «Асахи» указывалось со ссылкой на дипломатические круги Вашингтона, что «Япония по необходимости может предпринять шаги против России» (цит. по [202, с. 562]). Это было явное подталкивание Японии на интервенцию против России. Другой целью неприкрытого нажима на буржуазное Временное правительство было стремление побудить русскую буржуазию принять энергичные меры против революционного движения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За два столетия — от первых контактов в XVIII в. и до начала XX в. — в истории развития русско-японских отношений можно отметить разные периоды. Наряду с позитивными процессами, характеризующими развитие добрососедских отношений, наблюдались спады, обострения и даже военные конфликты, что объясняется не столько объективно существующими закономерностями в развитии любых отношений между странами, сколько привходящими обстоятельствами, вызываемыми действиями феодальных и милитаристских кругов, а также воздействием внешних сил, заинтересованных в нарушении добрососедских отношений между двумя государствами. Чем больше Япония поддавалась нажиму со стороны этих сил, тем больше негативного вносилось в ее внешнюю политику.

Географические, социально-экономические и политические факторы всегда побуждали русское государство к установлению и развитию мирных, добрососедских связей с восточным соседом. Иной характер носила политика Японии. Русские тихоокеанские владения и дальневосточные земли России с конца XVIII в. рассматриваются японскими феодальными, а затем военно-феодальными империалистическими кругами как один из объектов экспансии. Эти две линии во внешней политике обоих государств прослеживаются довольно отчетливо.

В середине XVII в. русские получили первые сведения о Японии, а также Сахалине и Курильских островах. В XVIII в. русские землепроходцы начали обследование и заселение этих островов, приводя коренное население в русское подданство.

Освоение тихоокеанского побережья вплоть до Амура, открытие и присоединение Курильских островов и Сахалина сделали Россию соседом Японии. Выгодное географическое положение Курильских островов — близость к Камчатке и удобный путь в Тихий океан через курильские проливы (пока не был открыт Татарский пролив) — высоко оценивалось в России с точки зрения укрепления русских позиций на Тихом океане и обороны Камчатки. Русское купечество, а также начавшее втягиваться в торговые отношения дворянство не хотели терять эти богатые районы.

В 70-х годах XVIII в. русские землепроходцы стали посещать Хоккайдо и вести меновую торговлю с японцами. Русское правительство стремилось установить торговые отношения с Японией.

ей и другими тихоокеанскими странами для обеспечения населения дальневосточных окраин продовольствием и необходимыми товарами. Кроме того, по мнению русских государственных деятелей, установление добрососедских отношений с Японией должно было предотвратить проникновение в эти районы Англии, Франции и США, настойчиво стремившихся подчинить своему влиянию северо-западную часть Тихого океана и приморские территории.

Активная внешняя политика русского правительства, ее размах отражали те большие перемены в области внутреннего развития, которые переживала Россия в XVIII и начале XIX в. Но все попытки России установить торговые и другие связи с Японией наталкивались на глухую стену политики самоизоляции, проводимой военно-феодальным режимом сёгунов из клана Токугава, которые пытались сохранить незыблемость установившихся порядков, предотвратить разложение феодальных производственных отношений.

Рост населения русских дальневосточных районов и тихоокеанских владений, а также развитие товарно-денежных отношений в России и северных районах о-ва Хонсю создавали объективные условия для товарообмена. Однако и здесь неоднократные попытки русских мореплавателей и промышленников завязать торговые связи с японцами оказывались безрезультатными, пока в 1792—1793 гг. в Японию не было отправлено первое официальное русское посольство во главе с А. Лаксманом. Посольству удалось добиться лицензии на приход одного русского корабля в Нагасаки, правда, ею воспользовались лишь в 1804 г. (посольство Н. П. Резанова). Однако японские власти снова отказались от установления отношений с Россией.

В эти годы (конец XVIII — начало XIX в.) японские феодальные власти начинают исследовать и принимать меры к захвату южных островов Курильской гряды (Уруп, Итуруп, Кунашир), а также Сахалина, уничтожать на них знаки принадлежности этих территорий России. Реакционные агрессивные круги самурайства выдвигают авантюристические планы захвата и других дальневосточных владений России.

Между тем русские помещики и нарождающаяся буржуазия стали проявлять все больший интерес к вопросам об открытии портов, создании баз на Тихом океане и расширении внешней торговли. Открытия Г. И. Невельского выявили важное стратегическое значение Сахалина для обороны Приморья как ключа к устью Амура. Усиление экспансии западных держав в этом регионе, стремление их обосноваться на Камчатке, Курильских островах и Сахалине, использовать Японию для ослабления позиций России на Тихом океане побуждали царское правительство проводить более активную политику на Дальнем Востоке. В 1852 г. в Японию было направлено посольство во главе с вице-адмиралом Е. В. Путятиным. На переговорах в Симода в 1854—1855 гг. японские дипломаты, воспользовавшись ослаб-

лением позиций России на Дальнем Востоке в результате неудачной Крымской войны, а также господством англо-французского флота в северо-западной части Тихого океана и окружающих Японию водах, навязали Е. В. Путятину невыгодные условия — передачу Японии ряда южных островов Курильской гряды и признание Сахалина совместным владением — за открытие некоторых портов для торговли.

На эти уступки царское правительство пошло в надежде на установление добрососедских отношений, развитие экономических связей, в которых так нуждалось население дальневосточной окраины. Оно исходило из той предпосылки, что развитие добрососедских отношений с Японией будет препятствовать попыткам западных держав использовать эту страну для борьбы с Россией на Дальнем Востоке и в Тихом океане.

Западные дипломаты подстрекали японское правительство занять южную часть Сахалина, систематически раздувая провокационные антирусские кампании, пытаясь доказать намерения России завладеть Хоккайдо и даже частью Хонсю. Миф об «угрозе с севера» был создан голландцами еще в 1772 г., а в конце XVIII в. его подхватили японские националисты и шовинисты для оправдания своей антирусской политики. В действительности русское правительство для утверждения своих законных прав никогда не прибегало к силе. Так, в 1859 г. Н. Н. Муравьев, имея в своем распоряжении крупную эскадру, легко мог добиться удовлетворения своих требований в отношении Сахалина. Однако, сообразуясь с международной обстановкой и долгосрочными политическими целями России на Дальнем Востоке, он не поддавался соблазну силой навязать японцам договор, который объективно соответствовал историческим правам русского государства на этот остров.

Россия была заинтересована в сохранении у своих границ независимого государства, способного проводить самостоятельную политику. Россия, единственная из всех великих держав, не вмешивалась в борьбу за власть в Японии, развернувшуюся в 60-х годах.

Приход к власти реакционного блока феодалов и помещиков в результате буржуазной революции 1868 г. повлек за собой усиление агрессивного характера японской политики. Реакционное самурайство, в результате революции потерявшее источники своих доходов, рассчитывало повысить политический авторитет и нажиться на военных авантюрах. Сахалин, Тайвань и Корея считались наиболее подходящими объектами для захватов. Японское правительство возобновило колонизацию Хоккайдо и стало направлять на южную часть Сахалина своих чиновников и солдат — захватывать районы с угольными месторождениями и рыболовные угодья.

В условиях назревавшего военного конфликта в Европе и на Ближнем Востоке русское правительство пошло на уступки и согласилось в 1875 г. передать Японии все Курильские острова

за ее отказ от совершенно необоснованных притязаний на южную часть Сахалина, за обещание «упрочить существующее доброе согласие». Была допущена ошибка исторического значения. Передача Курильских островов привела к существенному ослаблению обороноспособности России на Дальнем Востоке, лишила Россию удобных выходов из Охотского моря в Тихий океан. Япония, формально отказавшись от притязаний на Сахалин, продолжала вынашивать планы его захвата. Надежды России на упрочение добрососедских отношений не оправдались. Вскоре выявилось стремление Японии подчинить Корею и утвердиться в непосредственной близости от русских границ, что привело к резкому обострению русско-японских отношений.

Вступление капитализма в свою высшую стадию — империализм — сообщило новый импульс обострению борьбы капиталистических держав за раздел Китая и Кореи. Сближение Японии с Англией на антирусской основе, поддержка японской агрессивной политики со стороны США подталкивали японских милитаристов к агрессивным акциям и в конечном счете привели к русско-японской войне. Курильские острова служили базой для военных операций против России. Развязав войну, Япония тем самым порвала договоры 1855 и 1875 гг. и потеряла юридическое и моральное право ссылаться на них.

Воспользовавшись поражением царской России, Япония при поддержке США и Англии навязала ей грабительский Портсмутский договор, отторгнув от России южную половину Сахалина. Россия лишилась естественного выхода в океан. Под контроль Японии попадали коммуникации между Владивостоком, Чукоткой и Камчаткой.

В годы русско-японской войны, несмотря на стремление правящих кругов Японии создать в стране атмосферу милитаристского и шовинистического подъема, среди демократических слоев народа рос интерес к России, к русской общественной мысли. Революция 1905 г. в России вызвала горячее сочувствие японских трудящихся, подняла волну антивоенных революционных выступлений японских рабочих, руководимых социалистами. Русские большевики и японские социалисты подчеркивали, что между русским и японским народами нет коренных противоречий, что в войне заинтересованы только капиталистические и реакционные круги.

В отличие от других стран Россия еще в период самоизоляции Японии имела возможность непосредственного общения с японцами: жертвы кораблекрушений нередко попадали в Россию. Их гостеприимно принимали, знакомили с русской действительностью, через них узнавали о жизни японского народа, пытались установить контакты с правителями Японии. Со времен Петра I в России изучался японский язык. С установлением отношений стало развиваться сотрудничество русских и японцев в изучении природы, географии и этнографии Японии, в развитии архитектуры, живописи, медицины и т. п. В 70-х годах XIX в. в

Японии начали изучать русский язык и литературу с помощью русских педагогов и ученых. Идеи русских народников находили отклик среди передовой интеллигенции. Прогрессивная русская литература сыграла особую роль в истории становления и развития японской национальной литературы. Все это способствовало взаимному обогащению культуры, просвещения и науки обоих народов.

На базе Портсмутского договора между Россией и Японией было заключено около десятка соглашений. При всем разнообразии объектов соглашений (выплата денег за содержание военнопленных, рыболовная конвенция, торговый договор и раздел сфер влияния в Маньчжурии, союзный договор и поставки оружия и т. д.) в послевоенной политике Японии по отношению к России прослеживалась одна общая, ярко выраженная тенденция: расширить выгоды, полученные по условиям Портсмутского договора. И чем явственней было превосходство вооруженных сил Японии, тем более дерзко действовали японские представители.

Занятый всецело проблемами Западной Европы и Балкан, а также Среднего и Ближнего Востока, царизм не был в состоянии принять меры к укреплению обороноспособности дальневосточных районов. В сделках и соглашениях, которые были заключены между Россией и Японией, царизм вынужден был поступать как своими империалистическими интересами в Китае и Монголии, так и русскими национальными интересами на Дальнем Востоке.

Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила международную обстановку на Дальнем Востоке. Дипломатические комбинации, которые создавали Япония, США и Англия с целью укрепления своего господства в Восточной Азии, оказались подорванными. Были сорваны и их расчеты на расширение влияния и фактическое экономическое подчинение русского Дальнего Востока и северо-восточных районов Сибири.

Декретом о мире Советское правительство показало всему миру, что оно проводит политику, которая коренным образом отличается от политики империалистических держав. Их захватнической, реакционной политике противопоставлялась прогрессивная, миролюбивая внешняя политика Советского государства. В Декрете о мире отразилась ленинская идея возможности мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным социальным системам, урегулирования отношений между ними посредством переговоров. На II съезде Советов В. И. Ленин говорил: «Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать» [27, с. 20].

Принципы поддержания добрососедских отношений были предложены и Японии с первых дней существования Советской

России. Но японские правящие круги игнорировали предложения Советского правительства. Они сочли гражданскую войну в России и иностранную интервенцию удобным моментом для осуществления своих давних захватнических планов. В 1918 г. Япония первой начала военную интервенцию в Советскую Россию и последней вывела войска с советской территории (в 1925 г.). Более четырех лет 150-тысячная японская армия бесчинствовала на советской территории, грабя и разрушая национальные богатства русского народа, совершая насилия над мирным населением.

В Союзе с США и Антантой японские империалисты пытались ликвидировать советскую власть. Под давлением Красной Армии и партизан в условиях растущего недовольства японского народа и революционного брожения в армии, боясь быть сброшенными в море, японские интервенты в октябре 1922 г. вынуждены были бесславно убраться с Дальнего Востока. (На территории северной части Сахалина они задержались до 1925 г.)

Японские милитаристы не сделали надлежащих выводов из позорного провала интервенции. В годы второй мировой войны они рассчитывали осуществить свои захватнические планы, вступив в преступный сговор с фашистской Германией. Эта недалеконovidная, авантюристическая политика закончилась национальной катастрофой.

История отношений между двумя странами свидетельствует о том, что развитие подлинно добрососедских связей продиктовано объективной необходимостью. В современную эпоху без Советского Союза — великой тихоокеанской державы — не могут решаться кардинальные проблемы обеспечения мира и безопасности в Азии. По-настоящему добрососедские, полнокровные связи между СССР и Японией необходимы ради жизненных интересов советского и японского народов, ради мира в Азии и во всем мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Первоначально он был заключен в 1873 г. между Россией, Германией и Австро-Венгрией в форме Консультативного пакта. Теперь это было соглашение о нейтралитете. В 1884 г. договор был продлен еще на три года.

Глава 1

¹ Сведения Н. Спафария позднее были забыты. Французский путешественник М. Ф. Лаперуз, совершивший плавание в северо-западную часть Тихого океана в 1785—1788 гг., ошибочно утверждал, что Амур не имеет выхода в океан, а Сахалин соединен перешейком с материком. Английский мореплаватель В. Р. Броутон также считал Сахалин полуостровом. Эту точку зрения разделял и И. Ф. Крузенштерн, совершивший путешествие в эти края в начале XIX в. Только в середине XIX в., почти два столетия спустя, Г. И. Невельской ценой огромных усилий, на свой страх и риск, вопреки правительственным директивам совершил плавание по лиману Амура и доказал ошибочность сведений М. Ф. Лаперуза.

² Существует и другое объяснение названия островов. Коренное население островов — айны — называли себя «кур», что означает «человек, народ». Это айнское слово и легло в основу русского названия островов — Курильские (см. [252, с. 11]).

³ Шумшу — 1, Парамушир — 2, Ширинки — 3, Маканруши — 4, Онекотан — 5, Харимкотан — 6, Шиошкотан — 7, Экарма — 8, Чиринкотан — 9, Кушир — 10, Райкове — 11, Шатуаа — 12, Расшу — 13, Ушишир — 14, Кетой — 15, Симушир — 16, Северный и Южный Чирпой — 17, Уруп — 18, Итуруп — 19, Кунашир — 20, Шикотан — 21.

⁴ Любопытно, что русские исследователи долгое время рассматривали и о-в Матсмай как последний из Курильских островов. В «Исторической таблицы российских плаваний и открытий в Северо-Восточном море», относящейся к 1790 г., указывается, например, что капитан Шпанберг, проходя все Курильские острова, был на последнем из них — Матсмае (см. [206, с. 269]). Основанием для этого служил тот факт, что на Хоккайдо (как и на Курильских островах) также жили айны.

⁵ Основная часть инструкции опубликована, см. [67, с. 463—470].

⁶ Согласно одной из поденных ведомостей, в течение мая—июня 1778 г. в добровольное российское подданство были приведены: 15 мая — с 19-го острова 12 человек, 6 июня — с того же острова 35 человек, 12 июля — с 21-го острова 5 человек, 20 июля — с 19-го острова 3 человека.

Согласно другой ведомости, составленной Д. Шабалиным, за 1778 г. в добровольное подданство России были приведены: на 12-м острове — мужчин 65, женщин 85, детей 41; на 19-м острове — мужчин 105, женщин 130, детей 110; на 20-м острове — мужчин 111, женщин 223, детей 104; на 21-м острове — мужчин 5, женщин 8. Всего мужчин 286, женщин 446, детей 255.

В 1779 г. И. Антипиным и Д. Шабалиным была составлена новая поденная ведомость о курильцах, вновь принятых в подданство России, и о собранном с них ясаке: на 19-м острове 95 человек и на 20-м острове — 2 человека (см. [43, разряд VII, д. 2539, л. 141—146, 285—286]).

⁷ В 70—80-е годы берега Северной Америки посетили Кук, Мерес, Диксон и Портлок.

⁸ «Странствование российского купца Григория Шелехова в 1783 году, с

чертежами географическими и изображением самого морехода» было издано в 1793 г. Описание Г. И. Шелеховым своего первого плавания на Алеутские острова, Курилы и к берегам Северо-Западной Америки. 2-е издание было осуществлено в 1812 г. Книга переведена на немецкий и английский языки. Переиздана в 1971 г.

⁹ Опасения Комиссии были вполне основательны. Так, английский мореплаватель, капитан Мерес, побывавший в 1787—1789 гг. у берегов Северной Америки, считал полезным для Англии захватить один из Курильских островов: «Произведение сего в действо не сделает большого затруднения, да и не будет требовать великих усилий... Кроме вывоза английских товаров, каковою выгодою беспрестанно мы пользуемся, доставили бы мы через то и торгу ружьями лучшую твердость. Мы были бы тогда в силах знатно понизить барыши россиянам от сей отрасли торговли получаемые» (см. [244а, с. 16]).

¹⁰ Надгробие Шелехова сохранилось до настоящего времени. Бронзовый же памятник на родине Г. Шелехова, в г. Рыльске Курской области (на Красной площади), уничтожен немецкими фашистами во время Великой Отечественной войны.

¹¹ Привилегии на эксплуатацию Курильских островов Российской-американской компанией возобновлялись царским правительством в 1821 и в 1844 гг. (см. [279, прил., с. 55—57]).

¹² Токугава Иэясу, разгромив всех своих противников, в 1603 г. провозгласил себя сёгуном. Этот титул, в древности означавший «военачальник», «главнокомандующий», давался командующему императорской армией. С XII в сёгуны постепенно концентрируют всю власть в своих руках и изолируют императорский двор от политической жизни.

¹³ Сорин Отомо был ревностным приверженцем католической церкви в Японии, и проникавшие в страну миссионеры-иезуиты всегда находили приют в его замке. Прибывавшие в Бунго испанские и португальские купцы дарили князю ружья, часы, изделия из стекла, музыкальные инструменты, пряности и благовония, шерстяные ткани и другие заморские товары. Они также доставляли князю редкостных зверей: слонов, тигров, леопардов, верблюдов. При замке был устроен прекрасный зверинец. До настоящего времени сохранились католическая церковь и развалины замка Сорин Отомо.

¹⁴ Впоследствии, даже в XIX в., на переговорах с представителями иностранных государств японцы неизменно сообщали о запрещении проповеди и исповедания христианства в стране.

¹⁵ Недавно стало известно, что первый японец посетил Россию за 100 лет до Дэнбэя — в 1600 г. Его подлинное имя установить не удалось. Известно только, что он родился в конце XVI в. в небольшой колонии японцев в Маниле, на Филиппинах; в юности он принял католичество и христианское имя Николай. В 1599 г. вместе со своим духовным наставником Николаем де Мело отправился в Рим. В Европу они добирались через Индию, Персию и Россию. В Россию Николай попал в составе персидского посольства, оказался замешанным в делах Лжедмитрия и был отправлен в ссылку на Соловецкие острова, а затем в Борисоглебский монастырь под Ростовом. В 1611 г. был казнен в Нижнем Новгороде.

В России Николай появился как «индусский принц». Русские не подозревали, что имеют дело с японцем, и сам он не раскрыл своей тайны. К сожалению, пребывание этого первого японца в России никак не обогатило представлений русских о Японии (см. [297а]).

¹⁶ В июне 1816 г. школа японского языка по предложению иркутского губернатора была закрыта.

Глава 2

¹ Подробно о посольстве А. Лаксмана см. также [255].

² М. А. Беневский (барон) родился в Венгрии, но затем, участвуя в разного рода авантюрах, оказался в Азии — сначала в камчатской ссылке (1770—1771), потом у берегов Японии и Китая, куда он добрался на похищенном судне. Позднее судьба забросила его в Америку и Европу. Свой жизненный путь он закончил на Мадагаскаре.

В мае 1771 г. М. А. Беневский, находившийся в ссылке на Камчатке, подговорил заключенных устроить бунт. Они захватили небольшое судно, стоявшее в гавани, и вышли в море. Добравшись до Японии, М. А. Беневский через японских чиновников направил несколько писем директору голландской фактории в Нагасаки. Одно из этих писем получило впоследствии широкую огласку как пресловутое предостережение Беневского.

³ На Камчатке М. А. Беневский выдавал себя за французского офицера.

⁴ А позднее Н. П. Резановым.

⁵ Екатерина II о проекте д'Огара позднее, в августе 1796 г., писала Гриму: «Его проект о Японии был бы хорош, если бы он знал местность» [62, с. 683].

⁶ Впервые «Секретный план для правительства» был опубликован в 1891 году.

⁷ Сибирь в то время не могла обеспечить их продовольствием, а доставка его из европейской части России санным путем за многие тысячи километров или морским путем, обогая Африку и Азию, требовала огромных расходов и времени.

⁸ Н. П. Резанов — дворянин, был хорошо образован, знал языки. Был сослан в Иркутск под надзор отца и губернатора за вольный образ мыслей, проявленный по возвращении в Петербург из «содома Парижского бунта», как именовали в столичных сферах события, предшествовавшие французской революции 1789 г. Н. П. Резанов женился на дочери Г. И. Шелехова и тот выхлопотал ему разрешение вернуться в Петербург.

⁹ Фактическим главой экспедиции оставался И. Ф. Крузенштерн.

¹⁰ О пребывании Н. П. Резанова в Японии см. [270, с. 127—137].

¹¹ Княжество Мацумаэ — земли в северо-западной части о-ва Хонсю и южной части о-ва Эдзо. О-в Эдзо (Хоккайдо) в то время не считался территорией собственно Японии.

¹² Но все привезенные японцы были взяты под стражу, их вещи и деньги конфискованы.

¹³ В 1828 г. Такахаси Кагэясу, автор этой карты, попытался передать ее вместе с картами Эдзо, всей Японии и южной части Курильских островов немецкому врачу Ф. Ф. Зибольду, служившему в голландской фактории на о-ве Дэсима. По доносу Мамия Ф. Ф. Зибольд, Такахаси и еще 23 японца были арестованы и подверглись суровым наказаниям. Ф. Ф. Зибольд после длительного расследования, длившегося более года, в конце 1829 г. был признан виновным в нарушении японских законов, и ему было предписано немедленно покинуть Японию. Ему удалось вывезти копии некоторых карт в Европу. Мамия сделался осведомителем правительства, следя за деятельностью лиц, подозреваемых в антиправительственных действиях.

¹⁴ Враждебные действия японских властей по отношению к России разжигались голландцами. Так, они искаженно перевели письма Хвостова, посланные японским властям с Сахалина и Итурупа, и к тому же добавили, что русские намерены покорить Японию и послать туда своих священников для пропаганды христианства и крещения японцев (см. [110, ч. 1, с. 182—186, ч. 2, с. 103—104; 350, с. 347, 348]).

¹⁵ Велось изучение восточных языков в Казанском университете. В 1818 г. в Петербурге был основан Азиатский музей. В 1823 г. при Азиатском департаменте министерства иностранных дел было создано отделение по изучению восточных языков, а в Москве в 1828 г. открылся Лазаревский институт восточных языков (ныне Институт востоковедения Академии наук СССР).

В 1854—1855 гг. при Петербургском университете был учрежден восточный факультет. Он стал не только учебным, но и научным центром русского востоковедения. В 1861 г. на факультете открылась кафедра истории стран Востока, которая сосредоточила внимание на изучении восточной литературы и религии. Крупным центром по изучению Востока, в том числе Японии, стало Русское географическое общество, созданное в 1845 г. Членами общества были выдающиеся ученые и путешественники по странам Азии.

¹⁶ По характеристике А. И. Герцена, Н. Н. Муравьев был «оригинальный человек, демократ и татарин, либерал и деспот», родственник революционера Михаила Бакунина и декабриста Михайлы Муравьева [109, ч. 6—8, с. 277].

¹⁷ Гиляки — коренная народность, населявшая Приамурье, Приморье, Сахалин и другие районы Дальнего Востока.

¹⁸ Опасаясь расправы озлобленных айну, которых японцы нещадно эксплуатировали и притесняли, японские чиновники бежали из селения. Боялись они и репрессий со стороны своего правительства за сношения с русскими. Г. И. Невельской объяснил собравшимся айну и японцам, что русские пришли защищать их от бесчинств американских и английских китобоев.

Глава 3

¹ На Е. В. Путятину выбор пал не случайно. Еще молодым человеком он долго жил в Англии и многое постиг в судостроении, науке и технике Западной Европы. В Англии он женился на дочери одного из высших чиновников английского военно-морского флота и хорошо разобрался в великодержавных амбициях английской морской стратегии, направленных морских интересов других держав. В 1822—1825 гг. он совершил кругосветное плавание, сражался в Черном и Каспийском морях, выезжал с рядом дипломатических миссий, заключал договоры, владел иностранными языками.

² По вопросу о Сахалине представил свои рекомендации Е. В. Путятину и Н. Н. Муравьев: «Лучше оставить пограничный вопрос в неопределенном прежнем положении, чем утверждать за ними (т. е. японцами.— Л. К.) хотя самую малейшую часть Сахалина... Если бы Вашему превосходительству случилось встретиться с американской эскадрой Перри или Рингольда, то им должно положительно сказать, что Сахалин наш, и даже дать им письменное о том сведение» [186, кн. 1, с. 115—116].

³ Во время своего пребывания в Японии Ф. Зибольд установил широкие контакты с японскими учеными, врачами и другими представителями интеллигенции. На основании полученных от них сведений он опубликовал несколько содержательных книг по Японии.

⁴ Сёгун умер 15 июля 1853 г. Народ оповещен 14 августа 1853 г.

⁵ Путятин дал наименование обследованным местам: гавань в заливе Броутона на 39°10' с. ш. он назвал именем известного русского мореплавателя адмирала Лазарева, а залив на 42°30' с. ш. присвоил имя своего талантливого помощника Посёта.

⁶ Е. В. Путятин предлагал вывозить в Японию изделия мануфактур, лучшие образцы оружия. Что касается ввоза из Японии, то, ссылаясь на опыт голландцев, он рекомендовал импортировать медь, камфару, древесный воск, лакированные и фарфоровые изделия, продовольствие. Он рассчитывал также на то, что на обратном пути из Японии русские суда будут заходить в китайские порты за чаем и шелком, а в Манилу — за сахаром, сигарами и «другими колониальными товарами».

⁷ Во время переговоров Е. В. Путятин вел себя тактично и миролюбиво, что было отмечено японскими уполномоченными. Он советовал своим японским партнерам по переговорам *сопротивляться* новым требованиям Англии, «показывать надлежащую твердость» и «в особенности строго воспретить англичанам ввоз опиума» [335, с. 13].

⁸ Все последующие русско-китайские соглашения о дальневосточной границе основывались на Нерчинском, Айгунском, Тяньцзинском и Пекинском договорах и предусматривали лишь демаркации границы, производившиеся на основе этих договоров.

⁹ Возвращение России Приамурья и Приморья (Уссурийского края) шло за счет земель, не заселенных китайцами.

Во время второй «опиумной войны» (1856—1858), развязанной Англией и Францией против Китая, цинское правительство решило дипломатическим путем урегулировать отношения с Россией. В известной степени цинское правительство рассматривало Россию как политический противовес Англии и Франции. 28 (16) мая 1858 г. в Айгуне русский уполномоченный Н. Н. Муравьев и китайский представитель князь И Шань подписали договор, по которому Приамурье признавалось принадлежащим России, а земли от р. Усури до моря — неразделенными, в общем владении России и Китая.

Айгунский договор не содержал в себе неравноправных постановлений. Россия только вернула себе часть того, что было захвачено Китаем до Нерчинского договора. Китайское правительство заключило Айгунский договор в трудных для себя условиях, во время его конфликта с Англией и Францией. Но из этого факта вытекает вовсе не неравноправный характер айгунских постановлений о границе, а только то, что, не будь конфликта с Англией и Францией, цинская монархия не возвратила бы России того, что она у нее захватила ранее. Через два года, в 1860 г., был заключен Пекинский договор. К России отошло Приморье — область между нижним течением Амура по его правому берегу, р. Уссури, оз. Ханка и Тихим океаном. По Айгунскому договору статус их был определен как временное совместное владение России и Китая — впрямь до разграничения. По Пекинскому договору такое разграничение было произведено, что содействовало упрочению русско-китайских отношений.

Глава 4

¹ Российско-американская компания получила права «учредить свои поселения» на Сахалине еще в 1808 г. [63, т. 40, с. 55].

² Ронины — деклассированные самураи, лишившиеся рисовых пайков и вынужденные искать себе средства пропитания торговлей, ремеслом, разбоем и т. п.

³ Катакана — вспомогательная азбука в японском языке, которая используется главным образом при написании иностранных слов.

⁴ «Записка...» была издана в России после русско-японской войны.

⁵ До 1865 г. в Охотском и Беринговом морях убивали до 3 тыс. китов в год. В дальнейшем вследствие сокращения числа китов в этих районах и падения цен на ворвань (начали употреблять для освещения керосин) промысел резко сократился. В 70-х годах наиболее выгодной стала добыча китового уса. В 1877 г. в Охотском и Беринговом морях промыслом занимались лишь 75 судов [215, с. 307—308].

⁶ Позднее, в 1872 г., готовясь к агрессии против Кореи, японское правительство предлагало России отказаться от притязаний на южную часть Сахалина взамен согласия русских властей пропустить японские войска к корейской границе.

⁷ Сайго Такамори занимал пост военного министра в правительстве Мэйдзи.

⁸ Колонизация острова гражданским населением шла медленно. В 1869 г. на остров переселилась группа тобольских и иркутских крестьян (всего 119 человек). Их снабдили двухгодичным запасом продовольствия, семенами, сельскохозяйственными орудиями, дали скот. Однако урожаи поначалу были низкими. Из ссыльных поселенцев и каторжан осенью 1869 г. была создана земледельческая колония в долине р. Александровка, недалеко от поста в Дуэ, а на следующий год — ферма в Унтовской долине, в трех километрах от Корсаковского поста. Оказалось, однако, что они были не в состоянии обеспечить себя продовольствием (см. [128, с. 77—103]).

⁹ В марте 1870 г. японцы обратились к де Лонгу с просьбой о посредничестве [402а, с. 61].

¹⁰ Именно в 1872 г. Япония усилила политический нажим на Корею, добываясь ее отрыва от Китая и подчинения своему влиянию.

¹¹ Они учитывали трудное экономическое положение страны. Участились восстания крестьян. Если накануне революции, в 1860—1867 гг., произошло 86 крестьянских восстаний (т. е. в среднем по 11 выступлений в год), то за 1868—1873 гг. — почти 200 (т. е. в среднем по 33 выступления в год) [293, с. 131].

¹² До революции Мэйдзи Эномото Такэаки в течение шести лет изучал международное морское право в Голландии, принимал участие в гражданской войне, подняв на Хоккайдо мятеж против правительства Мэйдзи. Впоследствии Эномото был уполномоченным по освоению новых территорий (о-ва Хоккайдо).

¹³ В дальнейшем сербо-турецкая война, болгарское восстание и его неудачи, жестокая расправа турок с восставшими славянскими народами и т. д. привели Россию к необходимости военными средствами выступить в защиту славян. В 1877 г. началась русско-турецкая война.

¹⁴ В 1869 г. было создано Бюро по освоению новых земель. В его ведение был передан о-в Хоккайдо, а в 1870 г.—о-в Сахалин. В 1873 г. бюро было преобразовано в департамент по освоению новых земель муниципалитета о-ва Хоккайдо.

¹⁵ Попав в руки Японии, почти вся Курильская гряда быстро опустела. Обезлюдели Парамушир, Онекотан, Шикотан и другие острова, еще недавно населенные русскими и туземцами. В 80-х годах японское правительство решило удалить из пограничных районов население, воспринявшее русскую культуру и враждебно относящееся к японцам, и переселило всех курильцев с северных островов на самый южный остров — Шикотан, уединенный и ранее необитаемый. Курильцев лишили огнестрельного оружия и запретили им выходить без разрешения на промысел в море. Шведский исследователь Камчатки Бергман, посетивший Шикотан в 1930—1931 гг., рассказывает, что даже на охоту они ходили в сопровождении полицейского (см. [268, с. 125]).

Глава 5

¹ Эта позиция была сообщена и другим иностранным государствам в специальном меморандуме, направленном в 1883 г. министерством иностранных дел.

² В 1885 г. произошло воссоединение северной и южной частей Болгарии. В результате внутривосточной борьбы, а также вмешательства Англии, Австро-Венгрии, Германии и России в Болгарии в 1886 г. произошло несколько государственных переворотов, обострилась борьба за влияние на Балканах среди великих европейских держав.

³ Катаяма Сэн (1859—1933) стал основателем Японской коммунистической партии.

⁴ Министр внутренних дел Сайго, министр юстиции Ямада и министр иностранных дел Аоки, которых Д. Е. Шевич считал ответственными за происшествие, по его настоянию вынуждены были подать в отставку. Цуда был приговорен к пожизненной каторге и умер в тюрьме.

⁵ В 80-х и начале 90-х годов были созданы буржуазные и помещичьи партии: в 1881 г. либерально-помещичья партия «Дзюто» и в 1882 г.—либерально-буржуазная партия «Кайсинто». Радикальная фразеология либерально-помещичьей оппозиции иногда делала ее центром притяжения для оппозиционно настроенных элементов из других слоев населения. Либерально-буржуазная партия была менее радикальна в своих выступлениях против абсолютистского правительства вследствие тесной связи ее вождей с правительственной бюрократией. Участие демократических кругов Японии в борьбе с правящей верхушкой придавало ей боевой характер вопреки сдерживающему влиянию на нее буржуазно-помещичьих партий.

⁶ «Плывущее облако» было опубликовано в 1887—1888 гг.

⁷ 9 ноября 1900 г. царский наместник Квантунской области адмирал Алексеев заключил соглашение с командующим военным округом, фактически наместником северо-восточных провинций Цзэном. По условиям соглашения в этих областях китайская администрация ставилась под контроль царских властей. Царское правительство получило право держать в этих районах свои войска. Затем последовали переговоры с правительством. По соглашению с Китаем 1902 г. Северо-Восточный Китай признавался «составной частью Китайской империи», полностью восстанавливалась власть правительства Китая. Россия обязывалась в случае, если «не будет каких-либо волнений и если образ действия других держав тому не воспрепятствует», вывести свои войска из Северо-Восточного Китая в течение полутора лет в три срока. Однако вывод войск задерживался.

¹ Бесстрашие и мужество русского адмирала было отмечено и японцами. Классик японской литературы Исикава Такубоку через два месяца после гибели Макарова опубликовал стихотворение «Памяти адмирала Макарова».

² После высадки японских войск на Сахалине в начале июля 1905 г. в дополнительной директиве, данной С. Ю. Витте, указывалось, что некоторые соображения прежней инструкции в отношении Сахалина теряют свое значение. При этом, говорилось в директиве, «нельзя упускать из виду, что захват русской территории состоялся уже по изъявлению обеими воюющими странами согласия на приступление к мирным переговорам».

³ Царские дипломаты один за другим отказывались от поручения вести мирные переговоры с Японией. Они понимали, что задача будет очень трудной и вряд ли принесет лавры. Царь вынужден был обратиться к С. Ю. Витте, находившемуся в опале. Его кандидатуру усиленно рекомендовала на пост главы русской делегации европейская, и прежде всего французская, буржуазия.

Назначение С. Ю. Витте было встречено единодушным одобрением со стороны русской и иностранной буржуазии. Повсюду это назначение рассматривалось как серьезное намерение царской России пойти на мир.

Более десяти лет С. Ю. Витте играл ведущую роль в проведении дальневосточной политики России. Его влияние (министра финансов с 1892 г.) сказалось почти на всех мероприятиях, проводимых царской дипломатией на Дальнем Востоке до 1903 г. Оно особенно возросло с 1900 г., когда он помог назначению министром иностранных дел В. Н. Ламздорфа. В 1903 г. С. Ю. Витте был назначен председателем комитета министров — почетную, но без всяких прав должность.

⁴ Японские делегаты, прибывшие в Америку раньше русских, неофициально были приняты Рузвельтом на его даче в Ойстер-бей 14 июля (27 июля) 1905 г. Очень тепло встретив их, президент, по словам японского историка Киёдава, сказал: «Я готов предоставить себя в распоряжение сотрудников министерства иностранных дел». Глава японской делегации Комура Ютаро показал Рузвельту список требований, в отношении которых президент выразил свое полное удовлетворение. Однако он предвидел трудность в вопросе получения контрибуции, особенно после назначения главой русской делегации С. Ю. Витте [306, т. 1, с. 332].

⁵ В ходе работы конференции возвращались к обсуждению отдельных вопросов по несколько раз. Для большей ясности изложения, а также для того, чтобы сгруппировать по каждому отдельному вопросу все, что было в разное время сказано на конференции, пришлось отступить от хронологического принципа в освещении заседаний конференции и показать ход переговоров по каждому вопросу в том порядке, в каком они ставились (за исключением вопроса о Сахалине, который мы немного отодвигаем). Вопросы, которые занимали определенное место в последующей истории взаимоотношений двух стран, освещаются более подробно, чем остальные проблемы, обсуждавшиеся на мирной конференции.

⁶ По всем остальным вопросам японская делегация также приходила на заседания конференции или с новыми вариантами своих требований, или с некоторыми добавлениями, отражавшими в известной степени контрпредложения русских представителей.

⁷ Позднее получила название Китайской Восточной железной дороги.

⁸ Основной упор в своем письме Т. Рузвельт делал на уступку Сахалина, как бы мимоходом говоря об уплате «какой-либо крупной суммы как эквивалента за возвращенную таким образом территорию и за выдачу русских военнопленных» [70, док. № 145, с. 166]. В ответе же Витте ни слова не говорилось об острове, а все его возмущение было направлено против требования денежной суммы. Оба хорошо знали американское общественное мнение в этих вопросах, и Витте «бил» наверняка, учитывая, что в вопросе о контрибуции поддержка значительной части общественного мнения ему обеспечена.

⁹ Перед этим он говорил другим членам делегации: «Я хочу спросить у японцев одну вещь, посмотрим, удастся ли мне или нет. Хорошо было бы,

если бы удалось, тогда бы мы поставили их в трудное положение» (цит. по [121, 1918, № 9, с. 65]).

¹⁰ Гэнро — ближайшие советники императора из числа высших государственных сановников — участников революции Мэйдзи.

¹¹ Такэути, Синобу, Нумада и др.

Глава 7

¹ В 1906 г. в Японии было добыто 13 млн. т угля, выплавлено 145 тыс. т чугуна и 69 тыс. т стали. В том же году в Англии было добыто 251 млн. т угля, выплавлено 10,2 млн. т чугуна и 6,5 млн. т стали, в США соответственно 369,8 млн., 25,3 млн. и 23,4 млн. т (см. [237а, с. 494—498, 510]).

² Дополнительная статья к ст. 3 договора предусматривала вывод войск «не позднее как в течение 19 месяцев» (см. [72а, с. 343]).

³ Межведомственное совещание при министре финансов России вело дела по удовлетворению претензий лиц, потерпевших в результате перехода части русских владений и арендных прав к Японии, до 1 января 1915 г. [38, д. 877, ч. 2, с. 303].

⁴ Царское правительство в 1906—1911 г. форсировало переселение крестьян в Западную Сибирь, Среднюю Азию и на Дальний Восток. Было объявлено о предоставлении некоторых льгот переселенцам.

⁵ Ст. 3 предусматривала вывод войск Россией и Японией из Маньчжурии и восстановление китайского управления на всей территории Маньчжурии, за исключением Ляодунского полуострова.

⁶ В послеоктябрьский период, вплоть до 1945 г., японцы добивались сохранения установленных в 1907 г. порядков.

⁷ Тэраути — военный министр в 1902—1911 гг.

⁸ В Приамурское генерал-губернаторство входила вся территория русского Дальнего Востока.

⁹ Посол Н. А. Малевский-Малевич в июле 1909 г., ссылаясь на сведения официальной газеты «Кокумин», сообщал, что остаток от сметных ассигнований и разные непредвиденные поступления дали в 1908 г. 254 млн. иен, которые не были занесены в бюджет 1908 г. Часть этой суммы — 178 млн. иен — была израсходована на «разные предприятия», не вошедшие в смету этого года. Из оставшейся суммы только 42 млн. были внесены в бюджет 1909 г., а остальные распределены на «разные предприятия» [38, д. 915, л. 17].

Глава 8

¹ На эти деньги планировалось построить две броненосные канонерки, шесть подводных лодок и три заградителя. Намечалось также улучшить оборудование военных портов во Владивостоке и Николаевске-на-Амуре.

² Корейский народ освободился от японской кабалы лишь в 1945 г., после разгрома японских войск Советской Армией.

³ Приведенные данные о количестве вывезенной рыбы занижены, так как значительная ее часть добывалась японцами в реках, закрытых бухтах и заливах хищнически, в обход конвенции и поэтому не учитывалась русскими органами надзора. Ежегодно на берега Камчатки высаживалось до 10 тыс. японских рабочих. В Охотско-Камчатской акватории ежегодно промышляли до 250 японских шхун и 10 пароходов (см. [202, с. 277]).

⁴ Американский историк Забриски считал, что соглашение 1912 г. «с еще более крепко заперло двери перед долларовой дипломатией» [415а, с. 188].

⁵ В декабре 1911 г. во Внешней Монголии произошел переворот. Китайский гарнизон был разоружен и образовано правительство, независимое от Китая. В результате длительных переговоров в русско-китайской декларации от 5 ноября 1913 г. и в соглашении России, Китая и Внешней Монголии от 7 июня 1915 г. была признана автономия Внешней Монголии. Китай и Россия обязывались не вмешиваться во внутренние дела Внешней Монголии и не посылать туда войск. Таким образом, при поддержке России и в резуль-

тате народно-освободительного движения монгольского народа Внешняя Монголия добилась автономии — был сделан первый шаг по пути к созданию независимого монгольского государства.

⁶ В начале 1915 г. русские представители купили и заказали в Японии оружия и боеприпасов на 38 млн. иен: винтовки (335 тыс.), патроны (87,5 млн.), орудия (351 штука), снаряды (около 70 тыс.), на 42 млн. иен было куплено и заказано снаряжения: мундирное и шинельное сукно, сапоги, седла и т. п. (см. [56, сер. 3, т. 7, ч. 1, с. 156—158]).

⁷ Всего за время войны Россия получила из Японии 1135 орудий, 400 тыс. винтовок и 80 млн. патронов (см. [235а, с. 227, 410]). По другим данным, Япония поставила России до 635 тыс. винтовок [268а, с. 134].

⁸ Деятельность Гото после Октябрьской революции способствовала установлению советско-японских отношений, он активно высказывался за сближение с СССР.

⁹ Барк был одним из директоров Волжско-Камского банка. В 1914 г. был назначен министром финансов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Произведения основоположников марксизма-ленинизма *

1. *Маркс К.* Новая китайская война.— Т. 13.
2. *Маркс К.* Капитал. Т. I.— Т. 23.
3. *Маркс К.* Письмо Ф. Энгельсу, [8 октября] 1858 г.— Т. 29.
4. *Маркс К.* Письмо Ф. Энгельсу, 10 ноября 1858 г.— Т. 29.
- 4а. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Революция в Китае и Европе.— Т. 9.
5. *Энгельс Ф.* Из истории науки.— Т. 20.
6. *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма.— Т. 22.
7. *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов.— Т. 1.
- 7а. *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России.— Т. 3.
8. *Ленин В. И.* Китайская война.— Т. 4.
- 8а. *Ленин В. И.* Уроки кризиса.— Т. 5.
9. *Ленин В. И.* Первое мая.— Т. 8.
- 9а. *Ленин В. И.* Шаг вперед, два шага назад.— Т. 8.
10. *Ленин В. И.* Падение Порт-Артура.— Т. 9.
- 10а. *Ленин В. И.* Европейский капитал и самодержавие.— Т. 9.
11. *Ленин В. И.* Разгром.— Т. 10.
12. *Ленин В. И.* По поводу декларации нашей думской фракции.— Т. 13.
- 12а. *Ленин В. И.* Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.— Т. 16.
13. *Ленин В. И.* Новая аграрная политика.— Т. 16.
- 13а. *Ленин В. И.* Горючий материал в мировой политике.— Т. 17.
14. *Ленин В. И.* Наши упразднители (О г. Потресове и В. Базарове).— Т. 20.
15. *Ленин В. И.* По поводу юбилея.— Т. 20.
16. *Ленин В. И.* «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция.— Т. 20.
- 16а. *Ленин В. И.* Пятидесятилетие падения крепостного права.— Т. 20.
17. *Ленин В. И.* Итог.— Т. 20.
- 17а. *Ленин В. И.* Демократия и народничество в Китае.— Т. 21.
18. *Ленин В. И.* VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП.— Т. 21.
- 18а. *Ленин В. И.* Памяти Герцена.— Т. 21.
19. *Ленин В. И.* Отсталая Европа и передовая Азия.— Т. 23.
- 19а. *Ленин В. И.* О праве наций на самоопределение.— Т. 25.
20. *Ленин В. И.* Вопрос о мире.— Т. 26.
21. *Ленин В. И.* Под чужим флагом.— Т. 26.
- 21а. *Ленин В. И.* Социализм и война.— Т. 26.
22. *Ленин В. И.* Империализм как высшая стадия капитализма.— Т. 27.
23. *Ленин В. И.* Империализм и раскол социализма.— Т. 30.
24. *Ленин В. И.* О сепаратном мире.— Т. 30.
25. *Ленин В. И.* Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г.— Т. 31.
26. *Ленин В. И.* Война и революция.— Т. 32.

---

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даны по 2-му изданию Сочинений, произведения В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

27. Ленин В. И. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.— Т. 35.
28. Ленин В. И. II конгресс Коммунистического Интернационала.— Т. 41.
29. Ленин В. И. Открытое письмо членам Заграничной лиги.— Т. 46.

Источники. Архивные материалы

Архив внешней политики России (АВПР)

30. Фонд Главного архива, отдел I—1, 1800—1916 гг.
31. Фонд Главного архива, отдел I—7, 1775—1895 гг.
32. Фонд Главного архива, отдел I—9, 1774—1905 гг.
33. Фонд Главного архива, отдел I—13, 1789—1837 гг.
34. Фонд Главного архива, отдел II—16, 1801—1877 гг.
35. Фонд Главного архива, отдел II—27, 1788—1834 гг.
36. Фонд Сношения России с Японией («Японские дела»), 1739, 1742, 1796 гг.
37. Фонд Российско-американской компании, 1733—1828 гг.
38. Фонд Японского стола, 1824—1918 гг.
39. Фонд Канцелярия.
40. Фонд Китайского стола.
41. Фонд Секретный архив, д. 764.
42. Фонд Азиатского департамента.
- 42а. Фонд Шведские дела, 1728 г.
- 42б. Фонд Миссия в Токио.

Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА)

43. Фонд Государственного архива, разряд VII, XI, XXIV.
- 43а. Фонд Портфель Миллера, № 533.
- 43б. Фонд Сенатская книга, № 666.

Архив внутренней политики, культуры и быта

44. Фонд Непременного совета, д. 103.

Центральный государственный архив Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ)

45. Фонд Архив вице-адмирала И. Ф. Лихачева, опись 1, 1826—1907 гг.
46. Фонд Высочайшие повеления, опись 7, 1725—1917 гг.
47. Фонд Канцелярии генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, опись 1, 1850—1860 гг.
48. Фонд Канцелярии Морского министерства, опись 1, 1836—1848 гг.; опись 2, 1836—1888 гг.

Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА)

- 48а. Фонд 172.
- 48б. Фонд 181.

Документы

49. Внешняя политика России. XIX — начало XX века. Документы русского министерства иностранных дел. Серия 1, т. 1—7; серия 2, т. 1—6. М., 1960—1982.
50. «Вперед» и «Пролетарий». Истпарт. Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б). М.—Л., 1925.

- 50а. Всеподданнейший отчет генерал-адъютанта графа Путятина о планировании отряда военных судов наших в Японию и Китай в 1852—1855 года.— Морской сборник. 1856, № 10.
51. Документы по переговорам с Японией 1903—1904 гг., хранящиеся в канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. СПб., 1905.
52. Конец русско-японской войны (Военное совещание 24 мая 1905 г. в Царском Селе).— Красный архив. Т. 3 (28).
53. Красный архив, 1924—1934.
54. Материалы по Дальнему Востоку. Маньчжурия и Корея (Английская «Синяя книга» и японская «Белая книга», 1901—1904 гг.). СПб., 1904.
55. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1925.
56. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878—1917. Серия 2, т. 17—20; серия 3, т. 1—10. М., 1932—1940.
57. Обзор заграничных плаваний судов русского военного флота с 1850 по 1868 год. Т. 1—2. СПб., 1871.
58. Описание Кореи. Приложение III. СПб., 1900.
59. Пальмер А. Х. Записка о Сибири, Маньчжурии и об островах северной части Тихого океана. СПб., 1906.
60. Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1, 1701—1713. СПб., 1882; кн. 2, 1713—1724. СПб., 1885.
- 60а. Переписка Вильгельма II с Николаем II (1894—1914 гг.). М.— Пг., 1923.
61. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1 (1688—1701). СПб., 1887.
62. Письма императрицы Екатерины II к [Ф. М.] Гримму (1774—1796).— Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 23, СПб., 1878.
63. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание Первое. СПб., 1830.
64. Пролог русско-японской войны. Материалы из архива С. Ю. Витте. Пг., 1916.
65. Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 года. СПб., 1906.
66. Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925.
67. Русская Тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979.
68. Русские финансы и европейская биржа в 1904—1905 гг. Л., 1925.
69. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1884.
70. Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора. СПб., 1906.
71. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905. СПб., 1906.
72. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927.
- 72а. Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М., 1952.
73. Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами. СПб., 1891.
74. Сборник торговых договоров и других вытекающих из них соглашений, заключенных между Россией и иностранными государствами. Пг., 1915.
- 74а. Сборник узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1907.
75. Стенографические отчеты государственной Думы за 1905—1914 гг. 3-й созыв, сессия 1, 2.
76. Торговля с Японией.— Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов. Т. 1. Кн. 4. СПб., 1865.
77. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882.

78. Экспедиция Беринга. Сборник документов. М., 1941.
- 78а. Юзефович Т. Договоры России с Востоком (Трактат о торговле, заключенный между Россией и Японией в Симода 26 января 1855 г.). СПб., 1869.
79. Гайко-си дзайрёсю (Сборник материалов по истории дипломатии). Токио, 1942.
80. Дайниппон гикай цухо (Японский парламентский вестник). Токио, 1890—1917.
81. Дайниппон комондзё. Бакумацу гайкоку канкэй бунсё (Сборник древних актов Японии. Документы о внешних сношениях в период Бакумацу). Т. 1—3. Токио, 1911—1912.
82. Дайнихон гайко бунсё (Документы по внешней политике Японии). Т. 1—9. Токио, 1936—1940.
83. Дайнихон гайко бунсё (Документы по внешней политике Японии). Т. 1—2. Токио, 1949.
84. Мэйдзи 37—38 Нэн Кайсэн. Дайниппон самбо хомбу хэн (Описание военных действий на море в 37—38 гг. Мэйдзи. Составлено японским генеральным штабом). Т. 1. Токио, 1911.
85. Нихон гайко бунсё (Документы по внешней политике Японии). Т. 8, 10. Токио, 1960.
86. Нихон пуроретария тосонэн дайки (Хронология борьбы японского пролетариата). Издание ЦК КПЯ. Токио, 1948.
87. Нихон сьякасюги бунгаку (Японская социалистическая литература). Токио, 1929.
88. Нихон хьякунэн гайко сёси. Гаймусё хэн (Краткая история дипломатии Японии за 100 лет). Издание МИД Японии. Токио, 1958.
89. Фуккоки (Летопись периода реставрации). Т. 1—5. Токио, 1930—1931.
90. Циндай ди вайдзёо вьндзьянь (Дипломатические документы династии Цин). Т. 190. Пекин, 1932.
91. Циндай ди вайдзёо вьндзьянь. Т. 191. Пекин, 1932.
92. British Documents on the Origins of the War (1898—1914). Т. 1—11. L., 1927—1938.
93. Congressional Record. The Prossidings and Debates. Wash., 1905—1917.
94. Correspondence Respecting Affairs in Japan (In Continuation of Correspondence Presented to Parliament in February 1863). L., 1864.
95. Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. 1871—1914. Bd. 1—40. B., 1922—1929.
96. Documents diplomatiques français, 1871—1914. I—III série. Т. 1—41. P., 1929—1955.
97. Papers Relating to the Foreign Policy of the United States. Wash., 1861—1917, 1894—1945.
98. Select Documents on Japanese Foreign Policy (1853—1868). London, New York, Toronto, 1955.
- 98а. *Loebel D.* American Foreign Policy. A Documentary Survey. 1776—1960. N. Y., 1961.

Справочные издания

99. Библиография Японии. Литература, изданная на русском языке с 1917 по 1958 г. М., 1960.
100. Библиография Японии. Литература, изданная в Советском Союзе на русском языке с 1959 по 1973 г. М., 1984.
- 100а. Большая Советская Энциклопедия. Т. 9.
101. Дипломатический словарь. Т. 1—3. М., 1971, 1973.
- 101а. Русское Императорское географическое общество. Систематический указатель статей, касающихся материка Азии в изданиях Русского географического общества с 1847 по 1891 г. Иркутск, 1898.
102. Справочник по Северной Маньчжурии и КВЖД. Харбин, 1927.

103. Бартошевский Н. Япония (Очерки из записок путешественника вокруг света). Взгляд на политическую и социальную жизнь народа. СПб., 1868.
104. [Бошняк Н. К.]. Занятие части о. Сахалина и зимовка в Императорской гавани (Из записок лейтенанта Бошняка).— Морской сборник. 1859, № 10.
105. [Бошняк Н. К.]. Экспедиция в Приамурском крае лейтенанта Бошняка. Экспедиция на Сахалине с 20 февраля по 3 апреля 1852 г.— Морской сборник. 1858, № 12; 1859, № 1, 3.
106. Брылкин А. Статистические сведения о южной части Сахалина. СПб., 1868.
107. Буссе Н. В. Остров Сахалин и экспедиция 1853—1854 гг. Дневник 25 августа 1853 г.— 19 мая 1854 г. СПб., 1872.
108. Бюлов Б. Воспоминания. М.— Л., 1935.
- 108а. Витте С. Воспоминания. Т. 1—3. М., 1960.
109. Герцен А. И. Былое и думы. Ч. 1—3, 6—8. М., 1967.
110. [Головнин В. М.]. Записки Василия Михайловича Головнина в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах и жизнеописание автора. Ч. 1—3. СПб., 1851.
111. [Головнин В. М.]. Сокращенные записки Головнина о плавании его на шлюпе «Диана» для описи Курильских островов в 1811 г. СПб., 1864.
112. Гончаров И. А. Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов (Из путевых заметок). СПб., 1855.
113. Горчаков А. М. Рассказы А. М. Горчакова.— Русская старина. 1883, октябрь.
114. [Давыдов Г. И.]. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. Ч. 1. СПб., 1810; ч. 2. СПб., 1812.
115. Де-Прерадович Ф. Этнографический очерк Южного Сахалина.— Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. Т. 2. Вып. 1. СПб., [б. г.].
116. Извольский А. П. Воспоминания. Пг.— М., 1924.
117. Исии Кикудзиро. Дипломатические комментарии. М., 1942.
118. Истомин С. Краткий очерк токугавского восстания на острове Иессо.— Морской сборник. 1870, № 7.
119. Келлен А. Остров Сахалин, его каменноугольные месторождения и развивающаяся на нем каменноугольная промышленность.— Горный журнал. 1875, № 7—8, 11.
120. Константинов В. М. Оросия коку суймудан (Сны о России). М., 1961.
121. Коростовец Н. Дневник секретаря Витте. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 г.— Былое. 1918, № 1, 2, 9.
122. Космография 1670. Книга, глаголемая Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих. СПб., 1878—1881.
123. Куропаткин А. Н. Записки ген. Куропаткина о русско-японской войне. Берлин, 1911.
124. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М., 1948.
125. Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, [1804], [1805] и 1806 годах по повелению его императорского величества Александра Первого на кораблях «Надежда» и «Нева». Ч. 1—3. СПб., 1809—1812.
126. Лопатин И. Рапорт к г. генерал-губернатору Восточной Сибири.— Горный журнал. 1870, № 10.
127. [Махов В.]. Фрегат «Диана».— Путевые записки бывшего в 1854—1855 годах в Японии протонеря Василия Махова. СПб., 1867.
128. Мицур М. Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1873.
129. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России, 1849—1855. М., 1947.
130. Невельской Г. И. По поводу воспоминаний Н. В. Буссе об острове Сахалине и экспедиции 1853 г.— Вестник Европы. 1872, кн. 8.
- 130а. Носов Г. Заметки об острове Сахалине и каменноугольных ломках на

- нем производимых (Из путевого журнала горного инженера штабс-капитана Носова).— Горный журнал. 1859, № 1.
131. *Носов (первый)*. О сахалинском каменном угле.— Горный журнал. 1860, № 3.
132. *Поливанов Л. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924.
133. *Пуанкаре Р.* На службе Франции. Воспоминания за девять лет. Т. 5—6. М., 1936.
- 133а. [*Резанов Н. П.*]. Первое путешествие россиян около света, описанное Н. Резановым, чрезвычайным посланником ко двору японскому.— Отечественные записки. 1822, ч. 12, кн. 31, 32; 1823, ч. 14, кн. 36, 38; ч. 15, кн. 40; 1824, ч. 20, кн. 54, 55; 1825, ч. 23, кн. 64, ч. 24, кн. 66, 67.
134. [*Рикорд П. И.*]. Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами. СПб., 1816.
135. *Рудановский Н. В.* По поводу воспоминаний Н. В. Буссе об острове Сахалине и экспедиции 1853 года.— Вестник Европы. 1872, кн. 8.
136. [*Рюмин И.*]. Записки канцеляриста Рюмина о приключениях его с Бениовским. СПб., 1822.
137. *Спафарий Н. Г.* Описание первая части вселенная, именуемой Азией, в ней же состоит Китайское государство с прочими его города и провинции. Казань, 1910.
138. *Сухомлинов В.* Воспоминания. Берлин, 1924.
139. *Титов А.* Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890.
- 139а. *Чехов А. П.* Остров Сахалин. М., 1895.
140. *Чечин П.* Записки японцев о России конца XVIII и начала XIX в.— Сибирский архив, Иркутск, 1913, № 3.
141. [*Шелехов Г. И.*]. Российского купца именитого рыльского гражданина Григория Шелехова первое странствование с 1783 по 1787 год. М., 1971.
142. *Ясуси Иноуэ.* Сны о России. М., 1977.
143. Ивакура-ко-но никки (Дневник князя Ивакура). Т. 1—3. Токио, 1903.
144. Ито Хиробуми сюки (Записки Ито Хиробуми). Токио, 1940.
145. *Комацу Эн.* Ито Хиробуми дэн (Биография Ито Хиробуми). Токио, 1940.
146. *Курода Косиро.* Генсуй Тэраути хаки дэн (Биография маршала графа Тэраути). Токио, 1920.
147. *Мамия Ринзо.* Кита Эдзо Цусеццу (Картографическое описание Сахалина).— Хокумонсё. Т. 5. Токио, 1944.
148. *Мамия Ринзо.* Тодацу Кико (Поездки в Восточную Татарию). Дайрен, 1938.
149. *Могами Токунай.* Эдзо соси (Записки об Эдзо). Токио, 1965.
150. *Муцу Мунэмицу.* Тюгинаки (Записки верноподданного). Токио, 1895.
151. *Окубо Тосимити.* Дзэнсю (Собрание сочинений). Т. 1—5. Токио, 1905.
152. *Оматси Кэйгэцу.* Гото Сёдзиро хаку (Граф Гото Сёдзиро). Токио, 1914.
153. Росиа осэцуканэ Кавадзи Саэмоно-но-дзё никки (Дневник Кавадзи Саэмоно-но-дзё, уполномоченного принять русских). Токио, 1913.
154. *Сибусава Эйити.* Токугава Есинобу-ко дэн (Биография князя Токугава Есинобу). Т. 1—8. Токио, 1918.
155. *Сикадзи Оуэмацу.* Муцу дайдин (Министр Муцу). Токио, 1899.
156. *Токурами Итиро.* Кацура Таро-ко дэн (Биография князя Кацура Таро). Токио, 1918.
- 156а. *Токурами Итиро.* Ямагата-ко дэн (Биография князя Ямагата). Токио, 1920.
157. *Токутоми Итиро.* Кацура-ко дэн (Биография князя Кацура). Токио, 1918.
158. *Токутоми Итиро.* Ямагата Аритомо-ко дэн (Биография князя Ямагата Аритомо). Токио, 1933.
159. *Харита Сёдзаю.* Иноуэ-ко дэн (Биография князя Иноуэ). Токио, 1932.
160. *Хаяси Тадасу.* Одзи-ни океру цуйсоки (Воспоминания о былом). Токио, 1910.
161. Хигаси Азия юэй динбуцу дэн. Кокуройкай-но сиридзу (Биографии вы-

- дающихся деятелей Восточной Азии. Серия общества «Черный дракон»). Т. 1. Токио, 1941.
162. Эномото Буё-но Сибэриа никки (Сибирский дневник Эномото Буё). Токио, 1941.
163. *Alcock R.* The Capital of the Tycoon. A Narrative of a Three Years Residence in Japan. Т. 1—2. L., 1863.
164. *Bishop J. B.* T. Roosevelt and His Times Shown in His Letters. Т. 1—2. N. Y., 1920.
165. *Brandt M.* Japan. Erinnerungen eines Deutschen Diplomaten. Hamburg und Berlin, 1920.
166. *Bülow B.* Etinierung. Т. 1—2. B., 1909.
- 166a. Despatches from Mr. Alcock Her Majesty's Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary in Japan. L., 1860.
167. *Harris T.* Dyerics. N. Y., 1930.
- 167a. *Hawks F. L.* Narrative of Expedition of an American Squadron to the China Seas and Japan, Performed in the Years 1852, 1853 and 1854 under the Command of Commodore M. C. Perry, US Navy by Order of the Government of the United States. N. Y., 1857.
168. Japan 1853—1864 or Genji Yume Monogatari. Tokyo, 1905.
169. *McCouley E.* With Perry in Japan. Princeton, 1942.
170. *Oliphant L.* Narrative of the Earl of Elgin's Mission to China and Japan in the Years 1857, [18]58, [18]59. N. Y., 1860.
171. *Roosevelt Th.* An Autobiography. N. Y., 1913.
172. *Roosevelt Th.* Selections from the Correspondence of Theodore Roosevelt and Henry Cabot Lodge. 1884—1918. Т. 1—2. N. Y.—L., 1925.
173. *Rosen R. R.* Forty Years of Diplomacy. Т. 1—2. N. Y., 1922.
174. *Satow E.* A Diplomat in Japan. L., 1921.
175. *Siebold A. F. von.* Der Eintritt Japans in das europäische Völkerrecht. B., 1900.
176. *Siebold A. F. von.* Japan's Accesion to the Comity of Nations. Amsterdam, 1859.
177. *Siebold A. F. von.* Phillipp Franz von Siebolds letzte Reise nach Japan 1859—1862. B., 1903.
178. *Siebold Ph. Fr. von.* Open brieven uit Japan door. Desima, 1861.
179. *Siebold Ph. Fr. von.* Urkundlichte Darstellung der Bestrebungen von Niederland und Russland zur Eröffnung Japan's für die Schifffahrt und dem Seehandel aller Nationen. Bonn, 1854.
180. *Spring-Rise C.* The Letters and Friendships of Sir Cecil Spring Rise. Т. 1—2. Boston—New York, 1929.
181. *Thayer W. R.* Life and Letters of Hay. Т. 1—2. Boston—New York, 1915.
182. *Tronson J. M.* Personal Narrative of a Voyage to Japan, Kamchatka, Siberia, Tartary and Various Parts of the Coast of China in H. M. S. Barracouta. L., 1859.
183. *Williams S. W.* A Journal of the Perry Expedition to Japan 1853—1854.—Transactions of the Asiatic Society of Japan. t. 37, pt. 2. Yokohama, 1910.

Литература

184. *Аварин В. Я.* Империализм в Маньчжурии. Т. 1. М.—Л., 1934.
185. Армия в первой революции 1905 г. Комиссия ЦИК СССР по организации празднования 20-летия революции. М., 1927.
186. *Барсуков И.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (Материалы для биографии). Кн. 1—2. М., 1891.
187. *Бартольд В. А.* История изучения Востока в Европе и в России. М., 1925.
188. *Баскин С. И.* Путешествие Евреинова и Лужина в Курильский архипелаг (1719—1722).—Известия Всесоюзного географического общества. Т. 84. Вып. 4. 1952.
189. *Бедняк И. Я. и др.* Очерки новой истории Японии (1640—1917). М., 1958.

190. Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, 1725—1742 гг. М.—Л., 1946.
191. Берх В. Н. Сношения русских с Японией или образцы японской дипломатии.—Северный архив. 1826, ч. 22, № XIV, XV.
192. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1970.
193. Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики (1906—1910 гг.). М., 1961.
194. Богарт Э. Л. Экономическая история Соединенных Штатов. М., 1927.
195. Буйницкий А. Исторический обзор сношений образованного мира с Японией.—Морской сборник. 1860, № 9, 10.
196. Бутковский Я. Сахалин и его значение.—Морской сборник. 1874, № 4.
197. Венюков М. Обзорение японского архипелага в современном его состоянии. Ч. 1—3. СПб., 1871.
- 197а. Венюков М. Материалы для военного обзора современных русских границ в Азии. Первый участок. Остров Сахалин.—Военный сборник. Т. 86, 1872.
- 197б. Венюков М. Международные вопросы в Азии.—Русский вестник. 1877, № 6.
198. Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России.—Труды третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге, 1876. Т. 1. СПб., 1879—1880.
199. Военский К. Русское посольство в Японию в начале XIX века (Посольство Резанова в Японию в 1803—1805 гг.).—Русская старина. 1895, № 7, 10.
200. Гальперин А. Л. Англо-японский союз. 1902—1921 годы. М., 1947.
201. Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов — сибирский картограф и географ. 1642 — после 1720 г. М., 1965.
202. Григорцевич С. С. Дальневосточная политика империалистических держав. 1906—1917. Томск, 1965.
203. Груг-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области. СПб., 1894.
204. Губер А. А. Международные отношения на Дальнем Востоке (1894—1904).—Ученые записки Тихоокеанского института Академии наук СССР. Т. 1, 1947.
205. Давнар-Запольский Е. Задача экономического возрождения России. СПб., 1914.
206. Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948.
207. Жуков Е. Первый этап социалистического движения в Японии и марксизм.—Памяти Карла Маркса. Л., 1933.
208. Жуков Е. М. История Японии. М., 1939.
209. Иванова Г. Д. Из истории русско-японских культурных связей.—Япония. Ежегодник, 1982. М., 1983.
210. Иванов П. Распоряжения Петра Великого об обучении в России японскому языку.—Вестник императорского Русского географического общества. Ч. 8. Кн. 3. Отд. VIII. СПб., 1853.
211. Известие о первом российском посольстве в Японию под начальством поручика Адама Лаксмана. М., 1905.
212. История дипломатии. Т. 1. М., 1941, т. 2. М., 1963.
213. Изнага Сабуро. История японской культуры. М., 1972.
214. Кин Д. Японцы открывают Европу. 1720—1830. М., 1972.
215. Кириллов Н. В. Аляска и ее отношения к Чукотскому полуострову.—Известия Российского географического общества. Т. 48. Вып. 1—5. СПб., 1912.
216. Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966.
217. Константинов В. М. Свидетельства японцев о России XVIII века.—Советское востоковедение. 1958, № 2.
218. Константинов В. М. Сведения об экипаже корабля «Синсе-мару».—Проблемы востоковедения. 1959, № 3.
- 218а. Краткий очерк истории русской культуры (С древнейших времен до 1917 г.). Л., 1967.
219. Кротокин П. А. Об исследованиях И. А. Лопатина на Сахалине.—Из-

- вестия императорского Русского географического общества. Т. 5. 1869, № 7.
220. Курильская гряда (Заметки капитана Сноу).— Записки общества изучения Амурского края. Т. 8. Вып. 1. Владивосток, 1902.
221. *Кутаков Л. Н.* К истории Портсмутского договора.— Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1950, № 2.
222. *Кутаков Л. Н.* Восстановление исторических прав.— Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1951, № 2.
223. *Кутаков Л. Н.* Портсмутский мирный договор (из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905—1945 гг.). М., 1961.
224. *Кутаков Л. Н.* Портсмутский договор в русско-японских отношениях.— Китаи, Япония. История и философия. М., 1961.
225. *Кутаков Л. Н.* Русская буржуазия и вопрос о войне и мире в 1905 г. в сборнике «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963.
226. *Кутаков Л. Н.* Из истории Курильских островов.— Вопросы истории. 1963, № 8.
227. *Кутаков Л. Н.* Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964.
228. *Кутаков Л. Н., Вербицкий С. И.* Из истории русско-японских и советско-японских отношений.— Проблемы Дальнего Востока. 1981, № 3.
229. *Кэндзабуро Оэ.* Футбол 1860. М., 1983.
230. *Кюннер Н. В.* Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования Романовых. Владивосток, 1914.
231. *Лагус В.* Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб., 1890.
232. *Лебедев Д. М.* География России XVII в. М.— Л., 1949.
233. *Левицкий Н. А.* Русско-японская война 1904—1905 гг. М., 1938.
234. *Лиф Ш.* Война и экономика Японии. М., 1940.
235. *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. Т. II. Капитализм. М., 1952.
- 235а. *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937.
236. Международные отношения на Дальнем Востоке. 1840—1949. М., 1956.
237. *Миллер Г. Ф.* Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с российской стороны учиненных.— Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. Ч. 1—2. 1758.
- 237а. Мировые экономические кризисы. 1848—1935. М., 1937.
- 237б. *Морской А.* Разочарования в честном маклерстве. Т. Рузвельт и Портсмутские совещания. М., 1911.
238. *Нарочницкий А. Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М., 1956.
239. *Невельской Г. И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849—1855. М., 1947.
240. *Новаковский С. И.* Япония и Россия. Ч. 1. Токио, 1918.
241. Новая история стран зарубежного Востока. М., 1952.
242. *Норман Г.* Становление капиталистической Японии. М., 1952.
243. *Оглоблин Н. Н.* Две «скаски» Вл. Атласова об открытии Камчатки.— Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 3. 1891.
244. *Оглоблин Н. Н.* Первый японец в России, 1701—1705 гг.— Русская старина. 1891, № 10.
- 244а. *Окунь Б.* Российско-американская компания. М.— Л., 1939.
245. *Олсуфьев А.* Общий очерк Анадырской округи. СПб., 1896.
246. Отзывы иностранных газет о действии союзного флота против русской эскадры в Восточном океане.— Морской сборник. 1856, № 7.
247. *Пеликан А.* Прогрессирующая Япония. СПб., 1895.
248. *Петров Д. В.* Колониальная экспансия Соединенных Штатов Америки в Японии в середине XIX в. М., 1955.
249. *Плеханов Г. В.* Сочинения. Т. 7. М., 1923.
250. *Позднеев Д. А.* Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к матерiku Азии и России. Т. 1—2. Иокогама, 1909.

- 250а. Полевой Б. П. К истории открытия Татарского пролива.— Страны и народы Востока. М., 1968.
251. Полевой Б. П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959.
252. Полевой Б. П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982.
253. Полонский А. Курилы.— Записки Императорского Российского географического общества по отделению этнографии. Т. 4, 1871.
254. Попов К. М. Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли. М., 1964.
255. Преображенский А. А. Первое русское посольство в Японию.— Исторический архив. М., 1961, № 4.
- 255а. Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.
256. Пролетариат в революции 1905—1907 гг. М., 1930.
257. Радуль-Затюловский Я. Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.—Л., 1947.
258. Розенталь Э. Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX века. М., 1960.
259. Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892—1906). Л., 1928.
- 259а. Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907. М.—Л., 1955.
260. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948.
261. Самойлов В. Из истории сношений России и Японии в XVII—XVIII веках.— Исторический журнал. 1940, № 6.
262. Себнев А. Об обучении в России японскому языку.— Морской сборник. 1868, № 12.
263. Себнев А. Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в XVIII и начале XIX столетий.— Морской сборник. 1869, № 1.
264. Себнев А. Рязанов и Крузенштерн (Эпизод из первого кругосветного плавания русских).— Древняя и новая Россия. Т. 1. СПб., 1877.
265. Себнев А. Экспедиция Шестакова.— Морской сборник. 1869, № 2.
266. Сен Катаяма. Пройденный путь.— Октябрь. 1930, кн. 1—5.
- 266а. Сен Катаяма. Современная Япония. М., 1926.
267. Сен Катаяма. Япония и Америка. М., 1925.
268. Сергеев М. А. Курильские острова. М., 1947.
- 268а. Сидоров А. Л. Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время первой мировой войны (1914—1917).— Исторические записки. Т. 15. 1945.
269. Сидоров А. Л. Русско-японская война (1904—1905 гг.). М., 1946.
- 269а. Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960.
270. Синтаро Накамура. Японцы и русские. Из истории контактов. М., 1983.
271. Славин С. Американская экспансия на северо-востоке России в начале XX века.— Летопись Севера. 1949, № 1.
272. Сладковский М. И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957.
273. Слюнин Н. Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов. Отчет за 1892—1893 гг. СПб., 1895.
274. Соловьев В. И. Курильские острова. М., 1947.
275. Спасский Г. С. Монах Игнатий Козыревский.— Сибирский вестник. Ч. 2. СПб., 1823.
276. Табохаси Киёси. Дипломатическая история японо-китайской войны, 1894—1895. М., 1956.
277. Тарле Е. В. Крымская война. Т. 2. М., 1950.
278. Теплов В. Отзвуки Портсмутского мира и англо-японский договор. СПб., 1905 (оттиск из журнала «Русский Вестник»).
279. Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действия ее до настоящего времени. Ч. 1. СПб., 1861, ч. 2, 1863.

280. *Ульчинский Н. И.* Очерки полезных ископаемых русского Сахалина. СПб., 1907.
281. *Унтербергер П. Ф.* Приамурский край (1906—1910). СПб., 1912.
282. *Файнберг Э. Я.* Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. М., 1960.
283. *Федоров М. П.* Соперничество торговых интересов на Востоке. СПб., 1903.
284. *Фишер Г.* Сибирская история. СПб., 1774.
285. *Хвостов В. М.* История дипломатии. Т. 2. М., 1963.
286. *Черевко К. Е.* Как в Россию проникали первые сведения о Японии.— Проблемы Дальнего Востока. 1976, № 4.
287. *Черевко К. Е.* Курильские острова в русской и зарубежной картографии.— Использование старых карт в географических исследованиях. М., 1980.
288. *Черевко К. Е.* Экономическое освоение Сахалина: история и современность.— Проблемы Дальнего Востока. 1979, № 4.
289. *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в революции 1905—1907 гг. М., 1935.
290. *Эйдус Х. Т.* Очерки новой и новейшей истории Японии. М., 1955.
291. *Эйдус Х. Т.* Япония от первой до второй мировой войны. М., 1946.
292. Японская поэзия. М., 1954.
293. Японский сборник.— Ученые записки Института востоковедения. Т. 15. М., 1956.
294. Японцы о Японии. Сборник статей первоклассных японских авторитетов. СПб., 1906.
295. *Абэ Масами.* Хакодатэ тэто Рогоку рёдзи Госукэбити (Гошкевич, русский консул в Хакодате).— Рэкиси тири. Т. 36. 1920, № 2—4.
296. *Бертон Петер.* Ничиро рёдо мондай. 1850—1875 (Русско-японские пограничные проблемы. 1850—1875). Токио, 1967.
297. *Вада Тосиаки.* Хоппо рёдо-но гэнкаку (Галлюцинации северных территорий). Токио, 1982.
- 297а. *Георгиев Ю. В.* Россияни итта сайсёно нихондзинва дарска? (Кто был первым японцем в России?) — Коннитино сорэнно 1975, № 16, 17.
298. *Идзу Кимио.* Нихон рэкиси (История Японии). Токио, 1953.
299. *Инобэ Сигэо.* Бакумацу-си гайсюцу (Общая история периода Бакумацу). Токио, 1930.
300. *Инобэ Сигэо.* Мацудайра Саданобу то Эдзо ни кайко (Мацудайра Саданобу и вопрос об Эдзо).— Сигаку дзасси. С. 45. Токио, 1934.
301. *Иноуэ Кийёси.* Дзёяку кайсэй (Пересмотр договоров). Токио, 1956.
302. *Иноуэ Кийёси.* Нихон гэндайси (Современная история Японии). Т. 1. Токио, 1954.
303. *Исиши Кикудзиро.* Кокусайхо-кара мита кайко (Открытие портов с точки зрения международного права).— Рекисигаку кениё. 1939, т. 9, № 10.
304. *Камэи Такаёси.* Дайкокуя Кодаю (Записки Кодаю). Токио, 1964.
305. *Касима Мариносукэ.* Тейкоку гайко то даитоа Кезэйкэн (Дипломатия империи и сфера процветания Великой Восточной Азии). Токио, 1943.
306. *Кийёдзава Кийёси.* Нихон гайко-си (История японской дипломатии). Т. 1—2. Токио, 1942.
307. *Комацу Мидори.* Гайко хива Мэйдзи (Секретные дипломатические переговоры эпохи Мэйдзи). Токио, 1927.
308. *Коно Цунэёси.* Ака Эдзо Фусэцу-конотеса Кудо Хэйскэ (Проблемы Эдзо и Кудо Хэйскэ).— Сигаку дзасси. Т. 26. Токио, 1915.
309. *Коно Цунэкичи.* Анэй ицзэн Мацумаэ-хан-то родзин-то-но канкэй (Отношения между кланом Мацумаэ и русскими со времени эры Анэй). Сигаку дзасси. Т. 27. 1916, № 6.
310. *Корияма Есимити.* Бакумацу Нитиро Канкэй-си кэнкю (Изучение истории японо-русских отношений в период Бакумацу). Токио, 1980.
311. *Кудо Хэйскэ.* Ака Эдзо Фусэцу ко (Изучение сообщений о рыжих айну на Эдзо). Т. 1. Токио, 1943.
312. *Кумэбо Кодзи.* Ивакура Токумэй тайси-но Еуропа то Америка сю (Записки о поездке полномочного посла Ивакура Токумэй в Европу и Америку). Токио, 1878.
313. *Маруяма Кунио.* Киндай Нихон гайкоку-си (История внешней политики современной Японии). Токио, 1941.

314. *Мацунага Тёкэн*. Карафуто оёби Камутякка (Сахалин и Камчатка). Токио, 1905.
315. *Минакава Синсаку*. Могами Токунай. Токио, 1943.
316. *Мори Кюити*. Нихон сихонсюги хассэй-си (История развития японского капитализма). Токио, 1935.
- 316а. *Моритани Х.* Ивакура тайси но Америкатёу Еуропа (Поездка полномочного посла Ивакура в Америку и Европу). Сер. «Сигаку кайхэн». Токио. 1935.
317. *Мотояма Кэйсэн*. Россия синкан санбьякунен (Триста лет русской агрессии). Токио, 1939.
318. *Нагаи Ероскэ*. Мэйдзи Тайсё-си Гайко-хэн (История периодов Мэйдзи и Тайсё). Т. 1—2. Токио, 1930.
319. *Найто Кано*. Кэнро фусюсэй симацу (История японских студентов, отправленных в Россию). Токио, 1943.
320. *Накамура Дзэнтаро*. Тисима Карафуто синряку-си (История агрессии на Курильских островах и Сахалине). Токио, 1943.
321. *Нисиока Тораносукэ*. Уэхара Сэнроку, Хаяси Мото. Нихон рэкиси кодза (Лекции по истории Японии). Т. 4. Ч. 2. Токио, 1955.
322. Нихон бунгаку хякка дитэн (Большая японская литературная энциклопедия). Токио, 1947.
323. Нихон бунгаку си дзитэн (Японская историко-литературная энциклопедия). Токио, 1955.
324. *Нумада Итиро*. Нитиро гайко-си (История японо-русских отношений). Токио, 1943.
325. *Нэдзу Масаси*. Гендай Нихон-си (История современной Японии). Токио, 1967.
326. *Окамото Рюносукэ*. Нитиро канкэй каранда Хоккайдо-си (История Хоккайдо в связи с русско-японскими отношениями). Токио, 1898.
327. *Окума Сигэнобу*. Кайкоку тайсэй-си (История открытия Японии). Токио, 1913.
328. *Осатакэ Такэси*. Кокусай-хо ёри митару бакумацу гайко моногатари (Обзор внешней политики [Японии] в период Бакумацу с точки зрения международного права). Токио, 1929.
329. *Ота Сабуро*. Карафуто-ни кансуру нитиро гайко тосо (Русско-японская дипломатическая борьба, касающаяся Сахалина). Токио, 1941.
330. *Саито Бундзо*. Нихон гайко-си. «Дайнихон-си кодза» (История японской дипломатии) — Лекции по истории Японии. Т. 12. Токио, 1929.
331. Секай рекиси (Всемирная история). Т. 4. Токио, 1949.
332. *Сига Иосио*. Азия судан андзэн-но хосё то Тисима мондай (Обеспечение коллективной безопасности в Азии и проблема Курил). Токио, 1973.
333. *Симмура Идзуру*. Дзоку нимбан коки (Записки о путешествиях южных варваров). Токио, 1925.
334. *Сугимори Кодзи*, *Фудзимото Вакио*. Нитиро-ниссо канкэй (нихянкунен си). Нитиро дасиан кара сибэрия кансё сэнсо мадэ (Русско-японские и советско-японские отношения (200-летняя история). От начала японо-русской торговли до интервенции в Сибирь). Токио, 1983.
335. *Сэйдзабуро Синобу*. Гендай нихон гайко-си (История современной японской дипломатии). Токио, 1941.
336. *Табохаси Киёси*. Киндай Нихон гайкоку канкэй-си (История внешних сношений Японии в новое время). Токио, 1943.
337. *Такэкоси Есабуро*. Нихон кэйдзай-си (Экономическая история Японии). Т. 1—12. Токио, 1934.
- 337а. *Таясу К.* Становление связей Японии и Китая в новое время.— Сигаку дзасси. Сер. XLIV. 1933, № 2, 3.
338. *Токутоми Иитиро*. Кинсэй Нихон кокумин-си (История японского народа в новое время). Т. 22—50. Токио, 1926—1936.
339. *Тома Сэйта*, *Мацумото Симпатиро*, *Хаяси Мото*. Нихон рэкиси гайсэцу (Общий обзор истории Японии). Токио, 1954.
- 339а. *Умибука*. Кайкоку тайсэй-си (История открытия страны).— Полное собрание сочинений. Т. 2. Токио, 1950.

340. *Фудзимото Хидэо*. Нихондзин-но синряку то айнуно кайхо ундо (Агрессия японцев и освободительное движение айну). Токио, 1972.
341. *Хани Горо*. Бакумацу-ни окэру сьякай кэйдзай дзэтай, кайкю канкэй оёби кайкю тосо (Социально-экономическое положение, классовые отношения и классовая борьба в период Бакумацу). Ч. 1—2. Токио, 1932—1933.
342. *Харима Нараёси*. Рогоку-ни окэру нихонго гакко-но энкаку (История школы японского языка в России).— Сигаку дзасси. Т. 33. 1922, № 10.
343. *Хаттори Сисо*. Кисэн-га Тайхэй-о одан-суру мада (До появления пароходов на Тихом океане).— Тью корон. 1931, № 11.
344. *Хаттори Сисо*. Бакумацу-ни окэру сэкай дзэсэй оёби гайко дзидзэ (Международное положение и дипломатическая обстановка в период Бакумацу). Токио, 1932.
345. *Хаяси Сихэй*. Кайкоку хэйдан (Военные беседы для морской страны). Серия «Иваками бунка». Токио, 1939.
346. *Хираока Масахидэ*. Исин дзэнго-но нихон-то росиа (Беседы по истории японо-русских отношений). Токио, 1944.
347. *Хондзэ Эйджиро*. Нихон сьякай кэйдзай-си (Социально-экономическая история Японии). Токио, 1937.
348. *Хондзэ Эйджиро*. Хонда Тосиаки-сю (Записки Хонда Тосиаки). Сер. «Кинсэй сьякай кэйдзай гакусэцу Тайкэй». Токио, 1935.
- 348а. *Хора Томио*. Мамия Риндзо. Токио, 1960.
349. *Цудзи Дзэнносукэ*. Райко-си тайё (Очерки по истории внешних сношений). Токио, 1942.
350. *Ясиро Кунихару, Хаякава Дзюнсабуро, Инобэ Сигэо*. Кокуси дайджитэн (Японская историческая энциклопедия). Токио, 1936.
351. *Adler S. A Biography of J. Shiff*. Т. 1. L., 1929.
352. *Akagi R. H. Japan's Foreign Relations. 1932—1936. A short History*. Токио, 1936.
353. *Akio W. Japanese Public Opinion and Foreign Affairs, 1964—1973.— The Foreign Policy of Modern Japan*. Tokyo, 1977.
354. *Amidin W. The Issue of Sakhalin in Russo-Japanese Relations. Five Studies in Japanese Politics*. Michigan, 1957.
355. *Aston W. G. Russian Descents in Saghalen and Itorup in the Years 1806 and 1807.— Transactinos of the Asiatic Society of Japan*. Т. 1. Tokyo, 1872.
356. *Beale H. Theodor Roosevelt and the Rise of America to World Power*. Baltimore, 1956.
357. *Beasley W. G. The Basis of Japanese Foreign Policy in XIX Century*. L., 1955.
358. *Bland I. Recent Events and Present Politics in China*. Philadelphia — London, 1912.
359. *Borton H. Peasant Uprisings in Japan of the Tokugawa Period*. Leiden, 1936.
360. *Brown D. M. Nationalism in Japan. An Introductory Historical Analysis*. Berkeley — Los Angeles, 1955.
361. *Clyde P. H. The Far East. A History of the Impact the West on Eastern Asia*. N. Y., 1948.
362. *Dalles F. The Imperial Years*. N. Y., 1956.
363. *Dallin D. The Rise of Russia in Asia*. New Haven, 1949.
364. *Dennet T. Americans in Eastern Asia. A Critical Study of the Policy of the United States with Reference to China, Japan and Korea in the 19th century*. N. Y., 1941.
365. *Dennett T. Th. Roosevelt and the Russo-Japanese War*. N. Y., 1925.
366. *Dennis A. L. Adventures in American Diplomacy. 1896—1906*. N. Y., 1928.
367. *Dulles F. R. America in the Pacific*. Boston, 1938.
- 367а. *Dulles F. R. The Imperial Years*. N. Y., 1956.
368. *Golder F. A. Russian Expansion on the Pacific, 1641—1850*. Cleveland, 1904.
369. *Griswold A. The Far Eastern Policy of the United States*. N. Y., 1936.
370. *Hall J. W. Tanuma Okitsugu, 1719—1788. Forerunner of Modern Japan*. Cambr., 1955.
371. *Hamada K. Prince Ito*. Tokyo, 1936.
372. *Harrison J. A. Japan's Northern Frontier. A Preliminary Study in Colo-*

- nization and Expansion with Special Reference to the Relations of Japan and Russia. Gainesville, 1953.
373. *Hershby S.* International Law and Diplomacy of the Russo-Japanese War. N. Y., 1906.
374. *Hishida S.* Japan among the Great Powers. A Survey of the International Relations. N. Y., 1940.
375. *Hodgson C. P.* A Residence at Nagasaki and Hakodate in 1859—1860. L., 1861.
376. *Honjo E.* A Social and Economic History of Japan. Kyoto, 1935.
377. *Jansen M. B.* Sakamoto Ryoma and the Meiji Restoration. Princeton, 1961.
378. *Jones F. C.* Exteriority in Japan and the Diplomatic Relations Resulting in its Abolition (1853—1899). New Haven—London, 1931.
379. *Jones F. S.* Hokkaido. [B. m.], 1958.
380. *Kajima M.* A Brief Diplomatic History of Modern Japan. Rutland—Vermont.—Tokyo, 1965.
381. *Kennan G. E.* H. Harriman. A Biography. T. 1—2. Boston—New York, 1922.
382. *Kim Y.* Japanese-Soviet Relations. Interaction of Politics, Economics and National Security. Wash., 1974.
383. *Krupinski K.* Russland und Japan. Ihre Beziehungen bis zum Frieden von Portsmonth. Königsberg—Berlin, 1940.
384. *Kuno Y. S.* Japanese Expansion on the Asiatic continent. A Study in the History of Japan with Special Reference to her International Relations with China, Korea, and Russia. T. 1—2. Columbia, 1939.
385. *Lattemore K.* Solution in Asia. Boston, 1945.
- 385a. *Leipin W.* The Cosmopolitan Railway. N. Y., 1890.
386. *Lensen G. A.* Early Russian-Japanese Relations.—Far Eastern quarterly. Vol. 10. 1950, № 1.
387. *Lensen G. A.* Report from Hokkaido: The Remains of Russian Culture in Northern Japan. Hakodate, 1954.
388. *Lensen G. A.* Russia's Japan Expedition 1852—1855. Gainesville, 1955.
389. *Lensen G. A.* The Russian Push Towards Japan: Russo-Japanese Relations 1697—1875. Princeton, 1959.
390. *McLaren W. W.* A Political History of Japan during the Meiji Era (1867—1921). L.—N. Y., 1916.
391. *Murdoch J.* A History of Japan. T. 3. L., 1926.
392. *Nitobe Inazo.* The Intercourse between the United States and Japan. Baltimore, 1891.
393. *Norman E. H.* Japan's Emergence as a Modern State. Political and Economic Problems of the Meiji Period. N. Y., 1940.
394. *Ogawa Gotaro.* Expenditures of the Russo-Japanese War. N. Y., 1923.
395. *Pan Shu Lun.* Trade of U. S. with China. N. Y., 1924.
396. *Paske-Smith M.* Western Barbarians in Japan and Formosa in Tokugawa Days 1603—1868. Kobe, 1930.
397. *Pringle T.* Theodore Roosevelt. A Biography. N. Y., 1931.
398. *Ramming M.* Reisen Schiffbrüchiger Japaner in XVIII Jahrhundert. Berlin, 1931.
399. *Ramming M.* Russland-Berichte Schiffbrüchiger Japaner. Berlin, 1930.
400. *Sansom G. W.* Japan in World History. N. Y., 1951.
- 400a. *Sen Katayama.* The Labour Movement in Japan. N. Y., 1918.
401. *Shozan Y.* Kinse Shiriaku. A History of Japan from the First Visit of Commodore Perry in 1853 to the Capture of Hakodate by the Mikado's Forces in 1869. Yokohama, 1873.
402. Statesman's Year Book. Vol. 46. L., 1909.
- 402a. *Stephan J.* Sakhalin. A History. Oxf., 1971.
403. *Stephan J.* The Kuril Islands. Oxf., 1974.
404. *Storry R.* The Double Patriots. A Study of Japanese Nationalism. L., 1957.
405. *Storry R.* A History of Modern Japan. L., 1963.
406. *Suton J. L.* Territorial Claims of Russia and Japan in the Kurile Islands.—Center for Japanese Studies. Occasional Papers. 1957, № 7.
407. *Takeuchi T.* War and Diplomacy in the Japanese Empire. L., 1935.

- 407a. *Takeuchi T.* War and Diplomatic Relations between the U. S. and Japan. California, 1938.
408. *Tamura Kosaku.* Japan's Foreign Relations.— Contemporary Japan. 1945, № 1—3.
409. *Thorson W.* American Public Opinion and the Portsmouth Peace Conference.— The American Historical Review. Vol. 53. 1948, № 3.
410. *Tokutomi I.* Japanese-American Relations. N. Y., 1922.
411. *Treat P. J.* Diplomatic Relations between the United States and Japan, 1853—1895. Palo-Alto, 1932.
412. *Treat P. J.* Diplomatic Relations between the US and Japan. California, 1938.
413. *Treat P. J.* Japan and the United States. 1853—1921. Boston — New-York, 1921.
- 413a. The Twenty Eight Financial and Economic. Annual of Japan. Tokyo, 1928.
414. *Vinacke H. M.* A History of the Far East in Modern Times. N. Y., 1937.
415. *Yamada S.* Legal Status of Aliens in Japan. Tokyo, 1931.
- 415a. *Zabriskie E.* American-Russian Rivalry in the Far East 1885—1914. Philadelphia, 1946.
416. *Zischka A.* Japan in der Welt. Die Japanische Expansion seit 1854. Leipzig, 1936.

Периодические издания

417. Биржевые ведомости. 1904—1905.
418. Былое. 1918, № 1, 2, 9.
419. Вестник Европы. 1872—1905.
420. Вестник Маньчжурии. 1925—1927.
- 420a. Вопросы истории. 1963, № 8.
421. Вперед. 1905.
- 421a. Голос. 1875, № 18.
422. Дальний Восток. 1906—1917.
423. Земщина. 1709—1910.
- 423a. Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1951, т. 8, № 2; 1952, т. 9, № 2.
424. Известия Восточного института. Современная летопись Дальнего Востока. Т. 1—11. Владивосток, 1901—1905.
425. Известия Русского географического общества. 1886—1905.
426. Искра. 1904—1905.
427. Морской сборник. 1852—1870.
428. Московские ведомости. 1904—1905.
429. Московский еженедельник. 1909.
430. Новое время. 1904—1910.
431. Новости. 1904—1905.
432. Освобождение. 1904—1905.
433. Правительственный вестник. 1890—1905.
434. Приамурские ведомости. 1916.
435. Проблемы Дальнего Востока. 1972—1985.
- 435a. Пролетарий. 1905.
436. Разведчик. 1905, № 820.
437. Речь 1910—1911.
- 437a. Русские ведомости. 1905, № 133.
438. Русский вестник. 1901—1905.
439. Русское слово. 1909—1910.
440. Северный архив. 1826.
441. Советское востоковедение 1955—1971.
442. Торгово-промышленная газета. 1904—1905.
443. Утро России. 1904—1911.
444. Харбинский вестник. 1909—1917.
445. Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1927, № 9.
446. Гайко дзихо. 1904—1905.

447. Дзи-дзи симпо. 1901—1910.
448. Иомиури. 1890—1917.
449. Кокумин. 1894, 1904—1910.
450. Майнити симбун. 1900—1917.
451. Рэкиси хёрон. 1952.
452. Токио асахи. 1901—1914.
453. Тюо корон. 1910—1917.
- 453а. The Chinese Social and Political Science Review. 1933.
- 453б. Contemporary Japan. Tokyo, 1943, № 5.
454. The Economist. 1904—1905.
455. The Japan Advertiser. 1910, 1917.
456. The Japan Times. 1910—1917.
- 456а. The Journal of the Asiatic Society of Japan. 1917, vol. 45, pt 1.
457. Manchuria. News. 1904—1916.
458. The Times. 1905—1910.
459. Vorwärts. 1904—1905.
460. The Washington Post. 1906, 1908, 1910.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адати 339
 Акаги Рой 241, 280
 Александр I 48, 77—81, 84, 91
 Александр II 127, 139, 141, 150, 152—
 154, 163, 167, 170, 184
 Алексеев Е. И. 234, 235, 356
 Алексей Александрович, великий князь
 223
 Алексей Михайлович, русский царь 34
 Анвилль'д 32
 Андреев Л. Н. 324, 327
 Андро Цусима-но-ками 148
 Анна Иоанновна 38, 57, 58, 60
 Антипин И. 15, 40, 41, 351
 Анучин Д. К. 26
 Анциферов Даниил 35, 36
 Аоки 206, 356
 Арига Нагао 185
 Арцыбашев М. П. 324—325
 Атласов Владимир 7, 34, 35, 55

 Бакунин М. 353
 Барк П. Л. 340, 359
 Бахметьев Ю. П. 281—285, 292, 295
 Беверидж У. К. 233
 Безбородко А. А. 42, 61, 64
 Безобразов А. М. 234
 Белинский В. Г. 215
 Белькур де Шанье 141
 Беневский М. А. 66—68, 352, 353
 Бенкендорф А. X. 322, 336
 Бергман Э. 356
 Березин 105
 Березкин 107
 Беринг В. И. 7, 36, 38, 41, 50, 58, 59
 Бинэм Д. А. 178
 Бирилев Н. А. 144, 145
 Бисмарк О. 180
 Блэкстоун 169
 Богданов Андрей 55, 57
 Бодиско 157
 Бомпар 274
 Бошняк Н. К. 52, 105
 Брандт 366
 Браун Н. С. 111
 Брок П. Ф. 109
 Брутон В. Р. 50, 85, 95, 98, 103, 351,
 354

 Брюс Я. В. 55, 56
 Бунин И. А. 324
 Буссе Н. В. 105, 107, 108
 Бухгольц Л. А. 163
 Бьюкенен А. 170, 171
 Бюлов Б. 366
 Бюцов Е. К. 153, 154, 163, 164, 170,
 172, 175—178

 Вада Тоснаки 25, 46
 Вальтон В. 39, 50, 58
 Вандерлип В. Б. 262
 Ванкувер Дж. 98
 Ванновский П. С. 221, 226
 Вардучин И. 86
 Ватанабэ Акио 25, 46
 Вебер К. И. 212, 228
 Венюков М. И. 19, 26, 147
 Вестман В. И. 183
 Вильгельм II 240, 244, 249, 310
 Витгефт В. К. 237
 Витсон Н. 34
 Витте, де 153
 Витте С. Ю. 20, 194, 225, 229, 234,
 249—256, 258, 259—272, 289, 292,
 296, 297, 357
 Владимир Александрович, великий
 князь 245
 Воейков А. И. 23
 Воровский В. В. 275
 Воронин А. И. 105
 Воронцов А. Р. 42, 43
 Брангель Ф. П. 103
 Бронченко Ф. П. 95, 102

 Гаврилов 103
 Гагарин М. П. 56, 57
 Галилей 52
 Гардебол 38
 Гардинг 289
 Гарднер 163
 Гарриман Е. X. 257
 Гаррис Т. 132, 149
 Гаршин В. М. 324
 Гвоздев Михаил 38
 Генс Я. Я. 38
 Георгий Михайлович, великий князь
 339

- Герцен А. И. 20, 214, 353
 Гилл 102
 Гирс Н. Қ. 191, 219, 220, 222
 Глен П. 138, 142
 Гмелин И. Г. 59, 60
 Гогенцоллерны 244
 Гоголь Н. В. 214, 324
 Голиков И. И. 42, 43, 64, 76
 Головин Ф. А. 32, 33
 Головнин В. М. 19, 21, 91, 92, 93
 Гоман И. Б. 37
 Гонза (Поморцев Демьян) 57
 Гончаров И. А. 20, 214, 215, 324
 Горемыкин И. Л. 338
 Горчаков А. М. 131, 135, 137, 139, 140, 149, 150, 162, 167, 168, 172, 183
 Горький М. 324, 327
 Гото Симпэй 23, 270, 295, 316—319, 339, 359
 Гошкевич И. А. 15, 128, 129, 139, 145, 151—153, 213
 Грант Уллис 171
 Грей Н. 214
 Грей Э. 294, 322, 335
 Гримм Ф. М. 72, 353
 Гродеков Н. И. 288
 Гуансой 217—218
 Губастов 303
 Гэннан 66
- Давыдов А. П. 190
 Давыдов Г. И. 19, 47, 51, 85, 86, 88, 89, 192
 Девидсон 250
 Дежнев Семен 7
 Делиль Н. Д. 38
 Делькассе Т. 241, 335
 Денисон 170
 Деннет Т. 248
 Державин Г. Р. 45
 Дешанель П. 322
 Дизраэли 181
 Диксон 351
 Диллон 321
 Добров А. Ф. 27
 Добролюбов Н. А. 20, 215
 Достоевский Ф. М. 213—215, 324, 327, 328
 Дэнбэй 55, 352
- Еврениов Иван 37, 38
 Ежов С. 41
 Екатерина I 38
 Екатерина II 41—44, 61, 64, 65, 72, 75, 76, 353
 Елизавета Петровна 60, 61
 Елкин 126
 Ельчин Я. А. 57
 Ендагуров 162, 163,
 Ермак 7
- Есано Акико 237
 Екояма Мацусабуру 128
 Ёсида Сёин 22, 196, 197
- Жорес Ж. 178
- Забриски 358
 Засулич М. И. 236
 Звездочетов 45
 Зеленский 128
 Зелигман 250
 Зинбольд Ф. Ф. 21, 112, 161, 353, 354
- Ивакура Томоми 22, 173, 202, 204, 205
 Иван см. Козыревский Игнатий
 Ивасэ Игано-но-ками 130
 Ивасэ Хиго-но-ками 133
 Игнатъев Н. П. 150, 151
 Идес Избрант 34
 Извольский А. П. 282—284, 291—293, 297, 298, 301, 302, 304, 308, 314, 315, 317, 319, 320, 330, 339
 Ии Наосукэ 148
 Ии Нэосукэ Камон-но-ками 121
 Икэмура 213
 Иноуэ Сэй 206
 Иноуэ Тацуносукэ 23, 69
 Иноуэ Ясуси 21, 64, 282, 295, 318, 319
 Исии Кикудзиро 23, 337—339
 Исикава Суруга-но-ками 154
 Исикава Такубоку 356
 Исокити 70
 Итикава 129
 Ито Хиробуми 22, 23, 179, 196, 197, 204, 226, 231, 241, 270, 281, 282, 316, 318
 И Шань 354
 Изнага Сабуро 25, 28
- Кавадзи Сазмон-но-дзё 22, 116, 117, 120, 122, 124
 Казакевич П. В. 143, 151, 152
 Камбон П. 290, 291
 Канин 342
 Кан Си 32
 Канэко 240, 257, 264
 Капнист В. В. 224
 Карандашев 126
 Касаткин И. Д. (Николай) 128, 213, 214
 Кассини А. П. 218, 219, 240
 Катаяма Сэн 12, 198, 242, 273, 274, 305, 356
 Като Кэндо Киотоси 65
 Като Такааки 335
 Кацурагава 72
 Кацу Рэнтаро 147
 Кацура Таро 23, 200, 231, 241, 248, 249, 259, 269, 274, 280, 304, 305, 322, 323—325, 332, 333

- Кашен де М. 184
 Кебер Р. 214
 Келлер 52
 Керн 169
 Кёгоку Ното-но-ками 150
 Кидо Такаёси 179, 197, 204
 Кидзу Кокити 128
 Киедзава Киёси 178, 267, 357
 Кисабээ 58
 Киселев П. Н. 78
 Кобелев Тимофей 35
 Кодама 280, 282
 Кодаю Дайкокуя 64, 70, 72
 Кодзимото Хёгоро 92
 Коё Одзаки 216
 Козаков 339, 341
 Козыревский Игнатий (Иван) 35—38, 56
 Коё Одзаки 216
 Коидэ Ямато-но-ками 154
 Коковцев В. Н. 262, 267, 284, 297, 308, 316, 319, 330, 332
 Колесов В. 35, 36, 56
 Колокольцев 126
 Колотыгин см. Синдзо Н. П.
 Кокура Ютаро 228, 240, 241, 244, 251, 252, 254, 259, 261—263, 265—270, 292, 320, 357
 Комэй 114, 164
 Кондратенко Р. И. 235, 237, 238
 Кониси Масутаро 216
 Коноэ 295
 Конрад Н. И. 28, 325
 Константин Николаевич, великий князь 109, 144, 161
 Константинов В. М. 21, 28
 Корияма Ёсимицу 25, 46
 Короленко В. Г. 324, 327
 Коростовец 267
 Корсаков М. С. 142, 153, 167
 Корф 189
 Косуноскэ 333
 Котоку Дэндзиро (Котоку Сюсуй) 198, 243, 305, 325
 Краббе Н. К. 144, 162, 167—169
 Краснов А. Н. 26
 Крашенинников С. П. 19, 50, 59
 Криницын П. К. 60
 Кроун А. Е. 170
 Крузенштерн И. Ф. 21, 47, 51, 52, 77—80, 85, 86, 95, 96, 101, 103, 109, 351, 353
 Крупенский П. Н. 344
 Крупп 308
 Крюйс К.
 Кудо Хэйскэ 67, 74, 75
 Кузнец Онуфрий 49, 50
 Кук 351
 Кум эбо 205
 Кун 257
 Куникада Доппо 215
 Куно Ёси 23, 51
 Куприн А. И. 324, 327
 Курино 227, 302
 Курода, генерал 211
 Курода, князь 81
 Курода Киётака 173, 174
 Куроки 236
 Куропаткин А. Н. 234, 236—239
 Кутаков Л. Н. 28, 368
 Лавров П. Л. 215
 Лазарев М. П. 354
 Лаксман Адам 21, 65, 66, 69—72, 77, 81, 83, 346, 352
 Лаксман Кирилл 64, 65
 Ламаев 35
 Ламздорф В. Н. 234, 245, 251, 261, 263, 267, 277, 357
 Лаперуз М. Ф. 21, 50, 85, 95, 103, 351
 Лаптев Дмитрий 59
 Лаптев Харитон 59
 Леб 257
 Левашов М. Д. 60
 Леман 128
 Ленин В. И. 10, 13, 14, 166, 186, 193, 196, 235, 238, 244, 264, 271, 279, 341, 349
 Ленсдаун 290
 Ленсен Д. А. 25, 87
 Лепехин И. И. 60
 Лессовский С. С. 125
 Лжедмитрий 352
 Лиденберг 97, 98
 Линевиц Н. П. 239, 253
 Линкольн А. 149
 Лисянский Ю. Ф. 78
 Лихачев И. Ф. 106, 144, 145
 Ли Хунчжан 204, 217—219, 229
 Лобанов-Ростовский А. Б. 224—226, 228
 Ломоносов М. В. 43
 Лонг, де Ч. Е. 171, 172, 355
 Лопатин Г. А. 215
 Лужин Фёдор 37
 Лютш Я. Я. 334
 Макаров С. О. 26, 227, 235, 236, 357
 Макдональд 259, 320
 Макино Томитаро 128
 Максимович К. И. 26, 128
 Малевский-Малевич Н. А. 15, 288, 299, 305, 311, 313, 316, 318, 319, 324, 330, 332, 333, 335, 337, 338, 358
 Малыгин С. Г. 59
 Мамия Риндзо 21, 89, 92, 353
 Маркс К. 12, 243
 Мартенс Ф. Ф. 252
 Маруяма Сакура 184
 Маруяма Танимото 169, 173
 Матвеев А. А. 128
 Махов 128

- Мацуда Дэндзиро 89
 Мацудайра Ивами-но-ками 150
 Мацудайра Саданобу 46, 67—69, 74, 81
 Мацуй Сумако 326
 Мацумото 206
 Мацунага Тёкэн 33, 45
 Мейер 244, 245, 265—268
 Меншиков А. С. 96, 102, 104, 109
 Мерес 351, 352
 Мечников И. И. 214
 Мечников Л. И. 214
 Мёллендорф П. 191
 Мидзогуги Ясагуро 145
 Мидзуно Тикую-но-ками 130
 Миллер Г. 50
 Миллер Ф. И. 59
 Милоков 344
 Мин 228
 Миницкий М. И. 92
 Миних 43
 Мицуи 163, 319
 Могами Токунай 20, 21, 46, 47, 50
 Монблан 171
 Монро 98
 Мордвинов Н. С.
 Мори А. 160, 161
 Мори Сёбэн 172
 Морозко Лука 34
 Москвитин Иван 49
 Мотоно Итиро 288, 290, 292, 296, 298, 302, 313, 316—320, 333, 337, 339, 340, 343
 Муравьев М. 353
 Муравьев Н. Н. 19, 102—104, 107, 109, 120, 123, 131, 137, 139—142, 347, 353, 354
 Мурагами Авадзи-но-ками 145, 151, 153
 Мурата Хёдзаэмон 69
 Мусин-Пушкин А. И. 126
 Мусянокодзи Санэцу 326
 Муцу Мунэмицу 22, 201, 206, 207, 217—219, 221, 223, 224, 228
 Муцухито (Мэйдзи) 129, 164, 355, 357
 Мыльников Н. 76
 Мэйдзи см. Муцухито

 Наборы Сёку 327
 Набэсима 81
 Набэсима Наомада 184
 Нагаи Гэмба-но-ками 133
 Нагацунэ Окабэ 129
 Нагиба Иван 49
 Надир шах 60
 Назимов 129
 Накагава Городзи 91
 Накадзава Ринсэн 216
 Накамура 126
 Накамура Дзэнтаро 24
 Накамура Синтаро 24

 Накаэ Тёмин 198
 Накаи Тикудзан 74
 Наполеон I 91, 260
 Наполеон III 163, 172
 Нарочницкий А. А. 23, 27
 Небогатов Н. И. 239
 Невельской Г. И. 51, 52, 86, 101, 103—105, 107, 109, 120, 123, 131, 346, 351, 354
 Нелидов А. И. 290, 291
 Нессельроде К. В. 94—96, 102, 103, 110—112, 117, 127, 139
 Нии Могоитиро 144
 Никанов И. 40
 Николай I 8, 95, 96, 101, 103, 104, 106, 110, 124, 139
 Николай II 209, 244, 245, 266, 267, 284, 302, 307, 310, 317, 343
 Николай см. Касаткин И. Д.
 Николай де Мело 352
 Никольсон А. 291, 320
 Нил Э. Д. 160
 Ниоки Наган 129
 Ниси Токудзиро 129, 224
 Новиков 93
 Ноги, генерал 238
 Нокс Ф. 314, 315, 318, 321
 Носов 138, 142
 Нумада Итиро 24, 50, 82, 178
 Нэдзу Масаси 25, 46

 Огара д' 72, 353
 Огарев Н. П. 214
 Огура Бунго-но-ками 145
 Озерецковский Н. Я. 60
 Окабэ Суруга-но-ками 144
 Окамото Кэнсукэ 168, 169, 173, 184
 Окамото Рюносукэ 45
 Оконешников М. 40
 Окубо Госимити 22, 163, 179, 204, 205
 Окума Сигэнобу 85, 197, 201, 295, 313, 324, 337—339, 342
 Окура 333
 Оларовский А. Е. 173—175, 178
 О'Лахлин 264, 266
 Олифант 145
 Олькок Р. 141, 145, 149
 Омуро 81
 Орлов Д. И. 105, 107
 Осава Ситэцу Бунго-но-ками 114
 Остерман А. И. 61
 Остин 102
 Ота Сабуро 178
 Ота Хокобэй 69
 Отори 217
 Оффенберг 177
 Оэ Кэндзабуро 213
 Ояма 231

 Павел I 45, 64, 77
 Павлуцкий 38

- Пален П. А. 76
 Палицын Ф. Ф. 293
 Паллас П. С. 60
 Гальмер А. Х. 156
 Панин В. Н. 102
 Панин Н. И. 61
 Паркс Г. 161, 169—171, 203
 Парфентьев 105
 Перовский Л. А. 102, 104
 Перри М. К. 112, 113, 115, 118, 124, 157, 354
 Пестель И. Б. 91, 94
 Петр I 6, 7, 29, 30, 34, 35, 37, 55, 57, 60, 61, 348
 Петр III 61
 Пиль И. А. 44, 64, 65, 70, 71
 Пирс 265
 Писарев Г. 38
 Плансон Г. А. 259, 281
 Плеве В. К. 234
 Плеханов Г. В. 14, 214
 Позвейн 105
 Позднев Д. А. 17, 368
 Покотилов Д. Д. 252, 296
 Поляков С. 50
 Поморцев Демьян см. Гонза
 Попов С. И. 184
 Портлок 351
 Посьет К. Н. 125, 127, 138, 354
 Потемкин Г. А. 61
 Поярков Василий 7, 49, 50
 Прайн Р. 143, 159
 Прерадович, де 167, 168, 170
 Причин 49
 Протодьяконов П. 40
 Путилов Н. И. 262
 Пулятин Е. В. 22, 26, 95, 96, 101, 108—112, 114—122, 125, 126, 128, 130, 133, 138, 346, 347, 354
 Пушкин А. С. 324
 Пушин Федор 49

 Радищев А. Н. 45
 Райс 143
 Ратцель Ф. 199
 Редигер А. Ф. 297
 Резанов Н. П. 19, 47, 72, 76—87, 89, 90, 92, 346, 353
 Ремезов С. У. 34, 37, 50
 Рикорд П. И. 91—93, 96, 101, 109
 Римский-Корсаков В. А. 105
 Рингольд 118, 119, 157, 354
 Ричардсон 160
 Рождественский З. П. 239, 244
 Розен Р. Р. 251, 265, 268, 322
 Розенберг Н. Я. 97
 Рокхилл 314
 Романовы 244
 Ртищев А. И. 50
 Рувье 249, 290

 Рудановский Н. В. 105, 107, 108, 138, 151
 Рузвельт Теодор 233, 240, 241, 244, 245, 248, 250, 251, 257, 264—266, 268, 269, 293, 294, 357
 Румянцев Н. П. 77—79, 84, 90

 Савостьянов В. 35, 56
 Сада Хаттори Бинго-но-ками 92
 Сазонов С. Д. 305, 330—332, 335—340, 343
 Сайго Такамори 163, 166, 173, 355, 356
 Сайондзи Киммоти 280, 282, 292, 302, 303, 323
 Сакаи Укэноскэ 140
 Самарин Ю. Ф. 105
 Самойлов В. А. 281, 306
 Сандзэ Санэтоми 173
 Сарычев Г. А. 77
 Сато Наотакэ 251
 Сахаров 244, 274
 Свиньин 97
 Севастьянов Г. Н. 27
 Селиверстов Юрий 33
 Селифонтов И. В. 76
 Сенявин Л. Г. 102, 109
 Сёдзо Ф. С. (Ситников) 65
 Сиба Кокан 75, 82
 Сибудзава Киёси 257
 Сига Йосио 25, 46
 Симадзу Хисамицу 160, 161, 173
 Синдзо Н. П. (Колотыгин) 65
 Синобу Сэйдзабуро 135, 205, 248
 Ситано Рицудзан Хико сукэ 82
 Ситников см. Сёдзо Ф. С.
 Сколков 168
 Слюнин 314
 Сози (Шульц) 57
 Соймонов П. А. 43, 76
 Соймонов Ф. И., сибирский губерна-тор 39
 Соколов Н. П. 60
 Сологуб Ф. К. 325
 Сомов А. С. 305, 315
 Сорин Отото 53, 352
 Со Цусима-но-ками 144
 Соэдзима Танэоми 172, 176—178, 204
 Сэфарий Николай 32, 50, 351
 Спринг-Райс С. 240
 Средний 93, 94
 Стадухин Михаил 7, 33
 Стеклъ Э. 143, 149, 158, 161, 172
 Степняк-Кравчинский С. М. 215, 328
 Стессель А. М. 238
 Стирлинг Дж. 119, 121, 125
 Столыпин П. А. 301, 303, 307, 308
 Сторожев Н. 39
 Страленберг см. Табберт И. Ф.
 Стремоухов П. Н. 154, 164, 170, 181—183

- Струве Б. В. 179, 183
 Стэфан Д. 26, 47, 178
 Сугимори Кодзи 25
 Сугита Гэмпаку 82
 Судзуки Кумадзо 65
 Сун Цзы 68
 Сухомлинов В. А. 20, 308
 Суэмацу 295
 Сьюрд У. Г. 143, 149, 158, 161, 172, 176
- Табберт И. Ф. (Страленберг) 37
 Тагусагава Дэндзиро 66
 Такадая Кахэй 92
 Такахаси Кагэясу 353
 Такахаси Симпэй 92
 Такахира 240, 244
 Такэноути Симоцукэ-но-ками 150, 152
 Такэути Т. 373, 374
 Танабэ Ясудзо 65, 66
 Танума Окицуги 67
 Татибана Косай 128
 Тафт У. Х. 248, 249, 295
 Таясу К. 203
 Текэн Мацунага
 Тиба Канситиро 58
 Того Хэйхотиро
 Токугава 346
 Токугава Изэси 115
 Токугава Иэмицу 53, 54
 Токугава Иэмоти 160, 202
 Токугава Иэнари 83
 Токугава Иэясу 53, 352
 Токугава Хидэтоми 53
 Токутоми Иитиро 113, 123
 Токутоми Рока 215, 216, 325, 326
 Толстой Л. Н. 20, 213, 214, 216, 242, 243, 325, 326, 328
 Томидзу 247
 Томпсон 267
 Тояма Кинсиро 82
 Траурнихт Д. А. 56
 Трахтенберг 170, 174
 Трескин Н. И. 91—94
 Трэнч 4, 221
 Туголуков Е. 66
 Тургенев И. С. 214, 215
 Тэмэи 46
 Тэрадзима Мунэнори 172, 178, 179, 206
 Тэраути Масатакэ 230, 305, 308, 331, 358
 Тэраути Хисати 280, 282, 339
- Унтербергер П. Ф. 293, 301—303, 308, 338
 Утида Рёхэй 232
 Утида Роан 215, 328
 Утида Ясуя 343, 344
 У Ченцай 188
- Федоров Иван 38
 Филиппеус А. Ф. 174
 Фиш Г. 172
 Фриз де 21, 34
 Фудзимото Хидэо 25, 46
 Фтабатэй Хасэгава 214, 215
 Фукудзава Юкити 198
 Фуругельм И. Ф. 155, 167
 Фусими 240
- Хабаров Е. П. 49
 Хараяма Кодзо 89
 Хасимото Санай 196, 197
 Хаусхофер К. 199
 Хаяси Дайгаку-но-ками Дзюсай 82
 Хаяси Сихэй 68, 69, 73, 74
 Хаяси Тадасу 22, 239, 240, 282, 285, 302
 Хвостов В. М. 27
 Хвостов Н. А. 19, 47, 51, 85—90, 92, 105, 353
 Хида Бунго-но-ками 83
 Хиродзава Кёкүдзан 67
 Хитрово М. А. 15, 209, 210, 218, 219, 222, 224
 Хлебников 93
 Хонда Тосиаки 22, 73—75
 Хори Орибэ-но-сё 133
 Хоуп 145
 Христиани Н. В. 57
 Хэй Д. 322
 Хюскен 148
- Цзэн 356
 Цуда 209, 356
 Цуда Хансабуро 133
 Цуцуи 116, 117, 120, 122, 124
 Цыси 218
- Челюскин С. И. 59
 Черный Иван 39, 40
 Чернышев А. И. 109
 Чернышевский Н. Г. 20
 Чехов А. П. 185, 214, 324, 327
 Чикин Никита 39
 Чириков А. И. 42, 55, 59
 Чихачев Н. М. 105, 226
- Шабалин Дмитрий 15, 41, 351
 Шавров Н. 19
 Шароглазов В. 86
 Шевич Д. Е. 208, 209, 356
 Шелехов Г. И. 42—44, 60, 64, 76, 77, 351—353
 Шельтинг 50
 Шестаков Афанасий 38
 Шестаков Василий 38
 Шефферд 203
 Шитань 36
 Шифф Я. 250, 269
 Шмидт Ф. 138, 142

Шпанберг М. П. 7, 38, 39, 50, 58—60, 351
Шренк Л. И. 138, 142
Штакельберг 236
Штраус 250
Шульц см. Сози
Шуфельдт 188

Энгельс Ф. 12, 62
Эндо Тадзима-но-ками 140
Эномото Такэаки 129, 180—182, 295, 355

Это Симпэй 163, 173
Этолин 94

Ямагата Аритомо 23, 196, 201, 228, 231, 280, 282, 313
Ямада 196, 356
Ямамото Исироку 282, 324, 333
Янасивара 203
Янушкевич Н. Н. 335
Ярао Ивами-но-ками 130

CONTENTS

Introduction	5
Chapter 1. Russia and Japan in the 18th Century	29
Chapter 2. The Policy of Russia in the Far East. Attempts to Establish Contacts with Japan	63
Chapter 3. The Establishment of Relations Between Russia and Japan	109
Chapter 4. Struggle for Sakhalin	137
Chapter 5. The Beginning of Japan's Colonial Expansion and its Relations with Russia (the Late 19th Century)	186
Chapter 6. Russo-Japanese War of 1904—1905. The Portsmouth Peace Treaty	232
Chapter 7. Change in the Russo-Japanese Relations in 1906—1909	276
Chapter 8. From Confrontation to Rapprochement. The Russo-Japanese Accords of 1910	311
Conclusion	345

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Россия и Япония в XVIII в.	29
Глава 2. Политика России на Дальнем Востоке. Попытки налаживания контактов с Японией	63
Глава 3. Установление торговых и дипломатических отношений между Россией и Японией	109
Глава 4. Борьба вокруг Сахалина	137
Глава 5. Начало колониальной экспансии Японии и ее отношения с Россией	186
Глава 6. Русско-японская война 1904—1905 гг. Портсмутский мирный договор	232
Глава 7. Перестройка русско-японских отношений в 1906—1909 гг.	276
Глава 8. От конфронтации к сближению	311
Заключение	345
Примечания	351
Список использованной литературы	360
Указатель имен	376

Леонид Николаевич Кутаков

РОССИЯ И ЯПОНИЯ

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *И. А. Празаускаене*. Младший редактор *Н. Н. Сенина*. Художник *Л. С. Эрмач*.
Художественный редактор *Б. Л. Резников*. Технический редактор *З. С. Теплякова*.
Корректор *Е. В. Карюкина*

ИБ № 15848

Сдано в набор 13.10.87. Подписано к печати 02.02.88. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 24,0. Усл. кр.-отг. 24,0. Уч.-изд. л. 27,47. Тираж 3500 экз. Изд. № 6202. Зак. № 748. Цена 3 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы. 103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28